Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ГОУ ВПО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 2 (26) 2010

Хабаровск, 2010

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

State Educational Institution of Higher
Professional Education
«Far Eastern State Transportation
University»

THE HUMANITIES AND SOCIAL STUDIES IN THE FAR EAST

A research-theoretical journal
published since January 2004
issued quarterly

№ 2 (26) 2010

Khabarovsk, 2010

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К.И. Воробьева, Н.И. Дубинина, Л.П. Лазарева, Р.Л. Лившиц, Н.Е. Мерецкий, С.В. Пишун, З.Г. Прошина, Е.Н. Спасский (заместитель главного редактора), О.А. Любицкая (ответственный секретарь)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ларри Смит (США), Нобуюки Хонна (Япония), Чжан Байчун (Китай), Кальво-Мартинез Томас Мариано (Испания), Кэрол Джой Макрае (Австралия)

РЕДАКТОР ВЫПУСКА

З.Г. Прошина

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

А.С. Волков (web-мастер), Е.В. Листопадова (технический секретарь), Е.А. Яшкина (переводчик)

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ

Печатается по решению Совета ректоров вузов Дальневосточного Федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ №77-16283 от 29 августа 2003 г.
Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail:journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Y.M. Serdyukov

EDITORIAL BOARD

C.I. Vorobyova, N.I. Dubinina, L.P. Lazareva, R.L. Livshits, N.E. Meretsky,
S.V. Pishun, Z.G. Proshina, E.N. Spassky (deputy editor),
O.A. Lyubitskaya (executive secretary)

INTERNATIONAL EDITORS

Larry E. Smith (USA), Nobuyuki Honna (Japan), Zhang Baichun (China)
Calvo-Martinez Tomas Mariano (Spain), C. Joy McRae (Australia)

MANAGING EDITOR

Z.G. Proshina

EDITORIAL STAFF

A.S. Volkov (web-design), E.V. Listopadova (technical secretary),
E.A. Yashkina (translator)

Research-theoretical journal is published on the decision
of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions
in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 19, 2002

FOUNDER

State Educational Institution of Higher Professional Education
«Far Eastern State Transportation University»
47, office 3235, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Media Registration Certificate PE №77-16283 of August 29, 2003
Editorial office address: 47, office 262, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Phone/fax: (4212) 40-71-93
E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Прошина З.Г. Предисловие 10

СТАТЬИ

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

Ривлина А.А. О «реставрации» и «нивелировании» заимствований в процессе языковой интернационализации 11
Хильгендорф С.К. Английский язык в Германии: исторический контекст контакта 16
Борисова О.С. О проблеме включения иноязычного компонента в языковую парадигму: тематический принцип типологизации заимствований (на материале лексики русского и китайского языков конца XX – начала XXI в.) 23
Салимова Р.И. Этимологический анализ безэквивалентных лексических единиц, называющих реалии Севера и способы их перевода на английский язык (на примере верхней одежды и выделанных шкур) 29
Хрестолюбова Г.А. Стилевое различие русско-польских интеронимов 37
Устинова И.П. Языковые контакты в рекламном дискурсе 39
Федоров В.В. Содержательные особенности современной англо-американской публицистики 46
Аникеева Т.Ю. Диалог культур: поэзия Эмили Дикинсон в русскоязычном сегменте Интернета 50
Волощенко В.Г. Аксиологический аспект изучения японского фразеологического фонда с именами живой природы 57
Николаева О.В. Полинезийские мифологемы в новозеландской картине мира 62
Лебедько М.Г. Переход от этнических стереотипов к общей идентичности в мультикультурном контексте 68
Харитонова Е.В. Язык и культура в переводоведческом аспекте 75
Ткач Т.Г. Организация содержания этнически ориентированного корректировочного курса практической фонетики (на примере персоязычной аудитории) 80
Куц Л.Г. Культурно-языковые контакты в опыте интернационального воспитания школьников в отечественной педагогике (60–80-х гг. XX в.) 83

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В УГЛУБЛЕНИИ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ

Ли В.С. Корейский подход к преподаванию журналистики в мультимедийную эпоху: анализ программ и профессорско-преподавательского состава 87
Хамзин С.Н .История дипломатических отношений России и Республики Корея 101
Юн Ё.Ч. Южная Корея: демократические преобразования и журналистика 104
Бляхер Л.Е. Социальная ответственность журналиста в различных политических системах 113
Пён Д.-Х. Корейско-российские коммуникации и взаимоотношения 117
Агранат Ю.В., Иванова Л.В. Образ Кореи и корейцев в российских печатных и электронных изданиях 124

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Галиуллин Д.Л., Ярулин И.Ф. Формирование доверия как условие модернизации региона 128
Свидерская В.В. Демографическая политика в условиях наращивания экономического потенциала Дальневосточного региона в 60–80-е годы XX века 134
Гайкин В.А. Проект «Туманган» и геополитика Евразии..... 140
Хисамутдинова Н.В. Русские специалисты как основатели межкультурных коммуникаций России и Китая 143
Алехин Д.В. Особенности раскрытия и расследования хищений научных ценностей в условиях Дальнего Востока..... 147
Вересоцкая М.В. Избирательная система в Канаде и ее влияние на политический процесс в стране..... 153
Цыбульник А.А. Личностный авторитет преподавателя русского языка как фактор профессионализации иностранных студентов в российских вузах Дальнего Востока 161
Толмачева Е.В. Способы художественного познания действительности на уроках литературы в техническом лицее дальневосточного вуза 167
Тюрина Ю.А. Реформирование высшей школы России: по материалам социологических опросов в Санкт-Петербурге и Дальневосточном регионе 174

ЕСТЬ МНЕНИЕ

Лившиц Р.Л. Что нам нужно? Ответ Б.В. Григорьеву..... 180

Памяти профессора В.П. Дурина..... 185

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 186

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ..... 187

CONTENTS

Proshina Z . Editorial 10

ARTICLES

CULTURAL LINGUISTIC CONTACTS

Rivlina A.A. On "Restoration" and "Levelling" of Borrowings in the Process of Linguistic Internationalization 188
Hilgendorf S.K. English in Germany: The Historical Context of Contact 193
Borisova O.S. On Including Foreign Components in the Language Paradigm: a Thematic Principle of Loan Typology (Based on the Lexicon of Russian and Chinese Languages of the Late 20th – Early 21st Centuries) 199
Salimova R.I. Etymological Analysis of Non-Equivalent Lexical Units Naming Culture-Loaded Items of the North and Ways of Their Translation into the English Language (Based on the Names of Outer Garment and Tanned Hides)* 204
Khrestolyubova G.A. Style Distinction of Russian-Polish Interonyms 205
Ustinova I.P. Language Contacts in the Advertising Discourse 207
Fyodorov V.V. Modern Anglo-American Publicism and its Conceptual Features 214
Anikeeva T.Y. Dialogue between Two Cultures: Emily Dickinson's Poetry on the Russian Segment of the Internet 218
Voloshchenko V.G. Axioilogical Aspect of Studying the Japanese Phraseological Corpus with Animate Nature Names. 223
Nikolaeva O.V. Polinesian Mythological Images in the New Zealand Worldview 228
Lebedko M.G. Transition from Ethnic Stereotypes to Shared Identity in Multicultural Context 233
Kharitonova E.V. Language and Culture from Translation Theory Perspective 239
Tkach T.G. Content Organization of the Ethnically Oriented Practical Course of Russian Phonetics (for Persian-Speaking Students)* 244
Kuts L.G. Cultural Linguistic Contacts in the Experience of International Upbringing of Children in the Soviet Pedagogics of the 1960-1980s* 244

THE ROLE OF MASS MEDIA IN THE DEVELOPMENT OF RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KOREA

Lee W.S. Korean Journalism Education in Multi-Media Age: Analysis of Programs and Educators 245
Khamzin S.N. History of Diplomatic Relations Between Russia and Korea 257
Yoon Y. Democratic Transition and Issues in Journalism: the South Korea Case 260
Byun D.-H. Korea-Russia Communication and the Relationships 268
Agranat Y.V., Ivanova L.V. Image of Korea and Koreans in Russian Print and Internet-Editions 274

PROBLEMS OF THE FAR EAST

Galiullin D.L., Yarulin I.F. Formation of Trust as a Condition of Modernization of the Region* 278

Sviderskaya V.V. The Demographic Policy Under the Conditions of Increasing of Economic Potential of the Far East Region in 1960-1980s* 278

Gaikin V.A. Project «Tumangan» and the Geopolitics of Eurasia* 278

Alyokhin D.V. Features of Detection and Investigation of Scientific Values Stealage in the Far East* 279

Tsybulnic A.A. Personal Authority of a Teacher of Russian Language as a Factor of Professionalization of Foreign Students in Higher Schools of the Russian Far East* 279

Tolmachyova E.V. Means of Reality Cognition at the Lessons of Literature at the Technical Lyceum of the Far Eastern University* 279

Tyurina Y.A. The Reformation of the Higher School in Russia: on the Basis of the Public Opinion Poll Results Held in Saint-Petersburg and in the Russian Far East* 280

AUTHORS GUIDELINES 281

* Abstracts only.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Представляем Вашему вниманию специальный выпуск журнала, посвященный проблемам культурно-языковых контактов. Для нашей «бурлящей» сегодня действительности культурно-языковые контакты становятся базой для урегулирования проблем и достижения взаимопонимания. Поэтому их изучение носит весьма злободневный характер. Это исследование проводится с самых разных сторон. В настоящее время становится все труднее и труднее проводить различия между многими вопросами культурологии, лингвистики и литературоведения – междисциплинарность и симбиоз дисциплин гуманитарного цикла становятся более ощутимым явлением, настолько реальным, что все явственее понимаешь условность и, возможно, недостаточность традиционной научной номенклатуры, отражаемой в нумерации научных специальностей. Исследовать стык периферий разных дисциплин стало чрезвычайно интересно и плодотворно. Пересекаясь друг с другом, области стыковок позволяют посмотреть на уже известные явления под совершенно новым углом зрения и обнаружить в них то, чего раньше не замечали, и эти явления начинают играть в новом свете. Вот поэтому данный сборник включает статьи из разных областей: семантики, прагматики, концептологии, контактологии, коммуникативистики, поэтики, мифологии и даже методики преподавания. Все они объединены темой взаимодействия языков и культур.

На Дальнем Востоке России и в Сибири сложились замечательные школы исследования культурно-языковых контактов, подходящих к исследованию взаимодействия языков и культур с разных позиций: традиционно-лингвистических (семантических, стилистических), системно-функциональных, когнитивных, историко-этимологических, переводоведческих, литературных. Исследуются контакты русского, западно-европейских, азиатских языков, языков народов Севера. Часть этих исследований как раз и представлена в настоящем выпуске.

Тот факт, что работы отечественных ученых соседствуют в данном сборнике с работами зарубежных исследователей, демонстрирует актуальность данной тематики, ее значимость и глобальный к ней интерес.

Мы надеемся, что материалы этого выпуска журнала найдут заинтересованного читателя и будут стимулировать дальнейшие изыскания.

З. Прошина, д-р филол. наук, профессор,
зав. отделом «Филология»

EDITORIAL

Dear readers!

This new special issue brings the problems of cultural linguistic contacts to your attention. It is these contacts that have become the basis for solving problems and reaching mutual understanding in our rapidly changing reality. Therefore, research into the cultural and linguistic contacts is the burning issue of the day. This research is conducted from different points of view. Differentiating numerous issues in cultural studies, linguistics and philology is becoming more and more complicated. Interdisciplinary research and symbiosis of the humanities are becoming a more and more noticeable phenomenon which brings us to the understanding that traditional nomenclature consisting of numerous research fields is relative and possibly insufficient. Research on the periphery of different disciplines is immensely interesting and fruitful. Different research fields overlap and allow researchers to look at familiar phenomena from different angles and discover what they had not noticed before. Thus these phenomena are seen in the light of new approaches. This collection consists of pieces of research in different fields: semantics, pragmatics, conceptology, contact linguistics, communication studies, poetics, mythology and even methods of teaching. They are all united by the problem of the interaction of languages and cultures.

The Russian Far East and Siberia have remarkable scholars doing research into cultural and language contacts, who approach studies of the interaction between languages and cultures from different positions: traditional linguistic (semantic and stylistic), systemic and functional, cognitive, historical and etymological, translating, interpreting, and literary approaches. Researchers study contacts among the Russian language and the languages of Western Europe, and among the Russian language, Asian languages, and the languages of the Northern peoples. This research field is partly presented in the present collection.

The fact that this issue consists of the works by Russian and foreign researchers shows that this theme is of great importance and addressed globally.

We hope that the materials we offer will find interested readers and inspire further research.

Zoya Proshina,
Doctor of Philology, Professor,
Managing Editor of the issue

СТАТЬИ

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

О «РЕСТАВРАЦИИ» И «НИВЕЛИРОВАНИИ» ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПРОЦЕССЕ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ

А.А. Ривлина

Ривлина Александра Абрамовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка при факультете менеджмента Государственного университета – Высшая школа экономики (г. Москва).

Контактный адрес: rivlina@mail.ru

В статье описывается усиливающаяся в последние годы тенденция к восстановлению и расширению связей заимствований с исходными единицами языка-источника как в плане формы, так и особенно в плане значения. Давление глобального английского языка также порождает расширение значений интернационализмов до их англоязычных аналогов. Данные явления определяются в статье как «реставрация» и «нивелирование» заимствований и рассматриваются как особый, обусловленный процессами глобализации и интернационализации вид калькирования.

Ключевые слова: глобализация английского языка, интернационализация языков, заимствование, семантическое развитие, калькирование.

Естественная антиномия глобального и локального в языке, стремления к взаимопониманию с мировым сообществом и отражению собственной национально-культурной идентичности, конвергенции и дивергенции в процессе языковой глобализации и интернационализации принимает форму сосуществования двух разнонаправленных трендов или тенденций в развитии заимствований. Основная тенденция заключается в адаптации иноязычных заимствований, что предполагает фонетико-акцентуальные изменения, грамматическую перестройку, разнообразные семантические трансформации, включающие лингвокультурные трансформации, приводящие, как правило, к полному усвоению, ассимиляция заимствованного слова, в результате чего оно уже зачастую не воспринимается носителями языка как заимствованное. Однако активизация международных контактов, рост объема информационных потоков, глобализация английского языка и усиление билингвизма приводят к тому, что в последние годы в динамике иноязычных, преимущественно англоязычных заимствований в разных языках мира, в том числе в русском языке усиливается противоположная тенденция, а именно тенденция к восстановлению, расширению и усилению утраченных связей заимствования с исходным словом в языке-источнике или, если речь идет об интернациональной лексике, к ее сближению с иноязычными в основном англоязычными аналогами. Эту тенденцию можно определить как своего рода «реставрацию» и «нивелирование» заимствований (термины были заимствованы нами из работы В.В. Кабакчи о динамике развития ксенонимов, т. е. единиц инокультурной лексики [4].

Наиболее очевидна тенденция к реставрации в звуковом облике заимствований. Традиционно считается, что, чем дольше чужое слово живет в принимающем языке, тем более оно подчиняется заимствующей фонетической и акцентной системе, находя в ней аналоги, тогда как более поздние заимствования, которые еще не «обжились», соответствуют языку-источнику. Но сегодня исследователи-русисты отмечают, что в контексте усиливающихся международных контактов у носителей русского языка, наряду с тенденцией к русификации, стало возникать стремление произносить слова, особенно имена собственные, так, как они произносятся в языке-источнике. Столкновение разнонаправленных тенденций порой дает два разных варианта заимствованного слова: один – русифицированный и второй – как его называет Н.С. Валгина [2: с. 72], «сохранивший иноземное лицо», а точнее, как представляется, «восстановивший иноземное лицо»; например, *маркéтинг => мáркетинг, Вашингтóн => Вáшингтон, Флорúда => Флóрида, Давúд => Д'эвид (Кóперфилд), Вильям (Шекспир) => Уилл (Смит)* и др.

Глобализация и интернационализация проявляются и через аналогичные процессы в самом английском языке. Как отмечает В.В. Кабакчи, в современном английском языке наблюдается

процесс приближения написания и произношения ранее ассимилировавшихся ксенонимов к их оригинальному написанию и произношению, например, если обратиться к заимствованиям из русского языка: *copeck => kopek, ukase => ukaz, Sebastopol => Sevastopol, Archangel => Arkhangel'sk* [4: с. 170]. Этот процесс В.В. Кабакчи называет «ксенонимической реставрацией», отмечая, что, в первую очередь, ему подвержены имена собственные, так называемые «ономастические ксенонимы» [там же].

Как показывают наблюдения, тенденция к восстановлению и усилению связей с исходным языком в последние годы прослеживается не только в трансформациях внешнего облика ряда заимствованных слов, но и в динамике их семантического развития. Дело в том, что большая часть заимствований переходит в принимающий язык первоначально не во всей полноте лексико-семантических вариантов, а лишь в одном из значений. При этом заимствованное слово имплицитно содержит в своей смысловой структуре осознаваемые билингвами другие потенциальные лексико-семантические варианты по аналогии с семантической структурой исходной лексемы; они существуют в виде своеобразных семантических пустот, «ниш», «пустых клеток», которые в терминах теории лакунарности можно определить как «межъязыковые сегментные лакуны» (о теории лакунарности, в частности, о «внутриязыковых сегментных лакунах» [1: с. 123–125]). Закономерная лакунарность заимствований создает потенциальную возможность их семантического развития в сторону появления новых для принимающего языка, но существующих в исходном языке значений, другими словами, возможность заполнения такого рода лакун и «семантической реставрации» заимствований.

Примером семантической реставрации заимствования может служить эволюция слова *аутсайдер* в русском языке: будучи первоначально заимствованным в качестве спортивного термина («спортсмен, не имеющий шансов на успех в состязании; скаковая или беговая лошадь, не являющаяся фаворитом»), это слово постепенно расширило сферу своего применения, приблизившись к основному значению исходного английского слова, обусловленному его внутренней формой, *outsider* (*out* – вне, *side* – сторона) – посторонний; лицо или группа лиц, не принадлежащие данному обществу, кругу, партии; неспециалист, любитель; отстающий. Ср.:

Ты родилась и жила под счастливой звездой,
Я – аутсайдер, нищий изгой, жил всегда за чертой (группа «Крематорий», из песни «Аутсайдер»);

… бывший одноклассник был невзрачный, типичный аутсайдер, из тех, которых никто никогда не замечает, а молодой человек наоборот – был богато одет, лощён, представителен и очень хорошо выглядел (Далия Трускиновская, «Аутсайдеры»).

То, что данное значение заимствования *аутсайдер* является новым и пока еще сохраняет «привкус чужеязыкости» (по выражению Н.Б. Мечковской [5: с. 226]), подтверждает его активное метаязыковое комментирование говорящими, например:

слово «аутсайдер» можно перевести с английского как «посторонний», «вне данного круга». Этот термин начали применять в психологии для обозначения человека, который не может влиться в круг общения, оставаясь чужим среди своих. Считается, что статус аутсайдера создается в подростковом возрасте, когда тинэйджер не может найти понимания у окружающих («Молодежь Эстонии», 2003).

Усиливающееся воздействие английского языка испытывают не только собственно англоязычные заимствования, но и довольно обширная группа интернациональных слов, т. е. слов, заимствованных разными языками, включая английский и русский, из одного источника, чаще всего из классических языков, или последовательно друг из друга. Так, слова *идеология* и *философия* в русском языке сегодня значительно расширили сферу функционирования, приблизившись по объему значения к соответствующим этимологически родственным, или «когнативным» словам в английском языке. Традиционно, по мнению П. Палажченко, слова *philosophy* и *ideology* у англичан и американцев несут более широкие, прагматичные, «заземленные» коннотации в соответствии с особенностями англосаксонских философских традиций, тогда как для русскоязычного восприятия характерно более «возвышенное» их восприятие [6: с. 217]. Пособия по теории и практике перевода обычно предупреждают о необходимости лексической замены в контекстах типа *the philosophy of this project – философия данного проекта* или *the ideology of this project – идеология данного проекта*, предлагая в качестве варианта более «спокойный» перевод – *концепция данного проекта* [там же]. Однако анализ использования данных терминов в современном русскоязычном публицистическом дискурсе указывает на развитие аналогичных «приземленных», расширенно-переносных значений у данных слов и в русском языке. Ср.:

… в задачи совета входит в первую очередь выработка идеологии пенсионного обеспечения на новой основе («Независимая газета», пример, из [2: с. 85]);

свердловские школьники на занятиях по биологии следят, как меняется философия питания… (новости НТВ, 2007); или, встретившиеся на различных сайтах сети Интернет выражения *философия дизайна, философия пятизвездочного уровня жизни, идеология интернет-сайта (принцип построения сайта), идеология ведения бизнеса* и т. п.

Очевидное сближение с англоязычным аналогом демонстрирует семантическое развитие глагола *артикулировать*, который до недавнего времени использовался в русском языке преимущественно в языкознании, где *артикуляция* понимается как «работа органов речи для произнесения звука». В английском языке глагол *to articulate*, помимо собственно лингвистических контекстов, широко используется в обычной речи в значении «ясно выражать(ся), последовательно и внятно формулировать, излагать мысли», например: *to articulate one's anger (grievances, distress)* – «излить свой гнев (недовольство) в словах». Именно это новое для него значение демонстрирует русский глагол *артикулировать* в следующих примерах, ср.:

… мы стали более внятно артикулировать наши внешнеполитические интересы; … когда мы артикулируем свои национальные интересы, это вызывает странную реакцию, вплоть до обвинения России в имперских амбициях (из выступления министра обороны России С. Иванова, 2008);

Молодые люди не всегда умеют четко артикулировать свои желания… («Джой», 2006); и т. п.

Налицо постепенная детерминологизация глагола и расширение его семантики в направлении заполнения сегментной лакуны, выявляемой в дихотомии английского *to articulate* и русского *артикулировать*.

Схожие наблюдения по поводу когнативных слов приводит в своей статье В.В. Кабакчи. Он пишет: «… "гуманитарными" вплоть до последней четверти прошлого века в русском языке могли быть только академические предметы, а сейчас говорят о "гуманитарной помощи"». Шовинизм был синонимом слова национализм, а теперь русские последовательницы американских феминисток говорят о «мужском шовинизме» (дискриминация женщин по половому признаку; впрочем, теперь – по «гендерному признаку»)» [4: с. 171]. В.В. Кабакчи определяет данное лингвистическое явление как «семантическое нивелирование» полионимов-когнатов и обращает особое внимание на то, что в русском языке многие когнативные лексемы, которые раньше являлись ксенонимами, т. е. обозначали инокультурные реалии, перестают быть таковыми: «… вместо идионима «техникум» стали употреблять англицизм «колледж» (хотя ранее в русском языке уже был ксеноним «коллеж»). Во главе города теперь стоит «мэр» или «губернатор» [там же]. Еще один пример: как пишет П.Р. Палажченко, «…под влиянием не столько языка, сколько западной (в данном случае американской, что нередко синонимично) культуры меняется смысл слова *ресторан*: раньше оно обозначало только дорогостоящий общепит («Прага», «Арагви» и т. п.). Теперь, как и у них (Macdonald's restaurants), у нас в это понятие стали включать и скромный «Ростик'с» [7: с. 116]. Это лишь некоторые из примеров, их перечень можно было бы продолжить.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что семантическую реставрацию собственно англоязычных заимствований и семантическое нивелирование интернациональных слов-когнатов можно рассматривать как, по сути, единый процесс, обусловленный глобализацией английского языка. Для говорящих не важно, пришло некоторое слово непосредственно из английского языка, или является интернациональным вследствие более далекого этимологического родства; ситуация усиливающего воздействия глобального английского языка обусловливает расширение семантики заимствований до семантической модели их англоязычного аналога.

Как «семантическую реставрацию» и/или «семантическое нивелирование» можно определить и неоднократно отмечавшиеся в специальной литературе инновации в коннотациях прилагательных *амбициозный* и *агрессивный*. Уже много писалось о том, что раньше эти прилагательные в русском языке обозначали только отрицательно оцениваемые качества (ср.: по С. Ожегову *амбиция* – «обостренное самолюбие», «спесивость», «чванство», *агрессивный* – «наступательно-захватнический», «враждебный», «вызывающий»), тогда как в английском языке слова *ambitious* и *aggressive* имеют и положительные значения – «стремящийся к успеху» и «активный, решительный», соответственно. В пособиях по переводу (в частности, [3: с. 168; 6: с. 142–143]) они традиционно трактуются как «ложные друзья переводчика», подлежащие лексическим заменам типа *an ambitious project* – «очень перспективный проект», *he is very ambitious* – «он стремится сделать блестя-

щую карьеру», *he is not aggressive enough* – «ему не достает хватки» и др. Сегодня эти слова все чаще используются в русском языке нейтрально или даже в положительном ключе, как в английском языке, особенно в сфере бизнеса, например, *aggressive marketing strategy* – «агрессивная стратегия сбыта» [6: с. 142], но не только, ср.:

я буду агрессивно поддерживать любого кандидата в президенты с центристской программой (из выступления Ю. Лужкова, 2004);

у песни хорошая агрессия… Ритм в песне жесткий, она агрессивна, но агрессивна по-хорошему с музыкальной точки зрения… (из интервью О. Газманова, 2006);

Достижение лидерства в энергетике – это амбициозная задача (из выступления В. Путина, 2007);

… нам, людям амбициозным (в хорошем смысле этого понятия), желающим оставить свой след в профессии, в бизнесе и в жизни, даны в руки все карты, чтобы ставить новые смелые задачи и их выполнять («Самара сегодня», 2005) и т. д.

И наоборот, нейтрально или положительно маркированное заимствованное прилагательное *креативный*, синонимичное русскому прилагательному *творческий* (*креативный / творческий директор, креативная / творческая личность*), а также его производные в последнее время стали использоваться в новом для русского языка отрицательном значении «увиливающий, лавирующий, скользкий», как в английском *creative accounting* – «умение выгодным для себя образом, но без очевидного нарушения закона подогнать бухгалтерскую отчетность». Ср.:

недостатки популярности приходится восполнять напором креативности… («Комсомольская правда» о выборах на Украине, 2004);

Кто сказал, что это подлый плагиат? Это креативная защита! (К. Эрнст в обсуждении замены ведущей передачи «Женские истины» Оксаны Пушкиной на Татьяну Пушкину).

Отвлекаясь сейчас от лингвокультурологической трактовки указанных семантических инноваций (мы подробно писали об этом в [8; 9] и других работах), подчеркнем еще раз, что толчком к развитию новых значений во всех описанных случаях послужила активизация межъязыковых контактов и увеличение количества носителей русского языка, которые знакомы со значениями и использованием аналогичных слов в английском языке и, соответственно, подсознательно стремятся перенести контексты их функционирования в русскоязычный дискурс, т. е. пытаются нивелировать семантические расхождения, заполнить межъязыковые семантические лакуны и реконструировать семантическую структуру заимствований по модели эквивалентов из английского языка.

На пути сближения с английским языком возможны лингвистические казусы. Нам встретился контекст, в котором говорящий попытался расширить употребление давнего заимствования *канал* и образовать от него новые дериваты по аналогии с английским словом *channel,* ср.:

необходимо канализировать негативные эмоции… Такая канализация очень важна для психологического баланса человека… (из выступления О. Свибловой, канал ОРТ, 2004).

Английский производный глагол *to channel* означает «направлять, распределять, давать направление, давать выход». Однако в данном случае перенос англоязычной семантико-деривационной модели оказался неприемлемым не только потому, что в результате возникла курьезная омонимия отглагольного существительного с другим русским словом, *канализация* – «система сточных вод» (хотя необходимо признать, что *канализация* в значении эквивалентном “channeling”, используется в физике), но и потому, что существует, хотя и не однословный, но вполне стандартный и нейтральный переводческий вариант *to channel* – «давать выход (чувствам, эмоциям)», который выступающая, скорее всего, сформулировав эту мысль про себя с использованием иностранного слова, просто не смогла быстро подобрать.

Семантическая реставрация/ семантическое нивелирование заимствований прослеживается в ходе языкового контакта также и в современном английском языке, хотя там это явление не столь распространено и очевидно. Например, заимствованное из русского языка слово *babushka* при адаптации в английском языке приобрело новое значение – «головной убор, платок». Во многих англоязычных словарях оно занимает первое место в перечне значений данного слова, а в некоторых словарях, например, The American Heritage Dictionary, выступает как единственный лексико-семантический вариант. Но в последнее время исходное значение заимствования *babushka* вновь выходит на первый план в его семантической структуре и даже становится основой для новых дериватов, таких как зафиксированное в The Longman Register of New Words слово *babushkaphobia*. В.В. Кабакчи также считает, что под влиянием русского языка получили новые значения английские слова *norm* и *liquidate*: первое – «норма выработки», второе – «уничтожить» [4: с. 171].

Языковой механизм, который лежит в основе семантической реставрации и семантического

нивелирования, подробно описан в теории языкового контакта: это механизм семантического заимствования или семантического калькирования, которое Г. Пауль определял как «воздействие на внутреннюю структуру слова». Усиление межъязыковой и межкультурной коммуникации вызывает активизацию и собственно лексических заимствований, и семантических заимствований, при этом воздействие на внутреннюю форму испытывает как собственная лексика заимствующего языка (см. примеры калькирования значений англоязычных аналогов русскими лексемами *челночный*, *ящик* (= *телевизор*) [5: с. 227], *вызов* (как в *«угрозы и вызовы»*) [9] и др.), так и, как показано выше, целый пласт ранее заимствованной лексики. В последнем случае можно говорить о «семантической реставрации» и «семантическом нивелировании» как об особом виде семантического калькирования.

О реставрации и нивелировании семантики отдельных лексем, очевидно, можно говорить и в случаях калькирования устойчивых словосочетаний: сегодня в процессе межкультурной коммуникации говорящие все чаще делают выбор в пользу калькирования вместо перевода, на что порой сетуют профессиональные лингвисты и переводчики, но что является абсолютно неизбежным в контексте глобализации и интернационализации. Так, в русском языке закрепилось выражение *политически корректный*, несмотря на многочисленные ранее предлагаемые варианты перевода типа *общественно приемлемый, идеологически выдержанный* и др., что значительно расширяет смысл прилагательного *политический* в русском языке, сближая его с английским *political*. В английский язык также проникают все более многочисленные кальки из других языков. Например, при описании ситуации в России по аналогии с русским *оборотни в погонах* стало использоваться выражение *were-wolves in uniforms*, хотя в английском языке есть близкие по значению *rogue policemen* или *police turncoats* [7: с. 168; 186].

Возвращаясь к вопросу об антиномии глобального и локального в языке, необходимо отметить, что глобализация английского языка как основной фактор, влияющий на развитие и состояние всех современных языков мира, проявляется через множество разнообразных явлений и разнонаправленных тенденций, все чаще объединяемых в рамках так называемой «глокализации» («глобализация» + «локализация»). Центростремительные и центробежные силы, обусловливающие конвергентно-дивергентные процессы в языке, находятся в состоянии динамического равновесия, и усиление на определенном этапе одной из тенденций, как правило, приводит к активизации противоположно направленной тенденции, сдерживающей темп первой. В частности, заимствуемые единицы, попадая в иноязычное окружение, с одной стороны, адаптируются к нему и могут уйти достаточно далеко от исходного прототипа, но в то же время, отражая потребность говорящих во взаимопонимании с глобальным сообществом, способны на определенном этапе обнаружить склонность к воссозданию структуры исходной лексической единицы, если не целиком, то, по крайней мере, более приближенно к ее объему в языке-источнике. Интенсификация реставрации и нивелирования заимствований как в плане произношения и написания, так и в семантическом расширении по аналогии с иноязычными эквивалентами (причем зачастую не только в местных языках по аналогии с английским, но и в самом английском языке), на наш взгляд, сегодня в значительной степени определяет то, что называется «языковой вкус эпохи» (по выражению В.Г. Костомарова).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Быкова, Г.В.* Лакунарность как категория лексической системологии / Г.В. Быкова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – 364 с.

2. *Валгина, Н.С.* Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 304 с.

3. *Виссон, Л.* Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур = Where Russians Go Wrong in Spoken English: Words and Expressions in the Context of Two Cultures / Л. Виссон. – 3-е изд., стереотип. – М.: Р. Валент, 2005. – 152 с.

4. *Кабакчи, В.В.* Функциональный дуализм языка и языковая конвергенция (опыт моделирования языковой картины земной цивилизации) / В.В. Кабакчи // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Ч. 2. Текст и перевод в когнитивном аспекте: сб. статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной / отв. ред. Н.А. Абиева, Е.А. Беличенко. – СПб.: Тригон, 2005. – С. 164–175.

5. *Мечковская, Н.Б.* История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию / Н.Б. Мечковская. – М.: Флинта, 2009. – 584 с.

6. *Палажченко, П.Р.* Мой несистематический словарь. Из записной книжки переводчика / П.Р. Палажченко. В 2 т. Т. 1. – 8-е изд., стереотип. – М. : Р. Валент, 2008. – 304 с.

7. *Палажченко, П.Р.* Мой несистематический словарь. Из записной книжки переводчика / П.Р. Палажченко. В 2 т. Т. 2. – 2-е изд., испр. – М.: Р. Валент, 2009. – 248 с.

8. *Ривлина, А.А.* Глобализация английского языка в русскоязычном культурном контексте / А.А. Ривлина // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: теоретический и методологический аспекты: материалы науч.-практ. конф. (Благовещенск, 16 апреля 2007 г.). Ч. 2. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. – С. 162–169.

9. *Rivlina, A.* Threats and challenges: English-Russian interaction today / A. Rivlina // World Englishes. Vol. 24. No. 4. – Oxford, UK and Boston, USA: Blackwell Publishers, 2005. – pp. 477–485.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ГЕРМАНИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ КОНТАКТА

С.К. Хильгендорф

Хильгендорф Сьюзанн К. – доктор философии в лингвистике, доцент кафедры лингвистики университета Саймона Фрейзера (г. Ванкувер, Канада).

Контактный адрес: SKH7@SFU.CA

В статье рассматривается история контакта английского и немецкого языков в Германии. В этой стране английский язык, функционирующий как иностранный код, Б. Качру (1995) отнес к Расширяющемуся кругу. В статье обращается внимание на социальные, культурные и политические факторы, которые привели к повышению статуса английского языка, начиная от первых контактов в VIII в., когда этот язык был непонятным чужим кодом, и кончая ситуацией сегодняшнего дня, когда английский язык функционирует не только как первый по значимости иностранный язык в стране, но так же используется в некоторых областях в качестве второго или дополнительного языка для интранационального общения.

Ключевые слова: языковой контакт, английский как иностранный язык, межнациональная коммуникация, внутринациональное общение, дополнительный язык.

Введение

Начиная с 1960-х годов внимание исследователей привлечено к распространению английского языка в международном масштабе и воздействию, которое этот язык оказывает на языки в исторически неродных для него контекстах. Теоретической моделью, которая способствует исследованиям в этом направлении, стала модель Качру [6] и его концептуализация трех концентрических кругов функционирования английского языка: внутреннего, внешнего и расширяющегося кругов. *Внутренний круг*, где английский используется как первый, родной язык (L1), включает Англию и другие страны, исторически бывшие британскими колониями, например, США, Канаду, Австралию и Новую Зеландию. *Внешний круг*, где английский используется как дополнительный язык, обычно представляют как бывшие британские колонии в Азии и Африке, где в результате колониального господства местное население адаптировало английский язык для своих целей, в результате чего образовались новые варианты языка, теперь обычно называемые составным наименованием: индийский английский, нигерийский английский, сингапурский английский. В *расширяющемся круге* английский язык, как традиционно считается, функционирует как важный иностранный языковой код, но не как дополнительный язык, используемый для внутринационального общения. Народы, использующие английский язык в таком его функционировании, живут в Европе, Южной Америке и некоторых частях Азии.

В последние десятилетия *расширяющийся круг* стал наиболее динамичной сферой распространения английского языка с точки зрения как расширения диапазона сфер его функционирования, так и углубления его использования в разных слоях общества. Такой рост влияния английского языка в странах, не связанных с Великобританией колониальным прошлым, можно объяснить ведущей международной ролью США в вопросах глобальной политики, экономики и технологического развития. Другим фактором, появившимся в недавнее время, стал процесс глобализации, оказавший воздействие на использование языка в мире; коммуникация и взаимодействие на транснациональном уровне достигли беспрецедентных размеров, например, в средствах информации, бизнесе и образовании.

Для того чтобы лучше понять роль английского языка в *расширяющемся круге*, исследователи сосредотачивают внимание на темах, связанных с использованием английского языка в этих странах, в частности, истории контактов с английским языком, сферах его использования (бизнес, образование, СМИ), отношении людей к этому и вопросам их идентификации через английский язык. Настоящая статья выполнена в этом же направлении: в ней рассматриваются историческая значимость английского языка в Федеративной Республике Германия, стране *расширяющегося круга*, представляющего особый интерес для дальнейших исследований. Имея население более 82 миллионов человек, Германия является крупнейшей страной Европейского Союза. Это также четвертая в мире экономическая держава, валовой внутренний продукт которой в 2008 г. составил более 3,6 триллионов американских долларов [15].

Историю контактов Германии с английским языком можно представить тремя этапами: 1) ограниченный контакт примерно с 700 г. н.э. до 1640 г. н.э.; 2) усиление контакта с 1640 г. по 1945 г. и 3) интенсивный контакт с 1945 г. по настоящее время. Первоначально, в Средние века, английский язык был непонятным кодом, имевшим слабое значение для немцев, он имел ограниченный статус в отдельных районах центральной Европы. Впервые этот язык получил национальную значимость для немецкоязычного сообщества в середине XVII в., когда возник интерес к политическим процессам в Великобритании. Впоследствии достижения английской художественной литературы в XVIII в. и инновации в промышленном развитии в XIX в. способствовали развитию внимания к английскому языку и соответственно подняли его статус. После Второй мировой войны с развитием Соединенных Штатов как супердержавы и началом глобализации английский язык стал постепенно первым по значимости иностранным языком в Германии, а в некоторых сферах приобрел статус второго, или дополнительного языка (L2) общения, используемого наряду с государственным языком.

Ограниченный контакт: ок. 700–1640 гг. н. э.

Оба языка: и английский, и немецкий ведут общее происхождение от западно-германских диалектов, на которых говорили в центральной Европе в первой половине первого тысячелетия. В начале V века два западно-германских племени, англов и саксов, мигрировали на Британские острова, где примерно к 450 г. н. э. постепенно образовался в новых географических условиях новый язык, древнеанглйский. В то же время в центральной Европе диалекты оставшихся западно-германских племен также продолжали свое развитие, и примерно к 600 г. н. э. возник древневерхненемецкий язык.

Первый контакт между носителями теперь двух совершенно самостоятельных языков, древнеанглийского и древневерхненемецкого, произошел в VIII в., когда в немецкие города Фульда и Майнц прибыли англо-саксонские миссионеры, в результате деятельности которых в речь местного сообщества попали древнеанглийские слова. Соответственно, религиозные термины репрезентируют самый ранний подтвержденный документами контакт с английским языком в Германии. Примеры первых заимствований включают англо-саксонские *gōdspell* и *s˜e hālga gāst* [святой дух], которые носители древневерхненемецкого языка соответственно адаптировали как *gotspell* и *der heilago geist* [13: с. 3317].

В 796 г. между немцами и англичанами произошел первый известный ныне коммерческий контакт, когда император Карл Великий (747–814) передал послание Оффе, королю Мерсии, (757–796), гарантируя безопасность прохода английских купцов и пилигримов через территории своего государства. К сожалению, памятников о немецко-английских отношениях в течение последующих двух веков до настоящего времени не сохранилось – этот период известен в истории Европы как век обскурантизма.

Рейнская область: 1000–1300 гг. н. э.

Исследование истории торговых сделок в период Средневековья выявляет, что, по крайней мере, один регион в Германии – Рейнская область – на северо-западе имела обширные связи с Англией примерно с 1000 г. до 1300 г. н. э. [5]. Ученые полагают, что, очевидно, существовал значительный языковой контакт, хотя для определения его лингвистической значимости необходим анализ исторических свидетельств. Тем не менее с учетом существования развитых социальных, религиозных и культурных связей между Рейнской областью и Англией, установившихся в результате торговли и иммиграции, ясно, что в то время английский язык в Рейнской области присутствовал.

В начале XVIII в. главным центром Рейнской области был город Кёльн, который также доминировал в экономике и политике Германии. Он был «стержнем англо-немецких отношений почти на всех уровнях» [5: с. 242]. Эта тесная связь была обусловлена историческими и географическими факторами. Кельнские архиепископы, у которых были широкие связи с английской церковью, проводили проанглийскую политику [5: с. 3]. Более того, географическая близость рек, Рейна и Темзы, впадающих с диаметрально противоположных сторон в Северное море, привела к созданию пользующегося большим успехом торгового пути. Торговцы из Кельна доставляли англичанам «рейнское вино, оружие и металлические изделия, роскошную ткань и белье…». С другой стороны, они привозили домой английские товары, такие как «шерсть, металлургическое сырье … и товары потребления, как, например, свиное сало и бекон» [5: с. 11–12].

Выгодная торговля между Англией и Рейнской областью послужила причиной иммиграции. Кельнские *Schreinsbücher*, или муниципальные регистрационные записи, обнаруживают многочисленные отметки *de Anglia* и *Anglicus* – первая означает того, кто родом из Англии, а вторая «обозначает человека английского проис-

хождения» [5: с. 71, 81]. Эти английские иммигранты добились значительной интеграции с местным населением. В отличие от других иностранцев, которые жили внутри ограниченных анклавов в нескольких районах Кельна, англичане селились во всех, а не в трех муниципальных районах города. Они скупали и закладывали собственность, а некоторые даже женились по расчету, становясь членами местных аристократических семей [5: с. 126]. Английские девушки вступали в местные религиозные общины бегинок – временами, похоже, в больши́х количествах, о чем свидетельствует название одного монастыря – *conventus Englant* [5: с. 110–111].

Религиозные и образовательные связи существовали в разных слоях общества. В течение этого периода члены многочисленных религиозных общин перемещались из Англии в Рейнскую область. Шотландские монахи находились в Кельне с 963 г. по 1103 г., а в 1221 г. из Англии прибыли монахи-францисканцы и доминиканцы [5: с. 201, 231]. Эти общины привозили с собой из Англии религиозные и административные обычаи. Особенно знаменательным было присутствие шотландских бенедиктинцев, которые в течение 140 лет возглавляли престижную кельнскую церковь Великого Святого Мартина [5: с. 201]. Кроме того, в Германию приехало много выдающихся религиозных деятелей и педагогов, включая знаменитого теолога/философа Иоана Дунса Скота, который преподавал в Кельне с 1305 г. до самой смерти в 1308 г. Кельнские студенты обучались в Оксфорде и Кембридже, в то время как многие английские студенты ходили на занятия в Университет Кельна после его открытия в 1388 г. [5: с. 5, 232].

Наконец, еще одно замечание относительно степени культурных контактов – обмен английской и немецкой валюты. Приблизительно с 1000 г. по 1300 г. н. э. и кельнский *Pfennig* и английский стерлинг были «…самой желаной и самой употребительной денежной единицей в торговом мире севера» [5: с. 56]. Поскольку монеты были сравнимы по весу и ценности, английский стерлинг использовался вместе с местной денежной единицей в Рейнской области, а также в соседнем районе Вестфалии и в Нидерландах [5: с. 56].

Ганза: 1157–1611 гг. н. э.

После упадка экономического превосходства Рейнской области в сфере торговли в Северной Европе возникла новая властная сила в форме Немецкого Ганзейского союза. Подобно влиянию купцов в Кельне, была образована немецкая Ганза. Она стала занимать господствующее положение в региональной торговле через успешно функционирующие торговые коридоры, в данном случае между Балтийским и Северным морями. Как отмечает Ллойд [7], «…немецкая Ганза была наиболее успешной широко раскинувшейся торговой ассоциацией, которая существовала в Европе в Средневековье в начале Нового времени». Лидирующее положение в Ганзе занимал немецкий город Любек. Союз включал 70–80 основных городов-членов, а также более 100 присоединившихся к ним торговых партнеров, и занимал широкое географическое пространство от русского Новгорода на востоке до Лондона и бельгийского Брюгге на западе.

Что касается Англии, связи Ганзы с островным государством продолжались почти 500 лет, примерно с 1157 г. до 1611 г. [7: с. 375]. В отличие от описания периода Рейнской области, существует достаточное количество лингвистических исследований по эпохе Ганзы. Изучая влияние английского языка, ученые определили ряд английских заимствований этого периода, таких как *Boot* [< boat] «лодка», впервые появившееся в немецком городе Любек во второй половине XIII века, и *Dock*, впервые документированное в Германии в 1436 г. [13: с. 3317].

В заключение рассмотрения этого первого этапа контактов, длившегося более 900 лет, отметим, что, несмотря на существование широкого взаимодействия на региональном уровне в сфере религии и торговли, исследования выявляют минимальную роль английского языка в Германии в этот период. С точки зрения влияния английского языка, проявившегося в определенном количестве заимствований в немецкий язык на этом этапе, исследования показывают, что во второй половине этого периода, с 1200 по 1640 гг., немецкий язык принял от 13 до 31 англицизма [2; 8; 9; 11].

Усиление контакта: 1640-1900 гг. н. э.

В то время как с VIII в. до XVII в. англо-немецкие связи характеризовались региональным уровнем контакта посредством религии и торговли, гражданская война в Англии (1642–1648) ознаменовала коренные изменения в отношениях Германии с Англией и, как следствие, к английскому языку. В течение последующих трехсот лет английские нововведения и достижения в области политики (а именно гражданская война в Англии), литературе (английское Просвещение), науке и технике (промышленная революция) имели большое воздействие на Германию, тем самым прокладывая путь распространению английского языка в этих сферах использования.

В результате статус английского языка в Германии впервые повысился до уровня национального значения.

Гражданская война в Англии

Политическая борьба и гражданская война в Англии, трагически закончившаяся казнью короля Карла I в 1649, привлекла значительное внимание населения Германии. Многочисленные заметки об этих событиях появились в литературе и новых популярных средствах информации, таких как брошюры и листовки, предшественники современных газет, которые в то время информировали немецкую общественность о беспрецедентных событиях. Об этих исторических событиях писали поэты барокко Андреас Грифиус (1616–1664) и Филипп фон Цезен (1619–1689); Грифиус в 1657 г. сочинил трагедию «Ermordete Majestät oder Carolus Stuardus König von Groß Britannien» («Убитое величество, или Карл Стюард, король Великобритании»), а фон Цезен изложил в деталях историю Карла II в брошюре 1661 г. [2: с. 13]. В других случаях листовки из Англии напрямую переводились на немецкий язык с тем, чтобы информировать общественность о сенсационных политических событиях. Рассказывая обо всем, что происходит, и писатели, и первые журналисты часто были вынуждены создавать новые слова, потому что в немецком языке еще не было эквивалентов для обозначения таких уникальных явлений. Вследствие этого английские заимствования той эпохи отражают главным образом политические связи того времени: *Adresse, Akte, Bill, Debatte, dissolvieren, Haus, Haus der Gemeinen, Hochverrat, Oberhaus, Protektor, Sprecher,* and *Unterhaus* [15: с. 13].

Английское Просвещение

В XVIII в. интерес к Англии продолжает расти, и контакт распространился на область литературы. Поскольку сочинения эпохи английского Просвещения ценились высоко, это интеллектуальное движение также оказало сильное языковое влияние на Германию. В течение века появилось четыре немецкоязычных города, ставших центрами литературного контакта: Гамбург, Лейпциг, Цюрих в Швейцарии и Геттинген.

Гамбург

Первый литературный центр, Гамбург, имел давнюю историю связей с Англией через Ганзейский союз (см. выше). Что касается литературы, пользующиеся успехом популярные британские еженедельники на моральную тему оказывали значительное воздействие на этот важный речной город-порт, стимулируя возникновение многочисленных изданий подобного рода на немецком языке. Первый немецкий пример подобного жанра, *Der Vernünfftler*, был издан в Гамбурге в 1713 г. Его автор Бартольд Генрих Брокес (1680–1747), живя в этом городе, также делал в юности переводы английской литературы, включая «Эссе о человеке» (*Essay on Man)* Александра Поупа в 1740 г. и «Времена года» (*Seasons)* Джеймса Томсона в 1745 г. [2: с. 15].

Лейпциг и Цюрих

Двумя другими центрами литературных контактов были Лейпциг и Цюрих. Сочинения писателей английского Просвещения получили здесь много внимания. В Лейпциге известный литератор Иоганн Кристоф Готтшед (1700–1766) и его окружение направили свое внимание главным образом на работы таких английских авторов, как Поуп и Джозеф Аддисон. Готтшед сам перевел Поупа и Джонатана Свифта и таким образом ввел в немецкий язык такие англицизмы, как *Bombast, Nonsens* и *Held* (герой) [9: с. 40]. С 1725 до 1726 гг. Готтшед также издавал свой собственный нравственно-этический еженедельник *Vernünftige Tadlerinnen* по образцу британского *Tatler* [2: с. 16].

В другом крупном литературном центре, Цюрихе, тесные связи с Англией существовали с периода Реформации. Литераторы Иоганн Якоб Бодмер (1698–1783) и Иоганн Якоб Брайтингер (1701–1776) вместе со своими последователями обратили внимание на работы ряда английских авторов, занимаясь вместе с тем переводами такого жанра, как английская баллада. Сам Бодмер опубликовал в 1732 г. встреченный с энтузиазмом перевод «Потерянного рая» Мильтона, который исследователи называют источником англицизмов *ätherisch* и *empyreisch* [9: с. 40]. Считается также, что эти два литератора создали слово *romantisch*, которое после своего первого употребления в 1698 г. стало «одним из самых часто употребляемых слов английского происхождения» в XVIII в. [9: с. 40].

Геттинген

Четвертым центром литературных контактов был Геттинген, имевший самые тесные связи с Англией благодаря союзу между правящей династией в близлежащем Ганновере и английской монархией. В 1714 г. курфюст Ганновера Георг Людвиг (1660–1727) стал Георгом I, королем Англии, установив двойной суверенитет, которому было суждено продолжаться на протяжении жизни нескольких поколений.

Во время правления в Великобритании второго поколения Ганноверской династии король и курфюст Георг II принял решение создать в Гер-

мании университет, чуть южнее Ганновера. Основанный в Геттингене в 1736 г. Georg-August-Universität со дня своего основания старался поддерживать региональные связи с Англией. Как свидетельствует в своем письме от 1736 г. Герлах Адольф фон Мюнххаузен, основатель университета, перед ним стояла ясная цель: «*die Herren Engländer nach Göttingen zu gewehnen...*» («привлечь английских джентльменов в Геттинген…» [2: с. 16]). В университете было зарегистрировано несколько английских студентов, среди которых самыми знаменитыми были три сына Георга III, которых король послал учиться в 1786 г. Особенно крепкими были связи между медицинсками факультетами Англии и Геттингена. Один из университетских ученых, И.Д. Михаэлис, в 1748 г. опубликовал первый в Германии перевод Самюэля Ричардсона [2: с. 16].

Индустриальная революция

В XIX в. контакты с английским языком продолжали развиваться, приобретая все большую движущую силу с началом в 1800-х годах эры политики, науки и техники. Строительство в начале века первого парохода в Соединенных Штатах и вслед за этим в 1825 г. железной дороги в Англии ознаменовало начало эпохи промышленности в Европе и Северной Америке. Великобритания оказалась одной из ведущих в нововведениях стран, и Германия стала перенимать британские новшества, а вместе с ними нередко их наименования. Немцы заменили слова *steamship* и *steamer* (пароход) своими родными эквивалентами *Dampfschiff* (1816) и *Dampfer* [14: с. 503]. Что касается слова *railroad* (железная дорога), в немецком языке уже существовал термин *Eisenbahn*, относящийся к тележкам, используемым в добывающей промышленности для транспортировки тяжелых грузов. Как пример семантического расширения, немцы добавили к существующему слову еще одно значение для обозначения пассажирского и грузового транспорта. Из английского языка были заимствованы другие номинации для железнодорожных явлений, такие как *Lokomotive* и *Tunnel* [14: с. 502].

В этот период Англия опять выступила в важной роли политического образца, в этот раз в связи с демократически движением. Под влиянием Великобритании немцы заимствовали такие слова, как *Demonstration, radikal, Mob,* and *Imperialismus* [10: с. 140]. Заимствование *Streik* представляет пример долгосрочной нативизации. Первоначально слово появилось в 1865 г. в английской орфографии *(strike)*, затем через 20 лет оно адаптировалось к немецкой орфографии (*Streik*) [14: с. 513]. Англицизм *Boykott* является примером лингвистической креативости. Немцы взяли это имя из британского английского в 1880 г. и позже создали глагольную форму *boykottieren* [14: с. 512]. Контакт с английским языком оказал также воздействие на уже существующий профсоюзный термин *Gewerkschaft*, который благодаря британскому воздействию приобрел больший узус, что касается 1868 г. [14: с. 517].

К концу XIX в. воздействие английского языка было столь существенным, что этот язык стал изменять статус давно господствующего французского языка как социально престижного кода в Германии. К концу века английский язык стал модным языком для членов высшего общества. Заимствования того времени включают *Gentleman, Snob, Dandy, Club, fair, allright, tiptop, Smoking, Toast, Pudding, Bar, Whisky,* and *Cocktail* [10: с. 141].

Интенсивный контакт:
1945 г. – настоящее время

Появление Соединенных Штатов как супердержавы после двух мировых войн означало новый этап интенсивного контакта, при этом в Германии гораздо более высокий статус получил американский английский. Укрепление связей между Соединенными Штатами и Западной Германией обусловило переход к воздействию преимущественно американского варианта английского языка. После Второй мировой войны получил развитие в экономической сфере план Маршалла относительно перестройки разрушенной войной Западной Германии, вслед за чем появились многочисленные американизмы, и жаргон американской рекламы хлынул в немецкий язык. Присутствие в побежденной стране американских оккупационных войск благоприятствовал американскому языковому влиянию. Впоследствии образование НАТО способствовало прямым формам личностных контактов американских солдат и западных немцев в течение более чем 40 лет. С другой стороны, институт НАТО укрепил растущую значимость американского варианта английского языка в связи с тем, что Соединенные Штаты играли доминирующую роль в этой организации, и английский имел официальный статус языка командования.

Внешняя политика США и технологические достижения этой страны также оказали воздействие на язык. Холодная война с Советским Союзом, при том что ее символический фронт проходил вдоль границы, разделявшей Германию на два государства, привела к заимствованию многочисленной новой терминологии. До 1989 г. все немцы

знали, что такое *checkpoint,* благодаря печально известному Checkpoint Charlie (КПП «Чэкпойнт Чарли»), самому известному пункту перехода границы между Восточным и Западным Берлином. В 1950-х годах в немецкий язык пришли многочисленные заимствованные политические термины, такие как *friedliche Koexistenz* (мирное сосуществование), *Eindämmung* (сдерживание) *Gipfelkonferenz* (конференция на высшем уровне), и *Raketen-Diplomatie* (ракетная дипломатия) [12: с. 145–146]. Вслед за запуском русского спутника и стремлением США к разработке своей космической программы, в немецком языке также появились кальки *Weltraum-Lücke* (space gap) и *technologische Lücke* (technology gap), имевшие несколько измененную семантику [12: с. 147].

В последние десятилетия усилению роли английского языка в Германии способствовали новые факторы. Как и в других частях мира, в Германии с легкостью пользуются многочисленными американскими явлениями культуры, такими, как англоязычные газеты и журналы, поп-музыка, кинофильмы, телевизионные программы. В добавок к тому, что можно назвать американизацией, на континенте имеет место европеизация, связанная с супранациональным статусом Европейского Союза, и это расширяет использование английского языка как языка широкой коммуникации среди европейских стран. Другой фактор – явление глобализации, появившееся после холодной войны и способствующее развитию международных связей и сотрудничества, выходящих за рамки континента. В результате новых императив по использованию английского языка, например, в области образования и бизнеса, статус этого языка в Германии поднялся еще больше. В программах немецких университетов [3] и в бизнесе, размещенном внутри страны [4], английский язык функционирует не только как важный иностранный язык, но теперь используется в дополнение к немецкому как язык общения.

Заключение

Мы рассмотрели историю контакта с английским языком в Германии, начиная с VIII века, когда в первых памятниках зафиксировано заимствование небольшого количества древнеанглийских слов древневерхненемецким языком. В следующие века влиние английского языка было ограниченным, вплоть до 1600-х годов, когда контакт с английским языком и его пользователями из *внутреннего круга* начал распространяться на все большее число сфер: политику, литературу, промышленность. По мере того как статус английского языка продолжал расти в XX веке, этот язык стал не только основным иностранным языком в Германии, но и приобрел существенно новые функции в качестве дополнительного языка, используемого, наряду с немецким, в таких областях, как образование и бизнес [3; 4].

При исследовании истории контактов с английским языком в Германии количественное сопоставление, вероятно, лучше всего показывает значимость распространения английского языка в течение многих веков и значительность влияния этого языка в сегодняшней Германии. Как было отмечено, изучение периода с 1200 г. по 1640 г. н. э. выявляет не более 31 англицизма, заимствованных в немецкий язык – ничтожное количество для периода более четырех столетий [2; 8; 9; 11]. Для сравнения итогом исследования третьего этапа контактов, особенно второй половины XX века, стало выявление тысяч слов, инкорпорированных в немецкий язык. Исчерпывающий, составленный в результате тщательного исследования, трехтомный Словарь англицизмов (*Anglizismen-Wörterbuch)*, вышедший из печати в 1993–1996 [1], содержит более 100 000 заимствованных единиц, зафиксированных с конца Второй мировой войны до начала 1990-х годов. В то время как до XVII в. немцы приняли в свой язык только несколько десятков англицизмов, к концу XX в. статус и функции английского языка стали такими, что были заимствованы тысячи слов на протяжении всего лишь четырех десятилетий.

Повышение роли английского языка, от непонятного иностранного кода, малозначимого в Средневековье, до первостепенного иностранного языка в сегодняшней Германии, используемого для внутринационального общения в таких областях, как бизнес и образование, вызывает сомнение в правомерности категоризации Германии как страны *расширяющегося круга* и понимания статуса английского языка как иностранного языка, противопоставленного дополнительному языку, внутри *расширяющегося круга*. Несмотря на то, что английский язык функционировал как иностранный код в течение почти всей истории Германии, роль этого языка значительно изменилась за последнее столетие. Сегодня есть явные свидетельства того, что этот язык используется не только в межнациональном общении, но также и во внутринациональном общении в контексте Германии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Carstensen, B., Busse, U., & Schmude, R.* Anglizismen-Wörterbuch: der Einfluss des Englischen auf den deutschen Wortschatz nach 1945. – Berlin: Walter de Gruyter. 1993–1996.

2. *Ganz, P.F.* Der Einfluss des Englischen auf den deutschen Wortschatz, 1640-1815. -Berlin: E. Schmidt. 1957.

3. *Hilgendorf, S. K.* 'Brain Gain statt [instead of] Brain Drain': the Role of English in German Education // World Englishes. 2005. Vol. 24. № 1. P. 53–67.

4. *Hilgendorf, S.K.* English and the Global Market: The Impact in the German Business Domain //Language and the Market. Langauge and Globalization. /H. Kelly-Holmes & G. Mautner (eds.) Np: Palgrave Macmillan. (in press).

5. *Huffman, J.P.* Family, commerce, and religion in London and Cologne: Anglo-German emigrants. C. 1000–1300. – Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1998.

6. *Kachru, B.B.* World Englishes and Applied Linguistics // World Englishes. 1990. Vol. 9. № 1. P. 3–20.

7. *Lloyd, T.H.* England and the German Hanse, 1157–1611: a study of their trade and commercial diplomacy. Cambridge England: Cambridge University Press. – 1991.

8. *Palmer, P.M.* The influence of English on the German vocabulary to 1700 – (Vol. 7.1). Berkeley: University of California Press. – 1950.

9. *Palmer, P.M.* The influence of English on the German vocabulary to 1800; a supplement. – Berkeley: University of California Press. – 1960.

10. *Polenz, P. V., & Sperber, H.* Geschichte der deutschen Sprache: erweiterte Neubearbeitung der früheren Darstellung von Hans Sperber (9., überarb. Aufl. ed. Vol. 2206). – Berlin: W. de Gruyter, 1978.

11. *Stiven, A.B.* Englands Einfluss auf den deutschen Wortschatz. – Zeulenroda: B. Sporn. 1936.

12. *Viereck, W.* The Political and Technological Impact of the United States of America in the 1950's and early 1960's as Reflected in Several European Languages // Folia Linguistica: Acta Societas Linguisticae Europaeae, 1988. Vol. 22. P. 141–152.

13. *Viereck, W.* Britisches Englisch und amerikanisches Englisch/Deutsch // Sprachgeschichte: ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / W. Besch (Ed.) – 2nd ed. – Berlin: de Gruyter, 1998. P. 3317–3330.

14. *Wagner, K.* Das 19. Jahrhundert. In F. Maurer & H. Rupp (Eds.), Deutsche Wortgeschichte (3., neubearb. Aufl. ed., pp. 493–528). – Berlin: W. de Gruyter, 1974.

15. World Bank. World Development Indicators Database. 7 October 2009.

О ПРОБЛЕМЕ ВКЛЮЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО КОМПОНЕНТА В ЯЗЫКОВУЮ ПАРАДИГМУ: ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ТИПОЛОГИЗАЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI В.)

О.С. Борисова

Борисова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой восточных языков Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии (г. Биробиджан).

Контактный адрес: zhu2003@mail.ru

В настоящей статье исследуется проблема включения иноязычного компонента в определенный лексико-семантический класс. Результаты анализа, проведенного автором, позволили определить тематическую направленность заимствованной лексики на современном этапе развития русского и китайского языков и выявить ее функциональные особенности.

***Ключевые слова*:** лингвокультурное взаимодействие, заимствования, тематическая классификация, дискурс, функциональная и жанровая распределенность.

Общетеоретические и прикладные проблемы лингвокультурного взаимодействия актуализировались в последние десятилетия, что обусловлено рядом собственно языковых причин и заинтересованностью языковедов. Внутриязыковые причины связаны с качественными изменениями в национально-языковой картине мира, наблюдаемыми в естественных языках на современном этапе их развития. Заинтересованность языковедов в исследовании данной области базируется на недостаточной изученности некоторых аспектов проблемы культурно-языковых контактов и сопутствующих им процессов «перестройки» языка на том или ином уровне.

Подвижность и динамичность лексической системы придает особую значимость вопросам эволюции, которые требуют детального изучения и серьезной исследовательской работы. Эволюционные преобразования на лексическом уровне в первую очередь можно наблюдать в появлении большого числа иноязычных элементов, относящихся к внешним средствам номинации, иностранной культуре и быту.

Заимствование как языковой феномен описано в наши дни довольно подробно, с привлечением большого количества языковых фактов. Однако анализ современного состояния исследований, проводимых в данном направлении, позволяет выделить круг вопросов, представляющих наибольший интерес, – это вопросы, касающиеся типологического описания иноязычных единиц в системах разноструктурных языков. Исследования показали, что процесс лексического заимствования в разных языках протекает неодинаково, отсюда можно сделать вывод, что его факторы и механизмы – есть производное от тех макро- и микроизменений, которыми сопровождается развитие конкретного социума, и возможностей конкретной языковой системы.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема типологического описания новейших современных заимствований с точки зрения их тематической принадлежности, поскольку лексика более чем какая-либо другая область языка отражает реальную действительность, и без учета отношений между предметами, явлениями действительности не может быть полного анализа соответствующего языкового материала.

Специфика «встраивания» заимствованного слова в определённый лексико-семантический класс – вопрос менее всего изученный, а потому до сих пор открытый. Он может решаться либо принципом распределения заимствованных единиц по лексико-семантическим группам, либо тематическим принципом организации исследуемого заимствованного материала. Лексико-семантическая классификация весьма близка к тематической, поскольку обе имеют определенную тематику: лексико-семантические группы слов входят в соответствующие тематические объединения. Несмотря на явную схожесть, данные классификации различаются между собой. Это различие проявляется в том, что лексико-семантические группы слов отражают действующие в исследуемом языке законы развития семантики слов, в то время как тематические ха-

рактеризуют уровень познавательной деятельности его носителей (что известно и нашло свое отражение в языке, а что неизвестно). Другими словами, распределение заимствуемых единиц по лексико-семантическим группам позволяет выявить собственно языковые закономерности, в то время как тематическая классификация позволяет маркировать те референциальные зоны, которые оказались наиболее проницаемыми для иноязычных слов [12: с. 60–61]. Таким образом, тематический принцип организации исследуемого материала представляется более показательным для типологического описания заимствованной лексики. Во-первых, распределение материала по тематическим группам позволяет объединить заимствованные слова на основе классификации обозначаемых ими предметов и явлений, и, следовательно, выявить те сферы жизнедеятельности общества, которые оказались наиболее открытыми для иноязычных вливаний; во-вторых, позволяет проследить, насколько частота употребления заимствованных слов зависит от той или иной тематической области. Необходимо также отметить, что особенности устройства китайского слова нивелируют различия между лексико-семантическими и тематическими классами слов.

Прежде чем приступить непосредственно к описанию и интерпретации данных, полученных в результате распределения материала по тематическим группам, необходимо остановиться на методике отбора и анализа эмпирического материала. Отбор заимствованной лексики осуществлялся методом сплошной выборки из русских и китайских словарей иностранных слов: «Давайте говорить правильно: новейшие и наиболее распространенные заимствования в русском языке», «Словарь иностранных слов», «Толковый словарь иноязычных слов», «Словарь китайских неологизмов 21-го века», «Справочник диалектных различий использования неологизмов на примере гонконгского, тайваньского диалекта и общенационального языка путунхуа», «Словарь иностранных слов китайского языка», «Этимологический словарь новых слов китайского языка нового и новейшего времени», «Новый русско-китайский тематический справочник» [3, 6, 7, 13–17]; популярных молодежных журналов: «Добрые советы», «Лиза», «Glamour», «Cosmopolitan», «Jessica», «爱人» («Возлюбленный/ая»), «都市丽人» («Столичная красавица»), «女刊瘦美人» (женский журнал «Красавица»); Интернет-ресурсов: электронных словарей («Викисловарь», электронный «Словарь иностранных слов»), текстов, размещенных на российских, китайских сайтах, и «электронной» речи посетителей различных форумов.

Выбор перечисленных источников материала не случаен. Он диктовался необходимостью выявить наиболее активно развивающуюся группу заимствованной лексики, которая с наибольшей полнотой отражает изменения, происходящие в жизни общества, а также отметить группу иноязычных неологизмов, еще не зафиксированных словарями, но получивших широкое распространение в последние годы. Мировая информационная сеть и современные журналы являются надежным фиксатором новых языковых явлений, а молодежная аудитория – наиболее ярким с точки зрения иноязычных вливаний контингентом носителей языка, который способствует активному распространению заимствуемых единиц. Говоря о заимствованиях последних десятилетий, следует отметить, что главным донором как для русского, так и для китайского языков является английский в его американском варианте [1: с. 13; 2: с. 108, 116; 10: с. 104; 11: с. 49][1].

В ходе работы со словарными и электронными материалами было получено ~ 30 000 лексических единиц, заимствованных русским и китайским языками, из которых для собственно исследования отобрано около 600 слов и словосочетаний. Основными критериями отбора послужили: время заимствования (конец XX – начало XXI в.); функциональная неограниченность (принадлежность к различным сферам жизнедеятельности общества); частотность и распространенность (частота употребления в речи носителей и письменных источниках). Градация лексических единиц (слово/ словосочетание) не учитывалась, поскольку определяющим является не их тип, а выражаемое ими понятие.

Для подсчета частотности словоупотреблений были использованы следующие приемы:

1) количественный подсчет ссылок на отобранные иноязычные слова в поисковых системах сети Интернет;

2) выделение наиболее употребимых заимствованных слов на основании анализа публицистических текстов.

[1] Вопрос о путях и источниках лексического заимствования подробно освящен в статье «Пути и источники заимствования в китайском языке» / О.С. Борисова // Альманах современной науки и образования. В 2 ч. Тамбов: Грамота. 2008. № 8 (15). Часть 1. С. 21–25.

Поясним каждый прием подробнее. Количественной обработке были подвергнуты 422 слова, заимствованных русским языком и 158 слов, заимствованных китайским языком. В поисковую систему вводилось исследуемое слово с целью получить выборку ссылок, в которых оно встречается. Следующим шагом был подсчет всевозможных ссылок на заданное слово и сравнение частоты употребления. Необходимо отметить, что в ряде случаев подсчет частоты встречаемости затруднялся разным количеством ссылок на искомое слово в поисковых системах сети Интернет. Причина такой реакции кроется в существовании нескольких письменных вариантов одного и того же заимствованного слова в русском языке. Для многих вновь появившихся в языке слов нет определенных правил правописания. Пока иноязычное слово полностью не закрепилось в русском языке, носители графически оформляют его по-разному. В связи с узуальной вариативностью, мы не отдавали предпочтения какому-либо одному варианту, поэтому учитывались все ссылки, содержащие в себе несколько орфографических форм одной и той же лексической единицы.

Необходимо пояснить, что скорость заимствования иноязычных слов в русском и китайском языках не совпадает. В отличие от русского процесс заимствования новых слов в последнем происходит менее интенсивно, поскольку для него характерно более осторожное отношение к иноязычной лексике. Данный факт объясняется внутриструктурными особенностями китайского языка, а также культурой и психологией его носителей [8: с. 33].

Кроме того, заимствованная лексика поразному транслируется в языковых системах исследуемых языков. В русском языке в последние десятилетия подавляющее большинство заимствованной лексики представляет собой фонетические заимствования [9: с. 126], тогда как в китайском языке больший процент от общего объема заимствований составляют кальки и полукальки. Это объясняется, прежде всего тем, что в отличие от русского языка, основанного на буквенно-звуковом письме, китайский является слоговым языком с иероглифической письменностью, где знаки (иероглифы) представляют собой средство записи семантически значимых слогов, а не передачу непосредственного звучания слов. Особенности фонетической организации китайского языка существенно затрудняют звуковое воспроизведение иноязычных слов, а внутренняя форма фонетических заимствований неясна носителям и, кроме того, вызывает ненужные ассоциации, затрудняя их восприятие и понимание [4: с. 59; 11: с. 54].

Как уже говорилось выше, задача тематической классификации сводится к отнесению заимствованных слов к определенным тематическим областям. Тематические области в данном случае не определены заранее, их формирование, а также идентификация происходили в процессе анализа отобранного материала. Так, анализ показал, что в китайском языке основную массу заимствованной лексики составляют слова, принадлежащие к научно-технической сфере, что связано с её интенсивным развитием, и слова, принадлежащие к обиходно-бытовой сфере. Заимствования в области науки и техники – прежде всего термины. За последние десятилетия в китайском языке появилось большое число компьютерных терминов, например: 键盘 jiànpán – клавиатура (кнопка, клавиша + тарелка, блюдо, поднос; от англ. keyboard, где key – клавиша; board – доска, стол, питание), 多媒体 duōméitǐ – мультимедия (много + медия; от англ. multimedia), 服务器 fúwùqì – сервер (обслуживать + аппарат, механизм, инструмент; от англ.server) и тому подобное.

Что касается иноязычных слов повседневной тематики, они весьма разнообразны. Это названия продуктов питания: 巧克力派 qiǎokèlì pái (известные и на российском рынке шоколадные пирожные «Choco-pie»), 可口可乐 kěkǒukělè – Кока-кола, 纷达 fēndà – Фанта, 热狗 règǒu – хот-дог; названия ресторанов/ кафе фаст-фуд: 必胜客 Bìshèngkè – крупнейшая сеть пиццерий «Пицца Хат» (Pizza Hut), 麦当劳 Màidāngláo – крупнейшая американская сеть ресторанов быстрого питания «Макдоналдс» (англ. McDonalds – фамилия основателей), 肯德基 Kěndéjī – американская сеть ресторанов быстрого питания «KFC» (англ. Kentucky Fried Chicken – жареные цыплята из Кентукки); названия транспортных средств: 奥迪 àodí – Audi, 奔驰 bēnchí – Benz, 福特 fútè – Ford; одежды: T-恤 T-xù – тенниска (от англ. t-shirt), 夹克 jiākè – жакет (от англ. jacket), 棒球运动帽 bàngqiú yùndòng mào – бейсболка (от англ. baseball: бейсбол + спорт + шапка), 比基尼 bǐjīní – бикини (от фр. bikini); названия брэндов, журна-

лов, например: ADIDAS – 阿地达斯 ādìdàsī, LOREAL – 欧莱雅 ōuláiyǎ, SONY – 索尼 suǒní, NOKIA – 诺基亚 nuòjīyà, MOTOROLA – 摩托罗拉 mótuōluólā, PHILIPS – 飞利浦 fēilìpǔ, OLEY – 奥兰油 aōlányóu, ELLE – 伊丽 yīlì, AVON – 雅芳 yǎfāng, SIEMENZ – 西门子 xīménzǐ, VICHY – 薇姿 wēizī, названия Интернет-сайтов, справочных ресурсов, поисковых систем: Wikipedia – 维基百科 wéijībǎikè, Yahoo – 雅虎 yǎhǔ и мн.др.

Заимствования в области экономики и политики представлены терминологическими единицами: 选民 xuǎnmín – электорат (выбирать + народ; англ. electorate от лат. elector – избиратель), 公修尔 – консул (англ. consul), 监测 jiāncè – мониторинг (наблюдение, контролирование; англ. monitoring – контролирование), 清算 qīngsuàn – клиринг (ясный + считать; англ. clearing от clear – ясный); наименованиями денежных единиц: 卢布 lúbù – рубль (русс. рубль), 马克 mǎkè – марка (от нем. die Marke), 法郎 fǎláng – франк (от франц. franc); названиями организаций: 尤科斯 yóukēsī – ЮКОС (рус. ЮКОС[2]), 联合国 liánhé guó – ООН (соединить, объединить + государство; англ. United Nations), ВТО – 世界贸易组织 shìjiè màoyì zǔzhī (мир + торговля + организация; от анг. World Trade Organization)

Заимствования в области спорта, культуры и шоубизнеса в своём подавляющем большинстве представляют фонозапись. Это названия музыкальных направлений, танцев, видов спорта, например: 爵士 juéshì – джаз (англ. jazz), 嘻哈 xīhā – хип-хоп (англ. hip-hop), 迪斯科 – диско (англ. Disco), 保龄球 bǎolíngqiú – боулинг (англ. bowling + классифицирующий компонент 球 – мяч), 乒乓球 pīngpāngqiú – пинг-понг (англ. ping-pong) и др.

Одной из отличительных особенностей исследуемого периода является интенсивное развитие экономических и научно-технических связей между Российской Федерацией и другими странами, отсюда – большой процент иноязычной лексики в русском языке в следующих тематических пространствах: науке и технике (в частности информатике); экономике и финансах (включая сферу торговли и рекламы); культуре и шоу-бизнесе; спорте; повседневной жизни; политике, государственном устройстве и праве.

За последние десятилетия особо усилилось влияние английской терминологии в финансово-экономической деятельности: аутсорсинг, бенчмаркинг, велфер, дистрибьютор, клиринг, логистика, мерчандайзинг, оффшорный, промоутер, секвестрирование, тендер, франчайзинг *и многие другие.*

В области информатики и вычислительной техники тоже наблюдается широкое распространение англоязычных терминов (особенно в области программного обеспечения), например: апгрейд, браузер, декремент, интерфейс, логин, плагин, трафик, файл *и так далее. Это обусловлено спецификой самого процесса развития средств вычислительной техники и информатики. Известно, что в последние двадцать лет лидерство в данной области принадлежит американским компаниям, которые контролируют большую часть мирового рынка. Одновременно с появлением электронно-вычислительных машин и сети Интернет сформировался компьютерный жаргон, который стал чрезвычайно активной подсистемой русского языка исследуемого периода:* апгрейдить, блогер, нуб, оффтоп, серч, хелпарь, чатиться *и прочие.*

Характерным моментом заимствований на современном этапе является большой объем лексики, связанной с культурой и шоу-бизнесом. Смена культурных ориентиров российского общества, становление массовой культуры и молодежной субкультуры, размывание границ культуры (она может включать в себя такие явления, как быт, развлечения, средства массовой информации и прочее), подъем российского шоу-бизнеса незамедлительно нашли свое отражение в языке. Современная культура и шоу-бизнес ориентированы на Запад, отсюда большой процент иноязычной лексики. В своем подавляющем большинстве это слова американского происхождения, характерные не столько для литературного языка, сколько для американской массовой культуры: бестселлер, блокбастер, диджей (DJ), микшировать, поп-музыка, рок-клуб, саунд-трек, сингл, сейшн, эм си (MC), шоу.

Яркой приметой исследуемого временного отрезка являются иноязычные новации в облас-

[2] Аббревиатура ЮКОС образована сокращением названий основных предприятий, первоначально вошедших в состав компании: «Юганскнефтегаза», «Куйбышевнефте-ОргСинтеза».

ти спорта. Большинство из них представляют собой названия новых видов спорта, например: армрестлинг, виндсерфинг, дайвинг, кайтсерфинг, робджампинг, стритрейсинг *и многие другие.*

Значительную долю от общего числа заимствований составляет политическая, правовая лексика и лексика государственного управления: импичмент, президент, референдум, спикер, электорат *и другие. В связи с усилением политизации российского общества также происходит политизация отдельных лексических групп. В политический дискурс переходят слова, изначально не имевшие отношения к политике, например,* раунд *(в значении «этап, фаза переговоров, встреч каких-либо делегаций).*

В силу взаимопроницаемости многих сфер жизнедеятельности общества иноязычная лексика активно проникает и в бытовой дискурс. Новыми словами прежде всего пополняется группа лексики, относящейся к следующим сферам:

1) еда, напитки – гамбургер, слайсы, снек, кока-кола, поп-корн, чизбургер, энерготоник*;*

2) предметы обихода, украшения, игрушки – джакузи, типсы, трансформер*;*

3) одежда: боди, капри, свингер, топ, френч.

Необходимо отметить, что в молодежном сленге круг подобных заимствований представлен значительно шире. Язык данной социальной группы образует специфичную речевую подсистему со своими средствами выражения. Современная поп-культура, испытывающая интенсивное западное влияние, определяет одну из главных черт языка молодежи – обилие иноязычной лексики, главным образом английской, в ее американском варианте.

Необходимо отметить, что границы групп весьма подвижны. Некоторые слова можно отнести сразу к нескольким тематическим областям, например, пиар *можно отнести и к общественно-политической лексике, и к лексике сферы культуры и искусства.*

Сопоставительный анализ показал, что во взаимодействии словообразования и заимствования слов отчетливо проявляется тенденция к интернационализации лексики. Иначе говоря, в китайском языке формируются и активно пополняются тематические группы лексики, общие с соответствующими группами русского языка. Разница состоит лишь в объеме заимствований в каждой тематической группе: в китайском языке экономические заимствования, заимствования в области спорта представлены в меньшем объеме, тогда как заимствования повседневной тематики – в большем. Объем научно-технической лексики и лексики, относящейся к сфере культуры и шоу-бизнеса в обоих языках примерно одинаков. Ниже в табличной форме представлено процентное соотношение каждой тематической группы заимствованных слов в русском и китайском языках (таблица).

Таблица

Процентное соотношение тематических групп заимствованных слов в русском и китайском языках

Тематические группы слов		Русский язык		Китайский язык	
		Общее число слов в группе	Процент заимствований из общей суммы отобранных слов (422)	Общее число слов в группе	Процент заимствований из общей суммы отобранных слов (158)
1	Наука и техника	110	25	59	37, 34
2	Экономика и финансы	76	18	13	8, 23
3	Политика	33	7, 82	4	8, 23
4	Культура и шоубизнес	70	16, 6	20	13
5	Спорт	67	15, 9	11	7
6	Повседневная жизнь	66	15, 64	51	32, 3

Тематическая классификация заимствованных слов позволяет также выявить их функцио-

нальные особенности. Говоря о функциональной и жанровой распределенности заимствованных слов в русском и китайском языках, необходимо отметить, что в наибольшей степени ими насыщены современные СМИ и глобальная телекоммуникационная сеть. Это объясняется тем, что телевидение, радио, пресса и Интернет составляют пространство массовой коммуникации, в котором объединяются материалы самых различных языковых подсистем. Кроме того, необходимо отметить факт проникновения иноязычной лексики (американизмов) в разные варианты общенародного языка – литературный язык (письменная и устная речь) и субстандарт (жаргоны, сленг). Такие проявления связаны прежде всего с изменением социально-психологического настроя носителей – своеобразной модой на использование американских терминов в различных сферах жизни, которая, в свою очередь, вновь актуализировала вопрос о мере их использования [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баделина, М.В.* Иностранные слова сегодня / М.В. Баделина // Альманах современной науки и образования: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. В 2 ч. Ч. 1. Тамбов: Грамота, 2008. – № 8 (15). – С. 13–15.

2. *Валгина, Н.С.* Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студентов вузов / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 304 с.

3. *Ваулина, Е.Ю.* Давайте говорить правильно: новейшие и наиболее распространенные заимствования в русском языке / Е.Ю. Ваулина, Г.Н. Скляревская. – СПб.: Academia, Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 224 с.

4. *Иванов, В.В.* Терминология и заимствования в современном китайском языке / В.В. Иванов. – М.: Наука, 1973. – 171 с.

5. *Изюмская, С.С.* Вечный вопрос о мере использования иноязычных слов в русском языке / С.С. Изюмская // Русская словесность. – 2000. – № 4. – С. 9–12.

6. *Комлев, Н.Г.* Словарь иностранных слов: более 4,5 тыс. слов и выражений / Н.Г. Комлев. – М.: Эксмо, 2008. – 672 с.

7. *Крысин, Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М. : Эксмо, 2006. – 944 с.

8. *Ли, Сяндун.* Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков / Ли Сяндун // Вопросы филологии. – М., 2003 – № 2. – С. 30–34.

9. *Мусорин, А.Ю.* О характеристике лексической специфики при описании языка : материалы третьей научной конференции / А.Ю. Мусорин. – Новосибирск, 2002. – С. 126–129.

10. *Мяо, Юянь.* Новые заимствования в русском и китайском языках / Мяо Юянь, Ян Хайюнь // Китайское языкознание: Изолирующие языки: материалы X международной конф. / Москва, 20–21 июня 2000 г. ; РАН. Ин-т языкознания; В.М. Солнцев (отв.ред.) [и др.] – М., 2002. – С. 102– 107.

11. *Семенас, А.Л.* Особенности лексических заимствований в китайском языке / А.Л. Семенас // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 48–57.

12. *Тарланов, З.К.* Методы и принципы лингвистического анализа: учеб. пособие для студентов университетов и педагогических институтов / З.К. Тарланов. – Петрозаводск: Петрозаводский ун-т, 1995. – 189 с.

13. 21 世纪华语新词语词典 / 邹嘉彦，游汝杰编著。– 山海：复旦大学出版社，2007. – 469 页

14. 港台用语与普通话新词手册。– 上海：上海辞书出版社， 2000. – 4679 页

15. 汉语外来语词典 。– 北京：北京商务印书馆, 1990. – 978 页

16. 近现代汉语新词词源词典 。– 香港: 汉语大词典出版社, 2001. – 426 页

17. 新编汉俄分类词汇手册 – 2 版（修订版）。– 北京：外语教学与研究出版社，1996. – 1233 页

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, НАЗЫВАЮЩИХ РЕАЛИИ СЕВЕРА И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЫ И ВЫДЕЛАННЫХ ШКУР)

Р.И. Салимова

Салимова Рена Икрамовна – старший преподаватель кафедры социального управления и гуманитарных наук Магаданского института экономики Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Контактный адрес: rena_70@mail.ru

В данной статье рассматриваются безэквивалентные лексические единицы, заимствованные в русский и английский языки из языков народов Севера. Представлены варианты и способы передачи данных лексических единиц, обозначающих элементы верхней одежды и выделанные шкуры. Проведён этимологический анализ безэквивалентной лексики, называющей реалии народов Севера. Источником данных слов послужили различные этнографические, лексикографические материалы и художественные произведения.

Ключевые слова: безэквивалентные лексические единицы, заимствование, кухлянка, кукашка, парка, камлея (камлейка), хоньбы, укэнчит, гагагля, малахай, торбаса, унты, чижи.

Безэквивалентные лексические заимствования включают в себя национально-культурный компонент, называют предметы быта и материальной культуры, а также обозначают основные понятия культуры аборигенных народов Севера.

К сожалению, безэквивалентные лексические заимствования из языков автохтонных народов Севера (чукотского, корякского, эвенкийского и эскимосского) совершенно не изучены к настоящему времени и требуют дальнейших исследований.

Исследователи XVIII–XIX вв. С.П. Крашенинникова, В.П. Бурнашев, А.В. Олсуфьев и другие неизменно поражались приспособленности народностей Севера к исключительно трудным местным условиям. У них вызывали удивление и восхищение не только орудия труда, жилища, одежда, средства передвижения и т. п., но и предметы искусства. Всему были присущи изобретательность, удивительная точность, изящество и красота. Использовались окружающие их материалы. Во всех предметах обнаруживается знание северянами технических свойств материалов.

Из-за природных и климатических условий жители Севера вынуждены были проводить большую часть своего времени в верхней одежде, и она должна была быть удобной, универсальной и пригодной для всех времен года. Несмотря на немногочисленный выбор материала, одежда отличалась разнообразием покроя.

В употреблении у населения этих территорий были следующие лексические единицы, называющие одежду народов Крайнего Севера и заимствованные в русский язык: «кухлянка», «кукашка», «парка», «камлея (камлейка)», «хоньбы», «укэнчит», «гагагля», головной убор «малахай», а также обувь «торбаса», «унты», «чижи».

Описание одежды жителей Крайнего Северо-Востока и остальной территории расселения – непременный атрибут всех работ об этой территории*:* «Оленному чукче олень составляет все в жизни: он им питается, им пользуется при кочевании; из оленных шкур он шьет себе одежду и обувь: кухлянки, камлеи, сары (сапоги), чажи (чулки), канайты (штаны), малахаи (шапки)» [15: с. 31].

Этимология русского слова «кухлянка» связана со словом «куколь» (*куколь* > *куклянка* > *кухлянка*), которое в словарях профессиональной и диалектной лексики середины XIX в. описывается как «мешок, надевающийся на голову и пришитый к куклянке» [2: с. 96].

Впервые слово «куклянка» нашло отражение в документах на территории Якутии в значении «длинная нераспашная одежда из шкур с капюшоном»: «И сверх окладу шубы собольи, парки и куклянки, и бобры сбирать (1710); 2 куклянки собольи, оплечье бобровое».

Лексикографические материалы XIX в. зафиксировали слово «куклянка» уже с существенными признаками реалии: «*Обл.* Верхняя одежда или шуба, сшитая из кож оленьих в длину пониже несколько колен, с широкими рукавами и назади с кулем» [13: с. 475]. «*Обл.* Верхняя одежда, сшитая из оленьих кож, длиною ниже

колена, с широкими рукавами и капюшоном» [14: с. 234].

Наиболее полное толкование этой лексической единицы представлено в других источниках: «Зимняя верхняя одежда, не распашная, наподобие рубашки; шьется из выделанных оленьих с шерстью шкур; бывает крашеная ольхой и двойная (парная куклянка): шерстью на обе стороны, а мездрой вместе; к верху пришивается кукул». «Куклянка – зимняя, нераспашная, верхняя одежда наподобие рубашки, из выделанных оленьих шкур с шерстью; к верху пришивается кукуль» [10: с. 44].

Слово «кухлянка» передано в английский язык двумя графическими вариантами: «kuklianka» и «kukhlianka» (перевод представлен Ионой Яжбин Чавасси): «Кухлянка была подпоясана, и на поясе висел охотничий нож» [12: с. 96] – «The kuklianka was belted, and the hunting knife hung from the belt» [21: с. 124] и «Она достала из кожаного мешка одежду для дальней дороги – широкую кухлянку мехом наружу, пыжиковую нижнюю кухлянку,…три пары торбасов,…» [12: с. 10] – «She took out clothing for a long journey from a large sack — a wide kukhlianka with the fur facing out, an under-kukhlianka made of baby deer hide, …three pairs of torbasses…» [21: с. 15].

Чукотскую одежду, сшитую из двух некрашеных шкур, местное русское население на Колыме называло «кукашка». Эта безэквивалентная лексическая единица описывается как «короткая верхняя меховая одежда», «меховая рубашка» и «глухая одежда без капюшона» [16: с. 86].

Кукашка служила основной одеждой для пастухов [11: с. 29] и представляла собой выношенную верхнюю или нижнюю меховую зимнюю одежду, которая по-чукотски называлась «иръын» [16: с. 15].

Так, в русскоязычной художественной литературе о Севере представлено такое описание этой одежды: «Чукоч спасали от холода теплые кукашки, сшитые из самого пышного густошерстного пыжика, лоснившегося, как бархат, и отливавшего красивым коричневым цветом. Кто был чувствительнее к холоду, втягивал голову в глубину широкого ворота, опушенного полосой собачьего или волчьего меха, и, выпростав руки внутрь, складывал их на груди, напоминая огромную черепаху и согреваясь своим собственным теплом» [10: с. 223–224].

Варианты слов «парка» и «перка» встречаются в документах 1678–1683 гг., где они употребляются как синонимы в значении «зимняя верхняя одежда северных народов, шитая из оленьих, песцовых или иных шкур мехом наружу» [14: с. 154]. Например, лексическая единица «парка» присутствует в документах 1678 г.: «Парка оленья добрая цена полтина. Его синоним перка встречается в документах 1683 г.: «Имали де съ них прежъ... ясаку ...чюмы ролдужьи, и половинки лосиные, и волки, и розсомаки, и рыси, и перки оленьи и песцовые» [16: с. 143].

Первое этнографическое описание этого типа верхней одежды встречается у С.П. Крашенинникова, который назвал особенности покроя «парки» и её отличительные признаки: «длиною бывает с куклянку, в подоле шире, а под мышками уже, с рубашечным воротом и с рукавами узкими» [9: с. 44:]. В трудах некоторых исследователей Северо-Востока также находит отражение эта лексическая единица: «парка – длинная кухлянка из шкуры пыжика – молодого оленя» [2: с. 68]. Так, в терминологическом словаре В.П. Бурнашева слово «парка» с территориально-ограниченным значением впервые было отмечено только в середине XIX в.: «Зимняя одежда вроде шубы без разреза спереди и без кукуля. иркут. камч. Тобол» [10: с. 153]. У В.И. Даля эта лексическая единица имеет сибирское происхождение, и указывается тот факт, что её надевают на другую одежду: «Парка ж. сиб. зимняя верхняя одежда самоедов, камчадал, или русских, из оленины, собачины, овчины; ее надевают сверх малицы, и потому она шире ее, такая же круглая (глухая, без разрезу) и без куколя; пыжиковые парки нередко бывают двойные, налицо и наничку» [5: с. 18].

Следует отметить, что выявление противоречий, связанных с описанием сравнительно-отличительных признаков этого типа одежды не являются целью данной работы. Мы только попытались создать общее представление о ней, а также исследовали этимологию слова «парка» в русском языке.

Современные историко-этнографические исследования о чукчах упоминают этот термин при описании национальной одежды: «Тело покрывают две меховые рубашки. Летом обе из поношенного меха или меха оленят, зимой нижняя рубашка – такая же. <...> Эти парки имеют сверху лишь небольшой круглый вырез на груди, доходят внизу до середины бедер и подвязываются кожаным ременным поясом, застегиваемым спереди костяными застежками» [7: с. 81].

В словарных источниках лексическая единица «парка» также нашла своё отражение. М. Фасмер утверждает, что это слово восходит «скорее к ненецкому слову *parka*, через посред-

ство коми parka» [17: с. 207]. Однако В.П Бурнашев относит его к финским заимствованиям [2: с. 373], отмечая, что это «одежда вроде рубашки встречается на Оби, на Камчатке». В качестве этимона приведено слово «порга» из языка самоедов.

В современном русском языке слово «парка» рассматривается как областное в значении: «Верхняя зимняя одежда северных народов, сшитая обычно из оленьих шкур мехом наружу» [3]. Тем не менее некоторые исследователи не отмечают областной характер слова, а рассматривают его как экзотический этнографизм, очерчивая территорию распространения реалии, названной этим словом: «Верхняя зимняя одежда в Северной Сибири, сшитая обычно из оленьих шкур мехом наружу».

В английский язык данная лексическая единица заимствована путем транслитерации: «At the present time there is a renewed interest in sewing fur parkas, especially fancy ones, a trend that is evident among all Alaska Eskimo women…» [20: с. 158]. Кроме того, это слово заимствуется в английский язык описательно: «hooded outer garment» [23: с. 275] или «a heavy cold-weather jacket with an attached hood». В настоящее время данное слово нашло широкое функционирование в английском языке. На запрос «parka» поисковая система Google дает 6590000 контекстов данного слова, вошедшего также во все толковые и энциклопедические словари английского языка, включая народную онлайновую энциклопедию Wikipedia [22: с. 656].

Другим типом верхней одежды, характерной для народов Севера, является камлея или камлейка, которая представляла собой особую верхнюю одежду русского и местного населения на Крайнем Северо-Востоке России. Вероятно, в середине XVIII в. значение слова только начинало формироваться в среде русского населения Восточной Сибири. С.П. Крашенинников об этой реалии говорит только то, что «камлея длиннее куклянки: разность ... от куклянок состоит в одной длине, сверх того никакими красками не красится**.** Но и сие от Коряк же получается» [9: с. 44]. Более полное значение этого слова можно найти в словарях, которые рассматривают его в более узком значении: на Камчатке камлея шьется «…из дымленых оленьих шкур с подрезанной шерстью» [10: с. 240]. Шкура оленя с укороченной шерстью, которую некоторое время коптили над очагом, приобретала водоотталкивающие свойства, это позволяло шить из нее непромокаемую одежду. «Камлея – верхняя нераспашная одежда; кроится как рубаха, с кукулем на голове; шьется из ровдуги, сивучьих горл или нерпячьих кишок, для защищения от мокроты. Одежду эту носят в Сибири» [2: с. 262].

Следует отметить, что данная безэквивалентная лексическая единица произошла от чукотского слова «кэмлилюн» и означает «верхний балахон (обыкновенно из ровдуги)». Упоминание слова «камлея», описывающего традиционную одежду чукчей «из ткани (дабы, ластику или ситцу)», свидетельствует о новом типе материала, который стал использоваться позднее при шитье этой одежды.

С расширением торговых связей на Крайнем Северо-Востоке России камлеи начинают шить из разных материалов. В селе Марково на Чукотке летом на улице, «…а также в жилищах мужчины и такого же вида, как кухлянка, но сшитый из замши или американской белой дрели [2: с. 39]. В изморозь или пургу мех кухлянки предохраняется от налипающего снега легким балахоном (комлея) из узорчатого ситца (американского)» [2: с. 103].

Благодаря тому, что «камлеи» начали изготавливаться из разных материалов, лексическая единица, обозначающая этот тип верхней одежды, стала многозначной: «ровдужная камлея» – более теплая, прочная; «камлея из ситца» применялась как маскировочный халат у охотников и для защиты от снега меха кухлянки. Оба типа одежды могли использоваться не только как чехлы на меховую одежду, но и как самостоятельная одежда в теплое время года.

Безэквивалентное лексическое заимствование «камлея» представлено способом транскрипции или трансфонации в английском языке: «kamleia or kamleika is a Chukchi word for a waterproof outer garment worn over fur clothing in rainy or snowy weather, extreme cold or during hunting at sea. Also worn by itself as summer clothing. Before the arrival of the Russians in Alaska the Aleuts and Eskimos sewed kamleis from sea animal gut or fish skin» [20: с. 114] – «Камлея» или «камлейка» является чукотским словом для обозначения водонепроницаемой верхней одежды, которая надевается поверх меховой одежды в любую погоду, а также во время морской охоты. Эту одежду можно было носить и летом. До появления первых русских на Аляске, алеуты и эскимосы шили «камлейи из кишок морских животных или из рыбьих шкурок» (наш перевод).

Следует отметить, что вхождение слов из чукотского языка в английский происходит в основном благодаря тому, что русский язык высту-

пает в качестве языка-посредника между ними. Вхождение безэквивалентных лексических единиц из эскимосского языка в английский язык происходит при их непосредственном контакте.

Кроме того, вышерассмотренная лексическая единица имеет следующие варианты заимствования в английском языке: «waterproof parkas», «full-length frocks» [20: с. 51]; «overall», «waterproof outer garment worn over fur clothing in rainy or snowy weather, extreme cold or during hunting at sea. Also worn as summer clothing, kamleiki или kamleis» [20: с. 15].

Художественные тексты также упоминают этот тип одежды: «Она достала из кожаного мешка одежду для дальней дороги – ... рукавицы, камлейку из оленьей замши, окрашенную охрой…» [12: с. 11] – She took out clothing for a long journey, from a large sack – mittens, a chamois ochre-dyed kamleika…" [12: с. 15]. Несмотря на утверждение В.И. Даля о русском происхождении слова «камлейка», мы склонны принять точку зрения Богораза, который указывает на то, что оно образовалось от чукотского «кэмлилюн», обозначающий «верхний балахон» [1: с. 224].

Следует отметить, что при освоении лексической единицы «камлея» русским языком, слово получило грамматический статус существительного женского рода первого склонения и находится в процессе заимствования в английский язык. Кроме того, заимствование этого чукотского слова, как и многих других слов в английский язык происходит посредством русского языка.

Среди чукчей, коряков и ительменов был распространен комбинезон, называемый «хоньбы». С.П. Крашенинников пишет, что «оно» (комбинезон – автор статьи) бывает летнее и зимнее; летнее шьется из ровдуг или кож морских зверей, выделанных наподобие ровдуг, а зимнее из оленьих…» [8: с. 81].

При заимствовании данной безэквивалентной лексической единицы, описывающей этот вид женской одежды в английском языке, использован (1) способ прямого фонетического заимствования: «khonba» и (2) описание: «combination suit», дословно «комбинированный костюм». «Чукотские женщины носили эту одежду круглый год. Она представляла собой меховой комбинезон с V-образным вырезом, без капюшона», который «зимой обычно утеплялся (удваивался) мехом вовнутрь» [20: с. 210–211]. На эту одежду чукотские женщины надевали парку. Данная лексическая единица образована от ительменского «хоп'р», означающего «комбинезон», где в качестве этимона этого слова служит женское нижнее платье, в котором «они (женщины – автор статьи) дома обыкновенно ходят, содержат и штаны, и душегрейку вместе сшитые». Штаны длиною и шириною подобны Голанским брюкам и также подвязываются ниже колена: а душегрейка с воротом, который на веревочке и стягивается и распускается. Сие платье называется хоньбами и с ног надевается» [10: т. 2]. Другие этнографические материалы описывают «хоньбы» как «женское коряцкое платье, состоящее из весьма широких штанов» [10: с. 257]; «*кмч.* Коряцкая женская одежда из собачины» [3: с. 560].

При обряде сватовства у ительменов мы находим следующее: «Девку в три хоньбы, в оленьи меховые штаны с душегрейкой обрядят. Хоньбы, они с завязками, ниже колен, перетягиваются и по вороту» [8: с. 208].

Укенчин, как ещё один тип верхней одежды у народов Севера, в частности у чукчей, представляет собой «непромокаемый плащ, дождевик, который шьётся из оболочек кишок, а также «из клеенки розового или белого цвета» [11], «надевается обязательно поверх камлейки и … на кухлянку. Укенчин легче дождевика из клеенки и в сухом виде весит не более 300 грамм» [11] и «укенчина плохая, дрянная оленья кожа без шерсти, иногда нарочно и особливо приготовленная, служащая для покрывания чего-нибудь от сырости и мокроты» [10: с. 256].

Безэквивалентная лексическая единица, называющая эту одежду, имеет несколько графических вариантов написания: укэнчин, укэнчит, уккэнчин [12: с. 6]; уккэнчи и укэнчи, укенчи [11: с. 107].

Это понятие, заимствованное в английский язык, получает в английском языке наименование посредством экспликации, передано следующими вариантами: «cape of walrus intestines» [21: с. 132]; «rain parka of seal gut», «ugruk intestine rain parka», «a waterproof parka of ugruk intestine»; «waterproof gut parka», «outer garment of sea mammal intestines» и «cape» [19: с. 56].

Своеобразная одежда, принадлежащая приморским корякам, – так называемая «гагагля», – «повседневная рабочая и праздничная одежда женщин приморских и кочевых коряков …, она называется кагав'лён местными, русское население называет её гагагля или гагагль» [7: с. 72].

Данная лексическая единица произошла от корякского слова «кагав'лен», которая в этнографической литературе описывает этот тип одежды, как «Верхняя одежда из грубых оленьих шкур; куклянка, с длинношерстною – из собаки или раз-

сомахи – опушки по кукулю для закрывания лица от непогод, не бывает двойная» [10: с. 242];

Русские лексикографические материалы также зафиксировали это слово: «гагагля – самая верхняя одежда камчадал и коряков, оленья рубаха сверх кухлянки, шерстью внутрь, с видлогою» [3: с. 339], где оно имеет еще один вариант графического написания – «кагагля, ж. сиб. верхняя куклянка, из простых оленьих шкур» [4: с. 71].

В силу своей слабой освоенности в английском языке данное слово передается в английский язык описательно: «woman outer garment worn over fur clothing in bad weather or during extreme cold» [19: с. 24].

Другим элементом верхней одежды у чукчей была шапка-малахай. Следует отметить, что головные уборы носили редко, в основном в дороге. М. Фасмер указывает на заимствование этого слова из монгольского языка «mala, gai шапка малахай», зафиксировав его как «малахай, меховая шапка с наушниками, олонецк (кулик), махлай, махлак, махалай – то же, *арханг.* (Подв), также махлай, махалай, махлак, меховая шапка из оленьей шкуры; *арханг.* (Подв) [17: с. 585]. Тем не менее в словаре Даля и Ожегова присутствуют и другие значения слово «малахай»: "м., вост. Большая ушастая (или с лопастями) шапка на меху; две лопасти кроют щеки, одна затылок, небольшая, четвертая — лоб/кафтан в накидку, либо в рукава, но без пояса, враспашку…/мужик колпак, смирный. Баба-ай-ай, а муж – малахай. южн. длинная плеть, кнут. Малаханый, к нему относящ. Малахайник м., кто носит шапки малахаи, напр. башкир, киргиз/Пск. твер. бранная грубый неуч и Род старинного крестьянского головного убора – большая шапка на меху с наушниками. 2. Род старинной крестьянской одежды – широкий кафтан без пояса» [4: с. 292].

Интересным представляется тот факт, что слово «малахай» заимствовано из русского в английский язык способом транслитерации: «malakhai», с описанием этого элемента одежды: «fur cap with large ear-flaps» и только в значении головного убора.

Один из героев произведения Ю. Рытхэу, замечает: «После головы у человека на втором месте – ноги» [12: с. 449], тем самым, подразумевая, что хорошая и надежная обувь является неотъемлемой частью верхней одежды северных людей. Рынтин, герой романа «Время таяния снегов» рассказывает: «Торбаса…зимой меховые, летом шьют из оленьих лапок – камусов, а подошву делают из лахтачьей кожи. Летние сапоги из тюленьей кожи называются «кэмыгэт». Их плотно прошивают оленьими жилами, чтобы не протекали» [12: с. 449].

Русское слово «торбаза» произошло от якутского слова «этербес»: «Меховые сапоги — плекты у чукчей делаются короткими…Русские нередко носят высокие меховые сапоги до колен иди до бедер, по эвенскому образцу, и называют их торбасами (от якутского этербес)» [2: с. 66].

Существуют различные названия для обозначения слова «торбаза*:* ивг'усик (эск) — летние торбаса с высокими голенищами», «студъюг'ык, у эскимосов, которые шьют в виде короткого чулка, немного заходящего за щиколотку…», «кэмыгэт – высокие торбаса» или *(чук)* «камгыт» – всякая обувь из кожи тюленей» [7: с. 40].

В словарных материалах этот вид обуви описывается следующим образом: «торбаса -ов, ед. то'рбас, а и, торба'с, -а,м. На Севере: теплая обувь из оленьих шкур» и «то'рбасы, торбаса' м. мн. в сиб. мягкие оленьи сапоги; обувь коряков и камчадалов, мужские короче, вполголени, с оборами, женские – до колен» [6: с. 418].

В английском языке данная безэквивалентная лексическая единица имеет такие варианты – графического написания, отражающие фонетический образ слова: «tarbossa», «torbasses» [21: с. 39].

Следующим видом обуви являются унты (от эвенкийского *unta* = обувь) — меховая обувь на мягкой подошве, распространенная у народов Севера и Сибири; *ж. мн. сиб.* жутулы, бахилы, сапоги из замшевой оленины, конины, барловины [4]; меховая обувь [7: с. 168]. Данное слово, обозначающее этот вид обуви, передается в английский язык транслитерацией: 1) «untas» и 2) описательно: «native footwear made of elk or deerskin finished much like suede».

В одних этнографических источниках слово «чижи» трактуется как «меховые чулки», а в других – как короткая меховая обувь» [7: с. 58], «носки из оленьей шкуры» [12: с. 61].

В своих словарных материалах В.И. Даль указывает на камчатское и сибирское происхождение этой лексической единицы, с вариантами графического написания: «чаж – м. чажи, мн. камч. носки, карпетки, меховые или из шерсти. Собачьи, волчьи чажи» [6: с. 580] и «чижи», *сиб.* «остяцкие чулки из пыжика, шерстью внутрь» [6: с. 604].

В русскоязычной художественной литературе, описывающей верхнюю одежду людей Севера, нередко встречается данное слово: «Зимнюю обувь носят обязательно с чижами – оленьими чулками мехом внутрь» [12: с. 449].

Интересным представляется тот факт, что слово «чижи» передано в принимающий английский язык как «chizi»; «fur stockings» [21: с. 110] – другая лексическая единица, выражающая данный концепт.

Лексическая группа слов, называющая меха и выделанные шкуры, включает в себя слова-реалии: «выпороток», «пыжик», «неблюй», «мездра», «мандара», «мандарка», «камус», «ровдуга», «ретем/рэтэм», «лахтак». В зависимости от цели и назначения эти меха и выделанные шкуры применялись при шитье нижней, верхней одежды, в хозяйстве, строительстве жилищ. Использование этих слов позволяет авторам более реалистично показать север через описание быта, предметов обихода и домашней утвари.

Из этой лексико-семантической группы рассматриваются такие перезаимствования в английский язык, как «камус» и «лахтак», а также группа слов, обозначающая названия оленьего меха в зависимости от возраста животного.

В этнографической литературе упоминается следующий вид одежды чукчей: «От колена, а иногда и выше, штаны книзу сшиты уже не из пыжика, который был бы здесь непрочен, а из оленьих камосов» [2: с. 102]. Понимая, что данное слово не будет понятно массовому читателю, В.П. Бурнашев предоставляет своё толкование: «Гладкая, прочная шкура передней части голени» [2: с. 102].

В русском языке XVII в. это существительное встречалось в формах «камас (камос), камыс (камесъ, камус)». Форма «камасы» встречается в таможенных книгах (1651) северного речного пути (Великий Устюг и др.): «Явилъ продать ... 64 оленины, четырнатцатеры кисы оленьи, шестнадцатеры камасы, две ровдуги» [16: с. 109]. «В якутских актах (1640) – камысы (Пимы новые олень<ь>и шиты из двунатцети камысов...), камесы (Дватцат<ь> камесов изюбревых) и камусы (Дватцат<ь> камусов лосиных)» [16: с. 109].

Это слово зафиксировано в одной из первых работ историко-этнографического характера «Описание земли Камчатки» С.П. Крашенинникова, где для изготовления лыж используется «камас»*:* «с исподи подклеивают их камасами или кожею с лосинных или оленьих ног» [8: с. 244]. Далее он отмечает, что этот тип шкуры применялся при пошиве мужских штанов: «оленьи или волчьи камасы, вверх шерстью» [8: с. 45].

В середине XIX в. слово «камас» в значении «шкура» было отражено в словаре специальных терминов: «Шкура с оленьих голеней, с низкою, плотно на них лежащею шерстью; употребляются более на «торбаса» (сапоги) и тогда их называют камасные торбаса» [2: с. 261].

Некоторые источники свидетельствуют о заимствовании в английский язык слова «камыс (камошница)» с лопарским «gamas» – шкура из ног четвероногих животных» [18: т. 1]. Из материалов «Словаря русского языка XI–XVII вв.» видно, что все формы слова: «камыс», «камас» и «камус» встречались в письменных памятниках русского языка. Эти варианты слова «с различными гласными звуками во втором безударном слоге отражают внутридиалектные колебания заударных гласных, что столь обычно для областных слов из устных заимствований». Кроме того, в саамском оригинале «kвmas, kamas, kam's» может по-разному реализовываться гласный второго слога, так как он является «смешанным», восходит к *е,* «звучит неопределенно и напоминает в некоторой степени русский звук *ы*» [2: с. 102]. Все варианты этого слова могут быть переданы в упрощенной транскрипции «kamas» [16: с. 189].

М. Фасмер полагал, что между словами «камасы» и коми-зырянским словом «kamis» существует связь. Однако И.С. Вахрос считает, что коми-зырянское слово, скорее всего, наоборот, было заимствовано из русского языка: «камыс – полоса шкуры с оленьей ноги на подбой лыж и на обувь». О саамской этимологии этой лексической единицы говорит тот факт, что русские с древних времен имели связи с саамами, жившими в XIV в. в окрестностях Онежского озера. Слово имеет разные варианты графического и фонетического написания: «камасы» [8: с. 37], «кбмыс», «кбмысы» [9: с. 59], кбмус, «кбмусы», «камэсья» [2]. Как термин оленеводства, кожевенного и обувного дела он встречается в специальной литературе. Таким образом, эта реалия в русских народных говорах имеет значения: 1) голень лося (Иркутск); 2) шкура с голени лося, оленя и др. копытных, которую используют на изготовление обуви, рукавиц, на подбивку лыж (Архангельск, Печора, Сибирь, Иркутск, Якутск, Енисей, Камчатка); 3) меховые сапоги – торбаса (Камчатка, Архангельск, Сибирь); 4) меховые рукавицы (Архангельск, Сибирь).

Так, слово «камус» передается в английский язык (1) транслитерацией: «stockings, made of long-hair kamus» [20: с. 24] и «Он принес в дар…множество камусов на торбаса» [12: с. 225] – «He arrived with a gift of …lots of kamusses for torbasses» [21: с. 288] и 2) описательно: «reindeer leg skins» [20: с. 68].

Интересным представляется тот факт, что слово «лахтак» имеет два основных случая упот-

ребления: 1) крупный тюлень, который еще называется «морским зайцем» и 2) шкура или кожа из всех видов тюленей – «air dried skins of all seals» [20: с. 174]. Разнообразные источники зафиксировали это слово: «лахтак» или «морской заяц» – «крупный тюлень, широко распространен в Арктике» [7: с. 177]; «phoca barbata» – «крупная порода с твердой и крепкой кожей» [20: с. 220]. Авторы, пишущие о Севере, в частности, о жизни береговых или приморских чукчей, также нередко упоминают «лахтака», который являлся неотъемлемой частью жизни коренных жителей Севера: «Нужен лахтак, – все чаще повторяла Пыльмау, обращаясь к мужчинам. – Ничего нет на подошвы. Если не добудете лахтака, босыми останетесь» [12: с. 77]. – «We need lakhtak, Pyl'mau remarked to the men with increasing frequency. There's nothing left for shoe soles. If you don't get some, you'll end up going barefoot» [21: с. 100].

Слово «лахтак» имеет свои названия на чукотском языке «унъэл», на эскимосских диалектах «маклъак» *(чапл. и наук.),* «угрук» *(сирен.).* Тем не менее в английском языке это слово имеет следующие варианты заимствования «loughtak», «lakhtak», «lahtak» (skin) [21: с. 15], также «seal skin».

Словарь М. Фасмера зафиксировал следующее значение этого слова, указывая на его архангельское происхождение: «лахтак», «лафтак», «лавтак» – «шкура тюленя с салом; большой тюлень, арх. Лоскут, лохмотья; Phoca barbata, также шкура, идущая на ремни…» [17: с. 468].

В зависимости от времени убоя (летом, весной), шкуры оленей использовались в определённых целях. К ним относятся следующие безэквивалентные единицы: «пыжик», «неблюй», «выпороток». Интересным представляется тот факт, что эти реалии слабо усвоены английским языком и не имеют собственных (самостоятельных) названий в отличие от русского языка, где такая разница в особенностях оленьего меха известна лишь специалистам и коренным жителем невыделанные шкуры телят северного оленя включают в себя следующие виды: *выпороток*, *пыжик*, *неблюй*, названия которых не имеют специальных эквивалентов перевода на английский язык.

Слово «выпороток» встречается в произведениях авторов, описывающих быт и материальную культуру народов Севера, где оно обозначает «шкуру молоденького оленьего телёночка» [1: с. 281], «сорт оленьей шкуры» [12: с. 20]. Однако художественные тексты не предоставляют полного толкования отличий этого вида шкуры. Лексикографические источники тем не менее содержат более полное представление о нем: «выпороток – м. (спец) шкура недоношенного животного, вынутого из живота самки».

Лексическая единица «выпороток» представлена в английском языке в виде описательной структуры «raw calf skins of northern deer» [20: с. 89].

Разновидность оленьего меха, представленная безэквивалентной лексической единицей «пыжик», часто встречается в русскоязычной этнографической литературе, художественных текстах, но без толкования особенностей этого типа шкуры: «пыжик – шкура весеннего молодого оленя» [7: с. 161]. Мы полагаем, что русские словарные материалы зафиксировали более полно и подробно термин «пыжик – теленок северного оленя в возрасте до 1 месяца. Из шкурок (мех также называется пыжик) шьют меховые изделия, в основном, головные уборы» или «…теленок северного оленя, а также мех его» [17: с. 584].

Путём исследования различных англоязычных источников и материалов, были выявлены следующие варианты передачи лексической единицы, обозначающей такой тип меха, как «пыжик» в английский язык: 1) «a piece of fur» [21: с. 74]; 2) «Baby reindeer skin» [21: с. 43]; 3) «fawn skin» [21: с. 41]; 4) «young deer skin»; 5) New-born fawn skins for underclothing; 6) «two-month-old fawn skins for the outer wear» [20: с. 71].

Слово «неблюй» нередко встречается в русскоязычной этнографической литературе при описании одежды: «Неблюй – тонкая шкура двух с половиной – трехмесячного теленка, снятая в конце лета», «шкура из молодого оленя особенно осеннего убоя» [7: с. 161].

Словарные материалы В.И. Даля зафиксировали это слово, с указанием на архангельско-сибирское происхождение этой реалии: «Неблюй – м. *арх.* сиб. олений теленок, старее пыжика, до полугода; неблюйка ж. шкурка неблюя, неблюйчатая шуба, даха, надевается в жестокую стужу, сверх пыжиковой одежи» [4: с. 502]. В словаре Фасмера также отразилась эта лексическая единица, немного в другой графической форме: «неплюй – это олененок, не достигший года, *арх. сиб.* Произошло из ненецкого neblu» [17: с. 53]. Как видно из примеров, такое описание меха является неточным и расплывчатым, не выделены чёткие границы между этими безэквивалентными лексическими заимствованиями.

Необходимо отметить, что не каждая безэквивалентная единица является результатом заим-

ствований, поскольку эта единица, несущая национально-культурный компонент, может быть представлена собственными языковыми средствами принимающего языка (в нашем случае, английского). Однако каждое заимствование из языков «северных» народов является безэквивалентной единицей.

После того, как заимствованная безэквивалентная лексическая единица вошла в язык, она начинает жить своей жизнью, независимо, как правило, от жизни её прототипа в языке – источнике. С течением времени её звуковой облик всё больше приближается к структурам, типичным для данного языка. Такая лексическая единица проходит стадии освоения, ассимиляции или адаптации, то есть приспосабливается к фонетическим, графическим, грамматическим и лексико-семантическим нормам заимствующего языка. В каждом из этих процессов при заимствовании в английский язык безэквивалентных лексических единиц Севера, наблюдаются особые черты и свойства. Заимствованные безэквивалентные лексические единицы из языков народов Севера всё ещё находятся на стадии адаптации в английском языке и процесс этот ещё не завершён.

В настоящее время английский язык продолжает пополняться словами из разных языков, включая и языки автохтонных народов Севера. И несомненна роль русского языка как посредника в языковых контактах чукотского языка с англоязычными носителями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богораз, В.Г.* Восемь племен / В.Г. Богораз. – Магадан, 1979.

2. *Бурнашев, В.П.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного / В.П. Бурнашев. В 2 т. Т. 1. – СПб., 1843–1844.

3. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1 / В.И. Даль. – М.: 1880–1882., СПб.

4. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2 / В.И. Даль. – М.: 1880–1882., СПб.

5. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3 / В.И. Даль. – М.: 1880–1882., СПб.

6. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4 / В.И. Даль. – М.: 1880–1882., СПб.

7. История Чукотки с древнейших времен до наших дней. – М., 1989.

8. *Крашенинников, С.П.* Описание земли Камчатки / С.П. Крашенинников. В 2 т. Т. 1. – СПб., 1786.

9. *Крашенинников, С.П.* Описание земли Камчатки / С.П. Крашенинников. В 2 т. Т. 2. – СПб., 1786.

10. *Кузмищев, П.Ф.* Собрание особенных, или имеющих другое значение слов и некоторых выражений, употребляемых в Камчатке / П.Ф. Кузмищев // Москвитянин. – Ч. 2. – 1812.

11. *Леонтьев, В.В.* Хозяйство и культура народов Чукотки (1958–1970 гг.) / В.В. Леонтьев. – Новосибирск, 1973.

12. *Рытхэу, Ю.С.* Сон в начале тумана / Ю.С. Рытхэу. – Магадан, 1986.

13. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. В 6 т. Т. 3. – СПб., 1806–1822.

14. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Импер. Академии наук. В 4 т. Т. 2. – СПб., 1847.

15. *Слюнин, Н.В.* Экономическое положение инородцев северо-восточной Сибири / Н.В. Слюнин. – СПб.,1895.

16. *Соколянская, Н.Н.* Региональная лексика в литературе о Крайнем Северо-Востоке Сибири XVIII – начала XX веков / Н.Н. Соколянская. – Магадан, 1998.

17. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 Муза-Сят / М. Фасмер; пер. с нем и доп. О. Н. Трубачева. – 3-е изд., стер. – СПб., 1996.

18. Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных / К.А. Шеффер // Материалы для словаря русского языка. Т. 1., тетр. 1, XIV, стлб. 145–165. (Приб. к Изв. ОРЯС, т. 1, 1852).

19. Alaska Geographic, Vol. 7. № 3, 1980.

20. *Fitzhugh, W.W.* Crossroads of continents: cultures of Siberia and Alaska / W.W. Fitzhugh, A.L. Crowell. – Smithsonian Institution Press, 1988. – 1035 p.

21 *Rytkheu, Y.A.* Dream in Polar Fog / Y.A. Rytkheu.– Archipelago Books, New York, 2005. – 338 p.

22. The Scribner-Bantam English Dictionary, Edwin B. Williams. – New York: Copyright. – P. 656.

23. Webster Dictionary and Roget's Thesaurus, Ottenheimer Publishers, Inc., 1992. – 1024 p.

СТИЛЕВОЕ РАЗЛИЧИЕ РУССКО-ПОЛЬСКИХ ИНТЕРОНИМОВ

Г.А. Хрестолюбова

Хрестолюбова Галина Александровна – старший преподаватель, аспирантка кафедры стилистики русского языка и журналистики Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан).

Контактный адрес: brams73@mail.ru

Статья посвящена одной из актуальных проблем межкультурной коммуникации – межъязыковой омонимии, или интеронимии в русском и польском языках. Анализируя стилевое значение русско-польских интеронимов, автор классифицирует данные языковые единицы в зависимости от сходства и различия их стилистического значения.

Ключевые слова: интерференция, интеронимы, стилевое значение, лексико-стилистические ошибки.

Как известно, работа У. Вайнраха «Языковые контакты» положила начало широкому изучению явлений, связанных со смешением языков, т. е. интерференции. На современном этапе исследования природы аномалии учеными выделяется интерференция языковая и речевая, межъязыковая и внутриязыковая, общая и индивидуальная. В качестве одной из разновидностей межъязыковой интерференции рассматривается межъязыковая омонимия, или интеронимия. Данный термин предложен профессором А.Т. Липатовым для обозначения слов, схожих или тождественных в фонетическом плане, но различных в семантическом значении, добавим, не совпадающих чаще всего и по стилистической окраске.

Концептуальная сущность интеронимов, в частности, русско-польских, представлена в работах таких исследователей, как А.Т. Липатов, Е.А. Косых, Г.И. Климовская. Рассматривая особенности межкультурной коммуникации, ученые отмечают, что интеронимии подвержены не только отдельные лексемы, но и лексические ряды, которые могут образовывать целые интеронимические поля. В данной статье явление интеронимии будет рассмотрено нами только на лексическом уровне, точнее на лексико-стилистическом, поскольку предметом данного исследования является стилевое значение интеронимов, с целью создания единой стилистической классификации, которая окажет существенную помощь в работе по предупреждению возможных не только лексических, но и лексико-стилистических ошибок при изучении польского языка в русскоязычной аудитории.

Иллюстративным материалом работы послужили словарные источники (Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова и Rosyjsko-polski słownik homonimow miedzyjezykowych copyright by Krzysztof Kusak).

Под стилевым значением мы, вслед за Л.Г. Барласом, понимаем «такое качество слова, связанное с типичными для него сферами употребления, которое прежде всего известным образом характеризует речь, а через нее и участников общения» [1]. Поскольку по стилевой принадлежности языковые единицы делятся на три основных разряда – книжные, нейтральные и разговорные, то и русско-польские интеронимы мы дифференцируем с учетом совпадения или несовпадения их стилевого значения, на основе чего нами выделены две группы интеронимов: тождественные в стилевом значении и нетождественные в стилевом значении, последние, в свою очередь, подразделяются еще, как минимум, на три подгруппы. Основанием выделения подгрупп является полимерность функционально-стилистической парадигмы, которая зафиксирована в словарных статьях в виде стилистических помет, что дает нам право выделять подвиды в зависимости от широты спектра стилевого значения:

1) стилевой спектр интеронимов совпадает;

2) стилевой спектр русских лексем шире в сравнении с польскими вариантами;

3) стилевой спектр польских лексем шире в сравнении с русскими вариантами.

Проиллюстрируем сказанное.

1. Интеронимы, совпадающие в стилевом значении

К этой группе относим интеронимы, имеющие одинаковое стилевое значение в русском и польском языках. Например: **Smutny** – грустный, печальный *Smutne spojrzenie (печальный взгляд).*

Смутный – неясный, неотчетливый *Смутные очертания.* В обоих случаях стилистически нейтральная окраска, эмоционально-экспрессивные оттенки не выражены. Или **wyrzyga** – рвотный процесс. *On to zraz wyrzyga* и **выжига** – плут, пройдоха, прижимистый человек *Хозяин наш выжига и злодей.* В данных примерах отмечаем стилистически сниженный характер (просторечие), эмоционально-экспрессивные оттенки ярко выражены.

2. Иинтеронимы, не совпадающие в стилевом значении

Данная группа представлена тремя подгруппами, основным критерием в которых является количественный показатель.

А) стилевой спектр русских лексем шире в сравнении с польскими единицами. Например, **лихой** – 1) приносящий беду (стилевая принадлежность – разговорное, просторечное, устаревшее) – *Лихая година*; 2) молодецкий, удалой (нейтральная стилевая принадлежность). *Лихая атака* и **liche** – бедный, убогий (стилевая принадлежность нйтральная) *Liche zdrowie;* или **выстроить** – 1) возводить, сооружать или становиться в строй (в обоих случаях нейтральная стилевая принадлежность). *Выстроить дом или выстроить батальон;* 2) командовать кем-либо с целью подчинения (стилевая принадлежность – разговорное, просторечное) *Выстроить домашних* и **wystroić –** разодеться, нарядиться (по стилевой принадлежности разговорное, просторечное) Wystroić sie jak na bal.

Б) *стилевой спектр польских лексем шире в сравнении с русскими единицами.* Например, **зараз –** сразу, за один прием (стилевая принадлежность – разговорное, просторечное). *Съесть все зараз* и **zaraz –** 1) сейчас (нейтральная стилевая принадлежность) *Zaraz napisze*; 2) сразу (нейтральная стилевая принадлежность) Wejdzesz zaraz po nim; 3) недалеко, рядом (стилевая принадлежность – разговорное, просторечное) zaraz za rogiem; или **баллон –** шарообразный сосуд специального назначения (нейтральная стилевая принадлежность). *Кислородный баллон* и **balon –** 1) шар (нейтральная стилевая принадлежность) Karnawałowe balony; 2) делать шута из кого-либо (по стилевой принадлежности разговорное, просторечное) *Robic z kogos balona.*

В) стилевой спектр совпадает только в количественном отношении

Например, **дружка** – распорядитель в свадебном обряде (стилевая принадлежность – разговорное, просторечное): *Николай у нас дружка* и **dróżka** – дорожка, тропинка (нейтральная стилевая принадлежность) Dróżki lesne; или **баня** – 1) специальное помещение или учреждение, где моются и парятся (нейтральная стилевая принадлежность): *Пойти в городскую баню;* 2) сильно ругать кого-либо (стилевая принадлежность – разговорное, просторечное). *Задать кому-либо баню;*3) беспощадное кровопролитие (стилевая принадлежность – книжное, высокое). *Кровавая баня* и **bania –** 1) крупный шаровидный предмет, купол (нейтральная стилевая принадлежность) *Banie cerkwi;* 2) тыква (по стилевой принадлежности разговорное) Bania marynowana; 3) находиться в состоянии опьянения (по стилевой принадлежности разговорное, просторечное) *Być na bani*.

Рассмотренный нами языковой материал позволяет сделать вывод, что интеронимы, имеющие одинаковую стилевую принадлежность в русском и польском языках, представлены в небольшом количестве (около 17 %), в то время как вторая группа интеронимов – различных в своем стилевом значении – существенно превосходит первую, что объясняется наличием подгрупп, которые в процентном соотношении практически одинаковы (28 %, 29,5 %, 26,5 %). Наиболее частотно совпадение стилевого значения русско-польских интеронимов в разговорном стиле просторечном варианте, что, на наш взгляд, объясняется общими славянскими корнями многих лексем, родственность которых обнаруживается в разговорной речи.

Все это позволяет сделать вывод, что при изучении польского языка русскоязычной аудиторией необходимо учитывать стилевую специфику интеронимов, знание которой поможет коммуникантам избежать многих речевых ошибок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барлас, Л.Г.* Русский язык. Стилистика / Л.Г. Барлас. – М. : Просвещение, 2004. – 95 с.

2. *Косых, Е.А.* О русских и польских лексических единицах / Е.А. Косых // Методика преподавания славянских языков как иностранных с использованием технологии диалога культур: материалы II международной конференции. – Вып. 3. – Томск : ТГУ, 2007. – С. 26–29.

3. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : АЗЪ Ltd, 1992. – 960 с.

4. *Kusak, K.* Rosyjsko-polski słownik homonimow miedzyjezykowych / K. Kusak. – Wrosław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrosławskiego, 2002. – s. 190.

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

И.П. Устинова

Устинова Ирина Павловна – кандидат филологических наук, доцент, доктор философии в лингвистике, доцент кафедры английского языка Юго-Восточного университета штата Миссури (г. Кейп-Жирардо, США).

Контактный адрес: iustinova@semo.edu

Статья описывает жанры коммерческой рекламы в России. Рекламный дискурс имеет свои характерные особенности, одна из них – влияние английского языка и использование двух языков в качестве основного источника языкового творчества.

Ключевые слова: рекламный дискурс, коммерческая реклама, смешение кодов, сравнение, демонстрация, языковой контакт, свидетельство.

Коммерческая реклама может быть определена как продвижение сбыта марок, товаров или услуг на конкурентоспособном рынке с намерением получить прибыль через безличные СМИ [4: с. 14; 7: с. 67; 20: с. 16]. Среди многообразия форм средств массовой информации, таких как печать, радио, телевидение, Интернет, наружная реклама, большое внимание уделяется, прежде всего, языку телевизионной рекламы. Коммерческая реклама представляет собой быстро развивающуюся отрасль в России, наибольший рост расходов которой (63 %) приходится на телевизионную рекламу [11]. Тот факт, что телевизионная реклама – один из новых жанров в российских средствах массовой информации, появившийся благодаря существенным социальным, экономическим и идеологическим изменениям в обществе, делает ее изучение особенно интересным. Одно из главных преимуществ телевизионной рекламы – широкий охват зрительской аудитории. В России, самой большой стране мира, телевидение доступно для обширной аудитории потенциальных потребителей, даже для тех, кто не интересуется печатными изданиями. Телевизионная реклама сильно влияет на аудиторию, так как телевидение является первичным аспектом культуры, источником новостей, образования и развлечения [20: с. 377–378]. Телевидение является уникальной и динамичной рекламной средой, которая стимулирует звуковые и слуховые анализаторы, так же как «…широкий диапазон голосовых качеств, разговорных вариаций, диалогов, и вопросно-ответных интерактивных вариантов» [3: с. 194]. Определенные типы аудиовизуальных эффектов легче достигаются в телевизионной рекламе, поскольку сочетание письменного текста, нелингвистических звуков и образов предлагает демонстрацию, преодолевающую скучное обсуждение товара, который мы не можем увидеть и представить [13: с. 109].

Телевизионная реклама существует в режиме реального времени и использует как слуховые, так и визуальные анализаторы коммуникации, тем самым производя двойной эффект на аудиторию. С одной стороны, взаимодействие вида, звука, движения, драмы и цвета воздействуют на потребителей, заставляя продукты выглядеть более привлекательными и важными, чем на самом деле. С другой – иногда восприятие потребителей отягощено, поскольку когнитивное послание телевизионной рекламы иногда сложно расшифровать. Словесное сообщение может вторгаться в невербальный интерфейс как результат процесса информационной акции. Словесные сообщения могут быть выполнены в устной, песенной и письменной форме; в некоторых случаях эти формы могут частично совпадать и вступать в противоречие друг с другом [3: с. 173; 6: с. 57; 8: с. 3].

Эффективной рекламе и рекламным объявлениям обычно приписываются две главных функции: информационная, заставляющая людей интересоваться продуктом, и убеждающая, которая бросает вызов, захватывает внимание аудитории и делает продукт желанным. Информационная роль подчинена убеждению, которое подводит людей к принятию особого поведения, веры или отношения [2: с. 135; 7: с. 67; 15: с. 36; 18: с. 1]. Так как цель рекламы состоит больше в создании доброжелательных отношений с аудиторией, чем в немедленном повышении уровня продаж, то реклама призвана выполнять определенную роль в трех ступенях поведения потребителя: *осведомленность – испытание – закрепление* [7: с. 63–79]. Но главный акцент рекламы состоит в закреплении чувства удовлетворенности маркой, которая уже используется на рынке.

Убедительная роль рекламы очень близка к образовательным, социальным и идеологическим функциям: реклама обучает и сообщает общест-

венности о продуктах, услугах, организациях в манере убеждения, что повышает «ценность товарных фирменных знаков, прилагая их к тем образам, которые обладают социальными и культурными ценностями» [9: с. 2]. Таким образом, реклама представляет массовую культуру: «В самых худших проявлениях реклама отражает самые низкие глубины того, что мы называем нашей культурой. В своих обыденных проявлениях реклама приносит нам культуру китча. В своих наилучших проявлениях реклама представляет богатство нашей массовой культуры» [13: с. 105]. Реклама – не простое зеркало, которое только отражает культуру и не создает ее, хотя почти каждый верит, что реклама не влияет на них [14: с. 27]. Реклама продвигает, увековечивает и укрепляет определенные идеи и ценности, игнорируя другие: «в полубессознательном со наше поведение и строить нашу личность, поскольку она учит как вести себя и как одеваться, что поесть и куда поехать» [5: с. 11–12]. Поэтому реклама не только стимулирует экономический рост, но и создает социальную реальность, устанавливая социальные нормы и предписывая социальное поведение [19: с. 84].

Чтобы привлечь клиентов, реклама должна быть приятной, увлекательной, связанной с маркой, и понятной [10: с. 252]. Именно язык рекламы обладает важной задачей и большим воздействием на аудиторию, поскольку это помогает людям идентифицировать продукт, запомнить его, отдать предпочтение, и даже изменить мнение о продукте. Так как язык рекламы разработан для того, чтобы убеждать, управлять, даже вводить в заблуждение потребителей о ценностях продуктов, то он обычно является творческий и инновационный. Одно из средств языкового творческого потенциала – использование двуязычного или многоязычного текста в телевизионной рекламе.

В данном исследовании рассматривалось четыреста (400) примеров коммерческой рекламы. Рекламные ролики транслировались семью телевизионными каналами России. Три из них – главными всероссийскими каналами: ОРТ, РТР и НТВ. Стратегия телевизионной рекламы – это «мысль и действие как глобального, так и местного» подхода [3]; не случайно 325 из 400 примеров коммерческой рекламы, что составляет 80 %, объединяют две или больше лингвистических систем. Абсолютное большинство из этих 325 примеров представляют собой русские и английские смешения; 20 образцов используют кодовое смешение русского языка и других языков: французский язык (6 образцов), итальянский язык (4 образца), немецкий язык (2 образца), испанский язык (2 образца), финский язык (2), китайский язык (1), грузинский (1), и языки местных народов, проживающих на территории бывшего Советского Союза (2). Два образца содержат смешение английского, русского и французского языков.

Рекламные сообщения представляют собой комбинацию литературных жанров. Чаще всего эти жанры представлены в форме лекции с определенными фактами, и в форме драмы, где разыгрывается история персонажей в определенной ситуации. В то время как лекция является эксплицитной формой рекламы и близка к ее сути, драма является косвенной формой и полагается на зрителя, который становится вовлеченным в развитие истории. Некоторые исследователи подразделяют основные жанры рекламы на меньшие форматы, такие как демонстрация, сравнение, доказательство и т. д. [12]. Согласно результатам исследования содержание телевизионной рекламы на российском телевидении представлено в следующих форматах:

1. Лекция

1) автобиография;

2) нарратив (рассказ):

а) объявление;

б) демонстрация и/или объяснение;

в) сравнение;

г) интервью.

2. Драма

а) мини-драма;

б) заставка (виньетка);

в) сиквел (продолжение).

Ниже будет проиллюстрировано как языковое смешение русского и английского языков используется во всех типах и форматах жанров.

Автобиография – тип сообщения, в котором человек говорит от имени продукта, создавая его правдоподобие, и таким образом влияет на аудиторию. Различные характеры могут быть представлены в автобиографии: выдуманный герой, который является типичным пользователем продукта, знаменитость, которую люди знают и восхищаются, или крупный специалист в определенной области. В некоторых объявлениях российского телевидения докладчик – российский певец, производитель, известный актер, который продвигает российские и зарубежные товары. В других объявлениях докладчик – авторитетная личность с Запада, чье имя и работа представлены в рекламе: например, топ-модель

продвигает косметику, врач – фармацевтические продукты и т. д.

Рассмотрим рекламу музыкального центра «***Samsung digital»***, представленную известной гимнасткой Алиной Кабаевой (табл. 1)

Объявление – короткий рассказ о продукте без деталей, описывающий его свойства или компоненты. Реклама чая «Lipton» длится в течение пяти секунд, и текст на английском языке с фирменным знаком чая служит лозунгом: «Липтон» – знак успеха! / «Lipton» – a sign of success!

Демонстрация и/или объяснение обычно показывает, что специфический продукт лучше, чем идентичные продукты других марок. В отличие от объявлений, демонстрации довольно длинные и длятся от тридцати секунд до двух минут. Демонстрации часто используют в форматах «Продукт в использовании» и «До и после». Оба формата используются в рекламе стирального порошка «*Vanish*» (табл. 2).

Таблица 1

Реклама музыкального центра «*Samsung digital*»

Сцена	Вербальная информация		Визуальная или/и музыкальная информация
	Русский или смешанный текст	Перевод на английский язык или английский текст	
1			*Звуки ритмичной музыки* Гимнастка Алина Кабаева слушает музыку в наушниках
2 ГРА	**Музыка «Samsung»**	Music *Samsung*	Она грациозно идет по улице, начинает танцевать и все прохожие обращают на нее внимание
3 ПТ	_____	Samsung digital	
4 ГРА	**Хорошо там, где мы есть**	**Life is good where we are**	
		Samsung digital all **Everyone's invited**	Изображение

Таблица 2

Телевизионная реклама стирального порошка «*Vanish*»

Сцена	Вербальная информация		Визуальная или/и музыкальная информация
	Русский или смешанный текст	Перевод на английский язык или английский текст	
1 ГХ	**Надо же, пятно! Неужели нужно использовать отбеливатель? Но хлор может испортить ткань…**	Oops, a spot! Do I have to use a bleach? But chlorine can damage the cloth…	Женщина рассматривает свою одежду и белье после стирки. Кажется, она расстроена результатом
2 ГРА	**Не рискуй. Замени на «*Vanish*»! В отличии от обычных отбеливателей «*Vanish*» не содержит хлор**	Don't risk it. Switch to *Vanish!* In contrast to other bleaches Vanish does not contain chlorine.	Демонстрация использования «*Vanish*»
3 ГХ	**При стирке белье остается белым, а цветное – ярким**	After a wash the white clothing remains white and the colored clothing -bright.	Женщина удовлетворена результатом
4 ПТ	**Удаляет пятна на цветном и белом**	***«Vanish» In wash stain remover***	Изображение «*Vanish*»

Сравнение двух схожих продуктов различных марок часто используется «бок о бок». Примером может служить сравнение рекламируемого дезодоранта «*Fa Freshness*» с так называемым «обычным» дезодорантом (табл. 3).

Интервью – это диалог между интервьюером, который представляет продукт и потребителем, который тестирует и расхваливает продукт (табл. 4).

Драма представляет «часть жизни» [8: с. 131], в которой типичные характеры вовлечены в обычные ситуации, происходящие в повседневной жизни. Аудитория «подслушивает» беседу персонажей и принимает решение в пользу продукта. Реальная сила драмы заключается в том, что зрители реагируют на нее так же, как и на вымышленные программы, принимая рекламу.

В рекламе майонеза «*Maggi»,* согласно сценарию домашней вечеринки, гости и хозяйка с нетерпением ждут возвращение хозяина. Люди, сидящие за столом, интересуются: «Где он? Она всегда только с ним». И только, когда хозяйка подходит к холодильнику, открывает его и достает баночку майонеза «*Maggi*», становится ясно, что не мужчина настоящий персонаж рекламы, а майонез «*Maggi*», который хозяйка добавляет в салат (табл. 5).

Заставка (виньетка) представляет собой несколько кратких эпизодов, связанные между собой рассказом об одном и том же продукте. В каждом эпизоде участвуют разные люди из разных мест, которые высказываются в пользу продукта (табл. 6).

Таблица 3

Телевизионная реклама дезодоранта «*Fa Freshness*»

Сцена	Вербальная информация		Визуальная и/или визуальная информация
	Русский или смешанный текст	Перевод на английский язык или английский текст	
1 ГРА	**Новый «*Fa Freshness Control*» первый дезодорант с механизмом саморегуляции**	New deo *Fa Freshness Control* is the first deo with self-regulation mechanism	Красивая молодая женщина пользуется дезодорантом *Fa Freshness*
2 ГРА	**Действие обычных антиперсперантов со временем ослабевает; У антиперсперанта «*Fa Freshness*» реагирует на температуру тела как на солнце**	The impact of ordinary antiperspirants decrease with time, but anti-perspirant *Fa Freshness* reacts to body temperature as flowers react to the sun	Появляются бутоны двух цветков. Через мгновение один из них расцветает, другой – исчезает
3 ГРА	**Ваша кожа сухая весь день**	Your skin is dry all day long	Молодая женщина едет в переполненном автобусе, но мужчины смотрят на нее с восхищением
4 ГРА	**Бесконечная свежесть от «*Schwarzkoph*»**	An unlimited freshness from *Schwarzkoph*	Изображение продуктов марки *Schwarzkoph*

Таблица 4

Телевизионная реклама масла «*Злато*»

Сцена	Вербальная информация		Визуальная и/или музыкальная информация
	Русский или смешанный текст	Перевод на английский язык или английский текст	
1 ГХ1	**– Почему вы употребляете масло «Злато»?**	Why are you using Zlato oil?	В магазине находится молодая, здоровая женщина
2 ГХ2	– **Масло Злато очищенное и я забочусь о своем здоровье**	Zlato oil is purified and I take care of my health.	Изображение масла «Злато»

Таблица 5

Реклама майонеза «*Maggi*»

Сцена	Вербальная информация		Визуальная и/или музыкальная информация
	Русский или смешанный текст	Перевод на английский язык или английский текст	
1 ГХ1 ГХ2 ГХ3 «М» и «Ф»	**Мне кажется я знаю его всю жизнь.** **Она всегда только с ним.** **Ее вкусу я доверяю**	It seems to me that I know him(it) the entire life. She is always with him(it) only. I trust her taste	Гости сидят за столом и ведут беседу
2 ГХ «Ф» хозяйка	**Где же он?**	Where is he(it)?	Хозяйка подходит к холодильнику и открывает его
3 ГРА и ПТ	***Maggi, Maggi*** **майонез –** **всегда верный вкус**	*Maggi, Maggi* mayonnaise Always the right taste	На полках – баночки с майонезом «Maggi»
4			Хозяйка приносит салат с майонезом

Таблица 6

Реклама *Mentos Cool*

Сцена	Вербальная информация		Визуальная и/или музыкальная информация
	Русская или смешанная	Английский	
1			Европеец прогуливается по индийской деревне. Он жует «Mentos Cool» и раздает эти конфеты индийцам, которые его окружают
2 ГРА	***Mentos* – взбодрись** **Ты свеж всегда и** **полон сил**	Mentos-refresh yourself. You are fresh and full of vigor	Белый человек идет по раскаленным углям, но чувствует себя великолепно
3 ГХ «М» (индийский йог)	_____	***Mentos Coolness*** ***Very GOOD*!**	Индийский йог берет Mentos, кладет конфету в рот и спокойно идет по раскаленным углям

Сиквел (продолжение) напоминает кино, разделенное на части, где те же самые характеры в различных жизненных ситуациях хвалят тот же самый продукт. Очень часто используется тот же самый текст и лозунг. В рекламе пива «Бочкарев» сцены с одним и тем же поклонником пива «Бочкарев» происходят на пляже, затем на «заднем» дворе, и, наконец, на рыбалке. Название пива появляется на экране в виде постоянно повторяющейся надписи, выполненной кириллицей или латиницей:

«Бочкарев» – правильное пиво!

«Botchkarev» – pravil'noe pivo!

«Botchkarev» – Right beer!

Когда российский продукт, такой, как пиво «Бочкарев», использует английское название и латинский алфавит, принимается во внимание «глобальное позиционирование» (термин [3: с. 132]) продукта, который мог бы быть продвинут на западный рынок. Проведенный анализ показыва-

ет, что английское или русско-английское смешение появляется почти во всех компонентах российской телевизионной рекламы [3; 16; 17].

Название продукта: «*Samsung digital», «Fa Freshness», « Lipton», «Vanish».*

Название компании: *Samsung, Lipton*

Лейбл: *Maggi, Vanish*

Основной текст: новый *Fa Freshness Control* – первый дезодорант с механизмом.

Не рискуй. Замени на «*Vanish»!*

Лозунг: *Mentos Coolness Very GOOD*!

Средство привлечения внимания: *Vanish In wash stain remover*; *Samsung digital all– Everyone's invited.*

Иногда российская телевизионная реклама просто «заимствует» и дублирует западные клипы, продвигая тот же самый продукт. Русская и американская телевизионная реклама бритвы «*Venus*» содержат те же самые образы красавиц на пляже, в тех же самых эпизодах и даже с той же самой песней на английском языке: «I am your Venus, I am your fire» (табл. 7).

Подводя итог, можно сказать, что коммерческая реклама возродилась в России два десятилетия назад, отражая радикальные перемены в политических и экономических отношениях, так же как и в технологии, и СМИ. Структура языка телевизионной рекламы представляет собой смешение информации, убеждение и введение в заблуждение. Нелинейный порядок презентации, где несколько форматов могут быть смешаны в одном клипе, и визуальная информация может быть дополнена музыкой, песнями и танцами, типичен для российской телевизионной рекламы. У рекламного дискурса есть свои собственные характеристики и особенности. Влияние английского языка и как результат языковое смешение является главным источником лингвистического творчества. В рекламе, где 80 % всех жанров используют языковое смешение, присутствие английского языка является доминирующей чертой. Для российской телевизионной рекламы характерно «многоголосье», когда использование различных голосов из различных культур вызывает различные значения. Воздействие английского языка может быть также замечено в том, что некоторые российские телевизионные рекламы используют сюжеты, сцены и характеры аналогичные западным. В формате автобиографии не только российские, но и западные знаменитости пытаются влиять на мнение россиян о различных продуктах.

В структурных компонентах российской телевизионной рекламы английский язык присутствует в изобилии, особенно в фирменном знаке, названии компании, эмблеме и средствах привлечения внимания. Определенное соотношение существует между типом продукта и выбором языка для фирменного знака. Так, названия западных продуктов рекламируются полностью на английском языке, в то время как российские товары используют оба языка в маркировке.

Изобилие английского языка в рекламе может быть объяснено «утилитарными» причинами, так как во всем мире западные фирмы продвигают свои фирменные знаки и эмблему на английском языке, и «социальными» причинами, так как английский язык – признак новизны, престижа и высококачественных продуктов (табл. 8).

Таблица 7

Реклама бритвы «*Venus*»

Сцена	Вербальная информация		Визуальная и/или музыкальная информация
	Русский или русско-английский текст	Перевод на английский язык	
1 Song			Песня: *I'm your Venus, I'm your fire, your desire, my desire*
2 VA	**Представляем вам «*Venus*» – новую бритвенную систему для женщин**	We introduce «*Venus*» to you: a new razor system for women	*Песня продолжает звучать…* Несколько десятков женщин лежат на пляже. Они синхронно раскачивают ногами, как будто танцуя
3 VA	**Ваша кожа остается надолго гладкой, а этого достойна каждая богиня**	Your skin remains smooth, and every Goddess deserves it	*Демонстрация работы бритвы «Venus»*
4 VA	***«Venus»* – почувствуйте себя богиней**	Venus – feel yourself a Goddess	Песня продолжает звучать. Крупный план женщин на пляже.

Таблица 8

Реклама стирального порошка «*Losk*»

Сцена	Вербальная информация (**оригинал выделен жирным шрифтом,** *английский вариант – курсивом*)		Визуальная и/или музыкальная информация
	Русский язык или смешение языков	Текст на английском языке или перевод	
1 ГРА	**Высокое качество «*Losk*» делает вашу одежду идеально белоснежной**	High quality of *Losk* makes your clothes ideally snow-white	Женщина стирает
2 ГХ «М», ПТ	***Losk Spring Special* – максимум чистоты и белизны**	*Losk Spring Special* is maximum of whiteness and cleanliness	Крупный план *Losk Spring Special*

Примечание. В примерах телевизионной рекламы, где слова находятся во взаимодействии с картинами и музыкой, я использую структуру, которая дает воспроизводство, хотя и неполное, этих элементов.

Левая колонка показывает порядковый номер сцены в клипе. Следует подчеркнуть, что я не отражала все кадры: поскольку одна сцена может включать несколько кадров. Для экономии сил и времени я описываю только сцены. Также первая колонка содержит информацию о том, написан ли текст или его произносит человек, рекламирующий товар. Здесь и далее я использую следующие сокращения: если текст произносится, я использую ГРА (голос рекламного агента); и ГХ (голос характера). В некотором случае, когда необходимо упомянуть пол говорящего, я добавляю знаки «М» или «Ф». Если текст написан, я использую аббревиатуру ПТ (письменный текст). Вторая колонка копирует словесную информацию, которая представлена в двух подколонках: текст на русском языке или смешанном, текст, переведенный на английский язык или оригинальный текст на английском языке (в редких случаях, когда русский язык не используется в рекламе, я ставлю прочерк в подколонке «русский текст»). Чтобы избежать путаницы, какой из текстов, русский или английский, появляется на экране или произносится говорящим, я выделяю текст на языке оригинала курсивом. Третья колонка содержит описание сцен и отражает визуальную и музыкальную информацию или песню (если таковая используется) в сценах. В приложении вербальная информация представлена не только в кириллице, но и с использованием транслитерации, буквального и литературного переводов для удобства читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Advertising and Culture: Theoretical Perspectives. – Westport: Greenwood Publishing Group, Inc. – P. 105–113.
2. *Bell, A.* The Language of News Media / A. Bell. – Oxford and Cambridge: Basil Blackwell, 1991.
3. *Bhatia, T.K.* Advertising in Rural India. Language, Marketing Communication and Consumerism / T.K. Bhatia. – Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2000.
4. *Cook, G.* The Discourse of Advertising / G. Cook. – London: Routeledge, 1992.
5. *Cross, M.* (Eds.). Advertising and Culture: Theoretical Perspectives/ M. Cross. – Westport: Greenwood Publishing Group, Inc., 1996.
6. *Dyer, G.* Advertising as Communication / G. Dyer. – London and New York: Methuen, 1982.
7. *Ehrenberg, A.* Repetitive Advertising and the Consumer / A. Ehrenberg. In, 1998.
8. *Geis, M.* The Language of Television Advertising / M. Geis. – New York: Academic Press, 1982.
9. *Goldman, R.* Sign Wars. The Cluttered Landscape of Advertising / R. Goldman, S. Papson. – New York: The Guilford Press, 1996.
10. *Hollis, N.S.* Television Advertising: Measuring Short- and Long-Term Effects / N.S. Hollis, 1998.
11. Itogi. Home page: www.dni.ru/news/analitika/2002/1/8/4073.html
12. *Jewler, A.J.* Creative Strategy in Advertising / A.J. Jewler, B.L. Drewniany. – Belmont, CA: Wadsworth, 2001.
13. *Jugenheimer, D.W.* Advertising as Educator In : Cross, Mary (Eds) / D. W. Jugenheimer. 1996.
14. *Kilbourne, J.* Deadly Persuasion. Why Women and Girls Must Fight the Addictive Power of Advertising / J. Kilbourne. – NY: Free Press. 1999.
15. *Tanaka, K.* Advertising Language. A pragmatic approach to advertisement in Britain and Japan / K. Tanaka. – London & New-York: Routledge, 1994.
16. *Ustinova, I.P.* English and emerging advertising in Russia / I.P. Ustinova // World Englishes, 2006. – № 25 (2). – P. 267–277.
17. *Ustinova, I. P.* Convergence of English in Russian TV commercials / I.P. Ustinova, Tej K. Bhatia // World Englishes, 2005 –24 (4). –495-508.
18. *Vestergaard, T.* The Language of Advertising / T. Vestergaard, K. Schroder. –Oxford: Basil Blackwell, 1985.
19. *Wells, L.* Gricenko Western Concepts, Russian Perspectives: Meaning of Advertising in the Former Soviet Union / L. Wells // Journal of Advertising, 1994. –Vol. 23. – № 1. – P. 83–96.
20. *Wells, W.* Advertising. Principles and Practice / W. Wells, B. John, S. Moriarty. – Englewood Cliffs: Prentice Hall. – 1998.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

В.В. Фёдоров

Фёдоров Виталий Викторович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой перевода и переводоведения факультета иностранных языков Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга.

Контактный адрес: vvfyodorov@mail.ru

Целью статьи является формирование принципиально нового видения совокупности текстов, относимых к разряду публицистики. Автор, используя языковой материал двух текстов, представляющих различные направления современной англо-американской публицистики, предпринимает попытку выявления наиболее важных сущностных параметров, характерных для всех из них, которые могли бы быть использованы для унифицирующего описания всего функционального регистра и его отграничения от иных стилей речи.

Ключевые слова: стилистика, функциональный стиль, публицистика, жанр, понятийные характеристики, языковые характеристики, языковая функция.

Разнородный языковой материал, попадающий в разряд публицистики, характеризуется очевидной многостильностью. Вместе с тем само представление о функциональном стиле требует от исследователя известного обобщения, некоторого упорядочивания всего текстового многообразия, которое позволило бы подвести все указанные выше разновидности публицистического стиля под единый «знаменатель», позволяющий чётко отграничить данный стилистический регистр от других функциональных стилей языка и в то же время обнаружить в текстах публицистики идентичные сущности, свидетельствующие о его единстве.

Таким знаменателем, по нашему мнению, являются, в первую очередь, понятийные характеристики функционального стиля – понятия, характеризующиеся определённым уровнем абстрактного обобщения, и описывающие типологические признаки языка и стиля публицистики, присущие в равной мере всем текстам данного регистра. Выявление понятийных характеристик способствует выделению инвариантной основы стиля, некоторого типа текста, в котором все выявленные типологические признаки имеют наиболее полное представление. Соответственно языковые характеристики такого типа текста могут рассматриваться как инвариантные морфосинтаксические и лексико-грамматические особенности публицистического стиля в целом.

Методологической основой исследования подобного рода является сравнительный анализ двух текстов публицистической направленности, отобранных из нескольких оригинальных первоисточников.

Первый текст (I) взят нами из канадского еженедельного издания «METRO» от 30 января 2004 г. [9]. Это краткое информационное сообщение расположено на первой странице 28-страничного издания в ряду многочисленных материалов аналогичного характера, излагающих в лаконичной форме основную суть наиболее значимых событий, произошедших за последние сутки, под заголовком:

(I) Bush may veto changes to post-9/11 security laws

U.S. Attorney General John Ashcroft said yesterday President George W. Bush would veto legislation that curbs broad powers given law enforcement agencies after Sept. 11, 2001. Ashcroft sent a letter to lawmakers this week objecting to legislation proposed by a bipartisan group of U.S. senators trying to limit parts of the 2001 USA PATRIOT Act, including those that allow searches of private property without prior notification. – Reuters

Второй текст (II) отобран нами из хрестоматии по американской литературе «LITERATURE AND THE LANGUAGE ARTS. The American Tradition» [8]. Это отрывок из эссеистического произведения Р.В. Эмерсона «Self-Reliance», опубликованного им в 1841 году в сборнике «Essays»:

(II) There is a time in every man's education when he arrives at the conviction that envy is ignorance; that imitation is suicide; that he must take himself for better, for worse, at his portion; that though the wide universe is full of good, no kernel of nourishing corn can come to him but through his toil bestowed on that plot of ground which is given to him to till.

Trust thyself: every heart vibrates to that iron string. Accept the place the divine Providence has found for you; the society of your contemporaries, the connexion of events. Great men have always done so and confined themselves childlike to the genius of their age, betraying their perception that the Eternal was stirring at their heart, working through their hands, predominating in all their being.

Society everywhere is in conspiracy against the manhood of every one of its members. Society is a joint-stock company in which the members agree for the better securing of his bread to each shareholder, to surrender the liberty and culture of the eater. The virtue in most requests is conformity. Self-reliance is its aversion. It loves not realities and creators, but names and customs.

Подобный подбор текстов является не случайным: во-первых, они представляют «крайние» разновидности публицистических текстов: газетную публицистику и эссеистику, а во-вторых, они расположены таким образом, что наглядно показывают постепенное продвижение от языковой функции общения к языковой функции воздействия, характеризующее в целом этот функциональный регистр в соответствии с концепцией о языковых функциях В.В. Виноградова.

При анализе двух отобранных текстов бросается в глаза тот факт, что все они описывают реальные, или понимаемые автором как абсолютно реальные события, что позволяет сделать вывод о том, что отличительной понятийной характеристикой всего регистра публицистики будет являться то, что в рамках настоящей статьи называется ИСТИННОСТЬ. Это понятие соответствует определённому абстрактному обобщению, позволяющему отграничить стиль публицистики от стиля художественной беллетристики, который актуализирует тот же набор языковых функций (общение и воздействие). Однако в текстах художественной беллетристики автор описывает, как правило, вымышленные или домысливаемые факты.

С данным понятийным параметром связан другой типологический признак публицистического стиля – его ДОСТАТОЧНОСТЬ, под которой нами понимается особенность данного функционального регистра представлять излагаемый факт во всей полноте возможной в рамках данного текста.

На уровне лингвистического оформления текста достаточность публицистического стиля напрямую связана с другим его понятийным параметром – АРГУМЕНТИРОВАННОСТЬЮ, который также отграничивает публицистику от схожих по реализации языковых функций, обиходно-речевого стиля и стиля художественной беллетристики, для которых данный типологический признак характерен в меньшей степени.

Достаточно наглядно во всех текстах публицистического стиля также прослеживается языковая оппозиция СТАНДАРТИЗИРОВАННОСТИ и ЭКСПРЕССИВНОСТИ.

Под стандартизированностью в широком смысле слова нами понимается всякое воспроизведение однотипных сущностей, которое можно рассматривать как постоянную прагматическую - характеристику публицистического стиля, обеспечиваемую самыми разнообразными лингвистическими и экстралингвистическими средствами. Под языковой стандартизированностью нами понимается регулярное воспроизведение в стиле публицистики готовых единиц языка и средств синтаксиса. Для языка прессы и радиожурналистики характерно стремление к созданию фонда специфических стандартизированных средств.

Анализ **I** текста позволяет выявить в первую очередь многочисленные тематически дифференцированные номенклатурные наименования: post-9/11 security laws, U.S. Attorney General, law enforcement agencies, bipartisan group, U.S. senators, 2001 USA PATRIOT Act, private property, prior notification;

Номенклатурные наименования, стандартизирующие язык и стиль публицистики, как правило, не обнаруживаются в текстах, далёких от всяких попыток упорядочить каким-либо образом способ лингвистического оформления сообщения. Не находим их и в тексте эссеистики **(II).** Этот факт является ещё одним свидетельством неоднородности функционального стиля и, как следствие, неоднотипности проявления в нём различных категориальных сущностей.

Ещё одним языковым проявлением стандартизированности публицистического стиля является, по нашему мнению, широкое использование в нём различного рода прецизионной информации, представляющей собой языковые единицы, обозначающие даты, географические реалии, различные цифровые показатели, имена собственные и пр. Информация подобного рода является основой и сутью многих текстов публицистического стиля. Являясь большей частью привычной и легко узнаваемой, она рассчитана на конкретные ассоциации адресата текста и, как правило, не содержит коннотаций, способствующих созданию экспрессивности, и, следовательно, упорядочивая (стандартизируя) его восприятие. Большая часть единиц подобного рода встречается в тексте **I**: Bush, John Ashcroft, George W. Bush, Sept. 11, 2001., Ashcroft, 2001, Reuters; Разнообразные сокращения, встречающиеся в языке газеты и радиожурналистики также, очевидно, могут быть отнесены к явлениям того же порядка: **I** U.S., Sept. 11, 2001, USA PATRIOT Act (Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act). В тексте **II** единицы подобного рода вообще отсутствуют.

Очевидно, антиномия стандартизированность–экспрессивность разрешается в пользу стандартизированности в текстах краткого ин-

формационного сообщения и склоняется в сторону экспрессивности в тексте эссе Р.В. Эмерсона.

Под экспрессивностью традиционно понимается способность языковой единицы производить на адресата речи определенный прагматический эффект [1], для достижения которого в публицистической речи используются самые разнообразные языковые средства. Экспрессивное значение какой-либо формы всегда окказиально для нее. А.В. Филиппов замечает: «Есть основание думать, что выразительность обязательно сопряжена с какой-либо необычностью или новизной формы, с ее определенным "удачным" отклонением от нормы» [5].

Говоря об экспрессивности публицистического текста, мы разграничиваем лексико-стилистические и синтаксические средства создания экспрессивности. Наиболее показателен в этом смысле текст **II**. Для придания большей выразительности эссеистическому произведению и, как следствие, для наибольшей реализации языковой функции воздействия Р.В. Эммерсон использует следующие лексико-стилистические средства:

1. Особый подбор лексических единиц, многие из которых носят архаичный, поэтический и книжный характер: bestowed, till, thyself, divine, contemporaries, confined, genius, betraying, perception, manhood, to surrender, etc., настраивающий читателя текста эссе на возвышенный «торжественный» лад.

2. Оценочные единицы, напрямую или косвенно выражающие эмоциональную или интеллектуальную оценку описываемого факта. М.С. Ретунская выделяет несколько групп лексических единиц по параметру оценочности, заложенной в их семантической структуре [4]: (1) слова, изначально содержащие оценку в составе своей семантики. Такая оценка общепринята, относительно стабильна, не подвержена заметным изменениям и связана преимущественно с номинативной способностью слов. В случае с эссе Р.В. Эмерсона это, очевидно, такие единицы, как envy, ignorance, better, worse, good, divine, great, childlike, genius, manhood, goodness, etc.; (2) слова, которые в общественном сознании ассоциируются с какой-либо оценкой, т. е. слова с привнесенной оценкой. Как отмечает М.С. Ретунская, «...каждому социуму присущ свой способ мировосприятия, который отражается в семантике слов и их оценке» [4]. Этот процесс происходит следующим образом: имеет место приглушение вещественных сем, сдвиг сем (изменение референтной соотнесённости), индуцирование оценочных сем и оценочных ассоциаций. Такие смысловые трансформации характерны для вторичной номинации. В рассматриваемом тексте метафорический перенос значения, способствующий созданию положительной или отрицательной оценки характерен для единиц: suicide, wide, nourishing, immortal, etc,; и, наконец; (3) потенциально безоценочные слова, существенную часть которых составляют единицы терминологического характера, не служащие, как правило, средством создания экспрессивности текста, а, наоборот, создающие условия для его стандартизации.

3. Стилистические средства. Так, первый фрагмент эссе содержит в себе развёрнутую яркую метафору, смысл которой сводится к тому, что всякий, кто хочет достичь какой-либо цели, должен приложить значительные усилия для её осуществления, поэтому зависть сама по себе бессмысленна: очевидно, преуспевающий человек вкладывает больше собственных сил, ума, стараний и смекалки в то дело, которым он занимается. Данное философское представление даётся Р.В. Эмерсоном через метафорическое переосмысление тяжёлого труда землепашца: that though the wide universe is full of good, no kernel of nourishing corn can come to him but through his toil bestowed on that plot of ground which is given to him to till. «И как бы щедро ни было мироздание, ни одно зернышко в колоске не станет пищей для человека, пока не будет возделано им в тяжком труде на том клочке земли, который ему предназначен» (перевод наш – В.Ф.).

Во втором фрагменте наблюдается переосмысление идеи «всякого человека» посредством метонимического переноса «every heart», которое соединяется в рамках единой синтаксической структуры с метафорой «that iron string», с целью образной передачи мысли о том, что вера в себя заставляет человека действовать, даёт ему силы для жизни: Trust thyself: every heart vibrates to that iron string «Верь в себя: струны всякой души наполняются музыкой при вере в собственные силы» (перевод наш – В.Ф.).

В начале второго фрагмента эссе находим случай персонификации «божественное Провидение»: Accept the place the **divine Providence** has found for you и, как следствие, дальнейшее развёртывание метафоры «определило для тебя», а в заключительном предложении этого же фрагмента ещё одну развёрнутую метафору: Great men have always done so and confined themselves childlike to the genius of their age, betraying their perception that the Eternal was stirring at their heart, working through their hands, predominating in all their being. «Великие мира сего всегда поступали подобным образом, искренне отдавая себя своему гению так, что казалось сама Вечность повелевала

их сердцами, их трудолюбивыми руками, всем их бытием» (перевод наш – В.Ф.), в которой идея о наглядности поступков выдающихся людей даётся посредством персонификации абстрактного понятия «Eternal – Вечность» и разворачиванием от него метафорического ряда «was stirring at their heart, working through their hands, predominating in all their being – повелевала их сердцами, их трудолюбивыми руками сердцами, всем их бытием».

Далее рассмотрим средства синтаксиса, также нацеленные на создание экспрессивности текста эссе. К ним относятся:

1. Многочисленные случаи повторов и синтаксического параллелизма. Например: There is a time in every man's education when he arrives at the conviction **that** envy is ignorance; **that** imitation is suicide; **that** he must take himself for better, for worse, at his portion; **that** though the wide universe is full of good, no kernel of nourishing corn can come to him but through his toil bestowed on that plot of ground which is given to him to till.

2. Использование предложений в повелительном наклонении, создающих впечатление обращения автора текста напрямую к своему читателю: Trust thyself; Accept the place the divine Providence has found for you…

3. Использование предложений с инверсией, сближающее язык эссе с более экспрессивным языком обиходно-речевого стиля. Например: Society everywhere is in conspiracy against the manhood of every one of its members.

4. Задействованность эллипсиса: It loves not realities and creators, but names and customs, whoso would be a man must be a non-conformist.

5. Использование антитезы, формируемой отношениями противопоставления нескольких сущностей: that though the wide universe is full of good, no kernel of nourishing corn can come to him but through his toil bestowed on that plot of ground which is given to him to till.

Следует отметить, что все выявленные средства экспрессивного синтаксиса органично накладываются на перечисленные выше лексико-стилистические средства создания экспрессивности, образуя мощный конгломерат самых разнообразных языковых средств создания общей выразительности текста, что в конечном счёте приводит к реализации языковой функции воздействия в публицистике такого рода.

Таким образом, важной понятийной характеристикой публицистического стиля является его одновременная ориентация на СТАНДАРТИЗИРОВАННОСТЬ и ЭКСПРЕССИВНОСТЬ. Данная оппозиция, очевидно, находится в тесной взаимосвязи с основополагающим принципом реализации в стиле публицистики двух языковых функций: общения и воздействия. Реализация функции воздействия напрямую связана с понятийным параметром экспрессивности, и, наоборот, реализация функции общения связана с типологическим признаком стандартизированности публицистического текста. Чем больше в тексте воспроизводится привычных, стереотипных, лишённых какой-либо образности лингвостилистических и синтаксических элементов, тем более в нём актуализируется функция общения, тем больше данный текст сдвигается к «правой» границе функционального регистра публицистики, характеризующейся переориентацией экспрессивной языковой функции на языковую функцию общения. Чем больше в тексте ярких, образных, непривычных лингвостилистических и синтаксических экспрессивных элементов, способных производить определённый прагматический эффект, тем более в нём реализуется языковая функция воздействия, тем больше данный текст продвигается к «левой» границе функционального регистра публицистики, характеризующейся переориентацией языковой функции общения на языковую функцию воздействия. Тексты, находящиеся на границах регистра, обнаруживают схожие черты с текстами интеллективного и официально-делового стилей и стиля художественной беллетристики соответственно и могут рассматриваться как «переходные» от одного функционального регистра к другому.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артёмова, А.Ф.* Значение фразеологических единиц и их прагматический потенциал: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.Ф. Артёмова. – СПб., 1991. – 34 с.

2. *Дмитровский, А.Л.* Эссе как жанр публицистики: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Л. Дмитровский. – СПб., 2002. – 16 с.

3. *Комиссаров, В.Н.* Пособие по переводу с английского языка на русский: учеб. пособие / В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, В.И. Тархов. – М.: Высш. шк., 1965. – 287 с.

4. *Ретунская, М.С.* Английская аксиологическая лексика / М.С. Ретунская. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 1996. – 272 с.

5. *Филиппов, А.В.* К проблеме лексической коннотации / А.В. Филиппов // Вопросы языкознания. – 1978. – № 1. – С. 57–63.

6. *Швейцер, А.Д.* Перевод и лингвистика / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 250 с.

7. *Crystal, D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge: University Press, 1955. – 489 p.

8. Literature and the Language Arts. – Saint Paul: EMC/Paradigm Publishing, Minnessota, 1996. – 1086 p.

9. METRO. – Daily edition, Toronto, January 29, 2004.

10. The New York Times. – Daily edition, N.-Y., February 8, 2005.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ПОЭЗИЯ ЭМИЛИ ДИКИНСОН В РУССКОЯЗЫЧНОМ СЕГМЕНТЕ ИНТЕРНЕТА

Т.Ю. Аникеева

Аникеева Татьяна Юрьевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Института иностранных языков Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: tanikeeva@gmail.com

Цель данной статьи состоит в анализе функционирования поэзии Эмили Дикинсон (1830–1886) в Интернете, а также в установлении факторов привлекательности творчества американской поэтессы для русскоязычных «сетевых» читателей.

Ключевые слова: Эмили Дикинсон, поэзия, перевод, Интернет.

Эмили Дикинсон (1830–1886) была признана в нашей стране классиком мировой литературы в 1980-е годы. Широкую же популярность американская поэтесса обрела с 1990-х годов в русском литературном Интернете, который на сегодняшний день представлен различными электронными изданиями: журналами, альманахами, литературными страницами. В сети существуют специальные литературные конкурсы, всевозможные блоги и форумы, где переводы из Дикинсон, сделанные непрофессиональными переводчиками, не просто присутствуют, они широко обсуждаются [1; 2; 9; 11, 19; 20].

История рецепции поэзии Эмили Дикинсон в сети

Как показали результаты изучения различных русскоязычных сайтов, американская поэтесса начала активно обретать своего сетевого переводчика со второй половины 1990-х годов, когда впервые в Интернете был организован конкурс русской сетевой литературы «Тенёта – Ринет» (1996), позже ставший традиционным. И в течение почти десяти лет, а именно до 2003 г., пока существовал этот конкурс, в разделе «Перевод поэзии» неизменно присутствовали русские переложения стихов Эмили Дикинсон.

В этом конкурсе русской сетевой литературы в 1996 г. в рубрике «Переводы: стихи», впервые выделенной в отдельную категорию, переводы были представлены двадцатью тремя номинантами. По итогам конкурса «Тенёта-97» победителем стал Дмитрий Гусев, кандидат технических наук, специалист в области компьютерной графики, представивший восемь своих переложений из Дикинсон. С его переводческих версий, как нам кажется, и началось знакомство сетевого читателя с поэзией американской поэтессы.

По результатам голосования в 2000 г. в этом же конкурсе в категории «Переводы поэзии» из двадцати двух номинантов в первую десятку вошел Андрей Агафонов с переложениями из Эмили Дикинсон. На сайте «teneta.rinet» можно прочитать тринадцать его переводческих версий [19].

В 2002 г. на конкурс русской сетевой литературы «Тенёта – 2002» в той же категории были представлены переводы таких зарубежных поэтов, как Р. Фрост, У. Оден, Р. Грейвс, Д. Апдайк, Э. Рильке, Э. По и др. Из двадцати четырех человек четыре номинанта представили свои переводы из Эмили Дикинсон. Среди них Екатерина Г. (фамилия переводчика не была указана), Светлана Чулкова, назвавшая свою подборку переводов «Домашняя вечность» (17 переводов), Андрей Зырянов (семь переводов) и поэт Лариса Подистова (девять переводов). В этом же 2002 г. в литературном конкурсе «Русская Америка» на сайте «Анти-Тенёта» [11] Андрей Зырянов представил 8 переводов стихотворений Эмили Дикинсон, которые тоже можно найти в литературном Интернете.

Обращает на себя внимание не только то, что с течением времени появляются все новые переводы, но и то что меняется степень насыщенности сети разного рода информацией об Эмили Дикинсо. Так, имя ее вошло в сетевую энциклопедию «**Кругосвет**» на русском языке (гл. редактор А.В. Добровольский). Показательно также, что в 2004 г. в русскоязычной сети появился сайт Натальи Лайдинен, посвященный женской поэзии, где есть страница Эмили Дикинсон [7]. На этом сайте можно познакомиться не только с биографией американской поэтессы и статьями о ее творчестве, но и найти ссылки на ресурсы, посвященные ее поэзии, а также почитать переводы ее произведений, как широко известные, так и те, которые существуют только во Всемирной сети.

Эмили Дикинсон сегодня цитируют. Строфа «*Я проживу свою жизнь не напрасно / если ус-*

пею подставить ладони / хотя бы одному падающему сердцу ...» из стихотворения «If I can stop one Heart from breaking») (J 919/F 982) является наиболее цитируемой в Сети. Она представлена и среди афоризмов на сайте http://apgolub.boom.ru/APHOR/ya.htm. Кроме того, на другом сайте – «Афоризмы» [3], который начал пополняться цитатами из Эмили Дикинсон с 2000 г., представлены следующие фразы:

Любовь – это все. И это все, что мы знаем о ней. (*ЛЮБОВЬ*) [2000-05-18 13:30:37].

Жизнь сама по себе так удивительна, что оставляет мало места для других занятий. (*ЖИЗНЬ*) [2003-07-30 00:30:37]. Книгоиздание – аукцион человеческого ума. (*КНИГИ*) [2003-07-30 00:30:37] У меня никогда не было матери. Я думаю, что мать – это человек, к которому вы бежите со своим горем. (*МАТЬ*) [2003-07-30 00:30:37].

Стареешь с годами, однако, не каждый день. (*СТАРОСТЬ*) [2003-07-30 00:30:37].

Если бы я могла не дать разбиться хотя бы одному сердцу, то моя жизнь не была бы тщетной... (*ЖИЗНЬ*) [2005-07-06 00:00:00].

Душа всегда должна оставаться приоткрытой и готовой воспринять опыт экстаза. (*ДУША И ТЕЛО*) [2005-07-06 00:00:00].

Надежда – это крылатое создание, обитающее в сердце, поющее без слов и никогда не умолкающее. (*НАДЕЖДА–РАЗОЧАРОВАНИЕ*) [2005-07-06 00:00:00].

Те же афоризмы представлены и на сайте «Шестое Чувство Настоящей Женщины» [21]. Все эти изречения могут дать лишь некоторое представление о сути сказанного. Вырванные из контекста и приспособленные к требованиям читателя сегодняшнего времени, в данном случае – уже массового «потребителя», эти высказывания не выражают того глубинного смысла, который был заложен в них поэтессой. При этом они могут свидетельствовать о влиянии на произведение социального и общекультурного контекста эпохи – возникает «самовоспроизводство», которое может свидетельствовать о диалоге читателя и текста. На пересечении двух жизненных опытов – автора и читателя-реципиента рождается новое бытие текста – он уже выступает совсем в ином качестве – в качестве абсолютно нового, модифицированного продукта (афоризма), востребованного обществом.

Как видно из сказанного выше, интерес читателей и непрофессиональных переводчиков к поэзии Дикинсон в Интернете зародился в конце 90-х годов XX в. и с течением времени продолжает расти, вовлекая уже не только элитарного, но и массового читателя.

Как показали результаты нашего исследования, в сети переведено 184 стихотворения Эмили Дикинсон, 36 из них существует только – в «сетевой» литературе, эти стихи нигде и никогда не публиковались (сюда не вошли переводы, опубликованные в «Живых журналах»). Кроме этого, 64 стихотворения представлены в двух и более вариантах, т. е. на различных сайтах существует, как минимум, 303 перевода 184 стихотворений Эмили Дикинсон и самыми популярными стихами Эмили Дикинсон у «сетевых» переводчиков являются следующие:

1. Heart! We will forget him! (J 47/F 64) – 7 переводов.
2. The soul selects her own society (J 303/F 409) – 6 переводов.
3. This is my letter to the world (J 441/F 519) – 6 переводов.
4. As from the earth the light balloon (J 1630/F 1651) – 6 переводов.
5. I'm nobody! Who are you? (J 288/F 260) – 5 переводов.
6. Because I could not stop for death (J 712/F 479) – 5 переводов.
7. A word is dead (J 1212/F 278) – 5 переводов.
8. There is no frigate like a book (J 1263/F 1286) – 5 переводов.
9. My life closed twice before its close (J 1732/F1773) – 5 переводов.
10. To make a prairie it takes a clover and one bee (J 1755/F 895) – 5 переводов.

Указанные произведения составляют «золотой канон» произведений Дикинсон и действительно являются ее лучшими стихотворениями. Для поиска ответа на вопрос о причинах популярности Дикинсон в сети, мы воспользовались уникальной возможностью проанализировать рецепцию поэзии Дикинсон напрямую, обратившись к переводчикам как агентам этого процесса. Возможность общения с ними через Интернет позволила нам применить свободное интервью. Группе переводчиков из десяти человек, откликнувшихся на просьбу принять участие в Интернет-интервью, был предложен ряд вопросов. Кроме ответов на открытые вопросы интервью, были проанализированы материалы чатов, блогов и сайтов, посвященные творчеству американской поэтессы.

На основании проведенного анализа обсуждений поэзии американской поэтессы в русском литературном Интернете, а также полученных интервью оказалось, что популярность ее поэзии в русскоязычной сети не может быть объ-

яснена каким-то одним фактором. Как показывает исследование, эти причины популярности могут быть классифицированы как объективные (технологические, социально-политические) и субъективные (психологические и эстетические). Кроме того, важным фактором популярности стал и биографический миф, созданный вокруг имени поэтессы.

Технологические причины

Первым и действительно важным импульсом в зарождении популярности поэзии Дикинсон в русском литературном Интернете стал **технологический момент,** а именно – активное подключение наших компьютеров к Всемирной сети в 1990-е годы. С новыми технологиями пришла возможность полнее познакомиться с творчеством до тех пор малоизвестной поэтессы даже в самых отдаленных уголках нашей страны, где в библиотеках можно найти лишь скромное упоминание о ней.

В поддержку версии о возросшей популярности американской поэтессы в период компьютеризации страны говорит еще один факт. Сайт «Лавка Языков», созданный в 1996 г. профессиональным переводчиком М. Немцовым и задуманный как сайт переводов литературы, разместил в свое время ряд переложений из Эмили Дикинсон. На сайте были представлены переводы А. Агафонова, С. Бойченко, Ф. Гуревич, Д. Даниловой, Б. Лейви, К. Русанова, А. Угольниковой [14], сделаннные приблизительно в одно время, чему явно поспособствовали современные средства связи.

Несмотря на то, что некоторые переводчики, размещающие свои переложения на различных сайтах, как признаются они в ответах, знакомы с творчеством Эмили Дикинсон достаточно давно, только с появлением Всемирной сети у них возникла возможность представить свои переводы на суд читателя.

Как показывают интервью, шесть из десяти переводчиков познакомились с поэзией Дикинсон задолго до возникшего к ней интереса в русскоязычном Интернете. Предшествующий 1990-м годам период не прошел даром – он создал локальные сферы «обитания» поэзии Дикинсон, которые позже слились в едином информационном поле. В 1990-е годы процесс знакомства с поэзией Дикинсон интенсифицируется и ускоряется именно благодаря Интернету, вовлекая все больше людей, интересующихся поэзией и пробующих свои силы в переводе ее стихов.

Социально-политические причины

Важной группой факторов, вызвавших интерес к поэзии Дикинсон, стали **социально-политические**. В 1990-е распался некогда могучий Союз Советских Социалистических Республик, и, наряду с многими другими процессами, начали рушиться идеологические препоны и изживать себя некоторые социальные институты, выполняющие ограничительные функции и в конечном итоге канонизирующие или отклоняющие того или иного автора.

Согласно П. Бурдье, литературное поле занимает политически и экономически подчиненную позицию в поле власти. Любые изменения в нем влекут за собой перемены и в литературном поле, пронизанном «…стремлением к прибылям, экономическим или политическим» [4: с. 25]. Несмотря на то что поэзия всегда была элитарной литературой, а значит, неприбыльным мероприятием с точки зрения экономической, в социалистическом обществе она служила в основном для получения других дивидендов – идеологических и политических. В период же рухнувшей коммунистической идеологии поэзия перестала быть интересной и в этом смысле. Поскольку в издательской сфере ведущим стал теперь коммерческий интерес, это осложнило путь к читателю не меньше, чем прежние цензурные идеологические ограничения. Изменения в поле власти спровоцировали переводчиков Эмили Дикинсон занять свою нишу в литературном Интернете.

Это можно проиллюстрировать таким фактом: в связи с коммерческой непривлекательностью и невозможностью издать стихи в России, переводчики публикуют свои переложения за границей и вывешивают их в сети. Так, в 1997 г. в Иордании вышел сборник «Эмили Дикинсон. Избранные переводы» в переводах Б. Львова. Он представил на суд читателя 36 своих переводов, некоторые переложения «исполнялись» впервые. Полный текст этой книги можно найти в Интернете [16].

Кроме того, период активного внимания к творчеству поэтессы совпадает с постперестроечным временем в стране и периодом интенсивного сближения культур двух противоборствующих систем, разделенных когда-то железным занавесом. Это можно считать второй **социально-политической** причиной возникшего увлечения поэзией Дикинсон. В тот период времени актуализировался интерес к иностранным языкам вообще и к английскому языку в частности – «волна» переводческого внимания к иноязычной поэзии в целом повлекла за собой интерес и к поэзии Дикинсон. Как мы уже отметили выше, в русскоязычной сети переводят не только Дикин-

сон, но и У. Одена, Э. Рильке, Э. Паунда, А. Рембо.

Третьей причиной, на наш взгляд, стало то, что в последние десятилетия несколько изменилось отношение к понятию «перевод». Переводчиками становятся рядовые выпускники университетов, хотя для профессиональной работы в области перевода необходимы не только знание языков, но и литературный талант, а также серьезные исторические, культурологические и литературоведческие познания. В представлении же многих читателей-пользователей сети переводческий труд сводится к наличию двух составляющих – присутствию оригинала или же подстрочника и словаря. Перевод перестал быть ремеслом в высоком смысле этого слова – занятием только профессиональных переводчиков, он становится чем-то вроде хобби, неким элементом массовой культуры. При этом данный процесс имеет и свою положительную сторону. Так, Интернет открывает возможность для творчества каждому, охватывая и объединяя через любовь к литературе и сотворчество представителей разных профессий. В нашем случае, среди 10 переводчиков, давших ответы на вопросы интервью, есть инженеры, преподаватель английского языка, социолог, музыковед. Демократичная Всемирная Сеть предоставляет всем возможность попробовать себя в переводе и при этом получить и отклик на качество перевода, и быструю «литконсультацию», которую дают не только профессионалы.

Итак, наравне с технологическим фактором, важной причиной для активизации интереса к поэзии Дикинсон стала совокупность социально-политических обстоятельств. Все это вместе сформировало некое субполе поэзии Эмили Дикинсон в литературном Интернете, абсолютно удаленное как от идеологического, так и от экономического расчета.

Эстетические причины

Из ответов на вопросы интервью становится очевидно, что очень важной группой причин, вызвавших интерес к поэзии Дикинсон и впоследствии поддерживающих его, являются **эстетические.**

Следует заметить, что появление новых переводов частично объясняется неудовлетворенностью качеством уже существующих версий. А потому в появлении нового перевода одного и того же стихотворения видится естественное желание переводчиков попытаться передать с минимальными для оригинала потерями то, что открылось им при чтении оригинала. Важно заметить, что поэзии американской поэтессы присущи некоторые черты, характеризующие современную поэзию. Как считает Л. Зубова, поэзия нашего времени несет в себе «…отказ от дидактической функции текста, эклектику, двойное или множественное кодирование, которое предоставляет разные возможности понимания для разных субъектов восприятия, минимум информации» [10: 200] – многие из перечисленных характеристик присущи и стихотворениям Эмили Дикинсон.

При чтении стихов Дикинсон, как отмечают переводчики, возникает момент интимности и в то же время дистанцированности. Вовлекая реципиента в орбиту своего поэтического мира, сотканного из мгновенных переживаний бытия или из обычной детали быта, поэтесса приглашает читателя вместе познавать и мир, и себя: «…действительность текста превращает его в часть жизненного опыта читателя» [12: с. 210] – как замечает В. Изер. Таким невозможным способом обретения опыта смерти при жизни становятся произведения Дикинсон о ней. Об интересе у сетевого читателя к этой теме говорит тот факт, что на третьем месте по популярности у «интернетных переводчиков» среди других стоят два стихотворения: «Because I could not stop for Death (J 712/F 479) и «My life closed twice before its close (J 1732/F 1773)». Примиряя нас с жизнью, какой бы она ни была, ибо в понимании поэтессы это всегда радость, Дикинсон приучает нас и к приятию смерти, встраивая ее в наш опыт, как неотъемлемую часть бытия.

В стихах американской поэтессы читатели находят духовную опору: «Те переживания, которые я нашла в стихах Эмили», – пишет Л. Подистова, – это не просто эмоции. Это духовные переживания, которые поднимают над обыденностью и заставляют на многое посмотреть под совершенно иным углом зрения. Я бы сказала, с точки зрения вечности, хоть это и звучит довольно напыщенно…. И еще она очень спокойно и с большим достоинством говорит о смерти. Мне кажется, это редкость» [18].

Сетевые читатели особенно ценят американскую поэтессу за искренность: «Очень бы хотел увидеть сегодня поэта, способного так честно и полно открыть себя, как Э. Дикинсон. Да еще, чтобы его самораскрытие не ужасало, а также зачаровывало» [19]. На форуме «Тенёта Ринет' 2002» один из любителей ее поэзии отмечает: «Я к Дикинсон очень трепетно отношусь, поскольку она искренняя. Даже вот это ее: "*Had I a mighty gun / I think I'd shoot the human race / And then to glory run!*" ("My friend attacks my friend" J 118/F 103»). И, извиняясь, переводчик добавляет: «Простите, переведу сам, как видится: "*Коли я сниму ружье:*

/ Я людей перестреляю / И – с душою легкой – к раю". Даже эти строчки очень честны – ну кто из нас без греха… Но мы-то фарисействуем обычно» [20].

Читатели любят Эмили Дикинсон за краткость и образность. «Она научила меня», отвечает на вопрос интервью переводчица Л. Подистова, «…что об очень важных вещах можно говорить просто и лаконично» [18]. Но, несмотря на краткость поэтических произведений Дикинсон, все реципиенты отмечают наличие в них глубинного философского смысла, это стихи о тайне.

Психологические причины

Существует еще одна, на наш взгляд, очень важная группа причин – **психологических.**

Как свидетельствуют многие переводчики Дикинсон, российским почитателям ее поэзии близко то, что для поэтессы ее творчество было областью самоценной. Вдохновленные примером «амхерстской затворницы», сетевые переводчики тоже не стремятся быть опубликованными: «стихи пишу, но публикую только в сети. Кстати, опыт Дикинсон учит не гоняться за шумной популярностью. Поэзия не для этого существует» [13], – пишет Лариса Кириллина, доктор искусствоведения и непрофессиональный переводчик.

Сегодня «опубликованность» поэзии перестала быть ценностным качеством. И если принять поэзию как некое элитарное литературное субполе, характерным законом которого является автономность, поле, где исключается «преследование материальных выгод» и порицается «стремление к почестям» и «преходящему величию» [4: с. 22–87], то и успех там не определяется степенью известности в обществе – этих творцов не знает широкая публика.

Литературный Интернет становится для переводчиков сегодня таким элитарным субполем для посвященных, где самым большим дивидендом является, с одной стороны свобода (ничем и никем неограниченная возможность творчества), а с другой, несмотря на автономность этого поля, возможность прямого диалога с реципиентом, причем нередко он начинается не с предложения, а со спроса, инициируемого самим читателем. Как пишет Лариса Кириллина, для нее сайт «Литсовет» стал неожиданной «отдушиной», поскольку в Интернете «немало людей, которым интересно то, что она делает» [15]. Таким образом, появилась организовавшаяся при помощи Интернета аудитория, нуждающаяся в новых, свежих текстах, и возможность новыми текстами внутри этой системы активно обмениваться.

Кроме того, если принять Интернет как часть социокультурного пространства, где общается довольно много одиноких людей, то о поэзии Эмили Дикинсон можно сказать, что она объединила таких реципиентов вокруг себя, что тоже можно определить как **причину психологическую.** Для таких реципиентов поэзии Дикинсон Интернет – это возможность примкнуть к сообществу людей, разделяющих одни ценности, это способ коллективного существования, содействующий коллективному выживанию.

Описывая психологические причины, нельзя не сказать, что в конце прошлого века, как никогда ранее, в нашей стране стали возникать проблемы разобщенности и одиночества. Смена формации была не просто политическим актом, это была смена идеологии, утрата привычного образа жизни, изменение представлений о главных ценностях. То, что произошло в России, стало не только социально-политическим и экономическим, но и культурным потрясением – население страны с мощным историческим прошлым оказалось перед лицом неуверенности и неопределенности. Этот период породил сдвиги и в социальной психологии россиянина. Тревога, чувство неудовлетворенности, вызванные переменами в обществе более всего в 1990-е гг., как можно увидеть из интервью, стали еще одной предпосылкой возникшего интереса к поэзии Дикинсон. Для американской поэтессы одиночество было не трагическим, а созидающим, не жестокой реальностью, а предпочтительной «данностью», в нем – радость приятия жизни такой, какая она есть. Как написала Л. Подистова, рассуждая о возникшем в России интересе к творчеству Дикинсон, «стихи Эмили бесстрашно искренни. В них есть кристальная ясность и теплота. В них есть уверенность в том, что жизнь имеет смысл, а человек – не просто забытая игрушка или песчинка, что он любим Богом. Людям сейчас не хватает любви и уверенности в своей нужности хоть кому-нибудь» [18]. Жизнь, какой бы она ни была, оправдана, если ты протянул кому-то руку помощи: «*Я проживу свою жизнь не напрасно / Если успею подставить ладони / Хотя бы одному падающему сердцу*». Эти строчки, написанные когда-то Эмили Дикинсон, летят, чтобы убедить сетевого собеседника в уникальности человеческой жизни. Или: «Сегодня день душевной тоски и поиска лирики в сети. Спасибо, что ты открыла мне Дикинсон» [9].

Биографический миф

Можно утверждать, что в популярности поэзии Дикинсон значительную роль играет еще и личность самой американки, «**биографический миф**», созданный вокруг ее имени. Посетителям сайтов нравится тема трагической несостоявшейся любви Эмили Дикинсон, которая сделала ее «добровольной затворницей»: «…с 24-х лет на протяжении трех с лишним десятилетий, до самой смерти она жила в родном городе и писала в стол», – так представляет личность поэтессы Лариса Подистова [18].

Дарья Данилова отмечает, что поэзия американской поэтессы «оригинальна, искренна, глубока. И ее странная судьба обычно не оставляет людей равнодушными» [5]. Неслучайно пользователи сети с энтузиазмом стали переводить стихотворение «Heart! We will forget him! (J 47/F 64) (существует 6 его переводов).

Сетевому читателю интересен психотип поэтессы, молчаливый бунт которой разрешается затворничеством в родительском доме. Дикинсон обращает энергию духа в поэзию и реципиенты находят в ее строках созвучные им мысли – «И я: тоже – никто, Эмили» – так своим собственным переводом стихотворения Эмили Дикинсон «I'm Nobody» Анна Дубинская представляет свой «Живой журнал» [8]. Она видит в Дикинсон родственную душу, и на вопрос «Что дает Вам опыт чтения стихов Эмили Дикинсон» отвечает: «…многие странности моего образа жизни находились в родственной связи с Эмили. Поэзия как способ жить, как способ понимать мир, как способ его строить. Искренность и честность являются лишь способом настройки инструментов поэзии. Так я видела это у Эмили, так это работает и для меня» [6].

Из признаний сетевых читателей видно, что к поэзии Эмили Дикинсон они иногда обращаются, как к спасению, мифологизируя образ американской поэтессы. Так, в газете общественной организации инвалидов Тольятти «Вместе» (газета издается с 1995 г., а ее электронная версия с 2000 г.) в № 9 в сентябре 2005 года к 165-летию со дня рождения Эмили Дикинсон была опубликована статья «Девушка в белом – великая американская поэтесса Эмили Дикинсон» [17].

Как пишет автор этой статьи Г. Подейко, он познакомился с поэзией Эмили Дикинсон довольно давно – тогда, когда отдельным изданием вышел сборник В. Марковой. Он вспоминает, как состоялась эта встреча: «Имя автора было мне незнакомо. В аннотации прочёл – американская поэтесса XIX века. Начал перелистывать страницы – стихи короткие 8–12 строк, без названий, с необычной пунктуацией – почти одни знаки тире. Но уже через несколько минут замер, поражённый нежданным талантом американской поэтессы. И с первого прочтения сохранились в памяти страстные строчки: «*Худшее тем хорошо – / Случается только раз – / Когда самый дальний Камень – / Вдогонку метнёт Судьба. / Спокойно – Калека – вздохни – / Повремени на просторе – / Олень к себе манит – пока / Сопротивляется Своре*». «Вечером «проглотил» другие стихи», – продолжает он, «…к некоторым хотелось сразу же вернуться. Стихотворения были притягательны, не все сразу понятны, но, читая их, хотелось найти их суть, простую и возвышенную» [17].

Знакомя читателей газеты с жизнью и творчеством Эмили Дикинсон, автор статьи подчеркивает, что американского поэта волновали такие же темы, какие волнуют всех. Они «и просты, и величественны, и понятны, и необъяснимы: борьба Жизни и Смерти, Веры и Сомнения, Радости и Отчаяния, Любви и Отречения от Любви» [17]. Он акцентирует внимание на изоляции поэтессы: «Образ жизни Эмили становится всё более затворническим. Она всё реже появляется на людях. Эмили носит только белые платья. В Амхерсте её стали называть “девушкой в белом”, а некоторые городские обыватели даже утверждали, что она несомненный инвалид» [17]. Г. Подейко продолжает: «Именно в это время она записывает в тетрадь строки, обращённые к калекам:

«*Если сердцу – хоть одному – / Не позволю разбиться – / Я не напрасно жила! / Если ношу на плечи приму – / Чтоб кто-то мог распрямиться – / Боль – хоть одну – уйму – / Одной обмирающей птице / Верну частицу тепла – / Я не напрасно жила!*» (пер. Марковой).

Конечно, эти наиболее часто цитируемые в русскоязычной сети строки стихотворения Дикинсон «If I can stop one heart from breaking» могут быть обращены к кому угодно. В данном случае стихотворение интерпретируется в зависимости от «горизонта ожидания», оно отвечает на запрос читателя и «вручается в руки» того, кому особенно нужно – произведение «открыто» для нового смысла.

Итак, как показал рассмотренный нами материал, вхождение Эмили Дикинсон в интернет-культуру началось во второй половине 1990-х годов, когда впервые в Интернете был организован конкурс русской сетевой литературы «Тенёта – Ринет». Интерес к ее поэзии, выросший не

только из так называемого «книжного» этапа знакомства с творчеством Дикинсон, но и экспортированный из-за рубежа компьютерным поколением (победитель первого конкурса «Тенёта – Ринет» Д. Гусев жил в тот период в США), можно объяснить совокупностью различных факторов, среди которых основополагающими стали технологические (компьютеризация страны) и социально-политические причины (смена общественно-политической формации и «открытие» страны для остального мира).

Сегодня русскоязычный реципиент эпохи постмодернизма находит в стихах поэтессы XIX века Эмили Дикинсон то, что приближает ее творчество к современному читателю. С другой стороны, именно благодаря наличию такого реципиента в русской культуре, способного к восприятию необычной поэзии Дикинсон, и возникает встреча автора и читателя на перекрестке двух культур, которая продлевает жизнь стихотворений американской поэтессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анти-Тенёта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.anti.teneta.ru/2002/transl_stihi/gb1021426088477515.html.
2. Анти-Тенёта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.anti.teneta.ru/2002/transl_stihi/gb1021190672240306.html
3. Афоризмы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aphorism.ru/author/a2249.html
4. *Бурдье, П.* Поле литературы : пер.с франц. М. Гронаса / П. Бурдье. // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 45. – С. 22–87.
5. *Данилова, Д.* Интервью, данное автору статьи. Личная переписка (март 2007.). *tanikeeva@gmail.com*
6. *Дубинская, А.* Интервью, данное автору статьи. Личная переписка (март 2007.). *tanikeeva@gmail.com*
7. Женская поэзия // Наталья Лайдинен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.laidinen.ru/women.php?code=36
8. Живой журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://duns37's Journal/.
9. Живой журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.navuxo.livejournal.com/211528.html
10. *Зубова, Л.В.* Современная русская поэзия в контексте истории языка/ Л.В. Зубова. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 432 с.
11. *Зырянов, А.* Emily Dickinson. Selected poems / А. Зырянов // Анти-Тенёта. – Режим доступа: http://www.anti.teneta.ru/2002/america/transl_stihi/gb1027829582566971.html
12. *Изер, В.* Процесс чтения: феноменологический подход / В. Изер // Современная литературная теория. Антология ; Сост. И.В. Кабанова. – М. : Флинта: Наука, 2004. – С. 201–224.
13. *Кириллина, Л.* Интервью, данное автору статьи. Личная переписка (март 2007) / Л..Кириллина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: *tanikeeva@gmail.com*
14. Лавка языков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.spintongues.msk. ru/emily_dickinson.html
15. Литсовет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.litsovet.ru/index.php/
16. *Львов, Б.* Избранные переводы / Б. Львов// Библиотека классической литературы [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.classic-book.ru/lib/al/book/365
17. *Подейко, Г.* Девушка в белом – великая американская поэтесса Эмили Дикинсон / Г. Подейко // Вместе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vmeste.narod.ru/vmeste5_9/str6/index9_6.htm
18. *Подистова, Л.* Интервью, данное автору статьи. Личная переписка (март 2007) / Л. Подистова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: *tanikeeva@gmail.com*
19. Тенёта-Ринет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.teneta.rinet.ru
20. Топос. – Режим доступа: http://www.topos.ru /forums/messages/11/349.html?1043604363

Шестое чувство настоящей женщины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www. sixsens.info/modules.php?name.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЯПОНСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА С ИМЕНАМИ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ

В.Г. Волощенко

Волощенко Валерия Геннадьевна – соискатель кафедры японской филологии Восточного института Дальневосточного государственного университета, доцент кафедры лингвистики и переводоведения.

Контактный адрес: valeriav21@mail.ru

Данная статья посвящена исследованию категории оценки, выделению относительного и абсолютного, тривиального и высшего, инструментального и автономного добра на материале японских устойчивых сочетаний с именами живой природы.

***Ключевые слова*:** аксиологические шкалы, оценочный и дескриптивный смыслы, стратегии оценивания, четырехкомпонентные композиты ёдзидзюкуго.

В лингвистике развитие антропоцентризма привело к становлению нового научного направления, лингвистической аксиологии, призванной изучать систему ценностей этноса и особенности ее манифестации в языке и культуре.

Познавая окружающую действительность, индивидуум определяет свое отношение к миру, давая оценку явлениям, фактам, событиям, в связи с чем вопросы оценки интересны вниманию исследователей в области лингвистики, психологии, логики, философии. Аспекты категории оценки освящены в трудах лингвистов Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф, Н.А. Лукьяновой, В.Н. Телии, В.И. Шаховского, Т.В. Писановой и др.

Этническая доминанта, по выражению Л.Н. Гумилёва, или своеобразие и стабильность менталитета той или иной нации, основывается на определенной совокупности национальных ценностей, ориентируясь на которые индивидуум осуществляет свой выбор.

В широком смысле термин «оценка» понимается как обозначение языковыми средствами установленного отношения между субъектом речи и предметом речи, а под ценностью понимается то, что составляет объект желания, нужды, стремления, интереса человека.

Ценности, отражающиеся в языке, формально разделяют на два типа: первый тип – представления, ориентирующие на выявление и обозначение средствами языка сущностных характеристик объектов познаваемого мира с позиции нормы, исторически сложившейся в определенном социуме в соответствии с общечеловеческими канонами, национально-культурными стереотипами и общественными приоритетами; второй тип – ориентации, основанные на множестве человеческих потребностей и чувствований, которые категоризируются в двучленных оппозициях «хорошо / плохо», «добро / зло», «правильно / неправильно», «допустимо / недопустимо» и в многочисленных сопоставлениях «приятно – безразлично – неприятно», «интересно – безразлично – неинтересно – скучно», «очень красиво – безразлично – некрасиво – уродливо – безобразно – отвратительно» и т.д. По мнению Н.Д. Арутюновой и других исследователей, в большинстве современных европейских культур преобладают слова с отрицательным вектором [1]. Как показал наш анализ, то же самое происходит и в японской культуре.

Мы применили аксиологические шкалы, соответствующие оценочному признаку, для изучения функционирования оценочных категорий. Существование противоположных оценочных процессов предполагает наличие какой-либо нормы, в соответствии с которой происходит соизмерение признаков объекта и смещение в ту или иную сторону вдоль оси.

На ранней стадии развития аксиологии различали две категории ценностей: добро как средство и добро как цель. Выделялись относительное и абсолютное, тривиальное и высшее, инструментальное (утилитарное) и автономное (независимое) добро. Представление об оценке в философии, логике и как следствие этого в лингвистике связывается, прежде всего, с оценочными предикатами *хорошо* и *плохо*, исследованными достаточно полно.

Важной, на наш взгляд, является проблема разграничения собственно оценочных квалификаций (хороший, плохой, отличный, великолепный и пр.) и дескрипций (красный, деревянный и др.). Е.М. Вольф считает, что значения прилагательных могут быть дескриптивными (если речь идет о признаках предметов, которые являются

их собственными свойствами) и оценочными (в том случае, когда актуализируются свойства не самих предметов, а приписываемые им субъектом характеристики). В то же время прилагательные, которые сочетают оценочный смысл с дескриптивным, следует относить к частнооценочным (умный, глупый, опытный, выносливый). Они, в свою очередь, составляют непрерывный ряд, где оценочный и дескриптивный смыслы комбинируются в разных пропорциях.

При частной оценке ее аспект определяется тем признаком, который обозначен оценочным словом. Однако замена общей оценки частными, по мнению Т.В. Писановой, не только возможна, но и логически оправдана в том случае, если существует необходимость иметь полную картину обо всех ценностных свойствах объекта, имеющих разноплановую аксиологическую ориентацию. Это объясняется тем, что каждый объект обладает определенным по числу и составу набором свойств, объективно соответствующих комбинациям частных оценок. Они принимаются во внимание при выведении общей оценки, включающей объект в один из двух аксиологических разрядов [6].

Основы теории частных оценок были заложены Е.М. Вольф (1985), Н.Д. Арутюновой (1988), В.И. Карасиком (1989). Как полагает Т.В. Писанова, система частных оценок – это комплекс взаимообусловленных отношений к миру, человеческий опыт, который определяется как основанное на практике чувственно-эмпирическое познание объективной действительности, накапливаемое через эмоционально-чувственное восприятие. Он существует в виде знаний о приятном и неприятном, вкусном и невкусном, а также радостном, веселом, желанном, печальном, грустном. Кроме того, опыт имеет рационалистическую окраску, так как жизнь человека связана с практическими делами, нацеленными на удовлетворение насущных потребностей [6].

В.М. Савицкий и О.А. Дмитриева, кроме этических, эстетических, рациональных и эмоциональных оценок, выделяют функциональную, пиететную и сравнительную. Как показал практический материал, во фразеологизмах данные типы оценок представлены не самостоятельно, а в виде комбинаций. На наш взгляд, расширение таксономии оценок за счет добавления указанных типов оценочных квалификаций (в нашем случае сравнительной) позволит более полно исследовать аксиологические параметры фразеологических единиц данного типа.

Анализ эксплицитно выраженных внутрипословичных стратегий оценивания, свойственных русским пословицам, проводился А.Н. Барановым. Полученная им аксиологическая процедура, задающая основные направления аксиологического анализа ситуации в русских пословицах, состоит в прохождении всех уровней оценивания: количественная → прототипическая → гомеостатическая → общая оценка. В этой иерархии слева направо уменьшается дескриптивность оценки и усиливается ее собственные оценочные свойства [2].

Аксиологическая процедура оценивания может быть сформулирована следующим образом: если некоторая оценка является исходной в стратегии оценивания, то она сочетается либо с самой собою, либо с теми типами оценок, которые находятся справа от нее в последовательности «К => П => Г => О», отражающей полную аксиологическую процедуру [2]. В диссертации А.В. Егоровой предложенная ученым методика получила практическое применение на материале английских пословиц с именами живой и неживой природы [3].

В нашем практическом материале представлены все названные типы оценок. Они образуют бинарные единства, в которых через сопоставление двух оценок показывается каким образом и при помощи каких признаков формируется оценка предмета оценивания, т. е. отражается стратегия оценивания.

I. Стратегии оценивания с исходной количественной оценкой:

1) количественная => прототипическая: 千金の子は市に死せず деньги решают всё (ребенок с большими деньгами в городе не умрет);

2) количественная => гомеостатическая: 千金の裘は一狐の腋に非ず для того чтобы сшить дорогую одежду, мало шкуры одной лисицы;

3) количественная => общая: 一見旧の如 как будто всю жизнь знакомы (один взгляд – подобен старому);

4) количественная => количественная: 一石二鳥 (одним камнем двух зайцев).

Прототипическая и гомеостатическая оценки недостаточны и предполагают дальнейшую аксиологическую интерпретацию.

II. Стратегии оценивания с исходной прототипической оценкой:

1) прототипическая => гомеостатическая: 逃した魚は大きい (упущенная рыба большая);

2) прототипическая => общая: 老牛舐犢 (старая корова лижет теленка);

3) прототипическая => прототипическая: 命長ければ辱多し (чем длиннее жизнь, тем больше стыда).

III. Стратегии оценивания с исходной гомеостатической оценкой:

1) гомеостатическая => гомеостатическая: 朝雨馬に鞍置け (если с утра дождь, готовь седло);

2) гомеостатическая => общая: 虻蜂取らず (пчелы и шмеля не поймать).

IV. Стратегии оценивания с исходной общей оценкой:

1) общая => общая: 老いたる馬は道を忘れず (старый конь борозды не испортит).

В последнем типе оценивания не предполагается никакой дополнительной аксиологической процедуры – общая оценка является конечным пунктом аксиологического анализа.

На следующем этапе исследования наша цель – проанализировать японский фразеологический фонд с последующим выявлением наиболее объективированных аксиологических характеристик человека посредством зооморфных метафор. В основе исследования лежит лингвокогнитивная теория частных оценок, интегрированная в процесс актуализации этнокультурной специфики и универсальных явлений японского социума.

Материалом исследования послужили около 300 фразеологизмов (в том числе 83 четырехкомпонентных композитов *ёдзидзюкуго*) с именами живой природы.

Фразеологические сочетания имеют цель оценить качества человека посредством сравнения его с предметом, имеющим отрицательные / положительные свойства. В качестве предмета сравнения могут выступать различные объекты живой и неживой природы. Сам факт обозначения человека через его сравнение с животным / птицей / рыбой создает образную номинацию, сопровождаемую положительной или отрицательной коннотацией. Народные сказки, пословицы, поговорки с ранних пор формируют в сознании людей отношение к объектам живой природы через их сравнение с людьми. Таким образом, переносно-образное значение «животное (рыба, птица)> человек» оказывается неотъемлемым элементом национальной картины мира, сформировавшимся на протяжении веков (по мнению С.Г. Тер-Минасовой, больше подходит термин не «картина мира», а «мозаика», в которой различаются не только элементы самой мозаики, но их размер и цветà) [7].

С появлением художественного мышления начинается конструирование образа мира, для которого сущностным является метафора – абстрактное и обобщенное, переосмысленное новое значение.

Среди семантических единиц, образованных на основе метафорических или метонимических переносов, находятся зооморфизмы – метафорические дериваты наименований животных, используемые для оценочной квалификации человека. Биоморфные метафоры, отсылая к культурному и эмоционально-чувственному опыту носителей языка, служат средством осмысления национального менталитета. Среди биоморфных метафор принято выделять зооморфные и ботанические метафоры [6]. В нашей работе были исследованы фразеологические единицы, содержащие зооморфные метафоры.

В языковой картине (или мозаике) мира японского социума задействованы имена животных, участвующих в образной номинации:

1) млекопитающие: 1) домашние животные: лошадь, корова/бык, свинья, собака, кошка, мышь; 2) дикие животные: лиса, медведь, волк, обезьяны (в том числе бабуин, орангутанг), летучая мышь, колонок, енот, барсук, бобр, выдра, волк, горный волк, тигр, лев, носорог, слон, дикий кабан, олень;

2) птицы: 1) домашние: куры – петух, курица, попугай, утка*;* 2) дикие: ворон, большой баклан, голубь, бекас, утка-мандаринка, журавль, дикая утка, феникс, коршун, лебедь, сорока, японский буль-буль, камышевка, клест;

3) рептилии: змея, ящерица;

4) рыбы, членистоногие, моллюски: карась, анчоус, кит, моллюск морское ушко;

5) насекомые: пчела, шмель, бабочка, стрекоза, муха;

6) мифические существа: дракон, водяной Каппа, леший Тэнгу, черти.

Наибольшую видовую дистрибуцию получают дикие животные и дикие птицы; однако по частотности употребления в паремиях отряд млекопитающих занимает лидирующую позицию. Систему анималистических образов можно представить в виде 3-х различных оппозиций:

1) «ВЗРОСЛЫЙ» – «МОЛОДОЙ» → «ОПЫТНЫЙ» – «НЕОПЫТНЫЙ» (возрастной принцип): **牛 - 犢**.

2) «ФЕМИНИННЫЙ» – «МАСКУЛИННЫЙ» (гендерный принцип): 烏の雌雄, 雄鳥－雌鳥.

3) «ОБОБЩЕННЫЙ» – «ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ»: 鳥 – 烏、鴨、鷺、 鸚鵡、鶯、獣 – 狼、狐、熊、狸、猿、魚 – 鯨、鮒、鱸、鰹.

Наблюдаются также вариативные ряды, когда один зооним репрезентируется посредством нескольких лексем. Подобное явление можно отнести к национальной особенности японского этноса: *обезьяна* – 猿、猴、*свинья* – 豕、 豚.

Семантика языковых единиц со словами-зоонимами может конкретизироваться, в частности, до обозначения отдельных черт – символов человека (глупый, болтливый; опытный, трудолюбивый и др.). Наиболее частотные качества, которые осуждаются–порицаются, и качества, заслуживающие одобрения–подражания (таблица).

Таблица

Качества, заслуживающие порицания и одобрения

«–»		«+»	
ЛЕНИВЫЙ	– корова/бык	ТРУДОЛЮБИВЫЙ	– лошадь, собака, бобр
ХИТРЫЙ	– лиса, обезьяна, енот	ОПЫТНЫЙ, МУДРЫЙ	– змея, дракон, лошадь, носорог, птица, журавль
ГЛУПЫЙ	– олень, корова	ОБЛАДАЮЩИЙ ДУХОВНЫМИ КАЧЕСТВАМИ	– слон, ворона, бекас, голубь
ТРУСЛИВЫЙ	– ворона		
БОЛТЛИВЫЙ	– лягушка	ПРЕДАННЫЙ	– собака, лошадь
ЖАДНЫЙ	– волк, дикая собака	ХРАБРЫЙ	– лев, дикий кабан, леший
НЕПРИТЯЗАТЕЛЬНЫЙ	– олень, лошадь, собака, енот, волк, курица	ЦЕННЫЙ	– енот, собака, птица, клест, камышевка, белая цапля
ЖЕСТОКИЙ	– волк, тигр, леший		
КОВАРНЫЙ	– лиса, енот, волк		
ПОВЕРХНОСТНЫЙ	– обезьяна, петух		
ХВАСТЛИВЫЙ	– леший		

Одно и то же имя животного может встречаться как в примерах с положительной, так и с отрицательной оценкой. В японском языке существует достаточно большое количество фразеологических единиц с именами животных, связанных с характеристикой собственности и отношением к материальным ценностям. Отрицательную этическую и эмоциональную оценку получают аксиологические компоненты «КОРЫСТОЛЮБИВЫЙ», «СКУПОЙ», «НЕНАСЫТНЫЙ». Данные пороки изобличаются в японской фразеологии с помощью имен таких животных, как 豺 (*дикая собака*), 狼 (*волк*), 竜 (*дракон*), 虎 (*тигр*), 魚 *(рыба)*: 1) 豺狼当路 *Сайро: то:ро* – Стоять на пути у дикой собаки и волка (злых и жадных); 2 虎狼之国 *Коро: но куни* – страна, где правят жадные и безжалостные, как волк и тигр; 3) 虎穴を逃れて、竜窟に入る *Ко:кэцу о ногарэтэ, рю:куцу ни хаиру* – из огня, да в полымя (из логова тигра, да в лапы дракона); 4) 呑舟之魚は支流に泳がず *Донсю: но уо ва сирю: ни оёгадзу* – Большому кораблю – большое плавание (рыба, глотающая корабли, в притоках не плавает); (фольклорный образ волка в русской культуре также воплощает жадность, ненасытность).

Перечисленные выше характеристики являются, в свою очередь, семантическими вариантами центрального значения. Будучи самостоятельными компонентами, они в то же время могут дополнять друг друга: если X – корыстолюбивый, то можно предполагать наличие скупости в его характеристике. Дескрипции «КОРЫСТОЛЮБИВЫЙ» близок дескриптивный компонент «РАСЧЕТЛИВЫЙ» (в примере 4 рационалистическая оценка со знаком +). Положительный знак рационалистической оценки вполне обоснован, так как семантический признак «РАСЧЕТЛИВЫЙ» весьма субъективен и не всегда имеет четко выраженный негативный характер. Он может варьироваться в различных ситуациях в диапазоне + / – , что зависит от многих факторов – социальных, морально-этических, субъективных. То или иное отношение к материальным, равно как и духовным ценностям, во многом определяется национальными стереотипами. Так, в обществе, ориентированном на капиталистические отношения (а к данному типу относится и японское общество), понятие «РАСЧЕТЛИВЫЙ» рассматривается с позиции пользы и выражается положительной рационалистической оценкой, например: 5. 網呑舟之魚を漏

らす – *Ами донсю: но уо о морасу* – Большую рыбу сеть не держит. Таким образом, многоаспектная семантика служит базой для сложной категориальной дифференциации частнооценочных значений, где, наряду с основной отрицательной этической оценкой, встречаются негативные психологические (эмоциональные) и положительные рационалистические оценки.

На основе классификации свойств человека, предложенной Т. Н. Писановой, в работе дана классификация наиболее частотных положительных человеческих качеств и объективирующих их частных оценок. Так, характеристике «ОБЛАДАЮЩИЙ ДУХОВНЫМИ КАЧЕСТВАМИ» соответствует сложная модель частных оценок: 6. 象牙の塔 *Дзо:гэ но то:* (1) имя Марии – матери Иисуса; (2) пространство искусства или науки, где живут люди искусства и науки, убегая от всего мирского, суетного (букв. башня из слоновой кости)); 7. 烏に反哺の考あり *Карасу ни хампо но ко: ари* Ворона переносит корм в клюве – о благодарности выросших детей; 8. 鴫の看経(かんきん) *Сиги но канкин* Бекас праздно прогуливается по полям и болотам, не тренируясь (молчаливое чтение сутр); 9. 鳩に三枝の礼あり *Хато ни санси но рэй ари* Пониже положишь, повыше возьмешь (голубь садится на третью снизу от родителя ветку); 10. 獺祭 *Дассай* Праздник выдры (выдра перед едой раскладывает в ряд рыбу, тоже относится к человеку, посвящающего пищу Всевышнему, и к ученому, работающему среди разложенных словарей и справочников).

В примере 6 рассматривается оппозиция «МАЛЕНЬКИЙ – БОЛЬШОЙ». В природном сообществе, где все подчиняется единому закону естественного отбора, выживает сильнейший. Как правило, самые крупные особи стоят во главе группы, поэтому понятия «БОЛЬШОЙ», «РОСЛЫЙ», «КРУПНЫЙ» тождественны дескрипциям «СИЛЬНЫЙ», «КРЕПКИЙ», «ЗДОРОВЫЙ», «УСПЕШНЫЙ». Данная корреляция возводится в ранг нормы, и отклонение в ту или иную сторону рассматривается как «АНОМАЛЬНОЕ», «НЕЗДОРОВОЕ».

Анализ категориальной дифференциации частных оценок с зоонимами показал, что типичными комбинациями частнооценочных значений, определяющими национально-культурные особенности этической оценки, являются сочетания следующих типов: этических, эмоциональных и утилитарных оценок; на втором месте сочетания следующих типов: этических, эмоциональных и интеллектуальных оценок. Реже встречаются комбинации этических и эстетических оценок, также этических и телеологических оценок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова, Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. / Н.Д. Арутюнова. – М., 1988. – 211 с.

2. *Баранов, А.Н.* Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.

3. *Егорова, А.В.* Имена живой и неживой природы в аксиологическом и концептологическом аспектах (на материале пословично-поговорочного фонда английского языка) : автореф. дис. … канд. фил. наук. [Электронный ресурс] / А.В. Егорова. – Иваново, 2006.

4. *Карасик, В.И.* Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики / В.И.Карасик. – Волгоград, 1999. – 216 с.

5. *Киэда, М.* Грамматика японского языка; пер. с яп. / М. Киэда; общ. ред., предисл., коммент. и прил. Н.И. Фельдман. – 3-е изд. стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – Т. 1. – С. 655, С. 75–109.

6. *Писанова, Т.В.* Национально-культурные аспекты оценочной семантики. Эстетические и этические оценки / Т.В. Писанова. – М. : ИКАР, 1997. – 320 с.

7. *Тер-Минасова, С.Г.* Из выступления на Международном лингвокультурологическом форуме «Язык и культура: Мосты между Европой и Азией». – Хабаровск, сентябрь 2009.

8. *Шнырко, А.А.* Этюды по грамматике японского языка. Вопросы грамматической семантики / А.А. Шнырко. – Владивосток : Дальнаука, 2008. – 234 с.

9. Японско-русский словарь «Коданся». – Токио, 1992. – 616 с.

10. Иероглифический словарь «Кандзигэн» [Электронный ресурс]. Изд-во Гаккэн, 2003, Casio XD-FP6800.

11. *Martin, S.E.* A Reference Grammar of Japanese [Text] / S.E. Martin. New Haven; London: Yale University Press, 1975. – 1198 p.

12. 日本文法研究。久野すすむ。東京 : 大修館書店。2000 年。 Нихон бумпо: кэнкю:. = Исследования по грамматике японского языка / под ред. С. Куно. – Т. : Изд-во Тайсю: кан. 2000. – 648с.

13. Casio XD-FP6800, 岩波書店、2004 年。

14. Энциклопедия 広辞苑 Кодзиэн. – 2-е изд., изд-во Иванами сётэн, 1974. – 2448 с.

15. Энциклопедия 広辞苑 Кодзиэн. – 5-е изд., изд-во Иванами сётэн, 2004, Casio XD-FP6800.

16. Ямада Ёсио. Нихон бумпо: гаку гайрон / Ё.Ямада. – Т., 1937. – 832 с.

ПОЛИНЕЗИЙСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ В НОВОЗЕЛАНДСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

О.В. Николаева

Николаева Ольга Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории английского языка Института иностранных языков Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: onikolaeva2009@yandex.ru

В статье рассмотрены исторические корни формирования полинезийских мифологем в новозеландской картине мира. Исследование выполнено на материале традиционного фольклора Маори и современных источников периодической печати Новой Зеландии.

Ключевые слова: полинезийские языки, мифологема, картина мира, Маори, фольклор.

Современные периодические издания Новой Зеландии содержат многочисленные аллюзии на полинезийские мифологические сюжеты, вероятно, хорошо известные новозеландскому читателю. В текстах газетных статей ссылки на полинезийскую мифологию, как правило, не снабжены подробным описанием того или иного мифа, а зачастую ограничиваются словом или словосочетанием. Такая лаконичность дает все основания предполагать, что в новозеландском сознании сложились и активно функционируют полинезийские мифологемы.

Согласно словарю Д.Н. Ушакова, мифологема – составной элемент мифологического сюжета [1]. В настоящем исследовании под мифологемой будем понимать особую форму представления мысли, основанную на перенесении мифологического мотива в современную концептуальную среду.

Причины развития полинезийских мифологем в новозеландской картине мира следует искать в меняющемся отношении к исконной (восточно-полинезийской по происхождению) культуре коренного населения Маори. В последние десятилетия в Новой Зеландии наблюдается возрождение маорийской культуры и языка, развитие полинезийских мифологем является одним из естественных следствий этой тенденции. Обращение к этническим мифологемам коренного населения указывает на новейшие процессы, происходящие в традиционном евроцентрическом мировоззрении новозеландцев, служит косвенным подтверждением эволюции общественного сознания в направлении национального единения на основе признания ценности обеих культур (и Маори, и Пакеха). С другой стороны, полинезийские мифологемы свидетельствуют о тенденции к сближению страны с другими культурами Океанийского региона.

Обратимся к тем фрагментам полинезийской мифологии, которые получили дальнейшее развитие в новозеландской картине мира. Значительное место в полинезийском фольклоре занимает цикл легенд о полубоге-получеловеке Мауи. В некоторых частях Полинезии его обожествляют, в других – Мауи просто человек. Предполагают, что Мауи был вождем полинезийцев во время освоения ими Океании, согласно другому мнению легенды о Мауи имеют более раннее, континентальное происхождение. Сравнивая образ Мауи с персонажами классической мифологии, можно обнаружить сходство с образами Геркулеса и Прометея, однако, детали и подробности подвигов Мауи не имеют аналогов в мифах других этносов [10: p. 233].

В традиционной культуре Маори Мауи приписывается чудесное рождение. По преданиям, Мауи родился преждевременно, его мать, отрезав свои длинные волосы, завернула его в локоны и выбросила в море. Мауи спасли духи моря, а один из его небесных предков выкормил и воспитал его. Мауи вернулся к людям, нашел своих братьев и, совершив ряд подвигов, завоевал их доверие [10: p. 233]. Мауи известен в марийской культуре как бесшабашный чудак, который заставил Солнце двигаться медленнее, вытащил Землю (Северный остров) со дна океана, приручил огонь.

Так, согласно легендам Маори, Мауи был очень любопытным и однажды захотел узнать, откуда берется огонь. Он отправился на край земли к своей прародительнице, богине огня (Mahuika). Богиня была в хорошем расположении духа и отдала Мауи свой огненный ноготь.

Мауи же было интересно узнать, откуда возьмется огонь, если богиня раздаст все огненные ногти. Он бросил ноготь в ручей и вновь отправился к богине. Так он делал много раз, пока богиня не отдала ему все свои ногти. Разгневавшись, богиня зажгла землю и море, так что Мауи едва спасся. Некоторые деревья (Mahoe, Totara, Patete) были рады огню богини и посчитали его великим даром. Мауи не принес людям огня, но он принес сухие деревья и показал, как получить огонь, потерев сухие ветки деревьев. Так Мауи удовлетворил свое любопытство и узнал, откуда берется огонь [4].

По преданиям Маори, Мауи был смелым и очень дерзким. Согласно другой легенде, Мауи был недоволен слишком коротким днем и ранним заходом солнца: ему и его братьям приходилось ужинать в темноте. Мауи задумал поймать Солнце до восхода и научить его, как нужно двигаться по небу. Братья отговаривали Мауи, говорили, что Солнце сожжет его, но Мауи был непреклонен. Произнеся молитву-заклинание, он с братьями соорудил ловушку из веревки и стал ждать, когда Солнце выйдет из раскаленной красной ямы, расположенной глубоко под землей. Проснувшись, Солнце стало вставать, не ведая о ловушке. Увидев Мауи, Солнце разгневалось, но Мауи использовал волшебную кость своих предков и победил Солнце. Мауи потребовал, чтобы Солнце двигалось медленнее, а день стал длиннее [5]. Так он приручил Солнце.

Еще один миф рассказывает о том, как однажды Мауи вместе со своими братьями поймал гигантскую рыбу. Рыба была такой огромной, что чуть не потопила их каноэ. Испуганные братья молили Мауи отпустить ее, но он отказался и вытащил рыбу со дна океана. Гигантская рыба почти целиком накрыла маленькое каноэ, но Мауи удалось благополучно вернуться на берег. Мауи предупредил братьев, чтобы они не разрезали рыбу, пока он не сделает приношения богам, но когда Мауи ушел, братья жадно искромсали и изрезали рыбу. Птицы, растения, животные и люди обосновались на гигантской рыбе Мауи, следы от разрезов создали уникальный рельеф. Согласно мифу гигантская рыба стала известна как Северный остров (Te *Ike* a *Maui* – рыба Мауи), а разломанное каноэ Мауи – как Южный остров (Te *Waka* a *Maui* – каноэ Мауи) [6].

Среди полинезийских культур есть некоторые расхождения в представлении образа Мауи и его героических подвигов. На Таити, например, Мауи считался мудрым человеком, пророком, жрецом, а впоследствии был обожествлен [10: p. 235]. Согласно таитянской легенде Мауи не успел завершить свою работу на марае (священном месте) и, схватившись за солнечные лучи, приостановил заход солнца на некоторое время.

В полинезийском культуре Самоа Мауи отправился к богу, вызывающему землетрясения и находящемуся под землей, и, взяв у него огонь, вернулся на землю и принялся готовить пищу. Бог разгневался, разрушил земляную печь, но Мауи смог его победить, и бог раскрыл секрет получения огня [10: p. 235].

В Тонге также считается, что Мауи узнал секрет огня и научил людей готовить на огне пищу. Он заставил огонь поселиться в некоторых сортах дерева. Легенды Тонги говорят, что Мауи носит землю на плечах и, когда он кивает головой во сне происходят землетрясения. Поэтому люди топают по земле, чтобы разбудить Мауи. В Тонге известна легенда и о гигантской рыбе Мауи, который вытащил острова Тонги из глубины океана: сначала появился остров Ата, затем Тонга, Лофага и другие. В Тонге даже есть место, называемое Houga, которое Мауи, согласно легенде, подцепил своим рыбацким крючком, а сам крючок, по преданиям, был в распоряжении короля Тонги до 1770 года [10: p. 236]. На острове Мангайя мифы говорят о том, что этот остров был вытащен на берег из океана, а его центральная гора является центром вселенной.

Разные трактовки образа Мауи в полинезийских культурах объединяет общая идея воплощения в этой фигуре великого героя Полинезии, который многому научил людей, умного, смелого, одаренного сверхъестественной силой, превосходящей силу простого человека [8: p. 114].

Мифологема Мауи, сложившаяся в полинезийской культуре, стала неотъемлемой частью традиционной полинезийской картины мира. Благодаря легенде об огромной рыбе, образ Мауи широко представлен в полинезийской топонимике. Так, один из больших островов на Гавайах носит имя Maui. Маорийские ранние топонимы с компонентом Мауи включают несколько названий Северного острова Te Ika a Maui (гигантская рыба Мауи), He Ahi No Maui (огонь Мауи), He Hi No Maui (вещь Мауи). Южный остров носил название Te Waka a Maui (каноэ Мауи), место, где сейчас расположена столица Новой Зеландии называлось Te Upoko o te Ika a Maui (голова рыбы Мауи). Полуостров Kaikoura на Южном острове был известен как Te taumanu o te waka a Maui (место, где стояло каноэ Мауи).

Исследование пословиц и поговорок Маори доказывает, что мифологема Мауи активно

функционировала в традиционной маорийской культуре. Перенесение мифологических сюжетов, связанных с героической личностью Мауи, осуществлялось для передачи разнообразных ситуаций повседневной жизни Маори.

Так, поговорка He aha koa. Hai te tokorima a *Maui* [2], которую можно передать как «не важно, у меня есть пятерня Мауи», использовалась в обыденной ситуации, когда не было посуды, из которой можно было бы есть. В этом случае люди говорили, что есть пять пальцев – пятерня Мауи, которой вполне можно обойтись. Мифологема подчеркивает изобретательность Мауи, его способность найти выход из любой затруднительной ситуации.

Другой аспект изобретательности Мауи передает поговорка Ko *Maui* whare kino [2] (дом заговоров Мауи), которая фигурально описывает ситуацию подготовки заговоров, обсуждения планов и стратегий. В данном случае мифологема Мауи передавала его легендарные характеристики как автора многих дерзких планов и выходок. С этим качеством связана и хитрость Мауи, подчеркнутая в поговорке Ko *Maui* tinihanga koe [2] (ты обманщик, как и Мауи). В поговорке содержится аллюзия на миф о приручении огня. Мауи обманывал богиню огня Mahuika, придумывая разные причины, чтобы заставить ее отдать все огненные ногти, в то время как сам выбрасывал их в ручей.

Сверхъестественные качества Мауи, умение перевоплощаться и превращаться в разных существ, актуализированы в маорийской поговорке Mehemea ko Rupe! [2] (Если бы я был Рупе). Рупе – имя голубя, в которого превратился Мауи. В образе голубя он улетел в небеса и ускользнул от погони. Еще одна поговорка с образом Рупе Ko whatiwhati koa nga parirau o Rupe [2] (крылья Рупе совсем сломаны) использовалась, когда было очевидно, что все люди племени ушли или мертвы.

В маорийских поговорках Мауи предстает как ловкий и искусный стрелок, победивший птицу-монстра. Тело птицы было буквально пронизано оружием Мауи, за что метафорически его назвали Te whare huata a *Maui* [2] (дом стрел Мауи). Из этого эпизода возникла данная поговорка.

Мауи-победитель, не выпускающий удачу и добычу из рук фигурирует и в поговорке Ka mau ta *Maui* ki tona ringaringa e kore e tae ate ruru [2] (Мауи не отдаст то, что получил в свои руки). Здесь прослеживаются аллюзии на миф о том, как Мауи поймал и вытащил из океана огромную рыбу и не выпустил ее, хотя его братья молили об этом.

В маорийском фольклоре рассказывается о схватке Мауи с богиней смерти и хранительницей душ Hine-nui-te-po (большая дочь тьмы) в мире духов. Его план заключался в том, чтобы пройти сквозь таинственное существо богини, когда она спала, тогда она бы умерла [10: p. 234]. Но богиня проснулась, Мауи был поражен в схватке, однако, произнося заклинания, смог снова встать [2: p. 75]. Воля к жизни зафиксирована в поговорке Mana ano e whaka*maui* ake [2] (Он, как Мауи, может снова ожить), которую используют, когда надеются, что человек выздоровеет после тяжелой болезни. Однако Мауи все же не смог победить богиню смерти, согласно фольклору, он смертен, как и все люди. Поговорка Mehemea i puta a *Maui* i tua, kua kore te tangata e mate [2] (если бы только Мауи прошел (сквозь тело богини смерти), человек бы никогда не умирал) – возникла по преданиям, после той же схватки. Поговорка отражает сочувствие ловкому и смелому герою и используется, чтобы выразить горечь по поводу смерти.

Таким образом, полинезийская мифологема Мауи в традиционной маорийской картине мира функционировала как инструмент передачи актуальных для Маори-воинов идей ловкости, изобретательности, искусности, хитрости, воли к жизни и победе, сверхчеловеческих способностей и смертности. Мифологемы до сих пор являются связующим звеном между концептуальной картиной мира Маори и общей полинезийской картиной мира, демонстрируют преемственность этих систем мировидения, указывают на их общее происхождение. Кроме того, перенесение полинезийских мифологических сюжетов в концептуальную среду Маори служило для поддержания их этнической идентичности.

Современная новозеландская картина мира основана на взаимодействии концептуальных картин мира коренного населения и европейских переселенцев (Пакеха). Исследование показало, что этой картине мира также свойственны полинезийские мифологемы. Весьма интересным представляется сравнение функционирования полинезийских мифологем в традиционной картине мира Маори и современной новозеландской картине мира.

Прежде всего, конкретные контекстные употребления имени Maui в новозеландском английском свидетельствуют об отсылке к мифу о том, как Мауи выловил со дна океана огромную рыбу, которая потом стала Северным островом

Новой Зеландии. Мифологема Мауи в новозеландской картине мира, так же как и в традиционной картине мира Маори, является инструментом образного восприятия разнообразных географических объектов: городов, мысов, перешейков, всего Северного острова и т. д. В таких примерах упоминаются различные части гигантской рыбы (голова, хвост, плавники и даже плоть), а также рыболовный крючок Мауи. Так, в предложении «Wellington is a very small town on the end of *the great fish of Maui*» [7: June 17, 2008] подчеркнуто, что столица Новой Зеландии расположена на самом краю гигантской рыбы Мауи. Мифологема представлена как «*the great fish of Maui»* без дальнейшего толкования, что свидетельствует о ее известности в новозеландской картине мира. В другом примере говорится о раннем маорийском названии Веллингтона «Голова рыбы Мауи»: «The earliest name for Wellington, from legend, is *Te Upoko o te Ika a Maui – The Head of Maui's Fish*» [3: Dec.5, 2008]. В статье рассказывается о проекте сооружения на въезде в Веллингтон 14-метрового рыболовного крючка, которым он выловил Северный остров: «A giant $1.32 million illuminated *fish hook* celebrating the legend of *Maui* is planned for Wellington's northern entrance» [3: Dec.5, 2008]. Рыболовным крючком Мауи представлен мыс – самая южная точка в заливе Хауке: «The *fish hook,* according to legend, became the *cape* which now forms the southernmost tip of Hawke's Bay» [3: Dec.5, 2008].

В другом контексте « … drive the length of the Aupori Peninsula to Cape Reinga, where the spirits depart for *Hawaiiki*. … this is *the tail of Maui's fish* and there is not a lot of *flesh* on it. But there are more than enough highlights to keep you interested» [7: Dec. 24, 2007] речь идет об узком перешейке на полуострове Аупури, ведущем к мысу Рейнга. Этот перешеек назван *хвостом рыбы Мауи,* на котором почти нет *плоти*. Здесь же упоминается другая мифологема *Hawaiiki*, которая символизирует полинезийскую родину Маори, откуда они прибыли в Новую Зеландию.

Следующий пример описывает местность как *плавник рыбы Мауи*: «Smiling as I walked I would think, 'Here I am on the edge of the barnacled *fin of the great fish that Maui* caught.'» [9: Apr. 4. 2009]. Сочетание аллюзий на необыкновенный улов Мауи и известный географический объект содержит и другой пример: «…driving the length of *Maui's great catch*…» [9: Jan. 5, 2010].

Особое внимание следует обратить на то, что очертания Северного острова Новой Зеландии на карте поразительно схожи с очертаниями огромной рыбы. Известно, что первые карты были составлены европейцами – первооткрывателями (Абель Тасман, Джеймс Кук), при этом остается неясным, как коренное население Маори, не знакомое с топографическим изображением острова, запечатлело в своем традиционном фольклоре это поразительное сходство с рыбой. Миф о гигантской рыбе Мауи известен в большинстве полинезийских культур, что исключает предположение о более позднем европейском влиянии.

В современной новозеландской картине мира форма Северного острова неразрывно связана с его топографическим изображением, вызывающим ассоциации с образом рыбы. На карте явно выделяются все части рыбы: голова, хвост и плавники. Вероятно, поэтому в новозеландской картине мира мифологема эволюционировала и обрела дополнительные подробности строения рыбы Мауи, которые отсутствуют в содержании традиционной маорийской мифологемы.

Интересная дискуссия разворачивается на страницах сегодняшней новозеландской прессы о переименовании Северного острова на маорийское раннее Te Ika a Maui (гигантская рыба Мауи): «The New Zealand Geographic Board … has decided that alternative Maori names should be made official … Te Ika a Maui (The Great Fish of Maui) … the most commonly heard» [7: Apr. 26, 2009]. «The board has also suggested the North Island be changed to “Te Ika a Maui”» [7: Apr. 23, 2009].

Таким образом, мифологема Мауи в новозеландской картине мира унаследовала функцию образного средства, используемого для описания уникального ландшафта страны, и даже обрела новые свойства.

Интересным фактом является и то, что мифологема Мауи использована даже при передаче научных данных, таких как, например, тектонический разлом Тихоокеанской и Австралийской плит, которые вытолкнули новозеландские острова на поверхность океана: «What rescued New Zealand from beneath the ocean was vigorous pushing activity at the boundary of the Pacific and Australian tectonic plates. The colliding plates forced New Zealand up from the depth, not unlike the *demigod Maui* of Maori myth who *pulled up a huge fish from the sea that became the North Island of Aotearoa*» [7: Sep. 29, 2007]. Автор обращается к известной мифологеме Мауи, чтобы объяснить широкой аудитории сложные геологические процессы, приведшие к формированию островов Новой Зеландии, а также воздействовать на вос-

приятие читателем этих научных фактов путем приведения сюжетов, отражающих историю и культуру страны.

В современной картине мира новозеландцев мифологема Мауи функционирует и как инструмент, к которому прибегают для достижения интеграции и единства коллектива или всего общества. В контекстах упоминается об эпизоде из мифа, в котором братья Мауи жадно искромсали его рыбу. В этом случае мифологема описывает исторические конфликты между маори и пакеха, которые метафорически переданы как шрамы на теле рыбы Мауи (шрамы в истории всей нации): «This nation has scars – just as *Maui's brothers, in greed, tore up this land*, greed has left invisible marks across out nations. These things are part of our story» [7: Feb. 12, 2008].

Идея единения передается и при помощи образов братьев, сестер и других родственников Мауи, таким образом, акцентируется общее происхождение членов коллектива: «… George Hawkins … yesterday suggested a range of names for the planned council, including the *Sons* and *Daughters* of *Maui*, the *Sisters* and *Brothers* of *Maui* and the *Cousins* and *Aunts* and *Uncles* of *Maui*» [7: May 16, 2009]. В другой газете статья на эту же тему озаглавлена *'Sons of Maui'* hold up super-city: «… MP George Hawkins would rather refer to his fellow Aucklanders as the *Sons and Daughters of Maui*» [3: May 16, 2009].

С помощью мифологемы Мауи выражается желаемое единство не только внутри страны, но и, в более широком смысле, в Океании. Так, например, передана тенденция к интеграции Новой Зеландии в Тихоокеанское культурное сообщество: «We are all *children of Maui*, we are all *sons and daughters of the Pacific*» [7: May 6, 2009]. Мифологема Мауи служит в этом примере символом Океании в целом.

Таким образом, развитие мифологемы Мауи в новозеландской картине мира связано с обретением новой функции – образного выражения современных социальных идей объединения и консолидации общества и даже региона.

Исследование показало, что к мифологеме Мауи прибегают и для передачи других неординарных ситуаций, напоминающих людям о героических подвигах этого героя Полинезии. Например, с Мауи сравнил себя человек, волею судьбы оказавшийся в океане один на один с огромной акулой и выживший в этой схватке: «... Aidan Swale, of Invercargill, likened himself to *Maui pulling up New Zealand* when he recounted his battle with a 2m shark...» [9: Feb. 6, 2010].

Еще одна функция мифологемы Мауи сводится к образной передаче таких человеческих качеств, как хитрость и обман. Так, частный фонд ценных бумаг, названный в честь Мауи (Maui Capital Indigo Fund), нечестно поступал со своими вкладчиками, что обыгрывается в следующем высказывании: «The new legend of Maui was described in the prospectus of the Maui Capital Indigo Fund, a local private equity fund … reality has turned out a bit differently for Maui Capital Indigo Fund investors. The share price of this fund, after 18 months, is unchanged from cost…» [7: Aug. 29, 2009].

Этот же пример показывает, что в повседневной жизни мифологема Мауи широко используется для ономастических целей, что свидетельствует о том, что этот образ в новозеландской картине мира выполняет роль символа страны или даже всего Тихоокеанского региона. По имени Мауи названы не только фонды, но и туристические транспортные компании *(Maui* camper van), газовое месторождение в Таранаки («...diminishing supplies from the *Maui* field off Taranaki» [7: Oct. 20, 2009]), школы (the university's Te Kawa a *Maui* school [7: Jan. 2, 2010]), вид дельфина («… critically endangered species like the kakapo and *Maui's* dolphin» [herald February 11, 2010]), журналы («a new … magazine called *FishHead* – as in *the head of the fish (of) Maui*» [9: Dec. 2, 2009]) и другие объекты. Новозеландская периодика буквально пестрит такими названиями.

В Новой Зеландии прибегают и к мифу о приручении Мауи Солнца: «Yes, it's time to follow *Maui's* example and *capture the sun* – or at least its energy» [9: Dec. 30, 2009]. В данном случае речь идет об использовании солнечной энергии. Другой пример касается описания происхождения маорийского танца хака, по одной из версий связываемого с действиями Мауи, когда он ловил Солнце: «Another view is that it originally stems from an older haka about the demigod Maui creating the cycle of life and death by snaring the sun» [9: Jan. 1, 2009]. При передаче ситуации тушения пожара также обращаются к известной мифологеме, в частности, к образу веревок Мауи, которыми он захватывал Солнце: «*Ropes of Maui*: … Smoke in the atmosphere from the Titahi Bay fire» [3: Feb. 23, 2010].

Таким образом, анализ мифологемы Мауи в традиционной картине мира Маори и современной новозеландской картине мира позволил сделать следующие выводы.

В маорийской традиционной картине мира в структуре мифологемы Мауи доминирует лич-

ность самого героя, его индивидуальные качества: ловкость и хитрость, изобретательность и находчивость, бесшабашность и смелость, дерзость, граничащая с наглостью, воля к победе, воля к жизни, смертность. Для Маори это персонаж с реальными чертами, характер героя отточен до мелочей. Вследствие этого, важнейшей функцией мифологемы являлось образное выражение повседневных ситуаций (болезнь, смерть, обман, заговор, война, победа), человеческих качеств, отношений между людьми и отношений между людьми и богами.

В современной новозеландской картине мира мифологема Мауи не обладает такими подробностями, личность самого героя воспринимается как будто издалека, его фигура скорее символична, чем реальна, что широко отражено в новозеландской ономастике. При этом, однако, некоторые чрезвычайные ситуации (пожар, схватка с акулой) также образно передаются при помощи образа Мауи, что, вероятно, связано с его героическими подвигами (невероятный улов, приручение солнца).

Обеим картинам мира свойственно образное представление географии страны посредством данной мифологемы. Отличие заключается в том, что в современной новозеландской картине мира происходит наслаивание топографических ассоциаций, вследствие чего мифологема обретает дополнительные признаки. Кроме того, исконная топонимика Маори образна изначально, тогда как функционирование мифологемы Мауи в новозеландской картине мира в качестве средства описания местности ситуативно-обусловлено.

Мифологема Мауи в новозеландской картине мира также используется для выражения новых социальных тенденций в стране и регионе: стремления к консолидации общества и сближению с другими полинезийскими культурами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ушаков, Д.Н.* Толковый словарь русского языка. В 4 т / Д.Н. Ушаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dict.t-mm.ru/ushakov/

2. *Brougham, A.E.* Book of Maori Proverbs / A.E. Brougham, A.W. Reed. – Auckland: Reed Publishing (NZ) Ltd., 2007. – 188 p.

3. Dominion Post (The): New Zealand daily newspaper [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www. dompost.co.nz/

4. How Maui Brought Fire to the World: Maori Myths, Legends and Contemporary Stories [Электронный ресурс] / New Zealand Ministry of Education website. – Режим доступа: http://www.tki.org.nz/r/maori/nga_pakiwaitara/index_e.php/

5. How Maui Slowed the Sun: Maori Myths, Legends and Contemporary Stories [Электронный ресурс] / New Zealand Ministry of Education website. – Режим доступа: http://www.tki.org.nz/r/maori/nga_pakiwaitara/index_e.php/

6. Maui and the Giant Fish: Maori Myths, Legends and Contemporary Stories [Электронный ресурс] / New Zealand Ministry of Education website. – Режим доступа: http://www.tki.org.nz/r/maori/nga_pakiwaitara/index_e.php/

7. New Zealand Herald (The): New Zealand daily newspaper [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nzherald.co.nz/

8. *Reed, A.W.* Taonga Tuku Ih: Illustrated Encyclopedia of Traditional Maori Life / A.W. Reed. – Auckland: New Holland Publishers, 2002. – 208 p.

9. Stuff: New Zealand news and information website [Электронный ресурс] / Fairfax Digital. – Режим доступа: www.stuff.co.nz/

10. *Tregear, Ed.* Maori-Polynesian Comparative Dictionary / Ed. Tregear. – Wellington, New Zealand: Lyon and Blair Printers, 1891. – 675 p.

ПЕРЕХОД ОТ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ К ОБЩЕЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

М.Г. Лебедько

Лебедько Мария Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории английского языка Института иностранных языков Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: mlebedko@yandex.ru

В статье рассматриваются этнические стереотипы в мультикультурном контексте, а также более эффективные пути управления стереотипами в свете когнитивной лингвистики. Анализ показал значительное снижение этнических стереотипов, если участники коммуникации развивают общую идентичность. Установлена возможность дестереотипизации, которая связана с действием когнитивного механизма, производящего вычитания негативных черт на основе релевантных фактов друг о друге в случае, если коммуниканты построили общую идентичность.

Ключевые слова: мультикультурализм, мультикультурный контекст, межкультурная коммуникация, стереотипизация, этнические стереотипы, общая идентичность, когнитивная теория, когнитивные механизмы, категоризация.

Введение

Стереотипизация представляет собой противоречивое и сложное явление. С одной стороны, процесс стереотипизации является естественным в силу того, что это естественный когнитивный процесс. С другой – стереотипизация – процесс неестественный, поскольку стереотипы, как продукты этого процесса, строятся на основе неоправданного обобщения и упрощения. Некоторые стереотипические категории (например, расовые, этнические, гендерные и т. д.) наносят большой вред, поскольку они могут использоваться с целью дискриминации [17]. Часто стереотипы соответствуют действительности, и в то же время они оскорбительны, поскольку в реальной жизни все люди отличаются друг от друга, никто не хочет соответствовать стереотипу. Многие авторы склонны относить стереотипы к отрицательным явлениям, ведущим к конфликтам и столкновениям [6; 7; 10; 13; 20; 22] или лёгким культурным столкновениям – так называемым «столкновениям с добрыми намерениями» [4; 6; 13; 24] в контексте межкультурной коммуникации. Однако, согласно противоположному мнению, стереотипы могут иметь и положительные черты. Так, например, стереотипы являются первым шагом к контакту культур, т. е. они подготавливают участников коммуникации к потенциальным конфликтным ситуациям, снижают культурный шок. Тенденция к экономии усилий, повышающей защитные механизмы в межкультурном контексте, объясняет действие данных положительных факторов. Как это ни парадоксально, интерлокутанты экономят только свои собственные усилия и приписывают неудачи, непонимание «другому» / «чужому» участнику контактирующей культуры. Можно предположить, что принцип экономии когнитивных усилий облегчает восприятие «другого» и объясняет такие сложные когнитивные конструкты, как стереотипы [2; 6].

Принимая во внимание различное влияние стереотипов на исход контактов культур, автор настоящего исследования считает, что стереотипы являются одной из важных причин коммуникативных неудач и одним из препятствий к эффективному межкультурному общению не только между коммуникантами из различных стран, но и между коммуникантами, имеющими разную этническую идентичность в отдельном мультикультурном сообществе. Подобная ситуация характерна для этнических стереотипов, которые понимаются как доминантные, в основном отрицательные убеждения об этнических меньшинствах в целом и их отдельных представителях. Стереотипические убеждения известны всем или большинству членов данного сообщества. Возникает вопрос о роли мультикультурного контекста: снижается или повышается употребление стереотипов, особенно этнических, в таком типе контекста.

Мультикультурализм и этнические стереотипы

Впервые введённый в 1970-х годах в Канаде, термин «мультикультурализм» постепенно распространился в этнически разнообразных англоязычных культурах. Первоначально это новое понятие рассматривалось как прогрессивная социальная доктрина, объявленная с целью под-

держки иммигрантов, имеющих разнообразный культурный фон. Целью также являлась помощь в сохранении собственной идентичности иммигрантов, а также улучшение умений справляться с этническим плюрализмом. В последнее время понятие *мультикультурализма* переросло в этих странах в противоречивую, спорную и трудноразрешимую проблему. Данная проблема в настоящее время связывается как с угрозой, так и с благоприятными возможностями. Сторонники мультикультурализма приписывают ему такие ценностные качества, как равенство иммигрантов, толерантность по отношению к ним, сохранение уникального культурного наследия меньшинств. Последователи этой точки зрения рассматривают мультикультурализм как прогрессивный источник этнической идентичности, основной источник гордости, а также как позитивную альтернативу ассимиляции [11]. Оппоненты, напротив, обвиняют политику мультикультурализма в том, что она ведёт к разделению, разногласиям и разобщённости этнических групп и сообщества, а также к поощрению сепаратизма. В рамках этого подхода мультикультурализм воспринимается как угроза национальному единству, как разрушение идентичности, культуры и образа жизни [16; 21].

В центре настоящего исследования находится взаимодействие этнических стереотипов в мультикультурном сообществе с целью определения как, когда и почему люди стереотипизируют других в мультикультуре США, «нации иммигрантов». Разнообразие культур (то, что в настоящее время называется «мультикультурализмом») – это явление, сложившееся в США исторически. Уже в XVIII в. Гектор Сент Джон де Кревкёр, основоположник всей американской литературы, привлёк внимание к удивительному разнообразию американцев, описывая «…это странное смешение крови, которое вы никогда не обнаружите в любой другой стране» [8: с. 70]. В наше время одним из первых исследователей, кто обратил внимание и выделил трудноразрешимые проблемы мультикультурализма и возможное разделение американского социума на отдельные фиксированные этнические группы, превращение его в «нацию меньшинств», был А.М. Шлезингер [20: с. 63–64].

Интересно отметить, что мультикультурное американское сообщество всегда проявляло желание найти некий зонтичный термин, который бы охватил и разнообразие, и единство. Эти поиски отражаются в изменении метафорических названий мультикультурного сообщества. Данные метафоры образуют своего рода эволюционный вектор подходов к языковому и культурному разнообразию американского сообщества:

Melting Pot > Mosaic > Salad Bowl > Pizza > American Quilt > ?

Первая метафора подчеркивала единообразный характер «новых» американцев, который не зависел от их этнического наследия. Она известна как «Ассимилятивная модель ‘плавильного тигля’» Кревкера господствовала в течение двух веков. Позже эта идея подверглась изменениям, так как каждый член общества уникален, обладает определённой идентичность, что позволяет ему отнести себя к какой-либо группе. Это представление о разнообразии отразилось в метафорическом названии «Мозаика», утверждавшем культурное разнообразие в США, но и эта метафора была отвергнута, поскольку она не подчёркивала единства. Была введена новая метафора – «Салатница», которая добавила «тонкий слой соуса», отразив разнообразие и единство, не подчеркнув крепкие связи единства. На смену ей пришла метафора «Пицца», имплицирующая разнообразие (*ингредиенты)* и единство (*расплавленный сыр*), но не подчёркивающая территориальные различия. В ряду метафор последней на сегодняшний день является метафора «Американское лоскутное одеяло», которая первоначально означала географическую карту США, на которой каждый штат окрашен в свой цвет. В дальнейшем имел место ещё один метафорический процесс, высветивший и этническое, и территориальное разнообразие (*лоскутки тканей*), а также единство (*нитки*) американцев как единой нации. Все эти метафоры (за исключением «плавильного тигля») подчёркивали мультикультурализм внутри одной нации. Можно ли назвать последнюю метафору идеальной? Вряд ли кто-нибудь будет настаивать на этом. Относительно влияния мультикультурализма на стереотипы следует отметить возможность сокращения употребления стереотипов и их рост в зависимости от факторов дестереотипизации, среди которых важной является общая идентичность. Поиски механизмов дестереопитизации – неотложная, но чрезвычайно трудная проблема.

Существует несколько путей управления стереотипами, которые можно проследить на примере нескольких контекстов, проанализированных на основе исследования языковых репрезентаций, выражающих установки стереотипирующих людей, которые пытаются избавиться от стереотипов. Большинство участников межкуль-

турной коммуникации осознают отрицательное влияние стереотипов на межкультурную коммуникацию и стараются сделать всё возможное с тем, чтобы справиться со стереотипами. Многие, стараясь устранить стереотипы, проходят несколько последовательных стадий: бессознательное стереотипизирование, сознательное стереотипизирование, сознательное дестереотипизирование и бессознательное дестереотипизирование. Эти стадии основаны на осознанном рефлексивном подходе, когда человек критически мыслит (мышление о мышлении) [15].

Размышления героини романа иллюстрируют данный осознанный рефлексивный подход:

«Sandy looks like a stereotype but he's not. ***Maybe nobody's a stereotype once you really get to know them****, but this gets harder and harder the older we get, it seems to me. Too much ground to cover, too much to learn. I am probably a stereotype myself, come to think of it, one of those women you see on every college campus these days, those fiftyish women with half-frame reading glasses and denim skirts and Aerosole shoes, streaked hair pulled back in a ponytail, kicking along through the leaves, on fire with Woolf or whoever. That's me.* ***I'm a stereotype too****. But at least I'm not a fat stereotype any longer, having magically dropped those 20 pounds of "divorce weight," as Marybeth calls it* (Smith, Lee. *The Christmas letters*)» [15].

Следя за размышлениями героини, её сомнениями и, наконец, видя её твёрдое решение не стереотипизировать, можно проследить, как она постепенно пришла к пониманию сути стереотипов, проходя все стадии осознанного рефлексивного подхода. Существенным является тот факт, что информацию о человеке, о котором у неё сложился стереотип, она получила на основе собственного опыта, что уменьшает стереотипы. Но потребовалась осознанная рефлексия, которая её привела к бессознательному отказу от стереотипов (***Maybe nobody's a stereotype once you really get to know them***). Критическое мышление (мышление о мышлении) побудило её внимательно изучить себя, и она также рассмотрела себя как стереотип (***I'm a stereotype too***). Осознанный рефлексивный подход даёт желаемый результат, если человек действительно хочет и готов избавиться от стереотипов.

В мультикультурном контексте, приведённом ниже, участники общения стараются использовать языковые выражения, украшающие их речь, подчёркивая, что они свободны от стереотипов. Разговор между Сэлли, белой американкой из штата Новая Англия, и мексиканским пастором, мистером Хернандозом, идёт о различных меньшинствах, проживающих в США. Данный контекст показателен:

«*They're* ***wonderfully colorful****, the minorities. What would* ***we*** *do without our* ***Italians and Jews, or the coloreds with their beautiful, queer speech****?*» (Gardner John. *October light*).

В данном контексте Сэлли использует эпитеты (*wonderfully colorful, beautiful*), с тем чтобы сознательно подчеркнуть отсутствие стереотипов по отношению к меньшинствам, но её противопоставление «своих» (мы) и «чужих» (они, т. е. меньшинства) выдают её бессознательное стереотипизирование (*the minorities*). Прилагательное *queer* имеет значение *«strange or odd from a conventional viewpoint; unusually different»* [18], т. е. «*странный, чудаковатый, эксцентричный с общепринятой точки зрения; необычно чужой*» также ярко раскрывает её предубеждения. Мексиканец чувствует это и ставит её на своё место, используя стереотип жителя Новой Англии:

«Exactly," Mr. Hernandez said happily, "or these wonderful ***tight-mouthed New Englanders****." … "But it all has to go in the end, you are right.* ***Lazy, fat Mexicans****,* ***coloreds with their rhythm and beautiful, queer speech****,* ***Jews with their skullcaps and keen intelligence, tight-mouthed, tight-fisted New England farmers****"… As more and more blacks and new Englanders marry and have children, we are sure to see an increase in* ***stubbornness among blacks*** *and to see* ***a marked relaxation of morals in New Englander***» (Gardner John. *October light*).

Несмотря на то что мексиканец использовал эпитет (*wonderful*), и его невербальное поведение выражало счастье, Сэлли была уязвлена. В своём юмористическом ответе мистер Хернандез приписал обратные стереотипические черты этническим группам. Упрямство (***stubbornness***) – стереотипическая черта жителя Новой Англии, была приписана афроамериканцам (***blacks***), и наоборот, ослабление нравственности (***relaxation of morals***), «типичная» черта афроамериканцев была употреблена по отношению к Сэлли, жительнице Новой Англии. Сэлли поняла, что другие люди могут иметь стереотипы о ней. Мистер Хернандез преподал ей хороший урок. Этот контекст показывает, когда люди стереотипизируют, а именно в мультикультурном контексте, и, если они не имеют достаточно личного опыта, информации из первых рук, то в когнитивных терминах это означает, что ментальные нечёткие, неясные ассоциации Сэлли при первой встрече с мексиканцем естественным образом обратились к известным большинству членов общества стереотипам.

Когнитивная интерпретация раскрывает причины, по которым стереотипизация имеет место. В терминах когнитивной теории формирования категорий (включая стереотипы) этот коммуникативный акт можно объяснить двумя основными особенностями, характерными для процесса категоризации: принцип экономии когнитивных усилий и восприятие мира через структурированную информацию, а не через произвольные непредсказуемые атрибуты [17: с. 201]. Сэлли не представляла себе, что она продолжала употреблять стереотипы: она использовала «красивые» слова. Когнитивный анализ образования категорий [19] выдвинул на первый план два основных теоретических постулата: один из ментальных процессов определяет «группу входящей информации в сознание» с нечёткими границами, а другой ментальный процесс находит «жёсткие правила и определения и вводит их в цепочку аргументаций» [17: с. 201]. Это имеет место потому, что во время процесса категоризации (что и делала Сэлли) люди (она) не могут воспринимать детали, они воспринимают человека как некое целое. Как рассуждает Пинкер, «…Мы воспринимаем некоторые черты нового объекта, помещаем их в какую-либо ментальную категорию, а затем делаем заключение о том, что объект, скорее всего, имеет и другие черты, типичные для данной категории…» [17: с. 203]. Данная теория обосновывает естественную категоризацию людей и их классификацию по различным группам, классам и стереотипам. Когнитивный процесс восприятия способствует категоризации: очень часто люди, имеющие различные этнические идентичности или принадлежащие к различным культурным группам, обладают уникальным перцептуальным опытом, который и создаёт стереотипы [ibid.] в разнообразных мультикультурных контекстах. Когнитивные постулаты помогают понять природу стереотипов, проблему, которой посвящены многочисленные исследования.

Учёные прилагают максимум усилий к задаче развенчать стереотипы. В рамках некоторых подходов подчёркивается настоятельная необходимость покончить со стереотипами, устранив все оскорбительные слова, пейоративную лексику и другие языковые выражения этнических стереотипов из словарей, т. е. следует сделать вид, что стереотипы не существуют. Данная теория оказалась несостоятельной, потому люди продолжают стереотипизировать: не только словари хранят оскорбительные выражения. Стереотипы хранятся в пословицах, идиомах, фольклоре, иными словами, они хранятся в коллективном бессознательном [1: с. 216]. В рамках других подходов пути управления стереотипами видят во введении явления политической корректности (ПК), предполагая, что ПК является более эффективным, чем другие инструменты. В то время как ПК в целом эффективна, но имеет и свои недостатки. Стереотипы не закреплены во времени и пространстве: политически корректные слова, актуализующие стереотипы, имеют тенденцию к изменениям (вследствие динамичности языка); новые политически корректные слова постепенно приобретают пейоративное значение и заменяются другими новыми политически корректными словами [9: с. 177; 17]. Причиной подобной ситуации является тот факт, что до тех пор, пока существует то или иное явление в культуре, в коллективном бессознательном, оно будет существовать и в языке.

Ниже в двух небольших контекстах представлена реакция на явление политической корректности:

(1) *Lord God! You could not say* ***nigger*** *or* ***Polack*** *anymore, but you could still say* ***WASP*** (Gardner John. *October light*).

(2) *People didn't call blacks names any more, at least* ***not to their faces****. Italians weren't* ***wops*** *or* ***dagos****, and there were no more* ***kikes****,* ***Japs****,* ***chinks****, or* ***spics*** *in polite conversation. Everybody had a group to protest and stick up for them. But* ***women were still being called names*** *by men* (Flagg, Fannie. *Fried green tomatoes at the whistle stop café*).

Можно констатировать, что старясь подчеркнуть своё согласие использовать слова в соответствии с ПК правилами, люди избегают употреблять стереотипы открыто (***not to their faces***), однако, они продолжают стереотипизировать и жаловаться на существование этнических (***WASP***) и гендерных (***women were still being called names by men***) стереотипов о них самих. Это означает, что стереотипы – это хранящиеся в памяти ментальные конструкты, которые, несмотря на то что их стёрли из словарей и запретили употреблять, продолжают существовать.

Переход от этнических стереотипов к общей идентичности

Автор настоящего исследования предлагает посмотреть на проблемы стереотипов с нового ракурса: возможности перехода от этнических стереотипов к общей идентичности на основе когнитивной теории, о которой говорилось выше. Важно найти ответ на вопрос «Как люди стереотипизируют и как управляют стереотипами?» Обращаясь к когнитивной теории, можно изучить процессы стереотипизации и дестереотипи-

зации. Центральным в данной перспективе является наличие когнитивного механизма (категоризатора), блокирующего стереотипы. Когнитивная теория постулирует, что «…категоризатор может блокировать стереотипические ассоциации и делать вычитания на основе релевантных фактов об отдельном индивидууме» [17: с. 203]. Именно последнее положение важно для управления стереотипами, поскольку оно объясняет работу этого когнитивного механизма. Если ментальный категоризатор блокирует стереотипические ассоциации, то можно использовать свойство данного механизма и применить его к контексту мультикультурной и межкультурной коммуникации для поиска общей идентичности. В этом случае имеется возможность осуществить переход от этнических стереотипов к общей идентичности как один из путей дестереотипизации. Новый ракурс устранения стереотипов мог бы привести к успешной коммуникации.

Идентичность – это совокупность идиосинкратических черт или фактов, делающих человека уникальным. Определение общей идентичности самоочевидно: набор общих черт или фактов, обстоятельств, общих для двух и более людей, группы, сообщества, культуры. Что может быть общим? Естественно, существует бесконечное множество того, что может быть общим и на основе чего может быть создано твердое основание для объединения людей (для развития общей идентичности):

- вера, убеждения и практика, благодаря которым люди понимают себя и организуют свою жизнь (включая общие действия, общие ценности и общую идентичность [23].
- демократия как основа общей идентичности, которая порождает гордость за возможность культурного плюрализма;
- культурные роли, поведенческие модели, нормы, ценности и т. д., концептуализирующие идентичность, обеспечивающую чувство безопасности и общей идентичности;
- музыка, средства массовой коммуникации, искусство (то, что составляет культуру, понимаемую в более узком смысле слова) как источник идентичности;
- общее прошлое, понимаемое не как руины или артефакты, но как современные люди, имеющие связь с теми, кто здесь жил, работал и играл ранее, …т. е. то, что составляет наше наследие, нашу общую идентичность [5];
- общие символы, влияющие на традиционные общины и поддерживающие пространственную близость связей [23];
- общие интересы, объединяющие людей и обеспечивающие чувство идентичности.

Подобный список может быть бесконечным. Существуют ли какие-либо экспериенциальные процедуры, способствующие тренировке и развитию умений построить общую идентичность и избегать стереотипов? Одно определённо ясно: общая идентичность уменьшает или элиминирует стереотипизацию людей, разделяющих общую идентичность, в силу вычитания стереотипических черт, основанного на новых фактах, полученных интерлокутантами. Каковы импликации подобного подхода? Как известно из анализа, проведённого выше, блокирование стереотипов происходит благодаря ментальному категоризатору. Вот почему профессионалы, имеющие общие профессиональные интересы могут развить общую идентичность и умение управлять стереотипами. Проиллюстрировать эти размышления можно на примере анализа контекста, дающего возможность проследить, как Джоунс, американский офицер, постепенно изменяет своё стереотипическое восприятие Бугаева, русского офицера на противоположное после того, как он увидел, как работает русский.

At first he'd [a Russian officer Bugayev] *been a little* ***standoffish – as if he were a lord and I was a serf****, Jones thought – until he'd seen how the skipper treated him. This surprised Jones. From what little he knew of Communism, he had expected everyone to be fairly equal…*[a little bit later] *Maybe Bugayev wasn't so* ***dumb*** *after all, Jones thought…* [later]: *"Maybe he* ***really*** *was the on-board* ***genius*** *that the Russians said he was* (Clancy, Tom. The Hunt for Red October).

Необходимо проследить за изменениями отношения американского офицера и увидеть значительные трансформации в оценке не только профессиональных умений, но и характера русского офицера. Можно заключить, что участники коммуникации (русский и американец) постепенно начали строить общую идентичность. С когнитивной точки зрения, ментальный категоризатор вычел стереотипические убеждения, когда американец обратился к реальным фактам (увидел профессионализм русского офицера). Благодаря свойствам нашего ментального категоризатора, происходит переход от этнических стереотипов к общей идентичности, на основе чего сокращаются или исчезают стереотипы.

Анализ других контекстов показывает, что подобный переход не происходит, если не построена общая идентичность, отсутствует фоно-

вое знание. В таком случае имеет место коммуникативная неудача:

«American and Recent Russian immigrants to the US couples were neighbors. The American couple politely greeted the Russian couple each morning, talked to them exchanging pleasantries. Sometimes, in the evenings both their families picnicked together. Everything went well. But soon the police came to the Russian couple's house to warn them to lower some loud music! The American couple called the police, as the Russian couple learned. They were shocked but to their surprise the American neighbors kept on politely greet the Russian couple each morning, talk with them… (*опыт Т. Полины*)».

Данная коммуникативная неудача основана на аксиологической категории ценности, которая не являлась общей для участников коммуникации. «Донос», «стукачество» (Reporting) являются антиценностью для русских, в то время как «Reporting» ценится в американской культуре, где распространена законопослушность, и предполагается обращение в полицию, если соседи нарушают покой. В отличие от американского поведенческого сценария русские пойдут к соседям решать подобную проблему самостоятельно, в последнюю очередь обратятся в милицию. В русской культуре стукачество рассматривается как предательство, что осуждается в обществе. Шок русской пары совершенно понятен в контексте русской культуры. Недостаток знаний русской пары о поведенческой модели их новой культуры только усилило стереотип об американцах. Ещё один ракурс внёс свою лепту в эту коммуникативную неудачу: невербальный знак, улыбка, имеющая различные функции в контактирующих культурах. В противоположность американской культуре, где улыбка выражает дружелюбие и приветливость, в русской культуре она выражает искреннюю радость встречи. Русская чета думала, что их соседи всегда были рады видеть их, что они стали друзьями. «Реальные факты», обнаруженные русскими и американцами друг о друге, не могли служить достаточной базой для создания общей идентичности. Для того чтобы развить общую идентичность, участникам межкультурной коммуникации следует анализировать подобные факты в контексте соответствующих культур. Люди в мультикультурных сообществах должны быть особенно чувствительны к другим культурам.

Заключение

Настоящее исследование показало, что мультикультурализм чрезвычайно спорное и противоречивое явление, которое может играть как положительную, так и отрицательную роль в межкультурном взаимодействии. Было установлено, что межкультурные контексты могут создавать культурную предвзятость, что можно обнаружить на уровне языковой репрезентации, которые, в свою очередь, предоставляют доступ к сознанию интерлокутантов. Это особенно относится к этническим стереотипам. Человек обращается к стереотипу в мультикультурном контексте, когда у него нет достаточного личного опыта общения в контактирующей культуре. Когнитивные процессы образования категорий, разновидностью которых является процесс образования стереотипов, является одной из причин стереотипизации. Ещё два когнитивных процесса вносят свой вклад в процесс стереотипизации: принцип экономии когнитивных усилий и восприятие мира через структурированную информацию. Благодаря ментальному категоризатору, когнитивному механизму, блокирующему стереотипы, человек вычитает стереотипическую информацию и может управлять стереотипами. Несмотря на трудности в построении общей идентичности в мультикультурном сообществе, предпринимаемые усилия помогают постепенно перейти от этнических стереотипов к общей идентичности, что значительно повышает осознание процессов стереотипизации в межкультурном и мультикультурном контекстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мечковская, Н.Б.* Национальные и культурные оппозиции в ментальности белорусов (на материале белорусских паремий и фразеологизмов с этнолингвонимами и топонимами) / Н.Б. Мечковская // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте): сб. науч. тр. – М. : Наука, 2002. – С. 215–231.

2. *Тер-Минасова, С.Г.* Война и мир языков и культур: учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово / Slovo, 2008. – 344 с.

3. *Adler, S.* Multicultural communication skills in the classroom / S. Adler. – Boston: Allyn and Bacon, 1993. – P. 36–37.

4. *Adler, S.* Multicultural communication skills in the classroom / S. Adler. – Boston: Allyn and Bacon, 1993. – P. 36–37.

5. *Archer, C.M.* Living strangers in the USA: Communicating beyond culture. / Archer, C.M. Archer. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall Regents, 1991.

6. *Baker, L.* [Электронный ресурс] / L. Baker. – Режим доступа: http://www.cdarc.org/pages/articles.php?req=category&cat_id=30 /

7. *Brislin, R.* Understanding culture's influence on behavior. / R. Brislin. – Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers, 1993. – 417 p.

8. *Carroll, R.* Money and Seduction / R. Carroll // Ourselves among others: Cross-cultural readings for writers. – Boston: St. Martin's Press, 1991.

9. *Crèvecoeur, J. H.* Letters from an American Farmer and sketches of Eighteen-Century America / J.H. Crèvecoeur.– Penguin Books, 1986.

10. *Crystal, D.* Cambridge encyclopedia of the English language. / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 489 p.

11. *Gudykunst, W.B., Kim Y.Y.* Communicating with Strangers: An Approach to Intercultural Communication / W.B. Gudykunst, Y.Y. Kim // John Stewart (Ed.). Bridges not walls. – New York: McGraw Hill, 1995. – 430 p.

12. *Harney, N.* Cultural Anthropology: The State of the Field. / N. Harney // Forum for Anthropology and Culture. – № 1.

13. *Heywood, L.* (2006, November 28). National identity in spotlight / L. Heywood // Courier Mail [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.identityblog.com/

14. *Kohls, L.R.* Survival kit for overseas living. Second edition / L.R. Kohls. – Yarmouth, ME: Intercultural Press, 1984. – 98 p.

15. *Lebedko, M.* Culture bumps: Overcoming misunderstandings in cross-cultural communication / M. Lebedko. – Vladivostok : FENU-Press, 1999. – 196 p.

16. *Lebedko, M.* Stereotypes as Stumbling Stones of Cross-Cultural Communication / M. Lebedko // Sharing Challenges, Sharing Solutions: Teaching Languages in Diverse Contexts. – Vladivostok : FENU Press, 2005. – P. 19–24.

17. *McKenzie, C.* The Menace of Multiculturalism [Электронный ресурс] / C. McKenzie. – Режим доступа: http://www.gwb.com.au/gwb/news/pc/multi3.htm#ref1#ref1

18. *Pinker, S.* Blank slate: The modern denial of human nature / S. Pinker. – New York: Penguin Books. – 2003. – 510 p.

19. Random House College Dictionary. Random House, Inc., 1988.

20. *Rosch, E.* Principles of Categorization / E. Rosch // E. Rosch, Lloyd, B. Hillsdale (Eds.). Cognition and categorization. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1978. – P. 27–48.

21. *Schlesinger, A.M.* The Disuniting of America. Reflections on a Multicultural Society / A.M. Schlesinger. – Whittle Direct Books, 1991. – 98 p.

22. *Singham, M.* Multiculturalism in New Zealand – the need for a new paradigm. [Электронный ресурс] / M. Singham // Aoteroa Ethnic Network Journal. – V.1, Issue 1, June 2006. P. 33–37. Режим доступа: tomlowenhaupt http://www.openplans.org/people/.

23. *Stewart, E.* American cultural patterns. A cross-cultural perspective. / E. Stewart, M. Bennett. – Yarmouth, Maine: Intercultural Press, 1991. – 192 p.

24. *Stutzman, F.* An Evaluation of Identity-Sharing Behavior in Social Network Communities / F. Stutzman [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.units.muohio.edu/codeconference/papers/papers/stutzman

25. *Valdes, J.M.* Culture bound / J.M. Valdes. – Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1993. – 222 p.

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Е.В. Харитонова

Харитонова Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан).

Контактный адрес: eharitonova@yandex.ru

В статье рассматриваются теоретические проблемы взаимодействия языка и культуры с позиций переводоведения. В процессе межкультурной коммуникации язык перевода выступает как средство аккумуляции знаний о культуре исходного языка. Алломорфность языковых систем исходного языка и языка перевода значительно усложняет процесс перевода, при этом, чем более отдалены друг от друга языки-партнеры, тем проблематичнее добиться адекватности в переводном тексте.

Ключевые слова: язык, культура, перевод, алломорфность языковых систем, национальная специфичность.

В системе междисциплинарных наук, изучающих взаимодействие и взаимовлияние языка и культуры, помимо лингвокультурологии, этнолингвистики, лингвострановедения и многих других, не последнее место занимает и переводоведение. По образному выражению С.Г. Тер-Минасовой, любое иностранное слово есть «перекресток культур» [20: с. 64]. Таким же «перекрестком культур» выступает и сам перевод, который, как сейчас общепризнано, помогает осуществлять диалог не только языков, но и культур. При этом специфика языка и культуры в контексте переводоведческих исследований может проявляться двояко: как «культура в - языке» – как особая языковая картина мира и как «культура, описываемая языком» – представление артефактов культуры в текстах [23: с. 33–34]. Эти два аспекта чрезвычайно важны для теории и практики перевода, так как переводческий переход от текста к тексту – это переход от языка к языку и от культуры к культуре. Но прежде чем приступить к рассмотрению взаимодействия языка и культуры с позиций современного переводоведения, мы считаем необходимым обозначить наше понимание используемых в настоящей работе ключевых понятий «язык» и «культура».

О языке и культуре писали многие лингвисты, философы, культурологи и другие исследователи. Не вдаваясь во все тонкости научных дискуссий, касающихся трактовки этих понятий, отметим, что в нашем исследовании мы придерживаемся определения языка, данного В.В. Ощепковой. Она рассматривает язык как основообразующую систему знаков, обеспечивающую существование культуры как в синхронии (коммуникативная функция), так и в диахронии (кумулятивная функция) [13: с. 8].

Переходя к следующему ключевому для нас понятию культуры, отметим, что многими исследователями также были предложены самые различные определения этого феномена, являющегося одним из фундаментальных понятий целого ряда социально-гуманитарных наук. Перечисляя лишь некоторые из подходов к определению этого понятия, В. А. Маслова называет описательный (З. Фрейд), ценностный (М. Хайдеггер, М. Вебер, Г. Францев), деятельностный (Э. Маркарян, Ю.А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов), функционистский, герменевтический (Ю.М. Лотман), нормативный (В. Н. Сагатовский, Б. А. Успенский), духовный (Л. Кертман), диалогический (В. Библер, С.С. Аверинцев, Б.А. Успенский), информационный, символический (Ю.М. Лотман) и типологический подходы (М. Мамардашвили, С.С. Аверинцев) [12: с. 13–15].

Небезынтересной представляется точка зрения Г.В. Елизаровой, рассматривающей язык в качестве основы для классификации подходов к пониманию и определению культуры. С учетом этого фактора ею выделяются три подхода: социальный – рассматривающий культуру как явление, приобретаемое человеком в ходе общения, на основе социальной деятельности; когнитивный – согласно которому культура как ментальный феномен лежит за пределами социального поведения и представляет собой явление личное и индивидуальное; семиотический подход, базирующийся на понимании её как системы знаков, репрезентирующей мир, которая может затем использоваться как средство общения [6: с. 12–20]. Важным для нас представляется тот факт, что во всех трех подходах Г.В. Елизарова рассматривает язык как необходимую и неотъемлемую составляющую культуры.

Развивая это положение, термин «культура» возможно трактовать по аналогии с концепцией трех миров К. Поппера. В своей работе «Объективное знание» он выдвигает тезис о том, что

можно различить следующие три мира: во-первых, мир физических объектов или физических состояний (the physical world or the world of physical states), во-вторых, мир состояний сознания, мыслительных (ментальных) состояний (the mental world or the world of mental states) и, возможно, диспозиций к действию, в-третьих, мир объективного содержания мышления, прежде всего, научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства (the world of intelligibles, or of ideas in the objective sense; it is the world of possible objects of thought: the world of theories in themselves, and their logical relations; of arguments in themselves; and of problem situations in themselves). Третий мир возникает как результат взаимодействия физического мира и сознания, как естественный продукт человеческой деятельности. Необходимым условием его возникновения является появление языка. Именно закрепляясь в языке, знание превращается в «объективный дух», приобретает объективный характер [25: с. 153–168].

Понятие «культура» также служит выражением, по крайней мере, трех начал: во-первых, культура может рассматриваться как результат человеческой деятельности, как мир физических объектов или физических состояний, в ее оппозиции к природе. Г. Риккерт писал, что культура является противоположностью природе, «…как то, что или непосредственно создано человеком ... или сознательно взлелеяно им ради связанной с ним ценности» [15: с. 55]. Во-вторых, культура может быть представлена как мир состояний сознания. Так, один из основоположников этнографии и культурологи, Э. Тайлор, определивший культуру с этнографической точки зрения, писал: «Культура или цивилизация, в широком этнографическом смысле, слагается в целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [19: с. 18]. В третьих, культура может трактоваться как результат взаимодействия физического мира и сознания, находя свое воплощение в национальном языке, занимающем положение между двумя областями – «подъязыковой» (материально-вещной) и «надьязыковая» (идеально-духовной) [21: с. 7]. Эту мысль подтверждает и высказывание В. фон Гумбольдта, по мнению которого «язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [5: с. 304]. В этой последней манифестации культуры прослеживаются такие ее характеристики, как кумулятивность (культура – «есть форма коллективной памяти» [11: с. 397]), символичность («Этот человеческий феномен – культура – целиком символичен» [1: с. 31]), коммуникативность (культура – это «язык в общесемиотическом значении этого термина» [11: с. 396]) и др.

Приступая к рассмотрению взаимодействия языка и культуры с позиций современного переводоведения, мы вторгаемся в дискуссию о природе сопряжения языка и культуры в целом. Рассмотрим некоторые из подходов, отражающих - различные точки зрения исследователей на природу соотношения языка и культуры.

В рамках одного из известных подходов постулируется идея о первичности языка, оказывающего определяющее влияние на развитие культуры. В теории лингвистической относительности последовательно излагалась мысль, согласно которой язык как «созидающая сила» определяет способ познания реального мира: «…мир предстаёт перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который может быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [22: с. 174]. Согласно этой гипотезе, окружающая нас действительность представляет собой беспорядочный поток впечатлений, который упорядочивается языком, а любой предмет или явление становятся доступными для нас после того, как им дается название. Иными словами, «язык оказывается наделенным абсолютной и всеобъемлющей властью» [7: с. 117–118]. Таким образом, согласно данному подходу язык оказывается не выразителем культуры, а определяющим ее фактором. Схожей позиции придерживались и некоторые из отечественных лингвистов. Так, по мнению А. Ф. Потебни, язык – это не отражение сложившегося миросозерцания, а слагающая его деятельность: «…язык есть средство или лучше, система средств видоизменения или создания мыслей. Если бы язык был выражением готовой, уже сложившейся мысли, то он имел бы значение только для своего создателя, то есть понимание состояло бы только в передаче мысли, а не в ее возбуждении…» [14: с. 226].

Иным образом решается этот вопрос с позиции первичности культуры по отношению к языку, при которой культура рассматривается в качестве неотъемлемой части объективной действительности, а язык представляет собой лишь ее отражение [24: с. 379].

По-своему определил проблему соотношения языка и культуры Э. Сепир, по мнению которого настоящей, причинной зависимости между языком и культурой не существует: «Если бы

можно было показать, что у культуры, независимо от ее реального состава, есть присущая ей врожденная форма, ряд определенных контуров, мы бы имели в культуре нечто, могущее послужить в качестве основания сравнения с языком и, пожалуй, средства связи с ним. Но покуда нами не обнаружены такие чисто формальные стороны культуры, лучше будет, если мы признаем развитие языка и развитие культуры несопоставимыми, взаимно не связанными процессами» [17: с. 193].

Подобная мысль прослеживалась и в работах отечественных языковедов: «Развитие языка и развитие общества не изоморфно, то есть не параллельно, не симметрично и не одномасштабно. Язык изменяется и в соответствии с внутренними закономерностями развития его системы и в соответствии с внешними закономерностями развития общества, которое употребляет этот язык» [4: с. 325].

Новый подход к оценке взаимоотношений языка и культуры представлен в работах современных исследователей в области лингвокультурологии: язык и культура рассматриваются в их неразрывной связи и взаимодействии. По образному выражению С.Г. Тер-Минасовой, язык – это зеркало культуры, отражающее, помимо реального мира, менталитет и общественное самосознание народа; сокровищница, передатчик, носитель, орудие и инструмент культуры [20: с. 17]. Вопреки мнению ряда исследователей, полагающих, что язык и культура соотносятся между собой как часть и целое, так как в создании культурной картины мира, наряду с языком, участвуют и другие виды мыслительной деятельности[1]. С.Г. Тер-Минасова полагает, что правильнее говорить не о соотношении «часть – целое, язык – часть культуры», а об их «взаимопроникновении, взаимосвязи и взаимодействии» [20: с. 54]. Нам представляется, что теория С.Г. Тер-Минасовой о взаимопроникновении и взаимодействии языка и культуры является одной из наиболее адекватных форм отражения взаимосвязи между языком и культурой, поскольку язык «отражает культуру», но в то же время «культура живет в языке» [3: с. 17]. Язык и культура взаимообусловливают друг друга, в результате чего любые изменения в одной из этих систем приводят к соответствующим изменениям в другой.

Проблема взаимосвязи языка и культуры изучалась и в работах многих других авторов. В исследовании А. П. Садохина, например, язык и культура рассматриваются автором как единое целое, так как «язык является не простым зеркалом, автоматически отражающим все окружающее, а призмой, через которую люди смотрятна мир и которая в каждой культуре своя» [16: с. 64]. Между языком и материальным миром стоит человек – носитель языка и культуры, и, таким образом, слово отражает не сам предмет, а то, как человек его воспринимает в контексте его культуры.

Наиболее фундаментальным исследованием проблем взаимосвязи языка и культуры является монография Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, в которой сведено воедино все многообразие фактов взаимодействия языка и культуры путем постулирования сверхконцепта «лингвосапиентемы», включающего в себя соположенные концепты лексического фона и речеповеденческой тактики. Центральным механизмом сопряжения языка и культуры, по мнению авторов, является концепция лексического фона. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров научно обосновали объективность существования фоновых знаний через концепцию лексического фона. Разработав концепцию лексического фона, или «сверхпонятийного» смысла, авторы обратились к проблематике национальной культуры и предприняли попытку выявить ее составляющие путем анализа речеповеденческих тактик, ответственных за «неуловимые, но реальные явления, которые метафорически описываются как «русский дух», «национальная психология», «душа народа» и т. п.» [3: с. 530]. Лексические фоны и речеповеденческие тактики в значительной мере пересекаются, они совместно отражают одно и то же знание и одни и те же этические установки, при этом единым источником формирования и хранения как семантики, так и внешней формы лексических фонов и речеповеденческих фонов является, по мысли авторов, лингвосапиентема. Лингвосапиентема определяется авторами как «духовный феномен, сочетающий интеллектуальное сознание с этической оценкой этого сознания» [3: с. 26].

Из рассуждений авторов и исследователей вытекает, что отношения между языком и культурой могут рассматриваться как отношения части и целого, как две независимые автономные системы, и, наконец, как две взаимосвязанные и взаимозависимые сущности. Наиболее взвешен-

[1] Л.К. Латышев, например, пишет: «…дихотомия "язык и культур"а» не вполне корректна, ибо в составляющей ее паре понятий одно понятие включено в объем и содержание другого. Правильнее было бы противопоставить *язык* и *остальную (экстралингвистическую) культуру*… язык является частью культуры и противопоставляется он не всей, лишь "остальной" культуре – ее экстралингвистической части» [10: с. 196].

ный подход к оценке роли языка и культуры, по нашему мнению, представлен в последнем из перечисленных подходов, представляющем язык и культуру как единое целое: при этом любые изменения в одной из систем приводят к соответствующим изменениям в другой.

Рассмотрев проблему взаимодействия языка и культуры в целом, необходимо остановиться и на проблеме взаимодействия языков и культур разных народов, которое происходит посредством межъязыкового перевода. В процессе перевода, наряду с языком и культурой одного этнического коллектива, участвуют язык и культура получателей перевода, что приводит к увеличению числа взаимодействующих элементов. Схематично это можно представить следующим образом (рисунок):

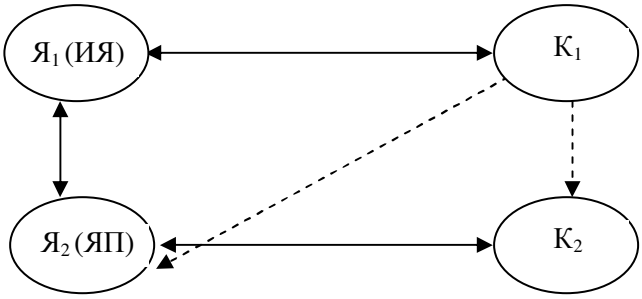

Рисунок. Взаимодействие языков и культур в аспекте переводоведения[2]

Связь между компонентами системы служит доказательством того, что целесообразно рассматривать перевод не как «межъязыковую коммуникацию» или «вид языкового посредничества», а как коммуникацию межкультурную. - Следствием указанных взаимодействий ($Я_1 \leftrightarrow К_1$; $Я_2 \leftrightarrow К_2$; $Я_1 \leftrightarrow Я_2$; $К_1 \rightarrow Я_2$) является формирование вторичной культурной картины мира реципиентов перевода.

В культуре и языке каждого народа присутствуют одновременно общечеловеческий и национальный компоненты. Основу структуры языка составляет единый логико-понятийный аппарат, являющийся базовым компонентом мышления и не зависящий от принадлежности носителя языка к какой-либо этнической общности. Однако в языке каждого народа этот общечеловеческий компонент проявляется в соответствии с присущими ему этнокультурными традициями и особенностями.

Изучение исследований, посвященных тем или иным аспектам языка и культуры, показывает, что единого мнения по поводу «удельного веса» универсального и специфического в различных языках не существует. Согласно одной точке зрения, в основе каждого языка лежит особая картина мира, включающая в себя элементы окружающей нас объективной действительности, «оценочно осмысленные национальным языковым сознанием на основе жизненного и творческого опыта народа» [23: с. 34]. Эта «особая картина мира» в работах языковедов получила название «культурной» или «понятийной» картины мира [20: с. 47]. Культурная картина мира, в свою очередь, находит свое воплощение в языковой картине мира, которая отражает реальность через языковые формы, иными емантике» языка [2: с. 7]. При этом культурная картина мира определяется языковой: каждый конкретный язык по-своему членит мир, т. е. имеет свой специфический способ его концептуализации. С.Г. Тер-Минасова предлагает сравнить язык с «кистью художника, рисующего мир с натуры, но пропускающего ее через свое художественное сознание, создающего картину мира» [20: с. 86]. Именно поэтому знакомство с любой культурой может быть только поверхностным, если в поле зрения человека, обратившегося к этой культуре, не окажется такого основополагающего компонента, как «склад мышления нации», который и фиксируется в языковой картине мира [9: с. 76].

Теоретической основой данной концепции, как мы уже отмечали, послужили труды В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербера, Э. Сепира и Б. Уорфа и др., по мнению которых, люди видят мир по-разному, сквозь призму своего родного языка: «каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [5: с. 80]. Соответственно и люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают внешний мир.

Согласно второй концепции одну и ту же мысль можно выразить на всех языках, и полагать, что люди, говорящие на разных языках, воспринимают вещи по-разному – «крайняя и неверная позиция» [18: с. 220]. По мнению сторонников второго подхода, считать, что картина мира определяется языком, было бы ошибочно, так как один и тот же родной язык также позволяет по-разному созерцать мир, и расхождения в значении слов в разных языках связано с общественной жизнью, а не с мировоззрением нации,

[2] Сплошными линиями обозначены непосредственные контакты языка и культуры, а пунктирными – опосредованные. $Я_1$ (ИЯ) – исходный язык (язык текста оригинала); $Я_2$ (ЯП) – язык перевода; $К_1$, $К_2$ – культура языка оригинала и языка перевода соответственно.

обусловленным родным языком [8: с. 126].

На наш взгляд, более обоснованной является первая точка зрения. При обращении к иностранному языку и соответственно чужой культуре в нашем сознании, помимо первичной картины мира родного языка и родной культуры, формируется вторичная картина мира. Сложность восприятия последней в значительной степени обусловлена тем, что знакомые нам языковые средства оказываются неприемлемыми для ее адекватного отражения. Одни и те же понятия в разных языках имеют различные формы языкового выражения с неодинаковой семантической ёмкостью, а иногда для ряда понятий вообще не находится межъязыковых соответствий из-за того, что в другом языке те или иные реалии культуры языка оригинала не были актуализированы. Разумеется, гипертрофировать роль несовпадения языковых картин мира было бы неправильно. Переводческая практика, успешно осуществляемая на протяжении веков, подтверждает возможность преодоления этих несовпадений. В то же время не следует забывать, что любой перевод – это лишь приближение к оригиналу, так как в каждой культуре существуют свои артефакты, чуждые или малопонятные в других культурах. Кроме того, культурная картина мира по-своему воплощается в языке, что особенно ярко проявляется на его лексико-семантическом уровне языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – 360 с.
2. *Бочегова, Н.Н.* Этнос. Культура. Язык / Н.Н. Бочегова. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. – 160 с.
3. *Верещагин, Е.М.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Индрик, 2005. – 1040 с.
4. *Винокур, Т.Г.* Фрагменты радиопередачи «Беседы о русском языке» / Т.Г. Винокур // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1996. – С. 325–330.
5. *Гумбольдт, В. фон.* Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.
6. *Елизарова, Г.В.* Культурологическая лингвистика (Опыт исследования понятия в методических целях) / Г.В. Елизарова. – СПб. : Бельведер, 2000. – 140 с.
7. *Звегинцев, В.А.* Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира–Уорфа / В.А. Звегинцев // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – С. 111–134.
8. *Комлев, Н.Г.* Компоненты содержательной структуры слова / Н.Г. Комлев. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 192 с.
9. *Корнилов, О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1999. – 341 с.
10. *Латышев, Л.К.* К проблеме определения лингвокультурного аспекта перевода / Л.К. Латышев // Межкультурная коммуникация и перевод: Материалы межвузовской науч. конф. Москва 29 января 2004 г. – М. : МОСУ, 2004. – С. 195–199.
11. *Лотман, Ю.М.* Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968–1998) / Ю.М. Лотман. – СПб. : «Искусство-СПб», 2004. – 704 с.
12. *Маслова, В.А.* Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
13. *Ощепкова, В.В.* Культурологические, этнографические и типологические аспекты лингвострановедения: дис. … д-ра филол. наук / В.В. Ощепкова. – Москва, 1995. – 345 с.
14. *Потебня, А.А.* Мысль и язык / А.А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 268 с.
15. *Риккерт, Г.* Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М. : Республика, 1998. – 413 с.
16. *Садохин, А.П.* Теория и практика межкультурной коммуникации / А.П. Садохин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 271 с.
17. *Сепир, Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Издат. группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.
18. *Спиркин, А.Г.* Сознание и самосознание / А.Г. Спиркин. – М. : Политиздат, 1972. – 303 с.
19. *Тайлор, Э.Б.* Первобытная культура / Э.Б. Тайлор. – М. : Политиздат, 1989. – 573 с.
20. *Тер-Минасова, С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.
21. *Топоров, В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В.Н. Топоров. – М. : Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.
22. *Уорф, Б.Л.* Наука языкознания (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – С. 169–182.
23. *Хайруллин, В.И.* Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода : дис. … д-ра филол. наук / В.И. Хайруллин. – М., 1995. – 355 с.
24. *Якобсон, Р.* Лингвистика в ее отношении к другим наукам / Р. Якобсон // Избранные работы. – М. : Прогресс, 1985. – С. 369–420.
25. *Popper, K.R.* Objective Knowledge. An Evolutionary Approach / K.R. Popper. – Oxford : Clarendon Press, 1979. – 395 p.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЭТНИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОГО КОРРЕКТИРОВОЧНОГО КУРСА ПРАКТИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРСОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ)

Т.Г. Ткач

Ткач Татьяна Григорьевна – филолог, соискатель степени кандидата педагогических наук, преподаватель русского языка и литературы Мешхедского государственного университета им. Фирдоуси (г. Мешхед, Иран).

Контактный адрес: yatatiana@mail.ru

В статье рассматривается проблема организации содержания этнически ориентированного курса практической фонетики на примере персоязычной аудитории иранской высшей школы. Анализируются различные подходы в организации содержания обучения произношению персоязычных студентов-русистов.

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ), практическая фонетика, этнический контингент.

Сегодня прилагаются значительные усилия учёных-фонетистов, методистов и преподавателей-практиков для создания этнически ориентированных курсов теоретической и практической фонетики. На повестку дня в обучении той или иной этнической аудитории выносятся задачи формирования и совершенствования верного русского произношения. Моноэтнический контингент учащихся позволяет решать эти проблемы в рамках этнически ориентированного курса коррекции русского произношения.

Так, содержание этнически ориентированного корректировочного курса практической фонетики, разработанного и успешно применяемого в ходе лабораторных занятий автором статьи в условиях отсутствия языковой среды, направлено на комплексное устранение слухопроизносительных искажений в звучащей русской речи, типичных для персоязычной аудитории.

Успешность решения задачи постановки верного русского произношения во многом зависит от рациональности подобранного фонетического материала и целесообразной организации учебного материала в ходе корректировочного процесса. Как отмечает Т.В. Шустикова в статье «Общие вопросы постановки русского произношения», «…обязательным критерием рационального отбора и организации учебного материала является использование данных интерференции родного языка, языка-посредника и русского языка, анализ устойчивых ошибок, касающихся звукоупотребления, ритмической организации и интонационного оформления русской речи» [4].

В организации содержания обучения произношению существует три подхода: артикуляторный, акустический и дифференцированный.

Приверженцы артикуляторного подхода, разработанного российскими лингвистами И.А. Грузинской и К.М. Колосовым, считают:

а) что формирование произносительных навыков должно опережать само произнесение звука;

б) учащиеся должны владеть знанием о положении органов артикуляции при произнесении того или иного звука;

в) отработка артикуляции звука должна вестись вне зависимости от его смыслоразличительных функций;

д) должна вестись отработка каждого звука в отдельности.

Артикуляторный подход определяет первичность знаний артикуляционных характеристик по отношению к акустическим, поэтому обучение иностранному языку начинается с усвоения артикуляционных позиций фонем и отработке их аллофонов в сопоставлении с фонетической системой родного языка учащихся. Отсюда разделение фонем на три типа: совпадающие, несовпадающие и частично совпадающие в изучаемом языке и родном. При артикуляторном подходе обширно применяется фонетическая транскрипция как средство формирования артикуляторных навыков.

Артикуляторный подход применяется в ходе вводно-фонетического курса, включающего орфографический, лексический и грамматический материал с опорой на учебно-фонетические модели, содержащие наглядные графические (схемы, рисунки) и звуковые средства обучения.

Использование учебно-фонетических моделей предполагает осуществление следующих шагов в определённой последовательности:

а) определение возможности произнесения звука по рисунку положения органов речи;

б) обыгрывание про себя выполнение операции произнесения звука;

в) беззвучное, шепотно-голосовое произнесение звука;

г) фиксация мышечного чувства произносимого звука;

д) контроль и самоконтроль артикуляции звука.

Необходимо отметить, что подобный подход достаточно эффективен при обучении иностранному языку в том случае, когда налицо значительное расхождение не только в артикуляторных характеристиках фонем изучаемого и родного языка, но и в самом количественном и качественном составе гласных и согласных фонем, как, например, в китайском и русском языках. В случае с персоязычной аудиторией артикуляторный подход может быть применен частично при отработке несовпадающих фонем в русском и персидском языках с использованием учебно-методических моделей. Это касается отработки произношения звука *[ы]*, снятия интерференции долгой персидской гласной *ā* и гуттуральных согласных *h, x* в звучащей русской речи персоязычных учащихся.

Приверженцы акустического подхода полагают, что артикуляторные навыки могут быть поставлены на основе слуховой оперативной памяти и фонематического слуха, а именно:

а) навык верного произношения приобретается в процессе обучения говорению;

б) слуховые анализаторы первичны по отношению к артикуляторным;

в) имитативные упражнения являются основой при обучении произношению;

г) нет необходимости отрабатывать каждый звук в отдельности.

Основным недостатком акустического подхода является опора исключительно на фонематический слух и слуховую оперативную память учащихся, а, как известно, не у всех они развиты в равной степени. В частности, это было подтверждено результатом тестирования студентов-русистов второго и третьего годов обучения Мешхедского государственного университета им. Фирдоуси (Иран). Было выявлено, что из 45 студентов только у девяти развит в достаточной мере фонематический слух и способность к имитации звуков, а из девяти только двое могут практически идеально воспроизводить отдельные звуки или сочетания звуков в составе фонетического слова. В среднем ими было допущено 93 % ошибок, связанных с фонетическим слухом, и 85 % – со слуховой оперативной памятью.

Самым целесообразным и продуктивным, в том числе и в условиях этнически ориентированного корректировочного курса фонетики, является предложенный Л.В. Щербой дифференцированный подход, предполагающий одновременное использование различных приёмов при обучении не только произношению, но и другим языковым и речевым аспектам в зависимости от этапа и условий обучения. При дифференцированном - подходе средствами обучения произношению выступают в основном фонетическая зарядка и лабораторные упражнения, значительное место занимает также аудирование.

Дифференцированный подход предполагает:

а) комплексное задействование артикуляторных и акустических анализаторов;

б) обособленное рассмотрение сложных артикуляторных позиций;

в) становление произносительных навыков наравне с формированием навыков говорения;

г) соотнесение приёмов и содержания обучения уровню учащихся и их произносительным трудностям.

В соответствии с дифференцированным подходом этнически ориентированный на персоязычную аудиторию корректировочный курс охватывает практически весь проблемный для иранцев теоретический материал фонетической системы русского языка, отрабатываемый на примерах, исключающих лишенных лексического смысла односложных сочетаний. Последнее связано с тем, что на среднем и продвинутом этапах обучения отработка звуков на слоговом материале не несет никакой смысловой информации, поэтому не вызывает заинтересованности у студентов к материалу, на котором строится коррекция произношения, а значит, и результат работы будет соответственно низким. Кроме того, включение отрабатываемого звука в состав фонетического слова способствует переходу от сознательного к несознательному выполнению артикуляторных действий, что в свою очередь ведет к автоматизации фонологических и фонетических навыков.

Коррекция ведётся на протяжении всего курса на материале однослоговых, двуслоговых, трёхслоговых слов. На однослоговых и двуслоговых словах идёт коррекция не только артикуляторных навыков, но и просодических; на трёхслоговых словах, в основном идёт отработка произношения редуцированных гласных. На *моносинтагменных* предложениях в частях «Фоне-

тическая система русского языка», «Ритмические модели» идёт коррекция артикуляторных и просодических навыков, на *полисинтагменных* предложениях отрабатывается навык транскрибирования, а в части «Русская интонация» совершенствуется интонационный навык.

Положение о становлении произносительных навыков, наравне с формированием навыков говорения, реализуется в ходе обсуждения просмотренных видеозаписей с субтитрами и прослушивания аудиоматериалов. Использование аудиозаписей и видеозаписей в качестве учебного материала коррекции произношения способствует развитию слухопроизносительных навыков, так как включает в работу не только акустические анализаторы, но и артикуляторные; кроме того, содействует становлению навыков самоконтроля и самокоррекции.

На работу с аудио- и видеоматериалами отводится до 30 минут из полуторачасового занятия. Работа с аудиоматериалами следующая: студенты прослушивают запись, затем записывают услышанное, после чего идёт обсуждение. Работа с видеозаписью состоит из следующих последовательных шагов:

а) студентам раздаются листы с субтитрами видеозаписи, предлагается написать транскрипцию субтитров, прочитать субтитры про себя и вслух;

б) в ходе просмотра видеозаписи студентам предлагается проговаривать про себя и вслух субтитры с экраны вслед за диктором или вместе с ним;

в) обсуждение просмотренной видеозаписи с использованием лексики фильма.

В учебном материале аудио- и видеозаписей отражается лексическая тематика страноведческого, культурологического, познавательного характера, с использованием в том числе узуальных форм речи.

Широко представлены в курсе фонетики русские поговорки, пословицы и чистоговорки, подобранные по типу ритмических моделей, это значит, что каждое слово из лексического материала пословицы, поговорки или чистоговорки относится к одному и тому же типу ритмической модели. Так как готовых чистоговорок, соответствующих поставленной задаче корректировочного курса, не было, то все чистоговорки были либо переделаны под определенные ритмические модели, либо составлены новые, например: *Шака́л шага́л шажо́к к шажку́, шака́л шага́л по бережку́; Коро́бку пече́нья, бочо́нок варе́нья, пови́дло и пампу́шки купи́ли подру́жки; Га́ля и Гри́ша гна́ли гу́ся в го́рку к гря́дке брю́квы* и др.

В заключение статьи хотелось бы отметить, что немаловажное значение в процессе коррекции произношения имеют также и наглядные пособия. Артикуляторные схемы и рисунки, фонемные сопоставительные таблицы, интонационные графики различных типов высказываний помогают визуальному восприятию интонационных различительных особенностей и фонемного соотношения родного (персидского) и изучаемого (русского) языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бернштейн, С.И.* Вопросы обучения произношению (применительно к преподаванию русского языка иностранцам) / С.И. Бернштейн. – М. : Изд-во иностр. рабочих в СССР, 1937. – 67 с.

2. *Брызгунова, Е.А.* Звуки и интонация русской речи / Е.А. Брызгунова. – 3-е изд., перераб. – М. : Русский язык, 1977. – 194 с.

3. *Любимова, Н.Е.* Фонетика в практическом курсе русского языка как иностранного: учеб. пособие / Н.Е. Любимова, И.П. Егорова, Н.Л. Федотова. – СПб. : Изд-во СПб ГУ, 1993. – 92 с.

4. Традиции и новации в профессиональной деятельности преподавания русского языка как иностранного: сб. науч. статей о русском языке и методике его преподавания / Коллектив авторов преподавателей факультета повышения квалификации РКИ РУДН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://testor.ru/auditorium/lang_learn.aspx

5. *Тунгусова, Г.И.* Корректировочные стратегии в методической модели непрерывного совершенствования слухопроизносительных навыков / Г.И. Тунгусова. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1999. – 273 с.

6. *Щерба, Л.В.* Как надо изучать иностранные языки / Л.В. Щерба. – М.–Л. : Госиздат, 1929. – 54 с.

7. *Щерба, Л.В.* О взаимоотношениях родного и иностранного языков / Л.В. Щерба // Иностранный язык в средней школе: методич. сборник. – М., 1934. – Вып. I. – С. 30–34.

8. *Щерба, Л.В.* Преподавание иностранных языков в средней школе: общие вопросы методики / Л.В. Щерба. – М. : Просвещение, 1947. – 96 с.

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В ОПЫТЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ 60–80-х гг. XX в.

Л.Г. Куц

Куц Лилия Геннадьевна – магистр педагогики, преподаватель иностранных языков МОУ гимназии № 6 г. Хабаровска, аспирант кафедры педагогики Дальневосточного государственного гуманитарного университета.

Контактный адрес: kutzL@yandex.ru

В статье рассматривается опыт интернационального воспитания в отечественной педагогике 60–80-х гг. XX века, роль культурно-языковых контактов в воспитании личности, умеющей жить в мире и согласии с представителями разных национальностей, готовой к эффективному межкультурному общению и взаимодействию. Статья содержит также сведения об опыте по интернациональному воспитанию школ и детских объединений на территории Хабаровского края.

Ключевые слова: интернациональное воспитание, культура межнационального общения, клуб интернациональной дружбы.

Международный обмен и сотрудничество в разных областях (политика, культура, экономика) вовлекают сегодня представителей разных национальностей в непрерывное взаимодействие. Такой характер взаимоотношений между народами делает актуальным воспитание толерантной личности, умеющей жить в мире и согласии с представителями разных национальностей, готовой к эффективному межкультурному взаимодействию.

Однако эффективное межкультурное взаимодействие межнациональных отношений не могут возникнуть сами по себе, этому надо учиться. Культура межнационального общения предполагает знание и соблюдение сложившихся традиционных интернациональных форм межнационального общения, бесконфликтное взаимопонимание и сотрудничество в ходе межнационального взаимодействия, уважительное отношение к национальному достоинству других людей и национальным культурам, непримиримое отношение к проявлениям национального эгоизма и национальной вражды.

Формированию культуры межнационального общения в значительной степени способствуют культурно-языковые контакты. Изучение иностранных языков играет при этом очень важную роль, ведь при их освоении происходит знакомство с историей, культурой стран изучаемого языка, традициями и обычаями народов этих стран. И только язык, являясь средством коммуникации, дает возможность организации диалога культур в языковом международном пространстве.

Анализ научно-педагогической литературы 60–80 годов прошлого века показывает, что даже в условиях практически полной изоляции нашей страны школьники имели возможность реального общения с представителями других национальностей, получали опыт межкультурного общения. Культурно-языковые контакты осуществлялись в следующих формах: переписка со сверстниками из союзных республик и стран социалистического содружества (индивидуальная и коллективная); обмен школьными делегациями; совместные лагеря труда и отдыха; международные детские лагеря («Артек», «Орленок», «Океан» и лагеря в социалистических странах); международные фестивали дружбы; обмен спортивными коллективами и ансамблями детского творчества; международные фестивали молодежи и студентов; международные конкурсы детского творчества и др.

Вся эта деятельность осуществлялась в рамках интернационального воспитания. Разнообразная интересная работа, которая велась по этому направлению, сложилась в педагогическую систему. Она включала в себя, по мнению М.А. Терентия, следующие принципы: взаимозависимость между учебно-программным материалом и содержанием внеклассных и внешкольных мероприятий; обусловленность интернационального воспитания развитием общества и происходящими в нем событиями; взаимодействием школы, семьи и общественности; обусловленность содержания, форм, методов, средств и приемов интернационального воспитания традициям народа; зависимость содержания и методов интернационального воспитания от возрастных и психологических особенностей учащихся [8: с. 183].

Интернациональное воспитание начиналось

на уроке, где программный материал по многим предметам давал возможность школьникам получить знания о жизни и культуре людей разных национальностей, помогал сформировать понимание того, что культура человечества складывается и развивается усилиями многих народов, что у каждого народа есть духовные ценности, заслуживающие уважения, что развитие цивилизации имеет интернациональный характер. Однако настоящий опыт межкультурного общения, межкультурного взаимодействия, межкультурного обогащения давала школьникам разнообразная внеурочная (внеклассная и внешкольная) работа по интернациональному воспитанию. Ведь как верно подметила Н.Е. Щуркова: «На уроке изучается жизнь – в процессе внеклассной деятельности проживается жизнь» [11: с. 7].

Особая роль в интернациональном воспитании школьников, в установлении культурно-языковых контактов принадлежала клубам интернациональной дружбы (КИД), которые к середине 70-х гг. XX в. стали самой распространенной организационной формой этой работы с подрастающим поколением. Сегодня не каждый знает, кто такие КИДовцы, а в то время, практически, в каждой школе, каждом Дворце/Доме пионеров и школьников работал такой клуб. Эти клубы были очень популярны и многочисленны. Важнейшей целью КИДа являлось укрепление дружбы с детьми и молодежью республик СССР, стран социалистического содружества, дружба с детьми и молодежью всего мира.

К основным формам интернационального воспитания детей и молодежи относилось следующее: интернациональные вечера, утренники, фестивали, посвященные дружбе народов и борьбе за мир; политические информации о международных событиях, доклады, лекции, беседы, просмотр кинофильмов о жизни трудящихся других стран, чтение литературы о жизни народов СССР и о жизни трудящихся зарубежных стран, пресс-конференции, уголки и музеи интернациональной дружбы, конкурсы и викторины по интернациональной тематике, встречи с иностранцами и теми, кто побывал за рубежом, недели, декады и месячники иностранного языка и т. п.

Однако для формирования культуры межнациональных отношений недостаточно лишь знаний о другой культуре и положительного отношения к ней. Для этого необходим непосредственный контакт с другой культурой и представителями этой культуры. Поэтому владение иностранным языком даже в рамках школьной программы давало возможность школьникам переписываться с учащимися зарубежных стран. Широкое распространение имела как индивидуальная, так и коллективная переписка. В ходе переписки учащиеся получали реальную возможность установить контакты с носителями языка, повысить свой уровень владения иностранным языком, использовать знания, умения и навыки, полученные на уроке, в реальной жизни. Переписка с зарубежными школьниками расширяла круг друзей, помогала получить дополнительную информацию о жизни сверстников в других странах, о стране изучаемого языка, показывала, что «иностранный язык» не абстрактный школьный предмет, а средство общения и понимания.

Особое значение в интернациональной работе имел обмен школьными делегациями и поездки в страны изучаемого языка. Эти обмены давали возможность ближе знакомиться друг с другом, с жизнью и бытом других народов, с культурой страны, «окунуться» в языковую среду. Эти поездки не только расширяли кругозор школьников, повышали мотивацию к более серьезному изучению иностранного языка, но и способствовали взаимопониманию, развивали чувство настоящей дружбы и уважения к людям других национальностей.

Большое воспитательное значение имели личные встречи детей разных национальностей в международных детских лагерях: в нашей стране «Артек» (Крым), «Орленок» (Краснодарский край), «Океан» (Приморский край) и в других странах (Польша, Болгария, Чехословакия, Венгрия, ГДР и др.). Совместные мероприятия и непосредственное общение обогащали знания детей о разных народах и странах, о других культурах, пробуждали стремление изучить язык той или иной национальности, укрепляли дружбу. Ребята рассказывали друг другу о себе, своей семье, своей жизни, своей стране, делились личными впечатлениями, обменивались адресами. Дружба, начавшаяся в лагере, долго продолжалась в переписке и позволяла ребятам еще больше узнавать и понимать друг друга, а также совершенствовать знания иностранного языка. Эти международные пионерские лагеря были подлинной школой воспитания детей и подростков в духе интернационализма, ведь живое, непосредственное общение с представителями других стран всегда на пользу делу дружбы и мира.

Архивные материалы Хабаровского края хранят интересные сведения о культурно-языковых контактах школьников нашего края. Так, еще в 1949–50 гг. пионеры Красицкой шко-

лы Хабаровского района обменивались письмами с членами юношеской секции Болгарского Красного креста «Сентябрята», пионеры Дормидонтовской школы отправляли письма в Польшу, Вяземской семилетней школы – в Румынию, а пионеры Вяземской средней школы № 3 – в Народную Республику Вьетнам. В документах отмечается, что в 1956 г. «пионерские отряды и дружины края в соответствии с решением XX съезда КПСС об усилении международной и культурной связи с другими странами начали изучать историю той или другой страны, они посвящали свои пионерские сборы и костры отдельным странам». Многие пионерские дружины имели интересную переписку с пионерами Китайской Народной Республики, Чехословацкой, Болгарской, Германской Демократической Республикой» [2]. В Еврейской автономной области в 1976 г. сто девяносто два пионерских отряда переписывались с пионерами социалистических стран. В пионерских дружинах области работало тридцать два КИДа [3].

Клуб интернациональной дружбы имени Юлиуса Фучика средней школы № 25 г. Комсомольска-на-Амуре вел активную переписку со сверстниками из разных городов нашей страны и зарубежных стран. В школьном холле был оформлен стенд, посвященный памяти чешского героя-антифашиста Юлиуса Фучика, где были и материалы, присланные школьниками Праги. КИД уделял большое внимание изучению иностранных языков, ведь первый шаг к общению с представителями других культур – это, конечно, знание языка.

Пионерия Хабаровска дружила со школьниками стран-соседей: Китая, Японии, Кореи. Еще в 1958 г. было образовано Хабаровское краевое отделение Общества советско-китайской дружбы, 1960 г. – отделение Общества «СССР – Япония», 1970 г. – советско-корейской дружбы (КНДР). Созданные общества дружбы активизировали проведение совместных культурных и спортивных мероприятий, обмен детскими и молодежными организациями, фестивалей дружбы, Дней городов-побратимов. Укреплению дружбы между школьниками разных национальностей помогали обмен школьными делегациями, встречи спортивных команд, коллективов художественной самодеятельности. В некоторых загородных лагерях вместе с нашими ребятами отдыхали и школьники из других стран. Так, начиная с 1977 г., в загородных пионерских лагерях Хабаровска ежегодно отдыхали японские дети общества Кусано-Нэкай [9].

Инициатором многих интересных, полезных и важных дел в воспитании юных интернационалистов и в деле объединения всех КИДов города Хабаровска на протяжении многих лет являлся КИД «Восток» городского Дворца пионеров и школьников, руководитель – О.Н. Дуничева. Интерклуб «Восток» быстро откликался на международные акции, становился во главе городских массовых мероприятий. Так, например, в 1983 г. хабаровские пионеры интересными делами, трудовыми десантами встретили «Эстафету мира детей Европы». На городском митинге «Я голосую за мир!» ребята на открытках в виде голубя написали свои заветные слова о мире и отправили их в Будапешт на имя президента СИМЕА (двадцать тысяч открыток). В рамках этой эстафеты в школах прошли классные часы о СИМЕА, были собраны подписи в защиту мира и отправлены в ООН. Ребята собрали и отправили посылки со школьными принадлежностями детям Никарагуа, ярко и эмоционально прошел митинг «Свободу Гренаде!». Традиционными в деятельности этого КИДа стали: городской фестиваль политической песни «Слово и песни в защиту мира», конференция «Юность обличает, юность борется!», международная выставка детских рисунков «Широка страна моя родная», «Базар солидарности» [4: с. 134–137].

В 1985 г. в школах, в Домах пионеров и школьников Хабаровского края работало более двухсот двадцати КИДов. Они были организаторами и активными участниками Дней городов-побратимов, Дней и Недель юного героя-антифашиста, акций, митингов и ярмарок солидарности, конкурсов политического плаката и песни, уроков Мира и т. п. Члены КИДов переписывались с ребятами всех союзных республик бывшего СССР и стран социалистического лагеря [7: с. 242, 285].

Таким образом, изучение иностранных языков и использование этих знаний во внеурочной работе позволяло разнообразить деятельность по интернациональному воспитанию, сделать ее более - интересной. Эта деятельность давала школьникам возможность не только получать информацию о жизни детей мира, но и способствовала установлению непосредственных контактов, расширяла круг друзей, побуждала активно, по мере своих возможностей участвовать в борьбе за мир, мотивировала к дальнейшему изучению иностранных языков, помогала сделать их изучение практически направленным и содержательным, т. е. воспитывала культуру межнационального общения, давала опыт межкультурной коммуникации.

Использование в новых условиях бесценного опыта интернационального воспитания, опыта

культурно-языковых контактов, который накоплен отечественной школой в 60–80-е гг. XX в., использование возможностей современных информационно-коммуникационных технологий, современных форм межкультурной коммуникации могут помочь воспитать у подрастающего поколения толерантное отношение к людям других национальностей, другим национальным культурам, воспитать личность, способную к эффективному межкультурному взаимодействию. Ведь, как известно, новое нельзя созидать без глубокого знания предшествующего опыта, и надо уметь в наибольшей степени применить уже созданное.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Артек» – Международный детский центр (Крым) / История Артека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.artek.org.

2. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). ФП. – 617. оп. 20. д. 47. л. 134–137.

3. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). ФП. – 442. оп. 1. д. 253. л. 23, 56–57.

4. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). ФП. – 617. оп. 17. д. 40. л. 37–38, 41–42, 54, 56.

5. *Дуничева, О.Н.* Воспитание в духе культуры мира: вопросы истории, теории, практики / О.Н. Дуничева // Пионерское движение: теория, история, методика : сб. науч. тр. – Хабаровск : Изд-во ХГПУ, 2002. – С. 72–78.

6. *Коршунова, С.А.* Школьный клуб интернациональной дружбы: кн. для учителя. (Из опыта работы) / С.А. Коршунова. – М. : Просвещение, 1984. – 143 с.

7. Сбор: страницы истории Хабаровской краевой пионерской организации. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1985. – 288 с. (Всероссийская серия «Пионерия на марше»).

8. *Терентий, М.А.* Теория и практика патриотического и интернационального воспитания подрастающего поколения / М.А. Терентий. – Кишинев : Штиинца, 1978. – 276 с.

9. Хроника. Хабаровский край. Годы и события. 1938–2008 годы. – Хаб. изд. дом «Частная коллекция», 2008. – 416 с., ил.

10. *Шнекендорф, З.К.* Воспитание юных интернационалистов: Из опыта внеклассной работы : пособие для учителя / З.К. Шнекендорф. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1979. – 223 с.

11. *Щуркова, Н.Е.* За гранью урока / Н.Е. Щуркова. – М. : Центр гуманитарной литературы, 2004. – 192 с.

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В УГЛУБЛЕНИИ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ*

КОРЕЙСКИЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ ЖУРНАЛИСТИКИ В МУЛЬТИМЕДИЙНУЮ ЭПОХУ: АНАЛИЗ ПРОГРАММ И ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА

В.С. Ли

Ли Ван Су – доктор наук в области журналистики, старший преподаватель Школы визуальной коммуникации и СМИ Университета Донгсео (г. Пусан, Корея).

Не существует согласованных правил или инструкций как преподавать журналистику. Методы и цели журналистики всегда различны, начиная социально-культурными особенностями страны, восприятием людей в стране и окружающего мира, заканчивая особенностями средств массовой информации (СМИ). Эта работа направлена на то, чтобы выяснить, как строятся образовательные программы по журналистике в университетах Кореи, кто обучает журналистов, каковы цели обучения. В частности, эта работа рассматривает вопрос о том, движется ли журналистское образование в Корее в правильном направлении и соответствует ли условиям мультимедийной эпохи. Исходя из этого данная работа предполагает, что образовательные учреждения Кореи, занимающиеся подготовкой журналистов, должны разрабатывать определенные учебные планы для медиа-конвергенции, ставить своей целью синтетическую модель знаний, а не теоретическую или практическую, воспитывать журналистов с многогранными способностями к адаптации к переменам медиа-среды и бережно относиться к контингенту преподавателей-практиков, способных обеспечить функциональное обучение СМИ. Автор полагает, что эти структурные ограничения журналистского образования в Корее могут препятствовать объединению общества, развитию демократии и культуры общественного диалога.

Ключевые слова: журналистское образование, изменившаяся медиа-среда, мультимедийный, медиа конвергенция (сближение СМИ), контекстуальные знания, преподаватель журналистики, функции журналистики.

1. Вступление

Журналистика – это особенная образовательная среда, в которой сталкиваются «теория» и «практика». Существует невидимая и уходящая своими корнями вражда между журналистами-теоретиками и журналистами-практиками [18]. Журналисты-теоретики утверждают, что представлений журналистов-практиков об обществе недостаточно, а сами журналисты-практики утверждают, что журналисты-теоретики далеки от реальности, потому что они придерживаются старых традиций. Руководство и профессорско-преподавательский состав университетов придерживаются методик образования, которые ставят в центр теоретические программы и лишь дополняют последние практическими программами, но медиа-практика требует от журналиста способности «работать в поле» и высокоразвитых практических умений, чтобы справляться с работой. Между академической подготовкой и профессионализмом журналиста имеются пробелы, которые невозможно сократить. Это концептуальные отличия между мышлением и действием, отражением и действием, теорией и практикой. Из-за этих реалий преподаватели журналистики и ученые выступают за сохранение учебных планов, методик и теорий, разработанных ими, нежели за стандарты, в которых нуждаются медиа-сферы. Более того, они утверждают, что «университет – это не место, где учат, как найти работу в сфере СМИ» и журналистское образование не несет никаких обязательств по выполнению социальных функций и роли «новостных СМИ».

В Корее представления университетов и СМИ журналистском образовании также отличаются [12]. Не будет преувеличением сказать, что в университетах Кореи нет единой парадигмы, разработанных направлений и методик, в которых так нуждается журналистское образование, чтобы развиваться дальше. Прошло более 50 лет с тех пор, как в Корею пришла западная журналистика. Этот период положил начало журналистскому образованию в Корее. Тем не менее исследований по самодиагностике журналистского образования в Корее и разработке направлений развития журналистского образования до настоящего времени появилось немного [1, 11].

* Статьи данного раздела подготовлены по материалам международной конференции «Роль СМИ в углублении сотрудничества между Кореей и Россией», проходившей в Дальневосточном государственном университете путей сообщения (г. Хабаровск) 11–12 июня 2010 г., и представлены в редакцию Международным отделом ДВГУПС.

Среднее число выпускников журналистских факультетов в Корее достигает тысячи, но процент тех, кто действительно станет журналистами очень невелик [3]. СМИ, как правило, недовольны работой, которую выполняют выпускники университетов [8][1]. Основное образование в университетах тесно связано с работой в обществе и является базовой подготовкой умений решать общественные проблемы и принимать решения в будущем. В данном контексте успех в достижении профессиональных целей в журналистике не гарантирован. В Корее очень слабая система журналистского образования. И тем не менее нет структурированных эмпирических исследований и объективных данных о том, как университеты в Корее преподают журналистику, каковы проблемы и их решения. Кризис преподаваемой в университетах журналистики это не сводится к успешному или неудачному опыту подготовки журналистов. Скорее всего, отраслевые и социальные проблемы кризиса журналистики обусловлены этическими и общественными причинами, а также финансовыми издержками на переквалификацию, которые сдерживают демократические изменения в обществе. По этой причине определение цели журналистского образования размыто и даже высказываются мнения, что необходимо закрыть данную специализацию. Журналистское образование отличается от других видов образования, потому что оно готовит профессионалов, которые объединяют общество, способствуют развитию демократии и обеспечивают культуру общественного диалога [24]. Высказываются критические замечания, что журналистское образование в Корее имеет проблемы уже на протяжении долгого времени[2], а предположений о сути источников и объективных причинах проблем недостаточно. В частности, изменения, происходящие в медиа-среде в последнее время, предполагают, что журналистское образование должно отличаться от того, каким оно было ранее. Это означает, что требуется внести значительные изменения в подготовку журналистов. Изменения эти вызваны конвергенцией медиа-технологий, коммерциализацией, появлением мультикультур и глобализацией СМИ.

Данное исследование направлено на изучение программ подготовки журналистов в университетах Кореи: как они составлены, кто их преподает, и какие цели ставятся перед подготовкой журналистов. Цель этого исследования – ответить на вопрос: соответствует ли подготовка журналистов в Корее условиям мультимедийной эпохи. Тем не менее эта работа направлена не на разработку общих проблем «образования в области средств массовой информации». Напротив, мы хотим сузить рассматриваемую тему от «медиа-образования» к «журналистскому образованию»[3]. Причина в том, что полная проверка массовых медиа-институтов полезна, чтобы понять общую картину или топографию, но бесполезна для понимания структурных проблем в деталях, так как специфика журналистского образования заключается в узких аспектах.

Неверно полагать, что до настоящего времени не было академических или практических дискуссий по поводу профессиональной подготовки журналистов. Тем не менее проведено

[1] Результаты исследования потребительского восприятия, проведенного Сон Чан Янг и Кан Хён Ли (2009), показали 21,5 % респондентов отметили – учебные планы по специальности оказались бесполезными в работе – это является довольно высоким значением в рамках исследования. Кроме того, показатель по изучаемым дисциплинам, соответствующим работе, составил 2,5 %, что свидетельствует о том, что изучаемые дисциплины не отвечают требованиям журналистики широкого поля профессиональной деятельности. Согласно оценке результатов исследования, проведенной Сон Чан Янгом и другими исследователями, практические предметы оказались гораздо более полезными для работы в профессиональной сфере, чем теоретические предметы специализации. Исследователи предложили, что усиление практико-ориентированных дисциплин имеет существенное значение для улучшения в последующем качестве работы журналистов в профессиональной сфере.

[2] Ниже приведены несколько примеров дискуссий/рассуждений о проблемах журналистского образования в Корее. Среди них анализ направлений развития журналистского образования в Корее (Woo Cheon Song, 2001), анализ учебных планов, которые следует переориентировать с теории на практическую работу (Jae Kyung Lee, 2005), анализ потребностей и направлений развития корейской журналистской школы (Jae Il Nam и Min Jae Choi, 2005), университетская подготовка журналистов для газет (Young Wook Kim, 2005), введение экономической специализации в профессиональную подготовку журналистов (Sung Hae Kim, 2007), а также анализ отбора и воспитания талантов для медиа-отрасли/СМИ.

[3] Журналистика – одна из специализаций в образовании, специалистов в области СМИ, но это не означает, что она включает в себя все медиа-образование. Словарь по массовым коммуникациям (Mass Communications Dictionary), опубликованным Корейским институтом журналистики дает следующее определение журналистики: «область профессиональной деятельности, заключающаяся в поиске и выпуске новостей и других медиа-средств по проблемам текущих событий, освещении и предоставлении комментариев через газеты, журналы и вещание» (Bae Keun Cha, Woo Ryong Kim and Ki Hong Lee, 1993, с. 1197). Yong Ho Lim (2009) пишет, что журналистика имеет близкое отношение к промышленности в области исследований, образования и формирования политики, он также считает, что в журналистике сложно сохранить независимость от потребностей, политических и практических последствий в реальных условиях.

немного исследований, сосредоточенных на подготовке журналистов, а также людей, осуществляющих эту подготовку, что является основным объектом, состоящим при ближайшем рассмотрении из множества деталей. Таким образом, в рамках данного исследования анализ проводится с четырех позиций: во-первых, обеспечивают ли университеты Кореи достойное журналистское образование в мультимедийную эпоху; во-вторых, существует ли система «спроса и предложения» преподавателей, которые могут учить журналистике; в-третьих, какова цель обучения журналиста; в-четвертых, как строится карьерная лестница журналиста. Таким образом, это исследование проведено, чтобы найти новые направления подготовки журналистов в Корее, рассмотреть возможные варианты исходя из анализа реальной ситуации, сложившейся в журналистском образовании и в Корее, посредством сбора объективных данных и выявления характерных признаков.

2. Обзор литературы

2.1. Функции журналистского образования

Журналистика – это область знаний о способах передачи информации, необходимой и важной для общественности, через наблюдение за происходящими событиями и явлениями, происходящими в мире, чтобы объяснить их причины, а также отразить различные мнения [3, 10]. С этой точки зрения журналистика – обширная область коммуникации с населением через всеобъемлющее понимание социальной действительности и обсуждение социальных проблем. В результате журналистское образование сосредотачивается на практических знаниях в тех областях, которые освещаются в новостях и жизненно необходимы в сфере выпуска новостей, а также полезности и согласованности с реальностью [10]. Профессиональные требования, предъявляемые к журналистам, ориентированы на определенную сферу и реальность. Ёнг Ук Ким указывает, что профессиональным журналистам необходимы следующие умения: (1) инструментальные навыки составления запросов и написания статей; (2) профессиональные навыки, включающие систематические знания и опыт работы с массовыми коммуникациями и СМИ; (3) соблюдение профессиональной этики журналиста и знание основ журналистики; (4) профессиональные знания в области, где они ведут журналистскую деятельность (например, понимание профессиональной специфики и общие представления о той или иной области); (5) всестороннее знание структуры и системы взаимоотношений в обществе [3][4]. Таким образом, журналистское образование не сводится к изучению нескольких проблем, связанных с журналистикой. Напротив, журналисты разбираются в сложных социальных проблемах с позиции полного и систематического подхода. От них требуется владение полными и систематическими знаниями, потому что их задача – освещать действительность в различных жанрах: новости, описание событий, мнения, критика и обзоры; они должны разбираться в сложных социальных вопросах в сфере политики, экономики, финансов, вопросах охраны окружающей среды. По этой причине желательно составлять учебный план, подбирая уровни шаг за шагом. В случае подготовки к написанию статей, разработка учебных уровней, таких как базовый, средний и продвинутый, просто необходима. Обучение исключительно инструментальным навыкам, таким как опросы и составление отчетов или ведение репортажей, недостаточно, потому что новости содержат информацию из различных областей: экономики, международных проблем и культуры.

Журналистика тесно связана с обществом и является осуществлением взаимодействия между основными представителями общества. Таким образом, журналистское образование должно обеспечивать как культурно-ориентированные, так и независимые программы [18, 22]. Это означает, что программы образования по журналистике должны быть составлены в различных направлениях и областях, чтобы соответствовать изменениям социальной среды. Образовательные программы, связанные с мультикультурным обществом в эпоху глобализации, предоставление информации с использованием компьютеров и выпуск мультимедийных новостей, благодаря преобразованию информации в цифровую форму, может служить хорошим примером. Вайшенберг считает, что идеальные учебные планы журналистского образования нужны для: (1) формирования инструментальных навыков, таких как написание статей и составление отчетов; (2) полного знания экономики, законов и прав, истории и общества; (3) знания выразительных методов передачи информации и новостей; (4) социологических методов анализа соци-

[4] Профессионалы отмечают, что журналистам, кроме знания журналистики, необходимы знания в области общественных наук, таких как экономика, политика и социология, а также гуманитарных наук (философия, лингвистика и история). (Yong Wook Kim, 2005)

альных явлений с научной точки зрения [27]. Быстрые изменения, происходящие в последнее время в экосистеме СМИ, такие как интеграция технология и культура, глобализация, локализация и социальное разделение требуют другой парадигмы журналистского образования. Тот факт, что журналистские школы в США с недавнего времени вводят новые предметы, сохраняя ориентацию на практику, и разрабатывают специальные программы, связанные с этими изменениями среды [1]. Взгляды и методы образования изменились в свете этих трендов и требований времени. Однако не меняется убежденность в том, журналистика находится в сфере карьеры журналиста, и она выполняет важную социальную функцию, которая отличается от других методов социального взаимодействия [10].

2.2. Два измерения журналистского образования

Обучение журналистике началось в университете Миссури в США в 1908 [5], и через 100 лет большинство мнений сходится на том, что журналистское образование должно быть ориентировано на практику, чтобы выпускать журналистов. Программы обучения журналистике в университетах США основаны на инструментальных навыках, таких как написание статей, на журналистской этике и журналистике широкого вещания. Исходя из этих исторических фактов, семинары и симпозиумы сосредотачивались на инструментальных навыках: написании статей, интервью, редактировании. Однако изменения в медиа-среде выдвинули на первый план критическое отношение к образованию, основанному на инструментальных умениях. В последнее время ведутся активные дискуссии по поводу образования, ориентированного на формирование интеллектуальных навыков, таких как рассуждение, доказательство, риторика, контекстуализация, историческое размышление и истолкование, интерпретация и оценка, а не образования, направленного на осуществление рабочих функций [19]. Но существуют различные мнения и взгляды о том, сосредоточены ли программы обучения журналистике на теории или практике. Т. Глассер [20], С. Риз и Дж. Коэн [25], а также М. Дьюз [18] поддерживают, практически, ориентированные учебные программы, которые объединяют теорию и практику, которые дают общее представление. Напротив, Д. Герберт [21] и Б. Медсгер [23] высказывают противоположное мнение, что учебные программы по журналистике должны быть направлены на подготовку профессионалов-практиков, которые больше ценятся в медиа-индустрии. Это означает, что мнение Глассера и его единомышленников ближе к философскому подходу, который подчеркивает важность свободы и ответственности личности, нежели стремления соответствовать запросам медиа-индустрии. Герберт и др. ближе к реалистическому подходу, который отводит журналистскому образованию роль подготовки посредников в решении социальных вопросов.

Журналистское образование должно быть организовано таким образом, чтобы давать обучающимся возможность решения задач различного рода, объединив знания и технологии [16]. Это указывает на то, что журналистское образование должно быть ориентировано на реальную полезность, например: почему студентам необходимо изучать эту информацию? какое значение вещей, которые они изучают в школе, реально? [15]. Программы журналистского образования создаются при разработке новых курсов и добавлением инновационных и прогрессивных учебных программ и специализаций [18]. Исследователи стоят на позиции, что обеспечение контекстуальных знаний для полного и системного понимания социальных проблем важнее, чем - просто обеспечение профессиональных тренингов. Большинство университетов в мире, преподающие журналистику, имеют различные образовательные программы: гуманитарные науки, общественные науки, основы информации, литература, информатика, невзирая на специализацию. Это означает, что журналистское образование должно учить не тому, как делать вещи, а как мыслить правильно. Бернс придает особое внимание формированию и обучению сложным образам мышления: социальному, философскому и экономическому [16].

Вопрос преподавателей имеет не менее важное значение, чем сами программы, в обучении журналистике. На самом деле содержание журналистских образовательных программ зависит от научного руководителя, ведущего программу. Это означает, что жизненно важными являются такие философские аспекты преподавания, как личная карьера профессора и желательные способы осуществления своей образовательной программы. Журналистика включена в область образования, где конфликтуют позиции: профессиональное обучение карьеристов и развитие человека в культурном направлении. Направления журналистского образования могут быть сформированы по-разному – в зависимости от того, укомплектован ли профессорско-преподавательский состав преподавателями, которые учат

практической журналистике или теми, кто занимается исследованием и формированием общей культуры. В журналистике существует проблема выделения основной специализации. Педагоги, так же как и содержание обучения, могут быть разными в зависимости от того, расценивается ли журналистика как самостоятельная область специализации или как составляющая специализации «Массовые коммуникации». Если журналистика рассматривается в качестве карьерного образования для подготовки журналистов, которые нужны в массовых коммуникациях, то нужны преподаватели, знакомые со спецификой деятельности в этой сфере. Тем не менее если журналистика расценивается в качестве одной из составляющих массовой коммуникации, то профессионалы, знающие общую теорию журналистики, специфику воздействия СМИ на потребителя, намного важнее.

Преподавателям университетов неважно, как они выделяют или, наоборот, интегрируют карьерный и учебный аспекты журналистского образования [13]. Д. Адам дает многомерное описание роли преподавателей в рамках журналистского образования, учитывая сложившийся феномен. Он предлагает микроскопический путь, который представляет журналистику в лице журналистов и макроскопический путь, в котором хочет сделать журналистику более высокого уровня, которая может служить средством образования населения [14].

2.3. Цели и задачи журналистского образования

М. Дьюз рассматривал мотивы журналистского образования с точки зрения двух подходов: подготовки профессиональных журналистов и осуществления социальных функций и вклада в стабильность общества [18]. Это означает, что одна сторона журналистского образования является профессиональной – обучение будущих журналистов, а другая – социальная, приобщение граждан к культуре. Конечно, эти подходы не являются противоположными, они взаимно дополняют друг друга. Несмотря на это неодобрительные высказывания по поводу новостных СМИ (как отрасли) показали, что журналистское образование в значительной степени ориентируется на информированных граждан и в этой области преобладают функциональный и практический подходы. По этой причине журналистское образование сильно акцентируется на своих функциях и значениях в направлении, которое задает медиа-рынок. Задать систему координат журналистики так же сложно, как и ответить на вопрос: «Кто появился первым: курица или яйцо?». Некоторые исследователи делят журналистское образование на метод подражания, который обеспечивает практическую подготовку для работы и на инновационный метод, который основан на развитии будущих талантов. Метод подражания – традиционная модель, ставящая акцент на практической работе, требующая от журналистов навыков написания статей, дежурства в эфире, репортажа. Инновационный метод является улучшенной моделью для культурного развития людей, которые имеют полное понимание общества и критический взгляд на него. Недавно появилось несколько обзоров о журналистском образовании, отражающие чрезмерно функциональные подходы, так как экосистема СМИ (технология, экономика и общество) изменилась. Поэтому требуются программы подготовки журналистов, которые могут понимать и оценивать общественные проблемы согласно преобразованиям и интеграции технологий, коммерциализации и профессионализации экономики и глобализации общества [18]. Хотя медиа-среда меняется, главные функции журналистики остаются незыблемыми. Однако по мере комплексного изменения рабочей среды, необходимо развитие образовательных программ для профессионалов, которые смогут успешно их освоить. Согласно высказыванию М. Дьюз образовательные методики для журналистов должны быть улучшены относительно существующих средств функциональности, а учебные планы – реорганизованы так, чтобы понимать проблемы на уровне синтеза и критического освоения.

Западные университеты, например в США, в течение долгого времени вводили методы подготовки студентов, выбравших журналистику в качестве специальности. Во-первых, учебные планы поделены в соответствии с видами СМИ: газеты, телевидение, журналы, радио, фотографии, Интернет и даже мобильная связь. Подпрограммы поделены по видам письменных документов (например, основные и ведущие статьи, исследовательские отчеты по экономике¸ медицине, информации, по вопросам урегулирования, афише и спорту), а также по журналистским жанрам и отдельным областям. Направление журналистского образования должно соответствовать изменениям на рынке труда. Чарльз Хенди (2005) – экономист, предлагает, что обучение и тренинги должны проходить в виде «образца рабочего места работы» – ‘the portfolio worklife’. Сегодня не время управления карьерами людей, если они работают только на одну организацию

или хорошо выполняют только свою часть работы. От них требуются разные способности, потому что они перешли из одной компании в другую, из одной сферы в другую. Раньше думали, что хорошие журналисты были «универсалами». Тем не менее сегодня нам необходимо, чтобы журналисты были «специалистами», т. е. профессионалами в определенной сфере деятельности; владели ведущими темами новостей (например, дипломатия, экономика и культура); СМИ (пресса, вещание и новые СМИ); и разными жанрами новостей (информативный, информативно-развлекательный, развлекательный). Если подготовка журналистов ведется на базе СМИ, выпускники могут быть отличными журналистами или телевизионными репортерами [18], но в эпоху СМИ знания работы отдельного средства массовой информации не достаточно. Чтобы выжить в единой среде СМИ, журналисты должны одновременно владеть технологиями, обладать интеллектом, умением мыслить. Поскольку информационные организации/СМИ не могут существовать отдельно от общества, журналистское образование в университетах должно осуществляться в рамках культурного контекста и в соответствии с определенной тематикой.

М. Дьюз обнаружил, что дух состязательности, который необходим журналисту, сводится к инструментальным навыкам, таким как составление запросов и отчетов, и функции редактирования. Эти навыки эффективно вырабатываются через следующие виды учебной деятельности: составление информационных сообщений и новостей; развитие понимания в таких специальных областях, как политика, социология, экономика, управление; а также способности анализировать социальные проблемы с общественной и научной точек зрения [18]. Это говорит о том, что журналистское образование не может сводиться к просто освещению новостей и репортажам. Это означает, что работа журналиста одновременно требует контекстуальных знаний для глубокого понимания социальной действительности и методологических методик анализа и трансформации социальной действительности с научной точки зрения, а также базовые умения освещать новости. Журналистика является сферой, требующей активного образования, а также критического и творческого мышления [16]. В результате журналисты должны развивать различные способности: уверенность в своих силах, убежденность, умение решать проблемы, совместную работу, приспособляемость. В заключение необходимо отметить, что журналистам недостаточно просто делать свою работу в виде отрывков информации, они должны совершенствовать свои способности, синтетически воспринимать явления действительности в глобальном пространственном контексте.

3. Вопросы исследования

Мы обсудили общие функции и два аспекта журналистского образования: теорию и практику, образовательные цели, которых следует придерживаться. Основываясь на вышеизложенном - материале, мы поставим следующие четыре вопроса и проанализируем их:

1-й – какие черты программ обучения журналистике характерны в университетах Кореи?

2-й – кто обучает журналистике в Корее?

3-й – каковы цели обучения журналистике в Корее?

4-й – каковы карьерные цели обучения журналистике в Корее?

4. Методики

4.1. Объект анализа и сбор материала

В рамках этого исследования мы проанализировали 12 пунктов: 1) число возможных учебных дисциплин, связанных со специализацией; 2) общее число учебных предметов по журналистике; 3) количество практических предметов, 4) количество практических занятий по журналистике, которые проводятся педагогами, не имеющими практического опыта в журналистике; 5) полное количество штатных преподавателей; 6) количество штатных преподавателей, ответственных за журналистику; 7) число штатных преподавателей, ответственных за практические занятия по журналистике; 8) количество приглашенных специалистов извне, ответственных за практические занятия по журналистике; 9) количество штатных педагогов, имеющих опыт работы в качестве журналиста; 10) количество приглашенных профессоров с научной степенью доктора в журналистике; 11) образовательные цели журналистики; 12) модель карьеры журналистского образования. Эти 12 параметров рассматривались в 10 главных университетах, расположенных в Сеуле: Сеульский Национальный Университет (Seoul National University), Национальный Университет Кореи (Korea University), Университет Ёнсё (Yonsei University), Женский университет Ихва (Ewha Women's University), Университет Соган (Sokang University), Университет Сонгюнгван (Sungkyunkwan University),

Университет Кёнгхи (Kyung Hee University), Университет Чунан (Chung-Ang University), Университет Иностранных Языков Ханкук (Hankuk University of Foreign Studies) и Женский университет Сукмён (Sookmyung Women's University). Мы выбрали эти университеты, так как в них уделяется относительно большое внимание преподаванию массовых коммуникаций. Мы собрали и систематизировали следующую информацию: общее количество предметов и преподавателей; образовательные цели массовых общественных курсов, которые были введены этими университетами и систематически преподавались в течение последних трех лет года. Причина, по которой наше исследование относительно долго длилось заключается в том, что мы думали, что курсы обучения в некоторых университетах каждый год претерпевают некоторые изменения. Мы собирали информацию об учебных планах и педагогах двумя способами. Во-первых, проанализировали текущую информацию об учебных планах и штатных профессорах/преподавателях (эта информация доступна на домашних страницах веб-сайта каждого университета); во-вторых, мы получили достоверные данные от профессоров о преподаваемых предметах и содержании учебных дисциплин, которые проводятся внештатными преподавателями после того, как напрямую связались с кафедрами университетов. Если учебные программы повторялись или классификация преподавателей штатных и внештатных была не ясна, мы связывались с кафедрами и уточняли информацию. Информацию о целях образования и карьерном росте мы нашли через раздел «Школьный обзор» на домашней странице каждого университета.

4.2. Определение критериев анализа

Мы анализировали собранный материал по следующим критериям: названию курсов, учебным планам, профессорско-преподавательскому составу и образовательным целям. Названия курсов соответствует официальному названию в каждом университете. В рамках критерия учебные планы выделяются следующие аспекты: 1) общее число преподаваемых предметов; 2) общее количество предметов по журналистике (включая теорию); 3) количество практических дисциплин по журналистике, 4) количество практических занятий, которые преподают педагоги без опыта. Общее количество предметов по журналистике в программе соответствует числу учебных дисциплин, связанных только с журналистикой. Стандарты предметов по журналистике были классифицированы в соответствии с критериями для специализации по массовым коммуникациям, предложенными Сон Хэ Ким [1], Чэ Иль Нам и Мин Чэ Чой [4][5] и Чэ Ён Пак[5]. Практические дисциплины включали только навыки (написание статей, практические занятия по теории освещения и репортажа, писательское ремесло копирайтинг, отчет с фотографиями, журналистские расследование), которые необходимы для реального применения в сфере коммуникации, а не для теоретизирования вокруг журналистики.

Дисциплины по журналистской практике подразделяются: на прессу (включая журналы), вещание (включая радио эфиры), новые СМИ (Интернет, мобильная связь и т. д.), а так же контекстуальные знания среды, в которой работаешь. Мы разделили курсы по журналистике, исходя из отличительных характеристик курсов по журналистике в университетах Кореи, которые определяли преподавание по каждому уровню СМИ. Главным образом контекстуальное знание направлено на предметы, связанные со следующими дисциплинами, имеющими отношение к коммуникации: медиа-критика; законы коммуникационной этики; история развития СМИ; понимание специфики общественных СМИ; информация и идеи полезные для понимания и комплексной оценки общественных явлений; гуманитарные и общественные науки: политика, экономика, социология, юриспруденция и философия. Последние значительно отличаются от коммуникационных предметов. Профессорско-преподавательский состав был разделен по следующим параметрам: 1) общему числу штатных преподавателей; 2) количеству преподавателей, отвечающих за ведение той или иной дисциплины; 3) количеству преподавателей, отвечающих за журналистскую практику; 4) количеству внешних преподавателей (включая приглашенных и ассистентов), ответственных за практику по журналистике; 5) количеству штатных педагогов с опытом работы в журналистике; 6) количеству приглашенных преподавателей с научной степенью в области практической журналистики.

Подсчет общего числа штатных преподавателей был основан на количестве штатных пре-

[5] Чэ Иль Нам и Мин Чэ Чой (2005) отмечали, что в 19 университетах Сеула доля журналистики среди дисциплин по массовым коммуникациям очень высока – 38 %. Однако структура курса деформирована, по результатам их анализа доля теории значительно превышает долю практики (70 % против 30 % соответственно).

подавателей в каждом университете, а число штатных преподавателей, ответственных за практические занятия по журналистике, было основано на количестве преподавателей, которые проводят занятия по журналистике. Так, количество штатных преподавателей, отвечающих за практические занятия по журналистике, включает в себя приглашенных педагогов на неполный рабочий день. Количество штатных преподавателей с опытом работы в журналистике включает в себя преподавателей, ранее работавших журналистами.

5. Результаты

Вопрос 1. Особенности образовательных программ

Среди университетов, открывших факультеты журналистики нет таких, где преподается курс под названием «Журналистика»[6]. В отличие от западных университетов в США и Европе, большинство университетов в Корее использовали названия курсов с выражениями «Массовые коммуникации», «Информация», «СМИ», «Коммуникация», «Пресса», «Вещание» и «Связи с общественностью» (PR). При переводе на английский кажется, что они являются частью журналистики, но, во всяком случае, они не используют слово «журналистика» в качестве названия отдельного курса. Национальный университет Кореи использовал название полного курса «Школа журналистики и массовых коммуникаций» (School of Journalism and Mass Communication); в то время как Университет Сонгюнгван и Университет Чунан использовали традиционное название курсов «Пресса и теле- радиовещание» (Newspapers and Broadcast). Университет Ёнсё и Женский университет Ихва назвали курс «Курс СМИ» («Media Studies»), объединив коммуникации, связи с общественностью и видео; Университет Соган использовал название курса «Коммуникации» («Communication»), в котором приоритет отдавался коммуникациям, а не журналистике. В среднем количество предметов, связанных с массовыми коммуникациями, которые преподаются в университетах Кореи, составляет 51 дисциплину (см. приложение). В Женском университете Ихва самое большое количество предметов – 73, университеты с относительно меньшим количеством предметов: Университет Соган (68), Университет Кёнгхи (65), и Университет Чунан (64). При этом Сеульский Национальный Университет (31), Женский университет Сукмён (36), Университет Сонгюнгван (40) и Университет Иностранных Языков Ханкук имели небольшое количество дисциплин. Тем не менее, сложно сравнивать количество предметов по одному стандарту, потому что предметы имеют отличия в преподавании, характерные для каждого университета. Например, в Университете Чунан и Женском университете Сукмён курсы «Связи с общественностью» и «Реклама» преподаются отдельно, поэтому количество учебных программ не кажется большим.

Отношение предметов по журналистике (включая теоретические) к общему числу предметов было не слишком большим, в среднем 25 % (12,8) (см. приложение). Женский университет Сукмён имеет самый большой показатель – 52,8 % (19) по журналистским предметам, а показатели Университета Иностранных Языков Ханкук 35,0 % (15), и Женский университет Ихва 31,5 % (23) близки. Сеульский Национальный Университет 25,8 % (8), Национальный Университет Кореи, 14,9 % (7) и Университет Ёнсё 11,1 % (5) имели относительно низкие показатели соотношения между журналистскими дисциплинами и общим числом преподаваемых предметов. Далее мы произвели анализ деления целостных журналистских дисциплин на отдельные области. Самый высокий показатель у курса «Пресса (журналы)» (The newspaper (including magazines)) – 45,3 % (в среднем 5,8), за ним следовали контекстуальные знания – 27,3 %, вещание (включая радио) (broadcast (including radios)) – 18,8 % и новые СМИ (new media) – 8,6 % соответственно. Это означает, что учебные программы по журналистике в университетах Кореи сосредоточены на газетах и традиционных СМИ. Существует недостаточное количество учебных планов по журналистике недавно появившихся СМИ, таких как Интернет и мобильная связь. Когда мы произвели разделение по университету и оценили коэффициент числа подробных предметов, Корейский университет имеет самый высокий показатель по газетным изданиям – 86 %, Университет Ёнсё – 60 %, Женский университет Ихва – 56,5 %, и Университет Сонгюнгван – 50%. В случае радио- и телевещания Женский университет Сукмён имеет высокий показатель имеющихся предметов – 36,8 %, Университет Соган – 35,3 %, Женский университет Ихва – 21,7 %, Сеульский Национальный Университет – 12,5 %. В новой сфере СМИ Университет Чунан и Университет Иностранных Языков Ханкук имели самый высокий показатель – 13,3 % каждый, Сеульский Национальный

[6] В Корее только в Университете Семёнг есть «Школа Журналистики», выпускающая специалистов.

Университет – 12,5 %, Женский университет Сукмён – 10,5 %, и Университет Кёнгхи – 9,1 %. In the contextual knowledge area which synthetic education is provided, Сеульский Национальный Университет и Университет Сонгюнгван имели самый высокий показатель – 50,5 %. За ним следовали: Университет Ёнсё – 40,0 %, Университет Кёнгхи – 36,4 %, и Университет Чунан – 33,3 %.

Количество практических занятий по журналистике было рассмотрено как среднее 14,8 % (среднее 7,6). Женский университет Сукмён имел самый высокий показатель – 38,9 %, показатели Женского университета Ихва – 26,0 % и Университета Иностранных Языков Ханкук – 23,2 %, тоже были высоки. Однако показатели Сеульского Национального Университета, Университета Ёнсё и Национального Университета Кореи были 6,5 %, 6,7 %, и 8,5 % соответственно. Эта информация показывает, что ведущие университеты Кореи не обращают должного внимания на практические занятия. Практические занятия сфокусированы на газетных изданиях 61,8 % (в среднем 4,7), теле- и радиовещание, новые виды СМИ, контекстуальные знания составляли 21,1 % (1,6), 9,2 % (0,7) и 7,9 (0,6) соответственно. По газетным изданиям Национальный Университет Кореи, Университет Ёнсё и Университет Чунан имели 100 % каждый, и занимали самые высокие места, за ними располагались Университет Кёнгхи 71,4 %, Университет Сонгюнгван 66,7 % и Женский университет Ихва – 63,2 %. В сфере радио- телевещания – Университет Соган 36,4 % – с лучшими показателями, Женский университет Сукмюн имел 35,7 %, Женский университет Ихва – 21,1 % и Университет Кёнгхи – 14,3 %. В эпоху новых СМИ Женский университет Сукмюн и Университет Кёнгхи занимали первые позиции с показателем 14,3 %, за ними располагались Женский университет Ихва – 10,5 %, Университет Иностранных Языков Ханкук – 10,0 %, и Университет Соган – 9,1 %. In the contextual knowledge, Сеульский Национальный Университет был на первом месте – 50,0 %, Университет Сонгюнгван имел 33,3 %, Университет Иностранных Языков Ханкук – 10,0 % и Университет Соган – 9,1 %. Это подтверждает, что Сеульский Национальный Университет и Университет Сонгюнгван обращали больше внимания на теоретические занятия, чем на практические.

Далее мы проанализировали количество профессоров, работающих полный рабочий день, которые обучают журналистике, не имея опыта работы в этой сфере. В результате педагоги, работающие полный рабочий день, не имеющие опыта работы в сфере журналистики, преподавали 20,3 % (в среднем 2,6). Университет Сонгюнгван имел самое большое количество преподавателей, работающих полный рабочий день, без опыта – 87,5 %, Университет Соган имел 41,2 %, Национальный Университет Кореи – 28,6 % и Университет Чунан – 26,7 %. Эта ситуация показывает, что чем больше университеты делают уклон на теорию, тем больше преподавателей без опыта обучают журналистике.

Вопрос 2. Особенности профессорско-преподавательского состава

Количество штатных преподавателей, работающих полный рабочий день, в сфере массовых коммуникаций составляло приблизительно 123 человека. Университет Ёнсё имел самое большое количество преподавателей – 18, Национальный Университет Кореи – 17, Женский университет Ихва – 16, Университет Соган – 13 и Университет Кёнгхи – 13. Этот параметр имеет разницу в количестве преподавателей, потому что Университет Чунан и Университет Сукмён преподают Связи с общественностью и Рекламу отдельно от курсов журналистики. В среднем процент преподавателей, работающих полный рабочий день, которые были ответственны за практические занятия по журналистике, составлял 13,3 % (1,6). Среди университетов Женский университет Сукмён имел самый высокий показатель 30,0 %. Женский университет Ихва – 25,0 %, Университет Кёнгхи – 16,7 %, Университет Соган – 15,4 %, и Университет Чунан – 14,3 % – следовали за ним. В то время как Университет Иностранных Языков Ханкук не располагал преподавателями, ответственными за журналистику, Национальный Университет Кореи (5,9 %) и Университет Ёнсё (5,6 %) выявили очень низкие показатели по количеству преподавателей, ответственных за журналистику, относительно общего числа педагогов. Далее мы провели анализ количества преподавателей, ответственных за практические уроки журналистики. В результате 7,3 % – это количество преподавателей, ответственных за практические занятия по журналистике, от всего преподавательского состава. Среди университетов – Женский университет Ихва (25,0 %) имел самые высокие показатели, за ним следовали Женский университет Сукмён – 20,0 %, Университет Кёнгхи – 8,3 %, Университет Соган – 7,7 %, и Национальный Университет Кореи – 5,9 %, в то время как Сеульский Национальный Университет, Университет Ёнсё, Университет Сонгюнгван, Университет

Чунан и Университет Иностранных Языков Ханкук не располагали преподавателями, ответственными за практические занятия по журналистике.

Процент приглашенных преподавателей, ответственных за практические занятия по журналистике, относительно всего количества преподавателей, работающих полный рабочий день, составлял 60,9 % (в среднем 7,5). Среди университетов Женский университет Сукмён имел 200 %, Университет Иностранных Языков Ханкук – 110 %, Университет Чунан – 100 % и Университет Кёнгхи – 75 %. Однако показатель приглашенных педагогов, ответственных за практические занятия, составил 10 %; в Университете Ёнсё, в Женском университете Ихва и Национальном Университете Кореи наблюдались самые низкие показатели 11,1 %, 25,0 %, и 41,2 % соответственно. Этот результат показывает, что университеты в Корее не обращают никакого внимания на преподавание практических навыков журналистики, они полагаются только на желание приглашенных специалистов обучать студентов практике. Следовательно, чем больше университетов обращает внимание на проведение практических занятий по журналистике, тем больше преподавателей нужно нанять; чем больше университеты обращают внимание на теоретические занятия, тем меньше преподавателей необходимо нанимать. Показатель преподавателей, имеющих опыт работы в журналистике, работающих полный рабочий день в университете, составил всего лишь 8,9 % и количество преподавателей был в среднем 1,1. Среди университетов самую большую долю – 25,0 % (4) имел Женский университет Ихва; Женский университет Сукмён – 20,0 % (2), Университет Кёнгхи – 16,7 % (2), и Университет Сонгюнгван – 10,0 %. В отличие от них Сеульский Национальный Университет, Университет Ёнсё и Университет Иностранных Языков Ханкук не имели штатных преподавателей, работающих полный рабочий день, имеющих опыт работы в журналистике.

Средний показатель по количеству приглашенных преподавателей, отвечающих за практические занятия по журналистике, с научной степенью доктора журналистики (Ph.D) – 21,3 % (1,6). Университет Сонгюнгван имел наибольший показатель – 100 % (1). Другие университеты расположились за ним в следующем порядке: Сеульский Национальный Университет – 40 % (2), Университет Ёнсё – 50 % (1), Университет Соган – 33,3 % (3). Тем не менее 5 % приглашенных преподавателей в Женский университет Сукмён имели степень доктора Ph. D, эти показатели в Университете Кёнгхи, в Женском - университете Ихва и в Университете Иностранных Языков Ханкук были соответственно 11,1 % (1), 25,0 % (1) и 27,3 % (3). Однако интерпретация результатов этого исследования требует осторожности, потому что процент приглашенных преподавателей должен учитываться и между университетами.

Вопрос 3. Цели образования

По результатам исследования большинство университетов рассматривали в качестве цели обучения журналистике синтез теории и практики. Однако эти образовательные цели противоречат учебным планам, так как направлены преимущественно на теорию. Подчеркивается, что несмотря на то, что университеты работают по учебным планам, в основном сфокусированным на теории, образовательные цели формулируются с учетом формирования развивающейся личности через учебные программы, гармонично сочетающие теорию и практику. Интересно, однако, отметить, что Сеульский Национальный университет и Университет Сокан выделяли теоретическое образование в качестве своей цели. Кроме того, все университеты концентрировались на подготовке профессионалов в журналистике, но ни один из университетов не уделял специального внимания подготовке журналистов, что является реалистичной целью журналистского образования. Это показывает, что корейские университеты не ставят перед собой образовательной цели подготовки чисто профессиональных журналистов, в постановке ими своих целей перевешивает подготовка интеллектуально развитых и культурных людей, которые способны адаптироваться к условиям информационного общества.

6. Выводы

Необходимо подчеркнуть, что нет общепринятых правил или указаний о том, как необходимо вести подготовку журналистов, т. е. получить журналистское образование. Методы обучения и цели обучения различны, в зависимости от социальной культуры страны, общественного восприятия СМИ, окружения и особенностей медиасреды. Несмотря на это журналистское образование в университетах Кореи испытывает всеобщий кризис из-за противостояния академизма и профессионализма, слабых образовательных программ, недостатка преподавателей, кризиса медиа-индустрии, высокой безработицы среди выпускников журналистских факультетов, про-

блем профессиональной идентичности и стремительных изменений в медиа-среде. Данное исследование имело своей задачей раскрыть (при помощи объективных данных) причины критической ситуации с подготовкой журналистов в Корее в настоящее время. Исследование показало следующие результаты: во-первых, выделение и распределение учебных дисциплин не является независимым, и содержание дисциплин не сфокусировано и не ориентировано на профессиональную область. Нет школ или университетов, в которых журналистика выделялась бы как независимый курс, большинство университетов предусматривает журналистику как общие специализации подобно курсам коммуникации и информации, курса СМИ, коммуникаций, связей с общественностью или видео. Они используют двусмысленные/неоднозначные и сложные названия курсов, которые требует рынки PR и рекламы, таким образом, идентифицировать среди этих названий чистую журналистику не представляется возможным. Более того, в школах журналистики журналистика не выделяется в качестве профилирующей дисциплины, а преподается как один из общих предметов учебной программы. Тот факт, что ни один из университетов не имеет названия «журналистика» в качестве отдельной специализации, прекрасно отражает реальную ситуацию журналистики. Во-вторых, предмет «Массовые коммуникации» представлен очень ограниченно. Этот факт связан с неясностью идентификации. Соотношение открывающихся курсов журналистики, которые традиционно были основной составляющей курса массовых коммуникаций в среднем всего лишь 25 %, и это показывает равнодушие Корейских университетов к журналистике. Даже несмотря на это Женский университет Ихва и Женский университет Сукмён проявили интерес к журналистике, то такие крупные университеты, как Сеульский Национальный Университет, Университет Ёнсё и Национальный Университет Кореи игнорируют журналистику. В-третьих, среди дополнительных специализаций журналистики множество учебных планов, составленных по газетной журналистике. Университеты все еще концентрируют свое внимание на газетной журналистике, в противоположность стремительно меняющимся тенденциям рынка к СМИ новых поколений: Интернету, мобильной связи, IPTV и медиа-конвергенции. Небольшое количество учебных программ, разработанных для Интернет и мобильной журналистики, которые в последнее время стали сильными СМИ нового поколения. Тем не менее университеты не видят больших различий между этими трендами. Национальный Университет Кореи, Университет Ёнсё и Женский университет Ихва делают упор на прессу, Женский университет Сукмюн и Университет Соган – на вещании и Университет Чунан и Университет Иностранных Языков Ханкук – на СМИ нового поколения. Интересно, что Сеульский Национальный Университет и Университет Сонгюнгван значительно превосходят другие университеты по части контекстуальных знаний. По-видимому, это связано с целями и идеологией образования, а также профессорско-преподавательским составом каждого университета.

В-четвертых, образование слишком ориентировано на отдельные СМИ и функциональные аспекты деятельности. Журналистика функционирует в сообществе, поэтому знания в области синтеза, понимание и критическое отношение к обществу крайне важны. Однако трудно сказать, что университеты Кореи обеспечивают удовлетворительный уровень подготовки в области контекстуальных умений, эрудиции и глобальных трендов. Ограниченные учебные планы могут быть препятствием в подготовке журналистов, а также профессионалов, способных адаптироваться к новым условиям медиа-среды. Более того, в условиях мульти-медиа и интеграции СМИ, владения какой-то одной специализацией недостаточно, чтобы справиться с работой журналиста. Журналистику следует понимать в нескольких контекстах: техническом, политическом, экономическом и социальном. Поэтому качественный уровень подготовки журналистов довольно низок. В-пятых, количество практических курсов по журналистике слишком мало. Это значит, что подготовка журналистов в университетах в большей степени опирается на теорию, чем на практику. Основная фундаментальная цель журналистики – проявление талантов в практической области. Тем не менее реальность журналистского образования такова, что в основе лежит огромное количество теоретических занятий. Журналистское образование в университетах Кореи предпочитает «мышление» «деланию» и «отражение» «действиям». И тенденция эта с небольшими отличиями наблюдается в каждом университете. Женские университеты, такие как Женский университет Ихва и Женский университет Сукмюн, проявляют больший интерес к практическому обучению, нежели к теоретическому; Сеульский Национальный Университет, Национальный Университет Кореи и Универси-

тет Ёнсё, напротив, концентрируются на теоретическом образовании. Так, проблема, требующая своего решения – профессорско-преподавательский состав, осуществляющий подготовку журналистов. Большинство штатных преподавателей, которые в действительности отвечают за подготовку журналистов-преподавателей теоретических курсов, не имеют практического опыта в журналистике. Эта структурная проблема профессорско-преподавательского состава – причина того, что в абсолютном исчислении журналистское образование направлено на теорию. Передача практических занятий приглашенными преподавателями – явление нежелательное. Но даже и в этой ситуации подготовка ориентирована на традиционные СМИ (газеты и вещание), и профессоров (преподавателей), которые могут преподавать в таких новых областях, как Интернет, мобильные коммуникации или интеграция СМИ/коммуникации – немного.

При этом образовательные цели журналистики не имеют четко обозначенных направлений. Большинство из них – идеальные цели, такие как «совершенствование академических и практических способностей» или «завершение личностного и профессионального образования через методы обучения, устремленные в будущее и направленные на развитие творческих способностей». Ни один из университетов, однако, не имеет программ и преподавателей для «формирования целостной личности». Некоторые университеты имеют одну цель обучения, либо теоретическую, либо практическую. Это показывает направления журналистского образования в университетах Кореи и его характеристики.

Естественно, журналистика как предмет изучения не стремится к чистой теории. Журналистику принято было рассматривать как область, в которой практические способности важнее теоретических, потому что это профессиональная область производства и распределения новостей. Такой взгляд на журналистику до сих пор имеет место. Однако массовые коммуникации Кореи с самого начала сконцентрировались на коммуникации, а не на журналистике. Из-за этого ограничения сформировалась структура, в которой теоретические образовательные программы преобладают над практическим образованием. Кроме того, учебные планы по журналистике не имеют структуры, способной обеспечить контекстуальные знания или функции призванной синтетически и критически познавать социальные явления. Большинство преподавателей курсов массовой коммуникации в университетах – профессора, получившие ученые степени за рубежом без какого-либо опыта работы в качестве журналиста[7]. Проблема заключается в том, что профессорско-преподавательский состав редко менялся в течение 50 лет. Существует негласная традиция, что журналистику преподают приглашенные преподаватели, журналисты или репортеры без научной степени, а не профессора, имеющие докторскую степень. Естественно, что основная цель журналистского образования – готовить журналистов, так что сама по себе журналистика не требует академических степеней по специальности. Кроме того, как и другие производители, которые повышают конкурентоспособность своего управления при помощи привлечения специалистов со стороны, трудно сказать, что преподавание журналистики внешними профессионалами неприемлемо. Однако главная цель образования – предоставлять образовательные услуги студентам, которые являются потребителями услуги. Если университеты хотят предоставлять высококачественные услуги, им следует передать большую часть преподавания журналистики внешним/приглашенным специалистам. Не вдаваясь в подробности насколько высок или низок уровень качества преподавания внешних преподавателей, основной вопрос заключается в том, является ли преподавание журналистики внешними преподавателями действительно оптимальным решением. В западных странах, таких как США, где журналистское образование систематизировано, сложилась традиция нанимать преподавателей среди журналистов или репортеров, которые работают в соответствующих областях и имеют академическую степень или же исследователей/научных сотрудников, которые работали в соответствующей области и имеют научную степень. Как следствие, такие структурные ограничения журналистского образования в университетах Кореи могут ослабить функции журналистики, призванной объединять общество, развивать демократию и обеспечивать культуру общественного диалога.

Таким образом, самые насущные проблемы журналистского образования в университетах Кореи – разработка соответствующих учебных программ, отвечающих требованиям медиа-интеграции, и отдающих предпочтение «синте-

[7] В США значительная часть преподавателей журналистики – профессионалы с длительным опытом работы в массовых коммуникациях или практической журналистике. Среди них многие имеют степень Доктора в области массовых коммуникаций (Ph. D), но они также в течение долгого времени работали в практической сфере (Sung Hae Kim, 2009).

тической модели знаний», а не «теоретической» или «практической» моделям; подготовка журналистов, владеющих разнообразными умениями и способных адаптироваться к изменениям медиа-среды; обеспечить образовательные процесс преподавателями, способными давать функциональное медиа-образование в области СМИ и определить цели журналистского образования. Мы детально и подробно проанализировали структурные проблемы журналистского образования в университетах Кореи и выявили «подводные камни». Тем не менее мы не считаем наше исследование полностью завершенным, так как мы пытались объяснить журналистское образование, многогранное явление, при помощи ограниченного набора данных: учебные программы, профессорско-преподавательский состав и образовательные цели. Наше исследование не претендует на полный охват изучаемой проблемы. Мы, как исследователи, предлагаем расширить методологию исследований в области журналистского образования. В последующих работах возможно применение разнообразных методов, таких как анкетирование, изучение конкретных случаев, интервью с профессионалами, а также анализ конкретного содержания учебных программ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sung Hae Kim* (2009). The Greatest Happiness of the Greatest Number: Seeking the Change of Korea's Education 『Ask the Way of the Education of the Mass Communication Study』 (259-283). Seoul: Communication Books.

2. *Sung Hae Kim* (2007/Spring). Media and Education. Korea Communication and Information Bulletin, Book 37, 7-42.

3. *Young Wook Kim* (2005). Newspaper Journalism Education at University. Honam Association for Communication <Seeking the Feasibility to Link the Practice Education of Communication Course and the Schools and Industry>, Seminar.

4. *Jae Il Nam & Min Jae Choi* (2005). Journalism Education and Journalism School in Korea, Korea Journalism Institute.

5. *Jae Young Park* (2005). The Journalism School in US: Based on the Journalism School at University of Missouri and the Journalism School at Columbia University.

6. *Jae* Il Nam and Min Jae Choi (Writing), Journalism Education and Journalism School in Korea (105-149). Korea Journalism Institute.

7. *Woo Cheon Song* (2001). Theory and Practice in the Mass Communication Education. Korea Communication and Information Bulletin, Issue 17, 61-84.

8. *Soo Young Lee* & *Yong Sok Hwang* (2009). The Door is Open: Talents Who the Media Industry Wants. Ask the Way of the Education of the Mass Communication Study (10-39). Seoul: Communication Books.

9. *Jae Kyung Lee* (2005). Journalism Education in Korea: How It Should Be Changed. Korea Communication and Information Bulletin, Book 49, Issue 3, 5-29.

10. *Young Ho Lim* (2009). Journalism Research: Thorough Observation Over 50 Years. The 50 Year History of Korea Association for Communication Studies. Seoul: Korea Association for Communication Studies.

11. *Seung Chan Yang & Kang Hyung Lee* (2009). Step in Wilderness with Hope: Self-Diagnosis of Graduates. Ask the Way of the Education of the Mass Communication Study (40-77). Seoul: Communication Books.

12. *Hyun Chul Choi* (2010). Consideration about the Development and Selecting Process of Talents in the Media Industry. Korea Association for Communication Studies <Development and Selection of Media Talents> Seminar.

13. *Adam, G.S.* (1988). Journalism knowledge and practice: The problems of curriculum and research in university schools of journalism. *Canadian Journal of Communication, 14*(2), 70-80.

14. *Adam, G.S*. (1993), *Notes towards as a new definition of journlism: Understanding and old craft as an art form*, St Pettersburg, FL: The Poynter Institute for Media Studies.

15. *Anderson, R.C., & Biddle, W.B.* (1975). On asking people questions about what they are reading, in G. Bower (Ed.), *The Psychology of Learning and Motivation, 9*, New York: Academic Press, 96–132.

16. *Burns, L.S,* (2004). A reflective approach to teaching journalism. *Art Design & Communication in Higher Education, 3*(1), 5–16.

17. *Charles, H.* (1995). *The age of paradox*, Havard, MA: Harvard Business School Press

18. *Deuze, M.* (2006). Global journalism education: A conceptual approach. *Journalism Studies, 7*(1), 19–34.

19. *Fourie, P.J.* (2005). Research section: journalism teaching and training. *Ecquid Novi, 26*(2), 142–58.

20. *Glasser, T.* (1992). Professionalism and the derision of diversity: The case of the education of journalists, *Journal of Communication, 42*(2), 131–40.

21. *Herbert, J.* (2000). The changing face of journalism education in the UK, *Asia Pacific Media Educator, 8*, 113–23.

22. *Kovach, B*., & *Rosenstiel, T.* (2001). *The elements of journalism*, New York: Crown Publishers.

23. *Medsger, B.* (1996). Winds of change: Challenges confronting journalism education, The Freedom Forum Report, http://www.freedom.org/freedomforum/resources/journalism/journalsm_edu/winds_of change/accessed, 14 July, 1999.

24. *Megwa, E.R.* (2001). Debate journalism education, *Journalism Studies, 2*(2), 281–99.

25. *Reese, S.* & *Cohen, J.* (2000). Educating for journalism: The professionalism of scholarship, *Journalism Studies, 1*(2), 213–27.

26. *Sheridan Burns, L.* (1997). Problem-based learing: It is new jargon for something familiar? *Australian Journalism Review, 19*(1), Brisbane: Journalism Education Association

27. *Weischenberg, S.* (2001). Das ende einer ara? Aktuelle Beobachtungen zum studium des kunftigen journalismus, in: H. Kleinsteuber (Ed.), *Aktuelle Meientrends in den USA*, Opladen: Westdeutscher Verlag, 61–82.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Содержание журналистского образования и профессорско-преподавательский состав отделений журналистики в основных университетах Кореи

Название университета / Классификация		Сеульский Национальный Университет	Национальный Университет Кореи	Университет Ёнсё	Женский университет Ихва	Университет Соган	Университет Сонгюнгван	Университет Кёнгхи	Университет Чуннанг	Университет Иностранных Языков Ханкук	Женский университет Сукмюн	Среднее значение
Название специализации		Отделение коммуникаций	Школа СМИ и коммуникации	Школа СМИ, PR и видео (Video)	Школа СМИ, PR и видео (Video)	Школа коммуникации	Отделение массовых коммуникаций и журналистики	Журналистика и коммуникации	Школа СМИ	Журналистика и коммуникации	Журналистика и коммуникации	
Учебный план/программа												
Общее количество преподаваемых дисциплин		31	47	45	73	68	40	65	64	43	36	51,2
Общее количество журналистских дисциплин (включая теорию)	Газета (вкл. Журнал)	2 (25,0 %)	6 (86,0 %)	3 (60,0 %)	13 (56,5 %)	6 (35,3 %)	4 (50,0 %)	5 (45,5 %)	7 (46.7 %)	6 (40.0 %)	6 (31.6 %)	5,8 45,3 %
	Вещание (вкл. Радио)	1 (12,5 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	5 (21,7 %)	6 (35,3 %)	0 (0 %)	1 (9,1 %)	1 (6.7 %)	3 (20.0 %)	7 (36.8 %)	2,4 18,8 %
	Новые СМИ (Интернет, мобильные СМИ пр.)	1 (12,5 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	2 (8,7 %)	1 (5,9 %)	0 (0 %)	1 (9,1 %)	2 (13,3 %)	2 (13.3 %)	2 (10,5 %)	1,1 (8,6 %)
	Основы знаний	4 (50,0 %)	1 (14,3 %)	2 (40,0 %)	3 (13,0 %)	4 (23,5 %)	4 (50,0 %)	4 (36,4 %)	5 (33,3 %)	4 (26,7 %)	4 (21,1 %)	3,5 27.3 %
	Итого	8 (25,8 %)	7 (14,9 %)	5 (11,1 %)	23 (31,5 %)	17 (25,0 %)	8 (20,0 %)	11 (17,0 %)	15 (23,4 %)	15 (35,0 %)	19 (52,8 %)	12,8 25,0 %
Количество практических предметов по журналистике	Вещание (вкл. Радио)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	4 (21,1 %)	4 (36,4 %)	0 (0 %)	1 (14,3 %)	0 (0 %)	2 (20,0 %)	5 (35,7 %)	1,6 21,1 %

* При подсчете общего количества дисциплин, предметы, повторяемые из семестра в семестр, считались как одна дисциплина.

* Соотношение общего количества дисциплин по журналистике (включая теорию) и практических журналистских дисциплин к общему количеству преподаваемых дисциплин.

* Соотношение количества предметов, преподаваемых штатными профессорами без опыта работы в СМИ, к общему количеству журналистских дисциплин.

* Соотношение между количеством внешних преподавателей практической журналистики с академической степенью к общему количеству внешних преподавателей, ведущих практические занятия по журналистике.

* Проценты в скобках ( ) округлены до сотых/двух десятичных знаков после запятой.

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

С.Н. Хамзин

Хамзин Сергей Николаевич – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: s7272@rambler.ru

В статье рассматриваются исторические факты об установлении дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея, анализируются события и исторические предпосылки, не позволявшие долгие годы эти отношения налаживать.

Ключевые слова: дипломатия, Россия, Республика Корея, Япония, Русско-японская война, оккупация, переговоры, реформы, Советский Союз.

Первые данные о налаживании официальных отношений между Россией и Кореей датированы второй половиной XIX века. В середине XIX века были установлены общие границы между Россией и Кореей по нижнему течению реки Туманган. Маркировка границы была проведена в 1861 г. Первые контакты между двумя странами вызвали интенсивную корейскую иммиграцию в Россию. Благодаря этому в России появились представители еще одной национальности – корейской. В конце XX века численность корейцев в России достигла почти 450 тысяч, при этом 100 тысяч из них проживало на российском Дальнем Востоке. Помимо корейского переселения в Россию, второй значимой составляющей российско-корейских контактов в период до заключения дипломатических отношений была приграничная торговля [1: с. 27–28].

Появление общих границ между Россией и Кореей совсем не означало того, что между двумя странами были установлены официальные дипломатические отношения. Но к 80-м годам XIX века появилась объективная необходимость законодательного оформления отношений между двумя странами. К этому времени и сама Корея была готова к ведению диалога с Россией. Важным фактором готовности Кореи к установлению дипломатических отношений с Россией явилось начало социально-экономических реформ, проводившихся отчасти под влиянием Японии [10: с. 128–135].

В результате длительной подготовительной работы российской дипломатии 7 июля 1884 г. Карл Иванович Вебер и министр иностранных дел Кореи Ким Бёнси всё-таки подписали договор между Россией и Кореей. Договор между Россией и Кореей был ратифицирован 14 октября 1885 г. В 1886 г. в Сеуле открылась русская дипломатическая миссия [2: с. 3–4].

Ровно через 10 лет отношения между Россией и Кореей претерпели значительные изменения.

15 февраля 1894 г. в провинции Чолла разгорелось крестьянское восстание, впервые в истории Кореи имевшее свою собственную идеологию – религиозное учение «тонхак» («восточное учение»). Под предлогом защиты своих граждан Япония перебросила в Корею войска. 25 июля 1894 г. Япония начала боевые действия против китайских войск, находившихся на территории Кореи и 1 августа объявила Китаю войну. Единственное крупное японо-китайское столкновение на территории Кореи произошло под Пхеньяном и закончилось поражением китайских войск. 17 апреля 1895 г. был подписан Симоносекский мирный договор, по которому Китай отказывался от своего традиционного покровительства над Кореей [3: с. 5–12].

А Япония еще до окончания войны фактически начала брать Корею под свой контроль. Уже с середины 1894 г. под давлением Японии в Корее начали проводиться реформы в сфере экономики и социально-политического устройства, направленные на лучшее приспособление Кореи к будущей колониальной экспансии.

2 февраля 1896 г. российскому поверенному в делах К. И. Веберу была передана записка от правителя Кореи – короля Кочжона, с просьбой позволить ему переехать в русскую дипломатическую миссию. Получив разрешение, 22 февраля 1896 г. король вместе с наследником престола перебрался в российское посольство, где он находился ровно год. Переезд короля Кочжона в русскую дипломатическую миссию, естественно, означал усиление влияния России с одновременным ослаблением позиций Японии в Корее [5: с. 5].

Почему король Кочжон выбрал Россию в качестве страны, на помощь которой рассчитывал? К концу XIX столетия Корея оказалась на-

столько слаба, что не могла защитить себя сама. Войска соседних стран, Японии и Китая, могли беспрепятственно высаживаться в Корее. Для защиты трона и государства у короля Кочжона не было иного пути, кроме как обратиться к какой-либо иностранной державе. Но никакая другая страна не могла быть заинтересована в защите Кореи так как Россия, потому что Россия была соседним с Кореей государством и ей было невыгодно усиление Японии на своих восточных рубежах.

Весной 1896 г. Корее представилась возможность вести прямые переговоры с российским правительством, когда король Кочжон получил официальное приглашение отправить в Москву делегацию для участия в коронации Императора Николая II. Приглашение было принято. Основным предметом обсуждения на переговорах были 5 вопросов: об отправке в Корею русских военных инструкторов; назначении в Корею русских советников; организации охранной гвардии короля; соединении сибирской телеграфной линии с северной корейской и оказании помощи в строительстве телеграфных линий; выделении Корее займа в размере трех миллионов йен для погашения долга Японии [6: с. 13–14].

Итоги переговоров были достаточно результативными, несмотря на то что от немедленного предоставления займа российское правительство отказалось, дав обещание подробнее разобраться в экономической ситуации в Корее и подумать насчет возможности выделения необходимых денег.

В декабре 1897 г. был учрежден Русско-Корейский банк, просуществовавший до 1901 г., который, по замыслу учредителей, должен был стать стержнем финансовой политики корейского правительства.

1897 г. стал знаменательным также и в сфере культурных отношений между Россией и Кореей. С осени 1897 г. на факультете Восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета впервые в России стал преподаваться корейский язык. Обучение языку велось вплоть до 1917 г.

Но уже в 1898 г. показал, что российско-корейское сближение поддерживали далеко не все корейцы, не говоря уже об иностранных государствах, претендовавших на известное влияние в Корее (Япония, Англия). В феврале 1898 г. «Общество независимости» при содействии работников английской и американской дипломатических миссий организовало митинг, на котором была зачитана петиция императору Кочжону, осуждавшая «иностранное», т. е. российское «вмешательство» в дела Кореи. В это время Россия не имела целей добиться преобладающего влияния в Корее и 23 марта 1898 г. российские военные инструкторы покинули Сеул [7: с. 111–115].

25 апреля 1898 г. межу Россией и Японией было подписано соглашение, признававшее независимость Кореи и обязывавшее обе державы воздерживаться от вмешательства в ее внутренние дела. Однако в действительности экономическое и политическое влияние Японии стало неуклонно расти при сокращении влияния российского.

В 1903 г. противостояние России и Японии на Дальнем Востоке достигло такого напряжения, что вызвало активизацию российско-японских переговоров по дипломатической линии. Важнейшим вопросом их было разграничение интересов России и Японии в Корее. Однако, вследствие непримиримости позиций двух держав, к началу 1904 г. переговоры зашли в тупик и 6 февраля 1904 г. японский посланник в Петербурге Курино официально заявил о разрыве дипломатических отношений, а 8 февраля 1904 г. у берегов Кореи близ порта Инчхон началась Русско-японская война.

Русско-японская война, закончившаяся 5 сентября 1905 г. подписанием в США Портсмутского мирного договора, юридически закреплявшего поражение России в войне, определила совершенно иную расстановку сил в Восточной Азии [11: с. 41–45].

Россия окончательно потеряла свое влияние на Дальнем Востоке. Корея вышла из сферы политических интересов России. Кроме того, сама Корея уже в первый год Русско-японской войны начала терять свою независимость, все более подчиняясь Японии, постепенно становясь ее колониальным владением. Русско-японское политическое соглашение от 4 июля 1910 г. фактически признавало право Японии на присоединение Кореи.

Таким образом, с августа 1910 г. Корея исчезла с карт мира как независимое государство, став частью Японии. С этого времени можно говорить о прекращении де-юре российско-корейский отношений, которые перешли в русло российско-японских отношений, и только через них с Кореей. Однако институт Генерального консульства России в Сеуле сохранялся до 1925 г.

Японская оккупация Кореи продолжалась до 1945 г. Ни о каких дипломатических отношениях в этот период времени между СССР и Кореей не могло быть и речь. После капитуляции Японии

холодная война между Советским Союзом и Соединенными Штатами привела к разделению Кореи на Северную и Южную. С Северной Кореей у Советского Союза было традиционно дружеские отношения. А вот с Южной Кореей были разные идеологии, две страны поддерживали только лишь минимальные отношения до распада Советского Союза [12: с. 31–38].

Нужно отметить, что Южная Корея пыталась наладить торговые отношения с Советским Союзом ещё до прихода к власти Михаила Горбачёва. Так, в мае 1979 г. Южная Корея подписала соглашение с Финляндией, которая обязывалась оказывать помощь в поставке товаров в Советский Союз и Восточную Европу. Горбачев был сторонником иностранного капитала и высоких технологий, он также ожидал, что Сеул может помочь преодолеть экономический кризис Советскому Союзу через прямые вложения капитала, совместные проекты и торговые отношения.

В конце 80-х годов XX века, политика «Нордполитик» президента Республики Кореи Ро Дэ У и политика «Новое Мышление» Михаила Горбачева стали причиной постепенного сближения двух стран. Природные ресурсы, в которых сильно нуждалась Корея, в избытке имелись на Дальнем Востоке СССР. Торговля с Советским Союзом, Восточной Европой и Китаем также уменьшила зависимость Южной Кореи от США из-за новых рынков сбыта товаров [12: с. 41–43].

Развитие отношений между Москвой и Сеулом было запланировано в трех направлениях: спорт, торговля и политика. Сеульская Олимпиада 1988 г. была большим ускорителем этого процесса. Более 6000 советских спортсменов отправились тогда в Южную Корею.

С увеличением торгового оборота, Сеул и Москва начали прямые торговые отношения, используя порты Владивостока и Пусана. В 1988 г. Корейская организация развития торговли (KOTRA) и Министерство торговли и промышленности СССР заключили торговый меморандум по сотрудничеству в торговой отрасли и основе торговых представительств – в 1989 г. Корейское торговое представительство было открыто в июле 1989 г. в Москве; советский офис в Сеуле открылся чуть ранее – в апреле 1989 г.

Дипломатические отношения между Советским Союзом и Республикой Корея были официально установлены 30 сентября 1990 г., а через два года был подписан договор об основах отношений между Республикой Корея и Российской Федерацией.

За минувшие 20 лет российско-корейские связи получили стремительное развитие и охватили по сути все значимые сферы. Большую роль в этом сыграли встречи на высшем уровне. За период, прошедший со дня установления дипотношений, президенты двух стран встречались более 20 раз. Отношения с Республикой Корея являются одним из приоритетов российской внешней политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе [12: с. 11–14].

2010 год объявлен годом празднования 20-летия установления дипломатических отношений между двумя странами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пак, Б.Д.* Россия и Корея / Б.Д. Пак. – М. : Наука, 1979. – 140 с.

2. *Пак, Б.Д.* Корейцы в Российской Империи (Дальневосточный период) / Б.Д. Пак. М. : Издательский центр «Академия», 1993. – 220 с.

3. *Булычев, Г.* Корейская политика России: попытка схематизации / Г. Булычев // Проблемы Дальнего Востока, 2000. – № 2. – С. 5–12.

4. *Булычев, Г.* Россия и Южная Корея: некоторые размышления о первом десятилетии отношений / Г. Булычев, Д. Кулькин // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 5. – С. 33–38.

5. Зона сотрудничества или потенциального конфликта? Дальневосточная граница в прошлом, настоящем и будущем // Независимая газета. – 03.06.1994. – С. 5.

6. *Курбанов, С.О.* Россия и Корея: Ключевые моменты в истории российско-корейских отношений середины XIX – начала XX столетий / С.О. Курбанов. – М. : Ориент, 2000. – 240 с.

7. *Маигов, С.* Роль государства в формировании инвестиционного климата в Республике Корея / С. Маигов // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 6. – С. 111–115.

8. Международные отношения в Центральной Азии. Т. 1–2. – М. : Наука, 1989-90. – 374 с.

9. Отношения в новом мире. Категория «национальные интересы» и отношения в треугольнике Россия–США–Китай // Независимая газета. – 25 янв. 1993.

10. *Селищев, А.* Контакты русских и корейцев (1860-е годы) / А. Селищев // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 4. – С. 128–135.

11. Хрестоматия по истории Дальнего Востока XVI–XIX вв. – Владивосток : Дальневосточное кн. изд., 1997. – 419 с.

12. Экономическое развитие и международное сотрудничество в Северо-Восточной Азии. – Владивосток : Дальнаука, 2001. – 147 с.

ЮЖНАЯ КОРЕЯ: ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ЖУРНАЛИСТИКА

Ё.Ч. Юн

Юн Ён Чёль – доктор наук в области массовых коммуникаций, профессор, декан Школы журналистики и массовых коммуникаций Университета Ёнсе (г. Сеул, Корея).

Данная работа представляет собой попытку изучения проблемы взаимоотношений СМИ и недавним политическим переходом от авторитарного правления к политической демократии в Южной Корее. Главная проблема исследования – взаимодействие между изменяющимися властными структурами и СМИ. В центре внимания два вопроса. Во-первых, автор анализирует влияние процесса демократизации в Южной Корее на модель и механизм контроля над СМИ. Исходя из того, что даже демократические режимы не смогли отказаться от влияния на создание новостей, автор рассматривает стратегии контроля над СМИ при различных политических режимах в сравнении. Во-вторых, автор поднимает основные вопросы, связанные с конфронтацией между «правыми» и «левыми», и предпринимает попытку объяснить, как работает параллелизм пресс-партий, особенно в процессе освещения новостей политически и идеологически спорных вопросов.

Ключевые слова: демократизация, отношение государства и СМИ, либерализация прессы, контроль СМИ, репрессия, инкорпорация, кооптация, переключение, параллелизм пресс-партий.

Демократические преобразования и СМИ

Не только демократические преобразования наложили свой отпечаток на работу СМИ Южной Кореи, но и сам процесс перехода от авторитарного управления к демократии в немалой степени зависел от деятельности СМИ. Начало общественного движения за демократизацию в конце 1980-х послужило причиной формирования нового политического ландшафта. Когда авторитарное управление уступило дорогу демократическому режиму, в южно-корейских СМИ произошли структурные изменения.

Крушение военной диктатуры не означал переход к демократии, он создал социальные условия, при которых может осуществиться переход к политической демократии. Под влиянием яростных уличных демонстраций и широкой общественной поддержки массовых протестов 29 июня 1987 г. правительство сделало историческое заявление о начале демократических реформ в стране.

С того времени усиленное гражданское общество играет важную роль в процессе контролирования власти и продвижении демократических процессов в различных общественных организациях и институтах, включая средства массовой информации. С усилением влияния оппозиции на важные политические вопросы авторитет государственной власти стал ослабевать. Политическая конкуренция между группами, борющимися за власть, приобрела более сложный характер.

В соответствии с новой конституцией 15 декабря 1987 г. были проведены президентские выборы. Раскол оппозиции, особенно между двумя основными лидерами Ким Ён Самом и Ким Дэ Чжуном, позволил Ро Дэ У победить в выборах, имея всего лишь 36 % голосов. Итоги парламентских выборов 26 апреля 1988 г. отличались незначительно. В первый раз правящая партия (Демократическая Партия Справедливости) не получила большинство мест в Национальном собрании.

В результате в стране появилась подлинно многопартийная структура власти. Структура власти стала более разнообразной в том смысле, что демократия создала стабильные политические основания для формирования разнородной политической элиты в политических партиях, союзах и движениях, которые представляли все социальные слои общества. Авторитарная, централизованная, легко манипулируемая политическая система уступила место более плюралистической, широкой и представительной системе.

Настоящее исследование – попытка проанализировать взаимоотношения между СМИ и недавним политическим переходом от авторитарного правления к политической демократии в Южной Корее. Наше основное внимание сосредоточено на взаимодействии изменяющейся властной структуры и СМИ.

Мы поставили перед собой задачу ответить на два основных вопроса. Во-первых, мы проанализируем, как демократический процесс в Южной Корее повлиял на работу СМИ и механизмы контроля СМИ. Во-вторых, мы опишем основные аспекты деятельности журналистики Южной Кореи, которые наиболее существенным образом повлияли на результаты сдвига в журналистском сообществе, произошедшие в процессе демократизации общества.

Типология взаимоотношений государство – СМИ

До недавнего времени государство занимало главную и доминирующую позицию в структуре власти Южной Кореи. Именно поэтому нам

представляется чрезвычайно важным исследовать сдвиги, произошедшие во взаимоотношениях государства и СМИ в процессе демократизации общества, чтобы понять природу государственного контроля СМИ.

Чтобы проанализировать взаимоотношения государства и СМИ с систематической позиции, была разработана четырехкомпонентная типология на основе двух видов осуществления власти: поощрение и принуждение. По определению У. Гэмсона, принуждение рассматривается как приведение в повиновение под воздействием применения или угрозы негативных санкций [3]. Поощрение, напротив, является кооптацией на основе применения системы преимуществ или благ. Дж. Гэлбрейт проводил различия между властью, добивающейся подчинения посредством применения или угроз неблагоприятных последствий (наказаний), и властью, добивающейся подчинения через предложение стимулирующего вознаграждения [2]. Эти две модели осуществления власти применимы к основному способу контроля СМИ, основанному на методе «кнута и пряника». Основываясь на различиях между поощрением и принуждением, можно выделить 4 разных типа контроля СМИ (таблица).

Таблица

Модель взаимодействия «Государство – СМИ»

		Поощрения	
		Высокий уровень	Низкий уровень
Принуждение	Высокий уровень	Инкорпорация	Репрессии
	Низкий уровень	Кооптация	Свобода прессы

Во-первых, низкий уровень поощрения и высокий уровень принуждения появляются в ситуации, когда связь между государством и СМИ понимается как непосредственно управляемый государством, принудительный институт. Не опираясь на кооптацию, контроль СМИ основывается преимущественно на репрессиях. Это метод контроля СМИ наблюдается, когда авторитарное государство с высоким уровнем принудительной власти устанавливает полный контроль над СМИ, чтобы подавлять или не исключить общественный сектор.

Во-вторых, высокий уровень поощрения в сочетании с низким уровнем принуждения возникает, когда правительство ищет политическую поддержку со стороны относительно независимых СМИ. В такой ситуации государство стремится опираться преимущественно на кооптацию, а не на репрессии, чтобы контролировать СМИ, что дает большие возможности противостоять репрессивному контролю. Такой метод контроля СМИ устанавливается, когда власть распределена между несколькими силами [4].

В-третьих, высокий уровень поощрения и принуждения возникает, когда правительство пытается контролировать СМИ посредством взаимодействия репрессий и кооптации. В такой ситуации СМИ, которым не хватает независимости, слабы и являются вспомогательными и зависимыми органами государства. Этот тип контроля СМИ опирается на государственную инкорпорацию, в которой СМИ формально независимы, но на практике полностью зависимы и манипулируемы государством.

В-четвертых, низкий уровень поощрения и принуждения создает ситуацию, в которой правительство не пытается устанавливать контроль над прессой. Этот гипотетический метод минимального контроля соответствует модели свободной прессы, которая предполагает, что СМИ свободны от контроля в любой форме. Но такая модель контроля крайне редка.

Четырехкомпонентная типология демонстрирует, как функционируют поощрение и принуждение в различных моделях контроля в определенных политических контекстах. Комбинации поощрения и принуждения можно наблюдать не только в разных странах, но и в рамках одной страны в разные периоды. Эти четыре модели контроля над СМИ применимы к взаимоотношениям между СМИ и оппозицией, официальной и неофициальной.

Когда в Южной Корее начался переход к более плюралистической политической системе в конце 1980-х, государство уделяло большее внимание поощрению и меньшее принуждению в контроле СМИ. Это изменение модели контроля СМИ ознаменовало переход от инкорпорации СМИ к кооптации. Оппозиция, обладающая большим потенциалом создания новостей, приобретает все большие возможности контролировать прессу, прилагая усилия к ее кооптации. Во время правления Ким Ён Сама, политика относительно СМИ формально основывалась на либерализме и правительство декларировало свою приверженность идеалам свободной прессы. Но это не означало, что СМИ полностью освободились от контроля со стороны государства. Кооптационные стратегии государства по установлению контроля над СМИ стали в тот период более изощренными и негласными. Далее рассмотрим изменение способа контроля СМИ при каждом режиме более подробно.

Либерализация прессы и взаимодействие СМИ

С запуском демократических реформ в 1987 г., приведшим к крушению авторитарной политической структуры, взаимоотношения между прессой и государством стали приобретать иной характер. В середине 1987 г. Ро Дэ У сделал заявление, которое стало известно как Декларация 29 июня, в которой содержалось предложение о реформе СМИ. Предложение о реформе звучало так: «Правительство не должно и не может не только контролировать прессу, но и предпринимать попытки контролировать СМИ».

В результате пресса взяла на себя в переходный период более автономную роль. Эффективность инкорпорированной прессы, основанная на высоком уровне принуждения и поощрения, была поставлена под вопрос. Таким образом, правительство Ро Дэ У осуществило либерализацию прессы, снизив уровень принудительных ограничений и избирательно поддерживая различные поощрения, предлагаемые прессе. Взаимоотношения между государством и прессой сменились с инкорпорации на кооптацию. Кооптация, тем не менее, была избирательной. Несмотря на заявление правительства, что СМИ будут свободно конкурировать друг с другом, правительство сделало выбор в пользу картельных изданий, поддерживая тесные отношения с картельными газетами (принадлежащими крупным промышленным группам) и дистанцируясь от некоторых некартельных газет.

Либерализация прессы 1987 г. вывела на рынок СМИ новых конкурентов и создала двойную структуру прессы в переходный период: картельные газеты объединились в Ассоциацию Печатных СМИ, в которую не принимались - газеты, не принадлежащие картелям. «Хангёрё Синмун» (*Hangyoreh Shinmun*) была типичной газетой, не принадлежащей картелю. Появление газеты не принадлежащей картелю сделало взаимоотношения государства и СМИ более сложными. Ограничивая деятельность некартельных газет, правительство Ро Дэ У продолжало предоставлять различные преимущества картельным газетам. Правительство Ро Дэ У задержало выдачу регистрационного номера газете *Хангёрё Синмун* на 3 месяца до окончания выборов 1988 г., и запретило *Хангёрё Синмун* использовать телевизионную рекламу для освещения основания новой газеты.

Интенсификация конкуренции между картельными изданиями сделало сами картели более неэффективными. Олигополия[1] рынка СМИ до переходного периода была результатом политических взглядов, которые стали претерпевать изменения по мере того, как число изданий быстро выросло. Газеты, теперь свободно назначающие себе цену и печатающие столько страниц, сколько считают нужным, начали конкурировать друг с другом. Газетные картели, которые устанавливали цены, рекламные тарифы и число страниц в публикации развалились.

Так как управление рынком газет стало менее зависимым от государства, газеты испытывали серьезное давление, пытаясь соответствовать потребностям рынка. Необходимость привлекать рекламодателей сделало тираж весьма важным соображением относительно коммерческой жизнеспособности. В данном контексте, выросло влияние рекламодателей на создание новостей. Владельцы изданий чувствовали необходимость усиливать организационный контроль, чтобы выжить в условиях высоко конкурентного рынка и преуспеть, гарантированно получая прибыли. Это заставило коммерческие газеты отражать взгляды большинства в ущерб взглядам меньшинства и большее внимание уделять развлекательным новостям, нежели идеологическим вопросам.

Новый закон о прессе упразднил систему лицензирования и аккредитации. Он также значительно усложнил процедуру аннулирования регистрации СМИ. Осознав рост плюралистических сил после перехода, журналисты начали писать более свободно и критично, выходя за пределы ранее разрешенных границ. Например, критика Чон Ду Хвана в прессе приветствовалась оппозицией и одновременно тактично одобрялась новым режимом, но лишь в той степени, которая не наносила ущерба ключевой группировке правительства Ро Дэ У, что внесло свой вклад в расширение границ области сбора информации для СМИ и идеологических границ интерпретации новостей.

После переходного периода источники новостей стали более разнообразными. Репортерам был разрешен доступ к множеству негосударственных источников, включая оппозиционных политиков и лидеров общественных движений. Появление конкурирующих источников новостей заставило правительство Ро Дэ У принять более открытую информационную политику. В отличие от предшествующего правительства правительство Ро Дэ У поддерживало откры-

[1] Рыночная структура, характеризующаяся существованием на рынке незначительного числа продавцов при наличии большого числа покупателей.

тость официальных деятелей, которая служила на пользу общественному мнению.

Самые заметные изменения произошли в Министерстве обороны, куда при правительстве Чон Ду Хвана доступ репортерам был строго ограничен. До демократических преобразований в корейском обществе обозреватели Министерства обороны полностью зависели от пресс-релизов, прошедших цензуру властей. В соответствии с Законом о сохранении военных секретов им даже не разрешалось передвигаться по зданию Министерства обороны. Однако после перехода, Министерство ослабило свои ограничения по отношению к репортерам и организовало большее количество каналов распространения новостей. Министерство ввело систему новостных брифингов, чтобы соответствовать требованиям репортеров, расширить доступ к информации и противостоять критическим заявлениям общественности о причастности военных в политические репрессии и финансовые скандалы. В попытке восстановить подпорченный образ военных, Министерство пустило в ход агрессивную политику связей с общественностью, облегчив репортерам доступ к информации.

И тем не менее ослабленный контроль над прессой был избирательным. Это особенно чувствовали на себе репортеры изданий, не входивших в журналистские клубы. В то время как правительство Ро Дэ У продолжало кооптировать репортеров ангажированных газет при помощи различных преимуществ, описанных ранее, на репортеров антиправительственных газет, таких как «*Хангёрё Синмун»,* распространялись определенные ограничения. Из соображений безопасности, репортерам «*Хангёрё Синмун»* было отказано в доступе в здание Министерства обороны и Голубой дом (Резиденция Президента). Такая избирательная политика контроля над СМИ сделала их менее зависимыми от правительства в процессе сбора информации, и заставила их опираться на нетрадиционные, неправительственные источники.

Журналистские клубы стали менее эффективным инструментом управления информацией по двум причинам. Во-первых, растущая конкуренция в пространстве сбора новостей, обусловленная ростом количества газет, создала напряжение между репортерами, работающими в определенных областях. Репортеры, не являющиеся членами клуба, которые были не прочь писать о правительстве в неблагожелательном тоне, заставляли членов журналистских клубов более критично относиться к новостям, что затрудняло достижение единодушия в освещении новостей. Во-вторых, журналистские клубы далеко не всегда могли достичь договоренности о приеме репортеров из вновь организованных газет в свои ряды. Некоторые репортерские клубы принимали репортеров, не являющихся членами клуба, а некоторые запрещали последним доступ в клуб. Репортеры же вновь организованных газет утверждали, что журналистские клубы должны быть открыты для всех репортеров.

Снижая уровень ограничений для журналистов, правительство Ро Дэ У ввело негласный способ кооптирования журналистов. Старшие репортеры и редакторы неформально контактировали с чиновниками Министерства культуры и информации. Вместо того чтобы опираться в своей работе на ежедневные ленты новостей, заказываемые по телефону, чиновники приглашали старших журналистов на обеды или банкеты и требовали от них сотрудничать с правительством. Усилия правительства по кооптации журналистов старшего поколения были зафиксированы документально в «Отчетах по личным контактам с журналистами», которые были обнаружены и обнародованы парламентской инспекцией - Министерства культуры и общественной информации. Возможно, правительству было проще устанавливать сердечные отношения со старшими журналистами, чьи политические взгляды были более консервативными, чем с журналистами молодого поколения, подвергшихся юнионизации[2].

Изменение политического режима заставило оппозиционные партии перестраивать свою политику в отношении СМИ в условиях плюралистической и конкурентной политической среды. Так как при правительстве Чон Ду Хвана ключевые оппозиционные лидеры были либо высланы, либо находились под домашним арестом, оппозиционные партии не могли оказывать большое влияние на прессу, которая была близко связана с правительством у власти. И только после 1988 г. значительное представительство оппозиции в Национальном собрании позволило парламентской оппозиции вернуть себе влияние на СМИ.

Оппозиционные партии опирались преимущественно на стратегии кооптации, чтобы приобрести масштабное и благоприятное освещение в прессе. Но кооптация оппозиционных партий было гораздо менее эффективной, чем кооптация правительства, подкрепленная угрозой репрессий. Лидеры оппозиции страстно искали возможности сделать свои политические заявления доступными

[2] Участвовавших в процессе создания медиа-союзов (профсоюзов журналистов).

для широкой публики, сосредоточив распространение информации вокруг себя. Таким образом, репортеры следовали за главой партии[3].

Репортеры с удовольствием принимали приглашения на банкеты, проводимые лидерами партии, так как это зачастую рассматривалось как продолжение легального допустимого процесса сбора информации. Считалось, что в неформальной ситуации можно получить самые ценные сигналы о внутренних течениях политического мира. Кроме того, обычно после таких банкетов происходило распределение денег (*chonj i*). Подобно журналистским клубам при правительственных агентствах, журналистские клубы при политических партиях получали различные преимущества, поощрявшие репортеров писать в пользу политики той или иной партии или политической цели. Репортеры становились зависимыми от партийных источников и неохотно допускали критические замечания в адрес партий в своих публикациях.

При правительстве Чон Ду Хвана оппозиционные партии систематически подвергались дискриминации и игнорировались прессой, строго контролируемой режимом. Движения, ограниченные в средствах, не могли ни инкорпорировать, ни кооптировать ведущих репортеров. Между политическими движениями и репортерами не было постоянных каналов обмена информацией. Их гла-вной заботой было просто осветить свое существование и деятельность, привлекая внимание прессы эпизодическими событиями. В вопросе новостей о политических движениях, репортеры опирались, прежде всего, на правительственные источники, и по этой причине лидеры партий не доверяли им и подвергали их критике. Лидеры партий даже проводили публичные кампании, обличавшие подчиненность СМИ режиму.

Но все изменилось после 1987 г. Группы движений выросли в политические силы, конкурирующие с образовавшимися партиями. Им стало уделяться гораздо больше внимания в прессе, так как их значение как источника новостей выросло. Эта ситуация заставила группы движений пересмотреть свои стратегию и тактику в отношении СМИ. Они ввели систему спикеров, стремясь более эффективно донести до политических сторонников свои взгляды и деятельность. Спикеры групп движений часто проводили новостные брифинги и распространяли дополнительную информацию среди репортеров, чтобы помочь им освещать деятельность движений напрямую.

Установление постоянных новостных каналов с организаторами движений имело важные последствия для взаимоотношений между движениями и прессой. Возросшая зависимость репортеров от источников движений дало группам движений возможность оказывать некоторое влияние на прессу. Группы движений пытались кооптировать антиправительственные газеты и в то же время контролировать проправительственные издания, придерживая важную информацию. Медиа-стратегию групп движений после перехода можно охарактеризовать как кооптацию с СМИ, «заслуживающими доверия» и негативные санкции против СМИ, «не застуживающих доверия». Отвечая на вопрос о медиа-политике, один из лидеров студенческого движения сказал мне, что они обычно тайно контактируют с репортерами «*Хангёрё»*, чтобы заранее проинформировать их о намечающихся акциях протеста. Возможно, это вознаграждение за благоприятное освещение деятельности движения в «*Хангёрё»*. Разделяя общие политические взгляды, активисты движения и репортеры «*Хангёрё»* поддерживают тесные взаимоотношения.

Завуалированный и избирательный контроль над СМИ

Либеральная демократия требует, чтобы государство гарантировало прессе свободу и независимость. Правительство Ким Ён Сама заявляло, что стоит на позициях либеральной демократии, так как первое гражданское правительство с 1960 г. объявило, что оно не будет вмешиваться в работу газет. Президент Ким Ён Сам разъяснил свою политику в отношении СМИ в речи, произнесенной в апреле 1993 г. Он заявил, что его правительство отказывается от политики «кнута и пряника», которая широко применялась во времена авторитарного правления, и что они также не собираются использовать свои возможности правящей верхушки, чтобы манипулировать СМИ или пытаться завоевать их расположение, предлагая прессе преимущества. С этого момента СМИ могли пользоваться независимостью и свободой. По результатам исследования,

[3] Они начинают свой рабочий день в доме президента партии, где часто подается завтрак. Иногда они ждут председателя партии в его доме до поздней ночи, чтобы получить больше исходной информации. Между репортерами и лидерами партии формировались близкие и теплые межличностные отношения. Многие репортеры имели давние связи с лидерами партий: они были выпускниками одних учебных заведений или земляками. Эти связи облегчали кооптацию репортеров лидерами партии. Но, с другой стороны, без таких близких отношений, лидеры партий не смогли бы раскрыть свои истинные чувства и намерения относительно событий, которые могли быть действительно достойными освещения в печати.

проведенного в 1993 г. среди 727 журналистов, респонденты признавали, что с 1987 г. свобода прессы значительно возросла[4]. Это наводит на мысль, что правительство Ким Ён Сама ограничило себя в осуществлении контроля над прессой, сократив уровень как принуждений, так и поощрений. Кроме того, усилившаяся независимость гражданского общества и выросшее число новостных организаций значительно осложнили контроль над СМИ для правительства.

Но заявление Президента Ким Ён Сама о принятии свободолюбивой политики не обязательно означает, что правительство оставило любые попытки осуществлять контроль над СМИ. Пообещав не использовать противозаконные принудительные и кооптационные меры для контроля над СМИ, правительство Ким Ён Сама приняло более утонченные и завуалированные средства контроля над СМИ. Они были утонченными в том смысле, что правительство получало согласие СМИ и приводило их деятельность в соответствие со своей политикой, не давая СМИ почувствовать, что они контролируемы. Практикуя завуалированный контроль над сотрудниками СМИ, правительство пыталось упрочить их веру в то, что свобода прессы восторжествовала. Меры контроля были также скрытыми в том смысле, что правительство конфиденциально кооптировало тех журналистов, которые легко шли на кооптацию.

Режим Ким Ён Сама применял три основные стратегии контроля над СМИ. Во-первых, более агрессивная политика связей с общественностью, направленная на СМИ. Голубой дом (Администрация Президента) провел реорганизацию своего ведомства, чтобы повысить функциональность связей с общественностью. Министерство общественной информации также организовало специальный отдел, занимающийся мониторингом прессы. Правительство Ким Ён Сама, запуская широкомасштабную кампанию демократических реформ, прекрасно понимало важность взаимодействия и содействия СМИ для эффективности и успеха кампании. Самой важной стратегией было обеспечить согласие СМИ добровольно писать в поддержку правительственной кампании.

Следовательно, правительству было крайне важно убедить владельцев изданий и маститых журналистов старшего поколения в том, что общественный консенсус уже достигнут. Встречаясь с владельцами изданий, Президент Ким Ён Сам несколько раз использовал возможность подчеркнуть важную роль СМИ в проведении социальных реформ. В результате большинство газет примкнули к правительству и печатали статьи, благосклонно описывающие политику правительства в проведении реформ. Это наводит на мысль, что правительство Ким Ён Сама все же использовало власть, не для того, чтобы сформировать повестку дня, но и обеспечить согласие новостных СМИ.

Во-вторых, правительство Ким Ён Сама опиралось на различные легитимные меры контроля над прессой, базирующиеся на концепции социальной ответственности СМИ. С этого времени пресса более не считалась институтом, неподвластным закону. Намерение правительства строго применять законодательство к СМИ проявило себя в политике наказания журналистов и управляющих изданий, вовлеченных в незаконную деятельность.

Правительство подчеркивало важную роль журналистской этики и профессионализма. Оно возбуждало судебные иски за клевету против газет, публикующих статьи с грубой критикой, направленной против высокопоставленных правительственных чиновников. Такие легальные реакции могут снизить уровень доверия к СМИ и ограничить свободу журналистов, которые могли бы противостоять правительству.

И, наконец, конкуренция на рынке СМИ, усилившаяся с увеличением числа новых организаций заставила распределять силы более внимательно. Коммерческие издания, конкурируя за большую долю читателей, искали способы снизить стоимость производства новостей при одновременном максимальном увеличении рыночной стоимости своих новостных продуктов. Давление со стороны рынка рекламодателей, так же как и читателей, стало решающим фактором, определяющим новостную политику каждой организации. Главным образом из-за неограниченной рыночной конкуренции, каждая газета должна вносить в процесс производства новостей элементы сенсационности и приспосабливаться к интересам состоятельных читателей, к которым стремится большинство рекламодателей[5].

[4] Респонденты, которых просили оценить свободу прессы по 10-балльной шкале, отвечали, что она возросла с 6,2 в 1989 до 7,0 1993 в первый год президентского правления Ким Ён Сама.

[5] Интенсификация рыночной конкуренции в индустриально развитых странах считается основной причиной стирания различий между новостями. В таких случаях, могут наблюдаться сбои рынка, т. е. неспособность поддерживать разнообразные политические точки зрения при помощи механизмов саморегуляции рынка. В условиях высоко конкурентного рынка новостным организациям становится все труднее быть независимыми от потребностей рынка.

Переход власти и параллелизм СМИ и политических партий

После победы Ким Дэ Чжуна на президентских выборах 1997 г. во властных структурах произошли значительные изменения. Политическая власть, которая на протяжении многих десятилетий была в руках консервативного блока, а затем перешла довольно к прогрессивной политической группе. Эта группа пришла к власти благодаря политической поддержке представителей преимущественно рабочего и среднего класса. Демократические выборы 1997 г. стали самым значимым в политической истории Южной Кореи переходом власти от управляющей партии, поддерживаемой состоятельными слоями населения, к оппозиционной партии, поддерживаемой населением с низким уровнем доходов.

Переход власти ознаменовал децентрализацию структуры власти, при которой правительству приходится отвечать на серьезные вызовы со стороны консервативной оппозиции, которая занимает большинство мест в Национальном собрании и пользуется моральной и идеологической поддержкой крупного бизнеса. Появление на политической арене слабого правительства при децентрализованной структуре власти создало ситуацию, при которой пресса может действовать более свободно. Газеты упрочили свои идеологические позиции, более четко и прямо освещая противоречивые политические вопросы. Как следствие, газеты, представляющие разнообразные идеологические позиции, «сталкивались» друг с другом, демонстрируя конфликтующие точки зрения на одни и те же вопросы.

С одной стороны, консервативные газеты, доминирующие на газетном рынке, смело поддерживали консервативную оппозицию, открыто освещая идеологически щепетильные вопросы, такие как воссоединение нации и трудовые споры. Они часто выступали против правительства и правящей партии по вопросам Северной Кореи. Контроль правительства над консервативными газетами был не только ослаблен, но и стал гораздо менее эффективным. Правительство Ким Дэ Чжуна, выступающее за «демократию и свободный рынок», не могло ни вмешиваться в процесс создания новостей, ни мобилизовать свои ресурсы для кооптации консервативных СМИ. У консервативных коммерческих газет, таких как «Чосон Ильбо» (*Chosun Ilbo*) и «Донг-А Ильбо» (*Donga Ilbo)* почти не было причин поддерживать новое прогрессивное правительство, так как они все еще занимали доминирующие позиции на рынке консервативно настроенных политиков, читателей и рекламодателей.

С другой стороны, прогрессивные газеты, такие как «*Хангёрё»,* полностью поддерживали идеологические позиции правительства Ким Дэ Чжуна, объявившего об отказе от политики конфронтации по отношению к Северной Корее, основанной на антикоммунизме, и о начале примирительной политики в отношении Северной Кореи, известной как «политика солнечного света». Принадлежащая правительству газета Тэханмэил, быстро отреагировала на переход власти, отказавшись от антикоммунистической риторики и поддержав примирительную политику нового правительства по отношению к Северной Корее. Газеты, в которых новостная политика определялась прогрессивными союзами, также симпатизировали прогрессивной политике правительства.

То, что после перехода власти 1997 г. газеты начали более открыто поднимать свои идеологические голоса, указывает на то, что они обрели больше независимости в вопросах определения своей новостной политики по отношению к Северной Корее. Но в этой связи важно упомянуть, что этот феномен возрастания идеологических различий между газетами сопровождается укреплением связей между газетами и политическими партиями или движениями.

Сформировалась определенная система партнерских отношений между отдельными газетами и политическими партиями, так как каждая газета после перехода власти в 1997 г. начала более явно проявлять свою политическую окраску. Это особенно ярко выражено в освещении новостей о Северной Корее. Поддержка оппозиционной партии Ханара (*Hanarah* party) консервативными коммерческими газетами стала достаточно предсказуемым явлением, в то время как прогрессивные газеты поддерживали линию правящей партии и правительства. Определились параллельные отношения между отдельными газетами и политическими партиями или движениями, которые имели общую политическую ориентацию. Газеты выражали мнения в поддержку партийных заявлений и критиковали конкурирующие партии, чьи идеологические позиции шли вразрез в новостной политикой газет. В итоге после смены власти в 1997 г., параллелизм между политическими партиями и СМИ стал более очевидным.

Газетам, идеологически близким оппозиционной партии (*Hanarah*), так называемой «Большой тройке» (Чосон, Чунан и Донг-А), принадлежит более 60 % рынка. Эти частные коммерческие газеты не отказались от антикоммунистических или антисеверокорейских принципов, хотя они признают необходимость улучшения и расширения отношений с Северной Кореей. Так как

права собственности на эти коммерческие газеты сконцентрированы в одних руках, можно говорить, что содержание новостных публикаций отражает консервативные идеологические ориентации владельцев. Газеты, которые можно расположить на другой стороне идеологического спектра («Хангёрё», «Тэханмэил» и «Кёнхан») (*Hangyoreh*, *Daehanmail, Kyunghyang*), полностью поддерживают прогрессивную политику правительства по отношению к Северной Корее.

Параллелизм между партиями и СМИ усилился после очередной победы прогрессивной партии на президентских выборах в 2002 г. С одной стороны, газеты Большой тройки выражают критическое отношения к продвижению режима Ро Дэ У и сочувствуют оппозиционной консервативной партии. С другой – прогрессивные газеты, такие как «Хангёрё» и «Кёнхан», вместе с общественным телевещанием поддерживали режим Ро Дэ У, особенно в идеологически щепетильных вопросах, например, взаимоотношений с Северной Кореей.

Следует отметить, что после того, как консервативная партия выиграла в 2007 г., параллелизм стал принимать другие формы. И прогрессивные, и консервативные новостные СМИ начали менять свои редакционные политики. Первые усилили свой критицизм против правящей власти консерваторов, а вторые приняли сторону нового режима Ли Мун Бака. В результате освещение идеологически щепетильных вопросов изменило свои рамки.

Новые ракурсы, отражающие взаимоотношения каждого новостного СМИ с блоками политической власти, управляющими или оппозиционными, вынесло на поверхность вопрос критериев справедливости и беспристрастности в освещении новостей. Например, когда - Национальное собрание объявило импичмент президенту Но Му Хёну, было трудно сказать, насколько беспристрастным было освещение этой новости общественным вещанием.

Медиа-союз как противовес власти

Журналисты упрочили свое положение, создав медиа-союзы[6], которые смогли бросить вызов как внутренним контроллерам (владельцам и менеджменту), так и внешним (правительству). Так как они начали основывать союзы в процессе демократизации медиа-сектора, так называемые юнионизированные журналисты выдвинули требование об усилении контроля над редакционной деятельностью как относительно содержания, так и управления СМИ. Движение за демократизацию отделов новостей зародилось в 1987 г., когда медиа-союзы выдвинули требование о предоставлении сотрудникам редакций большей степени контроля над прессой. Два основных вопроса, выдвинутых медиа-союзами в 1987–1988 гг., – повышение зарплаты и редакционные права/полномочия. Исходя из того, что уровень доходов журналистов был одним из самых высоких среди наемных работников, попытки союзов увеличить зарплату часто вызывали критическое отношение общественности. Но экономическая борьба служила эффективным средством привлечения поддержки со стороны непрофессионального сообщества и давала журналистам дополнительные козыри в ведении переговоров с менеджментом об участии в редакционной деятельности.

Политическая борьба медиа-союзов была направлена на трансформацию авторитарных структур отделов новостей в более демократические. Основной целью было обрести относительную независимость от альянса государства и владельцев изданий. Так как журналисты – члены союзов – требовали права участвовать в процессе принятия решений о своей новостной работе, главный вопрос заключался в том, кто должен был определять редакционную политику. Менеджмент заявлял о своем полном контроле над редакционной политикой, в то время как союз стоял на позиции коллективной ответственности штата издания за редакционную политику.

В конце 1980-х – начале 1990-х несколько условий повысили шансы союзов в переговорах с владельцами СМИ. Во-первых, принцип «одна компания – один союз» объединил журналистов с «синими воротничками», производственными рабочими. Это поставило союз в более выгодную позицию в переговорах с менеджментом, который почувствовал, как трудно преодолеть солидарность союза. Во-вторых, движение союзов сотрудников СМИ в 1988 г. быть успешным частично из-за того, что правительство Ро Дэ У не вмешивалось в трудовые споры в медиа-секторе. Не боясь негативных санкций, члены союзов могли активно бороться за демократизацию отделов новостей. В-третьих, угрозы владельцев СМИ уволить членов союзов были менее действенными, чем раньше. Причина заключалась в том, что с начала либерализации прессы в 1988 г., СМИ начали охотиться за журналистами, особенно опытными. Так как теперь журналисты стали особенно ценными на трудовом рынке, журналисты-члены союзов почти не имели проблем с поисками работы в других новостных СМИ, даже если их увольняли.

[6] Профсоюзы журналистов.

Выводы

Конец военной диктатуры в 1987 г. и появление более широкой и плюралистической системы политического участия привело к серьезным изменениям внешних и внутренних условий создания новостей.

Под давлением демократических процессов в обществе правительство пыталось скорее кооптировать, нежели репрессировать СМИ. Оппозиционные партии приобрели большее значение в процессе создания новостей и получили возможность контролировать СМИ при помощи методов кооптации. Политические движения выдвинули собственных спикеров, которые регулярно взаимодействовали со СМИ и начали кооптацию прессы, противостоя правительственной пропаганде, направленной против этих политических движений. Так как эти противоборствующие политические институты предпринимали множество попыток кооптации, преследуя цель улучшения своего политического имиджа при помощи благоприятного освещения в прессе, СМИ опирались на более разнообразные источники новостей и, как следствие, освещали разнообразные идеологические точки зрения.

С подъемом рыночной демократии, рыночные силы стали важным фактором формирования новостных продуктов. Рынок газет, ранее направляемый государственным вмешательством, теперь основывался на свободной конкуренции. Переход заставил СМИ бороться за долю читателей и регулировать идеологический центр, избегая крайних экстремальных точек зрения. Другим важным - контролирующим фактором стал процесс сбора информации, который концентрируется вокруг правительственных источников, так как они монополизировали информацию. Тесные взаимоотношения между журналистами и источниками новостей дают правительству возможность применять более активные стратегии кооптации.

После смены режима в 1997 г. освещение газетами новостей о Северной Корее стало более разнообразным. Попытки правительства Ким Дэ Чжуна контролировать оппозиционные газеты были менее эффективными не только потому, что оно не имело действенных средств контроля, но и потому, что организации, владеющие значительными средствами, могли легко противостоять кооптации извне. В такой ситуации газеты сформировали параллельные взаимоотношения с определенными политическими партиями или движениями, разделявшими идеологические ориентации газет.

Возникновение параллелизма между газетами и политическими партиями с конца 1990-х объясняется политическими факторами, специфическими для Южной Кореи. Исторический анализ Европейской прессы показывает, что параллелизм между газетами и политическими партиями слабеет по мере того, как коммерциализированная пресса стремится к большей доле аудитории, чьи политические предпочтения разнообразны [1]. В нескольких словах можно сказать, что коммерциализация негативно сказывается на параллелизме между СМИ и политическими партиями.

Тем не менее мы были свидетелями роста параллелизма СМИ – политические партии в конце 1990-х, несмотря на интенсивную коммерциализацию южно-корейской прессы в этот период. Эта ситуация отличается от ситуации в западной прессе, где с ростом коммерциализации прессы тенденция к угасанию параллелизма СМИ – политические партии усилилась. В Южной Корее сформировалась биполярная структура власти, так как 1997 г. создал условия, в которых СМИ пытаются установить параллельные отношения с политическими партиями. Наблюдая политические баталии между газетами по вопросам взаимоотношений с Северной Кореей, становится очевидным, что каждая газета играет роль агента определенной властной группы.

Результаты исследования показывают, что деятельность СМИ невозможно объяснить в полной мере экономическими факторами. Перегруппировка СМИ и политических партий, произошедшая после смены политического режима в 1997 г., создала уникальную ситуацию, в которой усиливается параллелизм между СМИ и политическими партиями. Но это не обязательно означает, что давление со стороны рынка не оказывает влияния на содержание новостей. Ни консервативные, ни прогрессивные газеты не заходят так далеко в своей части идеологического спектра, чтобы ограничиваться в освещении публикацией идеологически экстремальных точек зрения. Финансово незащищенные коммерческие издания, несмотря на то, что их идеологические позиции известны как консервативные, также стремятся к идеологической середине в этой битве за власть.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Curran, J,* (1978). The Press as an Agency of Social Control: an Historical Perspective. In Boyce, G. et al. (eds.). *Newspaper history: From the Seventeenth Century to the present day*. Sage,

2. *Galbraith, J. K.* (1983). *The anatomy of power*. Boston: Houghton Mifflin.

3. *Gamson, W.* (1968). *Power and discontent*. Homewood, Ill: Dorsey.

4. *Lee, C.C. and Chan, J.M.* (1986). "*Journalistic paradigms in flux: The press and political transition in Hong Kong.*" A paper presented at the conference on Communication, Politics and Culture in East Asia, University of Minnesota, May 8–9.

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛИСТА В РАЗЛИЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Л.Е. Бляхер

Бляхер Леонид Ефимович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: leonid@mail.27.ru

В статье рассматривается содержание категории «социальная ответственность журналиста» в рамках различных политических систем, характеристик политического класса и функции СМИ в социальной структуре данного общества.

Ключевые слова: журналистика, социальная ответственность, политический класс, демократическое и полицейское (нормативное) государство, социальная функция, социальное воображаемое.

Категория «социальная ответственность» применительно к журналистике является сегодня одной из наиболее разрабатываемых. О профессиональной этике журналистов спорят исследователи, политики и практикующие журналисты, принимаются Конвенции о свободе слова и т. д. При этом существенно меньше работ, которые бы задавались вопросом о том, какую функцию выполняет журналистика в социальной системы? Чем социальная ответственность журналиста отличается от социальной ответственности любой другой социально-профессиональной группы? Иными словами, для ответа на вопрос: насколько та или иная национальная журналистика социально ответственна, необходимо определиться с содержанием этой категории. Этому аспекту и посвящена предлагаемая профессиональному сообществу статья.

Для того чтобы определиться с содержанием концепта применительно к России необходимо обозначить наше принципиальное расхождение с рядом устойчивых представлений, которые сегодня принимаются как несомненные аксиомы, выводятся за рамки рефлексии. В то же время именно они предопределяют и понимание «социальной ответственности» журналистов, и отношение к «свободе прессы».

Прежде всего, это понятие «демократия». В настоящее время, пожалуй, самым страшным из возможных обвинений по отношению к политическому режиму – это обвинение его в недемократичности. При этом применение данного понятия к предельно разным политическим режимам ведет к размыванию определенности самого термина. В научном дискурсе возникает бесконечный ряд предикатов к термину «демократия» для того, чтобы сделать его хоть сколько-нибудь операциональным [7: с. 23]. В политическом же дискурсе понятие «демократия» уже не одно десятилетие используется скорее как «символ веры», религиозный, нежели политический концепт [3: с. 126]. Вместе с тем большее влияние получают работы, в том числе и на русском языке, стремящиеся конкретизировать понимание «демократия» [4, 9], тем самым уменьшив объем понятия, вернуть ему определенность и, что не менее важно, создать пространство для концептуализации иных типов политических режимов, не несущих на себе отпечаток «антидемократии», изначально негативного понятия (типа концептов – тоталитаризм, тирания и др.). Пожалуй, наиболее серьезная работа в этом направлении проделана исследовательской группой под руководством В.М. Сергеева [10]. Демократия здесь рассматривается, прежде всего, как «переговорный процесс», инструмент по согласованию интересов неконсолидированных элитных групп. Идея «демократии» как народовластии в рамках этой концепции не выдерживает никакой критики, поскольку de facto мы не можем указать режим, где массы в большей или меньшей мере не были бы отстранены от процесса принятия решений. Более того, в ситуации выбора из трех альтернатив (более, чем из двух) простое большинство не является достаточным основанием для отбора оптимального варианта. По существу, демократические процедуры в XX–XXI столетии являются лишь формой легитимизации данной социально-политической структуры, процедурой отказа масс от права принятия решения. Этот момент, описанный еще в 1970–80-е гг. в рамках французской социокритики [3] и требует сосредоточить внимание на элитах. Переговоры между элитами, присвоившими себе право выступать от имени массы и составляет подлинное содержание концепта «демократия».

Но для того чтобы переговоры между элитами были возможны и продуктивны, и согласова-

ние интересов состоялось, эти интересы должны быть оформлены в виде связного текста (или совокупности текстов). Причем тексты должны иметь крайне сложную структуру, по-разному восприниматься различными социальными группами. Во-первых, они должны иметь внятно артикулированную точку зрения определенной элитной группы. Поскольку только четко сформулированные интересы могут быть обсуждены и согласованы. Во-вторых, они должны помогать мобилизации масс в силу того, что способность к мобилизации выступает показателем качества элиты и ресурсом в переговорах с оппонентом. И в-третьих, они задают социальное целое – общество. Поскольку раскол элит всегда потенциально несет в себе опасность раскола общества и связанных с ним потрясений, вплоть до гражданской войны, необходима такая концептуализация интересов элитной группы, которая осуществляется в рамках социального целого. Предполагает общество как высшую ценность.

Здесь нам необходимо отнестись к еще одному «несомненному» концепту – организмическому представлению об обществе. Начиная с классических работ Г. Гегеля и К. Маркса, господствующим на уровне общественного сознания и во многом на уровне исследовательского дискурса остается представление об обществе как естественной, биологической структуре, своего рода сверхсложному организму, чьи органы-институты возникают и исчезают в соответствии со столь же естественными «историческими законами». Однако уже в первой трети XX столетия возникла точка зрения, идущая от работ А. Щюца, об обществе как конструируемом целом. В работах Б. Андерсона большие социальные общности, выходящие за пределы общения «глаза в глаза», называются «воображаемыми сообществами» (нации, классы, страты и др.) [1: с. 34]. Эти сообщества задаются сложной системой метафор («вирусоподобные метафоры»), способных включить в себя индивидуальный опыт и при этом отсылающих к некоторой общей (трансцендентальной) ценности [6: с. 129]. В целях экономии места, мы опустим описание самого механизма конструирования нации, достаточно подробно описанного С.И. Каспэ [5: с. 153]. Для нас здесь важна лишь сама общественная потребность в конструировании целого, которое одновременно создавало бы основу для межэлитного соглашения и позволяло бы вывести массы за рамки этого соглашения. С этой общественной потребностью и связана, на наш взгляд, основная функция журналистики в демократическом обществе, где несовпадающих элитных групп больше чем одна. По существу, именно СМИ выступают инструментом и артикуляции интересов элитных групп, и конструирования социального целого, в рамках которого возможно существование этих групп, согласование их интересов, возможны успешные переговоры между ними. Здесь и возникает социальная ответственность журналистики. Ведь именно от нее зависит сама возможность переговоров между элитами, неконфликтный характер этих переговоров.

Не менее существенна и функция журналистики по отношению к массам. Для того чтобы массы, оттесненные от процесса принятия значимых политических решений, не испытывали депривации именно они должны быть наделены наивысшим символическим статусом. Так возникает понятие «народ» и категория «народного суверенитета», позволяющая сформировать социальный контракт между массой и элитными группами, провести сам акт делегирования. Возможность выбора между различными элитными группами и трактуется в этих условиях в качестве свободы слова. Попытка же выйти за рамки социальной нормы, социального целого или описанного элитными группами круга пресекается как нарушение моральных норм или национальных традиций.

Таким образом, свобода слова журналиста в рамках демократического политического режима является свободой выбора между концептуализацией интересов различных групп элит, а ответственность – есть ответственность за конструирование/ поддержание социального целого, создание основания для успешного согласования интересов элит.

Иначе разворачивается ситуация в условиях консолидированной национальной элиты, не нуждающейся в публичном согласовании интересов. Здесь функция журналистики принципиально иная, как и функция элиты. Как правило, подобная структура, как показывает Ю.С. Пивоваров [9: с. 46], возникает в ситуации, когда само социальное целое не является очевидным. Различные малые группы, входящие в общество не могут согласовать собственные интересы. Воображаемые сообщества здесь не данность, а насущная потребность для индивида и государства в целом. Единство социального целого достигается здесь именно за счет единства элиты, дистанцированной от всех малых групп и наделенной причастностью к высшей, трансцендентальной сфере. Такая причастность и создает для элиты возможность навязывать всем социальным группам, пребывающим в состоянии «войны всех

против всех», систему норм гармонизирующую социальные отношения. Доверие здесь возникает не за счет согласования интересов, а за счет доверия масс, точнее автономных групп, составляющих массу к элите, «производящей» порядок (модель Олсона–Макгира).

Как показал М. Олсон [8], «стационарный бандит» – государство с консолидированной элитой в отличие от «бандита-гастролера» (феодального государства) часть средств отвлекает от личного потребления и инвестиций в средства насилия и «вкладывает» в производство совершенно уникального продукта – порядка, социальных норм.

Однако такое производство порядка возникает только в условиях, когда ожидание долгосрочной прибыли со стороны стационарного бандита достаточно высоко. В противном случае, всегда есть искушение перейти от модели стационарного бандита к модели бандита-гастролера, осуществляющего полное изъятие продукта у населения. Для того чтобы избежать такого перехода, необходимо достаточно высокое качество элиты и безусловный консенсус между элитой и обществом (наличие устойчивого и вызывающего доверие канала коммуникации). Эту функцию и выполняет журналистика.

В условиях абсолютного преобладания одной элитной группы («стационарный бандит») и отсутствия устойчивого механизма самообновления всегда есть тенденция к снижению качественного состава элиты. Как показал П. Бурдье [4], любая устойчивая элитная группа стремится закрепить свое положение, оградить его от посягательств извне («стеклянные потолки») и в идеале передать свой статус по наследству. В ситуации раскола элит гарантией от застоя выступает сам факт конкурирующей элитной группы, заинтересованной в ослаблении позиций соперника. В условиях консолидированной элиты и отсутствия конкуренции между элитами резко возрастает опасность непотизма и коррупционного перерождения элиты. Возникает острая потребность в инструменте социальной гигиены, позволяющем выявлять и отсекать нарушение норм поведения со стороны представителей самой элиты. Отчасти эти функции в различных обществах оказываются возложены на религиозных лидеров (Иран), тайную полицию (Ливия) и т. п. структуры. Однако если общество достаточно далеко продвинулось в направлении «вестернизации», что в условиях глобального мира стало почти всеобщей нормой, значимость религии как универсального регулирующего института снижается. Остальные же структуры столь же легко подвергаются коррупции, как и сами представители консолидированной элиты.

Возникновение контрэлиты, которая смогла бы контролировать качество элитной группы, в условиях отсутствия устойчивого социального целого неизбежно ведет к разрушению общества. Опыт Советского Союза с его недолгим «плюрализмом» является ярким подтверждением этого тезиса. Более того, столкновение элит в этих условиях ведет не к переговорам, но к гибели всех альтернатив и восстановлению гомогенности. Наиболее эффективным инструментом социальной гигиены и выступает в подобном типе общества журналистика и средства массовой информации.

«Гигиенический эффект» журналистики основан на том, что в среде гомогенной, консолидированной элиты вырабатываются и жесткие принципы корпоративной ответственности. Элита не только «производит» порядок и навязывает обществу нормы, но представляет собой замкнутую корпорацию с четкими правилами внутреннего поведения и взаимной ответственностью членов корпорации. Нарушение этих правил и фиксирует журналистика, давая возможность элите избавиться от «больного органа». Чем сильнее консолидация элит, тем более значимой становится пресса. Вспомним о могуществе прессы в СССР и о ее значимости в современном Китае. Социальная ответственность журналиста в этом типе общества есть ответственность за поддержание качества политической элиты, но не только.

Не менее важной задачей журналистики выступает сакрализация элиты [2: с. 39]. Нормотворчество и производство порядка здесь оказываются возможны не только в случае подавляющего силового ресурса, но и при обязательном наделении элиты статусом интерпретатора истины в последней инстанции: божественной истины, объективных законов истории, цивилизованного общества и т.п. Наличие у политического класса только силового и экономического ресурса неизбежно приводит к появлению меритократической контрэлиты и актуализации социальных конфликтов.

Сам же процесс сакрализации протекает не столько на рациональном, сколько на эмоциональном уровне, задействует образное восприятие. Формулировка ключевых образов, способных сакрализировать элиту и обеспечить единство общества и становится функцией журналистики, сферой ее ответственности. Свобода же слова состоит в праве контроля над соблюдением правил поведения всеми членами общества и, в первую очередь, представителями элитных групп.

Понятно, что описанные выше социально-политические структуры и функция в них журналистики выступают, скорее, идеальными типами, нежели описанием реальных режимов. Но наличие таких типов и позволяют нам выделить не номинальные, а реальные функции журналистики, сферы журналистской ответственности.

Пожалуй, наименее четко можно сформулировать задачи журналистики, описать сферу ее ответственности и область свободы в промежуточных или гибридных режимах, к которому можно отнести и современный политический режим в России. Отсутствие четко осознаваемого социального целого, атомизация общества (Новая Россия до сих пор не была ни осмысленна, ни концептуализирована) делает невозможным наличие сложно организованных элит, находящихся в ситуации переговоров. Конфликт внутри политического класса практически мгновенно переносится на улицы, ведется не в форме переговоров, но в виде прямого столкновения, задействующего силовые инструменты и массы.

В то же время отсутствие сакрализации приводит к невозможности выработки «внутренних» правил поведения и корпоративной ответственности, исключающими или снижающими риски коррупционного перерождения элиты. Соответственно исчезает возможность журналистики апеллировать к ценностным нормам как «общественного мнения», так и элиты. Договор между элитой и массами заключается помимо идеологических концептов: экономическое благополучие в обмен на лояльность. До тех пор пока политический класс обеспечивает экономическое благополучие населения, договор сохраняется. Единственной значимой социальной функцией журналистики в этих условиях оказывается развлечение масс, оттесненных от принятия сколько-нибудь значимых решений при отсутствии сакрально-идеологической связи между массами и элитой. В этой ситуации вторая древнейшая профессия стремительно превращается в первую.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андерсон, Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон – М. : Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. – 289 с.

2. *Бляхер, Л.Е.* Приключения легитимности власти в России, или воссоздание презумпции виновности / Л.Е. Бляхер, Т.Л. Огурцова // Полис. – 2006. – № 3. – С. 36–48.

3. *Бодрийяр, Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М. : Культурная революция, Республика, 2006. – 427 с.

4. *Бурдье, П.* Социология и демократия / П. Бурдье // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М. : Институт экспериментальной социологии, СПб. : Алетейя, 1999. — С. 119–124.

5. *Каспэ, С.И.* Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма / С.И. Каспэ. – М. : ГУ-ВШЭ, 2007. – 438 с.

6. *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : УРСС, 2004. – 256 с.

7. *Меркель, В.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях / В. Меркель, А. Круассан // Полис. – 2002. – № 2. – С. 20–31.

8. *Олсон, М.* Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп / М. Олсон. – М. : Фонд экономической инициативы, 1995. – 163 с.

9. *Пивоваров, Ю.С.* Русская политическая культура и Political Culture / Ю.С. Пивоваров // Pro et contra. – Т. 7. – 2002. – № 3. – С. 42–56.

10. *Сергеев, В.М.* Демократия как переговорный процесс / В.М. Сергеев – М. : МОНФ, 1999. – 218 с.

КОРЕЙСКО-РОССИЙСКИЕ КОММУНИКАЦИИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

Д.-Х. Пён

Пён Донг-Хён – доктор наук в области средств массовой информации, профессор Школы СМИ Университета Соган (г. Сеул, Корея).

Контактный адрес: dhbyun@sogang.ac.kr

Настоящая статья рассматривает процесс развития коммуникации между Кореей и Россией, тенденции освещения корейскими СМИ событий в России, проблемы и направления улучшения связей между двумя государствами.

Автор делает следующие выводы: прежде всего, необходимо взаимодействие между СМИ Кореи и России. Примерами такого взаимодействия являются обмен статьями, образованием, а также регулярные рецензии. Во-вторых, России необходимо проявлять больший интерес и внимание по отношению к корейским СМИ. Российское консульство должно обеспечивать информационное освещение и отчетность оперативно и периодически. В-третьих, Россия и Корея должны уделять большее внимание освещению событий в СМИ другой страны. Необходим систематический мониторинг освещения событий в СМИ как на уровне государства, так и на уровне простых граждан. СМИ должны получать сообщения, требующие корректировки, чтобы меры по внесению корректив принимались незамедлительно. При освещении международных событий, телевидение должно воздерживаться от передачи провокационных или сенсационных образов и обратить внимание на качество репортажей и этические аспекты подачи материала. Наконец, мы не можем узнать мир по отрывкам новостей. Перед тем, как воспринимать новости, мы также должны понимать различные культуры и образы жизни. С такой точки зрения мы не должны концентрироваться только на новостях СМИ, но нам необходимо взамен этому охватывать культурные программы, такие как кино и видео.

Ключевые слова: международная коммуникация, освещение в СМИ, корейско-российские отношения, повестка дня СМИ, структура СМИ, национальный образ.

1. Введение: цель и возможности/ область исследования

Международная коммуникация внесла свой вклад в установление единого мирового пространства или органического/единого международного сообщества [13]. Первые контакты с Россией начались приблизительно 100 лет назад в период правления Династии Чосо́н (Joseon) (старая Корея). В апреле 1989 г. торговым отделом Генерального консульства республики Корея (KOTRA) и Торгово-промышленной палатой России были открыты первые торговые офисы в Сеуле и Москве. Это событие – прямое следствие открытой и реформаторской политики Горбачева в 1985 г., который стал позднее российским Президентом СССР (это был период гласности и перестройки). Так, 8 декабря 1989 г., было достигнуто соглашение о консульских представителях между двумя нациями. В марте 1990 г. корейскими и российскими министрами иностранных дел было подписано соглашение о дипломатических отношениях между странами, которое позволяло иметь контакт на уровне посольств. В 1988 г. Олимпийские игры в Сеуле и гастроли балета Большого театра и ленинградского оркестра в Корее послужили катализатором развития двусторонних отношений [12].

Двусторонние отношения развились очень быстро. По данным компании Корея Телеком (Korea Telecom Authority), в то время крупнейшей телекоммуникационной компании Кореи, в первом полугодии 1990 г. количество международных звонков между Кореей и Россией увеличилось на 580 % по сравнению с предыдущим периодом. Через 100 лет Корея и Россия снова стали близкими друзьями. Разработанный недавно проект по прокладке трубопровода по подаче газа, который составляет наибольшую долю всех природных ресурсов России, находится в процессе реализации. В августе прошлого года Россия оказала технологическую поддержку Корее при запуске многоцелевого спутника «Нарохо» (Naroho), однако, эта попытка оказалась неудачной. Корея, в свою очередь, постоянно предпринимает дипломатические шаги, устанавливая дружеские отношения с Россией, и отказывается от узконаправленной дипломатии, сосредоточенной на Соединенных Штатах. Тем не менее сотрудничество между Кореей и Россией расширяется и охватывает всё разнообразие проблем от культуры и искусства до вопросов энергетики, телекоммуникаций и даже вопросов безопасности. Последние считаются достаточно деликатными и чрезвычайно важными проблемами.

Эта статья представляет собой анализ двусторонних отношений с точки зрения освещения в СМИ, потому что именно СМИ сыграли значимую роль в сотрудничестве между этими двумя нациями. Корейцы и русские познают друг друга

через СМИ и формируют свое отношение к другой под влиянием СМИ образу противоположной стороны. Следовательно, влияние СМИ на двустороннее развитие отношений огромно. Эта статья посвящена процессу развития коммуникаций между Кореей и Россией, тенденциям охвата новостей корейскими СМИ на территории России, и проблемами, и направлениями совершенствования коммуникации между этими двумя нациями.

2. Корейско-российские коммуникации: процесс развития взаимоотношений

В период правления династии Чосо́н (Joseon) перед модернизацией Кореи две нации установили отношения на уровне посольств, и существенная часть российской культуры проникла в Корею. Поскольку Япония и Россия участвовали в коалиции, чтобы свергнуть Династию Чосо́н, имели место усложненные политические инциденты. Взаимоотношения между Кореей и Россией развивались активно на фоне этих бурных событий.

Российская революция 1917 г. оказала существенное влияние на социалистическое движение Кореи, находившейся в то время под колониальным правлением Японии. Корейская газета «Кориа Дэйли Ньюс» («Korean Daily News» *Maeil Shinbo*), которая выпускалась под контролем японского генерал-губернатора, была в то время единственным средством массовой информации в Корее, передававшим новости о российской революции. Это издание не скрывало своего удивления революцией, упоминая, что «…это самое крупное событие в истории России и Великая Россия разрушена»[1]. Эта газета лидировала по количеству новостей о России до тех пор пока в феврале 1920 г. не началось издание частной газеты. С ноября 1917 г. до марта 1920 г. в течение 2 лет и 3 месяцев, газета опубликовала 104 статьи о России. Статьи, появившиеся в газете в течение того периода, были разделены на три категории. Во-первых, это были статьи, касающиеся экономических интересов Японии (лесное производство, добывающая промышленность и торговля на территории Сибири). Во-вторых, статьи о процессе развития российской революции, Ленине и большевистской революции, и российской внутренней политике после революции. В-третьих, статьи о Гражданской войне между большевистской Красной армией и контрреволюционерами, отношениях между контрреволюционными группами, а также отношениях между российской и японской армией, которая участвовала в вылазках на территории Сибири [8].

Позже политическая карта международного сообщества в целом и корейского полуострова, в частности, претерпела серьезные изменения. Россия оказалась под коммунистическим правлением, в то время как Корея после избавления от японского колониального правления и американского военного контроля построила под влиянием США проамериканскую политическую систему. С того момента Корея и Россия поддерживали враждебные отношения. Большинство обменов было прервано, что явилось результатом отсутствия прямых каналов связи между странами. Лишь некоторые обрывочные сведения, сообщаемые ТАСС (телеграфным агентством Советского Союза), были единственным источником информации о России для Кореи[2].

В середине 1980-х появление Горбачева и открытая политика России создали возможность возобновления отношений этих двух наций. В эпоху гласности стали налаживаться важные международные контакты между странами. После реформы России и восстановления дипломатических отношений между Кореей и Россией корейская радиовещательная корпорация MBC (Munhwa Broadcasting Corporation) впервые сообщала новости совместно с Центральным государственным телевидением СССР с помощью спутника 27 февраля 1989 г.. Позже, 3 сентября 1990 г., ежедневная газета «Донг-а Илбо» (*The Dong-a Ilbo* или *East Asia Daily*) заключила соглашение об эксклюзивном обмене репортерами с газетой «Известия», самой крупной ежедневной газетой России, что послужило началом полномасштабного сотрудничества между СМИ Кореи и России [10].

Согласно проведенному в то время исследованию, граждане Кореи были очень заинтересованы в восточном блоке. Наибольший интерес для них представлял Китай (4,27), за ним следовала Россия (4,15), Венгрия (3,02), Югославия (2,97) и Чехословакия (2,77) (оценка проводилась по пятибалльной шкале: 5 – очень заинтересован /1 – не заинтересован вообще). Упоминалось, что

[1] «Кореа Дейли Ньюс» (The Korea Daily News) 27 августа 1918 г.

[2] ИТАР-ТАСС (Информационное телеграфное агентство России) – центральное государственное информационное агентство России. С 1992 г. Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС).

поскольку люди очень заинтересованы в новостях о восточном блоке или смотрят связанные с ним новости внимательно, респонденты получили положительное понимание коммунистических стран, и эти страны остались в их памяти как нации, имеющие вес в мировом сообществе [9].

Причины, по которым корейско-российским отношениям придается такое большое значение, следующие. Во-первых, приблизительно 100 лет назад (в период правления Династии Чосон) Корея и Россия были странами-партнерами в области политики, культуры и экономики. Во-вторых, поскольку с середины 1980-х начался период гласности и перестройки Горбачева и дипломатические отношения между Кореей и Россией были возобновлены, обмен и сотрудничество между этими двумя нациями в различных областях стали тем более важными. В-третьих, говоря о мирном развитии отношений между Южной и Северной Кореей, отношения Кореи – России приобретают очень важный характер.

3. Характер международных новостей

Согласно теориям журналистики в целом, в своей новостной политике капиталистические СМИ сосредотачиваются на сенсационных проблемах, например, насилия, конфликтов, несчастных случаев и происшествий, в то время как социалистические СМИ сосредотачиваются на пропаганде и освещении деятельности политических партий [3]. В этом контексте Реймонд Уильямс, британский исследователь культуры, классифицировал системы СМИ международного сообщества в зависимости от перспектив «кто управляет СМИ» и «для кого СМИ управляется». Он утверждал, что СМИ вне зависимости от национальной структуры и системы СМИ, не являются независимыми. Или все вместе, или индивидуально сообщения искажены и вводят в заблуждение широкую публику. Многие теоретики СМИ приводят доводы, что «новости – это не факты, а реструктурированная действительность вроде беллетристики» [6]. В этом отношении можно предположить, что корейские СМИ обращаются к сенсационным проблемам, в то время как российские СМИ имеют дело с проблемами, традиционно относящимися к пропаганде.

Между тем СМИ Кореи и России широко охватывают проблемы национальных интересов. Это – общая мировая тенденция. Луи Пьер Альтюсс́ер указывал, что особенным характер СМИ объясняется тем, что они являются «идеологическим институтом нации» [1].

Чонг У Со описывает методы подачи международных новостей следующим образом: прежде всего, практика охвата рассматривается в качестве политического инструмента. СМИ используются в качестве дипломатического инструмента осуществления политики страны (например: американские СМИ и войны во Вьетнаме и Ираке). Во-вторых – этноориентированная практика освещения в печати. При освещении международных новостей проблемы, которые связаны со страной, которой принадлежат СМИ, освещаются в первую очередь. В-третьих – практика поклонения при освещении в печати. Как свидетельствуют вырезки из статей, связанных с войной или Олимпийскими играми, на первые полосы попадали атлеты, завоевавшие медали или герои войны. Филип Найтли обобщил «…в результате изучения специальных корреспондентов, которые освещали войны, было выявлено, что первая жертва войн – это правда». И последнее – практика освещения в печати, сосредоточенная на национальных интересах [13].

В исследовании «распределение новостей», проведенного Международным институтом прессы (*International Press Institute (IPI)* в 1953 г., международное радиовещание (1) в значительной степени ориентировано на собственные страны; (2) переполнено эпизодичными последними новостями и кричащими заголовками; и (3) утрачивает равновесие между качеством и количеством. В терминах абсолютного объема вещания международных новостей недостаточно. Международное освещение в печати главным образом связано с проблемами, свойственными сильным странам, и содержание новостей является периферийным, поверхностным и необъективным по отношению к противоречивым проблемам и конфликтным ситуациям [2].

Подобным образом, международный охват новостей пристрастен и неполон как в отношении количества, так и в отношении качества.

4. Анализ последних новостей о России в корейских СМИ

Как корейские СМИ передают новости, связанные с Россией? Хотя ответ на этот вопрос должен быть основан на систематически собираемых данных и всестороннем анализе, из-за временных и пространственных ограничений, в этом исследовании был применен упрощенный подход. Для сбалансированного анализа и количественные и качественные исследования проводились одновременно. Вопросы 1, 2, и 3 связаны с количеством, а вопрос 4 – качеством. Для каче-

ственного анализа проводился межсубъективный анализ кодов образов в новостных роликах, показанных на канале KBS-TV (*Korea Broadcasting System*) в Корее. Для количественного анализа были выбраны следующие три вопроса:

Вопрос 1: насколько корейские СМИ освещают недавние связанные с Россией проблемы и каков характер их содержания?

Вопрос 2: как Россия была показана в сюжетах новостей, которые были связаны с запуском многоцелевого спутника «Нарохо» (*Naroho*) в 2009 г.?

Вопрос 3: как Россия была показана в сюжетах новостей, которые были посвящены выступлениям против корейских студентов, оставшихся учиться в России?

Вопрос 4: как Россия была показана в недавних сюжетах, показанных на канале KBS-TV?

Для настоящего исследования были выбраны данные вопросы, так как фокус СМИ и вопросы, вызывающие интерес корейцев к России можно выяснить из обзора недавних новостей о России в печати. В частности, запуск спутника «Нарохо» был историческим проектом, выполняемым совместно с Россией, поэтому он привлек огромное внимание корейских людей, хотя и потерпел неудачу. Кроме того, нападение на корейских студентов и смерть корейского студента в Москве были шокирующими событиями в новостях дня, что редко случалось с тех пор как дипломатические отношения были установлены между Кореей и Россией (1980-х гг.). Для того чтобы найти ответ на вопрос 1 – были проанализированы статьи новостей в течение одного месяца (24 марта 2010 г. ~ 23 апреля 2010 г.), освещенные новостным агентством Йонхап Ньюс (*Yonhap News*), являющимся ведущим агентством новостей. Чтобы ответить на вопрос 3 – были проанализированы новости, передаваемые KBS-TV, в течение одного месяца с 19 февраля 2010 г. до 14 марта 2010 г., непосредственно после инцидента. Чтобы ответить на вопрос 4 – были проанализированы видеоролики на темы: «Авиационная катастрофа самолета президента Польши» и «Террористический акт в московском метро».

Йонхап Ньюс (Yonhap New) – уважаемое агентство новостей, которое предоставляет корейским СМИ новости из-за границы. Таким образом, необходимо проанализировать сообщения о событиях за рубежом, распространяемые в корейской печати с новостями от агентства. Кроме того, согласно опросу общественного мнения, KBS-TV оказалось самым влиятельным новостным СМИ в Корее[3]. Результаты исследований выглядят следующим образом:

1) полученные при обработке ответов на вопрос 1 (анализ сообщений печати от Йонхап Ньюс (Yonhap New), связанных с Россией).

Положительные новости[4] – 38, нейтральные новости[5] – 13, отрицательные новости[6] – 35. Количество положительных и отрицательных новостей – почти одинаково. По сравнению с ними нейтральных сообщений в печати не так уж много. Эти данные не были статистически обработаны, но оказалось, что количество между положительными и отрицательными новостями почти равно. Однако факт, что отрицательных новостей столько же, сколько и положительных и может иметь отрицательное воздействие на формирование познавательного образа о партнере/освещаемой стороне/противоположной стороне. Примечательно, что негативные сообщения появлялись в печати повторно, что может усилить отрицательный образ и иметь сильный эффект «установления повестки дня» (McCombs и Shaw, 2004) или эффект манипуляции (Roscos и Carpentier, 2009). Такие явления можно объяснить эффектом культивирования (Rosengreen). К освещению в печати новостей о России в ка-

[3] Согласно обзору, проведенному Фондом прессы Кореи, СМИ, пользующиеся наибольшим доверием: телевидение (60,7 %), следом Интернет (20 %), газета (16 %), радио (2,7 %) и журналы (0,4 %), [2008 Media Recipient Recognition Survey, Korea Press Foundation, 2008, 9, P. 122]

[4] Позитивные новости имеют в своей основе обнадеживающие ценности, устремленные в будущее, ориентированные на культуру, улучшение действительности, сосредоточенные на дружбе, и совместной работе. Несомненно, новости, которые принадлежат этой категории: «Самсунг Электроникс впервые выпускает 3DTV на российский рынок»; «Ситуация в Российских аэропортах, связанная с вулканическим пеплом, улучшилась»; «Российская молодежь участвует в конкурсе, посвященном корейской культуре»; «Корейская комиссия по Коммуникациям, подписала меморандум о взаимопонимании с Россией»; «Знаменитый и популярный российский певец празднует 20 лет дипломатических отношений между Кореей и Россией» и «Строительство лыжного спуска в Сочи».

[5] Нейтральные новости: сообщения печати, которые не являются ни положительными, ни отрицательными. Простые факты без определенных ценностей составляют основное содержание. Действительно к ним относятся: «Ретроспектива российского Мосфильма» и «Встреча на высшем уровне между главами России и Украины».

[6] Негативные новости: этой категории принадлежат деструктивные, сильные и нерадостные сообщения в печати. Эти новости мрачны, непродуктивны, относятся к прошлому, ориентированы на войну. К этой категории относятся такие новости, как «Крушение Российского самолета в Филиппинах», «Террористический акт в московском метро» и «Еще одна российская авиакатастрофа … позор на весь мир/стыд на весь мир».

кой-то степени применим принцип журналистики, например, «Если собака кусает человека – это не новость; новость – если человек кусает собаку»;

2) данные, полученные на вопрос 2 (анализ освещения KBS-TV новостей о спутнике «Нарохо»). К сожалению, запуск спутника «Нарохо», который привлек внимание всего корейского народа, оказался неудачным. Этот проект был начат и основан на технологиях, предоставленных Россией; следовательно, если бы он прошел успешно, то образ России в глазах корейцев значительно бы улучшился. Неудавшийся запуск поднял вопросы об уровне российских технологий и проблеме ответственности России. Несмотря на то что эти проблемы не повлияли на двусторонние отношения, к проблемам неудачного запуска часто возвращались из-за высоких ожиданий от «Нарохо», спровоцированных СМИ.

С 25 августа 2009 г. до 17 октября 2009 г., было 177 роликов новостей, относящихся к спутнику «Нарохо». Для KBS-TV, которое показывает многочисленные программы 24 часа в сутки 7 дней в неделю, сосредоточится на единственном важном пункте, таком как этот – очень редкое явление. Это отражает то, насколько важна эта проблемам была для нации и насколько важной считает эту новость KBS-TV. Главные заголовки: «"Нарохо", успех наполовину»; «Россия, проблем с 1-ступенчатой ракетой нет»; «Клеймо "Нарохо", не провоцируй Россию»; «Основные космические технологии своими руками»; «"Нарохо", еще раз бросьте вызов с надеждой»; «Неудача "Нарохо", проблемы с разделением ответственности»; «Национальная проверка неудачи "Нарохо"»; «Соглашение по формированию объединенного комитета расследования, чтобы выяснить причину неудачи» и «Случайность/форс-мажор, нечетко прописанный в контракте "Нарохо"». Самый нейтральный заголовок – «"Нарохо" – успех наполовину». Даже притом, что были различные точки зрения на причины неудачи, KBS-TV дали краткое заключение о сложившемся противоречии, говоря, что это является половиной успеха. Возможно, они преследуют цель успокоить публику и вселить надежду в сердца корейцев.

Было решено снова запустить «Нарохо» 9 июня 2010 г. Внимание СМИ и людей будет приковано к процессу. Если дело пойдет хорошо, то люди снова воспрянут духом, а СМИ поддержит волну позитива. Если запуск снова потерпит неудачу, то мнение широкой публики изменит свой настрой в зависимости от направления освещения в печати. Поэтому Корея, так же как Россия, должна приложить все усилия, чтобы этот запуск оказался удачным;

3) результаты, полученные при обработке данных на вопрос 3 (анализ новостей KBS-TV об убийстве корейского студента, который учился в России).

Случаи нападений на иностранных студентов или даже их убийства без особых причин крайне редки. Естественно, что такие инциденты плохо сказывается на отношениях между странами; внимание СМИ сосредотачивается на этом инциденте. Люди задаются вопросом о причинах произошедшего и будут сочувствовать стране, гражданин которой был убит. Пристального внимания заслуживают усилия по расследованию случая и разрешению ситуации, а также искренность противоположной стороны. Был проанализирован обзор новостей KBS-TV с 19 февраля 2010 г. до 14 марта 2010 г. В течение этого периода на KBS-TV был показан 41 новостной сюжет, связанный с инцидентом, что составляет большую долю. На инциденте было сосредоточено больше внимания, чем на любых других новостях, и большинство оценок инцидента были негативными.

Многие статьи провоцировали широкую публику, и некоторые из них выходили за пределы простого упоминания, например, «Убит корейский студент» и «Проведена церемония поминовения покойного Пёнг Гил Кан». Заголовки, которые сформировали у корейских людей негативное отношение к России: «Крупномасштабная 10-часовая операция»; «Физическое нападение без определенных причин»; «Проблемы корейского сообщества в России»; «Корейские студенты хранили молчание после избиения»; «Корейские студенты в России не защищены от террористических нападений»; «Российская полиция ничего не предпринимает»; «Иностранцы в России боятся террористических нападений» и «71 человек пострадал от расового терроризма в прошлом году». Согласно общей теории воздействия СМИ, широкая публика считает действительность намного более опасной, чем это освещено в печати. Насилие против иностранных студентов или иностранцев служат причинами, порождающим отрицательное отношение к России среди корейцев.

Когда образы соединяются с текстами, их воздействие становится еще более шокирующим. Горе семьи, транспортировка тела, человек, истекающий кровью после нападения, зверские террористы и бездействующая милиция – это те новости, которые породили чрезвычайно негатив-

ные мнения. Образы, передаваемые по телевидению, – более вызывающие, реальные и сжатые, чем всестороннее описание ситуации в прессе. Таким образом, телевидение влияет на формирование мнения более сильно, чем любые другие СМИ;

4) результаты, полученные при обработке ответов на вопрос 4 (качественный анализ новостных сюжетов KBS-TV, об авиакатастрофе самолета президента Польши и террористическом акте в «московской подземке»).

СМИ недавно освещали два важных инцидента, произошедших в России. Первый – авиакатастрофа самолета президента Польши (анализ новостей KBS-TV «News on the Globe» 12 апреля 2010 г.) и второй – взрыв бомбы в московском метро (29 марта 2010 г. ~ 11 апреля 2010 г.). Взрыв в метро упоминался дольше, чем первый инцидент, потому что это был второй акт, который был организован террористами. Эти два случая были происшествиями, имеющими серьезное значение для всего мира, таким образом, была предпринята попытка сделать межсубъективный видеоанализ сюжетов новостей. Экспертиза количества важна, но качественный анализ является также существенным для всестороннего понимания содержания. К. Гирц когда-то определил этот метод как «насыщенное» описание (C. Geertz, 1973).

1. *Охват новостей об авиакатастрофе самолета президента Польши.*

Были проанализированы сюжеты новостей от «News on the Globe» и программа новостей KBS-TV. Самая ужасная часть инцидента – это разрушенный самолет. Строгий взгляд Путина, российского премьер-министра, показал его усилие подавить свои эмоции. Два представителя силовых структур выглядели пассивными и ненадежными. Возможно, это впечатление сложилось из-за их неэмоционального поведения. Голос репортера, произносящего: «Пилот игнорировал инструкции контрольно-диспетчерского пункта и попытался приземлиться» не был убедительным и, следовательно, мог бы навести на мысль о несчастном случае. Пилот мертв и не может сделать никакого заявления против такого обвинения, но вопрос о том, как пилот может игнорировать распоряжения контрольно-диспетчерского пункта все еще остается. Подозрения возникли после того, как сюжет в новостях, подготовленный KBS-TV 14 апреля, с названием «…польский высший чиновник обвиняет Россию в авиационной катастрофе…» показали по телевидению в то время как ответственность России не упоминалась вообще.

Хотя это была только поверхностная съемка места происшествия, она внесла свой вклад в создание еще более трагичного образа несчастного случая (показывая несчастный случай еще более душераздирающим). После просмотра сюжета у зрителей сложились отрицательные мнения, например, «убогая и не безопасная воздушная безопасность России»; «перекладывание ответственности»; «незаинтересованность в разбирательстве и расследовании несчастного случая»; «никаких мер от слабой нации».

2. *Освещение взрыва террористами бомбы в московском метро.*

Этот инцидент освещался с 29 марта до 11 апреля. KBS-TV использовало образы войны с Чечней. В результате складывалось впечатление, что за всеми этими событиями незримо стоят руководители чеченских боевиков. Испуганные и обеспокоенные граждане боялись спускаться в метро, но у них нет других вариантов, таким образом, ситуация буквально безвыходная. Близко сфотографированное изображение женщины с маской на лице дает подсказку, кто преступник. Для террористов – это благородная война во имя собственной нации, но те, на телевидении, были только группой преступников. Фотографии истекающих кровью жертв на улице укрепило такое мнение. Фотографии разрушенной станции метро и разрушенных зданий увеличивали беспокойство зрителей. Подзаголовок «Терроризм держит Россию в напряжении» означает, что такое террористическое нападение может произойти где угодно, в любое время. Кроме того, факт, что террористическое нападение на подземку имело место дважды, был подчеркнут, и он заставляет не только российских граждан, но также и иностранных туристов избегать Россию. Это подобно клейму «раскол нации», которое Корея получила от иностранцев, которое могло быть результатом новостей о перестрелках между Северной и Южной Кореей. О перестрелке легко забыли корейцы, но не иностранцы за пределами страны.

5. Заключение

Большинство корейцев проявляют живой интерес к освещению в печати новостей из России. СМИ Кореи и России должны обращаться к новостям друг о друге с аналитических и рациональных позиций, а не с позиции поверхностного и провокационного освещения. Основной фокус должен быть направлен не на национальные интересы, а на понимание противоположной стороны. Качественный охват является более значи-

мым, чем количественный. Особое внимание необходимо уделять точности, глубине, всесторонности и экспертизе информации.

Для дальнейшего развития двусторонних отношений сделаны следующие предложения.

Во-первых, необходимо сотрудничество между корейскими и российскими СМИ. В данном случае актуальными задачами являются обмен статьями, регулярным критическим анализом статей противоположной стороны, а также образовательные обмены.

Во-вторых, крайне необходимо, чтобы Россия проявляла внимание и заинтересованность в корейских СМИ. Российскому посольству в Корее следует регулярно проводить брифинги новостей и быстро сообщать о важных событиях.

В-третьих, обеими нациями должны быть предприняты усилия, чтобы уделить больше внимания освещению в печати друг друга. Корея должна также уделить больше внимания российским журналистам и СМИ, которые освещают новости из Кореи.

В-четвертых, мониторинг прессы, новостей в печати необходим либо на правительственном уровне, либо на уровне общественности. Сообщения о внесении необходимых исправлений нужно доносить в СМИ так, чтобы действия по внесению исправлений могли быть предприняты немедленно.

В-пятых, говоря о международных вопросах, в частности, телевидение должно воздержаться от демонстрации провокационных и сенсационных фотографий и больше сосредоточиться на качественном освещении событий (особое внимание следует уделять этической стороне описания событий).

Наконец, мы не можем познать мир только по фрагментам, показываемым в новостях. Понимание мировых новостей основывается на понимании различных мировых культур и образов жизни. С такой точки зрения мы не должны концентрироваться исключительно на новостях СМИ, но мы должны обратиться также к культурным основаниям, в частности к таким произведениям культуры, как кинофильмы и видео.

В заключение можно сделать вывод о необходимости активизации взаимодействия между странами и коммуникациями. Взаимное понимание и сотрудничество в течение многих десятилетий будет способствовать благоприятным отношениям между двумя странами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Althusser, Louis,* Lenin and Philosophy and Other Essays, New Left Books; London, 1971, PP. 136–137.

2. IPI, The Flow of the News, Zürich, 1953.

3. *Jaksa, J.* A et. al., Responsible Communication, 1996, P. 215.

4. McCombs Maxwell and Shaw, Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion, Cambridge, UK: Polity Press, 2004.

5. *Nightly, P.* The First Casualty, From the Creamea to Vietnam: The War Correspondent as Hero, Propagandist and Myth Maker, New York: Harcourt, Brace, Janovich, 1975.

6. *Potter, W. James*, Media Literacy, Sage, 1998, P. 111.

7. *Roscos-Evoldsen, D.R. and Carpentier, F.D.*. Media Priming: An Updated Synthesis, in Media Effects: Advances in Theory and Research, ed. Jennings Bryant and Mary Beth Oliver (NY): Routledge, 2009.

8. 김문종(Moon-Jong Kim), “『매일신보』의 러시아에 관한 기사 내용분석: 러시아 혁명기(1917 년 11 월~1920 년 2 월)를 대상으로”, 『한국언론학보』, 제 49 권 4 호, 2005, 8.

9. 김원용(Won-Yong Kim), 1989), ‘텔레비전 시청과 공산권 국가 인식 및 태도에 관한 연구, 신문학보 제 24 호, 한국언론학회.

10. 동아일보(Dong-a Daily) 1990. 9. 4.

11. 박종수(Jong-Soo Park), 『러시아와 한국』, 서울: 백의, 2001, P. 181.

12. 변동현(Dong-Hyun Byun), 신국제정보질서와 동구권과의 커뮤니케이션 연구, 1990. 9, 전남대학교 사회과학연구소 세미나 발표자료.

13. 서정우(Jung-Woo Suh), 『국제커뮤니케이션』 나남, 1987, P. 29.

14. 장행훈(Haeng-Hoon Jang), “글라스노스트와 소련언론”, 사회주의 국가 언론, 한국언론연구원, 1989, 142-15.

ОБРАЗ КОРЕИ И КОРЕЙЦЕВ В РОССИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ И ЭЛЕКТРОННЫХ ИЗДАНИЯХ

Ю.В. Агранат

Л.В. Иванова

Агранат Юлия Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Контактный адрес: agranat@live.ru

Иванова Лариса Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Контактный адрес: x6s6love@gmail.com

В статье рассматривается значение этнического образа в межнациональных отношениях и роль СМИ в формировании этого образа. Авторами рассмотрен образ современной Кореи в российских печатных и интернет-изданиях.

Ключевые слова: этнический образ, Корея, СМИ.

Особенностью современного общества является сближение стран и народов, усиление их взаимодействия, глобализация мира в целом. Многонациональность населения Земли, большинства государств и регионов, интенсификация экономических, политических и духовных отношений народов протекает в поликультурной среде и усиливает связи людей разных национальностей и конфессий. Всякая страна – будь то национальное государство, империя или историко-культурная область – стремится оформить свой образ. Образ страны – это один из важных способов собственной самоидентификации, это знаковая модель, опосредующая представления о национальной общности и ее членах через доступные обыденному сознанию понятия и суждения.

Изучению понятия «образ» посвящены работы С.М. Мезенина, С. Чугрова [11, 19]. Образ есть «…результат запечатления, он есть нечто вроде отпечатка, что в свою очередь предполагает наличие не только действия, энергии, но и воспринимающего начала, в которых эта энергия проявляется, на которую она воздействует и оформляет. Образ является результатом отражения объекта в сознании человека. Образ одновременно и субъективен и объективен» [18].

Образ играет активно-действенную роль в поведении человека, регулирует поведение, осуществляет функции управления действиями. Это имеет место и в международных отношениях.

Этнический образ – форма описания этноса, в которой выделяются наиболее значимые и типичные свойства, которые основываются на чувственном восприятии своего или чужого этноса. Этнический образ служит эталоном, в соответствии с которым человек мотивирует свое собственное поведение. Такой образ отражает собирательное представление членов какого-либо народа о себе (**интраобраз**) или о членах другого народа (**экстраобраз**). В этническом образе присутствуют особенности внешнего типа человека, наиболее характерного для данного народа: русский часто изображается в меховой шапке или в тулупе, белорус – в соломенной шляпе, украинка – в венке из ярких цветов. Этнический образ меняется в соответствии с временными и социальными изменениями жизни народа.

Акцентируя внимание на какой-то специфической черте внешнего поведения индивида, этнический образ формирует общее представление об этническом облике представителей того или иного этноса в целом.

Произнося слова: немец, англичанин, американец, мы вкладываем в них намного больше, чем просто название представителя народа. Мы подразумеваем какие-то специфические черты внешности, связанные с расовыми особенностями, черты характера, темперамента, принадлежность к определенной религиозной конфессии. В нашем сознании мы обычно связываем все эти свойства с преобладающими ландшафтными характеристиками места жизнедеятельности этноса. Тем самым легко убедиться, что этнический образ представляет довольно сложный элемент этнического сознания, поскольку в том или ином физическом типе человека обобщаются территориальные, общественно-исторические и культурные особенности жизни целого этноса. Иными словами, в конкретном этническом образе происходит персонификация одновременно и народа, и страны его проживания. Поэтому этнический

образ служит своего рода эталоном, в соответствии с которым человек мотивирует свое собственное поведение и ожидает определенного типа поведения от реальных этнических прообразов.

Необходимо отметить, что такие образы существуют и работают в межкультурных контактах. Ибо мы склонны воспринимать человека, прежде всего, в рамках этнического образа и очень удивляемся, если конкретный человек из этого образа выбивается. Поэтому ориентация в межэтнических отношениях только на этнические образы может привести к большим ошибкам. Тем не менее, вступая в контакте представителями другого этноса, желательно знать свой этнический образ в глазах других, поскольку именно в рамках этого образа нас будут встречать при первых контактах.

Многочисленные научные исследования (В.К. Малькова, Т. Поликанова, Е.О. Хабенская) подчеркивают существенную роль СМИ не только в освещении этнических аспектов жизни, но и в регулировании самих межнациональных (межэтнических) отношений. Так, по словам В.К. Мальковой «… два ярких явления нашего времени – и сама этничность, и средства массовой информации, просвещающие, развлекающие и определенным образом влияющие на представления и поведение населения, играют существенную роль в жизни современного общества. От того насколько толерантно преподносятся средствами массовой информации этнически окрашенные материалы, нередко зависят не только взгляды и представления людей, но и сами межэтнические отношения, межэтническое спокойствие в регионе, стране и в мире в целом» [10].

Влияние средств массовой информации на стиль жизни и образ мышления своей аудитории является безусловным.

Человек все чаще представляет себе действительность не в соответствии со своим личным восприятием, а через отражение ее в СМИ, через образ этой действительности, сформированный ими. Исходя из этого можно сказать, что совокупность таких сконструированных средствами массовой информации мифов не только внушает определенный тип поведения, но и программирует определенный тип мышления. В современном информационном обществе роль СМИ достаточно высока, и рост такой значимости связан с их глубинным и разнообразным воздействием на повседневную жизнь. Масс-медиа создают и распространяют знание об обществе, о принципах его организации и функционирования, изобретают и воспроизводят нормативные образы и модели поведения, тем самым активно участвуют в процессе формирования социальной реальности [12].

Именно через журналы, газеты, кино и телепередачи читатели и зрители формируют для себя образы, которые затем получают распространение и воспроизводятся индивидами в повседневной жизни. Здесь у массового читателя и зрителя появляется возможность выбора, потому что, ориентируясь только на свое собственное мировоззрение и жизненную позицию, человек может выбрать подходящий именно для него продукт, созданный средствами массовой информации.

Конструирование этнических образов и стереотипов иногда случайное, но чаще всего целенаправленное, своеобразно расширяя или, наоборот, сужая представления людей об этносах, напрямую влияет на межэтнические и межгосударственные отношения, на укрепление межэтнического мира и спокойствия в регионах или, наоборот, на напряженность и конфликтность в регионе.

Образ как информационная модель, формируемая СМИ, является объектом изучения многих наук: философии, социологии, психологии, лингвистики, политологии. Безусловно, СМИ – одно из основных средств, влияющих на общественное сознание. В процессе восприятия материала, при переработке и усвоении информационных сообщений, подаваемых СМИ, в сознании человека формируются те или иные образы (информационные модели).

Манипулирование массовым сознанием с помощью образов и стереотипов может осуществляться через толерантные или конфликтные идеи, сопровождающие подобную информацию. Журналист или редактор практически всегда осознает, какую статью ему надо опубликовать – доброжелательную или наоборот. Это связано как с конкретными информационными поводами, так и с политическими заказами. Авторы материалов хорошо знают, что, передавая любую информацию, можно с помощью многочисленых журналистских приемов делать разные акценты, подчеркивая или скрывая отдельные стороны явления. Поэтому и образ народа, в зависимости от знаний, от профессионализма и целей журналиста, может быть представлен как позитивный или негативный.

Этнические стереотипы в прессе, как правило, эмоциональны, ярки, поэтому хорошо запоминаются читателем и влияют, таким образом,

на его представления в сфере межэтнических отношений. И справедливым представляется мнение о том, что позитивный образ другого народа-этноса можно разрушить быстро, а вот негативный – разрушить очень сложно.

В нашем случае нам интересен образ Кореи в российских печатных и электронных изданиях.

Прежде всего, темы международных отношений освещаются центральными печатными органами, так как региональные издания сосредоточены, прежде всего, на освещении местных проблем. С целью выявления образа Кореи, корейцев в российских печатных и интернет-изданиях авторы использовали наиболее популярные и читаемые центральные издания, такие как «Аргументы и факты» и «Российская газета», их интернет-версии [13], электронные периодические издания [6, 9].

Следует отметить, что в приведенных вышепечатных и интернет-изданиях Корее отводится достаточное внимание. Исключение составляет газета «Аргументы и факты». Так, за период с 1 января по 1 мая 2010 г. в газете «Аргументы и факты» корейской тематике была посвящена лишь одна статья и касалась она Южной Кореи. В печатных изданиях публикаций на корейскую тематику значительно меньше, чем в электронных изданиях. Подача материала о Республике Корея и КНДР приблизительно одинакова. Количественный перевес в сторону Юга или Севера зависит от издания. В «Российской газете» за тот же период было опубликовано 8 статей, посвященных Северной Корее и 7 статей, посвященных Южной Корее. В интернет-версии «Российской газеты» о Северной Корее имеется около 240 статей, а о Южной – около 90 статей [14]. В интернет-газете «Лента.ру» о Северной Корее можно найти около 30 статей, а Южной – чуть более 50 статей [7–9].

Однако несмотря на количественное равенство материалов, посвященных Северной и Южной Корее, наблюдается различие в тоне, характере подаче материала.

Обратимся к основным заголовкам статей, посвященных Северной Корее. Интернет-газета «Дни.ру»: Северная Корея испытывает терпение мира, Северная Корея нервирует соседей, Северная Корея провела ракетные пуски, Корея грозит соседям радиоактивным дождем, КНДР готовит атаку на Гавайи, КНДР готовит беспощадное оружие [6]. «Лента.ру»: Северная Корея запланировала третьи ядерные испытания. В Северной Корее прошли масштабные военные учения. Северокорейский суд приговорил американца к восьми годам лагерей. КНДР пригрозила США последствиями за «психологическую войну» [9]. Интернет-версия «Российской газеты»: от Северной Кореи ждут новых ракетных пусков. В Северной Корее за подрыв экономики казнили бывшего главу Госплана. За встречу с Ким Чен Иром Пхеньян требует от Сеула «огромной экономической помощи». Северокорейские пушки произвели очередные выстрелы в сторону южнокорейских островов [13].

Обратите внимание, что заголовки носят шокирующий, сенсационный характер. Возможно, этим и объясняются результаты исследования, которые показывают больший интерес читателей к статьям о Северной Корее [1].

Посвящены статьи, как правило, лидеру государства, его сенсационным заявлениям, а также чрезвычайным событиям в КНДР. В них используются яркие языковые средства (эпитеты, олицетворения, метафоры). Наиболее часто встречаемые слова – «угроза», «оружие», «расстрел». По мнению авторов у читателей подобных статей складывается образ Северной Кореи, как угрожающего и способного пойти на крайние меры государства. Это, скорей всего, связано, во-первых, с наличием ядерной опасности со стороны КНДР, а во-вторых, с желанием российских журналистов привлечь внимание аудитории сенсационным материалом.

Несмотря на такой агрессивный образ Северной Кореи в российских СМИ, исследования общественного мнения в России показывает, что он не переносится на самих северных корейцев. Так, опрос, проведенный газетой «Комсомольская правда», продемонстрировал в целом доброжелательное отношение своих читателей к ним [6]. По всей видимости, это связано с наследием пропаганды советских времен, когда активно популяризировалась дружба СССР и КНДР. Образ, созданный в те времена, сильно мифологизирован, но, тем не менее, хотелось бы сохранить его доброжелательность. Авторы допускают, что подобный образ со временем может быть разрушен той подачей материала, которое наблюдается в современных российских СМИ, что впоследствии негативно скажется на характере российско-северокорейских отношений.

В отличие от материалов, посвященных Северной Корее, статьи, посвященные Южной Корее имеют сдержанный и нейтральный тон. Большое количество статей связано с превентивными мерами, которые страна предпринимает на случай военных действий со стороны КНДР, с деятельностью и достижениями таких крупней-

ших промышленных корпораций, как «Samsung», «Hyundai», «LG», «Daewoo» и т. д, а также встречами официальных представителей наших стран.

Вот типичные примеры названий статей: «Корейский корабль потопила торпеда КНДР» [4]; «Южная Корея будет создавать совместно с США систему региональной ПРО» [13]; «Южная Корея поймала двух шпионов-убийц» [5]; «Гражданина Южной Кореи задержали за шпионаж в пользу КНДР» [7]; «Южнокорейская армия получит самые мощные БМП в мире» [8]. «Лучшее в мире электронное правительство находится в Южной Корее» [14]. «Корейские зарядные устройства для мобильников стали всемирным стандартом» [9], «Главный аэропорт Южной Кореи признан лучшим в мире пятый год подряд» [15], «Сеул собрался на мировой рынок АЭС» [16], «Южная Корея построила самую длинную в мире дамбу» [17].

Наиболее часто встречаемые слова в статьях – «самый» (быстрый, лучший, удобный, современный и т. д.) и «защита». В результате у читателей складывается образ развитого государства с выдающимися достижениями в области высоких технологий, которое находится в постоянном напряжении из-за своего северного соседа. Такой образ весьма привлекателен для экономического сотрудничества наших стран. Однако он не дает оснований в иных сферах. Результаты ранее приведенного исследования общественного мнения российских читателей демонстрируют дефицит знаний о внутренней жизни Южной Кореи и ее граждан. Представляется, что ликвидация данного пробела должна стать одной из задач российских СМИ.

Хотелось бы чаще видеть на страницах печатных и интернет-изданий материалы, посвященные культуре Корее, быту простых людей, а также статьи специалистов о политике, политической и предпринимательской культуре корейцев. Представляется, что более тесное сотрудничество представителей СМИ России, Южной Кореи и КНДР позволило бы сформировать более полный, объективный образ Кореи и корейцев у читателей российской прессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асмолов, К.В.* Общественное мнение России о Республике Корея / К.В. Асмолов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ifesras.ru/attaches/conferences/2009_korean_conference/samolov_socium.pdf.

2. *Водопьянова, Н.А.* Информационная культура как фактор взаимодействия общественного и индивидуального / Н.А. Водопьянова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vod_ani.ru.

3. *Демидов, А.И.* Роль СМИ в жизни людей / А.И. Демидов, А.И. Акопов, Е.А. Карнилов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.style.html.ru.

4. Интернет-версия газеты «Комсомольская правда» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kp.ru/daily/23882.4/65636/.

5. Интернет-газета «Дни.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dni.ru/news/2010/4/20/ 190134.html.

6. Интернет-газета «Дни.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dni.ru/polit/2010/4/22/190263.html.

7. Интернет-издание Rambler Media Group «Лента.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lenta.ru/news/2010/04/12/spy/.

8. Интернет-издание Rambler Media Group «Лента.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lenta.ru/news/2009/11/30/k21/.

9. Интернет-издание Rambler Media Group «Лента.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lenta.ru/news/2010/03/18/korea/.

10. *Малькова, В.К.* Этничность и толерантность в средствах массовой информации (опыт исследования современной российской прессы) : дис. ... д-ра ист. наук / В.К. Малькова. – М., 2006. – 404 с.

11. *Мезенин, С.М.* Образность как лингвистическая категория / С.М. Мезенин // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – 57 с.

12. *Поликанова, Т.* Информационное обеспечение межнациональных отношений в России / Т. Поликанова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rau.su/observer/N4_2007/022_028.pdf.

13. Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rg.ru/2010/02/17/sistema-pro-site-anons.html.

14. Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2010/01/17/pravitelstvo-site-anons.html.

15. Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rg.ru/2010/02/23/aeroport-anons.html.

16. Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rg.ru/2010/02/18/seul-site-anons.html.

17. Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rg.ru/2010/04/27/damba-site-anons.html.

18. *Хабенская, Е.О.* Этнические стереотипы и ксенофобия в СМИ (по материалам мониторинга прессы столичного региона) / Е.О. Хабенская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ashpi.asu.ru/studies/2005/hbnskja.html

19. *Чугров, С.* Этнические стереотипы и их влияние на формирование общественного мнения / С. Чугров // Мировая экономика и мировые отношения. – 1993. – № 5. – 63 с.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ФОРМИРОВАНИЕ ДОВЕРИЯ КАК УСЛОВИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА

Д.Л. Галиуллин

И.Ф. Ярулин

Галиуллин Дамир Лутфуллаевич – кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Ярулин Илдус Файзрахманович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: iarulin@mail.ru

В статье рассматриваются подходы к определению понятий социального и политического доверия, а также поля политики. Выделены разные подходы к воспроизводству доверия и недоверия. Предложен подход к инвестированию в региональный социальный капитал с целью использования его в стратегиях политического и социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: доверие, недоверие, социальный капитал, политическая стабильность.

Проведение модернизации в современной России не сняло практических проблем обеспечения устойчивости российской экономики и общества, безопасности их жизнедеятельности, которые зависят от целого ряда факторов. Проблема доверия стала одной из центральных для современного общества. Воплощение идей преобразования и развития общества возможно лишь на основе доверия широких масс власти к ее представителям. Только доверие к ним может объединить людей и вовлечь различные социальные группы в процесс взаимодействия.

Доверием пронизаны все сферы человеческих отношений. Доверительность в межличностных отношениях обеспечивает интеграцию, сплоченность семьи, способствует прочности деловых связей, устойчивости команд и объединений. Доверие к органам власти, СМИ, представителей различных социальных групп друг другу обеспечивает социальную стабильность общества в целом.

Как особый социальный конструкт социальное доверие воплощает в себе совокупность нормативных ожиданий, направленных на увеличение стабильности и предсказуемости, а также транспарентности социальной жизни в условиях трансформационных преобразований, которое испытывает российское общество. Регенерация социального доверия в российском социуме является актуальной социально-политической задачей. Восстановлению социального доверия может послужить сохранение активной роли государства в обеспечении социальной стабильности.

Петр Штомпка в своей теории доверия определяет факторы постепенного искоренения фундаментального недоверия:

- наличие обстоятельств, подтверждающих убежденность в том, что изменения непрерывны, постоянны и необратимы;
- значительный экономический рост; новое качество и уровень жизни; консолидация политической демократии и конституционализма: принятие новой конституции, успешная смена власти через выборные процедуры, практическая верификация демократических институтов; становление рынка и частной собственности;
- расширение личного и социального капитала и рост «ресурсности», по крайней мере, у ряда значительных страт общества (при сохранении и традиционных ресурсов, в частности, наличие связей, поддержка семьи и принадлежность к религиозной общине);
- смена поколений: появление новых поколений, выросших в других условиях [9; 11: p. 313].

Доверие или его антипод недоверие в современном мире имеет материальную силу. Одним из важнейших факторов, определяющим характер не только межличностных, но и в целом всех социальных отношений является доверие.

Оно непосредственно «вплетено» в механизм, обеспечивающий интеграцию и стабильность общества. Подчеркивая роль доверия в организации общественной жизни, известный американский социолог А. Селигмен отмечает, что власть, господство и насилие на какое-то время могут решить проблему социального порядка, организации разделения труда, но «…они не способны сами по себе обеспечить основу для поддержания этого порядка в долговременной перспективе» [6: с. 7].

Доверие как социальный феномен превращает объединение социальных акторов в институционализированное сообщество, ибо доверие есть такая разновидность социального капитала, которая обретается и используется только группой в целом, что создает возможность существования в среде ее членов генерализованного обмена, в отличие от индивидуального капитала, который обретается индивидами и используется ими для достижения частных целей.

Становление взаимного доверия – это способность к ассоциации, которая зависит от существования внутри сообщества норм и ценностей, разделяемых всеми его членами, а также от готовности последних подчинять свои интересы интересам группы. Взаимное доверие, имеющее конкретную экономическую величину, – результат общих норм и ценностей.

Большинство социальных исследователей подтверждают наличие проблемы и кризиса доверия. Сегодня встречается утверждение, что население сегодня все в большей степени утрачивает способность пользоваться доверием как способом социальной интеракции. Проецируется ситуация, когда изменения приведут к угасанию этого феномена.

Более чем десятилетний опыт анализа проведения выборов подтверждает вывод о том, что есть прямая связь между недоверием к политическим институтам, фигурам власти и абсентеизмом, показывает, что растет число граждан, отказывающихся участвовать в голосовании. Полученные результаты свидетельствуют, что абсентеизм значительной части избирателей носит осознанный протестный характер, в основе которого лежат как неверие в демократичность выборов, так и недоверие конкретным кандидатам и партиям. Как правило, за этим стоят более глубокие причины – разочарованность индивида в политическом режиме, негативный экономический опыт, приобретенный в ходе рыночных реформ. Характерно, что именно в группе респондентов, оценивших свой материальный уровень крайне низко («денег не хватает даже на еду»), чаще наблюдается феномен недоверия и отчужденность от общественной жизни. Почти треть из них дала отрицательный ответ на вопрос об участии в выборах. Причем более половины из них свою электоральную пассивность объяснили отсутствием интереса к выборам и политике в целом.

На региональном уровне население также склонно демонстрировать более высокий уровень поддержки институтами и фигурами власти, в чьих руках сконцентрирована реальная власть (губернатор, администрация городов), нежели представительным органам власти.

Как справедливо отмечает Б. Дубин, «…принято говорить (и политологи, политтехнологи, журналисты часто говорят) о массовом или очень широком доверии первым лицам, доверии власти. В принципе можно очень подробно на данных показать, что ни о каком доверии, ни о какой поддержке речи здесь нет. Перед нами совершенно другое состояние социального вещества: это передоверение большинством какой бы то ни было инициативы первым лицам. В российской политической культуре, в политических умозрениях большинства право на инициативу имеет тот, кто выше, в пределе – самый высокий. На чем строятся так называемые рейтинги? Это наш обычный вопрос, мы его многократно повторяли: «В какой степени вы одобряете то, как такой-то исполняет должность, на которой сидит?». Тут замеряется не доверие, не поддержка, а степень соответствия того, как ведет себя фигура, демонстрируемая по телевидению, тем ожиданиям, иллюзиям, страхам, привычкам, которые есть у большинства населения. В данном случае мы имеем дело с тем, что 70 %, 75 %, а то и больше процентов взрослого населения страны говорят примерно следующее: «Да, такой образ власти нам привычен. Нормально, у нас нет к ней, в этом смысле, претензий» [1].

Дефицит доверия влечет проблему дефицита социального капитала. Радиус доверия как показатель социального капитала отражает широту и интенсивность социальных связей в обществе, что подтверждают эмпирические социально-психологические исследования.

В современном российском обществе существует парадокс социального доверия, который выражается в том, что, с одной стороны, отсутствует доверие к власти как источнику и гаранту права, которое замещается локализованным доверием на уровне межличностных отношений малых групп, а с другой – доминирует патерна-

листский (представительский) синдром, который связывается с опекунскими ожиданиями от власти.

Рациональность доверия (т. е. его обусловленность прежде всего внутриполитическими факторами, связанными с политическим и экономическим курсом правительства, осознанием гражданами уровня эффективности проводимой им политики) разрабатывается в рамках теории рационального выбора (Rational Choice Theory) и включает важнейший постулат данной, в основе своей экономической теории, о полезности (Utility) и эффективности действующих политических институтов. Логика теории такова, что институциональное доверие рассматривается следствием, а не причиной эффективности действующих политических институтов. Это опровергает привычный для сферы политики тезис о доверии (или недоверии гражданского общества) как факторе успеха деятельности политических институтов. Эффективно действующие политические институты генерируют доверие. Следствие отсутствия успеха в их деятельности – скептицизм и недоверие со стороны гражданского общества.

Сегодня тема политического доверия исследуется не только в аспекте анализа причин (Causes) и факторов доверия, но также в рамках изучения реверсивной связи, а именно эффектов доверия (Effects), т. е. следствий политических макро- и микропроцессов, сопряженных со снижением или усилением политического доверия гражданского общества, определяющих характер его обратного влияния на политическую ситуацию, а соответственно и эффективность политики правительства, и режима в целом. Тема эффектов политического доверия находится в кругу интересов, в частности, Марка Хетерингтона, рассматривающим ее в рамках интегрального институционального анализа проблемы политического доверия в развитых демократиях, тенденция к падению которого в последние три десятилетия XX в. выявлена целым рядом современных исследователей [10: p. 791–808].

М. Хетерингтон обосновывает мысль об ошибочности рассмотрения политического доверия лишь как зависимой переменной, определяемой, в первую очередь, влиянием институциональных факторов. Такой подход предполагает, что политическое доверие представляет собой отражение состояния удовлетворенности или неудовлетворенности гражданским обществом действующими политическими элитами и институтами.

М. Хетерингтон исходит из того, что политическое доверие, будучи зависимым от эффективности принимаемых элитами политических и экономических решений, в свою очередь, одновременно оказывает сильное воздействие на политическую ситуацию тем, что сопровождается формированием в обществе аффективных ориентаций, связанных с возникновением чувства доверия или недоверия прежде всего к действующему президенту, а в определенной, пусть и несколько меньшей степени, к законодательной власти. Тем самым доверие рассматривается в данном случае одновременно и как независимая переменная, способная выполнять роль индикатора, измеряющего уровень как специфической (Specific Support), так и диффузной поддержки (Diffuse Support) институциональной структуры гражданским обществом.

Взаимозависимость доверия и институциональной поддержки в гражданском обществе означает, что, будучи в определенный момент утраченным, политическое доверие, а точнее недоверие, ведет к потере институциональной поддержке, восстановление которой чрезвычайно проблематично. Это, в свою очередь, подрывает условия и способность правящих политических элит проводить эффективную политику, порождает дальнейший рост недоверия, нарастание неудовлетворенности проводимой политикой, ведет к утрате институциональной поддержке, а зачастую и изменениям в институциональной структуре [3].

Взгляд на современное российское общество не может ограничиваться констатацией массового недоверия. Пределы доверия расширяются по мере роста тех форм социальной деятельности, где следует учитывать баланс взаимных интересов: в данном случае речь идет о степени риска, ответственности как правовой, так и социальной. Между доверием к государству и межличностным доверием существует вакуум, в котором получается парадоксальная картина: выражение доверия к государству как следствие недоверия к «другому».

В результате многолетних реформ, проводимых в нашей стране, наблюдается определенное разочарование населения деятельностью кадров управления и органов государственной власти, падение авторитета органов власти в обществе, значительное снижение доверия людей к ним. В настоящее время складывается достаточно противоречивая ситуация: современные условия реформирования России предъявляют повышенные требования к эффективности государст-

венного управления, а реальная эффективность деятельности органов государственной власти и государственных служащих находится на низком уровне; реальный социальный статус органов государственной власти в обществе значительно ниже их официального статуса. Такое положение обусловливает утрату властными структурами определенной меры своего влияния в обществе, дальнейшее понижение социального статуса органов государственной власти. Сохранение данной ситуации на фоне общего психологического кризиса может вести к нарастанию социальной напряженности в обществе. Разрешить сложившееся противоречие можно, в частности, путем повышения доверия населения государственной власти и ее органам. Доверие граждан – это особый источник силы государственной власти и одновременно показатель ее эффективности. Власть, которая не пользуется поддержкой населения, которой не доверяют люди, не жизнеспособна. Поэтому в настоящее время среди наиболее важных задач, стоящих перед органами власти в нашей стране, – задача завоевания доверия населения, повышение своего авторитета и социального статуса в современном российском обществе.

Доверие следует рассматривать как один из факторов, поддерживающих устойчивость и интегрированность общества. Рассмотрение доверия в этой проекции указывает на его роль в конструировании горизонтальных и вертикальных общественных отношений. В первом случае, доверие участвует в формировании групповых идентичностей (осознание общей причастности к какому-либо коллективу, сообществу), новых отношений сотрудничества и солидарности, разнообразных форм гражданских ассоциаций (общественные и инициативные движения, политические партии, клубы интересов, этнические ассоциации, религиозные деноминации, группы взаимопомощи и др.). Хотя гражданские ассоциации могут быть построены с учетом разных организационных принципов, членство в них определяется общими представлениями, добровольностью в принятии определенных обязательств и взаимным доверием. Тем самым доверие способствует воспроизведению особого феномена – социального капитала.

При анализе проблематики доверия важное значение имеет конструкт «поля политики» как «…системы изменяющихся взаимодействий политических сил, ориентированной не на опредмеченные структуры и формальные правила, а на мобилизованные группы, объединяющие агентов в живые коллективности для достижения определенной цели, более приемлемо в условиях кризисного российского общества, в котором политические структуры либо вообще бездействуют, либо постоянно дают осечки» [2]. Приведенное определение подчеркивает теоретическую ценность конструкта «политического поля» для ситуаций неопределенности формальных правил и дисфункциональности политических институтов, проявляющихся в региональной политике. И, конечно, доверие является именно тем самым «полем политики», особенно в региональном измерении.

В данной ситуации весьма востребованной, на наш взгляд, становится идея регионального социального капитала как системы социальных сетей, облеченных взаимной ответственностью и возникающего на основе регионального/локального доверия. Это доверие может сложиться на основе внятной региональной социальной политики нацеленной на все население муниципалитета или региона в целом, что позволяет расширить социальную базу поддержки для восстановления и укрепления социально-экономической стабильности. Активизация региональной социальной политики, позволит наращивать человеческий и социальный капитал, улучшать ситуацию там, где это наиболее важно.

Доверие, формирующееся по мере межличностного взаимодействия и сотрудничества в рамках формальных и неформальных институтов региональных структур общества, прежде всего в местных ассоциациях, содействует усилению доверия к действующим политическим институтам, что способствует формированию регионального социально-политического пространства, преодолению состояния так называемого «песочного общества» (термин «Сигэки Хакамада») [7: с. 25].

Результаты проведенного в феврале 2009 г. ВЦИОМ по заказу социологов из Тюменского государственного университета общероссийского социологического опроса (проанкетировано по репрезентативной выборке 600 человек в возрасте от 20 лет старше, проживающих в различных городах и селениях России) показывают следующую картину (таблица) [5: с. 88].

По мнению авторов исследования, такая дифференциации регионов примерно отражает степень их модернизированности – она в конкретном регионе тем выше, чем выше в нем уровень доверия [5: с. 88].

Таблица

Дифференциация уровня личностного обобщенного доверия по федеральным округам

Федеральный округ	Большинству людей можно доверять, %	Надо всегда быть предельно осторожным, %	Другое, %	Не знаю, %
Регионы с высоким уровнем доверия				
Уральский	49,5	46,8	0.0	3,7
Центральный	34,3	60,2	2,1	3,3
Регионы со средним уровнем доверия				
Сибирский	26,6	68,1	0,9	4,4
Южный	24,4	72,1	0,4	3,1
Приволжский	23,3	74,3	0,0	2,3
Регионы с низким уровнем доверия				
Северо-Западный	21,6	62,7	07	15,0
Дальневосточный	15,9	80,7	0,0	3,4

Представляется, что в Дальневосточном федеральном округе должна быть разработана программа «инвестиций в возрождение социального доверия». Эти меры доверия, способные изменить общественный климат, повысить гражданскую активность, дать импульс новой волне перемен, которые пользовались бы поддержкой большинства населения. Такая политика не носит патерналистский характер, не подменяет доверие патрон-клиентными отношениями.

Отношения, возникающие на основе взаимного доверия и открытости сторон, способствуют выявлению скрытого потенциала невыявленных ранее местных ресурсов (в том числе и потенциальной силы социального капитала региона). В свою очередь, соединение усилий населения, региональных властей и бизнеса помогает решать следующие задачи:

- повышение уровня благосостояния, занятости населения территории;
- совершенствование структуры экономики региона;
- возникновение новых производств и реконструкция действующих предприятий;
- развитие рыночной и производственной инфраструктуры и коммуникаций;
- развитие социальных институтов территории, профессионального образования и здравоохранения.

Б. Мицтгел характеризует доверие как социальный механизм, объясняющий конкретные действия людей с помощью их мотивов и убеждений. Доверие рассматривается ею как сложные отношения, зависящие от многих факторов и имеющие множество форм. Во взаимодействии с другими индивид удовлетворяет свои эмоциональные, когнитивные и инструментальные потребности. При этом наиболее существенным фактором, определяющим выбор конкретных действий участвующими субъектами, выступают взаимные ожидания. Б. Мицтгел выделяет три типа ожиданий, которые непосредственно связаны с понятием доверия [4: с. 187];

- ожидание того, что естественный и моральный порядок существует и поддерживается;
- ожидание компетентного исполнения своей роли от тех, кто включен в социальные отношения;
- ожидание того, что партнеры взаимодействия будут выполнять свои обязательства и функции, что в определенных ситуациях они смогут поставить интересы других выше своих собственных.

Сегодня в России перераспределяется до 30 % всех доходов. То есть центр сначала собирает все средства с регионов, а потом распределяет их в виде целевых социальных трансфертов, при этом диктуя регионам, на что они могут быть потрачены. Стимулирующий эффект такой политики невелик. При выборе пространственных приоритетов развития по-прежнему плохо расставлены региональные приоритеты. Наибольшую отдачу сулят вложения в лучшие регионы и территории, имеющие серьезные конкурентные преимущества. К последним в нашей стране, как и раньше, относятся преимущественно сырьевые ресурсы, а не качество социального и человеческого капиталов.

Доверие граждан ускоряет процесс принятия и реализации решений, усиливает конкурентоспособность региона. Существенным элементом укрепления доверия является обратная связь. Доверительные отношения наиболее вероятны там, где цели и задачи, основные принципы и нормы организации или группы четко сформулированы и общеприняты. Управление современной организацией заключается не столько в осуществлении руководителями властных полномочий, сколько в способности помочь подчиненным развить собственные умения, проявлять о них заботу, направить их энергию на достижение общей цели.

Пока же за счет административного ресурса руководство регионов добивается нужных электоральных результатов, но не может обрести реального доверия населения. Понимание этого обстоятельства многими представителями власти очевидно. Они пытаются изменить ситуацию, но встречают колоссальное сопротивление со стороны конкурирующих властных группировок, заинтересованных в сохранении *status quo*. Обществу и власти предстоит пройти очень долгий путь формирования такой системы государственной элиты, которая признает факт недоверия общества к власти и постарается исправить положение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дубин, Б.* Характер массовой поддержки нынешнего режима феномен [Электронный ресурс] / Б. Дубин. – Режим доступа: http://www.levada.ru/press/2010022406.html

2. *Качанов, Ю.* Опыты о поле политики / Ю. Качанов. – М. : Институт экспериментальной социологии, 1994.

3. *Лукин, В.Н.* Политическое доверие в современном гражданском обществе: культурологические и институциональные модели [Электронный ресурс] / В.Н. Лукин. – Режим доступа: http://credonew.ru/content/view/500/30/.

4. *Минина, В.Н.* Доверие на потребительском рынке (на примере рынка продовольствия) / В.Н. Минина // Социология потребления ; под редакцией Л.Т. Волчковой, Ю. Гронова, В. Н. Мининой. – СПб., 2001.

5. Доверие как элемент социального капитала современной России (компаративистский анализ) / М. Сасаки [и др.] // Мир России. – 2010. – № 2.

6. *Селигмен, А.* Проблема доверия / А. Селигмен. – М., 2002.

7. *Хакамада С.* Проблемы России: взгляд из Японии / С. Хакамада // Стратегия России. – 2008. – № 5.

8. *Шматко, Н.* Введение в социоанализ П. Бурдье / Н. Шматко // Социология политики. – М. : Socio-Logos, 1993.

9. *Штомпка, П.* Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М., 1996.

10. *Hetherington, M.* The Political Relevance of Political Trust / M. Hetherington // American Science Review. – 1998. – Vol. 92. – № 4.

11. *Sztompka, P.* Society in action: the theory of social becoming / P. Sztompka. – Cambridge: Polity Press, 1991.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ НАРАЩИВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА В 60–80-е ГОДЫ XX ВЕКА

В.В. Свидерская

Свидерская Валентина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета.

Контактный адрес: svederskaya@mail.ru

В статье проанализированы демографические процессы, происходящие на Дальнем Востоке в 60-80-е годы XX века. Рассмотрены подходы к развитию демографической политики, главной целью которой стало закрепление уже проживающего в регионе населения в условиях исторически сложившихся процессов воспроизводства населения края и формирование постоянного населения. Определены основные направления социально-демографической политики в регионе.

Ключевые слова: демографическая политика, демографическое развитие, демографическая модернизация, рождаемость и смертность, миграции, привлечения трудовых ресурсов, формирование постоянного населения, создание комплекса жизненных условий.

Дальний Восток занимает по площади 6,2 млн. кв. км, что составляет 36,4 % территории России. В 1960 г. здесь проживало 4372 тыс. чел. (4,5 % населения СССР). Являясь частью СССР и, следовательно, частью мирового сообщества, Дальневосточный регион всегда находился под влиянием как международных, так и внутриполитических процессов (60–80-е годы – не исключение). Поэтому демографическое развитие Дальнего Востока в этот исторический период следует рассматривать в общем контексте истории страны и мира.

В конце 60-х годов мировое сообщество вступило в новую полосу взаимоотношений, получившую название «разрядки международной напряженности». Практическими шагами на пути к разрядке явилось подписание между СССР, США и Великобританией ряда договоров о нераспространении ядерного оружия. К этому времени Советский Союз добился военно-стратегического паритета с США, что ослабило воинственный настрой в правящих кругах многих западных стран. Однако переломить тенденцию в гонке вооружения Запада и Востока так и не удалось.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе возникла сложная международная ситуация, обусловленная альянсом Японии и НАТО. Это проявилось в наращивании военного потенциала Японии, создании военных баз США на японских островах.

В конце 50-х годов, а затем и в 70-е годы изменился внешнеполитический курс Китая, вследствие чего ухудшились отношения с Советским Союзом. Возникли очаги напряженности в Азии. В конце 60-х годов вспыхнул вооруженный конфликт на уссурийском острове Даманский.

В 1979 г. началась война между Китаем и Вьетнамом из-за спорных территорий, которая вскоре завершилась благодаря вмешательству СССР.

Таким образом, международное положение в мире и обстановка в Азиатско-Тихоокеанском регионе определили геополитическое положение и стратегическое значение Дальнего Востока. Здесь предусматривалось укрепление оборонного комплекса и обслуживающих его структур, расширение природно-сырьевой базы.

Социально-экономическая и политическая обстановка в стране и в регионе в 60-80-е годы характеризуется следующими особенностями. Прежде всего, была достигнута относительная социально-экономическая стабильность. Это произошло в результате реформы экономики, усиления в ней роли научно-технической революции и одновременно гигантского по своим размахам и масштабам использования природных ресурсов страны.

Приоритеты экономической политики выстраивались в следующем порядке: тяжелая индустрия, оборона, сельское хозяйство, социальная сфера. Важным направлением экономического развития экономического развития стало быстрое формирование топливно-энергетического комплекса.

В новой программе развития советского общества, принятой в 1961 году на XXII партийном съезде, особо подчеркивалась роль восточных районов в экономике страны. На Дальний Восток

возлагались задачи по обеспечению народного хозяйства страны редким и ценным природным сырьем. Была определена стратегическая цель развития – превратить дальневосточный край в мощный экономический и стратегический плацдарм, гарантирующий безопасность восточных границ СССР, в индустриально развитую и обжитую окраину страны. Экономическая стратегия на Дальнем Востоке осуществлялась под эгидой «комплексного развития производительных сил». Комплексное развитие региона предполагало наращивание промышленного потенциала и интенсивное использование природно-сырьевого комплекса Дальнего Востока, увеличение добычи цветных, редких, драгоценных металлов и алмазов, производство продукции лесной, целлюлозно-бумажной и других отраслей промышленности.

В 60-е годы прошлого столетия региону принадлежало 30 % добычи золота и олова, 50 % улова рыбы по РСФСР [2]. Здесь заготавливалось для вывоза 6 % деловой древесины и производилось 7–8 % целлюлозы общесоюзного объема. В конце 70-х годов в регионе добывалось уже 80 % олова, 50 % золота, 98 % алмазов [3].

В целях ускоренного развития дальневосточной экономики и военно-промышленного комплекса страны в 1974–1984 годах была проложена Байкало-Амурская магистраль.

Следовательно, Дальний Восток был основным поставщиком природных ресурсов, поэтому для экономики страны являлся стратегически значимым районом. В это время было принято решение о стабилизации социальной жизни в стране. Был провозглашен курс на улучшение условий и повышение уровня жизни советских людей. Государство стремилось экономически обеспечить его реализацию. Так, по данным социологического исследования института экономических исследований Академии наук СССР (ИЭИ АН СССР) национальный доход на душу населения составлял в 1950 г.1100 долл., а в 1986 г. – 3750 долл., т. е. увеличился в 3 раза [1: с. 185]. Несмотря на увеличение национального дохода, в 1977 г. СССР занимал лишь 33 место в мире по уровню жизни населения, а в начале 90-х годов – 71 место.

На Дальнем Востоке социальная политика государства ориентировалась на достижение уровня жизни населения центральных областей страны. В социальном развитии регион значительно отставал от центра, поэтому уровень жизни дальневосточников был ниже среднероссийских показателей. Например, в 1985 г. по производству товаров народного потребления Приморский край занимал 43, а Магаданская область – 73 место [4].

Таким образом, решение общесоюзных задач на Дальнем Востоке предполагало выполнение и специфических задач, обусловленных международным и внутренним положением региона. Кроме того, по тем же причинам общесоюзные задачи имели региональный оттенок. Реализация интересов государства на востоке предполагала активное наполнение региона населением, наращивание здесь трудовых ресурсов, сохранение исторически сложившегося режима естественного воспроизводства.

Политика народонаселения на Дальнем Востоке была обусловлена теми демографическими процессами, которые происходили в стране в 60–80-е годы. Они определялись демографической модернизацией[1], ставшей частью модернизации, осуществленной во всех экономически развитых странах. Кроме того, она была предопределена особенностями новейшей российской истории – революцией, войнами, массовыми репрессиями, социально-экономическими кризисами. События предшествующих периодов истории существенно деформировали половозрастную структуру, что затруднило процессы естественного воспроизводства населения, лишило плавности демографического развития.

Демографическая модернизация в стране в 60–80-е годы имела главные направления: повышение смертности, постарение населения, снижение рождаемости, изменение направлений миграционных потоков.

В начале 60-х годов произошло резкое снижение смертности в стране, что было связано с улучшением эпидемиологической обстановки и установлением контроля над средой обитания.

С начала 70-х годов наступил новый этап, когда смертность стала нарастать. Её коэффициент с 8,2 в 1970 г. увеличился к 1980 г. до 11,0. В этих условиях возникла необходимость развития стратегии снижения смертности. Для этого нужны были и новая организация здравоохранения, и улучшенные индивидуальные условия жизни каждого человека, и большие материальные затраты государства. Тем не менее охрана здоровья и человеческой жизни не попала в число приоритетных ценностей властных структур.

[1] Демографическая модернизация – изменение исторически сложившегося режима воспроизводства населения. В литературе этому понятию соответствует «демографический переход».

Поэтому средняя продолжительность жизни в СССР и в России была ниже, чем в развитых странах. В 1980 г. она составила 61,5 года у мужчин и 73 года у женщин [21: с. 18]. Её средняя величина составляла 67,3 г.

В начале 80-х годов начался медленный рост продолжительности жизни. Он стал результатом социальной политики, изменений в образе жизни и социокультурных установок людей. В середине 80-х годов продолжительность жизни в РСФСР составила 69,4 года [23: с. 182]. По прогнозу института труда к началу 90-х годов ожидаемая средняя продолжительность жизни на Дальнем Востоке должна быть 75 лет [23: с. 182], в реальности она составила 67,6 лет, что свидетельствовало о недоживании людей.

Снижение смертности обусловило снижение рождаемости. С начала 60-х годов в стране наблюдалось быстрое падение рождаемости. Это можно проследить по итогам Всесоюзных переписей. В 1959 г. суммарная рождаемость в СССР составляла 2,81, в 1970 г. – 2,39, 1979 г. – 2,32 [13]. В РСФСР за десять лет – с 1960 по 1970 годы – коэффициент рождаемости понизился с 23,2 до 14,6 [21: с. 18]. В 70-е годы эта тенденция была устойчивой. Низкая рождаемость, не превышающая 15,9 рождений на 1000 человек населения, послужила главной причиной постарения населения. В 80-е годы наблюдались колебания рождаемости, что было следствием усиления демографической политики и, в частности мер, направленных на укрепление семьи и положения женщины в обществе.

Снижение рождаемости и увеличение смертности обусловили уменьшение естественного прироста. Так, в 1959 г. естественный - прирост населения страны составил 1,8 %, а в 1979 г. – уже 0,9 % [28: с. 7], т. е. уменьшился в 2 раза. К отрицательному естественному приросту страна двигалась давно. Следствием уменьшения естественного прироста стало сокращение населения. Вместо ожидаемого пополнения в 3,4–3,5 млн. человек в 1981 г. страна получила лишь около 70 тыс. человек [28: с. 7].

Изменение режима естественного воспроизводства населения привело к снижению демографического потенциала страны, что отразилось на состоянии её трудовых ресурсов, перераспределение которых традиционно происходило в пользу восточных районов. Общесоюзные демографические процессы обусловили и миграционную политику. Специфика Дальнего Востока такова, что миграции здесь играли самую существенную роль.

В СССР, так же как и Российской империи, преобладала центробежная миграция. Центр в целом отдавал население на окраины. В 60-е годы эта тенденция по-прежнему сохранялась. За период с 1960 по 1972 годы на территорию Дальнего Востока прибыло 349 тыс. человек. Миграционный прирост составил 113 тыс. человек, в то время как Волго-Вятский, Центрально-Черноземный районы, Урал и Западная Сибирь имели отрицательное сальдо – 66, 64, 110, 93 тыс. человек соответственно [22: с. 10].

Со второй половины 70-х годов стал нарастать отток населения из большинства республик СССР в Россию. Потоки мигрантов из трудоизбыточных районов были направлены на восток страны [25]. С конца 80-х годов начался массовый отток населения из районов Сибири и Дальнего Востока. За счет этого увеличилось население тех районов, которые прежде его теряли.

Таким образом, особенности демографического развития страны преломлялись в демографических процессах на Дальнем Востоке. Решение демографических проблем требовало новых подходов в политике государства по отношению к Дальнему Востоку.

В *60-е годы* эти подходы определились стратегической направленностью хозяйственного освоения Дальневосточного края. Она диктовала демографическую политику, задачи которой были обусловлены, прежде всего, особенностями экономического развития региона.

Государственная стратегия хозяйственного развития Дальнего Востока нашла отражение в решениях центра. Так, 30 декабря 1963 г. на заседании бюро ЦК КПСС по РСФСР был рассмотрен вопрос о дальнейшем развитии производительных сил Дальневосточного экономического района. В принятом постановлении говорилось об ускорении темпов промышленного развития и увеличении выпуска промышленной продукции за 10 лет (1965–1975 гг.) примерно в 3 раза [4]. Ведущими отраслями экономики попрежнему оставались оборонная, обеспечивающая потребности Дальневосточного военного округа, горнодобывающая (добыча руд цветных металлов, нефти, газа и угля), рыболовная и лесозаготовительная.

В апреле 1964 г. было принято решение, в котором определялись задачи и направления деятельности различных хозяйственных органов по развитию региона [5]. Так, Госплан РСФСР и Совет народного хозяйства (СНХ) РСФСР должен был осуществить мероприятия, направлен-

ные на реализацию экономической стратегии государства на Дальнем Востоке [5].

8 июля 1967 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление о мерах по комплексному развитию производительных сил Дальневосточного экономического района. В нем, наряду с экономическими задачами, впервые была определена задача улучшения условий жизни населения дальневосточных районов. В постановлении особо подчеркивалось, что в целях привлечения населения в дальневосточный край из других районов страны государство вынуждено вернуться к поощрительной системе заработной платы, которая была отменена в конце 50-х годов.

В этом же году Совет Министров СССР рассмотрел вопрос о мерах по дальнейшему повышению благосостояния советского народа и принял решение о расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям [27]. Эти решения относились к отдаленным районам Дальнего Востока. Необходимость такого решения была обусловлена интенсивным освоением новых источников сырья в северных труднодоступных районах, и, следовательно, обеспечением их трудовыми ресурсами. В вышеназванных документах впервые подчеркивалось, что при наличии высоких темпов индустриального развития региона, народное хозяйство не может развиваться на базе только собственных трудовых ресурсов.

В начале 60-х годов развитие производительных сил вновь столкнулось с дефицитом трудовых ресурсов в регионе. Ситуация усугублялась усилением оттока населения в другие районы страны. Так, в 1962 г. численность выбывших из региона превысила численность прибывших на 77 тысяч [14: л. 4]. Миграционный отток значительных размеров наблюдался в северных районах. Например, в горной промышленности Северо-Востока он составил 50 % [14: л. 7].

В 1965 г. в Приморском крае, где были самые благоприятные природно-климатические условия, на 1000 приехавших выбыло 785 человека, в 1970 г. – 870 человек, в 1980 г. – 882 человека [8]. В середине 60-х годов в промышленности Приморского края также была отмечена высокая сменяемость кадров. Ежегодно на промышленных предприятиях увольнялось и принималось 150–160 тыс. человек [8]. Общая потребность в рабочей силе на Дальнем Востоке к 1965 году достигла 2 млн. человек [14: л. 4].

Дефицит рабочей силы обусловил невыполнение планов по выпуску продукции. Так, например, в 1961 г. 32 % предприятий региона не выполнили производственные планы [10]. В Хабаровском крае лишь 36 из 137 предприятий выполнили планы развития, в Приморском крае – 31 из 118, в Амурской области – 38 из 81, Сахалинской – 20 из 71, Камчатской области 9 из 62 [10].

В справке плановой комиссии Дальневосточного экономического района о закреплении кадров в народном хозяйстве южных территорий региона, которая была представлена на заседание правительства страны, говорилось: «Складывается всё более неблагополучное положение с обеспечением растущего народного хозяйства трудовыми ресурсами, так как естественный прирост малочисленного населения этих районов всё ещё далеко не удовлетворяет всей потребности в людях» [11]. Из этого следует, что сложившаяся демографическая ситуация в регионе не соответствовала темпам развития экономики. Поэтому проблемы народонаселения оказались в центре внимания государственной власти.

На фоне уменьшения и постарения населения в Российской Федерации проблема наполнения региона трудовыми ресурсами становилась всё острее. Возникшую потребность в новых демографических вливаниях в дальневосточную экономику миграции уже не покрывали. Учитывая региональные особенности, привлечь людей на дальневосточные земли можно было только при условии создания для них лучших, чем в центре, жизненных условий.

Теоретические вопросы активного привлечения трудовых ресурсов на Дальний Восток и создания жизненного комплекса для населения стали разрабатываться ещё в конце 50-х годов. В 1957 г. на научном совете при Госкомитете по труду и заработной плате Совета Министров СССР, который занимался вопросами плановых миграций и трудовых ресурсов, были сформулированы рекомендации по усилению развития социально-бытовой сферы в отдаленных районах Дальнего Востока [13]. Это означало, что в 60-е годы социальные проблемы выдвигались на передний план. Впервые социально-демографическим проблемам края было уделено первостепенное внимание.

Задача качественного улучшения жизненных условий людей на Дальнем Востоке рассматривалась на региональном совещании по развитию производительных сил Дальнего Востока, которое состоялось 19 июня 1962 года. На нем были представители всех территорий края. В решениях совещания отмечено, что

«…существующие в настоящее время материальные и культурно-бытовые условия, особенно в сельской местности, не содействуют в достаточной мере закреплению кадров» [13].

В свете постановки вопроса о привлечении новых трудовых ресурсов большое значение имели предложения для государственных и региональных органов, составленные учеными Л.Л. Рыбаковским, М.Я. Сониным, Н.С. Масловой, Е.А. Маневичем, Д.И. Валентеем. В обращении ученых к центральным управленческим структурам особо подчеркивалось, что «государство должно рассматривать восточные районы не как далёкую окраину, а как экономически и политически исключительно важный район страны» [13].

В «Докладной записке лаборатории трудовых ресурсов ДВФ СО АН СССР и плановой комиссии Дальневосточного экономического района, Амурской областной, Приморской и Хабаровской краевых плановых комиссий» рекомендовалось Госплану СССР разработать систему мер по дальнейшему заселению и созданию на Дальнем Востоке постоянного населения. Это предполагало, по мнению ученых, улучшение жизни людей, развитие социально-бытовой сферы [13].

Таким образом, впервые в истории освоения и заселения Дальнего Востока определилось главное стратегическое направление демографического развития региона – формирование постоянного населения. Достижение главной цели требовало решения ряда задач. Среди них важные значение имело создание комплекса жизненных условий, который мог бы качественно улучшить жизнь дальневосточников.

В 1964 г. Комиссия Госплана РСФСР, изучив проблемы развития Дальнего Востока, отметила, что основной задачей в регионе является увеличение населения [4]. По данным ЦСУ СССР с 1959 по 1970 годы в Дальневосточный экономический район прибыло более 3 млн. человек [15]. Это существенно увеличило численность народонаселения.

Рост численности можно достичь, «переселив какую-то его часть из центра, сократив отток рабочей силы из региона, при этом решив проблемы закрепления кадров». Среди них важной проблемой стало «удовлетворение растущих потребностей населения в продуктах питания» [16]. По мнению Комиссии Госплана РСФСР, особую тревогу в крае вызывало сельское хозяйство. На его развитие следовало обратить внимание, «чтобы не получилось, что население нечем кормить» [14]. В этот период проблема обеспечения населения продовольствием являлась самой актуальной. Она по-прежнему зависела от уровня и направленности развития сельскохозяйственного производства края. В 60-е годы сельское хозяйство, как и в предшествующие периоды, по характеру было неэффективным. Особенно отчетливо это проявлялось в животноводстве. Так, себестоимость 1 центнера мяса составляла 174 рубля, тогда как сдаточная цена его была 91 рубль [14]. Убыток составлял 83 рубля. Следовательно, требовались существенные дотации и ассигнования государства для развития производства продуктов питания.

В проекте постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об ускоренном развитии производительных сил и заселении Дальнего Востока на 1965–1975 гг.» отмечалось, что в регионе не создана собственная продовольственная база. По этой причине потребности населения в основных продуктах питания удовлетворены на 30–35 % [13].

Для закрепления населения требовались более высокие темпы повышения уровня жизни людей. По подсчетам Госкомстата по труду и заработной плате удорожание жизни на Дальнем Востоке в сравнении с западными районами составляло 26 %. Расходы на питание были выше на 35–39 % [25–28]. С учетом этих показателей предполагалось довести темпы социального развития до среднесоюзных показателей, а затем обеспечить их опережающий рост.

Для усиления социальной политики в июне 1962 г. на региональном совещании по развитию производительных сил Дальнего Востока была разработана программа, которая предполагала следующие мероприятия:

– обеспечение каждого жителя благоустроенным жильем в расчете 12–15 кв. метров;

– осуществление в широких масштабах теплофикации и газоснабжения;

– строительство школ и детских дошкольных учреждений с расчетом полного удовлетворения населения;

– увеличение коечного фонда в лечебных учреждениях в 2 раза;

– расширение сети санаториев;

– улучшение организации торговли и общепита [27].

Необходимость выравнивания жизненного уровня дальневосточников обусловила пересмотр системы оплаты труда и культурно-

бытового обеспечения. В связи с этим в 1965 г. председатель плановой комиссии Дальневосточного экономического района Н. Николаев направил в Президиум ЦК КПСС предложения «О мерах по закреплению кадров в народном хозяйстве южных районов Дальневосточного экономического района», подписанные секретарями краевых и областных комитетов партии [11]. Эти предложения легли в основу принятого спустя два года Постановления Совета Министров СССР о повышении материальной заинтересованности и закреплении людей в северных районах Дальнего Востока. Все предложения нашли дальнейшее развитие в документах государственно-партийного аппарата: Совета Министров РСФСР, Госплана СССР, Государственного комитета по вопросам труда и заработной платы, а затем и Совета Министров СССР.

Таким образом, стратегическая направленность хозяйственного развития дальневосточного края диктовала демографическую политику, задачи которой были обусловлены особенностями экономического развития. Проблемы обеспечения экономики трудовыми ресурсами были в центре внимания органов власти как государственной, так и региональной. Во властных структурах появилось понимание того, что успешное развитие региона во многом зависит от эффективности демографических процессов. Их протекание определялось состоянием социальной сферы. Важным этапом социально-экономического и демографического развития региона стали 60–80-е годы. В этот период по-прежнему пропагандировалась идея комплексного решения социально-экономических задач. Внимание государства к Дальнему Востоку и его проблемам было усилено геополитическим фактором. Как отмечалось, в 70-е годы в Азиатско-Тихоокеанском регионе возникли очаги напряженности, обострились международные конфликты. Поэтому на Дальнем Востоке был значительно усилен военно-промышленный комплекс. Его обслуживание требовало закрепления уже проживающего в регионе населения. Органы центральной и региональной власти стремились учитывать особенности структуры экономики Дальнего Востока, специфику исторически сложившихся процессов воспроизводства населения края и современную демографическую ситуацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ващук, А.С.* Социальная политика СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40–80-х годов) / А.С. Ващук. – Владивосток : Дальнаука, 1998. – 211 с.

2. Государственный архив Приморского края (ГАПК). – Ф. 374. – Оп. 31. – Д. 5811. – Л. 102.

3. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. 35. – Оп. 80. – Д. 129. – Л. 94.

4. ГАПК. – Ф. 1573. – Оп. 2нд. – Д. 142. – Л. 13.

5. Государственный архив Амурской области (ГААО). – Ф. 22. – Оп. 2. – Д. 343.

6. ГААО. – Ф.П-1. – Оп. 25. – Д. 265. – Л. 13.

7. ГАХК. – Ф. 35. – Оп. 90. – Д. 131. – Л. 18, 151,167; Оп. 80. – Д. 122. – Л. 17–18.

8. ГАПК. – Ф. 1573. – Оп. 2нд. – Д. 141. – Л. 5.

9. ГАПК. – Ф. 1573. – Оп. 2нд. – Д. 16. – Л. 18.

10. ГАХК. – Ф. 35. – Оп. 79. – Д. 304 (стенограмма первого совета по координации и планированию ДВЭ района). – Л. 17.

11. ГАХК. – Ф. 35. – Оп. 90. – Д. 131. – Л. 132–133.

12. ГАХК. – Ф. 35. – Оп. 80. – Д. 110.

13. ГАХК. – Ф. 35. – Оп. 80. – Д. 129. – Л. 94.

14. ГАХК. – Ф. 35. – Оп. 90. – Д. 207. – Л. 4–10.

15. ГАПК. – Ф. 1573. – Оп. 2нд. – Д. 80. – Л. 16.

16. ГАХК. – Ф. 35. – Оп. 91. – Д. 45. – Л. 3.

17. ГААО. – Ф. П-1. – Оп. 27. – Д. 281. – Л. 7.

18. ГАПК. – Ф. 1573. – Оп. 2нд. – Д. 80. – Л. 102.

19. ГАХК. – Ф. 35. – Оп. 80. – Д. 129. – Л. 113.

20. ГАХК. – Ф. 35. – Оп. 90. – Д. 131. – Л. 131.

21. Депопуляционные процессы в России и региональная демографическая политика. – Ч. 1. – Санкт-Петербург, 1994. – 58 с.

22. Миграции населения РСФСР // Сборник статей. – М., 1974. – 227с.

23. *Мотрич, Е.Л.* Воспроизводство населения на Дальнем Востоке / Е.Л. Мотрич // Народонаселенческие процессы. – Владивосток : Дальнаука, 1996. – С. 182–188.

24. Народное хозяйство в СССР в 1980 году. – М., 1987. – 435с.

25. Население СССР. 1973 год. – М. : Издательство политической литературы, 1975. – 239 с.

26. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мероприятиях по дальнейшему повышению благосостоянию советского народа. 26 сентября 1867 г. / КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС. – Т. 11. – М., 1986. – С. 278–300.

27. Постановление Совета Министров СССР о мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народов Севера. 21 апреля 1967 года // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 6. – М., 1968. – С. 388–392.

28. СССР в цифрах в 1979 году. – М., 1980. – 367 с.

ПРОЕКТ «ТУМАНГАН» И ГЕОПОЛИТИКА ЕВРАЗИИ

В.А. Гайкин

Гайкин Виктор Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВОРАН (г. Владивосток).

Контактный адрес: unara49@mail.ru

Анализируется современное состояние и геополитические последствия реализации проекта «Туманган», который может стать катализатором формирования на евразийском пространстве двух антагонистических расовых коалиций, и расовой войны, как результата их конфронтации (борьба за ресурсы, территорию).

Ключевые слова: проект «Туманган», трансграничный экономический район, Транссиб, транскорейская железная дорога, евразийский транспортный коридор, расовая война.

Первоначальная («стволовая») концепция проекта «Туманган» (официальное название «План развития бассейна реки Туманган») заключалась в создании в устье реки Туманган на стыке трех границ трансграничного территориального - анклава, состоящего из трех сегментов (китайского, корейского, российского), который будет управляться некоей международной структурой (с постепенной интернационализацией анклава).

Отсутствие реальных подвижек в его реализации на протяжении первых 15 лет (с 1991 г.) объяснялось, в частности, осознанием российскими властями роли «Проекта» в первоначальном виде как «убийцы» Транссиба и морского порта Владивосток. Сыграли роль и бесцеремонные откровения политологов, которые озвучивали позицию западных лидеров. Директор Кельнского Института Восточно-европейских и международных исследований Хайнц Тиммерман в своей статье-меморандуме писал: «Целью политики Запада должны быть не легитимизация и укрепление искусственного построения СНГ, а поддержка естественным путем формирования в его рамках субрегиональных образований типа ГУАМ…таким образом должна быть усилена поддержка проекта “Евразийского транспортного коридора”» [8]. Бросалась в глаза и сама дата возникновения «Проекта» – 1991 г. – год развала СССР и появления (в его подбрюшье) независимых среднеазиатских государств, что давало возможность строительства по их территории «Евразийского транспортного коридора» и изоляции России.

В результате Китай и ООНовские промоутеры «Проекта» решили поменять его имидж. На 8-м заседании консультативной комиссии ООН по развитию района реки Туманган (КНР, Чанчунь, сентябрь 2005 г.) было принято решение переименовать его во внешне аморфную и ни к чему не обязывающую «Расширенную Туманганскую инициативу» [11]. Изменилась и суть: теперь Китай уже не настаивает на строительстве порта в устье реки Туманган. Это предприятие оказалось сложным и по техническим (гидрологическим) причинам – скалистое дно, малая глубина, возможность того, что дноуглубительные работы приведут к исчезновению реки Туманган как водной артерии. И по международно-правовым причинам – принадлежность нижнего течения реки России и КНДР.

Тем не менее выход к Японскому морю Китаю по-прежнему нужен. В 2002–2003 гг. Китай пытался взять в аренду российский порт Зарубино на 49 лет, что означало его полное экономическое подчинение китайской администрации (примечательно, что из всех вариантов использования Зарубино в качестве порт-пункта для китайских грузов КНР устраивала только долговременная аренда). За это китайской стороной были обещаны огромные инвестиции в инфраструктуру порта и полное его переоборудование с увеличением пропускной способности в 40 раз. По мнению вице-губернатора Приморского края В.В. Горчакова, «… порт должен оставаться российской собственностью. Если мы сейчас отдадим его в аренду, встанет вопрос о передаче в аренду и специального транспортного коридора» [5]. Что в итоге, как в случае с КВЖД, может привести к созданию протяженной «экстерриториальной» зоны с фактическим иностранным управлением на территории Приморского края. Минтранс России выступил против китайской аренды портов Зарубино и Посьет.

Поступившись второстепенным (переименование «Проекта») Китай оставил главное: формирование трансграничного экономического анклава на сопредельных территориях Китая, КНДР, России (хотя об управлении анклава неким международным административным комитетом уже не говорится). В Китае территорией реализации «расширенной туманганской инициативы» является корейский национальный округ Яньбянь. Надо сказать об исторически сло-

жившейся способности корейцев в Яньбяни к восприятию инноваций, их двух- четырёхязычии – корейский, китайский (русский, английский), о том, что уровень урбанизации в Яньбяни самый высокий среди провинций КНР – 56 % (в 2 раза больше, чем средний показатель по Китаю – 27 %) [7]. Северо-корейская часть будущего анклава – это свободная экономическая зона Раджин, которая даже при тоталитарном режиме строится и развивается. Соответственно в приграничных районах Приморья все с точностью до наоборот – депопуляция, развал промышленности.

Трансграничный экономический район обречен на внутреннюю специализацию: высокотехнологичное производство на основе дешевой северокорейской рабочей силы и китайском капитале – в китайском и корейском сегментах анклава, колониальная экономика – в Российском (Приморье) сегменте, контуры которой начинают вырисовываться уже сегодня – создание (на японские, китайские, корейские деньги) рисоводческих комплексов, заготовка и переработка леса, роль железнодорожного (морского) извозчика). Как писала газета Женьминь жибао: «Полностью используя богатые природные ресурсы соседних стран России и КНДР, в том числе лес и полезные ископаемые, морские ресурсы, Яньбянь интенсивно развивает отрасли переработки продукции на экспорт, в то же время ряд мощных предприятий округа инвестирует капитал в экономику России, КНДР» [1].

Примыкающая к границе территория Приморья будет постепенно заселяться корейцами (российскими и приезжими), которые будут трудиться на лесных, сельскохозяйственных - предприятиях, принадлежащих иностранному (китайскому, корейскому …) капиталу. Экспорт квалифицированной рабочей силы из Яньбяни – одна из главных статей дохода этого округа. В 2005 г. рабочая сила экспортировалась в 20 стран мира (доходы округа от экспорта рабочей силы составили в 2005 г. – 880 млн. долл., в 2,3 раза выше всех внутренних финансовых поступлений [1]. Доказать, что эта приграничная территория Приморского края в далеком прошлом принадлежала Корее или Чжурчженьскому государству, состоявшему в вассальных отношениях с Китаем, будет несложно. Что остановит изменение её международно-правового статуса?! (прецеденты: Косово, Южная Осетия уже есть).

Помимо экономической, существует еще более серьезная – геополитическая опасность, связанная с проектом «Туманган». Экономический конфликт, являющийся доминантным на планете последние пять тысяч лет, будет «снят» в конце XX века в постиндустриальном обществе в связи с выходом человека из «сферы собственно производства» (выражение К. Маркса). На смену ему придет в качестве главного межрасовый, повторяющий согласно гегелевскому закону «отрицание отрицания» расовую конфронтацию (межвидовую борьбу) первобытного общества.

Основными оппонентами в расовой войне будут монголоиды и европеоиды, соответственно главным театром военных действий – Евразия. Расовая война будет самым страшным из конфликтов, по сравнению с которой Вторая мировая покажется дивизионными маневрами. Ее ведение не будет преследовать ни одной из целей предыдущих конфликтов (захват рабов, материальных ценностей, создание империй, смена общественного строя). Главная и единственная ее цель – полное уничтожение всего населения расы-антагониста.

Именно Россия должна будет сыграть роль интегрирующей силы (Запад – Восток), благодаря тому, что она граничит с основными монголоидными государствами и что по ее территории проходит Транссиб – готовая артерия, связывающая Европу и со Средней Азией и Дальним Востоком. Роль Транссиба будет состоять в «правильной» организации евразийского пространства. Соответственно дезорганизующую роль сыграет «евразийский транспортный коридор», который планируется создать в обход России. Этот проект, связанный с проектом «Туманган», протежирует ООН. В докладе ООН по проекту «Туманган» говорится: «Значение этого маршрута в том, что он пройдет по Северо-Восточной и Центральной Азии» [2]. На самом деле ничего позитивного в этом нет. Строительство транспортного коридора в обход России объединит в первую очередь монголоидный мир, а не всю Евразию. «Евразийский транспортный коридор» заканчивается мегаполисом в устье реки Туманган, который вполне может стать столицей монголоидного мира. Запад, стремясь изолировать Россию, готовит себе второй «Мюнхен».

В евразийской системе Россия должна будет стать третьим интегрирующим центром (наряду с Европейским сообществом и Китаем), снижающим до минимума «расовое напряжение» между европеоидным и монголоидным полюсами планеты. Ее задача в том, чтобы расколоть монголоидное сообщество, создав союз с государствами Центральной Азии, Монголией, Кореей и Японией, тем самым опередить Китай в его естественном стремлении создать союз монголоидных государств (Китай, Корея, Япония, Центральная Азия).

Наши прогнозы о безальтернативной необходимости коалиции – Россия, Япония, Корея, Центральная Азия начинают подтверждаться. Так, 16 июля 2008 г. создано совместное предприятие «РасонКонТранс» с участием торгового дома Российские железные дороги и порта Раджин для реализации проекта «Хасан-Раджин». Совместное предприятие (СП) зарегистрировано в КНДР, в особой экономической зоне «Расон» на срок 49 лет. Российская сторона владеет 70-процентной долей в СП, северокорейская – 30 %. Согласно достигнутым договоренностям, российская сторона вносит инвестиции, северокорейская сторона – имущественные права на порт (3-й причал и прилегающая территория). СП будет заниматься реконструкцией железной дороги, строительством контейнерного терминала в морском порту Раджин с потенциалом пропускной способности до 400 тыс. TEU в год, а также последующей эксплуатацией данной инфраструктуры. Инвестиции в реконструкцию участка железной дороги Туманган–Раджин и строительство терминала составят, по предварительным расчетам, 140 млн. евро [10].

Так, 8 августа 2008 г. Российско-корейское совместное предприятие «РасонКонТранс» (СП ОАО «Торговый дом РЖД» и порта Раджин, Северная Корея) и железнодорожно-транспортная компания «Тонхэ» Министерства железных дорог КНДР подписали договор аренды на 49 лет железнодорожной инфраструктуры на участке Туманган–Раджин [3].

4 октября 2008 г. в КНДР на пограничной станции Туманган состоялась торжественная церемония укладки первого звена в рамках модернизации железной дороги от российской станции Хасан до северокорейского морского порта Раджин протяженностью 52 км, которая будет представлять из себя совмещенную колею – с шириной 152 см, принятой на Транссибе и 143 см, принятой на Северокорейской железной дороге. Совмещенная колея позволит без смены колесных пар ходить как российским, так и северокорейским поездам [9].

Это пилотный проект в рамках масштабного плана объединения Транссиба и транскорейской железной дороги и создания трансконтинентального транспортного коридора длиной более 10 тысяч километров, что позволит доставлять грузы из Азиатско-Тихоокеанского региона всего за две недели вместо 45 суток морским путем. Грузопотоки транскорейской железной дороги будут формироваться из объёмов взаимной торговли между Россией, КНДР и республикой Корея, транзитных грузов в сообщении республика Корея – европейские страны и обратно и возможно контейнерных грузов из Японии, перерабатываемых в порту Пусан. Проект открывает возможности участия южно-корейского капитала в освоении российского Дальнего Востока, зоны БАМа.

Руководители совместного предприятия РасонКонТранс считают, что для реализации проекта соединения Транссиба и транскорейской железной дороги потребуется 7 млрд. долларов, для чего будут необходимы иностранные инвестиции. Интерес к Проекту уже проявили инвесторы из Германии, Италии, Финляндии, Индии, и Японии. В мае 2009 г. в Сеуле состоялся совместный корейско-российский семинар. Эксперты правительства республики Корея подчёркивали, что для них главный приоритет – объединение страны, а экономические аспекты стыковки Транссиба и транскорейской магистрали менее важны [6].

По мнению эксперта Института геополитической информации «Энергия» Андрея Диева: «Процессу объединения двух Корей будет способствовать реализация…проекта воссоздания, при участии КНДР, Транскорейской железной дороги и её стыковки с Транссибом. Восстановление участка Раджин–Туманган–Хасан займет около пяти лет. Так что геоэкономические проекты России на Дальнем Востоке имеют и геополитический аспект, способствуя новым, более благоприятным для Москвы «раскладам» в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. В Яньбянь-корейском автономном округе провинции Цзилинь в основном сложилась архитектоника полной открытости внешнему миру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.people.com.cnt /315118/4622616.html.

2. *Гайкин, В.А.* Проект Туманган. Заметки о статье Исии Киёко / В.А. Гайкин // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 1999. – №1. – С. 45–47.

3. *Григорьев, Л.* Договор ведёт в Раджин / Л. Григорьев // Гудок. – 11.08.08. – С. 4.

4. *Диев, А.* Дальний Восток: новые расклады / А. Диев // Красная звезда. – 11.03.09. – С. 3.

5. *Дробышева, И.А* краевая власть против / И. Дробышева // Золотой рог. – 18.03.03. – С. 5.

6. *Кибалов, Е.Б.* Юго-восточный вектор стратегии развития опорной железнодорожной сети России / Е.Б. Кибалов, В.П. Нехорошков // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 3. – С. 171–180.

7. Китай. Цзилинь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: polpred.com/?cnt=77&art=5963&searchtext=яньбянь.

8. *Тиммерман, Х.* Процессы дезинтеграции и реорганизации СНГ / Х. Тиммерман // МЭиМО. – 1998. – № 12. – С. 42–45.

9. *Усов, П.* Путь к интеграции / П. Усов // Гудок. – 06.10.08. – С. 6.

10. *Щербакова, Е.* Пропуск в Корею / Е. Щербакова // Гудок. – 16.07.08. – С. 4.

11. *Ячеистова, Н.* Туманган в центре Северо-Восточной Азии [Электронный ресурс] / Н. Ячеистова. – Режим доступа: www.tumen programme.org/news.php?id=523PK.

РУССКИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ КАК ОСНОВАТЕЛИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ РОССИИ И КИТАЯ*

Н.В. Хисамутдинова

Хисамутдинова Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Контактный адрес: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

В статье рассматривается роль русских специалистов в установлении межкультурных контактов России и Китая в 1920–30-е гг. Особенности этнокультурного взаимодействия в разных сферах деятельности раскрываются на основе анализа работы научно-просветительских организаций, вузов и их периодических изданий.

Ключевые слова: КВЖД, китаеведение, межкультурные коммуникации, русские специалисты в Китае.

Основа межкультурных коммуникаций России и Китая стала закладываться с началом строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), восточной части Транссибирской магистрали, построенной Россией (1897–1903) в Маньчжурии и соединившей Забайкалье с Владивостоком наиболее коротким путем. Для строительства и обслуживания КВЖД, работы на предприятиях и организациях, возникавших вокруг нее, приезжали тысячи русских людей. Прежде всего, это были инженеры-путейцы, в основном выпускники Института инженеров путей сообщения (Санкт-Петербург). Большую роль сыграли также выпускники Восточного института во Владивостоке. Многие из них вначале служили переводчиками для русских инженеров, затем обучали служащих КВЖД восточным языкам, а еще позднее стали преподавателями китайского языка для русских студентов и русского языка для китайских граждан в вузах на территории Китая.

Исследователи отмечают: «Первым поколением, приехавшим из России, были люди с высшим образованием и, в силу этого, с определенными культурными потребностями» [4: с. 78]. Стремление российских специалистов к повышению квалификации и культурного уровня, самообразованию, просветительской деятельности обусловило то, что многие, приехав в Китай, помимо основной работы стали заниматься изучением экономики, истории, географии, культуры Маньчжурии.

Одной из первых организаций, объединивших исследователей, стало Харбинское отделение Императорского общества востоковедения в Санкт-Петербурге. Секретарем отделения избрали ротмистра Заамурской пограничной стражи А.М. Баранова, к тому времени уже получившего известность своими работами о Монголии. Он же стал редактором «Известий Харбинского отделения Императорского общества востоковедения». Закрытость этой организации (в нее входили только те, кто приехал из Петербурга и состоял в Обществе раньше) ограничила ее возможности. Этим можно объяснить и недолговечность печатного издания: вышло всего лишь два номера «Известий» (1910), но и они позволили познакомить читателей, как в Маньчжурии, так и в России, с новейшими результатами востоковедческих исследований [6: с. 445].

Установление коммуникаций в культурно-просветительской сфере было целью другого профессионального объединения, Маньчжурского педагогического общества, созданного в Харбине в 1910 г. Согласно уставу своими задачами оно ставило «…следить за развитием педагогической науки в России и за границей, способствовать уяснению вопросов, выдвигаемых учебно-воспитательной практикой в крае, устраивать курсы, съезды, выставки, научные экскурсии…». Многонациональный характер населения Маньчжурии создавал условия для диалога в сфере культуры и образования. В учебных заведениях Харбина – от школ до вузов, которые стали создаваться в 1920-е гг., – наряду с русскими, учились и китайцы. Это обусловило появление в учебных планах востоковедческого компонента: курсов краеведения (маньчжуроведения), китайского языка, географии и истории стран Дальнего Востока.

Проблемы и идеи, возникавшие при этом, выносились на обсуждение общественности при помощи ежемесячного журнала Мань-

* В данном случае точка зрения редакции не совпадает с позицией автора, поскольку межкультурные коммуникации между Россией и Китаем были установлены значительно раньше. Так, например, уже в 1689 г. Российская империя и Китай заключили Нерчинский договор, в 1728 г. подписали Кяхтинский трактат, создавший более благоприятные условия для российско-китайской торговли. Позднее, в первой половине XIX в., весомый вклад в развитие российско-китайских отношений внесла Пекинская миссия о. Иакинфа Бичурина и т. д.

чжурского педагогического общества «Просветительское дело в Азиатской России», выходившего с 1913 г. (с 1922 г. – «Вестник Маньчжурского педагогического общества»). Вопросы межкультурных коммуникаций в области школьного образования поднимали также педагогический журнал «Вопросы школьной жизни», выпускавшийся в 1925–26 гг. Союзом учителей КВЖД, и «Бюллетень Союза учителей», который в 1932 г. издавало Русское учительское общество в Маньчжурии [6: с. 430, 434].

Свое издание имело и Общество врачей КВЖД – журнал «Медицинский вестник», в котором поднимались не только специальные темы, но и вопросы, представлявшие интерес для широкого читателя. Журнал выходил в 1921–24 гг. в качестве приложения к еженедельному «Вестнику Китайско-Восточной железной дороги». Если поначалу делались попытки издавать его ежемесячно, то затем он стал выходить реже, пока окончательно не исчерпал свои возможности [6: с. 432].

Расширить коммуникации за пределы профессиональной области собирались создатели сборника «Дальний Восток», посвященного, как указывалось на обложке, «политической, экономической и общественной жизни Дальнего Востока». Его стало выпускать в 1918 г. Общество переводчиков Дальнего Востока. Наличие на обложке первого номера (20 марта) заголовка на английском языке (The Far East Magazine) свидетельствовало о намерении издателей увеличить читательскую аудиторию за счет других иностранных диаспор. К сожалению, по разным причинам выпуск журнала прекратился после выхода в свет единственного номера [6: с. 437].

Названные организации имели ограниченные возможности и небольшие тиражи изданий. Гораздо дальше них пошло Общество русских ориенталистов (ОРО), учрежденное 21 июня 1908 г. и объединившее всех русских исследователей в Харбине. Известны имена пяти инициаторов его создания: коммерческий агент в г. Цицикар А.П. Болобан, редактор газеты «Юаньдун-бао» А.В. Спицын, его помощник по редакции И.А. Доброловский, чиновник Министерства торговли и промышленности А.Н. Петров и городской голова Харбина П.С. Тишенко – все выпускники Восточного института во Владивостоке.

Основными задачами ОРО провозглашались следующие: «1) изучение Восточной и Средней Азии в общественно-политическом, географическом, лингвистическом и прочих отношениях; 2) содействие сближению России с народами Восточной и Средней Азии на почве взаимных интересов с ними; 3) освещение в печати и обществе вопросов научного и практического характера, связанных со служением организации первым двум целям; 4) духовная и материальная взаимопомощь и поддержка членов организации» [2: с. 415].

Наряду с крупными городами Китая, в которых существовали русские общины, отделения ОРО были открыты во Владивостоке и Санкт-Петербурге. Его членами стали переводчики, инженеры, дипломаты, коммерсанты, профессора Восточного института и С.-Петербургского университета. Своей основной задачей они считали популяризацию знаний о Дальнем Востоке среди населения. В апреле 1909 г. Доброловский выступил с первым докладом «Внеземельность и общественное управление иностранных поселений в Китае». Все доклады, которые читались на заседаниях Общества, затем публиковались в журнале «Вестник Азии», первый номер которого вышел в июле 1909 г. В 55-ти номерах, увидевших свет, наряду с востоковедческими публикациями, помещены статьи, связанные с техническим оснащением и эксплуатацией КВЖД, жизнью русских на территории Маньчжурии, тексты важных документов, касавшихся отношений России и Китая [5: с. 24–25; 6: с. 431].

Итоги деятельности ОРО, подведенные за первые полгода, таковы: «... Установило тесное общение и сотрудничество с другими обществами, учреждениями и повременными изданиями, русскими и иностранными, преследующими цели, сходные или близко соприкасающиеся с целями ОРО. …Организовано издание журнала “Вестник Азии” и издательство трудов членов О-ва, организован ряд рефератов и популярных лекций по востоковедению, предпринята разработка вопросов о положении офицеров, окончивших Восточный институт и не имеющих возможности, по независящим от них причинам, принести государству пользу своими специальными знаниями, об учреждении в Харбине Бюро торговых сношений с Палатой мер и весов (китайских и русских) при нем и другие» [3: с. 273].

Одним из активистов ОРО и автором многих работ о Китае, увидевших свет на страницах «Вестника Азии», был выпускник Восточного института переводчик на КВЖД П.В. Шкуркин. Он внес большой вклад в написание истории Китая и участвовал в составлении первой карты исторических периодов Маньчжурии, основанной на результатах археологических раскопок энтузиастов-востоковедов. Деятельными членами Общества были также ученый агроном В.В. Солдатов, прочитавший доклад «Организация агрономической помощи населению в полосе отчуж-

дения КВЖД» (1913), и правовед Н.П. Автономов, который первым занялся изучением русского образования в Китае.

Примером большого авторитета, которым пользовались члены ОРО, может служить деятельность первого председателя китаеведа А.В. Спицына. В 1924 г. при передаче КВЖД в совместную эксплуатацию китайскому правительству и СССР он был назначен советником при правлении КВЖД и своими предложениями содействовал упрочению порядка в крае. Большую роль Спицын сыграл в развитии местной угольной промышленности: он был в числе основателей Мулинских и Шасунских копий, где работал в последние годы жизни [1].

Русские исследователи стали основателями и другой научно-просветительской организации, Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК), считавшейся подлинным краеведческим центром Маньчжурии. Оно было основано во время празднования 25-летия КВЖД, его устав был утвержден китайскими властями 22 сентября 1922 г., когда русская община Харбина уже начала пополняться беженцами с российского Дальнего Востока, охваченного Гражданской войной. Деятели ОИМК обращали большое внимание на изучение культурного выступая с докладами, которые затем публиковались в «Известиях Общества изучения Маньчжурского края». «Три культуры, – писала редакция в первом номере (ноябрь 1922), – должны встретиться в работе О[бщест]ва, а следовательно, найти отражение в “Известиях”: китайская, русская и маньчжурская. И верим мы, “Известия” помогут всем культурным силам края найти общий язык и дружными усилиями пойти к единой цели, к всестороннему изучению местного края».

Свет увидели десять выпусков «Известий ОИМК». Ряд из них вышли на двух языках, русском и китайском, что значительно расширило читательскую аудиторию. Всего же за время своего существования ОИМК издало более 200 работ своих членов, тематика основной части которых имела прямое отношение к территории, примыкавшей к КВЖД. Так, интересную работу «Амур и его бассейн» (1925) опубликовал бывший начальник 3-го участка водных сообщений на Амуре А.А. Болотов, работавший в Харбине наблюдателем Сунгарийской биологической станции. Около десяти работ напечатал в ОИМК другой сотрудник Сунгарийской станции, в дальнейшем известный ученый-биолог Б.В. Скворцов. В последние годы жизни в Китае он был тесно связан с Лесным институтом Академии наук КНР, Сельскохозяйственной академией и Лесной академией Северо-Восточного Китая в Харбине и совершил ряд экспедиций в различные части Северо-Восточного Китая с целью изучения местной растительности. Результатом стало активное участие в издании справочника «Древесные растения Северо-Восточного Китая», увидевшего свет в 1955 г.

Скворцов стал одним из создателей музея ОИМК (открыт 11 ноября 1923), посвященного природе, быту, экономике и культуре Маньчжурии. Участвовал в его работе, как и в целом в деятельности ОИМК, известный геолог Э.Э. Анерт, в то время директор «Дальгеолкома», совершивший несколько экспедиций по Маньчжурии. Он окончательно переехал в Харбин 1 июля 1924 г. и сразу же занялся организацией в Обществе секции геологии.

В 1927 г. ОРО и ОИМК объединились, что позволило исследователям сконцентрировать усилия по изучению Дальнего Востока. По взаимному соглашению ОРО получило статус секции ориенталистов при ОИМК (председатель – выпускник Восточного института А.П. Хионин), сохранив полную самостоятельность, включая собственность и издательскую деятельность. Одним из последних дел ОРО было издание в 1927 г. большой работы Хионина – Русско-китайского словаря юридических, международных, экономических, политических и других терминов. Книга получила высокую оценку специалистов и почти сразу же была раскуплена. Новую работу Хионина, «Новейший Китайско-Русский словарь», выпустило в 1928 г. уже ОИМК. В это издание, в которое вошло более 10 тыс. иероглифов и около 60 тыс. словосочетаний по графической системе, впервые были включены и технические термины.

В 1927 г. к ОИМК присоединилась и другая общественная организация, основанная русскими специалистами в Китае, – Маньчжурское сельскохозяйственное общество (МСХО), основанное в 1912 г. Одним из его учредителей и председателем был агроном В.В. Солдатов, он же являлся организатором ежемесячного журнала «Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии», выпускаемого Обществом в течение десяти лет (июль 1913–1923) совместно с Обществом ветеринарных врачей. Занимаясь пропагандой научных знаний в области сельского хозяйства и активным внедрением их в практику, члены МСХО способствовали распространению на территории Маньчжурии новых сельскохозяйственных культур, в том числе зерновых и картофеля, а также развитию плодоводства и пчеловодства. Они организовали информационное бюро, через кото-

рое консультировали всех желающих, предоставляли справки о результатах новейших исследований в области растениеводства, лесоводства, животноводства. МСХО имело богатую тематическую библиотеку: оно выписывало 15 специальных журналов на разных языках. При объединении с ОИМК библиотека и архив Маньчжурского сельскохозяйственного общества были переданы ему.

Огромную роль в межкультурных коммуникациях играли русские высшие учебные заведения, открытые в Харбине в 1920-е гг.: Русско-китайский (Харбинский) политехнический институт, Юридический факультет, Педагогический институт, Институт ориентальных и коммерческих наук и другие. Помимо краеведческого / регионального компонента, в содержании обучения сближению народов способствовали исследования, проводимые совместно русскими и китайскими профессорами и студентами. Результаты их публиковались в вузовских журналах: «Известиях Юридического факультета», «Известиях и трудах Русско-китайского политехнического института» и других. Собственное издание имел и студенческий кружок востоковедения Института ориентальных и коммерческих наук (открыт в Харбине в 1925). Он издавал сборник «На Дальнем Востоке», в котором публиковались работы члены кружка. Свет увидели два выпуска (1931 и 1933), редакторами которых выступили директор института известный востоковед А.П. Хионин и лектор Г.Г. Авенариус. С закрытием института японскими властями издание сборника (1935 и 1937) продолжили на восточно-экономическом факультете Института Святого Владимира (редактор А.А. Костин) [6: с 451].

Русские вузы и научно-просветительские общества поддерживали связи с научными организациями других стран, в том числе и СССР. Обмен изданиями позволял русским исследователям в Китае знакомить зарубежных ученых с результатами своей работы. О международном уровне исследований свидетельствует защита диссертаций профессоров-харбинцев перед Академической группой в Париже, а также издание многих трудов на английском языке. Так, профессор В.А. Рязановский, действительный член Королевского азиатского общества (Лондон), опубликовал в «Известиях Юридического факультета» (1929, № 8) свою работу «Customary Law of the Mongol Tribes : Mongols, Buriats, Kalmucks» (Таможенное право монгольских племен : монголы, буряты, калмыки).

Итоги межкультурных и научных коммуникаций, у истоков которых стояли специалисты из России, многогранны. С одной стороны, был получен уникальный опыт этнокультурного взаимодействия в разных сферах деятельности. С другой – начался процесс интенсивного накопления знаний о Китае. Если до строительства КВДЖ изучением этой страны занимались исключительно ученые-синологи, то с начала XX века рамки китаеведения значительно расширились за счет любителей-краеведов, работавших в Китае, в том числе и эмигрантов из России. Вопреки политическим проблемам и житейским лишениям, российские специалисты в Маньчжурии сумели достичь больших высот в научных исследованиях. Находясь в самой гуще событий, они могли из первых рук получить наиболее полную информацию о стране, составить уникальные коллекции, обобщить результаты изучения Маньчжурии в публичных выступлениях, научных докладах, публикациях в научных и других изданиях и, как результат, обогатить представления о Китае и других странах Дальнего Востока. Их материалами пользовались ученые всего мира, в том числе и самого Китая.

Еще одним, не менее важным, результатом следует считать то, что старшее поколение сумело передать свое стремление к исследовательскому поиску молодежи. Дети русских инженеров, профессоров, переводчиков и других специалистов, выросшие в Китае, продолжили миссию межкультурных контактов. Они вовлекли в них те страны, куда им пришлось переехать после окончания Второй мировой войны и прихода в Китай советских войск, тем самым расширив практически на весь мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.В. Спицын: Некролог // Хлеб Небесный, Харбин, 1941. – № 12 (дек.).

2. *Автономов, Н.* Общество русских ориенталистов (Исторический очерк) / Н. Автономов // Вестник Азии, Харбин, 1926. – № 53. – С. 412–452.

3. В обществе русских ориенталистов // Вестник Азии. – Харбин, 1910. – № 3. – С. 271–273.

4. *Райан, Н.В.* Уникальное положение русской диаспоры Маньчжурии в первой половине XX века / Н.В. Райан // Русский язык за рубежом. – Сан-Франциско, 2002. – № 2. – С. 77–82.

5. *Тюнин, М.С.* Указатель периодических изданий, выходивших в Харбине на русском и других европейских языках по 1 января 1927 г. / М.С. Тюнин. – Харбин : Изд-во ОИМК, 1927. – 41 с.

6. *Bakich, O.* Harbin Russian Imprints: Bibliography as History, 1898–1961 / O. Bakich. – N.Y.; Paris : Norman Ross Publ. Inc., 2002. – 584 c.

ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ НАУЧНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Д.В. Алехин

Алехин Дмитрий Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Контактный адрес: alehindv@inbox.ru

В статье рассматриваются проблемные вопросы организации и деятельности правоохранительных органов по борьбе с хищением научных ценностей в условиях Дальневосточного региона, приводятся рекомендации по совершенствованию практики расследования.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, научные ценности, расследование, собственность, специальные знания, уголовная ответственность, хищения.

В переходные периоды общественного развития, каким является рубеж XX–XXI вв., характеризующийся кардинальными изменениями во всех сферах жизни, на первое место всегда выступает проблема ценностей. Особое значение приобретают научные ценности, поскольку в XXI в. научно-техническое развитие является одним из решающих факторов в процессе социально-экономических преобразований, преодоления кризисных явлений и стабилизации экономики, обеспечивающих новый уровень прогресса. На этом этапе, в условиях развития рынка интеллектуальной собственности и продвижения на нем научно-технических разработок, наблюдается стремление различных структур в приобретении результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, собранных научных коллекций для создания конкурентоспособной продукции, высоких технологий и реализации их на мировом рынке.

В своих выступлениях на Общем собрании Российской академии наук (28 мая – 2 июня 2008 г.), председатель Правительства РФ В.В. Путин и президент РАН академик Ю.С. Осипов отмечали, что наука отнесена к числу ключевых факторов и условий, обеспечивающих переход страны на инновационный путь развития, реализацию системы национальных целей и приоритетов, при этом нам не обойтись без развития конкуренции в научной среде, без создания интеллектуального продукта, востребованного как внутри страны, так и в мире. Поэтому каждое государство заинтересовано в сохранении и приумножении научных ценностей как важной составляющей ценностей общечеловеческого значения, способствующих сохранению и передаче накопленных знаний.

Несмотря на обозначенный выше тезис, в России явно прослеживается тенденция к утрате научных ценностей, причем общественно опасным путем. При этом необходимо учитывать достаточно высокий уровень латентности преступных деяний в этой сфере, что обусловлено незаинтересованностью работников соответствующих организаций (например, научные институты и центры, научно-исследовательские (испытательные) лаборатории, конструкторские бюро и пр.), отдельных владельцев научных ценностей в предании огласке фактов хищений; неосведомленностью некоторых владельцев относительно подлинных свойств предметов, похищенных у них; низкой продуктивностью использования категории «научные ценности» при квалификации данных посягательств в силу ее неконкретности, отсутствием универсального определения, что существенно затрудняет установление предмета преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ. Следует согласиться с мнением Е.П. Ищенко, что «…оставшиеся невыявленными, латентными либо нераскрытыми, а также некачественно расследованные преступления ведут к дальнейшему ухудшения криминогенной обстановке в стране, создают у преступных элементов уверенность в безнаказанности криминального поведения, формируют благоприятную почву для распространения криминальных традиций, для эскалации обусловленных ими уголовно-наказуемых деяний» [4: с. 32–33].

На наш взгляд, распространенность подобных преступлений обусловливается, во-первых, развитием рынка интеллектуальной собственности и доступом бизнеса к интеллектуальным ресурсам, повышенным спросом на них; во-вторых, тем, что непрерывный рост стоимости научных ценностей обеспечивает выгодное капиталовложение, превращает совершение рассматриваемых деяний в своеобразный вид преступного

промысла; в-третьих, интенсивное внимание к результатам научных достижений позволяет рассматривать научные ценности в качестве предмета преступных сделок.

Привлекательность Дальнего Востока для криминальных структур, специализирующихся на хищении научных ценностей, объясняется наличием значительного числа предприятий военно-промышленного комплекса, научно-исследовательских проблемных лабораторий, конструкторских бюро, заводских лабораторий, опытно-промышленных предприятий и организаций, занимающихся развитием наукоемких технологий «двойного назначения». На территории региона сосредоточены уникальные коллекции предметов, представляющих интерес для различных областей науки (археология, история, минералогия, палеонтология и др.), в которых заинтересованы наши дальневосточные соседи. Многие ценности науки похищаются с целью их последующего вывоза и реализации в странах Юго-Восточной Азии, США, Китае, Японии, что обусловливается географическим положением Дальнего Востока. Так, в г. Хабаровске были похищены ряд важнейших агрегатов самолета МИГ-29, которые впоследствии были перепроданы в США, где планировалось запатентовать их в целях дальнейшей продажи в Россию, в то время как конструкторы уже затратили на их разработку 5 лет и 600 млн. долларов.

Несмотря на то что изученные материалы практики расследования хищений научных ценностей в Дальневосточном регионе свидетельствуют о накоплении определенного опыта успешного раскрытия и расследования рассматриваемой категории хищения, этот опыт мало исследован, существует много проблемных вопросов по организации деятельности правоохранительных органов по борьбе с данным видом хищений.

Многолетний опыт расследования преступлений, накапливаясь постепенно, путем отбора наиболее эффективных средств и способов достижения поставленных целей, привел к формированию определенной модели, которой в большей или меньшей мере соответствуют «частные методики», предлагаемые в криминалистической литературе. Еще Р.С. Белкин подчеркивал, что «криминалистические рекомендации могут быть общими, т. е. рассчитанными на любых участников доказывания или на любые ситуации» [3: с. 83]. Вместе с тем учет в процессе раскрытия и расследования хищений научных ценностей лишь общих рекомендаций, несомненно, будет затруднять производство по уголовному делу. По справедливому мнению Д.А. Степаненко, «…ни одна модель не может претендовать на статус полного, совершенного заместителя изучаемого объекта…» [10: с. 18]. Поэтому для успешного выявления, раскрытия и расследования рассматриваемых преступлений важное значение имеет развитие и конкретизация особенностей хищений научных ценностей, в том числе и учет регионального аспекта, и познание их субъектами правоохранительной деятельности.

На наш взгляд, заслуживает внимания утверждение С.И. Цветкова и Н.Г. Шурухнова [11: с. 16], что разработка универсальных для всей страны криминалистических характеристик отдельных видов преступлений имеет по большей части значение для теоретических исследований, но далеко не всегда может использоваться в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений. Это объясняется значительными социальными, экономическими, национальными, географическими и иными особенностями различных регионов.

Предварительное расследование этого вида преступлений требует учета особенностей элементов состава. Основная проблема, возникающая при квалификации рассматриваемого состава преступления, связана с определением предмета посягательства [1, 2]. Так, ст. 164 УК РФ, предусматривающая наступление уголовной ответственности за хищение предметов и документов, имеющих научную ценность, не дает собственного определения, носит отсылочный характер. В связи с этим возникает потребность обращаться к ряду правовых актов, в которых используется рассматриваемое понятие, приводится видовой перечень, однако, не раскрываются его сущностные характеристики, что затрудняет квалификацию данного деяния. При отсутствии четких критериев отнесения различных предметов и документов к категории «научные ценности» растет доля субъективизма правоприменителей, снижается качественный уровень деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию рассматриваемого вида хищения, в результате значительный круг объектов остается за рамками уголовно-правовой защиты, преступление зачастую квалифицируется не по специальной (ст. 164 УК РФ), а по общим нормам Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 158, 159, 160, 161, 162 УК РФ).

Все многообразие ценностей науки не позволяет создать универсальный или исчерпывающий перечень предметов, на которые может

быть непосредственно направлено преступное посягательство. Между тем проведенное исследование выявило ряд наиболее распространенных предметов противоправных деяний. Применительно к рассматриваемой категории дел структура предмета посягательства выглядит следующим образом:

– документы и издания, представляющие научный интерес, – 54,8 %;

– предметы, представляющие интерес для различных областей науки (археология, история, минералогия, палеонтология и др.), – 35,5 %;

– изобретения, разработанные приборы, инструменты, аппаратура, оборудование научного назначения – 9,7 %.

Проведенное нами исследование показало, что выбор предмета преступного посягательства в определенной мере закономерно предопределен направленностью преступной деятельности в том или ином регионе Дальнего Востока (например, в Приморском крае – археологические ценности, в Якутии и на Сахалине – палеонтологические объекты).

По нашему мнению, такой выбор тех или иных видов научных ценностей в качестве предмета преступного посягательства обусловливается рядом причин:

– наличием у преступников специальных познаний, позволяющих выбирать предметы или документы, действительно имеющие научную ценность;

– существованием соучастников из числа сотрудников различных государственных учреждений, являющихся местом хранения, исследования, изобретения, разработки, экспонирования или прохождения испытания научных ценностей;

– наличием налаженных каналов сбыта.

Представляет интерес сравнение приведенных выше данных с результатами исследования С.А. Овчинниковой. К числу предметов преступных сделок и контрабандного вывоза за границу она относит научные приборы; печатные издания научного содержания; предметы - археологии, истории и др. [9: с. 65]. Соответственно и рост массива рассматриваемых хищений в весенне-летнее время объясняется периодом наиболее массового посещения туристами городов Дальнего Востока, сезонного заезда трудовых мигрантов, увеличением посещаемости портовых городов региона иностранными судами.

Существенное влияние на качество проведения предварительного следствия в значительной мере оказывает всесторонне проведенная проверка по факту хищения научных ценностей, состоящая в тщательном изучении первичных материалов, поступивших от заявителя, анализе и оценке содержащихся в них сведений, своевременное и обоснованное возбуждение рассматриваемой категории уголовных дел. «На начальном этапе расследовании преступлений, – отмечает Н.Е. Мерецкий, – должен быть осуществлен широкий комплекс мер организационного плана, обеспечивающих создание оптимальных условий для полного и быстрого раскрытия преступлений» [8: с. 169]. Однако из-за большой территориальной протяженности Дальневосточного региона, отсутствия с некоторыми населенными пунктами должного транспортного сообщения существенно осложняет процесс сбора исходной информации о совершенном хищении. Такое затягивание сроков проверки часто влечет неверную квалификацию преступного деяния, невосполнимую утрату доказательств, существенно затрудняет процесс расследования. Вместе с тем при наличии данных, прямо указывающих на признаки преступления, предварительная проверка проводиться не должна, так как фактически подменяет расследование и приводит к утрате возможности закрепления доказательств в порядке, предусмотренном законом, что неоднократно подчеркивалось различными авторами [5: с. 10, 12: с. 22–23].

Представляется, что вопрос о пределах предварительной проверки должен быть решен должностным лицом по своему внутреннему убеждению, основанному на непротиворечивости собранных фактов, совокупность которых подтверждает сделанный вывод и исключает возможность другого решения. Выбор того или иного способа проверки еще не является, на наш взгляд, достаточным для достижения желаемых результатов. Возникает необходимость в четком алгоритме действий правоохранительных органов по организации проверки фактов хищений научных ценностей.

Проведенное исследование позволяет предложить следующий алгоритм действий должностного лица на стадии возбуждения уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 164 УК:

– производство осмотра места происшествия;

– получение объяснений от заявителя, очевидцев и иных лиц, обладающих необходимой информацией об обстоятельствах хищения;

– привлечение специалистов, обладающих углубленными познаниями, относящимися к похищенным предметам, получение у них разъяснений и консультаций (получение данных о на-

значении научных ценностей, их грамотное описание при составлении информационно-поисковых карт и др.);

– изучение справочной литературы, нормативных актов, регулирующих деятельность библиотек, архивов и иных учреждений, функциональные обязанности их сотрудников, порядок учета и хранения научных ценностей.

Следует иметь в виду, что установление места нахождения похищенного, розыск преступников требуют организации эффективного многосубъектного взаимодействия и координации действий органов предварительного расследования не только с другими подразделениями органов внутренних дел, но и с сотрудниками Дальневосточного таможенного управления Федеральной таможенной службы. Примером такого взаимодействия являются результаты совместных операций, таких как «Антиквариат», «Раритет», «Наследие», «Достояние». На основе обмена информацией проводятся совместные оперативно-розыскные мероприятия, выявляются каналы контрабанды научных ценностей и лица, участвующие в этом незаконном бизнесе. Например, 25 апреля 2004 г. отделением дознания Хабаровской таможни было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 188 УК РФ в отношении гражданки В.В. Оставновой, в личном багаже которой был обнаружен металлический предмет неправильной формы, имеющий сколы серебристого цвета. Согласно заключению эксперта, представленный предмет является фрагментом метеорита и имеет научное значение [6: с. 104].

По нашему мнению, необходимость использования информационных ресурсов, сил и средств Федеральной таможенной службы обусловлена, прежде всего, характером и сферой рассматриваемой категории преступных посягательств, а также рядом факторов, среди которых можно выделить:

1. Наличие ряда взаимосвязанных задач по обеспечению законности в рассматриваемом направлении деятельности, предупреждению и выявлению противоправных действий.

2. Необходимость использования комплексного подхода к сбору, анализу и оценке информации о незаконных действиях лиц, осуществляющих преступные посягательства в отношении рассматриваемых ценностей.

3. Различия в компетенции, формах и методах работы взаимодействующих органов, при которых объединение усилий позволяет значительно повысить эффективность и оперативность в решении конкретных задач.

Существенное значение имеет установление в процессе расследования всех участников преступления. Обычно в качестве обвиняемого привлекается только то лицо, которое было поймано с поличным при совершении преступления или сбыте похищенных ценностей. Вместе с тем сложность и многоэлементность способов подготовки, совершения и сокрытия хищений научных ценностей обусловливает высокий уровень групповых посягательств (77,5 %).

Для организованных преступных групп, доля которых от общего числа групповых посягательств на научные ценности составляет 7,5 %, характерны более строгая конспирация, наличие четкой иерархии с жестким распределением обязанностей, межрегиональный характер преступной деятельности. При этом малая плотность населения Дальневосточного региона сказывается на получении своевременной и надежной информации о деятельности отмеченных преступных групп и не всегда позволяет своевременно обнаружить уже реализованный преступный замысел.

Характеризуя личность заказчика хищений научных ценностей, следует отметить их высокий уровень образования, занятость в сфере интеллектуального труда, превосходное знание особенностей предмета посягательства (например, обладают сведениями о сущности изобретения, о результатах научных исследований, опытно-конструкторских и технологических работ, о перспективных научных разработках). В условиях Дальнего Востока к числу подобных лиц могут быть отнесены:

– российские граждане, периодически выезжающие в сопредельные государства;

– иностранные туристы;

– аспиранты, преподаватели и сотрудники зарубежных научных и производственных коллективов, участвующие по обмену опыта в образовательной и научно-исследовательской сферах;

– иностранные журналисты;

– представители иностранных фирм.

Как показывает проведенное нами исследование, следователи практически не привлекают к процессу расследования хищений научных ценностей специалистов, обладающих углубленными знаниями, относящимися к похищенным предметам или документам. Однако очевидна целесообразность их привлечения уже на этапе предварительной проверки первичных материалов о совершенном хищении, что может проявляться в получении данных о назначении научных ценностей, определении видовых и индиви-

дуальных признаки похищенных ценностей, их грамотном описании при составлении информационно-поисковых карт. Специалист может оказать помощь при участии в следственных действиях и предварительном исследовании доказательств. Конечно, такое исследование не может заменить экспертного заключения, поэтому роль специалиста в данном случае состоит только в высказывании своего мнения относительно похищенных ценностей, в анализе обстановки на месте происшествия, что позволяет наиболее полно составить представление об обстоятельствах совершенного преступления, что позволит составить результативный план дальнейшего расследования, сузить направления поисковых мероприятий.

В Дальневосточном регионе подобная ситуация во многом объясняется трудностями в поиске необходимых специалистов, чей уровень знаний и квалификация позволяла бы привлекать их в качестве таковых при расследовании хищений научных ценностей, а также отдаленностью подразделений предварительного следствия от компетентных органов, которые располагают соответствующими специалистами. Похожие проблемы возникают и при необходимости выбора соответствующего экспертного учреждения. Так, например, территориальные управления Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия находятся только в Хабаровске и Владивостоке. Также возможно привлечение в качестве специалистов, экспертов и консультантов по рассматриваемой категории дел, сотрудников следующих учреждений:

– таможенной экспертно-криминалистической службы Дальнего Востока;

– экспертных комиссий Российской пробирной палаты (Дальневосточная государственная инспекция пробирного надзора);

– музеев (например, Музей археологии и этнографии Дальневосточного государственного университета, Хабаровский музей археологии им. А.П. Окладникова, Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, Хабаровский геологический музей);

– архивных учреждений (Агентство по делам архивов Камчатского края, Архивный отдел Приморского края, Управление по делам архивов правительства Хабаровского края, Управление по делам архивов министерства культуры и архивного дела Амурской области, Архивный отдел администрации Магаданской области, Архивное управление правительства Еврейской автономной области, Управление по делам архивов Сахалинской области, Российский государственный исторический архив Дальнего Востока);

– научно-исследовательских институтов (например, Институт геологических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Амурский комплексный научно-исследовательский институт РАН);

– научно-исследовательских проблемных лабораторий, конструкторских бюро, заводских лабораторий, опытно-промышленных предприятий и организаций.

Результаты проведенного нами исследования уголовных дел свидетельствуют о низком качестве планирования по делам о хищении научных ценностей. Анкетирование следователей показало, что только 66,7 % опрошенных составляли письменный план расследования и 71,2 % составляли его в соответствии с криминалистическими рекомендациями. Отсутствие ясного представления о том, что нужно установить, доказать и какие средства для этого использовать не позволяет следователю определить проблемные ситуации и задачи расследования. В то время как планирование должно начинаться уже на первоначальном этапе расследования с изучения и анализа имеющейся информации, поскольку именно она является фактическим основанием выдвижения версий, которые в условиях недостатка исходных данных, служат ориентиром в обнаружении и закреплении доказательств, а средства и методы их проверки носят выраженный поисковый характер. «Закономерно, что вся поступающая информация должна являться основой планирования мероприятий при расследовании уголовного дела, – справедливо замечает Н.Е. Мерецкий, – это способствует систематизации и оценке сложности всех действий и необходимых затрат времени» [7: с. 169].

Следует отметить, что планированию расследования по уголовным делам о хищении научных ценностей присущи некоторые особенности.

Во-первых, учитывая, что Дальний Восток представляет собой зону приграничных краев и областей, соседствующих с Китаем, Монголией, Кореей, Японией, США, то основополагающее значение при планировании приобретает принцип динамичности, что выражается в немедленном уточнении пунктов составленного плана при получении следователем новой информации об отдельных обстоятельствах хищения научных

ценностей, в особенности на первоначальном этапе. Объясняется это возможностью быстрого перемещения похищенных ценностей за пределы Российской Федерации путем контрабандного вывоза.

Во-вторых, необходимость учитывать то обстоятельство, что повторное проведение следственных действий (чаще осмотра места происшествия) бывает затруднено, а порой и невозможно (например, следует учитывать дальние расстояния и слабую транспортную связь отдельных районов Дальневосточного региона друг с другом, суровые климатические условия, а также режим деятельности архивов, библиотек, научных институтов и центров, конструкторских бюро, научно-исследовательских (испытательных) лабораторий, постоянное нахождение посетителей в которых приводит к быстрому уничтожению следов хищения, изменению обстановки места происшествия).

В-третьих, в силу особенностей поведения некоторых категорий потерпевших (боязнь понести убытки, нежелание вмешиваться в «чужие дела», собственные неправомерные действия (приобретение научных ценностей, полученных преступным путем) и обвиняемых (как правило, представители этнических организованных преступных групп действующих в регионе) возникает ситуация противодействия расследованию. Соответственно планирование должно носить упреждающий характер, опережать реальное развитие следственной ситуации.

В-четвертых, планирование расследования хищений научных ценностей должно включать совместный анализ информации о преступлении имеющейся у различных подразделений правоохранительных органов Дальневосточного региона, в целях выдвижение следственных и розыскных версий, определения путей их проверки.

Таким образом, при расследовании хищений научных ценностей необходимо ориентироваться на общие методические рекомендации, но вместе с тем следует учитывать характерные для Дальнего Востока географические, социально-экономические, культурные и другие особенности (значительное число приграничных районов, большую территориальную протяженность, отсутствия сообщения с некоторыми населенными пунктами, процесс непрекращающейся иммиграции, расположение значительного числа исправительных учреждений пр.), которые оказывают влияние как на преступность в целом, так и на отдельные ее виды, в том числе и хищения научных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алехин, Д.В.* Понятие и сущность научных ценностей как философской категории / Д.В. Алехин // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2007. – № 1 (12). – С. 11–18.

2. *Алехин, Д.В.* Научные ценности как правовая категория / Д.В. Алехин // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2007. – № 2 (13). – С. 20–26.

3. *Белкин, Р.С.* Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики / Р.С. Белкин. – М., 1970. – 130 с.

4. *Ищенко, Е.П.* О необходимости разработки государственной программы борьбы с преступностью / Е.П. Ищенко // Бизнес в законе. – 2007. – № 3. – С. 32–34.

5. *Лавров, В.П.* Исходные следственные ситуации как объект кафедрального научного исследования / В.П. Лавров // Исходные следственные ситуации и криминалистические методы их разрешения : сб. науч. тр. – М., 1991. – С. 3–11.

6. *Ляпустина, Н.С.* Доказывание по уголовным делам о контрабанде культурных ценностей / Н.С. Ляпустина. – Хабаровск: ДВГУПС, 2007. – 140 с.

7. *Мерецкий, Н.Е.* Применение оперативно-тактических комбинаций в расследовании преступлений / Н.Е. Мерецкий. – Хабаровск : ДВЮИ МВД РФ, 2000. – 313 с.

8. *Мерецкий, Н.Е.* Проблемы использования непроцессуальных данных в расследовании преступлений / Н.Е. Мерецкий // Актуальные проблемы теории и практики борьбы с преступностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе : сб. мат. междунар. науч.-практ. конф., 17–18 мая 2007 г. ; под ред. Е.П. Кима, А.А. Михайличенко. – Хабаровск : ДВЮИ МВД России, 2007. – С. 167–170.

9. *Овчинникова, С.А.* Методика расследования контрабанды культурных ценностей : дис. … канд. юр. наук / С.А. Овчинникова. – СПб., 2001. – 218 с.

10. *Степаненко, Д.А.* Моделирование как метод научного исследования в приложении к решению задач уголовного судопроизводства : дис. … канд. юр. наук / Д.А. Степаненко. – Томск, 1996. – 22 с.

11. *Цветков, С.И.* Организация и криминалистическая методика расследования имущественных преступлений: лекция / С.Н. Цветков, Н.Г. Шурухнов. – М., 1989. – 34 с.

12. *Шурухнов, Н.Г.* Предварительная проверка заявлений и сообщений о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела (процессуальные и организационно-методические вопросы): дис. ... канд. юр. наук / Н.Г. Шурухнов. – М., 1982. – 197 с.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА В КАНАДЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СТРАНЕ

М.В. Вересоцкая

Вересоцкая Марина Владимировна – аспирантка Уссурийского государственного педагогического института.

Контактный адрес: lkarpenko@yandex.ru

В статье анализируется избирательная система в Канаде, ее положительный опыт и вместе с тем ее противоречия, которые влияют на политическую активность канадских граждан, на принятие политических решений. Рассматривается эволюция избирательного законодательства этой страны. Являясь важнейшим механизмом политического процесса, канадские выборы оказывают мощное влияние на общественно-политическую жизнь, политическую культуру населения. Выборы последних лет свидетельствуют о повышении гражданской зрелости канадцев, их желаний активно участвовать в политическом процессе своего государства и влиять на него.

Ключевые слова: Канада, избирательная система, политические партии, политический процесс.

Канадская избирательная система сложилась под влиянием Великобритании. Когда три оставшихся британских колоний в Северной Америке объединились в 1867 г. в доминион Канады, они заимствовали британские институты избирательной демократии, основанные на мажоритарной системе (FTPT). Основанная на модели относительного большинства за полтора столетия эта система практически не изменилась до наших дней. Суть этой мажоритарной системы состоит в том, что от каждого округа в палату общин избирается один депутат. Для избрания необходимо получить относительное большинство, т. е. больше, чем любой другой кандидат (даже если это число значительно меньше 50 % проголосовавших).

Составляющие Канадскую федерацию провинции и федеральные территории поделены на 308 избирательных округов (ridings). Каждые десять лет в соответствии с очередной переписью населения определяется число положенных провинциям депутатских мест (ему будет соответствовать количество избирательных округов) и уточняются границы избирательных округов [5: с. 6.] На практике подобная система «квотирования» завышает представительство территорий и малонаселенных провинций: так, в самой густонаселенной провинции Онтарио один депутат приходится более чем на 90 тысяч избирателей, а в Юконе – на 23 тысячи [5: с. 7].

Подобная система также лишает представительства малых партий, а главное – искажает соответствие между числом поданных голосов и количеством мандатов, получаемых той или иной партией.

Несовершенство избирательной системы, падение доверия населения к органам государственной власти сказывается на активности канадских избирателей (явка на выборах 2008 г. была самой низкой за всю историю – 59,1 %) [5: с. 7]. В то же время значительное число канадцев хотят участвовать в политическом процессе, в принятии решений, они ожидают, что политические институты страны станут более эффективными, ответственными и подконтрольными избирателям. Многие в стране уверены, что реформа избирательной системы может стать тем импульсом, который способен придать канадской демократии новый динамизм и прочность. Нынешняя мажоритарная система относительного большинства многим в Канаде кажется несправедливой, потому что позволяет крупным партиям получать непропорционально большое число мест в парламенте при не столь значительной поддержке населения. При этом правящая партия имеет возможность практически в одиночку определять политическую повестку дня в стране.

Учитывая недостатки национальной избирательной системы в канадском обществе, неоднократно поднимался вопрос о ее реформировании, изменении избирательных институтов в сторону создания пропорциональной системы выборов. Так, в 1979 г. Комиссия по канадскому единству (pin Robarts Commission) предложила рекомендацию о том, чтобы более двадцати процентов мест в Палате общин было предоставлено партиям, пропорционально их поддержке избирателями от тех провинций, которые представлены в недостаточной степени. Предложение об изменении избирательных институтов Канады неоднократно высказывали представители оппозиционных политических партий. Так, Новая демократическая партия, имеющая левые взгляды и наименее представленная в парламенте в соответствии с системой FPTP, предложила сформи-

ровать пропорциональную систему выборов. Однако правительство П. Трюдо отвергло и предложение Комиссии по канадскому единству (P pin Robarts) и требования НДП. Таким образом, избирательная реформа Палаты общин была отложена на неопределенное время. Но эта проблема не была снята с политической повестки дня. Спустя десять лет Пьер Лорти, Председатель Королевской комиссии по избирательной реформе и партийному финансированию, созданной правительством Б. Малруни в 1990 г., заявил, что изменение избирательной системы как таковой выходит за рамки полномочий Комиссии. Обсуждение реформы избирательной системы федеральных законодательных органов было сконцентрировано на предложении, поддержанном западными провинциями, превратить назначаемую высшую палату, Сенат, в избираемую палату [7].

Но и эта инициатива не была поддержана в Палате общин. Несовершенство старой избирательной системы ярко проявилось на выборах 1993 г., которые нынешняя правящая Прогрессивно-консервативная партия проиграла. В 1993 г. избиратели отвергли правящих консерваторов, избирательная система почти опустошила старейшую партию Канады. Вместо избрания 46 членов из 295, что дала бы им пропорциональная система, Тори удалось избрать только двух депутатов. В противоположность ей, две партии, базирующиеся в регионах, «Блок Куб и куа» и Партия реформ, набравшие соответственно 13 и 19 % голосов, избрали 54 и 52 члена парламента [7].

Ситуация на этих выборах повторилась в 1997 г. Из 301 места в Палате общин либералы получили 155, Партия реформ – 60, «Блок Куб и куа» – 44, НЛП – 21, а Тори – 20. Если бы места были распределены в соответствии с поддержкой народа, т. е. по пропорциональной системе выборов консерваторы заняли бы третье место, имея 58 мест, сразу следуя за партией «Реформ», имеющей 59 мест, а НДП и «Блок Куб и куа» имели бы по 33 места, оставив Либералам 118 мест [7]. Две трети мест либералов приходилось на Онтарио, в то время, как Партия реформ доминировала в западных провинциях, а «Блок Куб и куа» – делили Канаду на четыре части. Если бы места распределялись в соответствии с поддержкой, оказываемой партиями народом, либералы, консерваторы и НДП выиграли бы места во всех провинциях, Партия реформ во всех, кроме Квебека. И это, конечно, без учета того факта, что при системе пропорционального представительства партии имели бы стимул расширить попытки и ресурсы за пределы регионов, где у них дела шли хорошо: консерваторам необходимо было прилагать больше усилий на западе, НДП и Партия реформ должны были бы работать усерднее, чтобы получить поддержку в Квебеке. На самом деле была уважительная причина прихода на избирательные участки только двух третьих зарегистрированных избирателей и она связана с мажоритарной несправедливой системой выборов. В этих условиях только одна или две партии были реальными конкурентами, а сторонники других – фактически были лишены голоса.

Вопрос реформирования избирательной системы в сторону большей степени пропорциональной системы неоднократно поднимался в СМИ Канады и многими политическими деятелями. Однако он всегда игнорировался руководителями партий, стоящих у власти. В ноябре 1997 г. был представлен частный законопроект одним из ведущих членов НПР, в котором предлагалось ввести пропорциональное представительство и создать комиссию с участием всех партий для проведения общественного опроса по этому вопросу и представить отчет с конкретным предложением, которое затем будет предложено канадцам для одобрения на референдуме. Однако, как и другие частные законопроекты, этот проект не прошел. Большинство канадских политиков посчитали реформу избирательной системы «мертвым делом», в которое они не желают вкладывать драгоценный политический капитал.

Как известно, система FPTP привела к возникновению правительств большинства, во главе с либералами. В то же время она привела к поляризации, расколу канадского общества. Вместе с тем были попытки изменить избирательную систему в регионах. Это произошло в Квебеке в начале 1980-х г., когда комиссия по расследованию выступила в поддержку принятия региональной системы PR по спискам и рекомендациям, поддержанным кабинетом Квебека. Однако из-за отсутствия поддержки оппозиции это предложение даже не было представлено в законодательный орган. Если бы она была принята, баланс власти сегодня принадлежал бы партиям, представляющим двадцать пять процентов жителей Квебека, которые хотят перемен, но предпочитают компромисс, которому недостает суверенитета, поддерживаемого «Блоком Куб и куа».

Единственными положениями по реформированию избирательной системы, которые попали на политическую повестку дня, были положения, принятые в западных провинциях Канады. Они предусматривают отзыв законодателей. Что касается реформы избирательной системы, ре-

альной единственной перспективой для Канады является следование опыту США и других стран, где сформирована цивилизованная демократическая избирательная система.

Переход к системе пропорционального представительства становится все более очевидным и актуальным для Канады. Такой переход отражает и настроения избирателей. В 2004 г. Комиссия по законодательству Канады подготовила доклад «Голосование имеет значение: электоральная реформа для Канады», в котором в качестве одной из возможностей реформирования называлось введение смешанной избирательной системы. Она предполагала избрание двух третей членов Палаты общин по одномандатным округам, а оставшиеся трети – по провинциальным и территориальным партийным спискам, либо по региональным партийным спискам в крупных провинциях Онтарио и Квебеке, мандаты, полученные по партийным спискам, обеспечили бы пропорциональное распределение мест в парламенте между представителями различных политических программ.

Политологи-канадоведы отмечают, что преимущества подобной системы очевидны. Исчезнут диспропорции между количеством голосов избирателей, полученных партией, и числом принадлежащих ей мест в Палате общин. Малые партии, ранее не имевшие возможности провести своих кандидатов, смогут это сделать; будет больше избрано кандидатов-женщин и представителей меньшинств; у партий появится стимул к диалогу и формированию коалиций; значительное число голосов избирателей не будет отдано «впустую», как это происходит сейчас [5: с. 7]. Указанные перемены, по мысли сторонников реформ, способствовали бы росту интереса граждан к выборам и повысили бы политическую активность населения. К тому же при такой системе формирование однопартийного правительства было бы нечастым явлением: для получения абсолютного большинства в Палате общин победившей партии необходимо заручиться такой же пропорцией голосов избирателей в масштабах страны. Следовательно, нормой станет создание коалиционных правительств, чего в парламентской практике Канады прежде не наблюдалось. Однако предложение НДП и других малых партий о проведении референдума по вопросу о реформировании избирательной системы Канады пока отклоняется большинством депутатов Палаты общин, где ведущие позиции имеют большие правящие партии – консерваторы и либералы. Тем не менее реформа избирательной системы остается одним из ключевых вопросов политической повестки дня Канады. Однако под эту реформу необходимо подвести новую законодательную базу. С момента образования канадской конфедерации в 1867 г. и вплоть до середины 70-х годов XX в. это законодательство обновлялось крайне медленно, а некоторые законы вообще не менялись десятилетиями. Практически отсутствовала законодательная регламентация деятельности политических партий в избирательном процессе. Такие важнейшие вопросы, как финансирование избирательных компаний, отчеты партий и кандидатов в члены парламента о расходовании предоставленных им государственных средств, находились не в поле зрения государства [4: с. 93].

Законодательство, действовавшее до 1974 г., было крайне несовершенным: оно формально требовало от кандидатов отчетов о расходах, одно время даже запрещало им принимать деньги от корпораций, но обходило молчанием вопрос о наказаниях нарушителей закона, о потолке предвыборных расходов. Кроме того, оно игнорировало существование партий, не предъявляя к ним ни малейших ограничений. Поэтому его ценность и действенность были близки к нулю [4: с. 67].

Политические партии сменяли друг друга у руля власти, но их деятельность не была законодательно определена на федеральном уровне. Естественно, это отражалось и на финансовых аспектах функционирования партий. Как отмечал канадский политолог Ж. Бойер, «…разные финансовые возможности партий далеко неадекватно сказывались на демократическом процессе и в самом деле наносили ему ущерб, но государство просто обходило этот факт стороной [6: p. 3].

Все же некоторые шаги предпринимались в сторону государственного регулирования деятельности партий, а также финансовой системы выборов. Так, еще в 1874 г. был принят закон о выборах, согласно которому от кандидатов в члены парламента, а также от их доверенных лиц в избирательных округах требовался отчет о текущих расходах в ходе проведения избирательных кампаний. Однако на практике закон четко не контролировал поступление подобных отчетов. Необходимо также отметить, что, предписывая кандидатам в члены парламента и их доверенным лицам на местах предоставлять соответствующие отчеты о расходах в течение избирательных кампаний, закон обходил стороной источники поступлений средств [6: p. 5]. А это свидетельство того, что закон был весьма несовершенен.

В 1891 г. парламентом была принята поправка к закону о выборах, которая предусматри-

вала судебные санкции политическим партиям за любой факт коррупции [6: p. 6]. Однако какие-либо меры к основным объектам данной поправки применялись крайне редко. Вся политическая система Канады была настолько охвачена коррупцией, что для наказания провинившихся политических партий пришлось бы, по меньшей мере, заменить чиновников действующего кабинета министров, с которыми та или иная партия была связана.

В связи с усилением политической коррупции правительство было вынуждено вновь вернуться к этой проблеме в 1909–1907 гг. Очередная поправка к закону 1874 г. запрещала кандидатам в члены парламента, а также политическим партиям принимать денежные средства от корпораций. Поправка была следствием влияния движения прогрессистов, наиболее ярко проявившего себя в это время в США.

В начале 20-х годов XX века была принята поправка к закону, которая определила все существующие объединения и ассоциации Канады как корпоративные, вследствие чего они попадали под поправку 1907 г. Тем не менее большой бизнес, благодаря своим связям и влиянию в мире политики, мог и на этот раз продолжать осуществлять вложения в фонды политических партий и кандидатов в члены парламента. В то же время поправка 1920 г. нанесла сильный удар по профсоюзам, которые стали рассматриваться как корпоративные объединения и долгое время доказывали обратное [6: p. 7].

Несмотря на своевременность, закон о выборах и поправки к нему отличались половинчатостью. На общем фоне недооценки роли политических партий вышеуказанные меры были неэффективны, так как именно политические партии получали крупные денежные суммы от корпораций; как раз в партиях происходили те злоупотребления, против которых были направлены усилия федерального законодательства. В результате это приводило к неконтролируемому влиянию большого бизнеса на политическую систему общества и избирательный процесс в целом. Более того, за всем этим стояла незаинтересованность самих партий, прежде всего правящей, в гласности, контроле общества за происхождением и расходованием их финансов. Случаи грубого подкупа отдельных кандидатов в челны парламента, становились достоянием общественности, вызывали политические скандалы.

С середины 60-х годов XX века начался новый этап развития канадского законодательства о партиях и выборах. В 1964 г. при правительстве Л. Пирсона был образован Совещательный комитет по расходам на всеобщих выборах [4: с. 94]. Комитету во главе с А. Барбе было поручено подготовить рекомендации по усовершенствованию законодательства о партиях и выборах. В задачу комитета входило изучение современной практики проведения всеобщих выборов в западной Европе и США. Результатом его работы стало опубликование в 1996 г. «Доклада А. Барбе». В этом докладе рекомендовалось следующее:

1) введение официальной ответственности политических партий и кандидатов в члены парламента за сбор и расходование денежных средств во время проведения избирательных кампаний;

2) усиление элемента гласности в финансировании выборов путем предоставления политическими партиями и кандидатами в члены парламента своевременных отчетов о своих доходах и расходах во время избирательных кампаний;

3) стимулирование общественного участия в избирательных кампаниях с помощью введения различного рода льгот на средства, вносимые любым гражданином Канады в фонд той или иной политической партии или кандидата в члены парламента. В связи с этим было подчеркнуто, что предвыборная активность партий и кандидатов не должны быть их сугубо внутренним делом;

4) ограничение стоимости федеральных выборов путем сокращения как государственных расходов на проведение выборов, так и собственных затрат на избирательные кампании политических партий и кандидатов в члены парламента [10: p. 68].

«Доклад А. Барбе» получил одобрение парламента, вследствие чего в октябре 1970 г. под председательством Х. Чаппелла был образован новый Совещательный комитет по расходам на всеобщих выборах. В «Докладе Х. Чаппела», опубликованном в 1971 г., была дана положительная оценка работе А. Барбе и его коллег. Более того, было предложено внести дополнение к существующим предложениям А. Барбе. В частности, отмечалось, что за непредоставление требуемых отчетов о своих текущих доходах и расходах во время избирательных кампаний политические партии и кандидаты в члены парламента должны нести судебную ответственность. В 1972 г., рекомендации обоих комитетов были суммированы и переданы на обсуждение в палату общин [11: p. 188].

Как считают аналитики, Уотергейтский скандал в США ускорил принятие нового канадского закона о партиях и выборах в июле 1974 г. Он включал ряд положений. Так, для участия в выбо-

рах политическая партия должна быть официально зарегистрирована как организация, имеющая по крайней мере 12 мест в палате общин или кандидатов в члены парламента в 50 избирательных округах. Деятельность политических партий, таким образом, была законодательно регламентирована. Закон подчеркивал, что политические партии и кандидаты в члены парламента теперь должны нести полную ответственность за свою деятельность по сбору и расходованию денежных средств, предназначенных для проведения избирательных кампаний.

Было также предусмотрено частичное государственное субсидирование избирательных кампаний политических партий и кандидатов в члены парламента. Партии, получившие не менее 15 % поданных голосов на всеобщих выборах, имели право на возмещение из государственного бюджета 22,5 % своих расходов на избирательные кампании. Кандидат в члены парламента, получивший не менее 15 % поданных голосов избирателей на федеральных выборах, мог претендовать на компенсацию от государства в размере 50–60 % всех своих расходов, ушедших на проведение собственной избирательной кампании [4: с. 95].

Для политических партий был введен потолок предвыборных расходов – не более 30 % на каждого зарегистрированного избирателя. Для кандидатов в члены парламента были также установлены соответствующие ограничения: им разрешалось израсходовать по одному доллару на каждого из первых 15 тыс. избирателей, живущих в округе, по 50 центов – на каждого из 10 тыс. следующих и по 25 центов – на каждого избирателя сверх указанных 25 тыс. Средние расходы кандидатов в округе были определены в 26 250 долл. [11: p. 188].

По закону 1974 г. любой гражданин Канады, внесший определенную денежную сумму в фонд той или иной политической партии или кандидата в члены парламента, был вправе получить льготную компенсацию в виде возврата части этой суммы [10: p. 70].

Предел взноса физического или юридического лица в фонд политической партии или кандидата в члены парламента был определен в 50 тыс. долл. Вводилась градация взносов, получаемых политическими партиями и кандидатами: до 100 долл. – мелкие, до 2 тыс. долл. – средние, свыше 2 тыс. долл. – крупные. Для мелких пожертвований были установлены льготы в размере 75 % взноса, для средних и крупных – в убывающей прогрессии – от 55 % до нуля [4: с. 96].

Все источники в фонды партий или кандидатов, превышающие 100 долл., должны быть официально обнародованы. Против нарушителей закона были предусмотрены специальные уголовные санкции – тюремное заключение сроком до 5 лет или штраф. Партии и кандидаты в члены парламента, не подавшие в шестимесячный срок после всеобщих выборов финансовых отчетов о доходах и расходах, лишались всех взносов и выплат.

Закон 1974 г. ознаменовал собой новый подход государства к проблемам, связанным с партиями и выборами. Законодательная регламентация деятельности политических партий свела на нет то положение, при котором их предвыборная деятельность считалась сугубо внутренним делом, не подконтрольным обществу. Это имело, безусловно, положительное значение.

Тем не менее закон имел ряд недостатков. Политические партии Канады, которые не в состоянии набрать необходимого количества голосов на всеобщих выборах, по-прежнему не могли претендовать на получение компенсационных выплат от государства. Вследствие чего затраты малой партии на избирательные кампании не возмещаются, что ставит их в неравноправное финансовое положение по сравнению с политическими партиями, получающими соответствующие средства от государства. Более того, введением закона не удалось ограничить стоимость выборов [4: с. 96]. Признание законом корпоративных взносов предопределило дальнейший рост сумм предвыборных расходов политических партий и кандидатов в члены парламента. Внедрение государственного субсидирования привело к увеличению темпов роста государственных ассигнований на предвыборные цели. Если в 1974 г. на всеобщие выборы государством было выделено 29,1 млн. долл., в 1979 г. – 62,9 млн., то в 1980 г. эта цифра составила уже 64,5 млн., 1986 г. – 96,5 млн., 1988 г. – 125 млн., 1993 г. – 160 млн. долл. В течение 1974–1993 гг. федеральные выборы вздорожали более чем в 6 раз [3: с. 74]. А выборы в Палату общин последних лет (1997, 2000, 2004, 2008) обошлись канадским налогоплательщикам в более крупные суммы, исчисляемые сотнями миллионов долларов [2].

В последние 10 лет в избирательном праве Канады произошли некоторые изменения. Выборы в парламент Канады стали проводиться на основании Закона об избрании в Палату общин 2000 г. (или закон о выборах 2000 г.) с дополнениями. Сегодня в стране действует активное и пассивное избирательное право. Активным избирательным правом обладают все граждане Канады, достигшие 18-летнего возраста. Не могут голосовать лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы на срок свыше двух лет; не имеют права голоса граждане Канады, постоянно

проживающие за рубежом более пяти лет (если это не военнослужащие, гражданские служащие или сотрудники международных организаций, членом которых является Канада). Лица, имеющие право голоса, занесены в списки избирателей – реестр. Существует реестр избирателей за рубежом. Включение в реестр возможно только при получении на это письменного согласия потенциального избирателя. Отказ от включения в реестр не может быть основанием для лишения гражданина активного избирательного права. В реестр занесено около 23,5 млн. канадских избирателей. Для того чтобы воспользоваться альтернативными способами голосования (досрочное голосование, голосование по открепительному удостоверению либо голосование по почте) избирателю необходимо написать соответствующее заявление. Голосование проходит по понедельникам (или по вторникам, если понедельник является государственным праздником). Выборы проходят одновременно по всей стране и длятся 12 часов – в зависимости от часового пояса они начинаются в интервале между 7.30 и 9.30 местного времени [8]. В 2007 г. парламент Канады принял закон, по которому выборы Палаты общин стали проходить раз в четыре года в третий понедельник октября.

Пассивным избирательным правом обладают все граждане Канады, имеющие активное избирательное право. Не могут выдвигать свои кандидатуры на выборах лица, уже являющиеся членами законодательного собрания иного уровня, шерифы, клерки местного суда, судьи, назначенные на должность актом генерал-губернатора, любые должностные лица, участвующие в организации выборов, лишенные избирательного права решением суда, не может выставлять свою кандидатуру в качестве кандидата лицо, которое по итогам предыдущих выборов не представило в Центральное избирательное ведомство финансовый отчет. До 1993 г. не могли становиться депутатами все лица, прямо или косвенно имевшие финансовые отношения с правительством.

Установлено выдвижение кандидатов от партий и независимых кандидатов. От каждого округа может выдвигаться неограниченное количество кандидатов, кандидат может выдвигаться только по одному округу, а каждая партия – выставлять в округе одного кандидата. Избирательный залог составляет 1000 канадских долларов. Необходимы также подписи минимум 100 избирателей округа (в ряде труднодоступных территорий – 50 избирателей). Всем кандидатам, предоставившим в срок финансовую отчетность, возвращаются избирательные залоги.

Минимальный численный состав партии – 250 человек. Партии обязаны выдвигать на парламентских выборах хотя бы одного кандидата. Законом выборах 1920 г. был введен специальный орган по контролю за их проведением и учрежден пост главного должностного лица по выборам (условно «Председатель Центрального избирательного ведомства»). Главное должностное лицо по выборам стало назначаться на основании резолюции палаты общин, отстранить его может генерал-губернатор по обращению обеих палат парламента – председатель Центрального избирательного ведомства Марк Мэйренд [8].

Центральное избирательное ведомство проводит регистрацию политических партий и отделений партий в избирательных округах, обеспечивает выплату партиям дотаций, осуществляемых мониторинг расходов на выборах, которые были произведены кандидатами, политическими партиями, иными лицами или организациями, информирует избирателей о выборах, в том числе выполнять задачи просветительского характера, проводит исследования, выступает с разъяснениями («инструкциями»), касающимися порядка проведения выборов. Председатель Избирательного ведомства Канады назначает Комиссара по выборам, выполняющего контрольные функции, Арбитра по вопросам распределения эфирного времени. На уровне избирательного округа выборы обеспечивают уполномоченные по выборам. Уполномоченный по выборам и его заместитель осуществляют свою деятельность на постоянной основе, назначаются генерал-губернатором. На избирательной участке работой руководит заместитель уполномоченного. Они по закону назначаются приказом генерал-губернатора, однако, в ряде провинций и территорий назначение уполномоченных по выборам производится главным должностным лицом по выборам. На должности в избирательной системе не могут быть назначены министры и члены кабинета, члены Парламента, депутаты законодательных органов провинций, судьи федеральных судов и судов специальной юрисдикции, лица, которые выставляли свои кандидатуры на последних всеобщих выборах (в том числе члены палаты общин предыдущего созыва), а также совершившие в течение предыдущих семи лет нарушения избирательного законодательства. На избирательном участке могут присутствовать заместитель уполномоченного по выборам избирательного округа, иные категории должностных лиц по выборам, кандидаты, по два представителя на участок.

Распределением эфирного времени ведает арбитр. Он распределяет квоты платного време-

ни по договоренности с партиями. Если договоренности достичь не удалось, то партии получают количество эфирного времени, прямо пропорциональное количеству мест в палате общин. При этом ни одна партия не может получить более 50 % эфирного времени. Партии, участвующие в выборах, впервые могут купить до 39 минут эфирного времени. Предусмотрено и бесплатное эфирное время для партий [8].

К предвыборной агитации не относятся редакционные статьи, выступления, интервью, полосы в газете, комментарии и новости, передача своих взглядов на некоммерческой основе в сети Интернет. Согласно закону о выборах 2000 г. в последние годы несколько изменилось финансирование партий участвующих в выборах [9]. Предусмотрено государственное финансирование партий и возмещение им расходов на избирательную кампанию: чтобы получить государственное финансирование и возмещение до 50 % расходов партии на избирательную кампанию (в рамках установленного законом лимита расходов), она должна получить не менее 2 % голосов в целом по стране или 5 % голосов в округах, где выдвигала кандидатов. Кандидаты, получившие в избирательном округе не менее 10 % голосов и сдавшие в срок финансовую отчетность, могут получить возмещение до 60 % расходов на избирательную кампанию в рамках установленного законом лимита расходов.

Основное бремя финансирования партий сегодня лежит на канадском государстве, т. е. на всех налогоплательщиках. Каждая партия получает ежегодные пособия от государства из расчета 1,5 долл. за один голос, отданный за нее на предыдущих выборах, но лишь при том условии, что данная партия получила не менее 2 % голосов в национальном масштабе или 5 % голосов в тех округах, где она выставляла своих кандидатов. Для предоставления дополнительных государственных средств тем или иным партиям рассматриваются результаты предыдущих выборов, в частности, число выдвинутых от каждой партии кандидатов, число полученных ею мест в парламенте и доля каждой партии в общем числе голосов, поданных на выборах [1: с. 108].

Поскольку в Канаде не проводятся национальные выборы, на которых все избиратели имеют возможность сделать свой выбор из списка кандидатов, национальная избирательная кампания проводится очень централизовано. От кандидатов не требуется, чтобы они принадлежали к национальной партии, поэтому периодически избираются «независимые» кандидаты. Однако в подавляющем большинстве случаев, численность и популярность политической партии кандидата и, в первую очередь, ее лидера является единственным и наиболее важным фактором, определяющим результат выборов.

Канадская система финансирования избирательной кампании учитывает центральную роль, которую играют партии в политической системе Канады, позволяя им осуществлять расходы за собственный счет, кроме расходов кандидата в отдельных регионах. На практике это означает то, что канадские национальные политические партии могут вести скоординированную рекламную кампанию в прессе и через электронные средства массовой информации. Недавно такие кампании проводились в больших масштабах, но это не означает, что они не контролировались. Закон о выборах констатирует, что только партии имеют право тратить средства в объемах, определяемых путем умножения индекса, отражающего рост минимального жизненного уровня, на число избирателей внесенных в предварительный список в каждом избирательном округе, в котором баллотируется данный член партии. Первоначально это число было установлено в размере 0,30 доллара, но к 1991 г. оно подскочило до 0,51. В результате этого роста, каждой из трех канадских политических партий разрешено увеличить расходы с 6,4 млн. в 1984 г. до около 10 млн. долл. в 2008 г.

Ограничения, накладываемые на расходы по проведению политическими партиями избирательной кампании, не распространяются на субсидии, которые вносит национальная политическая партия в пользу отдельного кандидата. При расширении возможностей, партия, как правило, решает взять на себя посильные расходы на проведение кампании через своих кандидатов, нежели проводить ее за свой счет. Это делается потому, что 50 % предполагаемых расходов канадцами могут быть возвращены правительством, в то время, как только 22,5 % предполагаемых расходов партии могут быть компенсированы из консолидированного фонда доходов.

Вышеизложенное позволяет подчеркнуть, что канадская система федерального финансирования избирательных кампаний довольно сложная. Поэтому не удивительно, что ряд проблем этой системы в последние годы попали в поле зрения общества и правительства. Канадский политолог Стефан Ф. Кларк отмечает, что фокусируя свое внимание на существующих недостатках, Федеральное правительство принимает на себя обязательства по частичному финансированию избирательных кампаний и ограничению расходов на их проведение. Канадская общественность широко поддерживает эти меры. В по-

следние годы несколько активизировала свою работу Королевская комиссия по реформе избирательной системы и упорядочению финансирования партий. Канада все больше уходит от негативного опыта США, когда избирательные кампании финансируются за счет крупных корпораций, частных фондов, лоббистов и профсоюзов.

В Канаде в условиях трехуровневого управления (федерального, провинциального и муниципального) существует соответственно и три уровня выборов – в федеральные, провинциальные и муниципальные органы власти. На федеральном уровне выборным органом является Палата общин. Выборы туда проводятся по мажоритарной системе. Избранным является тот кандидат, который получил большинство голосов в своем избирательном округе.

На провинциальном уровне выборным органом является законодательное собрание провинции. Члены законодательного собрания баллотируются по избирательным округам, сформированным в зависимости от численности населения. Так, чтобы в них входило примерно равное число избирателей. Для того чтобы быть избранными им достаточно набрать большинство голосов, даже если он или она получает менее половины от общего числа голосов всех избирателей данного избирательного округа.

На муниципальном уровне выборным является муниципальный совет. Члены совета избираются по принципу простого большинства. Иногда муниципальное образование делится на одномандатные округа, иногда выборы проводятся по многомандатным округам, когда муниципалитет представляет единый избирательный округ. Глава муниципалитета в сельской местности избирается членами муниципального совета из своего состава. В городах мэры либо избираются всеми жителями города, либо назначаются членами муниципального совета.

Избирательный процесс в Канаде – явление далеко неоднозначное. Сегодня это одна из самых спорных и активно обсуждаемых тем в политических дискуссиях канадского общества. Связанные с выборами проблемы весьма разнообразны: это и переход от несовершенной мажоритарной к пропорциональной системе голосования и проблема финансирования избирательных кампаний и политических партий и проблема «квотирования» депутатских мест о каждой провинции и уточнение границ избирательных округов и, наконец, непростая проблема явки избирателей. Все эти перечисленные и другие проблемы ждут еще своего решения. Не случайно на повестке дня политической жизни Канады острым остается вопрос о проведении референдума по вопросу реформирования избирательной системы в стране.

Очевидно, и то что сам избирательный процесс в Канаде, несмотря на консерватизм и несовершенство избирательной системы, находится в постоянном развитии, меняются акценты предвыборных кампаний, приоритеты избирателей. На их политические предпочтения, выбор влияние оказывают проблемы социально-экономического характера (проблемы «социального государства»), экология, внешние факторы и т. д. и все же решающим в выборе канадских граждан остается личностный фактор. Предвыборные кампании последних лет, особенно 2004 и 2008 годов, характеризовались в основном «битвой имиджей» партийных лидеров от ведущих партий Канады. И поддерживаемая на этих выборах Консервативная партия и проигравшая крупнейшая Либерально-демократическая партия строили свою тактику в значительной мере на критике оппонентов. Одной из главных причин резкого падения популярности либералов во главе с Пол Мартином связана с громким коррупционным скандалом этой партии. Канадские избиратели, относящиеся к государству как к «общенациональному менеджеру», очень щепетильны в вопросах этики и порядочности политических деятелей своей страны.

Выборы в Канаде последних лет свидетельствуют об усилении гражданской активности канадцев, их желании участвовать в политическом процессе своего государства и влиять на него.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ажаева, В.С.* Партийно-политическая жизнь Канады накануне выборов / В.С. Ажаева // США – Канада: экономика, политика, культура, 2004. – № 2. – С. 108–115.

2. *Боботов, С.В.* Систематизация законодательства в Канаде. URL:htto://law.edu.ru/article/article/ asp?articleID=1170281.

3. *Данилов, С.Ю.* Политико-государственный механизм современной Канады / С.Ю. Данилов, В.Е. Шилов. – М., 1991. – С. 67.

4. *Комаров, А.Н.* Канадское законодательство о партиях и выборах / А.Н. Комаров // США – Канада: экономика, политика, культура, 1997. – № 2. – С. 91–99.

5. *Соколов, В.И.* Всеобщие выборы в Канаде: прежнее «правительство меньшинства» / В.И. Соколов, А.А. Демчук // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2009. – № 1. – С. 3–12.

6. *Boyer, J.* Money and Message. Political Parties Financing in Canada / J. Boyer. – Toronto, 1883.

7. http://aceproject.org/ace-ru/topics/es/esy/kanadskaya-izbiratelnaya-sistema-izuchenie-voprosa.

8. http://www.cikrf.ru/newsite/vibor/kanada_sys.jsp.

9. The Toronto Star. 2003. 30 Jan.

10. *Ward, N.* The Government of Canada / N. Ward. – Toronto, 1987.

11. *Wearing, J.* Strained Relations. Canadian Parties and Voters / J. Wearing. – Toronto. 1988.

ЛИЧНОСТНЫЙ АВТОРИТЕТ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

А.А. Цыбульник

Цыбульник Анна Александровна – старший преподаватель кафедры русского языка Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Контактный адрес: tsibulnik2004@mail.ru

В данной статье рассматриваются особенности межкультурного образовательного процесса, вызывающие сложности становления авторитета личности преподавателя русского языка, обучающего иностранную (китайскую и корейскую) студенческую аудиторию.

Ключевые слова: авторитет преподавателя, многокультурный учебно-воспитательный процесс, международное образовательное сотрудничество, авторитет роли, психологические реакции на иноязычную культуру, коммуникативное поведение, невербальная коммуникация, особенности социализации; авторитетная личность.

Авторитет преподавателя и влияние его личности на обучаемых является той проблемой, которую невозможно решить раз и навсегда. Уже существует огромное множество философских, психолого-педагогических и социологических исследований, рассматривающих данный феномен, но время не стоит на месте, меняются жизненные условия, ценности, приоритеты, что требует постоянного обращения к данной проблеме и поиска новых вариантов ее решения.

Политическая и экономическая активность Дальневосточного региона, контакты российских высших учебных заведений с образовательными учреждениями азиатских стран и, как следствие, большое количество иностранных студентов, обучающихся в ведущих российских вузах Дальнего Востока, заставляют взглянуть на проблему авторитета преподавателя с точки зрения многокультурного учебно-воспитательного процесса, который позволяет интегрировать западные и восточные образовательные традиции.

Обучение студентов Циндаосского государственного университета (КНР), Шаньдунского транспортного университета (КНР), Пхеньянского железнодорожного института (КНДР) в Дальневосточном государственном университете путей сообщения (РФ) по специальностям «Маркетинг», «Строительство», «Автоматика, телемеханика и связь на железнодорожном транспорте», «Электрический транспорт железных дорог» является ярким примером международного образовательного сотрудничества. Именно этим будущим специалистам предстоит работать в совместных предприятиях, участвовать в реализации международных проектов, т. е. осуществлять свою профессиональную деятельность в условиях активного межкультурного взаимодействия.

Вопрос качественного образования является крайне актуальным при подготовке иностранных студентов на всей территории Российской Федерации, поскольку уровень русского языка, на котором ведется обучение, не всегда позволяет им полноценно включаться в учебный процесс. Первый опыт длительного пребывания китайских и корейских студентов в новом социально-культурном окружении, обучение в группах со студентами одной национальности (за редким исключением), отсутствие на начальном этапе обучения их активной позиции по отношению к новому социально-культурному окружению помимо стихийных и вынужденных контактов за пределами учебной аудитории, а также значительный объем дисциплин по русскому языку определяют значимость в указанном процессе личности преподавателя русского языка и его позитивного отношения к представителям других культур.

Осуществление образовательного процесса в любом культурном пространстве не возможно без профессиональной деятельности педагога. Каждое общество представляет собой сложную, исторически сложившуюся систему совместной жизнедеятельности и взаимоотношений людей, которая в процессе своего развития вырабатывает модели взаимоотношений участников учебно-воспитательного процесса.

Восточная культура, которую отличают следование традициям прошлого, даже в рамках новых подходов, приоритет духовных ценностей, почитание родителей и родовых связей, предлагает идеальную схему, подобающего в учебных ситуациях поведения – беспрекословное повиновение учеников и уважение учителя, авторитет которого для всех жителей Поднебесной считался таким же неоспоримым, как и авторитет отца:

«一日为师，终身为父亲» – yī rì wéi shī , zhōng shēn wéi fùqīn – «тот, кто учил человека хоть один день, на всю жизнь становится для него таким же уважаемым человеком, как родной отец».

В первой в Китае книге по педагогике «Сюэцзи» (学记 xuéjì) уже прослеживается идея о первостепенном значении образования (教学为先 jiāoxué wéi xiān), отношение к которому переросло в особый почет образованных людей. Социальный статус педагога в китайском обществе был настолько высок, что даже материальное превосходство никому не давало права относиться к нему без должного уважения, подтверждением чему может служить следующее выражение, существующее в китайском языке: «尊师不论贵贱穷富» – zūn shī bù lùn guì jiàn qióng fù – «ни бедный, ни богатый – не имеют право не уважать учителя» [10: с. 24].

Учебное сотрудничество преподавателей кафедры русского языка Дальневосточного университета путей сообщения с иностранной студенческой аудиторией, а также взаимодействие с коллегами Тихоокеанского государственного университета, Шаньдунского транспортного университета показывают, что активное вовлечение в интегрированное культурно-образовательное пространство сопровождается особыми сложностями в становлении личностного авторитета российского преподавателя, несмотря на уважительное во многих культурах отношение к педагогической деятельности.

Благодаря сложившимся в восточной культуре традициям ролевая позиция преподавателя оказывается крайне высокой. Включенное наблюдение позволило установить, что китайские и корейские студенты всегда положительно отзываются о педагогической профессии, практически беспрекословно выполняют все учебные задания, с удовольствием откликаются на просьбы преподавателя, поскольку это подчеркивает их значимость в студенческом коллективе. Но необходимо отметить, что идеальная на первый взгляд картина беспрекословного подчинения не всегда свидетельствует о полном благополучии, поскольку сам факт послушания еще ни о чем не говорит. Преподавателю необходимо четко представлять, чем мотивировано такое поведение «объекта» руководящего воздействия и, что оказалось для него определяющим, личность преподавателя или его социальная роль, наделяющая его определенными полномочиями.

Полагаем, что главная причина подобного «покорного» поведения иностранных студентов не обязательно связана с конкретным преподавателем, с авторитетом его личности, а со сложившимся уважением авторитета роли любого педагога, несмотря на его культурную принадлежность. Подобную ситуацию можно расценивать как своеобразное авансирование доверия, поэтому российскому преподавателю предстоит в реальном совместном взаимодействии его оправдать, поскольку сама должность, выполняемая им социальная роль не способна обеспечить позитивное влияние на иностранных студентов и на их представление о новом культурном окружении, а создает лишь условия для становления авторитета его личности, которое затрудняется либо социокультурным фоном родной среды участников рассматриваемого процесса, либо особой реакцией студентов и преподавателей на иноязычную для них культуру.

Специалист в области межкультурного общения Г.В. Елизарова, основываясь на физических (здоровье, климат, пища, вода, правила гигиены) и культурных различиях (язык, правила этикета, традиции, привычки, невербальное поведение), а также различиях окружающей среды (дороги, правила движения, магазины, рынки, деньги), выделяет наиболее распространенные типы психологических реакций на иноязычную культуру, к которым предлагает относить:

1. Полное отрицание иноязычной культуры, ведущее к тому, что воспринимающий ее индивид совершенно отгораживается от собственного реального опыта и остается в рамках родной культуры, даже пребывая в другой стране, что приводит к враждебности, раздражению и сокращению контактов с носителями иноязычной культуры.

2. Полное «растворение» личности в иноязычной культуре, ведущее к потере собственной идентичности и стремлению превратиться в носителя кульуры иноязычной, что может сопровождаться стремлением остаться в стране и минимизацией контактов с носителями родной культуры.

3. Гармоничное сочетание двойной перспективы, способность видения всех происходящих событий как с позиций собственной культуры, так и с позиций культуры иноязычной, сопровождающееся оптимизмом, позитивным восприятием, интересом, эмпатией, межкультурным контактам без потерь культурной идентичности [2: с. 185].

В процессе профессионализации китайских и корейских студентов в условиях российского вуза следует особо относиться к возможности возникновения первого типа реакций, поскольку большинство иностранных студентов предпочитают общаться со студентами своей национальности, после окончания занятий возвращаются в

общежитие, не вступая в контакт со студентами из России и других стран.

Полагаем, что второй тип психологической реакции – растворение в иноязычной культуре – также искажающий ее нормальное восприятие, у китайских и корейских студентов практически невозможен, благодаря высокоразвитому чувству национального достоинства, крайне высокой степени устойчивости восточной культуры, которая, открываясь западному миру, способна вбирать только те его элементы и до тех пор, пока они не противоречат ее внутренним принципам.

Позитивное восприятие другой культуры осложняется тем, что российские педагоги и иностранные студенты являются неподготовленными участниками рассматриваемого межкультурного образовательного диалога и не всегда способны осуществлять успешное взаимодействие.

Данные педагогического наблюдения позволяют утверждать, что при непосредственном вербальном общении с преподавателями русского языка иностранные студенты в некоторых случаях демонстрируют стремление дистанцироваться от представителей других культур, что может проявляться в высказываниях негативного характера, в том числе и в адрес представителей культуры преподавателя. Это объясняется тем, что, с одной стороны, иностранные студенты, которые не способны отождествить преподавателя русского языка с его родной культурой, еще не готовы к успешному межкультурному взаимодействию, но, с другой – это демонстрирует их стремление поделиться с преподавателем своими переживаниями и проблемами, которое свидетельствует о признании значимости его личности в новом для них социально-культурном окружении.

Учебные экскурсии российских преподавателей с иностранными студентами по городу Хабаровску показывают, что, несмотря на активность международных связей Дальнего Востока и внешне позитивное восприятие российскими гражданами людей с иными антропологическими характеристиками, крайне актуальными являются вопросы сосуществования разных народов и национальностей. Полагаем, что положительный исход возникающих проблемных ситуаций во многом зависит от жизненной позиции преподавателя русского языка, его отношения к другим культурам, а также от правильного выбора педагогического приема, достойно разъясняющего тот или иной отрицательный факт.

Данная ситуация тревожит многих российских педагогов, обучающих иностранную аудиторию, поскольку не позволяет студентам раскрыть свои качества и вовлечь их в активную поликультурную коммуникацию со студентами из других стран, а также препятствует интенсификации процесса обучения и повышения качества образования [9: с. 415].

Вовлечение российских преподавателей и иностранных студентов в единый образовательный процесс позволяет выявить особенности их коммуникативного поведения, которые могут не всегда адекватно и верно интерпретироваться их иноязычными партнерами по общению и в целом затруднять процесс становления авторитета российского преподавателя (таблица).

Таблица

Проявления коммуникативных особенностей участников образовательного процесса, влияющих на становление авторитета преподавателя

Особенности коммуникативного поведения студентов КНР в восприятии российских преподавателей	Особенности коммуникативного поведения студентов КНДР в восприятии российских преподавателей	Особенности коммуникативного поведения российских преподавателей в восприятии иностранных студентов
Несоблюдение делового стиля одежды	Строгое соблюдение делового стиля одежды, поклоны	Яркая одежда, украшения, макияж, несоблюдение традиционной позы при проведении занятия
Нарушение дистанции, допустимость прикосновений	Соблюдение дистанции, недопустимость прикосновений	Принятие дистанции, предложенное собеседником
Недисциплинированность, громогласность, наивность, непосредственность, чрезмерное дружелюбие, предприимчивость, чувство национального превосходства	Чрезмерная дисциплинированность, серьезность, самостоятельность, отрицание материальных ценностей, уважение старших, чувство национального превосходства	Недостаток патриотизма, материальные ценности
Ориентированность на письменные задания	Ориентированность на объемные тексты на бумажном носителе	Неготовность к занятию, несерьезность

Интерес к участникам межкультурного диалога, в первую очередь, вызывают невербальные элементы общения, поскольку зрительно воспринимаемый диапазон особенностей коммуникативного поведения крайне широк (одежда, прическа, позы, жесты, мимика). Их правильное прочтение ведет к успешному взаимопониманию и взаимодействию, а неверная интерпретация – к срывам в общении.

Невербальная коммуникация с носителями других культур может дать информацию о морально-личностном потенциале собеседника, о его внутреннем мире, настроении, намерениях и ожиданиях. Китайские студенты, например, в выборе одежды отдают предпочтение удобству и практичности. Несоблюдение делового стиля, по мнению многих российских коллег, является одним из самых ярких внешних проявлений их поведения и иногда создает не совсем положительное впечатление. Крайне редко можно наблюдать китайских студентов в классических костюмах за исключением особых официальных случаев (научная конференция) и только после предупреждения преподавателя о том, что публичное выступление требует соблюдения особого стиля одежды.

Студентов КНДР, наоборот, отличает строгое соблюдение делового стиля, в стенах университета их можно увидеть только в классических костюмах, что свидетельствует об их серьезном отношении к учебному процессу. После того, когда они начинают обучение в группах с российскими студентами, в их одежде иногда появляется более яркая цветовая гамма, стиль по-прежнему остается классическим, но не таким строгим (пиджак меняется на жилет или джемпер).

Российские преподаватели (женщины) в этом отношении производят особое впечатление на иностранных студентов. Студенты сами откровенно рассказывают, что обращают внимание на яркую, иногда открытую одежду, макияж, отмечают любовь к ювелирным украшениям и использованию парфюма. Если в российском обществе эти визуальные проявления считаются нормой для людей публичной профессии и при работе с людьми не допускается неопрятный внешний вид, поскольку это может быть расценено как неуважение партнера по общению, то, например, для китайских и корейских студентов это является «неестественным» и считается чрезмерным вниманием к своему внешнему виду.

Позы и жесты также могут быть обусловлены культурными традициями. Иногда можно заметить, что приветствуя преподавателя на русском языке, корейские студенты делают слегка заметный поклон, тем самым, по мнению российского педагога, проявляют свое к нему уважение.

Большинство невербальных элементов общения культурно-специфичны и в некоторых случаях могут затруднять процесс межкультурной коммуникации. Например, во многих китайских учебных заведениях при заключении договора с европейскими преподавателями заранее оговаривается, что преподавателю иностранного языка нельзя сидеть на занятии. Несоблюдение традиционной позы/манеры при проведении занятия российским педагогом может создать впечатление его неопытности и будет считаться недостатком в его работе со стороны китайских студентов.

Расположение партнеров по общению в пространстве могут также быть неоднозначно расценены участниками межкультурного учебного диалога. Например, китайские студенты, иногда могут нарушать привычную дистанцию, которая должна соблюдаться между преподавателем и студентами. Они спокойно могут обнять преподавателя, выражая тем самым свою любовь и привязанность, и объясняют это тем, что соскучились.

Разнообразные прикосновения в повседневной жизни возможны в только в определенных случаях, их интенсивность и частота различаются в разных культурах. Контакт общающихся людей, осуществляемый с помощью прикосновения, также может быть неверно истолкован участниками межкультурного обучения. Китайцы и корейцы не входят в «контактные культуры», но если корейские студенты всегда соблюдают определенную дистанцию, то китайские студенты иногда это позволяют в отношении преподавателя. Если их привлекает его внешность, они могут попросить разрешения потрогать волосы, ресницы и т. д., тем самым еще раз подчеркивая свой интерес к европейскому человеку. Российскому преподавателю ничего не остается как принять эту ситуацию, так как подобное «внимание» создает иллюзию своей значимости в иноязычном для них культурном окружении.

Но на определенном этапе взаимодействия указанные проявления заставляют российских преподавателей задуматься о том, насколько серьезно воспринимают их иностранные студенты и обладают ли значимостью для студентов личностные качества преподавателя.

Продолжительное учебное взаимодействие с иностранными студентами позволяет сделать выводы, что определенную часть китайских студентов отличает недисциплинированность. На-

хождение вне родной среды, отсутствие контроля со стороны родителей, невозможность влияния со стороны российского педагога иногда приводят к регулярным пропускам учебных занятий. Громогласность можно отнести к пара- и экстралингвистическим особенностям китайских участников рассматриваемого нами процесса. Достаточно частыми бывают ситуации, когда студенты могут шуметь на занятии. Они достаточно внимательно слушают объяснения преподавателя, но периодически вслух, даже не понижая голоса, могут разговаривать между собой, тем самым нарушая привычное ведение занятия. Если в такой ситуации спросить студентов о том, есть ли у них вопросы, то они обычно дают отрицательный ответ. Таким образом, у преподавателя остается ощущение того, что студентам неинтересно на его занятиях, что он очень часто говорит в пустоту и не достигает целей учебного занятия. Европейские преподаватели (носители английского языка), работающие с китайской аудиторией также отмечают подобную ситуацию типичной. Но некоторые китайские педагоги в личном общении, говорят, что шум студентов – это показатель и открытая демонстрация того, что им интересно, поскольку материал вызывает со стороны студентов бурное обсуждение.

Наивность, непосредственность, простота в общении, чрезмерное дружелюбие – это те качества, которые также отличают китайских студентов. Они могут задавать некорректные (с точки зрения российского преподавателя) вопросы, публично обсуждать тему личной гигиены, признаваться в вечной дружбе, при этом оставляя все свои координаты в России и Китае, тем самым доказывая всю искренность своих намерений. Но с другой стороны, то, что особенно их выделяет среди студентов других национальностей – это предприимчивость, китайские студенты никогда не упускают возможность получить материальную выгоду, даже могут предложить преподавателю поучаствовать в каком-либо коммерческом проекте.

Преподаватели русского языка, которые обычно обучают китайскую студенческую аудиторию, при работе с корейскими студентами замечают их чрезмерную дисциплинированность и серьезное отношение к учебному процессу. Они никогда не пропускают занятия (даже по болезни), проявляют крайнюю самостоятельность в выполнении любых заданий. Нахождение в подобной ситуации вызывает у российского преподавателя, особенно если это его первый опыт общения с представителями данного государства, ощущение нахождения «за стеклом». С одной стороны, ты очень близко, но с другой – существует определенная граница, которая даже при всем уважении не позволяет проникнуть дальше дозволенного.

Процесс социализации в том или ином этносе имеет особенности, которые выражаются в нормах общения, определяют стиль взаимодействия младших со старшими, величину возрастной дистанции, специфику восприятия партнеров по общению и т. д. [6: с. 38]. Европейскому преподавателю, особенно не владеющему корейским языком, проявления уважения младших студентов к старшим, например, никогда первыми не сдают выполненные задания – ждут старших, выполняют все их просьбы, никогда не перебивают при ответе, иногда воспринимаются как их беспрекословное подчинение и невозможность возражения.

Студенты восточных культур всегда отличаются патриотизмом и гордостью за свою нацию и страну, что иногда воспринимается как чувство их национального превосходства. Но иностранных студентов в этом плане удивляет спокойное отношение российских преподавателей к представителям, например, Франции, Германии, что иногда расценивается как недостаточное проявление патриотизма.

Стоит особо подчеркнуть, что люди с восточным менталитетом, к которому относятся студенты из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, отличны от студентов с запада. Дело не только в культурных традициях, но и в способе восприятия информации, окружающей действительности и т. п. [9: с. 414].

Преподаватели кафедры «Русский язык» ДВГУПС, имеющие опыт работы (от 1 до 8 лет) с иностранной студенческой аудиторией, отмечают, что испытывают затруднения при заданиях коммуникативной направленности, поскольку их студенты ориентированы на выполнение письменных работ и на объемные тексты на бумажном носителе, а предлагаемые преподавателем устные, легкие с точки зрения студентов, формы работы не оправдывают их ожиданий, оставляют впечатление того, что преподаватель не готов к учебному занятию и несерьезно относится к выполняемой работе.

Деятельность преподавателя и студентов составляют единый образовательный процесс, поэтому нахождение в подобной ситуации и неспособность ее правильного восприятия не позволяют адекватно оценить учебную ситуацию, заставляет преподавателя осознавать невозмож-

ность позитивного влияния на учебно-воспитательный процесс и испытывать ощущение своей профессиональной некомпетентности.

Многие ученые и практики отмечают, что преподавателю очень важно осознавать себя авторитетной личностью. Без этого невозможна высокая самооценка, сохранение активной профессиональной позиции и творческого потенциала.

Авторитетная личность более эффективно и убедительно воздействует на других, поэтому качественное образование даже в условиях языковой среды не представляется возможным в отсутствии значимой личности преподавателя. Любое содержание и методические приемы, новое для иностранных студентов социокультурное окружение преломляются через личность педагога, от характера профессиональных ориентиров, стиля педагогической деятельности и ценностных оснований которого зависит эффективность реализации заданного содержания, поскольку «воспитываем мы, прежде всего, не теми или иными методами или приемами, а влиянием собственной личности, индивидуальности» [7: с. 152].

Личность педагога, широта интересов, его способность к толерантному отношению к другим культурам оказывает позитивное влияние на осуществление процесса профессиональной подготовки иностранных студентов в поликультурном пространстве российского вуза. Полагаем, что личностный авторитет преподавателя русского языка является тем фактором, динамичное становление которого будет способствовать разрешению указанных проблем успешной профессионализации иностранных студентов. Поскольку только тот преподаватель, который способен проникнуться в сложности рассматриваемого учебного процесса, сможет помочь иностранным студентам интегрироваться в жизнь западного культурного общества.

Осознание и учет того, что культурные традиции всех участников оказывают огромное практическое воздействие на взаимодействие всех участников учебного процесса, будет способствовать поиску путей их позитивного разрешения. По мнению А.К. Марковой, «…учителю важно воспринимать педагогическую ситуацию не только как неизбежную реальность, к которой остается только приспосабливаться, но и иметь в ней более активную позицию, подходить к ней с точки зрения возможности ее изменения через взаимодействие участников, что является показателем педагогической зрелости учителя» [4: с. 15]. Все это требует создания и реализации педагогических условий, дающих возможности комплексного решения указанных проблем, а именно, условия влияния личностного авторитета преподавателя русского языка на эффективность профессиональной подготовки иностранных студентов в условиях российского вуза.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова, Н.А.* Традиционная культура Китая и межкультурное взаимодействие (социально-философский аспект) / Н.А. Абрамова. – Чита : ЧитГТУ, 1998. – 258 с.

2. *Елизарова, Г.В.* Культура и обучение иностранным языкам / Г.В. Елизарова. – СПб. : КАРО, 2005. – 325 с.

3. *Ким, Чен Ир.* Линия сонгунской революции – это великая революционная линия нашей эпохи, всепобеждающее знамя нашей революции / Чен Ир Ким. – Хабаровск, 2008. – 26 с.

4. *Маркова, А.К.* Психология труда учителя: кн. для учителя / А.К. Маркова. – М. : Просвещение, 1993. – 192 с. – (Серия «Психол. наука – школе»).

5. *Нежурина-Кузничная, Н.Ю.* Популярная этнопсихология / Н.Ю. Нежурина-Кузничная – Мн., : Харвест, 2004. – 384 с. – (Библиотека практической психологии).

6. *Садохин, А.П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации / А.П. Садохин. – М. : Высш. шк., 2005. – 310 с.

7. *Сухомлинский, В.А.* Методика воспитания коллектива / В.А. Сухомлинский. – М. : Просвещение, 1981. – 192 с.

8. 第二语言教与学的文化因素 / （英）欣克尔（Hinkel, E.）著. – 上海：上海外语教育出版社, 2001.

9. 语言·文化·交际/王仰正, 王永主编 . – 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2007.2

10. 中国文化常识 / 国家汉语国际推广领导小组办公室, 中华人民共和国国务院侨务办公室编. – 北京：华语教学出版社, 2006.

СПОСОБЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В ТЕХНИЧЕСКОМ ЛИЦЕЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ВУЗА

Е.В. Толмачева

Толмачева Елена Владимировна – аспирантка, учитель технического лицея Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Контактный адрес: licei@festu.khv.ru

Современный образовательный процесс претерпевает достаточно большие изменения. Прежде всего, изменилась психологическая реальность. Традиционная образовательная парадигма «знание – умение – навыки» – ориентирована только на одну психологическую реальность – «познать и применить». Другая реальность – «задаток – способность – механизм таланта» – не учитывается традиционной парадигмой. В статье предпринимается попытка теоретического осмысления и практического обобщения возможностей художественного познания действительности подростками-лицеистами технического вуза на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: художественное познание действительности, познавательная творческая активность, деятельность, субъектный опыт, качество личности.

Становится все более очевидным, что в настоящее время в отечественной педагогике происходит замена парадигмы «человека знающего» (т. е. вооруженного системой знаний, умений и навыков) на парадигму «человека, подготовленного к жизнедеятельности, т. е. человека, способного активно и творчески мыслить и действовать, саморазвиваться; интеллектуально, нравственно и физически совершенствоваться» [5: с. 568]. Основу, сущность содержания образования теперь составляет не объем знаний и умений, а понимание бытия. В центре внимания – человек, его богатый (или бедный) внутренний мир, его поведение, мировоззрение, принципы. Стержнем содержания образования являются знания о Человеке. Школа сегодня не успевает за увеличивающимся потоком информации, знания оказываются оторванными от жизни, лишенными целостности, предметный подход не подкрепляется функциональным, происходит обогащение ума при обнищании души. Сегодня содержание образования должно опираться на нравственные основы. Учащимся нужно овладеть не только системой определенных знаний, этого недостаточно, но и сформировать у себя в процессе получения образования ценностно значимые запросы и намерения и такие личностные качества, как ответственность за свои поступки, толерантность, эмпатию и др.

Очевидно, что содержание образования может быть ориентировано на выполнение определенных условий. Прежде всего, это **соотнесение житейского опыта личности и научных знаний**. Должен соблюдаться важнейший дидактический принцип – **принцип субъектости учебно-воспитательного процесса**, что означает ориентацию на внутреннюю мотивацию обучения и свободу выбора учащимися сфер приложения сил в процессе организации учебной жизни. Без учета семантики субъектного опыта школьников сделать процесс обучения «живым», осмысленным, приближенным к реальности невозможно.

Важнейшими условиями, на выполнение которых должно быть ориентировано содержание образования в педагогической реальности, являются также **взаимодействие учителя и учеников и сочетание различных видов деятельности**.

Необходимо учесть и такие условия, как научность, доступность, посильность, связь с жизнью вообще и жизнью учащегося в частности, сочетания абстрактного и конкретного, актуальность знания для личности, возможность свободы выбора (отсутствие «правильного ответа»).

Итак, новая психологическая реальность и возникшая как результат этого новая образовательная парадигма ставят вопрос о пересмотре форм, приёмов и методов обучения. Опора на диалогические методы, на активное включение в процесс обучения субъектного опыта учащихся, их творческого потенциала – создают условия для саморазвития личности школьника, для развития эмоционального и духовного мира личности, её сенсорной культуры, для создания ситуации поиска и творчества.

Вне всякого сомнения, приоритет в таких реформах отдан гуманитарным дисциплинам и, прежде всего, литературе как учебному предмету, имеющему двойственную природу. Ей выпа-

ла честь быть и наукой, и искусством одновременно, в рамках одной школьной дисциплины.

Новая психологическая реальность требует переосмысления преподавания литературы, наполнения процесса обучения новым, творческим и нравственным содержанием. Литература как учебный предмет способствует формированию ценностной сферы учащегося. Происходит преобразование социального опыта в личный – с одной стороны, с другой – искусство слова и другие виды искусства помогают осмыслить многие жизненные ситуации, явления, помогают также решать нравственные задачи, появляющиеся в реальной жизни, а в целом способствуют формированию мировоззрения, особого мировосприятия (сквозь призму явлений искусства) и формированию собственной личностной позиции.

1) Иными словами, средствами литературы можно постигать, осваивать и осмысливать многие жизненные явления, т. е. речь идет о **художественном познании действительности.** Но художественное постижение явлений реальности, оценка событий этой реальности совершенно невозможны без преобразующей деятельности, а лишь путем накопления информации. Литература как объект постижения реальности может быть только творчески и активно осмыслена (её осмысление «переведено» в деятельность), а также переведена в плоскость жизненных впечатлений.

Исключительно в этом случае можно утверждать, что происходит художественное познание действительности.

Сочетание эстетического анализа явлений литературы с анализом историческим (в центре внимания на уроках литературы в старших классах оказывается весь культурно-исторический процесс) закладывает фундамент для формирования: 1) сначала собственных оценок любого явления, представленного в тексте произведения; 2) затем преобразования опыта «книжного» в личный, реальный. Таким образом, обогащается не только информационная сфера личности ученика, но и ценностная, все это ведет к формированию целостного мировоззрения.

Совокупность формирующихся взглядов и оценок старшеклассника предполагает совершенно индивидуальное восприятие литературного явления. Цель учителя литературы – воспитать, прежде всего, *читателя*, который сумеет духовно обогатиться, осмыслив то или иное художественное произведение, сумеет дать ему собственную (субъективную) оценку, приблизив эту оценку к максимально объективной мировоззренческой позиции, испытав при этом эстетическое чувство, эстетическое *переживание*. О художественном познании действительности можно говорить лишь в том случае, когда главной составляющей уроков литературы будет нравственное содержание, когда изучение текстов произведений будет ориентировано на реальность жизни, а поэтому будет нравственно осмыслено; когда уроки литературы будут способствовать эстетическому развитию учащихся, и только в том случае, когда отношение к художественному произведению как явлению искусства станет внутренней потребностью личности.

Процесс познания действительности посредством эстетических переживаний есть процесс активный, деятельностный. Роль учащегося в нем – это роль субъектная.

Таким образом, художественное познание действительности на уроках литературы в старших классах (10–11 кл.) осуществляется путем проявления активности, творческой и познавательной, и немаловажно, как будет развиваться эта активность, как будет развиваться индивидуальный стиль деятельности (учителя, ученика) в образовательном процессе, как будет проходить становление субъектной позиции учащегося.

Познавательная активность, по мнению некоторых отечественных педагогов, представляет собой в целом сложное личностное образование ученика, формирующееся и развивающееся, в котором выражено отношение самого ученика к собственной деятельности. Ф.И. Харламов, А.Г. Маркова прежде всего видят в познавательной активности деятельность, активное отношение, а Т.И. Шамова отмечает «…качество этой деятельности, в которой проявляется стремление мобилизовать свои нравственно-волевые усилия на достижение учебно-познавательной цели» [8: с. 54]. Эти подходы характеризуют, главным образом, позицию самого учащегося (рисунок).

Восприятие → Запоминание → Сохранение → Воспроизведение → Интерпретация полученных знаний

Рисунок. Активизация познания на уроке

Активизация познания может осуществляться одновременно на всех последовательных этапах, а также и на каком-то одном из этапов. Все зависит от индивидуальных и возрастных различий. У одних учащихся процесс обучения опирается на эмоциональную основу, у других – на интеллектуальную, у кого-то – на волевую, а у

кого-то – на различное сочетания основ. Кто-то может реагировать на отдельные моменты процесса познания, кто-то – всё последовательно. Это отражается в различных уровнях познавательной активности.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает подход Е.В. Коротаевой. В монографии «Педагогические взаимодействия и технологии» она выделяет четыре уровня познавательной активности (табл. 1).

Таблица 1

Уровни познавательной активности по Е.В. Коротаевой

Наименование уровня	Характеристика
I. *Нулевой уровень активности*	*Характеризуется не отказом от учебной деятельности, а индифферентным к ней отношением*
II. *Ситуативно-активный*	*Переходная ситуация от нулевой к стабильной исполнительской активности в учебном процессе*
III. *Активно-исполнительский*	*Высокий уровень познавательной активности учащегося (на них опирается учитель на уроке), систематичность при определенной ограниченности в выполнении учебной задачи*
IV. *Творческий*	***Сама задача ставится учеником, пути решения выбираются нестандартные; позиция учащегося характеризуется готовностью включиться в нестандартную учебную ситуацию; субъектная позиция его при этом раскрывается максимально***

Несомненно, что творческий уровень (высший) заявляет об особых личностных качествах учащегося, позволяющих продуктивно действовать в ситуации неопределенности, выходя за рамки предсказуемого, проявляя открытость к новому жизненному опыту, оригинальность, иное мировосприятие, самобытность личности.

Стоит предположить, что на этом высшем уровне познавательной активности выявляется сущность уже другого, особого вида активности. Позволим себе определить его как **познавательную творческую активность (ПТА).** Как можно охарактеризовать ПТА?

Познавательная творческая активность – это качество личности, проявляющееся в активном отношении к учению, в готовности включиться в нестандартную учебную ситуацию и избрать собственный (индивидуальный), ранее не известный путь решения нестандартных, сложных задач в процессе обучения. При этом характерно, что процесс обучения будет организован особым образом, а задача может ставиться самим учеником.

Творческая активность выражается в поиске, в попытке найти новый способ, проникая в сущность рассматриваемых явлений, устанавливая их взаимосвязи в процессе формирования теоретических знаний и обретения практического опыта (т. е. в процессе познания).

Итак, художественное познание действительности, освоение реальности посредством эстетического переживания во многом определяется особенностями развития познавательной творческой активности. Произведения искусства, в том числе и искусства слова, могут быть осмыслены, пережиты, наконец, освоены, не только формами, приёмами и средствами научного познания, но, прежде всего, средствами самого искусства.

Этот факт приобретает особую значимость в условиях, в которых находятся дальневосточные учебные заведения. Удаленность от центра означает удаленность от многих памятников истории и культуры, от крупнейших филармонических, концертных залов, от памятных мест (например, домов-музеев), связанных с именами русских писателей, художников, музыкантов. Особенно сказывается этот «пробел» на школьниках. Еще не полностью сформировавшаяся личность подростка весьма страдает от недостатка эстетических ощущений, переживаний. С одной стороны – естественная возрастная агрессия, с другой – современное информационное поле, окружающее подростка, которое наполнено агрессивным содержанием. И, наконец, минимальное «присутствие» искусства в жизни школьника ввиду региональной специфики.

Пожалуй, это весьма серьезная причина для реорганизации процесса обучения, новой расстановки акцентов в преподавании литературы в 10–11 классах, усиления культурологического, эстетического аспектов.

Технический лицей ДВГУПС осуществляет обучение учащихся 10–11 классов, являясь подразделением вуза – Дальневосточного государственного университета путей сообщения. Это учебное заведение профильного типа, и приоритетное значение имеют учебные дисциплины фи-

зико-математического цикла. У детского учреждения, работающего в рамках вуза, особая структура, свой режим работы и свой учебный план.

Уже эти условия, в которых работает лицей, служат основанием для отличного от стандартного преподавания предметов гуманитарного цикла.

Усиление эстетического компонента (эстетическое направление становится одним из приоритетных направлений в обучении литературы XIX–XX веков, единство всех гуманитарных дисциплин (русский язык и литература, литература и история – дидактические параллели), особое значение – урокам подготовки к восприятию литературы XIX века, постепенное «включение» в изучение литературы XX века, жанрово-тематический принцип как основной дидактический принцип, и, наконец, в центре внимания – весь литературный процесс XIX – XX вв. – **все эти положения** составляют методическую основу преподавания литературы в лицее. Это не учительское своеволие, а вызванная жизнью необходимость разработать такие приемы работы с художественным текстом, чтобы они соотносились с желанием и внутренним убеждением самого ученика, чтобы родной язык и родная литература стали фундаментом всего образования. Более того, приемы работы с художественным текстом должны способствовать эстетическому «освоению» реальности старшеклассниками, а значит способствовать именно художественному познанию действительности.

На первый взгляд покажется странным, но еще одна особенность лицея – его работа в пределах вуза, а если точнее, преемственность школьного и вузовского образования является положительным аспектом в художественном освоении, или познании реальности.

Роль образования на современном этапе страны определяется, как отмечается в «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года», задачами перехода России к демократическому государству, рыночной экономике, необходимостью преодоления опасности её отставания от мировых тенденций экономического и социального развития. Иными словами, должен быть изменен подход к образованию.

В условиях постоянного обновления научных знаний, революционных темпов развития техники и технологий, форм организации труда закономерно встает вопрос о необходимости создания *системы непрерывного образования*, переходе к новой парадигме образования – *«образование через всю жизнь»*.

При переходе к непрерывному образованию актуализируется задача *формирования навыков самостоятельной познавательной, творческой деятельности учащихся и студентов.* Основной целью учебного процесса становится развитие познавательных сил и творческого потенциала обучающихся. А осуществление непрерывного образования невозможно без *индивидуализации обучения, построения индивидуальных программ, без учёта семантики субъектного опыта учащихся*.

Важнейшим аспектом рассмотрения вопроса о преемственности образования является вопрос о вариативности структуры и содержания отдельных ступеней образования. Вариативность обеспечивается дифференциацией содержания обучения.

С профильной дифференциацией содержания образования связаны возможности максимального раскрытия индивидуальности, творческих способностей и склонностей личности учащегося, более эффективной и целенаправленной подготовки их к продолжению образования в избранной области и предполагаемой профессиональной деятельности.

Особая специфика Технического лицея дальневосточного вуза ориентирует весь процесс обучения на создание единой образовательной среды, в которой имеется место для спецификации и профильности обучения, но при этом сформировано некое общее (причем, совместное с учительской средой) эмоциональное пространство. Главным в этом специфическом пространстве, пожалуй, является общая «среда обитания» для учителей и учащихся лицея. Коммуникативная атмосфера формируется всем процессом пребывания в лицее: и процессом обучения, и атмосферой внеурочного общения. Без сомнения, важнейшим является вопрос обучения в лицее, поэтому особый разговор – об атмосфере урока.

Коммуникативную атмосферу урока создает учитель. Это от его многих умений зависит успешность реализации задач урока.

Если рассматривать деятельность как систему взаимодействий субъекта с миром, а действие – как единицу деятельности, то педагогическое взаимодействие, изучаемое как особая деятельность, представляется процессом двуединым: в совместной деятельности действия субъектов должны быть взаимными.

Какова тактика учителя?

1. Учитель должен обеспечить условия для проявления нестандартности в восприятии и интерпретации любой (учебной, коммуникативной и др.) задачи.

2. Учитель должен создать условия, сочетание которых обеспечивает ситуацию успеха.

Итак, ситуацию успеха должен организовать именно учитель.

На первый взгляд может показаться, что организовать ситуацию успеха значит создать атмосферу успешности ученику (т. е. он испытает удовлетворение, успех) сегодня, сиюминутно на уроке. Но понятие «ситуации успеха» отделимо от понятия «успех», которое связано с чувством эмоционального подъема.

Ситуация успеха – это заранее спланированная деятельность; это процесс, который создается учителем последовательно и сознательно, он имеет структуру. Все этапы и элементы этой структуры должны быть учтены. Ниже представлена таблица, отражающая педагогические задачи (табл. 2).

Таблица 2

Соответствие педагогических задач этапам ситуации успеха на уроке

Этап	Педагогическая задача
1. Мотивационно-целевой	Сформировать мотив достижения; настроить на успешное выполнение задания
2. Организационный	Обеспечить условия успешности деятельности; заинтересовать познавательным процессом
3. Итоговый	Сформировать осознанное отношение к итогу учебной деятельности; обратить результат в мотив для новой познавательной деятельности

Ситуация успеха только тогда становится средством оптимизации процесса обучения, когда, во-первых, организуется на всех этапах учебного процесса; во-вторых, усложняет учебные и воспитательные задачи, стоящие на каждом этапе; в-третьих, реализуется с учетом индивидуальных особенностей учащихся, и, наконец, формирует у субъекта деятельности положительные эмоции в деятельности; затем – чувство успеха, вызванное преодолением трудностей, предложенных учителем; интеллектуальный и эмоциональный подъём и вслед за ним – удовлетворение, вызванное преодолением трудностей, выбранных самим учащимся; а затем – осознание недостаточности уровня своих знаний и формирование устойчивой потребности в самообразовании. В связи с этим можно сделать вывод, что творчески относящийся к своей профессии учитель должен постоянно работать над созданием ситуации успеха на уроке.

Итак, к способам художественного познания действительности на уроках литературы в Техническом лицее можно отнести создание учителем психолого-педагогических условий: 1) создание единого пространства (единой среды обитания); 2) формирование мотивационной среды; 3) создание общей эмоциональной атмосферы урока (в том числе и работа над речью учителя); 4) создание ситуации успеха; 5) использование педагогических приемов (методического аппарата и педагогических техник).

Педагогические приёмы, которые служат учителю «орудием производства», можно разделить в соответствии с выполняемыми педагогическими задачами. Но все вместе они ведут к достижению единой цели: художественному познанию действительности на уроках литературы средствами литературных произведений и произведений различных видов искусства и формирование личности читателя, занимающего активную жизненную позицию.

Исходя из определения общей цели, можно предположить, что художественное познание действительности как теоретическое понятие формируется из «фундамента» другого понятия – **познавательной творческой активности** – и взаимодействует с ним, так как творчество субъектов педагогического процесса (имеется в виду ученики 10–11 классов), их самостоятельная, поисковая, исследовательская деятельность «переводит» сугубо «книжный» рабочий материал уроков литературы (объектом является книга, художественный текст) в плоскость жизненных впечатлений и наполняет информационное поле учащегося богатством чужого опыта, который позднее будет трансформироваться в собственный.

Приемы, используемые учителем на уроках литературы в лицее, можно классифицировать следующим образом (табл. 3).

Таблица 3

Творческие приемы на уроке литературы

Приемы	Разновидности данных приемов
1. Приемы, имеющие нравственное и философское значение, (составляющие стержень урока)	Дидактическая метафора, или метафора урока
2. Приемы, активизирующие процесс познания и выполняющие эстетическую функцию	– пятнадцатиминутки по искусству; – система предварительной подготовки к изучению творчества некоторых авторов; – «очерки о писателях»
3. Приемы, активизирующие творческую деятельность учащихся на уроках и способствующие развитию креативных способностей	– всевозможные творческие задания (условия определяет учитель, а содержание, наполняемость выбирает сам учащийся)
4. Учебное проектирование (проектная и исследовательская деятельность учащихся)	– творческие проекты, мультимедийные презентации, в основе которых – исследование лицеиста

Итак, метафора, создающая «хребет урока», – его ключевой элемент.

Это произведение эпического или лирического содержания (возможно и рассуждение), по характеру напоминающее притчу (передаёт иносказательный смысл и включает нравоучение). Отличается глубоким философским содержанием и, обогащая представления учащегося о мире в целом, основываясь на сходстве, соединяет все этапы (элементы) урока в единый идейный узел (модуль), отражая ассоциативные связи между внутренним содержанием тематических частей урока.

Метафора, являющаяся философской квинтэссенцией урока и задающая общую стилевую направленность его, требует выполнения следующих условий:

1) тщательного отбора материала для каждого урока, так как метафора не должна являться эпиграфом к нему;

2) свободы выбора в трактовке собственной точки зрения;

3) опроса на уроке, связанного с обсуждением и осмыслением метафоры, который должен проводиться по желанию;

4) определения учителем объёма и формы эссе, которые пишутся по метафоре.

Именно этот дидактический элемент, применяемый на уроке, способствует с одной стороны, педагогической цели – развитию личности лицеиста, становлению, взрослению, творческому формированию, развитию креативных навыков в работе; с другой – цели сугубо литературоведческой: осуществляется герменевтический подход к изучению художественного текста, помогающий рассмотреть его как неделимое художественное целое, как культурно-знаковое явление, как эстетическое преображение реальности.

Педагогический эффект использования метафоры заключается в следующем:

1) метафора учит подростка размышлять о жизни, нравственном, ценностях, об искусстве; *педагогический эффект*: лицеисты задумываются о жизни → развивается склонность к рефлексии;

2) обсуждение метафоры учит лицеиста рассуждать, последовательно излагать свои мысли; создавать текст аналитического содержания;

3) лицеист обучается навыкам грамотной речи.

Как результат – собственное творчество – сочинение, устное размышление, эссе.

Какие навыки приобретает лицеист попутно при работе с метафорой? Он обучается анализу произведения; осмыслению литературного процесса; осмыслению произведений искусства (при прослушивании музыкальных произведений или знакомстве с репродукцией картины великого художника); учащийся воспринимает произведения литературы и другие произведения искусства как средство формирования собственных жизненных ценностей; получает новые нравственные впечатления; приобретает собственный жизненный опыт (табл. 4).

Таблица 4

Педагогический эффект метафоры урока

Получение новых нравственных впечатлений	$К_1$	Востребованность лицеистами новизны нравственных впечатлений на уроках литературы
Получение собственного жизненного опыта	$К_2$	Стабильная потребность лицеистов в приобретении субъектного опыта на уроках литературы
Восприятие произведений литературы и других видов искусства как средства формирования собственных жизненных ценностей	$К_3$	Литературные знания не формальное приобретение, а средство формирования собственных жизненных ценностей

Навыки, которые приобретают лицеисты при работе с метафорой, вполне согласуются с разработанными нами критериями развитости ПТА.

Знакомству с искусством способствуют педагогические приемы, которые условно называются «Пятнадцатиминутки». Они не связаны с темой урока, носят ознакомительный характер, но при этом образуют единую систему: «Слово о русских художниках», «Слово о русской музыке», «Слово о западно-европейском искусстве», «Минута современной поэзии», «Шедевры средневековья», «Шедевры Ренессанса».

На занятиях организована также система предварительной подготовки к урокам по творчеству Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого (10 класс), М.А. Булгакова и М.А. Шолохова (11 класс). Это небольшие задания для учащихся и мини-лекции учителя, связанные с историей жизни и фактами творчества писателя. Такие элементы урока «включаются» в учебный процесс задолго до изучения творчества этого автора. Они носят характер ознакомительный.

Приемы, активизирующие собственную деятельность учащихся на уроке – наиболее разнообразный и богатый пласт накопленного учителем практического опыта по развитию творческих способностей старшеклассников. Вот некоторые примеры таких заданий.

Например, при работе с текстом уместно составление философского словаря (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»). Иногда предлагается задание написать сценарий к эпизоду или главе прозаичного произведения (сказка М.Е. Салтыкова-Щедрина, глава из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»). Очень интересными кажется лицеистам написание страницы предлагаемого дневника литературного персонажа (Раскольников, Штольц, Аркадий Кирсанов и др.) или самого автора (А.С. Пушкин), письма автора к читателю XXI века и т. д.

Кроме того, учащиеся ведут дневник читателя, в котором пишут о впечатлении от прочитанного произведения, составляют собственный психологический портрет из цитат классических произведений.

Особую роль в приобретении субъектного опыта лицеистов приобретает **проектная деятельность**. Создание собственных проектов – это исследовательская, поисковая работа. Метод проектов особенно важен на старшей ступени школы в условиях профильного обучения. Проектирование связано с построением *новых моделей объектов, процессов и ориентировано на получение нового знания.*

Важнейшими признаками метода проектов являются:

1) **самостоятельность деятельности учащихся** (этот признак отражает сущность метода);

2) **креативность** (она связана с постановкой проблемы и поисками путей её решения, которые инициируют активную мыслительную деятельность).

Примерами креативной деятельности могут служить творческие проекты «Искусство» (10 кл.), «Незнакомая классика» (11 кл.), «Литературный процесс 20–30 гг. XX века» (11 кл.), «Футуристы» (11 кл.).

Многие творческие проекты учащихся представляют мультимедийные презентации. Это придает им характер особой познавательности и красочности и свидетельствует о современности и своевременности такого рода творческих заданий.

Подводя итоги сказанному, можно определить значимость современных уроков литературы в техническом лицее вуза как подготовку будущих профессионалов к творческому взаимодействию с окружающим миром во всем его сложном многообразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белова, С.В.* Диалогическое изучение литературы в старших класса / С.В. Белова. – М. : Логос, 2003. – 144 с.

2. *Коротаева, Е.В.* Педагогические взаимодействия и технологии / Е.В. Коротаева. – М. : Academia, 2007. – 256 с.

3. *Маркова, А.К.* Формирование мотивации учения в школьном возрасте / А.К. Маркова. – М. : Просвещение, 1983. – 210 с.

4. Психолого-педагогический словарь / сост. Е.С. Рапощевич. – Минск : «Современное слово», 2006. – 928 с.

5. *Филатова, Л.О.* Развитие преемственности школьного и вузовского образования в условиях введения профильного обучения в старшем звене средней школы / Л.О. Филатова. – М. : Лаборатория базовых знаний, 2005. – 192 с.

6. *Харламов, Ф.И.* Активизация учений школьников / Ф.И. Харламов. – Мн. : Нар. Асвета, 1970. – 95 с.

7. *Шамова, Т.И.* Активизация учения школьников / Т.И. Шамова. – М. : Педагогика, 1982. – 160 с.

8. *Якиманская, И.С.* Личностно-ориентированное обучение в современной школе / И.С. Якиманская. – М. : Сентябрь, 2000. – 112 с.

РЕФОРМИРОВАНИЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ

Ю.А. Тюрина

Тюрина Юлия Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и социологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

В статье рассматриваются проблемы и противоречия реформирования высшей школы в России по результатам социологических опросов в Санкт-Петербурге и Дальневосточном регионе.

Ключевые слова: российское образование, образовательная система, реформирование высшей школы в России.

Последние десятилетия отечественное высшее образование находится в состоянии реформирования, содержание и результаты которого оцениваются неоднозначно. Спорность результатов образовательных реформ можно проиллюстрировать и выводами, полученными в ходе социологических опросов, проводившихся в 2006–2008 гг. в Санкт-Петербурге и на Дальнем Востоке России (Хабаровске, Благовещенске, Петропавловске-Камчатском).

В своих ответах студенты, принявшие участие в опросах, не демонстрируют результативности по заявленным в политике направлениям реформирования высшей школы, реализуемым как в рамках интеграции в единое образовательное пространство Европы (Болонское соглашение), так и в рамках достижения принципов современного образования:

- активизации мобильности студентов и международного сотрудничества, внедрения модульно-рейтинговой системы организации учебного процесса и т. д.;
- гибкости, мобильности, демократизации, доступности и фундаментализации образования.

Высшая школа указанных регионов (Санкт-Петербурга и Дальнего Востока России) в силу исторических, географических, политических факторов и организационно-управленческой специфики отечественной системы высшего образования находится в различных условиях при реализации основных мероприятий реформирования.

Географическое расположение вузов Дальнего Востока (заметим, Дальний Восток географически не может быть отнесен к Европейской части мира и соответственно к европейской части страны) и сформировавшиеся экономические и организационные условия функционирования высшей школы России затрудняют для дальневосточных вузов участие в интеграционных процессах, которые политически определены в европейском направлении) и международном сотрудничестве.

Санкт-Петербург, напротив, представляет один из центральных регионов России, отличающийся как географической близостью с интегрирующейся в сфере образования Европой, так и наличием давних партнерских отношений с европейскими университетами. Кроме того, данный регион представляет традиции высшей школы России, а именно ее университетскую составляющую, характеризующуюся многообразием, вариативностью, универсализацией, что является более благоприятной основой для реализации принципов современного образования.

Тем не менее, несмотря на региональные различия, результаты, полученные в ходе проведенных опросов, позволяют сделать выводы о наличии как специфических особенностей в образовательной ситуации двух указанных регионов, так и схожих тенденций, которые, скорее, отражают общее состояние отечественного образования.

В вопросе участия дальневосточных и петербургских вузов в международных интеграционных процессах в сфере образования в направлении реализации положений Болонской декларации проявляется региональная специфика – наблюдается различный уровень информированности студентов. Только 7,9 % принявших участие в опросе студентов-дальневосточников знают о формировании единого образовательного пространства в мире и интеграционных процессах в образовательной сфере; 22,8 % отвечавших студентов Дальнего Востока осведомлены о существовании договоров и соглашений между странами, позволяющих студентам и преподавателям этих стран свободно переводиться для

продолжения своего обучения или стажировки в различные университеты или институты этих стран либо позволяющих странам взаимно признавать дипломы друг друга.

Студенты-дальневосточники мало осведомлены о государственной политике в области интеграции российской образовательной системы в единое образовательное пространство Европы и об участии России в реализации положений Болонского соглашения, о целях формирования прозрачной образовательной среды в целом и о возможностях, которые предполагаются для студентов и молодых специалистов при достижении поставленных целей в сфере интеграции в образовании. Несмотря на то что присоединение России к данному соглашению состоялось в 2003 г., а план мероприятий по реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования России (рассчитанный до 2010 г.) осуществляется с 2005 г. и предусматривает реализацию всех основных мероприятий в данном направлении, только 11,9 % студентов-дальневосточников в 2007–2008 гг. знали о Болонском соглашении.

Студенты-петербуржцы, напротив, демонстрируют сравнительно высокий уровень информированности по вопросам развития международного сотрудничества и усиления интеграционных процессов в сфере высшего образования. Из принявших участие в опросе студентов петербургских вузов 41,4 % осведомлены о формировании единого образовательного пространства в мире, 50,8 % – знают о договорах и соглашениях между странами в области осуществления академической мобильности. Почти половина студентов питерских вузов, принявших участие в опросе (47 %), осведомлена о деятельности России по осуществлению положений Болонского соглашения.

Реализация положений Болонского соглашения, направленного на создание единой образовательной среды в Европе, предусматривает, прежде всего, развитие академической мобильности студентов и расширение возможностей участия их в различных международных образовательных и исследовательских проектах. Анализируя ответы респондентов, принявших участие в опросе стало ясно, что академическая мобильность студентов Санкт-Петербурга и Дальнего Востока России развивается медленными темпами. При наличии желания у 43 % студентов-дальневосточников, принявших участие в опросе, 1,4 % обучались в зарубежных университетах и институтах по различным образовательным программам. И хотя желание обучаться в зарубежных вузах высказывает большее количество студентов-петербуржцев (64 %) по сравнению с количеством студентов-дальневосточников, только 1,6 % студентов-петербуржцев проходили обучение в университетах и институтах других стран.

Схожая ситуация, несмотря на различные региональные условия, наблюдается и в направлении участия российского студенчества в проектах международного сотрудничества. Большинство респондентов (89,4 % дальневосточников и 76,7 % петербуржцев) в процессе обучения в университете не принимало участия в международных научно-исследовательских проектах, конференциях, симпозиумах и других мероприятиях. Из ответивших на вопрос об участии в международных проектах утвердительно большинство дальневосточников (3,26 %) участвовало в научно-исследовательских международных проектах, а 2,9 % респондентов, ответивших на данный вопрос утвердительно, принимало участие в международных конференциях и симпозиумах. Из тех петербургских студентов, кто участвовал в международных проектах, наибольшее количество принимало участие в международных конференциях и симпозиумах – 19,8 % (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Принимали ли вы личное участие во время обучения в университете в международных проектах?»

Вариант ответа	Количество ответивших студентов, %	
	петер-буржцы	дальнево-сточники
Да. В научно-исследовательской деятельности	0,5	3,2
Да. В работе конференций и симпозиумов	19,8	2,9
Да. Обучался по учебной программе за рубежом	1,6	1,4
Нет. Не принимал участие	76,7	89,5
* Варианты ответов представлены без учета ответа «Другое, что именно»		

Как у студентов-дальневосточников, так и у студентов-петербуржцев отсутствует востребованность обучения в рамках двухуровневой системы (бакалавриат и магистратура), являющейся обязательным условием вхождения в Болонский процесс и предоставляющей наибольшие возможности в направлении

активизации академической мобильности студенчества и признания дипломов на международном уровне. По результатам опроса студенты Дальнего Востока и Санкт-Петербурга не ориентированы на получение образования в системе «бакалавр – магистр», так как получение данных степеней не входило в планы ответивших на предложенные вопросы 86,9 % дальневосточников и 87,8 % петербуржцев.

Присоединение России к Болонскому соглашению предполагает в ряду мероприятий по активизации международного сотрудничества, поддержки академической мобильности, перехода на двухуровневую систему обучения и т. д., прежде всего, иную организацию вузовского учебного процесса. Реализация последней затрудняется в отечественном варианте в силу отличия отечественной образовательной модели, в основе, содержащей такие составляющие, как коллективизм и субъект-объектную специфику или парадигму.

При превалировании субъект-объектной парадигмы, выражающейся в поточно-групповой организации учебного процесса и громоздкости системы государственных образовательных стандартов, существенно ограничивается: автономия университетов и инициатива преподавателей; индивидуализация обучения и академическая мобильность студентов; многообразие в образовании, достигаемое посредством вариативности образовательных программ, содержания методов и форм обучения; гибкость при составлении учебных программ; возможность выбора траектории и содержания обучения и т. д. – все то, что заложено в организацию учебного процесса в рамках Болонского соглашения и в соответствии с принципами современного образования.

Поточно-групповая организация учебного процесса в российских вузах затрудняет внедрение модульно-рейтинговой системы – основной цели реализации положений Болонской декларации, предполагающей прежде всего индивидуальное проектирование программы обучения и индивидуальный выбор траектории и содержания обучения, что и обеспечивает принципы современного образования: гибкость, мобильность и доступность образования.

Обучение в российских вузах реализуется по заранее определенной схеме, и возможность выбора траектории и содержания (перечня дисциплин) при освоении образовательной программы ограничивается, так как система государственных стандартов, максимально оговаривающих не только перечень дисциплин, но и их содержание, и поточно-групповая организация учебного процесса ни организационно, ни технически не позволяют студентам выступать в роли полноправного субъекта в учебном процессе, участвующего в определение содержания своего обучения, скорости и траектории его прохождения. В отечественном варианте ограничивается даже минимальная возможность выбора у студентов и возможность их участия в организации своего обучения.

Сравнение ответов, полученных в процессе опроса, позволяет отметить большую ограниченность выбора у студентов в Дальневосточном регионе, где обучение реализуется по заранее определенной схеме при ограничении влияния студенчества на организацию учебного процесса. Более 70 % студентов вузов Дальнего Востока, принявших участие в опросе, отметили, что в их университете обучающимся невозможно выбирать учебные курсы, влиять на формирование учебного расписания и участвовать в выборе преподавателя как для изучения учебных дисциплин, так и для проведения исследовательских работ, в том числе дипломных и курсовых.

Иную ситуацию описывают студенты петербургских вузов. По их мнению, не все возможности студентов в направлении полноправного участия в организации учебного процесса реализуются в одинаковой степени, тем не менее 73,4 % ответивших считают, что у них есть возможность выбирать учебные курсы (из предложенных по выбору), среди дальневосточников так считают лишь 13,7 % ответивших. Также утверждают, что могут влиять на процесс формирования учебного расписания – 18,7 % петербуржцев, среди дальневосточников такого мнения придерживаются 9,7 %. Из отвечавших на вопросы петербуржцев 9,3 % считают, что у них есть возможность выбора преподавателя. Среди дальневосточников так считают только 6,16 % (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «При проведении учебного процесса вы можете…»

Вариант ответа	Количество ответивших студентов, %	
	петербуржцы	дальневосточники
Выбирать учебные курсы	73,4	13,7
Выбирать преподавателя	9,3	6,16
Влиять на формирование учебного расписания	18,7	9,7
Перечисленное выше в нашем университете невозможно	19,3	71,7

Отношения в системе «преподаватель–студент» при осуществлении учебного процесса в российских вузах, как и прежде, строятся на принципах коллективизма и характеризуются как субъект-объектные, что подтверждается результатами, полученными в ходе проведенного опроса. В отечественной образовательной модели при определяющей роли обучающего как авторитетного носителя знаний, значительно влияющего на организацию процесса обучении, что в советский период особо актуализировало авторитарный подход к процессу обучения, выработана дисциплинарная структура в учебном процессе с определенными методиками и формами контроля. Это проявляется по сей день, и отражено в ответах студентов.

Выбирая принципы организации учебного процесса, которые напрямую влияют на улучшение процесса усвоения знаний студентами, на первое место респонденты-дальневосточники поставили такой принцип, как проверка преподавателем посещаемости занятий студентами (41,6 %), а на второе место – постоянный контроль выполнения домашних заданий студентами со стороны преподавателя (40,5 %).

Петербуржцы несколько иначе, чем дальневосточники, расположили принципы организации учебного процесса. Увеличение самостоятельной работы студентов у 39,2 % отвечавших является одним из основных принципов, что находится в русле организации преобразований в отечественном образовании в рамках реализации Болонского соглашения. Но, тем не менее, на первое место среди принципов организации учебного процесса, которые напрямую влияют на улучшение процесса усвоения знаний студентами, петербуржцы поставили постоянный контроль выполнения домашних заданий (39,7 %), а на третье место – проверку посещаемости занятий (37,5 %), что подтверждает воспроизводство дисциплинарной структуры в образовании и в петербургских вузах. Таким образом, значительная часть респондентов считает, что чем больше контроля со стороны преподавателя, тем лучше учатся студенты (табл. 3).

Переход отечественного образования в европейский формат, напротив, детерминирует участие студента в учебном процессе в качестве субъекта, способного работать самостоятельно в индивидуальном режиме. Последнее особо актуально, так как организация учебного процесса в европейских вузах предполагает значительное количество времени для самостоятельных форм работы при уменьшении, в сравнении с отечественными вузами, часов работы в аудиториях. В новом европейском формате студент должен принимать решения и осуществлять осознанный выбор и учебных курсов, и скорости их изучения, и места обучения и т. д., беря ответственность за качество и скорость осуществления учебного процесса на себя. Как говорится: не хочешь учиться – не учись. Восприятие же студентами себя в качестве объекта в процессе обучения явно не способствует скорейшей организации учебного процесса в русле намеченных изменений для России, определяемых Болонским процессом.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Выберите, пожалуйста, принципы организации учебного процесса, которые, по вашему мнению, напрямую влияют на улучшение процесса усвоения знаний студентами»

Вариант ответа	Количество ответивших студентов, %	
	петербуржцы	дальневосточники
Увеличение самостоятельной работы студентов	39,2	24,2
Постоянный контроль выполнения домашних заданий студентами	39,7	40,5
Жесткая дисциплина на занятиях	13,2	21,3
Свободное посещение занятий	23,7	18,1
Свободный график сдачи самостоятельных работ	22,0	30,0
Проверка посещаемости на занятиях	37,5	41,6
Другое, что именно, укажите	9,9	8,3

Студенты и петербуржцы, и дальневосточники не проявляют себя в роли активного участника – субъекта вузовской жизни в целом. Это, во-первых, не укладывается в рамки концепции европейского образования, с которым находимся в процессе интеграции. Во-вторых, это не соответствует и образовательной политике России, концепции модернизации отечественного образования в целом, в которой важным условием демократического общества, основанного на равных правах и возможностях всех его членов, ощущающих себя влиятельной частью социального пространства, рассматривается создание условий социализации будущих граждан страны. В контексте высшей школы создание данных условий – составляю-

щая демократизации образования. Это означает вовлечение студентов в процессы, происходящие в университете, поддержку различных форм самоорганизации обучающихся, рассматривающихся неотъемлемой частью всей системы образования и основой формирования гражданской правовой культуры молодежи [1; 2].

Как показали результаты опроса, часть студентов (44,2 % дальневосточников и 46,4 % петербуржцев) считает, что студенты могут принимать участие в обсуждении и решении важнейших вопросов деятельности университета; 43,5 % дальневосточников и 44,1 % петербуржцев считают, что лишь отчасти могут принимать такое участие; и только 8,7 % дальневосточников и 3,8 % петербуржцев считают, что такой возможности у студентов нет. Кроме того, из ответивших положительно на вопрос, могут ли студенты принимать участие в обсуждении и решении важнейших вопросов деятельности университета, 50,7 % дальневосточников и 55,8 % петербуржцев считают, что такая возможность им предоставлена в сфере организации досуга, а 30,8 % и 45,3 % соответственно – в организации учебного процесса. При этом только 9 % отвечавших студентов-дальневосточников и 4,9 % студентов-петербуржцев действительно принимали участие в этой деятельности, и эта деятельность действительно касалась вопросов досуга и учебного процесса. Вполне возможно, наблюдаемая пассивность студентов объясняется неразвитостью каналов участия или же эти каналы попросту не предусмотрены на фоне декларирования демократических свобод студентов. Либо студенты не ощущают потребности в осуществлении данного вида деятельности, так как по официальным данным в России более 60 % образовательных учреждений имеют органы студенческого самоуправления [3].

Реализация принципов современного образования в направлении обеспечения фундаментализации, что в определенной степени есть восстановление утерянного в 1990-е годы в образовании в России, посредством активизации научно-исследовательской работы в учебном процессе и вовлечения в этот процесс студенчества, судя по ответам российских студентов, выглядит следующим образом (табл. 4, 5). Для более чем половины студентов научно-исследовательская работа – деятельность, способствующая совершенствованию учащегося (55,2 % петербуржцев и 53,6 % дальневосточников), для менее 30 % отвечавших – деятельность, способствующая эффективному усвоению материала (27,6 % петербуржцев и 29,7 % дальневосточников). Почти треть студентов хотели бы участвовать в научно-исследовательской работе (32,5 % петербуржцев и 34 % дальневосточников). Но при этом только около четверти студентов утверждают, что участвовали во время обучения в научно-исследовательской деятельности (22,6 % петербуржцев и 27,5 % дальневосточников).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Чем, на ваш взгляд, является участие в научно-исследовательской работе во время обучения в университете?»

Предложенные варианты ответов	Количество ответивших студентов, %	
	петербуржцы	дальневосточники
Деятельностью, способствующей совершенствованию учащегося	55,2	53,6
Деятельностью, способствующей эффективному усвоению материала	27,6	29,7
Интересной, но не нужной работой	10,4	15,5
Пустой тратой времени	4,4	6,16
Другое, что именно	7,1	3,9

Таблица 5

Уровень участия студентов в научно-исследовательской работе

Вопрос	Варианты ответов	Количество студентов выбравших один из предложенных ответов, %	
		петербуржцы	дальневосточники
Хотели бы вы лично участвовать в научно-исследовательской деятельности университета?	Да	32,5	34,0
	Нет	29,8	27,9
	Затрудняюсь ответить	35,3	38,4
Принимали ли вы личное участие во время обучения в университете в научно-исследовательской деятельности, которая проводится университетом, либо его подразделениями (кафедра, лаборатория и т. д.)?	Да	22,6	27,5
	Нет	72,9	67,3
	Затрудняюсь ответить	2,7	3,6

Подводя итог представленным выводам по результатам опросов студентов-петербуржцев и студентов-дальневосточников, необходимо отметить, что, несмотря на различные региональные условия в Дальневосточном регионе и Санкт-Петербурге, образовательная ситуация, судя по ответам студентов, на фоне осуществления мероприятий в рамках Болонского соглашения и декларации принципов современного образования в государственной политике не вписывается в указанные, заданные и реализуемые траектории изменений отечественного высшего образования. Все это актуализирует вопросы разработанности реформ в системе высшего образования, организации процесса их проведения и их соответствия российской социальной специфике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_02/393.html.

2. Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dvgu.ru/umu/ZakRF/doktrin1.htm.

3. Доклад Министерства образования и науки РФ «О результатах и основных направлениях деятельности на 2008–2010 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mon.gov.ru

ЕСТЬ МНЕНИЕ

ЧТО НАМ НУЖНО?

ОТВЕТ Б.В. ГРИГОРЬЕВУ

Р.Л. Лившиц

Лившиц Рудольф Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социально-политических дисциплин Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (г. Комсомольск-на Амуре).

Контактный адрес: rudliv@mail.ru

Чтоб веру дать моим словам –
Пиши побольше эпиграмм.
Н.Ф. Щербина

Не секрет, что в наши дни редко кто читает научные статьи, еще реже на них пишутся отклики. Как правило, автор ограничивается чтением своей статьи в журнале или сборнике, а на остальные не обращает внимания. Тот факт, что Б.В. Григорьев изучил нашу работу, посвященную проблеме демаркации науки и идеологии, что называется, «греет душу». Еще более радует, что он нашел время, не пожалел усилий, чтобы подвергнуть наш труд критическому разбору. Тщательность, с которой этот разбор проведен, впечатляет: Б.В. Григорьев сумел выловить единственную «блоху», которая в статье осталась[1]. Приносим ему за это благодарность.

Напомним, о чем шла речь в нашей статье.

Каждый исследователь сталкивается с одной и той же проблемой: насколько заслуживает доверия тот или иной текст, который позиционируется как научный? Обществознание не свободно от идеологии, идеологическая ангажированность – атрибут любого научного текста. Вопрос заключается в следующем: как отделить в содержании то, что принадлежит к науке, от того, что продиктовано идеологией? Если превалирует наука, текст заслуживает доверия, если же преобладает идеология – нет. Это и названо в нашей статье проблемой демаркации науки и идеологии.

Естественно, мы в соответствии с требованиями научного дискурса четко обозначили свою идейную позицию: марксизм. Попытались определить, в каком именно смысле нами трактуется понятие идеологии. Для этого мы соотнесли его с такими понятиями, как мифология и апологетика. Когда задача была выполнена, предложили определенное решение вопроса, т. е. указали на те внешние признаки, по которым можно провести демаркацию науки и идеологии в конкретном тексте.

Что противопоставляет Б.В. Григорьев нашей позиции?

Разобраться в этом непросто, потому что его статья переполнена не относящимися к делу частностями и случайными соображениями.

Чтобы не впасть в грех занудства, мы не станем касаться великого множества сюжетов, затронутых в некраткой статье Б.В. Григорьева. Остановимся лишь на том, что считаем главным.

Об актуальности проблемы

Прежде всего, наш критик отрицает актуальность проблемы демаркации науки и идеологии и даже правомерность постановки такой проблемы.

Так, в одной из заключительных фраз он ссылается на высказывание «известного российского экономиста и политического деятеля Н.П. Шмелева», который писал, что России угрожает потеря Сибири и Дальнего Востока. Затем Б.В. Григорьев патетически восклицает:

[1] Выражение «Примером такого добросовестного отношения к другим авторам был, например, Маркс». В порядке ответной любезности укажем, что в статье нашего оппонента имеет место несогласованность существительного и глагола в числе: «Особому анализу и критике будет подвергнуты приёмы аргументации Р.Л. Лившица…». Следовало написать «будУт подвергнуты» [2: с. 147]. Еще одна ошибка: при цитировании нашего высказывания Б.В. Григорьев заменил правомерно поставленное нами наречие «вправе» на сочетание предлога с существительным «в праве» [2: с. 152]. Укажем также на то, что у американцев никогда не было космонавтов. Участники пилотируемых космических полетов именуются в США астронавтами [см.: 2: с. 157].

«О чем же думают философы Дальнего Востока? Об актуальности «демаркации», а не о спасении российской идеологии, философии и культуры» [2: с. 157]. В общем, автор неявно упрекает нас в том, что мы думаем «не о том», т. е. тема статьи неактуальна. На это мы можем, во-первых, заметить, что некоторые дальневосточные философы уже били в набат по поводу перспективы утраты нашей страной Дальнего Востока. И один из них, представьте, – автор настоящих строк [5, 6]. Так что упрек явно не по адресу. Во-вторых, анализ вопроса о перспективах России вовсе не исключает возможности и полезности исследования проблем методологии социального познания. В-третьих, актуальность – вообще категория в значительной мере субъективная. Для одного актуальна проблема мелкого жемчуга, для другого – жидкого супа. В-четвертых, если тема демаркации науки и идеологии кажется Б.В. Григорьеву не заслуживающей внимания, зачем тогда он написал статью больше чем на печатный лист в опровержение нашей позиции?

Последовательность вообще трудно считать достоинством статьи Б.В. Григорьева. Так, в аннотации он заявляет: «Идеология рассматривается как равноправное духовное явление общественной жизни и истории наряду с мифологией, философией и наукой» [2: с. 149]. Итак, понятно. Есть наука, а есть то, что существует *наряду* с ней, т. е. *вне* науки, и один из таких духовных продуктов – идеология. Тогда проблема демаркации науки и идеологии в научных текстах является надуманной. Но далее автор пишет: «В науке есть своя идеология, а идеология может быть и научной». Таким образом, получается, что наука и идеология все-таки не рядоположены, а внутренне связаны. В этом случае вопрос о разграничении науки и идеологии не кажется таким уж схоластическим.

Об идеологии и апологетике

Наша позиция ясно выражена в статье: идеология существует внутри науки как закономерно обусловленная иллюзия. Апологетика – как нечто внешнее по отношению к науке, как идейная установка, вытекающая не из самой науки, а из ее функционирования в системе общественных отношений.

Что противопоставляет Б.В. Григорьев нашей точке зрения? По существу ничего. Вместо аргументации – бессодержательная риторика[2]. Автор изо всех стремится убедить нас в том, как глубоко антипатичен ему марксизм-ленинизм, который «упразднил и муки совести, сначала – религиозной, а затем – вообще любой» [2: с. 150]. Читатели, таким образом, должны поверить в то, что марксисты – люди, лишенные совести. Странно, почему же в таком случае Б.В. Григорьев при встрече со мной, убежденным сторонником марксизма, вовсе не скрывающим своей мировоззренческой позиции, дружелюбно жмет руку и всячески выражает симпатию? Разве бессовестные люди достойны такого обращения?

Идеология и мифология

В данном пункте мы противопоставляем свою точку зрения взглядам тех авторов, которые склонны отождествлять идеологию и мифологию. Например, взглядам Б.В. Бирюкова. Он пишет: «Вместо термина «идеология» (или наряду с ним) мы будем использовать термин «мифология» [1]. Когда один термин можно заменить другим, это означает, что они синонимичны. Не так ли? Но Б.В. Григорьев почему-то утверждает, что Б.В. Бирюков *не считает* понятия «идеология» и «мифология» тождественными. Утверждает вопреки очевидности. Мы не в силах объяснить этот факт. По нашему мнению, идеология и мифология – феномены далеко не тождественные, и мы высказываем в своей предыдущей ста-

[2] Приведем в подтверждение обширную цитату из статьи Б.В. Григорьева. «Апология (греч. *apologia* – защита, оправдание, особая речь, сказанная или написанная в защиту кого-либо) является естественным порождением мифологии и идеологии. Миф о равенстве людей и идеология интернационализма создан христианством и получил широкое распространение в Европе. Краеугольный камень здания идеологии марксизма – «Манифест коммунистической партии» – пронизан идеей равенства людей и пролетарского интернационализма. Насколько марксизм был научен с философской и социологической точки зрения – это чисто риторический вопрос. Апологетика марксизма появилась тогда, когда надо было защищать новую идеологию и его «вавилонскую башню» – Интернационал. Если за Христом шли его апостолы-ученики, потом – апологеты, святые отцы церкви и их литература, то точно также дело обстояло в марксизме (кстати, *так же* в данном случае следовало написать раздельно – Р.Л.). Вначале сами «классики марксизма» защищали свою идеологию, вспомним, хотя бы, «Нищету философии» и «Анти-Дюринг». Затем за ними последовали апостолы (В. Либкнехт, П. Лафарг, Г. Лопатин и др.) и апологеты (К. Каутский, Г. Плеханов). Довершили эту эволюцию эпигоны марксизма, самый характерный пример – В.И. Ульянов-Ленин. Эпигонство (гр. *epigonos* – рожденный после, потомок) наихудший вариант апологетики, поскольку оно отличается нетворческим характером и приводит к борьбе с еретиками (вспомним полемику В.И. Ульянова с А.А. Богдановым) и остракизму» [2: с. 150]. Дальнейшие суждения Б.В. Григорьева об апологетике столь же лаконичны и столь же глубокомысленны.

тье некоторые соображения по поводу различий между ними.

Чем на это отвечает Б.В. Григорьев? Он пишет: «Вряд ли можно окончательно разделить «миф» и «идеологию», как это пытается сделать Р.Л. Лившиц» [2: с. 149]. Извините, но из чего следует, что мы считаем предложенное нами решение вопроса окончательным? Зачем нам приписывается такая несуразная претензия?

Мы выдвинули определенную гипотезу. Она заключается в следующем: идеология – объективно обусловленная иллюзия, миф – продукт мысленного конструирования, идеология существует благодаря очевидности, мифология – вопреки ей. Б.В. Григорьев прямо соглашается со вторым положением и фактически не оспаривает первого. Тогда в чем же состоит наше заблуждение? На этот вопрос ответа мы не нашли, нам лишь сообщается, что «миф – более древняя семантическая реальность, чем идеология» [2: с. 149]. Читателям журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» об этом, конечно, ничего не известно. Не ведают они и о том, что «мифы могут если не создавать, то понимать многие, а идеологию – только специалисты, ибо она требует особой грамотности, т. е. культуры» [2: с. 149]. Б.В. Григорьев, конечно, вправе считать, что журнальная статья – самое подходящее место для воспроизведения общих мест, мы же со всей откровенностью заявляем, что не разделяем такой точки зрения.

Не станем мы спорить с утверждением, что «и в основе мифа, и в основе идеологии лежит ориентация и идеализация» [2: с.149]. С нашей концепцией такое утверждение вполне совместимо. Вопрос ведь в другом: каким особым способом выполняет свою ориентационную функцию мифология в сравнении с идеологией?

У нашего оппонента есть какие-то возражения по существу предложенной нами гипотезы? Нет, таких возражений мы не нашли. В таком случае, зачем копья ломать?

Еще трудней нам понять, зачем Б.В. Бирюков делает такое заявление: «… с логической точки зрения, а тем более с исторической, разделить идеологию и мифологию, а также идеологию и апологетику – невозможно» [2: с. 152]. Но если эта задача невыполнима, тогда за нее не стоит и браться. Ну, а если взялся, необходимо давать собственное решение проблемы, альтернативное тому, которое является объектом критики. Есть такое решение у Б.В. Григорьева? Нам его отыскать не удалось. Быть может, другие авторы окажутся удачливее нас.

О признаках идеологических аберраций в научном тексте

Наша статья о демаркации науки и идеологии носила не общетеоретический, а прикладной характер. Мы решали практическую задачу: отыскать легко диагностируемые признаки, по которым можно заключить, что в том или ином тексте идеология, так сказать, подавила науку. Нами выявлено четыре таких признака: низкий уровень грамотности автора, морализирующая критика, замалчивание творчества крупных ученых и опора на сомнительные авторитеты (незначительные или одиозные).

Чем на это ответил наш оппонент? Он, конечно, не удержался от новых эскапад в адрес марксизма, походя обвинил нас в «марксистской апологетике» – что ж, нам к таким вещам не привыкать. Заодно уличил нас в недостатке грамотности. Так, он нашел стилистическую погрешность в выражении «смотрятся слова»[3] [2: с. 155]. Хорошо, допустим, Б.В. Григорьев в данном пункте прав[4]. Но что это доказывает? Да только то, что он применил *предложенный нами* критерий к анализу *нашего* текста. Таким образом, строгий судия нашу гипотезу фактически *подтвердил*. Б.В. Григорьев, далее, обнаружил в нашей статье и морализирующую критику. За таковую он счел иронию [2: с. 153]. Не станем отрицать: мы нередко используем оружие иронии в своих работах, нормы научного дискурса таких вещей не запрещают. Предположим, ирония действительно есть разновидность морализирующей критики[5]. Но в таком случае Б.В. Григорьев вновь использовал наш критерий. Замечательно! Наша гипотеза работает.

Третий и четвертый критерии можно рассматривать как две стороны одного и того же критерия. В обоих случаях речь идет об отношении к авторитетам.

[3] Речь идет о следующей фразе: «Очень свежо и, главное, неидеологично, смотрятся такие слова любимого героя И.А. Ильина…».

[4] Хотя в действительности он, конечно, заблуждается. Звучащее слово можно *слышать*, а на написанное слово можно *смотреть*. А то, на что можно смотреть, *смотрится*.

[5] В реальности, правда, дело обстоит не так. Ирония – прием повествования, построенный на том, что буквальный смысл утверждения противоположен фактическому. Таким образом, ирония относится к *технике* повествования. Морализирующая критика имеет место тогда, когда у автора нет установки на понимание и объяснение того или иного феномена (или исторического деятеля), но есть желание изобразить его в негативном свете, акцентировать внимание на его отталкивающих сторонах или свойствах – таково, например, осуждение революции как метода разрешения социальных противоречий. Следовательно, морализирующая критика относится не к *технике* научного творчества, а к его *содержанию*.

Об Иване Ильине

Главный пункт, по которому Б.В. Григорьев с нами категорически не согласен, – оценка творчества И.А. Ильина. С точки зрения нашего оппонента, И.А. Ильин – «русский философ масштаба Н. Бердяева, С. Франка» [2, с. 153]. То есть, как следует из контекста, очень крупный философ. Нам приходилось встречать немало образованных, умных людей, которые, подобно Б.В. Григорьеву, говорят об И.А. Ильине с восторженным придыханием. Честное слово, в таких случаях нам всегда хотелось задать вопрос: «Коллеги, а вы сочинения И.А. Ильина читали? Вы действительно разделяете его идеи, его социальный идеал?». Нам эти труды изучать приходилось, хоть мы не можем сказать, что сие занятие способно доставить большое удовольствие. Да, И.А. Ильину нельзя отказать в красноречии, но читать его работы крайне нелегко по причинам морально-психологического свойства. Его статьи и книги переполнены исступленными проклятиями в адрес советской власти, большевиков, марксизма, коммунизма… Его пером водит сама ненависть, он просто заходится от злобы. Такая концентрация негативных эмоций утомляет, раздражает, угнетает и подавляет.

Историософская схема И.А. Ильина донельзя примитивна: «Жила-была великая процветающая Россия, как вдруг жалкая кучка фанатиков-большевиков устроила революцию и сбила страну с ее исторического пути. Банда коммунистических вождей создала рабовладельческое государство, подчинив себе доверчивый русский народ, мечтающий только о возвращении батюшки-царя»[6]. И вот эту сказочку для умственно несовершеннолетних нам предлагают считать вершиной мировой социально-философской мысли?! Эта схема не позволяет объяснить, почему в процветающей Российской империи за короткий срок произошли три революции (причем к первым двум большевики не имели никакого отношения). Почему Первая мировая война для России закончилась столь бесславно? И по какой причине Советский Союз с его «противоестественным строем» и «бандой ничтожеств во главе» одержал победу над гитлеровской Германией, которая до этого без особых усилий поставила на колени всю Европу?

К великому огорчению нашего оппонента, симпатии И.А. Ильина к фашизму *не случайны*. Они – закономерное выражение всей социальной концепции «русского мыслителя масштаба Н. Бердяева и С. Франка». И неправда, что И.А. Ильин согрешил с нацизмом лишь однажды – в 1933 году. Он ведь и в 1948 году, когда уже всем всё стало ясно, не отказался от своей апологетической оценки фашизма. Вот что сей «великий русский патриот» писал (после войны!) в своей статье «О фашизме»: «Фашизм есть явление сложное, многостороннее и, исторически говоря, далеко еще не изжитое. В нем есть здоровое и больное, старое и новое, государственно-охранительное и разрушительное» [3: с. 86]. И далее: «…Фашизм был <…> *прав*, поскольку искал *справедливых социально-политических реформ.* <…> Фашизм был прав, поскольку исходил из *здорового национально-патриотического чувства*, без которого ни один народ не может утвердить своего существования, ни создать свою культуру» [3: с. 86]. И чтобы «утвердить существование русского народа» и «создать русскую культуру», И.А. Ильин стремился к установлению в России фашистской диктатуры[7]. Правда, это должен быть не тот фашизм, что в Германии. И.А. Ильин мечтал о другом фашизме – белом и пушистом. Впрочем, с таким же успехом он мог грезить о том, чтобы вывести породу травоядных тигров.

Извините, но к мыслителю, который выражает симпатии к фашизму, мы не можем относиться с пиететом. Для нас он – личность одиозная.

И пусть Б.В. Григорьев всячески выгораживает своего кумира: и статья о фашизме, мол, у него малоизвестная[8], и его работа о Гегеле замечательная, да и немецкий язык он знает в совершенстве, на нас эти аргументы не производят ни малейшего впечатления.

Впрочем, Б.В. Григорьев не оспаривает нашего критерия. Это можно заключить из следующего его высказывания: «… Это правило (т. е. наш критерий – Р.Л.) распространяется, прежде всего, на самих марксистских идеологов, которые раболепно превозносили десятки лет весьма посредственного писателя В.И. Ульянова-Ленина[9], написали о нем немыслимое число хвалебных работ и статей…» [2: с. 155]. К сказан-

[6] Доказательство настоящего тезиса оставим для следующей статьи, которую нам, как мы предполагаем, придется писать в ответ на очередное критическое сочинение Б.В. Григорьева.

[7] Вот что И.А. Ильин пишет в 1951 году: «Сократить (после падения коммунистического режима – Р.Л.) период самочинной злобы, бесчинной расправы и соответствующего нового разрушения – сможет только национальная диктатура, опирающаяся на верные войсковые части и быстро выделяющая из народа наверх кадры трезвых и честных патриотов» [4: с. 457]. В общем, предусмотрительный знаток творчества Гегеля намечал сформировать в России эсэсовские отряды.

[8] Этот аргумент в эпоху Интернета выглядит просто комично.

[9] Борис Васильевич снисходительно похлопал по плечу «посредственного писателя» Владимира Ильича. Какая необычайная смелость! Какое бесподобное мужество! Снимаю шляпу.

ному можно было бы, правда, добавить, что сейчас те же авторы пишут хвалебные статьи о Н.А. Бердяеве, С.Л. Франке и И.А. Ильине. Во все времена существовали халтурщики и конъюнктурщики. Зачем же взваливать вину за халтуру и конъюнктурщину именно на марксизм?

Итак, констатируем: Б.В. Григорьев нашу гипотезу о критериях демаркации науки и идеологии прямо или косвенно подтверждает. И мы воспринимаем этот факт, как говорится, с чувством глубокого удовлетворения.

Так что же нам все-таки нужно?

В заключение наш оппонент пишет: «Интернациональная идеология остается врагом национальной культуры. Если раньше превозносили марксизм, то теперь защищают и навязывают «однополярный мир» и «глобализацию». Кому это выгодно? Иван Ильин говорил, что мы не можем рассчитывать на искреннее доброжелательство во всём мире, России надо надеяться на Бога и на себя. А теперь мы – современные философы и идеологи – можем сказать, что нам надо надеяться не на Маркса, Вебера, Дюркгейма, Гуссерля и прочих «иноземцев», как называл их Иван Ильин, а на своих русских идеологов и философов» [2: с. 157].

Это положение носит концептуальный характер, на нем имеет смысл специально остановиться.

Необходимо заметить, что список авторов, «на которых нам не надо надеяться», далеко не полон. В нем нет, например, Ж.-П. Сартра, Г. Маркузе, И. Канта, Г. Гегеля. Тут, правда, получается неувязка. И.А. Ильин составил себе имя как раз благодаря своему труду о великом немецком мыслителе. Так что Гегеля, наверное, придется все-таки оставить в списке тех, на кого «следует надеяться». Но ведь творчество Гегеля нельзя понять, не зная философии Канта. Необходимо пощадить и его. Извините, но гегельянская традиция не прервалась со смертью ее основателя. Маркс – один из ее продолжателей. Может быть, Б.В. Григорьев все-таки смилуется и разрешит хотя бы части российских философов надеяться на Маркса? А вместе с ним и на других «иноземцев», которые, по нашему скромному разумению, в философию кое-какой вклад внесли.

Философская вера, которую исповедует Б.В. Григорьев, – русский национализм. Национализм часто возникает как движение за «культурное возрождение нации». Но дальше на его благородном лике неизбежно проступают коричневые пятна. Вспомним недавнюю историю. Как все замечательно начиналось в Прибалтике чуть больше двадцати лет тому назад! А теперь там полуфашистские режимы, настоящий апартеид. Если Россия пойдет по этому пути, то нетрудно предсказать, что нас ждет. Сначала с работы выгонят лившицев, а потом под подозрение попадут и григорьевы: получили образование в советские времена, заражены марксистским духом, знают иностранные языки, «да и вообще шибко умные». Был бы обвиняемый, доказательства вины найдутся.

Нужно ясно осознавать: глобализация – объективный процесс. Убежать, скрыться от нее, отгородиться китайской стеной невозможно. И глобализация – потенциально благотворный процесс. В настоящее время глобализация протекает в интересах узкой группы стран, входящих в мировую элиту. Россия к ним не принадлежит. Сокрушение реального социализма привело к тому, что наша страна заняла место сырьевого придатка в мировом разделении труда, превратилась в периферию капиталистического мира. На этом пути ее ждет гибель. Наша задача – вырваться из той исторической ловушки, в которой оказалась Россия в результате победы контрреволюции. Для этого нужен не духовный изоляционизм, не культивирование местечковых авторитетов, не реанимация реакционных клерикально-монархических идейных систем, не провинциальное чванство, а синтез передовых достижений мировой социально-политической мысли. Синтез, базирующийся на граните всей мировой философской традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бирюков, Б.В.* Социальная мифология, мыслительный дискурс и русская культура [Электронный ресурс] / Б.В. Бирюков. – Режим доступа: www.rusreadorg.ru/issues/hl/hl3-01.htm.

2. *Григорьев, Б.В.* Снова об идеологии, философии и науке / Б.В. Григорьев // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2010. – № 1 (25). – С. 147–157.

3. *Ильин, И.А.* О фашизме: собр. соч. В 10 т. Т. 2. Кн. 1. / И.А. Ильин. – М. : «Русская книга», 1993. – С. 86–89.

4. *Ильин, И.А.* О грядущей диктатуре : собр. соч. В 10 т. Т. 2. Кн. 1. / И.А. Ильин. – М. : «Русская книга», 1993. – С. 457–461.

5. *Лившиц, Р.Л.* Удержит ли Россия свои дальневосточные территории? / Р.Л. Лившиц // Стратегия развития Дальнего Востока: возможности и перспективы : материалы регионально науч.-практической конф. Т. 2. Политика. Гражданское общество. – Хабаровск, 2003. – С. 19–29.

6. *Лившиц, Р.Л.* Оптимальный тупик, или Как не следует писать научные труды [Электронный ресурс] / Р.Л. Лившиц. – М. : ВЛАДОС, 2009. – 256 с. – Режим доступа: www.globalistika.ru/biblio/livshizz1.htm.

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В.П. ДУРИНА

30 апреля ушел из жизни председатель Приамурского отделения РФО, профессор кафедры «Философия» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ДВГУПС), доктор философских наук Виктор Павлович Дурин.

Виктор Павлович родился 16 мая 1952 г. в районном поселке Пышма, недалеко от Тюмени. В 1978 г. он закончил философский факультет Уральского государственного университета (г. Свердловск) и по распределению уехал в город Хабаровск. В 1980 г. В.П. Дурин поступил в аспирантуру Ленинградского государственного университета, где в 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию «Разрешение противоречий (формы и методы)», а в 1994 г. – докторскую диссертацию «Противоречие и конфликт: методологические основы конфликтологии».

В течение 14 лет (с 1987 по 2001 год) Виктор Павлович Дурин возглавлял кафедру «Философия» ДВГУПС, работал там же в должности профессора, проводя все виды учебных занятий по философии, логике, конфликтологии, истории и философии науки и другим предметам у студентов, магистрантов и аспирантов ДВГУПС. Виктор Павлович был бессменным членом Диссертационного совета ДМ 218.003.02 по философским наукам, под его руководством готовились и защищались кандидатские диссертации, он неоднократно выступал оппонентом и рецензентом кандидатских и докторских диссертаций как по онтологии и теории познания, так и по социальной философии.

В.П. Дурин в течение ряда лет возглавлял подготовку научно-педагогических кадров в региональных институтах ДВГУПС, неоднократно поощрялся за высокие достижения в научно-педагогической работе. Он отличался исключительной доброжелательностью, всегда был готов помочь своим ученикам и коллегам как добрым советом, так и личным участием.

Светлая память о Викторе Павловиче Дурине навсегда останется в наших сердцах.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.

2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.

3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.

4. Для аспирантов и соискателей публикация статей бесплатно.

5. Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п. л. (20 000 – 40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.

6. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.

6.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются дискеты размером 3,5” и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на дискете. Если дискет две и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дискетах (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.

6.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.

6.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1–2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.

6.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.

6.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

7. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.

8. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.

9. К статье прилагается короткая аннотация в несколько строк на русском и английском языках, ключевые слова (не более 15), а также название статьи на английском языке.

10. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 262. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 300 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

Извещение **Кассир**	Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) **БИК** 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2010 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.
Квитанция **Кассир**	Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) **БИК** 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2010 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.

ARTICLES

CULTURAL LINGUISTIC CONTACTS

ON "RESTORATION" AND "LEVELING" OF BORROWINGS IN THE PROCESS OF LINGUISTIC INTERNATIONALIZATION

A.A. Rivlina

Rivlina, Alexandra Abramovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of English Language, Faculty of Management, State University – Higher School of Economics (Moscow).

The article deals with the tendency for borrowings to restore and expand the weakened ties with the original units in the source language both in their form and, especially, in their semantics. The growing exposure to global English also causes the extension of the meaning of some international lexis to approximate their English language equivalents. These phenomena are defined as "restoration" and "leveling" of borrowings and are treated as a specific type of calquing, induced by globalization and internationalization.

Key words: globalization of the English language, internationalization of languages, borrowings / loanwords, semantic development, semantic borrowings / semantic calques / loan translations.

The antinomy of global vs. local in language, of speakers' striving for mutual intelligibility with the international community and at the same time for the expression of their own national and cultural identity in the process of linguistic globalization and internationalization is manifested in two coexisting opposite trends or tendencies in the development of borrowings. The major tendency is the adaptation of borrowings, including their phonetico-accentual and grammatical change-over and various semantic transformations, and linguacultural transformations. The result as a rule is complete assimilation and integration of the borrowed lingual unit, which is often no longer perceived as a borrowing. However, the intensification of international contacts, the growing volume of international information flows, the globalization of the English language, and a dramatic increase in bilingualism worldwide lead to the enhancement of a diametrically different tendency in the development of borrowings, predominantly English language borrowings, in different world languages, including Russian. It is a tendency for borrowings to restore, to strengthen and to expand the weakened ties with their counterparts in the source language or in the case of international lexis, with their foreign, predominantly English language equivalents. This tendency can be defined as a "restoration" and "leveling" of loanwords. (The terms were suggested by V.V. Kabakchi in an article dealing with the dynamics of xenonyms, i.e. units that name elements of other cultures [4].)

The tendency towards restoration is especially noticeable in the phonetic make-up of borrowings. Traditionally, borrowings are considered to adapt to the phonetic and accentual system of the recipient language increasingly with the course of time by copying the analogous phonetic and accentual models, while recent borrowings are as a rule less adjusted and exhibit greater phonetic similarity with the units of the source language. However, many Russian language researchers point out that in the context of increased international communication, many Russian language speakers, alongside the russification of borrowings, tend to pronounce borrowed words, especially proper names, the way they are pronounced in the source language. The clash between these two opposite trends often results in two versions of the borrowed unit: one of them being russified, and the other, as N.S. Valgina puts it, "with the foreign make-up preserved" [2: 72], or, to be more exact, "with the foreign make-up restored". Cf.: *маркéтинг => мáркетинг (marketing), Вашингтóн => Вáшингтон (Washington), Флорúда => Флóрида (Florida), Давúд => Д'эвид (Кóпперфилд) (David,* e.g. as in *David Copperfield), Вильям (Шекспир) (*as in *William Shakespeare) => Уилл (Смит) (*as in *Will Smith)* и др.

Globalization and internationalization are manifested through similar tendencies in the English language as well. V.V. Kabakchi writes about the fact that many previously assimilated xenonyms in modern English tend to be pronounced and spelt similarly to their original pronunciation and spelling; cf. the following borrowings from Russian: *copeck => kopek, ukase => ukaz, Sebastopol => Sevastopol, Archangel => Arkhangel'sk* [4: 170]. V.V. Kabakchi defines it as a "xenonymic restoration". He also makes a comment that mainly proper names are influenced by this tendency, which he specifies as "onomastic restoration" [ibid.].

Available data indicates that the tendency towards increasing resemblance to the source language equivalents can be traced not only in the transformations of the form of the borrowings, but in the dy-

namics of their semantic development as well. The fact is, most borrowings make their way into the host language in just one of their meanings, or lexico-semantic variants. Thus, the semantic structure of practically any borrowed unit implicitly contains all the other semantic variants, which bilingual speakers perceive by analogy with the semantic structure of the original lexeme. These semantic variants or meanings make some semantic gaps, "niches", or "vacant spots" which, in terms of the lacunae theory, can be described as "inter-lingual segmental lacunae" (on lacunae theory, see [1], and on "intra-lingual segmental lacunae", specifically [1: 123–125]). Natural lacunality of borrowings offers the potential of their further semantic development in the direction of the meanings not yet current in the recipient language, but existent in the source language, in other words, the potential for such inter-lingual lacunae to be filled and for the borrowings to be "semantically restored".

The idea of a "semantically restored" borrowing can be exemplified by the evolution of the word *аутсайдер* (*outsider*) in Russian: after being initially borrowed as a sports term ("a person or an animal taking part in a race or competition that is not expected to win"), this word has gradually extended its meaning to the scope suggested by the inner form of the original English word *outsider ("out" + "side")* – "a person who is not accepted as a member of a society, group, etc.", e.g.:

Ты родилась и жила под счастливой звездой, Я – аутсайдер, нищий изгой, жил всегда за чертой / You were born and you've lived under a lucky star, I'm an outsider, a poor maverick, I've always lived out of line (*Outsider* by "Krematoryi" rock-band);

… бывший одноклассник был невзрачный, типичный аутсайдер, из тех, которых никто никогда не замечает, а молодой человек наоборот - был богато одет, лощён, представителен и очень хорошо выглядел / … her former classmate was plain, a regular outsider, whom nobody noticed, while her boyfriend, visa versa, was well-dressed, polished, respectable and looked great (Daliya Truskinovskaya, *Outsiders*).

This word is subject to frequent metalinguistic commentary by Russian language speakers, which shows that it is still new and preserves the "flavor of other-languageness" (to use the phrase of N.B. Mechkovskaya, [5: 226]), e.g.:

Слово «аутсайдер» можно перевести с английского как «посторонний», «вне данного круга». Этот термин начали применять в психологии для обозначения человека, который не может влиться в круг общения, оставаясь чужим среди своих. Считается, что статус аутсайдера создается в подростковом возрасте, когда тинейджер не может найти понимания у окружающих / The word "outsider" can be translated from English as "a stranger", " one who does not belong to a group". The term is applied in psychology to a person who cannot integrate, who remains a stranger among his peers. An outsider status is considered to be attained in adolescence, when a teenager fails to obtain understanding from people around him (the *Molod'ezsh Estoniyi* newspaper, 2003).

The growing pressure of global English impacts not only English language borrowings proper; the same happens to a large group of international lexis, i.e. the words borrowed by different languages, Russian and English inclusive, from the same source, usually from classical languages, or successively from one to the other. For example, the Russian words *идеология (ideology)* and *философия (philosophy)* have been semantically extended to approximate the scope of meaning of the etymologically related or cognate words in English. Traditionally, as P. Palazshchenko puts it, the English words *philosophy* and *ideology* have wider, more "pragmatic" and "down to earth" connotations in accord with the established Anglo-Saxon philosophic practices, while in the Russian worldview they are treated in a more sublime way [6: 217]. Russian-English translation manuals usually advise against translations of the following type: *the philosophy of this project – философия данного проекта,* or *the ideology of this project – идеология данного проекта*, suggesting lexical substitutions to make the translation more "subdued", e.g.: *концепция (the concept) данного проекта* [ibid.]. However, modern Russian mass media discourse testifies to the development of similar "down to earth" extended meanings of the Russian *идеология* and *философия*, cf.:

… в задачи совета входит в первую очередь выработка идеологии пенсионного обеспечения на новой основе / … one of the primary goals of the council is the development of the ideology of pension benefits on a completely new basis (the *Nezavis'imaya Gazeta* newspaper, example borrowed from [2: 85]);

Свердловские школьники на занятиях по биологии следят, как меняется философия питания… / In their biology class, students from Sverdlovsk follow the changes in the philosophy of nutrition (NTV news program, 2007);

or, cf. some examples from various Internet sources: *философия дизайна / the philosophy of design, философия пятизвездочного уровня жизни / five-star hotel philosophy, идеология Интернет-сайта (принцип построения сайта) / the ideology of an Internet site (the concept of site de-*

velopment), идеология ведения бизнеса / the ideology of business administration, etc.

There is a marked tendency towards semantic approximation with the English language in the development of the Russian verb *артикулировать* (*to articulate*): until not long ago, it was used almost exclusively in linguistics as a term, meaning "to make the movements and adjustments of the speech organs necessary to utter a speech sound". In English, the verb *to articulate*, besides the linguistic contexts, is also widely used in everyday speech to denote the following: "to express or explain your thoughts or feelings clearly in words", as in *to articulate one's anger (grievances, distress)*. It is this very meaning that the Russian verb *артикулировать* conveys in the following examples:

… мы стали более внятно артикулировать наши внешнеполитические интересы/ … we now articulate our foreign interests more clearly; … когда мы артикулируем свои национальные интересы, это вызывает странную реакцию, вплоть до обвинения России в имперских амбициях/ … when we articulate our national interests, it provokes a strange reaction, all the way to accusing Russia of imperial ambitions (S. Ivanov, Defence Minister of Russia, 2008);

Молодые люди не всегда умеют четко артикулировать свои желания…/ Young people sometimes cannot articulate their desires clearly (the *Joy* magazine, 2006); etc.

The examples show that the word is gradually losing its purely terminological status and its meaning is extended to fill in the segmental lacuna, revealed in the dichotomy of the English *to articulate* and the Russian *артикулировать*.

Similar observations on cognate words are offered in prof. Kabakchi's publication. He writes: "… up to the last quarter of the 20th century, only academic subjects could be "humanitarian" in Russian, and now people talk about "humanitarian aid". "Chauvinism" used to be a synonym of "nationalism" in Russian, and today Russian followers of American feminists also talk about "male chauvinism" (discrimination on the basis of sex, or rather on the basis of "gender", as they say it) [4: 171]. V.V. Kabakchi defines this linguistic phenomenon as "semantic leveling" of cognate polyonyms, and stresses the fact that many cognate lexemes which used to be xenonyms in Russian, i.e. used to denote elements of a foreign culture, tend to lose their xenonymic status: "… instead of the idionym "техникум" ('*technicum'* – "technical school, elementary vocational training") the Anglicism "college" is used today (though this word used to be a xenonym in Russian). The municipal head is either "a mayor" or "a governor" [ibid.]. One more example is given by P. Palazchenko: he maintains that the word *ресторан* ("restaurant") has extended its meaning to include more public catering facilities than before (by analogy with "Macdonald's restaurants"), though traditionally, in Russia, it was used to denote only really expensive venues [7: 116]. These are just some of the examples; the list can be enlarged.

The given examples indicate that both the semantic restoration of borrowings from English and the semantic leveling of international cognate lexis can be seen actually as a common linguistic process, induced by the contact of various world languages with globalized English. Speakers do not distinguish whether the word has been borrowed from English per se, or whether it has become international due to wider etymological affinity; in the context of the growing exposure to global English, many previously borrowed lexical units extend their meanings to approximate the semantic structures of their English language equivalents.

The semantic shift of the Russian words *агрессивный* ("aggressive") and *амбициозный* ("ambitious"), which has been commented on in numerous publications on innovations in connotative meanings in Russian in the last several years, can be seen as yet another example of "semantic restoration" and "semantic leveling". Different authors point out the fact that until not long ago these words were used in Russian to denote predominantly derogatory meanings (according to the most widely recognized Russian language dictionary by S. Ozshegov, *амбиция* ("ambition") means "extreme conceit", "arrogance", or "haughtiness", and *агрессивный* ("aggressive") means "belligerent", "behaving in a threatening way", or "provocative"), while in English, their counterparts can be used in an appreciative sense too: they denote "showing a desire to do something that demands great effort, skill, etc." and "not afraid of opposition, determined and forceful, assertive", respectively. Russian-English translation manuals traditionally treat *агрессивный - aggressive* and *амбициозный – ambitious* as culture-related "translator's false friends" and suggest lexical substitutions as follows: *an ambitious project – очень перспективный проект/ a project which has great potential, he is very ambitious – он стремится сделать блестящую карьеру/ he strives to carve out a career, he is not aggressive enough – ему не достает хватки/ he has a weak grip* [3: 168; 6: 142–143]. But in today's Russian, these two words are increasingly often used with neutral or positive overtones, influenced by the extensive interaction with global English, especially in business-related contexts, e.g.: *aggressive marketing strategy – агрессивная*

стратегия сбыта [6: 142], as well as various other spheres, cf.:

Я буду агрессивно поддерживать любого кандидата в президенты с центристской программой / I will aggressively support any presidential candidate with a centrist program (the mayor of Moscow Yu. Luzhkov, 2004);

У песни хорошая агрессия… Ритм в песне жесткий, она агрессивна, но агрессивна по-хорошему с музыкальной точки зрения… / This song has good aggression… The rhythm of the song is rough, the song is aggressive, but aggressive in a positive musical sense… (Russian singer O. Gazmanov, 2006);

Достижение лидерства в энергетике – это амбициозная задача / To become leaders in the sphere of power engineering is an ambitious goal (the then President of Russia V. Putin, 2007);

… нам, людям амбициозным (в хорошем смысле этого понятия), желающим оставить свой след в профессии, в бизнесе и в жизни, даны в руки все карты, чтобы ставить новые смелые задачи и их выполнять /… we, ambitious people (in a good sense of this notion), who want to make a difference in our profession, in business and in our life, have all the opportunities to set challenging new goals and to reach them (the *Samara Segodnia* newspaper, 2005).

And, visa versa, the initially neutral or positive borrowing *креативный* ("creative"), synonymous with Russian *творческий* (*креативный / творческий директор* – "creative director", *креативная / творческая личность* – "creative personality"), as well as its derivatives, exhibits a shift towards a derogatory meaning unusual for Russian, as in the English expression *creative accounting* – "a way of doing or presenting the accounts of a business that might not show what the true situation really is". Cf.:

Недостатки популярности приходится восполнять напором креативности… / The lack of popularity has to be compensated for by a push for creativity… (the *Komsomol'skaia Pravda* newspaper, 2004);

Кто сказал, что это подлый плагиат? Это креативная защита! / Who says that this is unscrupulous plagiarism? It is creative defense! (К. Earnst on the trade-off of a TV host named Oxana Pushkina for another one, named Tatyana Pushkina).

Without going into the linguacultural underpinnings behind these semantic innovations (they were covered in [8; 9] and some other publications), it has to be stressed once again that the tendency has been triggered by the intensification of international communication and the growing number of bilingual Russians, who are aware of the meanings and use of the corresponding English words and subconsciously tend to transfer the contexts of their use into Russian language discourse; in other words, they tend to level the semantic differences and to reconstruct the semantic structures of borrowings to approximate the structures of their English equivalents.

Semantic reconstruction and leveling can be fraught with potential linguistic blunders. One of such blunders was made by a Russian speaker trying to extend the meaning of an assimilated borrowing *канал* ("channel") and to derive new words from it by analogy with the English semantic-derivational model of the word *channel*, cf.:

Необходимо канализировать негативные эмоции… Такая канализация очень важна для психологического баланса человека… / Negative emotions need to be properly channeled… Such channeling is crucially important for a person's psychological balance… (O. Sviblova, 2004).

In English, the verb *to channel* derived from the noun *channel* means "to direct money, feelings, ideas, etc. towards a particular thing or purpose". In Russian, similar derivation cannot be regarded as appropriate, first of all, because the attempted derivation of the verbal noun *канализация* has turned out to be homonymous with another Russian word *канализация* meaning "sewage, sewer system" (though, it must be admitted, that the term *канализация – channeling* is used in physics), and second, because there is an adequate, though not one-word equivalent of the verb *to channel* in Russian - «давать выход (чувствам, эмоциям)» ("to vent one's feelings, emotions, etc."). It looks as if the speaker, being bilingual, having formulated her thought in English, just failed to find an appropriate Russian equivalent and resorted to unjustified and clumsy borrowing.

The process of semantic restoration and semantic leveling is induced by language contact in the English language as well, though in English, this tendency is less pronounced and less evident. For example, the word *babushka,* when borrowed from Russian, developed a new meaning – "a woman's head scarf". In many English language dictionaries it occupies the first place in the list of meanings, and in some dictionaries, for example in The American Heritage Dictionary, it is given as the only lexico-semantic variant. However, the original meaning of the word, "an elderly woman, a grandmother", as in Russian, is gradually coming back to the forefront of the semantic structure of *babushka,* strongly enough to serve as the base for further semantic derivation, as in the case of the neologism *babushkaphobia*, registered in The Longman Register of New Words. V.V. Kabakchi's research also shows that the English words *norm* and *liquidate* developed their mean-

ings "output norm" for the first and "to annihilate" for the second, under the influence of the Russian language [4: 171].

The linguistic mechanism behind semantic restoration and semantic leveling of borrowings is well investigated in the theory of language contact: it is the phenomenon of semantic borrowings, also known as semantic calques or loan translations. G. Paul defined it as "the influence on the inner form of the word". The intensification of cross-linguistic and cross-cultural communication triggers the influx of both lexical borrowings and semantic calques, with the semantic influence experienced by the native vocabulary of the host language (cf. the examples of the Russian lexemes calquing the meanings from English: *челночный*, *ящик* (= *телевизор*) [5: 227], *вызов* (as in *«угрозы и вызовы»*) [9] and others) and by a large group of borrowings. The latter, defined as "semantic restoration" and "semantic leveling", can be treated as a subtype of semantic calquing.

Restoration and leveling of lexical semantics can be also traced when phrases and collocations are calqued. The fact is, more and more speakers choose to calque expressions in the process of cross-cultural communication instead of translating them; the case usually lamented by professional linguists and translators/interpreters, but absolutely inevitable in the context of globalization and internationalization. For example, the Russian language has embraced the expression *политически корректный* ("politically correct"), though numerous translations were suggested for it, such as *общественно приемлемый* ("socially acceptable"), *идеологически выдержанный* ("ideologically consistent") and others. This phrase generates the semantic extension of the Russian adjective *политический*, making it closer in semantic scope with its English counterpart *political*. The English language also increasingly often calques expressions from other world languages. For example, when talking about the situation in present-day Russia, English language speakers today tend to use the phrase *werewolves in uniforms,* calquing the Russian phrase *оборотни в погонах,* though there are similar expressions *rogue policemen* and *police turncoats* in English [7: 168; 186].

Coming back to the issue of the antinomy of local vs. global in language, it is important to emphasize that the globalization of the English language, being the major influence in the linguistic situation throughout the world, is manifested in various linguistic phenomena and various, often diametrically different tendencies in the development of the world languages, all of them united within the process defined as "glocalization" (globalization + localization). Centripetal and centrifugal forces determining the linguistic convergence/divergence unity are dynamically balanced, and when a certain trend is enhanced as a certain stage of development, it often triggers the reinforcement of the opposite tendency to counterbalance and restrain the first one. Borrowings, in particular, when transferred from one language to another, can adapt to the linguistic environment and divert far enough from their original, on the one hand. But on the other hand, reflecting the need of the speakers in mutual intelligibility and comprehensibility with the global community, they can exhibit a tendency towards restoration of the semantic structure of the original lingual unit at a certain point of their development, if only as an approximation. Acceleration of the restoration and leveling of borrowings in their pronunciation and spelling as well as in their semantic development by analogy with their foreign language counterparts (not only in different local languages, but in the global English language as well) is one of the determining factors in what can be defined as "the linguistic flavor of modern times" (to use the expression of V. G. Kostomarov).

REFERENCES

1. *Быкова, Г.В.* Лакунарность как категория лексической системологии / Г.В. Быкова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – 364 с.
2. *Валгина, Н.С.* Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
3. *Виссон, Л.* Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур = Where Russians Go Wrong in Spoken English: Words and Expressions in the Context of Two Cultures / Л. Виссон. – 3-е изд., стереотип. – М.: Р. Валент, 2005. – 152 с.
4. *Кабакчи, В.В.* Функциональный дуализм языка и языковая конвергенция (опыт моделирования языковой картины земной цивилизации) / В.В. Кабакчи // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Ч. 2. Текст и перевод в когнитивном аспекте: сб. статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной / отв. ред. Н.А. Абиева, Е.А. Беличенко. – СПб.: Тригон, 2005. – С. 164–175.
5. *Мечковская, Н.Б.* История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию / Н.Б. Мечковская. – М.: Флинта, 2009. – 584 с.
6. *Палажченко, П.Р.* Мой несистематический словарь. Из записной книжки переводчика / П.Р. Палажченко. В 2 т. Т. 1. – 8-е изд., стереотип. – М. : Р. Валент, 2008. – 304 с.
7. *Палажченко, П.Р.* Мой несистематический словарь. Из записной книжки переводчика / П.Р. Палажченко. В 2 т. Том 2. – 2-е изд., испр.– М.: Р. Валент, 2009. – 248 с.
8. *Ривлина, А.А.* Глобализация английского языка в русскоязычном культурном контексте / А.А. Ривлина // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: теоретический и методологический аспекты: материалы науч.-практ. конф. (Благовещенск, 16 апреля 2007 г.). Ч. 2. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. – С. 162–169.
9. *Rivlina, A.* Threats and challenges: English-Russian interaction today / A. Rivlina // World Englishes. Vol. 24. No. 4. – Oxford, UK and Boston, USA: Blackwell Publishers, 2005. – pp. 477–485.

ENGLISH IN GERMANY: THE HISTORICAL CONTEXT OF CONTACT

S.K. Hilgendorf

Hilgendorf, Suzanne K. – Doctor of Philosophy in Linguistics, Associate Professor, Department of Linguistics, Simon Fraser University.

This article outlines the history of contact with the English language in Germany, a country of what Kachru (1995) has termed the Expanding Circle of English use in which the language traditionally has functioned as a foreign code. The article illustrates social, cultural, and political factors that have led to the growing status of English, dating from initial contact in the 8th century when the language was an obscure foreign code, to the present day situation in which English not only functions as the primary foreign language in the country, but is used in some domains as an L2 or additional language for intranational communication.

Key words: language contact, English as a foreign language, international communication, intranational communication, additional language.

Introduction

The international spread of English and the impact the language has had in historically non-native contexts has garnered much scholarly attention since the 1960s. One theoretical model that has informed much research is that of Kachru [6] and his conceptualization of the Three Concentric Circles of English use: the Inner, the Outer, and the Expanding Circles. The Inner Circle, where English is used as an L1, contains England and other countries where large numbers of English immigrants originally settled in British colonies, e.g., USA, Canada, Australia, and New Zealand. The Outer Circle, where English is used as an additional language, generally is understood as including former British colonies in Asia and Africa, where in the course of colonial rule indigenous populations adapted English for their own uses, resulting in the emergence of new varieties of the language now commonly recognized by hybrid names, such as Indian English, Nigerian English, and Singapore English. In the Expanding Circle English traditionally has been viewed as functioning as an important foreign code, but not as an additional language used for intranational communication. Countries within this sphere of English use include many nations in Europe, South America, and parts of Asia.

In recent decades, the Expanding Circle has been the most dynamic sphere for the continuing spread of English, in terms of both a widening functional range of uses and the increasing depth of English use to various levels of society. This growing impact of English within countries without colonial ties to Great Britain can be attributed in part to the leading role internationally the USA plays in global politics, economics, and technological development. Another, more recent influence is the process of globalization and its effects on language use worldwide, with communication and interaction now occurring to an unprecedented degree on transnational levels in, for example, the media, business, and education.

To better understand the growing role of English within the Expanding Circle, researchers are focusing increasing attention on topics concerning English use within such countries, such as their history of contact with English, the domains in which English is used, i.e., business, education, the media, and the attitudes and identities associated with English use. This paper contributes to those efforts by examining the historical impact of English in the Federal Republic of Germany, an Expanding Circle country that is a particularly intriguing case for further study. With a population of more than 82 million, Germany is the largest country in the European Union. It is also the world's fourth strongest economic power, with a gross domestic product totaling more than US $3.6 trillion in 2008 [15].

Germany's history of contact with the English language can be divided into three phases: 1) limited contact from ca. 700 AD to 1640 AD; 2) increasing contact from 1640 to 1945; and 3) intensive contact from 1945 to the present. Initially, through the Middle Ages English was an obscure code of little significance for Germans, having only limited status in select regions of central Europe. The language first gained national significance for the German speech community in the mid-seventeenth century, when political developments in Great Britain garnered great interest and attention. Subsequently, British literary achievements in the eighteenth century and industrial innovation in the nineteenth century further enhanced the profile of England and consequently the status of English. Following World War II, with the rise of the United States as a superpower and the advent of globalization, English eventually

became the primary foreign language in Germany, and, within some domains of use, gained the status of an L2 or additional language of communication, one that is used alongside the national language of German.

Limited contact: ca. 700 – 1640 ad

Both the German and English languages stem originally from the same West Germanic dialects spoken in central Europe during the first half of the first millennium. In the early fifth century, two West Germanic tribes, the Angles and the Saxons, migrated to the British Isles, where within this new geographic setting a distinct language, Old English, gradually evolved by ca. 450 AD. At the same time, in central Europe the dialects of the remaining West Germanic tribes also developed further, and by ca. 600 AD became known as Old High German.

The first contact between speakers of the two now distinct languages of Old English and Old High German occurred in the eighth century, when Anglo-Saxon missionaries arrived in the German cities of Fulda and Mainz, introducing in the course of their work Old English vocabulary to the local speech community. Religious terms consequently represent the earliest documented contact with English in the German context. Examples of the first borrowings include the Anglo-Saxon *gõdspell* and *s˜e hãlga gãst* [the holy spirit], which Old High German speakers respectively adapted as *gotspell* and *der heilago geist* [13: p. 3317].

In 796 AD, the first known commercial contact was established between the Germans and the English, when the Emperor Charlemagne (747-814) wrote to King Offa of Mercia (757-96) assuring safe passage for English merchants and pilgrims traveling through his territories. Unfortunately, no known documentation exists on German – English relations over the next two centuries, the period of the Dark Ages in European history.

The Rhineland: 1000 – 1300 AD

Historical research examining commercial and merchant dealings during the Middle Ages reveals that at least one region in Germany, the Rhineland in the northwest, had extensive contact with England from ca. 1000 to 1300 AD [5]. Such scholarship suggests a substantial degree of language contact must also have occurred, although the historical evidence has yet to be analyzed for linguistic significance. Nevertheless, given the elaborate social, religious, and cultural ties that developed between the Rhineland and England as a result of trade and immigration, it is clear that the English language had a presence in the Rhineland at this time.

In the early eleventh century, the city of Cologne was the major center in the Rhineland that also dominated German economics and politics, and it was 'the linchpin to Anglo-German relations on almost every level' [5: p. 242]. This close relationship stemmed from historical and geographical factors. The archbishops of Cologne, who had had extensive contact with the English church, had a history of pro-English stances in their policymaking [5: p. 3]. Furthermore, the geographic proximity of the Rhine and the Thames rivers, which empty opposite one another into the North Sea, lent itself to the development of a highly successful trade route. Traders from Cologne delivered 'Rhenish wine, weaponry and metalwork, luxury cloth and linen …' to the English. In return, they brought home English goods such as 'wool, raw metals … and commodities like lard and bacon' [5: p. 11–12].

The profitable trade between England and the Rhineland led to immigration. Cologne *Schreinsbücher*, or municipal records, show numerous entries for *de Anglia* and *Anglicus*, the former referring to someone originally from England, while the latter 'denoted a person of English ancestry' [5: p. 71, 81]. These English immigrants achieved a fair amount of integration into local life. Unlike other foreigners who lived within limited enclaves in a few areas of Cologne, the English resided throughout the city in all but three municipal districts. They bought and mortgaged property, and a few even married to advantage into local patrician families [5: p. 126]. English daughters joined local Beguine religious orders, at times apparently in concentrated numbers, as the name of one cloister, the *conventus Englant*, suggests [5: p. 110–111].

Religious and, by extension, educational ties existed on various levels of society. During this period members of numerous religious communities traveled from England to the Rhineland. Scottish monks were in Cologne from 963 to 1103, while Franciscan friars and Dominicans arrived from England in 1221 [5: p. 201, 231]. These orders introduced religious and administrative practices from England. Especially remarkable was the presence of Benedictine Scots, who presided for 140 years over Cologne's prestigious Groß St. Martin's church [5: p. 201]. In addition, a number of prominent religious figures and educators came to Germany, including the famous theologian/philosopher John Duns Scotus, who taught in Cologne from 1305 until his death in 1308. Students from Cologne studied at Oxford and Cambridge, while many English students attended the University of Cologne after the institution opened in 1388 [5: p. 5, 232].

A final commentary on the degree of cultural contact is the exchange of English and German currency. From ca. 1000 to 1300 AD both the Cologne *Pfennig* and English sterling were 'the most acceptable and circulated currency within the northern commercial world' [5: p. 56]. With the coins being comparable in weight and value, English sterling was used with the local currency in the Rhineland as well as in the neighboring region of Westphalia and in the Low Countries [5: p. 56].

The Hanse: 1157-1611

Following the decline of the Rhineland's economic predominance, a new commercial power emerged in northern Europe in the form of the German Hanseatic League. Similar to the Cologne merchants, the German Hanse rose to dominate regional trade via a successful commercial corridor, in this case between the Baltic and North Seas. As Lloyd [7: p. i] notes, '(t)he German Hanse was the most successful and … far-flung trade association that existed in medieval and early-modern Europe.' Led by the German city of Lübeck, the association consisted of 70-80 core member cities as well as over 100 affiliated trading partners, encompassing a broad geographic expanse from Novgorod in the Russian east to London and Bruges, Belgium in the west.

As concerns England, the Hanse's relations with the island nation extended over nearly 500 years, from ca. 1157-1611 [7: p. 375]. Unlike the case of the Rhineland, linguistic research on the Hanse era is substantial. With regard to the influence of the English language, scholars have identified a number of English borrowings from this period, such as *Boot* [boat], which is first attested in the German city of Lübeck in the second half of the thirteenth century, and *Dock*, which is documented in German in 1436 [13: p. 3317].

In summary for this first phase of contact extending over more than 900 years, although extensive interaction on a regional level in the domains of religion and trade did occur, research points overall to a minimal role for the English language in Germany during this period. Evaluating the impact of English in terms of the number of borrowings into the German language during this first phase, studies reveal that for the latter half of this timeframe, from 1200 to 1640, Germans adopted only between 13 and 31 Anglicisms into their language [2, 8, 9, 11].

Increasing contact: 1640-1900 ad

Whereas an interpersonal, regional level of contact through religion and trade characterized Anglo-German relations from the eighth to seventeenth centuries, the English Civil War (1642-48) marked a major change for Germany's relationship to England and, as a consequence, also to the English language. In the course of the next three hundred years, British innovation and achievement in the areas of politics (i.e. the English Civil War), literature (i.e. the English Enlightenment), and technology/science (i.e. the Industrial Revolution) had a great impact in Germany, therefore also paving the way for the spread of the English language to these domains of use. As a consequence, English rose in status for the first time to a level of national significance within the German context.

The Civil War in England

Political strife and civil war in England, ending with the dramatic execution of King Charles I in 1649, drew great attention from the German population. Extensive writing on the events appeared both in literature and the popular new media of pamphlets and fliers, precursors to today's newspapers, which at the time informed an unprecedented spectrum of the German public. Baroque scholars such as Andreas Gryphius (1616-64) and Philipp von Zesen (1619-89) wrote about the historic occurrences; Gryphius penned the tragedy *Ermordete Majestät oder Carolus Stuardus König von Groß Britannien [Murdered Majesty or Carolus Stuardus King of Great Britain]* in 1657, while von Zesen detailed the history of Charles II in a pamphlet in 1661 [2: p. 13]. In other instances, fliers from England were simply translated directly into German to inform the public about the sensational political developments. In communicating these details, both scholars and these early journalists found they often had to coin new terms, since German equivalents for the unique events did not already exist. As a result, English borrowings from the era reflect foremost the political nature of contact at the time: *Adresse, Akte, Bill, Debatte, dissolvieren, Haus, Haus der Gemeinen, Hochverrat, Oberhaus, Protektor, Sprecher,* and *Unterhaus* [2: p. 13].

The English Enlightenment

Interest in England continued to grow in the eighteenth century, when contact spread to the domain of literature. Given the high regard for the writings of the English Enlightenment, the intellectual movement also had a strong linguistic impact within the German context. In the course of the century, four German-speaking cities emerged as centers for literary contact: Hamburg, Leipzig, Zürich in Switzerland, and Göttingen.

Hamburg

The first literary center, Hamburg, already had a long history of ties to England via the Hanseatic League (see above). With respect to literature, the

successful and popular British moral weeklies had a substantial impact in this important river port city, inspiring numerous native counterparts. The first German example of the genre, *Der Vernünfftler*, was published in Hamburg in 1713. The author Barthold Hinrich Brockes (1680–1747) also did early translations of English literature while living in the city, including Alexander Pope's *Essay on Man* in 1740 and James Thomson's *Seasons* in 1745 [2: p. 15].

Leipzig and Zürich

Two other centers for literary contact were Leipzig and Zürich. Here the writings of the English Enlightenment received great attention. In Leipzig, the famous literary scholar and author Johann Christoph Gottsched (1700-66) and his circle focused primarily on the works of the English authors Pope and Joseph Addison. Gottsched himself translated Pope and Jonathan Swift, and thereby is credited with popularizing Anglicisms such as *Bombast, Nonsens,* and *Held* [hero] in the German language [9: p. 40]. From 1725 to 1726 Gottsched also published his own moral weekly, *Vernünftige Tadlerinnen*, modeled on the British *Tatler* [2: p. 16].

In the other major literary center of Zürich, close ties with England had existed since the Reformation. The scholars Johann Jakob Bodmer (1698-1783) and Johann Jakob Breitinger (1701-76) together with their followers focused on the writings of a number of English authors while also translating the genre of English ballads. Bodmer himself published an acclaimed translation of Milton's *Paradise Lost* in 1732, which researchers credit as the source for the Anglicisms *ätherisch* and *empyreisch* [9: p. 40]. The two scholars are also believed to have coined the term *romantisch*, which after first being documented in 1698 was 'one of the most frequently used words of English origin' in the eighteenth century [9: p. 40].

Göttingen

The fourth center for literary contact was Göttingen, which had the strongest ties to England due to a union between the ruling house in nearby Hannover and the English monarchy. In 1714, the Elector of Hannover, Georg Ludwig (1660-1727) became George I, King of England, establishing a dual sovereignty that was to extend over several generations.

During the second generation of Hannover rule in Great Britain, the King and Elector, George II, decided to establish a university in Germany, just south of Hannover. Founded in Göttingen in 1736, the Georg-August-Universität from the beginning sought to cultivate regional ties with England. As the University founder, Gerlach Adolph von Münchhausen, details in a letter from 1736, it was indeed an explicit aim '*die Herren Engländer nach Göttingen zu gewehnen ...*' ['to win the English gentlemen over to Göttingen ... '] [2: p. 16]. A number of English students registered at the university, the most prominent being the three sons of George III, whom the King sent there to study in 1786. Relations between England and the Göttingen medical school were particularly strong, and one of the University's scholars, J.D. Michaelis, published the first German translation of Samuel Richardson in 1748 [2: p. 16].

The Industrial Revolution

In the nineteenth century, contact with the English language continued to grow, gaining greater momentum once the era of politics, technology, and science began in the early 1800's. The construction of the first operable steamboat in the United States at the beginning of the century, followed by the first railroad in England in 1825, inaugurated the Industrial Age in Europe and North America. With Great Britain as one of the leading innovators, this new era saw Germany adopt numerous British inventions, as well as often their English designations. Germans translated the terms *Steamship* and *steamer* into the native equivalents of *Dampfschiff* (1816) and *Dampfer* [14: p. 503]. In the case of the word *railroad*, the term *Eisenbahn* already existed in the German language in reference to mining carts used for transporting heavy loads. In an example of semantic extension, Germans gave the existing word an additional definition for the new means of public and cargo transport. Other terms for railroad phenomena were borrowed from English, such as *Lokomotive* and *Tunnel* [14: p. 502].

During this same period, England emerged once more as an important role model for politics, this time with respect to democratic movements. Under British influence, Germans adopted words such as *Demonstration, radikal, Mob,* and *Imperialismus* [10: p. 140]. The borrowing *Streik* presents a case of long-term nativization. Originally the word appeared in 1865 with English spelling *(strike)*, then 20 years later was adapted to German orthography (*Streik*) [14: p. 513]. The Anglicism *Boykott* is an example of linguistic creativity. Germans adopted the noun from British English in 1880 and later created the verb form, *boykottieren* [14: p. 512]. Contact with English also had an impact on the already existing term for a trade union, *Gewerkschaft*, which due to British influence gained wider reception as of 1868 [14: p. 517].

By the end of the nineteenth century, the impact of English was so significant that the language began to challenge the long-standing status of French

as the code of social prestige in Germany. In turn of the century Berlin, English became fashionable for members of high society. Word borrowings at the time include *Gentleman, Snob, Dandy, Club, fair, allright, tiptop, Smoking, Toast, Pudding, Bar, Whisky,* and *Cocktail* [10: p. 141].

Intensive contact: 1945-present

The emergence of the United States as a super power following the two World Wars marked a new phase of intense contact, with American English gaining higher status within the German context. Increased contact between the United States and West Germany facilitated the transition to a predominantly American English influence. In the economic realm, the Marshall Plan to rebuild war-devastated West Germany set the trend immediately after World War II, introducing numerous American terms while at the same time opening an avenue for American advertising jargon to influence the language. The presence of US occupying troops in the defeated country further contributed to the American linguistic influence, with the later establishment of NATO ensuring a direct form of personal contact between American soldiers and West Germans for over 40 years. On another level, NATO as an institution contributed to the growing importance of American English, given the United States' dominant role in the organization and the status of English as the official language of command.

American foreign policy and technological developments had a linguistic impact as well. The Cold War with the Soviet Union, with its symbolic front along the border dividing Germany into two countries, introduced much new terminology. Until 1989, most Germans knew what a *checkpoint* was, given the notoriety of Checkpoint Charlie, the most well-known border crossing between East and West Berlin. In the 1950's, numerous policy terms were rendered into German loan translations, such as *friedliche Koexistenz* [peaceful coexistence], *Eindämmung* [containment], *Gipfelkonferenz* [summit conference], and *Raketen-Diplomatie* [missile diplomacy] [12: p. 145–146].

In recent decades, new factors have contributed to the growing role of English in Germany. As in other parts of the world, numerous American cultural items are readily available in Germany, such as English-language newspapers and magazines, popular music, cinema films, and television programs. In addition to what may be termed Americanization, a Europeanization is also occurring on the continent, given the supranational structure of the European Union and how that is fostering the use of English as a language of wider communication among European countries. Another factor is the post-Cold War phenomenon of globalization, which has facilitated greater international contact and collaboration beyond the continent. As a result of new imperatives in, for example, education and business for using English, the status of the language in Germany has been elevated further. In German university degree programs [3] and in businesses located within the country [4] English not only functions as an important foreign language, but now is also being used, in addition to German, as a language for communication.

Conclusion

This discussion has outlined the history of contact with English within the German context, dating from the eighth century when records first document the borrowing of a small number of Old English terms into Old High German. In the following centuries, the impact of English remained limited, even unexceptional, until the 1600's, when contact with English and its Inner Circle users markedly began to spread to a growing number of influential domains of use: politics, literature, industry. As the status of English continued to increase through the twentieth century, the language not only became the primary foreign code in Germany, but also took on significant new functions as an additional language, one to be used along with German, in domains such as education and business [3, 4].

In assessing the history of contact with English in the German context, a quantitative comparison perhaps best conveys the significance of the spread of English over the centuries and the magnitude of the language's impact in Germany today. As already noted, studies for the period from 1200 to 1640 AD document at most 31 Anglicisms being borrowed into German, a negligible amount at best for a timeframe of over four centuries [2, 8, 9, 11]. In contrast, research findings for the third phase of contact, specifically the second half of the twentieth century, provide evidence of thousands of terms being incorporated into German as a result of contact. The exhaustive, well-researched, three-volume *Anglizismen-Wörterbuch* or *Dictionary of Anglicisms* published from 1993-1996 [1] contains more than 100,000 examples of borrowings documented from the end of World War II until the early 1990s. Whereas up until the seventeenth century Germans had adopted only a few dozen Anglicisms into their language, by the end of the twentieth century the status and function of English was such that thousands of terms had been borrowed within the span of a mere four decades.

The rise of English from an obscure foreign code of little consequence in the Middle Ages to the primary foreign language in Germany today which also, significantly, is now being used for intranational communication in domains such as business and education, raises questions about the classification of Germany as a country of the Expanding Circle, or, alternatively, the understanding of the status of English as a foreign language, as opposed to being an additional language, within the Expanding Circle. Although English has functioned as a foreign code throughout most of German history, the role of the language has significantly changed within the last century, and there is clear evidence now of the language's use not only for international communication, but also intranational communication within the German context.

REFERENCES

1. Carstensen, B., Busse, U., & Schmude, R. Anglizismen-Wörterbuch: der Einfluss des Englischen auf den deutschen Wortschatz nach 1945. – Berlin: Walter de Gruyter. 1993–1996.

2. Ganz, P.F. Der Einfluss des Englischen auf den deutschen Wortschatz, 1640-1815. -Berlin: E. Schmidt. 1957.

3. Hilgendorf, S. K. 'Brain Gain statt [instead of] Brain Drain': the Role of English in German Education // World Englishes. 2005. Vol. 24. № 1. P. 53–67.

4. Hilgendorf, S.K. English and the Global Market: The Impact in the German Business Domain //Language and the Market. Langauge and Globalization. /H. Kelly-Holmes & G. Mautner (eds.) Np: Palgrave Macmillan. (in press).

5. Huffman, J.P. Family, commerce, and religion in London and Cologne: Anglo-German emigrants. C. 1000–1300. – Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1998.

6. Kachru, B.B. World Englishes and Applied Linguistics // World Englishes. 1990. Vol. 9. № 1. P. 3–20.

7. Lloyd, T.H. England and the German Hanse, 1157–1611: a study of their trade and commercial diplomacy. Cambridge England: Cambridge University Press. – 1991.

8. Palmer, P. M. The influence of English on the German vocabulary to 1700 – (Vol. 7.1). Berkeley: University of California Press. – 1950.

9. Palmer, P.M. The influence of English on the German vocabulary to 1800; a supplement. – Berkeley: University of California Press. – 1960.

10. Polenz, P. V., & Sperber, H. Geschichte der deutschen Sprache: erweiterte Neubearbeitung der früheren Darstellung von Hans Sperber (9., überarb. Aufl. ed. Vol. 2206). – Berlin: W. de Gruyter, 1978.

11. Stiven, A.B. Englands Einfluss auf den deutschen Wortschatz. – Zeulenroda: B. Sporn. 1936.

12. Viereck, W. The Political and Technological Impact of the United States of America in the 1950's and early 1960's as Reflected in Several European Languages // Folia Linguistica: Acta Societas Linguisticae Europaeae, 1988. Vol. 22. P. 141–152.

13. Viereck, W. Britisches Englisch und amerikanisches Englisch/Deutsch // Sprachgeschichte: ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / W. Besch (Ed.) – 2nd ed. – Berlin: de Gruyter, 1998. P. 3317–3330.

14. Wagner, K. Das 19. Jahrhundert. In F. Maurer & H. Rupp (Eds.), Deutsche Wortgeschichte (3., neubearb. Aufl. ed., pp. 493–528). – Berlin: W. de Gruyter, 1974.

15. World Bank. World Development Indicators Database. 7 October 2009.

ON INCLUDING FOREIGN COMPONENTS IN THE LANGUAGE PARADIGM: A THEMATIC PRINCIPLE OF LOAN TYPOLOGY (BASED ON THE LEXICON OF RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES OF THE LATE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES)

O.S. Borisova

Borisova, Olga Sergeevna – Candidate of Philology, Head of the East Asian Languages Department, Far Eastern State Academy of Humanities and Social Studies.

The article discusses the inclusion of a foreign component in a certain lexical semantic class. Results of the analysis allowed the researcher to define thematic attractions of the borrowed lexicon in modern Russian and Chinese and to reveal functional features of loans.

Key words: linguacultural interaction, loans, thematic classification, discourse, functional and genre distribution.

Recent decades have seen increase in studies of general theoretical and applied problems of linguacultural interactions. This was caused by a number of language reasons and interest of linguists. The intralinguistic reasons are connected with qualitative changes in the ethnic world views reflected in natural languages at the present stage of their development. A great interest of linguists in researching this field results from an insufficiency of studies of some aspects of cultural and linguistic contacts and of language "reorganization" at this or that level.

Mobility and dynamism of the lexical system gives special importance to the questions of evolution which require detailed studying and serious research work. Evolutionary transformations at the lexical level, first of all, can be observed in occurrence of a great number of foreign elements as means of external naming a foreign culture and life.

Loanwords as a linguistic phenomenon have been described in detail today, based on a considerable quantity of linguistic facts. However, the analysis of the current state of research conducted in this direction raises a number of questions that might be of great interest. These are the questions of typological description of foreign elements in systems of languages with different structures. Researchers have shown that borrowing lexical items is specific in different languages. This makes us suggest that factors and mechanisms of borrowing are determined by macro- and micro- changes resulting from the development of a particular society and potentials of a particular linguistic system.

A typological description of thematic domains of newest loans deserves special attention, as lexicon reflects reality more than any other area of language does, and a full analysis of language material cannot be done without studying relations between real objects and phenomena.

Specificity of "embedding" a loan word in a certain lexical semantic class is less studied; that is why it is an open question. We can approach this problem by distributing borrowed units to lexical semantic groups or by applying the method of thematic organization of the borrowed material under study. A lexical semantic classification is quite close to a thematic one, as they are both based on a certain theme: lexical semantic groups of words are included into thematic categories. Despite the obvious similarity lexical semantic and thematic classifications differ from each other. This distinction is due to the fact that lexical semantic groups of words relate to the development of word semantics in the language, while thematic groups characterize the speakers' cognitive level (what is known and reflected in language, and what is not known yet). In other words, distribution of loanwords to lexical semantic groups allows linguists to reveal linguistic laws while thematic classification makes it possible to mark those referential zones that have become most permeable for foreign words [12: 60-61]. Thus, the thematic principle of the organization of the material is more indicative for the typological description of a borrowed lexicon. Firstly, classifying the material into lexical groups makes it possible to unite loan words on the basis of natural objects and phenomena, and to reveal those domains of language community which are open for foreign injections. Secondly, it allows us to trace the dependence of loanword usage frequency on this or that thematic area. It is also necessary to notice that the specifics of Chinese wordbuilding makes distinctions between lexical semantic and thematic classes of words weaker.

Before describing and interpreting the loan distribution to lexical groups, it is necessary to pay attention to the technique of selection and the analysis of empirical material. The borrowed lexicon was selected by method of continuous sampling from Russian and Chinese dictionaries of foreign words: «Let's Speak Correctly: the newest and the most

widespread loans in Russian", "Dictionary of Foreign Terms", "Explanatory Dictionary of Foreign Terms", "Dictionary of the Chinese Neologisms of the 21st Century", "Directory of Dialect Distinctions of Using Neologisms (based on Hong Kong and Taiwan dialect and national language Putonghua)", "Dictionary of Foreign Words of the Chinese Language", "Etymological Dictionary of New Words of the Chinese Language of the New and Newest Time", "New Russian-Chinese Thematic Directory» [3, 6, 7, 13–17]; popular Russian and Chinese youth magazines *Dobrye Sovety,*, *Liza, Glamour*, *Cosmopolitan*", *Jessica*, "爱人" ("Beloved"), "都市丽人" ("Capital beauty"), "女刊瘦美人" (female magazine "Beauty"); Internet resources: electronic dictionaries ("Wiki-dictionary", electronic "Dictionary of foreign words"), texts located on Russian and Chinese sites, and e-speech of visitors to various forums.

The choice of the listed sources of the material is not casual. It was determined by the necessity to reveal the most actively developing groups of borrowed lexicon, which most completely reflect the changes occurring in life of society, and also to find out the groups of foreign neologisms that were not fixed in dictionaries but have been widely adopted recently. The world information network and modern magazines are reliable sources of the new language phenomena, and the young native speakers are the most active promoters of loanwords. Speaking about loans of recent decades, it is worth noticing that the main donor for the Russian as well as for Chinese languages is American English [1: 13; 2: 108, 116; 10: 104; 11: 49].

Dictionaries and electronic sources gave us about 30 000 words borrowed by the Russian and Chinese languages. Of these only some 600 words and word-combinations were selected for our research. The basic criteria for selection were: time of borrowing (late 20th – early 21st century); functional restrictions (usage in various domains of community speech); frequency and spread (frequency of word use in speech of native speakers and in written sources). The structure of lexical units (a word / a phrase) was not taken into consideration, as we interpreted the concepts they express but not the type of form.

To calculate the frequency of word usage, the following methods were used:

1) the number of references to the selected foreign words in the Interenet searching systems;

2) the selection of the most frequently used loanwords in media texts.

Let me explain each method in more details. 422 words borrowed by Russian and 158 words borrowed by the Chinese language were subjected to quantitative processing. Each selected loanword was entered into a search system in order to receive sample of references to texts where it occurred. The number of references was fixed and frequency of word uses was compared. It is worth noticing that in some cases calculation of frequency of word's occurrence was impeded by different quantity of references to a required word in search systems of the Internet network. The reason for this lies in the existence of several written variants of the same loanword in Russian. There are no regular spelling rules, for many words have just appeared in the language. Until a foreign word is completely assimilated in Russian, Russian speakers write it differently. Because of the usage variability, we did not give preference to any of the variants; thus, all references comprising several spelling forms of the same lexical unit were considered.

It should be mentioned that the rates of loanword adaptation in the Russian and Chinese languages do not coincide. In contrast to Russian, borrowings to the Chinese language occur less intensively, since this language is more cautious about foreign lexicon. This can be explained by intra-structural features of the Chinese language and also by the culture and psychology of its native speakers [8: 33].

Besides, the borrowed lexicon is differently transferred to the language systems under study. The Russian language of the recent decades has borrowed mostly phonetic loans [9: 126], whereas the Chinese language borrows foreign words in the form of calques (or translation loans) and semi-calques. This can be accounted for mainly by the fact that, unlike the Russian language based on the phonographic written speech, Chinese is a syllabic language with hieroglyphic writing, with characters representing semantically significant syllables rather than direct sound forms of words. Features of the Chinese phonetic structure make sound reproduction of foreign words more difficult and the internal form of phonetic loanwords is not clear for native Chinese speakers, bringing in inadequate associations, which makes the loanword intelligibility and comprehensibility complicated [4: 59; 11: 54].

As it was said above, thematic classification implies allocating loanwords to certain thematic domains. Thematic areas in this case are not defined in advance, their formation and identification occurs in analyzing the material. Our analysis has shown that in the Chinese language the great bulk of the borrowed lexicon is made by the words belonging to scientific and technical domain, which results from its intensive development, and the words belonging to everyday life. Loans used in science and technology are terms. Recent decades have brought a great

number of computer terms to the Chinese language, for example: 键盘 *jiànpán* – the keyboard (a button, a key + a plate, a dish; from English *keyboard*), 多媒体 *duōméit ǐ* "multimedia" (from English *multi+media*), 服务器 *fúwùqì* "a server" (to serve + a device, a mechanism, a tool; from English *server*), and so on.

As for foreign words naming daily objects, they are rather various. These are names of a foodstuff: 巧克力派 *qiǎokèlì pái* (known in the Russian market as chocolate cakes "Chocopie"), 可口可乐 *kěkǒukělè* – Coca-Cola, 纷达 *fēndà* – Fanta, 热狗 *règǒu* – hot dog; names of restaurants / fast food cafe: 必胜客 *Bìshèngkè* – the largest chain of pizzerias «Pizza Huts» (Pizza Hut), 麦当劳 *Màidāngláo* – the largest American chain of fast food restaurants "McDonalds" (Engl. McDonalds – a surname of founders), 肯德基 *Kěndéjī* – the American chain of fast food restaurants «KFC» (Engl. Kentucky Fried Chicken – fried chickens from Kentucky); names of vehicles: 奥迪 *àodí* – Audi, 奔驰 *bēnchí* – Benz, 福特 *fútè* – Ford; clothes: T - 恤 *T-xù* – T-shirt (from English *T-shirt*), 夹克 *jiākè* – a jacket (from Engl. *jacket*), 棒球运动帽 *bàngqiú yùndòng mào* – a baseball cap (from Engl. base-ball: baseball + sports + a cap), 比基尼 *bǐjīní* – bikini (from French *bikini*); names of brands, magazines, for example: ADIDAS – 阿地达斯 *ādìbdàsī* , LOREAL – 欧莱雅 *ōuláiy* ǎ, SONY – 索尼 *suǒní* , NOKIA – 诺基亚 *nuòjīyà*, MOTOROLA – 摩托罗拉 *mótuōluólā*, PHILIPS – 飞利浦 *fēilìp ǔ*, OLEY – 奥兰油 *aōlányóu*, ELLE – 伊丽 *yīlì*, AVON - 雅芳 *yǎfāng*, SIEMENZ – 西门子 *xīménz ǐ*, VICHY – 薇姿 *wēizī*, names of Internet sites, reference books, search systems: Wikipedia – 维基百科 *wéijībǎikè*, Yahoo – 雅虎 *yǎh ǔ* and many others.

Loans in the field of economy and a policy are represented by terms: 选民 *xuǎnmín* – electorate (to choose + the people; Engl. *electorate* from Latin *elector,*- the voter), 公修尔 – the consul (from Engl. consul), 监测 *jiāncè* – monitoring (supervision, monitoring; from Engl. *monitoring*), 清算 *qīngsuàn* – clearing (clear + to consider; Engl. *clearing* from *clear*); names of monetary units: 卢布 *lúbù* – ruble (from Rus.), 马克 *mǎkè* – mark (from Ger. *die Marke*), 法郎 *fǎláng* – franc (from Fr. *franc*); names of the organizations: 尤科斯 *yóukēsī* – YUKOS (from Rus.), 联合国 *liánhé guó* – the United Nations (to connect, unite + the state; from Engl.), the WTO – 世界贸易组织 *shìjiè màoyì zǔzhī* (the world + trade + the organization; from Engl.).

The overwhelming majority of loans in the domains of sports, culture and show business refer to sound recordings. These are names of musical directions, dances, kinds of sports, for example: 爵士 *juéshì* – a jazz (from Engl.), 嘻哈 *xīhā* – hip-hop (from Engl.), 迪斯科 – a disco (from Engl.), 保龄球 *bǎolíngqiú* – bowling (from Engl. *bowling* + a classifying component 球 – *a ball*), 乒乓球 *pīngpāngqiú* – Ping-Pong (from Engl. ping-pong), etc.

One of the distinctive features of the investigated period is intensive development of economic, scientific and technological connections between the Russian Federation and other countries. Hence, the big percentage of foreign words in Russian in the following thematic domains: science and technology (in particular, in computer science); economics and finance (including trade and advertisement); culture and show business; sports; everyday life; politics, a state system, and law.

In recent decades the influence of English terminology on financial and economic domains has especially increased: *аутсорсинг* (*outsourcing)*, *бенчмаркинг (benchmarking)*, *велфер (welfare)*, *дистрибьютор (distributor), клиринг (clearing)*, *логистика (logistics), мерчандайзинг (merchandising)*, *оффшорный (offshore)*, *промоутер (promoter)*, *секвестрирование (sequestering)*, *тендер (tender)*, *франчайзинг (franchising)* and many others.

The sphere of computer science and computer equipment also knows a wide circulation of English terms (especially in the field of the software), for example: *апгрейд* (*upgrade*), *браузер (browser), декремент (decrement), интерфейс (interface), логин (login), плагин (plug-in), трафик (traffic), файл* (*file)* and so on. This is due to the development of computer equipment and computer science. In the past twenty years the leadership in this sphere is known to have belonged to American companies which control a great part of the world market. Simultaneously with computers and the Internet, there appeared a computer slang, which became an ex-

tremely active subsystem of the Russian language in this period: *апгрейдить (to upgrade), блогер (blogger), нуб (noob), оффтоп (offtop), серч (search), хелпарь (helper), чатиться (to chat)* and others.

Today's loans are characterized by a great number of the words related to culture and show business. The change of cultural benchmarks in the Russian society, formation of mass culture and youth subculture, erosion of culture borderlines (today culture includes daily life, entertainment, mass media and others), growth of the Russian show business have immediately been reflected by the language. Modern culture and show business are focused on the West; that is why the percentage of foreign terms in the language is large. In the overwhelming majority these are words of the American origin, typical of American mass culture rather than a literary language: *бестселлер (bestseller), блокбастер (blockbuster), диджей (DJ), микшировать (to mix), поп-музыка (pop-music), рок-клуб (rock club), саунд-трек (sound-track), сингл (single), сейшн (session), эм си (MC), show (шоу).*

Foreign innovations in the field of sports are a highlight of the period under consideration. The majority of them are names of new kinds of sports, for example: *армрестлинг* (*armwrestling), виндсерфин*г *(windsurfing), дайвинг (diving), кайтсерфинг (kitesurfing), робджампинг (rob jumping), стритрейсинг (streetracing)* and many others.

The considerable number of the total loans is made up by political, legal, and government terms: *импичмент* (*impeachment)*, *президент (president)*, *референдум (referendum)*, *спикер (speaker)*, *электорат (electorate),* and others. Along with the politicization of the Russian society, certain lexical groups are politicized. Words, which initially did not belong to the sphere of policy, penetrate a political discourse, for example, *раунд (a round*) (in the meaning of "a stage, a phase of negotiations, a meeting of delegations").

As many societal spheres are interconnected, foreign words actively get into daily discourse. The following lexical groups are supplemented by new words:

1) meals and drinks – *гамбургер (hamburger)*, *слайсы (slices)*, *снек (snack)*, *кока-кола (Coca-Cola)*, *поп-корн (pop corn)*, *чизбургер (cheeseburger)*, *энерготоник (tonic)*;

2) objects of daily life, decorations, and toys – *джакузи (jacuzzi)*, *типсы (tips)*, *трансформер* (*transformer)*;

3) clothes: *боди* (*body)*, *капри (capri pants)*, *свингер (swinger)*, *топ (top)*, *френч (<French,* a service jacket*)*.

It should be marked that a range of loans is much more wider in youth slang. Language of this social group forms a specific speech subsystem with its own means of expression. Modern pop culture, influenced intensively by the West, determines the main feature of youth language – an abundance of foreign words, mainly of American English origin.

It is necessary to observe that borders between groups are blurred. Some words can be referred to several thematic areas, for example, *пиар (PR)* can be related to the political group and to the group of culture and arts.

The comparative analysis has revealed that there is a trend toward lexical internationalization in the interaction of wordbuilding and word borrowing. In other words, the Chinese thematic word groups actively form parallel to similar Russian lexical groups. The difference consists only in the number of loans in each lexical group: in the Chinese language loans in the domain of economics and sports are presented in smaller volume, whereas loans in the field of everyday life are more numerous. The number of scientific and technological terms, as well as words from the sphere of culture and show business in both languages is approximately the same. The percentage of each lexical group of loanwords in the Russian and Chinese languages is shown in the following table.

Thematic groups of words		Russian		Chinese	
		Total number of words in group	Percent of loans in the total sum of selected words (422)	Total number of words in group	Percent of loans in the total sum of selected words (158)
1	Science and technology	110	25	59	37.34
2	Economics and finance	76	18	13	8.23
3	Politics	33	7.82	4	8.23
4	Culture and show business	70	16.6	20	13
5	Sports	67	15.9	11	7
6	Everyday life	66	15.64	51	32.3

Thematic classification of loan words makes it possible to reveal their functional features. Speaking about functional and genre distribution of loan words in Russian and Chinese languages, we would like to point out that loanwords predominate in modern mass media and a global telecommunication network. It can be explained by the fact that TV, radio, press and the Internet make up the mass communication space that unites various language subsystems. Besides, it is necessary to emphasize the penetration of foreign words (Americanisms) in different varieties of public language – a literary language (written and oral speech) and the substandard (slang and jargons). These phenomena are related to, first of all, a change of social and psychological mind of native speakers – a kind of fad of American terms in various spheres of life, which, in turn, made it urgent to discuss their use restrictions [5].

REFERENCES

1.*Баделина, М.В.* Иностранные слова сегодня / М.В. Баделина // Альманах современной науки и образования: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. В 2 ч. Ч. 1. Тамбов: Грамота, 2008. – № 8 (15). – С. 13–15.

2. *Валгина, Н.С.* Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студентов вузов / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 304 с.

3. *Ваулина, Е.Ю.* Давайте говорить правильно: новейшие и наиболее распространенные заимствования в русском языке / Е.Ю. Ваулина, Г.Н. Скляревская. – СПб.: Academia, Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 224 с.

4. *Иванов, В.В.* Терминология и заимствования в современном китайском языке / В.В. Иванов. – М.: Наука, 1973. – 171 с.

5.*Изюмская, С.С.* Вечный вопрос о мере использования иноязычных слов в русском языке / С.С. Изюмская // Русская словесность. – 2000. – № 4. – С. 9–12.

6. *Комлев, Н.Г.* Словарь иностранных слов: более 4,5 тыс. слов и выражений / Н.Г. Комлев. – М.: Эксмо, 2008. – 672 с.

7. *Крысин, Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М. : Эксмо, 2006. – 944 с.

8. *Ли, Сяндун.* Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков / Ли Сяндун // Вопросы филологии. – М., 2003 – № 2. – С. 30–34.

9. *Мусорин, А.Ю.* О характеристике лексической специфики при описании языка : материалы третьей научной конференции / А.Ю. Мусорин. – Новосибирск, 2002. – С. 126–129.

10. *Мяо, Юянь.* Новые заимствования в русском и китайском языках / Мяо Юянь, Ян Хайюнь // Китайское языкознание: Изолирующие языки: материалы X международной конф. / Москва, 20–21 июня 2000 г. ; РАН. Ин-т языкознания; В.М. Солнцев (отв.ред.) [и др.] – М., 2002. – С. 102– 107.

11. *Семенас, А.Л.* Особенности лексических заимствований в китайском языке / А.Л. Семенас // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 48–57.

12. *Тарланов, З.К.* Методы и принципы лингвистического анализа: учеб. gocобие для студентов университетов и педагогических институтов / З.К. Тарланов. – Петрозаводск: Петрозаводский ун-т, 1995. – 189 с.

13. 21 世纪华语新词语词典 / 邹嘉彦，游汝杰编著。– 山海：复旦大学出版社，2007. – 469 页

14. 港台用语与普通话新词手册。– 上海：上海辞书出版社， 2000. – 4679 页

15. 汉语外来语词典 。– 北京：北京商务印书馆, 1990. – 978 页

16. 近现代汉语新词词源词典 。– 香港: 汉语大词典出版社, 2001. – 426 页

17. 新编汉俄分类词汇手册 – 2 版（修订版）。– 北京：外语教学与研究出版社，1996. – 1233 页

ETYMOLOGICAL ANALYSIS OF NON-EQUIVALENT LEXICAL UNITS NAMING CULTURE-LOADED ITEMS OF THE NORTH AND WAYS OF THEIR TRANSLATION INTO THE ENGLISH LANGUAGE (BASED ON THE NAMES OF OUTER GARMENT AND TANNED HIDES)

R.I. Salimova

Salimova, Rena Ikramovna – Senior Instructor, Department of Social Management and Humanitarian Sciences, Magadan Institute of Economics, Saint- Petersburg Academy of Management and Economics.

This article considers non-equivalent lexical units borrowed by the English language from the languages of the Northern people. The author presents ways of translation of the lexical units denoting elements of outer garment and tanned hides. The author provides etymological analysis of non-equivalent lexics naming culture-loaded items of the Northern people. The words have been collected from various ethnographical and lexicographical sources and fiction.

Key words: non-equivalent lexical units, borrowings, kukhlianka, kukashka, parka, kamleia kamleika, khonba, ukenchit, gagaglya, malakhai, torbassa, unti, chizhi.

STYLE DISTINCTION OF RUSSIAN-POLISH INTERONYMS

G. A. Khrestolyubova

Khrestolyubova, Galina Aleksandrovna – Senior Instructor of Chair of Russian Stylistics and Journalism, N. F. Katanov Khakass State University, Deputy Dean, Institute of Philology, Post-graduate Student of N. F. Katanov KhSU.

The paper deals with one of the important problems of intercultural communications – interlanguage homonymy, or interonymy, in Russian and Polish languages. Analyzing style meaning of Russian-Polish interonyms, the author classifies the language units according to similarity and distinction of their stylistic meaning.

Key words: interference, interonyms, style meaning, lexicostylistical errors.

As it is known, U. Weinreich's work «Languages in Contact» has begun extensive studies of the phenomena connected with language mixing, i.e. transference or interference. At the present stage of studying deviation nature, scientists point out language and speech interference, interference between languages and in one language, general and individual interference. Interlanguage homonymy or interonymy is considered as one of the types of transference occurring between languages. This term is suggested by professor A.T.Lipatov to designate words from different languages, similar or identical in phonetic plan, but various in semantic meaning and, moreover, in stylistic colouring.

The conceptual essence of interonyms (in particular Russian-Polish ones) is found in works of such researchers as A.T. Lipatov, E.A. Kosykh, G.I. Klimovskaya. Considering the peculiarities of intercultural communication, scholars notice that not only separate lexemes but also lexical rows which can form interonymycal fields are characterized by interonymy. In this paper, the phenomenon of interonymy will be studied only at the lexical level, to be more precise on the lexicostylistic level as it is the style value of interonyms that is the object of this research. This research is aimed to create a stylistic classification which can help to prevent not only lexical, but also lexicostylistic errors in studying the Polish language by Russians.

Dictionary sources (the Russian-Russian Dictionary by S.I. Ozhegov and Rosyjsko-Polski Słownik Homonimow Miedzyjezykowych copyright by Krzysztof Kusak) served as research material for the work.

Under style value, after L.G. Barlas, we understand «such a property of a word that is connected with spheres typical for its use and primarily characterizes speech and participants in a dialogue» [1]. According to their style, language units can be subdivided into three basic categories – bookish, neutral and colloquial. We differentiate Russian-Polish interonyms, taking into account coincidence or discrepancy of their style value. Based on this differentiation, we single out two groups of interonyms: identical in style value and non-identical in style value. The latter can be subdivided into three subgroups. The subgroups are classified due to diversification of the functional stylistic paradigm that is fixed in dictionary **entries** marking stylistic labels**,** which enables us to allocate subtypes depending on the style value range:

1) the style range of interonyms coincides;

2) the style range of Russian lexemes is wider in comparison with the Polish ones;

3) The style range of Polish lexemes is wider in comparison with their Russian counterparts.

1. Interonyms coinciding in style value

This group includes interonyms that have identical style meaning in Russian and Polish languages. For example: *Smutny* (Pol.) – sad, sorrowful: *Smutne spojrzenie (sad look*). *Смутный* (Rus.) – not clear, vague: *Смутные очертания*. Both lexemes are characterized by a stylistically neutral colouring, with emotional and expressive shades not expressed in either cases. Or *wyrzyga* – vomiting: *On to zraz wyrzyga* and *выжига* (Rus.) – a cheat, rascal, stingy person: *Хозяин наш выжига и злодей*. These examples are characterized by stylistically pejorative meanings (slang) and emotional and expressive colourings.

2. Interonyms not coinciding in style value

This group consists of three subgroups differentiated by the quantity indicator.

a) **The style range of Russian lexemes is wider in comparison with Polish units**. For example, *лихой* (Rus.) – 1) bringing trouble (stylistically marked as *informal*, *outdated*): *Лихая година.* 2) dashing, daring (*neutral*): *Лихая атака.* and *liche* (Pol.) – poor, shabby (*neutral*): *Liche zdrowie.* Or *выстроить* (Rus.) – 1) to erect, construct or 2) drawing up (in both cases of neutral style): *выстроить дом* или *выстроить батальон – to build*

the house or to draw up a battalion; 3) to command/ contol someone for the purpose of submission (*informal*): *выстроить домашних – to boss the household around* and *wystroić* – to posh oneself up, to rag out (*informal, slangish*) *Wystroić sie jak na bal.*

b) **The style spectrum of Polish lexemes is wider in comparison with Russian units**. For example, *зараз* – at once, at one time, at a go (*informal*): *Съесть все зараз* and *zaraz* – 1) now (*neutral*): *Zaraz napisze*, 2) at once (*neutral*): *Wejdzesz zaraz po nim*, 3) nearby (*informal*): *zaraz za rogiem*. Or *баллон,* a spherical vessel for a special purpose (*neutral*): *кислородный баллон* and *balon* – 1) a sphere, a ball (*neutral*): *karnawałowe balony*; 2) to make a scarecrow of someone (*informal, slang*): *Robic z kogos balona*.

c) **The style spectrum coincides only in a quantitative sense.**

For example, *дружка* – a master of ceremonies at a wedding party (*informal*): *Николай у нас дружка* and *dróżka* – a path, a footpath (*neutral*) *Dróżki lesne*. Or *баня* – 1) a bathhouse, special building or establishment, where people wash and take a steam bath (*neutral*): *Пойти в городскую баню*; 2) strongly abusing someone (*informal*): *Задать кому-либо баню*; 3) ruthless bloodshed (*formal*): *кровавая баня* and *bania* – 1) a large spherical subject, a dome (*neutral*): *Banie cerkwi*; 2) a pumpkin (*informal*): *Bania marynowana*; 3) to be in a drunken state (*slang*): *By ć na bani*.

The studied language material allows to draw a conclusion that interonyms which are identical in style in the Russian and Polish languages are few in number (about 17 %), while the second group of interonyms, different in their style value, essentially surpasses the first one, which can be accounted for by a variety of subgroups that are almost equal in number (28 %, 29.5 %, 26.5 %). Coincidence of style value of Russian-Polish interonyms in informal style is most frequent. It can be explained by the general Slavic roots of many lexemes whose affinity is found out in informal conversations.

This allows us to draw a conclusion that while studying the Polish language Russians should take into consideration style specificity of interonyms, which can help speakers to avoid a number of speech errors.

REFERENCES

1. *Барлас, Л.Г.* Русский язык. Стилистика / Л.Г. Барлас. – М. : Просвещение, 2004. – 95 с.

2. *Косых, Е.А.* О русских и польских лексических единицах / Е.А. Косых // Методика преподавания славянских языков как иностранных с использованием технологии диалога культур: материалы II международной конференции. – Вып. 3. – Томск : ТГУ, 2007. – С. 26–29.

3. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : АЗЪ Ltd, 1992. – 960 с.

4. *Kusak, K.* Rosyjsko-polski słownik homonimow miedzyjezykowych / K. Kusak. – Wrosław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrosławskiego, 2002. – s. 190.

LANGUAGE CONTACTS IN THE ADVERTISING DISCOURSE

I.P. Ustinova

Ustinova, Irina Pavlovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Doctor of Philosophy in Linguistics, Associate Professor, Department of English Language, Southeast Missouri State University (Cape Girardeau, USA).

The article focuses on the commercial advertising genres in Russia. Advertising discourse has its own salient and specific features, one of them being the influence of English and language mixing as the main source of linguistic creativity. In the commercials, where 80 % of all genres employ the mix, the presence of English is a dominant feature. The impact of English can be also seen in the fact that some Russian TV commercials make use of the same plots, scenes and characters of their Western analogs. Abundance of English usage in the commercials can be explained by social and functional reasons as English serves a marker of novelty, modernization, and high quality products.

Key words: advertising discourse, commercial advertising, code- mixing, comparison, demonstration, language contact, testimony.

Commercial advertising can be defined as the promotion of brands, goods or services for sale in a competitive situation with the intent to make a profit through impersonal media (Cook, 1992: 14; Wells et al, 1998:16; Ehrenberg, 1998:67). Among many media forms: print, radio, TV, Internet, wall, outdoor advertising, I restrict my attention primarily to the language of television advertising. Commercial advertising is a rapidly developing industry in Russia, with the biggest increase in expenditures, as large as 63 % into TV commercials (Itogi, 2002). What also makes the study of TV commercials in Russia extremely fascinating is the fact that television advertising is among the new population of genres of the Russian media, produced in the two recent decades due to substantial social, economical and ideological changes. One of the major advantages of television advertising is its wide reach. In Russia, the largest country in the world, TV is accessible to a vast audience of potential consumers, even to those who are not reached by print media. Television advertising seems to be very influential, because television itself is considered to be a primary facet of culture, the source of news, education and entertainment (Wells et al., 1998:377-378). TV is a unique and dynamic advertising medium that offers stimulation to two senses, sight and sound, as well as a "wide range of voice qualities, spoken variations, dialogues, and question-answer interactive options" (Bhatia, 2000:194). Certain types of audiovisual effects are more easily achieved in TV commercials, as the combination of written text, nonlinguistic sounds and images offers the demonstration that overcomes the boredom of talking about something that one cannot see, and the difficulty of imagining something that one cannot envision (Jugenheimer, 1996:109).

The fact that TV advertising occurs in real time and employs both the auditory and the visual communication channels simultaneously has a dual effect on the audience. On one hand, the interaction of sight, sound, motion, drama and color ensures great impact on consumers, making the products look even more exciting and important then they really are. On the other hand, the cognitive message of TV advertisement can be sometimes complex and difficult to decipher, thus placing a large perceptual burden on consumers. The verbal message can interfere with the nonverbal interface as a result of the information-sharing process. Verbal messages in their turn, can be produced in spoken, song and written forms; in some occasions, these forms may overlap and contradict each other (Dyer 1982:57; Geis 1982:3; Bhatia, 2000:173).

Two main functions are usually ascribed to effective commercials and advertisements: informational, making people aware of the product, and persuasive or influential, trying to challenge, seize the audiences' attention and create a desire for the product. The informational role is subordinated to persuasion that involves guiding people toward the adoption of some behavior, belief or attitude (Tanaka, 1985: 36; Vestergaard & Schroder, 1985:1; Bell, 1991:135; Ehrenberg, 1998:67). Since advertising aims at creating long-term goodwill with the public rather than immediate increase in sales, it has a role to play in all three stages of a consumer's behavior: *Awareness-Trial- Reinforcement*, but the main emphasis is to reinforce a feeling of satisfaction with brands already being used (Ehrenberg, 1998: 63-79).

The persuasive role of ads is very close to educational, social and ideological functions: advertising educates and informs the public about products, services and institutions in a persuasive manner, and

it boosts "the value of commodity brand names by attaching them to images that possess social and cultural value" (Goldman& Papson, 1996:2). Thus, advertising represents popular culture: "At its worst, advertising mirrors the lowest depths of what we term our culture. At its median, advertising brings us kitsch culture. At the highest mark, advertising represents the wealth of our popular culture" (Jugenheimer, 1996 :105). Ads are not mere mirrors, just reflecting culture and not creating it, though almost everyone holds the misguided belief that ads do not affect them (Kilbourne, 1996: 27). Advertising advances, perpetuates and reinforces certain ideas and values, ignoring others: "half-consciously, even cynically we let commercials modify our behavior and construct our identity as they teach as how to act and how to dress, what to eat and what to drive" (Cross, 1996: 11-12). Therefore, advertising not only stimulates the economic growth, but creates social realities by setting societal norms and prescribing social behavior (Wells, 1994:84).

To reach the goals of attracting customers successfully, ads must be enjoyable, involving, well-linked to the brand, and be easily understood (Hollis, 1996: 252). It is the language of advertising that has a very important task and a great impact on the audience, as it helps people to identify the product, to remember it and develop a preference, and even to change their opinions. Since the language of advertising is designed to persuade, manipulate, even deceive the consumers about the values of products, it is usually creative and innovative. One of the means of language creativity is the use of bilingual or multilingual text in TV commercials.

Four hundred (400) commercials are included in the study's sample. These commercials were broadcast by seven TV channels in Russia. Three of them are the major all-Russian networks: ORT (OPT), RTR (PTP) and NTV (HTB). The strategy of TV commercials is predominantly a 'think and act, both global and local at the same time' approach (Bhatia, 2000); it is not by chance that 325 or 80 % out of 400 commercials from my data integrate two or more linguistic systems. The overall majority of these 325 samples are in mixed Russian and English; but 20 samples employ code- mixing of Russian and other languages: French (6 samples), Italian (4 samples), German (2 samples), Spanish (2 samples), Finnish (2), Chinese (1), Georgian (1), and languages of indigenous peoples on the territory of the former Soviet Union (2). Two samples contain the mix of English- Russian and French.

Advertising messages present a combination of literary genres. Most often these genres have the form of a lecture where some facts are presented; and drama, where a story is built around characters in some situation. While a lecture is explicit and gets right to the point, drama is indirect, relying on the viewer who is getting involved in the story development. In addition to these basic genres some researchers subdivide them into smaller formats, such as demonstration, comparison, testimony, etc. (Jewler & Drewniany, 2001). According to the analysis of my data, the content of the TV ads on Russian TV are realized in the following formats:

I. Lecture

1. Autobiography
2. Narrative

a) Announcement
b) Demonstration and/or Explanation
c) Comparison
d) Interview

II. Drama

a) Mini-drama
b) Vignette
c) Sequel

In all these types and formats of genres, language mixing of Russian and English is employed, as will be illustrated below.

Autobiography is a type of a message, in which a person speaks on behalf of the product, building its credibility and thus influencing the audience. Different characters can act in the autobiography: a made-up hero, who is a typical user of the product, a celebrity whom people know and admire, or an authority in the field. In some ads on Russian TV the spokesperson is a Russian singer, producer, or actor known to the public, who promotes Russian and non-Russian goods. In other ads the spokesperson is an authority from the West, whose name and job occupation is given in the commercial: thus, a top model promotes make-up, a physician promotes over-the-counter drug products, etc.

Consider the testimony of the renowned Russian gymnast Alina Kabaeva about the music center ***Samsung Digital.***

Table 1

TV Commercial for *Samsung Digital*

Scene	Verbal Information Message		Visual or/and Music information
	Russian or mix	English translation or English text	
1			*Sounds of rhythmic music* The gymnast Alina Kabaeva, listens to music with headphones on.
2 VA	**Музыка Samsung**	Music *Samsung*	She walks in a street, moves beautifully, starts dancing and all passers-by pay attention to her
3 WT	———	Samsung digital	Close-up of music center Samsung
4 VA	**Хорошо там, где мы есть**	**Life is good where we are**	
		Samsung digital all **Everyone's invited**	Display of the closing line

Nnouncement is a short story about the product without details of its properties or components. The commercial for the tea *Lipton* lasts for five seconds only, and the text with the brand name in English serves as a slogan.

Липтон – знак успеха !

Lipton – a sign of success!

Demonstration and/or Explanation usually show what a particular product can do better, than similar products of a different brand. In contrast to announcements, demonstrations are rather long and can last from thirty seconds to two minutes. Demonstrations often use 'product-in–use' format, and 'before-and-after' format. Consider the ad for the laundry detergent *Vanish*, where both these formats are employed**.**

Table 2

TV Commercial for Laundry Detergent *Vanish*

Scene	Verbal Information Message		Visual or/and Music Information
	Russian or mix	English translation	
1 VCh	**Надо же, пятно! Неужели Нужно использовать отбеливатель? Но хлор может испортить ткань…**	Oops, a spot! Do I have to use a bleach? But chlorine can damage the cloth…	A woman is looking at her clothing and linen after a wash. She seems upset with the results
2 VA	**Не рискуй. Замени на *Vanish!* В отличии от обычных отбеливателей *Vanish* не содержит хлор**	Don't risk it. Switch to *Vanish!* In contrast to other bleaches Vanish does not contain chlorine	A display of *Vanish* in use
3 VCh	**При стирке белье остается белым, а цветное- ярким**	After a wash the white clothing remains white and the colored clothing -bright	A woman looks satisfied with the results
4 WT	**Удаляет пятна на цветном и белом**	***Vanish In wash stain remover***	Display of *Vanish*

Comparison of two generic products of different brands is often used 'Side-by-side'. Consider the comparison of the advertised deodorant *Fa Freshness* and what is called an 'ordinary' deodorant**.**

Table 3

TV Commercial for Deodorant *Fa Freshness*

Line	Verbal Information Message		Visual or/and Music information
	Russian or mix	English translation	
1 VA	**Новый *Fa Freshness Control* Первый дезодорант с механизмом саморегуляции**	New deo *Fa Freshness Control* is the first deo with self-regulation mechanism	A beautiful young woman is using the deodorant *Fa Freshness*
2 VA	**Действие обычных Антиперспирантов со временем ослабевает У Антиперспиранта *Fa Freshness* реагирует на температуру тела как на солнце**	The impact of ordinary anti-perspirants decrease with time, but anti-perspirant *Fa Freshness* reacts to body temperature as flowers react to the sun	Two flower buds appear. In a moment, one of the flowers blossoms, the other vanishes.
3 VA	**Ваша кожа сухая весь день**	Your skin is dry all day long	A younger woman is in a crowded bus, but the men look at her with admiration
4 VA	**Бесконечная свежесть от *Schwarzkoph***	An unlimited freshness from *Schwarzkoph*	A display of *Schwarzkoph* products

Interview is a dialog between the Interviewer, who represents the product, and the consumers, who "test" the products and say nice things about them.

Table 4

TV Commercial for Oil *Zlato*

Scene	Verbal Information Message		Visual and Music information
	Russian	English	
1 VCh1	**- Почему вы употребляете Масло Злато?**	Why are you using Zlato oil?	A young healthy-looking woman in the store
2 VCh2	- **Масло Злато очищенное и я забочусь о своем здоровье**	Zlato oil is purified and I take care of my health	Display of Oil Zlato

Drama presents a "slice of life" (Geis, 131), in which typical characters engage in every-day activities in a naturalistic setting. The audience 'eavesdrops' on the conversation between the characters and makes a decision in favor of a product. The real strength of drama is that viewers react to them as they react to fictional programs, accepting the premises of the commercials.

In a commercial for *Mayonnaise Maggi, a*ccording to the home party script, guests and hostess are waiting for the person who-seems-to be the host to return home. People around the table engage in conversation: *Where is he (it)? She is always only with him (it).* Only when the hostess comes to the refrigerator and opens it, and gets cans of *Mayonnaise Maggi,* it becomes clear that the real character of the commercial is not the male host , but *Mayonnaise Maggi* that the hostess puts into salad.

Table 5

TV Commercial for Mayonnaise *Maggi*

	Verbal Information		Visual or/ and Music information
	Russian or mix	English or English translation	
1 VCh1 VCh2 VCh3 M&F	**Мне кажется я знаю его всю жизнь** **Она всегда только с ним Ее вкусу я доверяю**	It seems to me that I have known him (it) my entire life. She has always been only with him (it). I trust her taste	Guests are sitting round the table and having a conversation.
2 VChF hostess	**Где же он?**	Where is he(it)?	The hostess comes to Refrigerator and opens it.
3 VA &WT	***Maggi, Maggi* майонез Всегда верный вкус**	*Maggi, Maggi* mayonnaise Always the right taste	Cans of Maggi mayonnaise on the shelves
4			The hostess brings salad with mayonese

Vignette *presents several brief episodes that are threaded together by the relevance to the product story. Different people in different places are involved in each episode, and they all speak in favor of the product.*

Table 6

TV Commercial for *Mentos Cool*

Scene	Verbal Information		Visual or/and Music information
	Russian or mix	English or English translation	
1			A European-looking white man is walking through an Indian village. He is chewing *Mentos Cool* and gives this candy to the Indian people around him
2 VA	***Mentos*-взбодрись Ты свеж всегда и полон сил**	Mentos-refresh yourself. You are fresh and full of vigor	The white man is walking on the burning coals, but feels fine
3 VChM (Indian)	_____	***Mentos Coolness Very GOOD***	An Indian man who looks like a yogi takes Mentos in his hand, puts it into his mouth and walks on the burning coals

Sequel *resembles a movie, divided into parts, where the same characters in different life situations praise the same product. Very often the same text and slogan are exploited. In the sequel for beer* Botchkarev***,*** *the scenes with the same beer-fun are set on a beach, then in a backyard, and finally in a fishing camp. The brand name appears in the written form both in Cyrillic and Roman scripts, and the slogan*

is constantly repeated:

Бочкарев – Правильное пиво!
Botchkarev – Pravil'noe pivo!
Botchkarev – Right beer!

When a Russian product, such as beer *Botchkarev,* uses an English name and Roman script, the "global positioning" (term of Bhatia, 2000:132) of the product, that might be promoted to the Western market, is taken into account.

My analysis reveals that English or a Russian-English mix appears in nearly all components in the layout of Russian TV commercials (Ustinova, 2006, Ustinova and Bhatia 2005).

Product name: *Samsung digital, Fa Freshness, Lipton, Vanish*

Company name: *Samsung, Lipton*

Label : *Maggi, Vanish*

Body text: Новый *Fa Freshness Control* Первый дезодорант с механизмом

Не рискуй. Замени на *Vanish!*

Slogan: *Mentos Coolness Very GOOD*!

Attention getters: *Vanish In wash stain remover***;** *Samsung digital all- Everyone's invited.*

Sometimes Russian TV commercials simply "borrow" and dub Western clips, promoting the same product. The Russian and the American TV commercials for the razor *Venus* contain the same images of beautiful women on the beach, the same episodes and even the same song in English: "I am your Venus, I am your fire".

Table 7

TV Commercial for Razor *Venus*

Scene	Verbal Information Message		Visual or/and Music information
	Russian or mix	English translation	
1 Song			Song: *I'm your Venus, I'm your fire, your desire, my desire*
2 VA	**Представляем вам *Venus*-новую Бритвенную систему для женщин.**	We introduce *Venus* to you: a new razor system for women	*Song continues…* A few dozen women are lying on the beach. They are moving their legs synchronically as if in a dance.
3 VA	**Ваша кожа остается надолго гладкой, а этого достойна каждая богиня**	Your skin remains smooth, and every Goddess deserves it	A display of a *Venus* razor in action
4 VA	***Venus*-почувствуйте себя богиней**	Venus – feel yourself a Goddess	Song continues. A close-up of women on a beach

To summarize**,** it can be said that commercial advertising revived in Russia two decades ago, reflecting radical changes in political and economic relations, as well as in technologies and media. The argument structure of the language of TV commercials presents a mix of information, persuasion and deception. The nonlinear order of presentation is typical for Russian TV commercials, where a few formats can be mixed within one clip, and visual information can be supplemented by music, songs and dance. Advertising discourse has its own salient and specific features, one of them being the influence of English and language mixing as the main source of linguistic creativity. In the commercials, where 80% of all genres employ the mix, the presence of English is a dominant feature. The 'multivocality' is typical for Russian TV commercials, when the use of different voices from different cultures invoke different meanings. The impact of English can be also seen in the fact that some Russian TV commercials make use of the same plots, scenes and characters as their Western analogs. In the autobiography format not only Russian, but Western celebrities try to influence the opinion of Russians about different products.

In the structural components in the layout of Russian TV commercials, English is present in abundance in many of them, especially in the brand name, name of the company, logo, and attention getter. A certain correspondence exists between the type of the product, and the language choice for the brand name: names of the Western products are advertised totally in English, while Russian goods employ both languages in labeling.

The abundance of English usage in commercials can be explained by 'utilitarian' reasons, as Western firms promote their brand names and logo in English all over the world, and by 'social' reasons, as English is a sign of novelty, prestige, and high quality products.

Notes

* When I give an example of a TV advertisement, where words are in interaction with pictures and music, I use the frame that gives reproduction, though incomplete, of these elements.

Table 8

Scene	Verbal Information (**original – in bold,** *English is italicized*)		Visual or/and Music Information
	Russian or Mix	English or Translation	
1 VA	**Высокое качество *Losk* делает вашу одежду идеально белоснежной**	The high quality of *Losk* makes your clothes ideally snow-white	A woman does the laundry
2 VChM & WT	***Losk Spring Special*-максимум чистоты и белизны**	*Losk Spring Special* is maximum of whiteness and cleanliness	A close up of detergent *Losk Spring Special*

The left column shows the numbers of scenes in a clip. I want to empathize that I do not reflect all camera shots: as one scene can include from one to dozens of shorts, I describe only scenes to save space and effort. In the first column I also reflect whether the text is written or spoken and who pronounces it: an adman or a character. Here and further I employ the following abbreviations: if the text is spoken, I use VA (voice of the adman); and VCh (voice of the character). In some case, when it is relevant to depict gender, I add 'M' or 'F' signs. If the text is written, I use the abbreviation WT (written text). The second column replicates the verbal information, that is presented in two sub-columns: the text in Russian or a language mix, and the translated text in English or the original text in English (in rare cases when Russian is not employed in the body of an ad, I put a dash sign in the Russian sub-column). To emphasize what language: Russian or English really appears on the screen or is pronounced in the ad, I type the original text in bold in order to avoid confusion. The third column shows the description of pictures, and reflects the visual, and music information or song (if any) in scenes. In the appendix the verbal information of the frames is presented not only in Cyrillic, but with transliteration, literal and literary translations for the convenience of the reader.

REFERENCES

1. Advertising and Culture: Theoretical Perspectives. – Westport: Greenwood Publishing Group, Inc. – P. 105–113.

2. *Bell, A.* The Language of News Media / A. Bell. – Oxford and Cambridge: Basil Blackwell, 1991.

3. *Bhatia, T.K.* Advertising in Rural India. Language, Marketing Communication and Consumerism / T.K. Bhatia. – Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2000.

4. *Cook, G.* The Discourse of Advertising / G. Cook. – London: Routeledge, 1992.

5. *Cross, M.* (Eds.). Advertising and Culture: Theoretical Perspectives/ M. Cross. – Westport: Greenwood Publishing Group, Inc., 1996.

6. *Dyer, G.* Advertising as Communication / G. Dyer. – London and New York: Methuen, 1982.

7. *Ehrenberg, A.* Repetitive Advertising and the Consumer / A. Ehrenberg. In, 1998.

8. *Geis, M.* The Language of Television Advertising / M. Geis. – New York: Academic Press, 1982.

9. *Goldman, R.* Sign Wars. The Cluttered Landscape of Advertising / R. Goldman, S. Papson. – New York: The Guilford Press, 1996.

10. *Hollis, N.S.* Television Advertising: Measuring Short- and Long-Term Effects / N.S. Hollis, 1998.

11. Itogi. Home page: www.dni.ru/news/analitika/2002/1/8/4073.html

12. *Jewler, A.J.* Creative Strategy in Advertising / A.J. Jewler, B.L. Drewniany. – Belmont, CA: Wadsworth, 2001.

13. *Jugenheimer, D.W.* Advertising as Educator In : Cross, Mary (Eds) / D. W. Jugenheimer. 1996.

14. *Kilbourne, J.* Deadly Persuasion. Why Women and Girls Must Fight the Addictive Power of Advertising / J. Kilbourne. – NY: Free Press. 1999.

15. *Tanaka, K.* Advertising Language. A pragmatic approach to advertisement in Britain and Japan / K. Tanaka. – London & New-York: Routledge, 1994.

16. *Ustinova, I.P.* English and emerging advertising in Russia / I.P. Ustinova // World Englishes, 2006. – № 25 (2). – P. 267–277.

17. *Ustinova, I.P.* Convergence of English in Russian TV commercials / I.P. Ustinova, Tej K. Bhatia // World Englishes, 2005 –24 (4). –495-508.

18. *Vestergaard, T.* The Language of Advertising / T. Vestergaard, K. Schroder. –Oxford: Basil Blackwell, 1985.

19. *Wells, L.* Gricenko Western Concepts, Russian Perspectives: Meaning of Advertising in the Former Soviet Union / L. Wells // Journal of Advertising, 1994. –Vol. 23. – № 1. – P. 83–96.

20. *Wells, W.* Advertising. Principles and Practice / W. Wells, B. John, S. Moriarty. – Englewood Cliffs: Prentice Hall. – 1998.

MODERN ANGLO-AMERICAN PUBLICISM AND ITS CONCEPTUAL FEATURES

V.V. Fyodorov

Fyodorov, Vitaliy Viktorovich – Master of Linguistics, Assistant Professor, Head of the Translation and Interpretation Chair, Foreign Languages Department, Vitus Bering Kamchatka State University.

The article aims to give a new complex vision of the style of publicism. The author attempts to apply the linguistic investigation of two texts belonging to different varieties of modern Anglo-American publicism in order to define the most common conceptual parameters for them which could be used for the unified description of the whole register and its limitation from the other styles.

Key words: stylistics, functional style, publicism, conceptual characteristics, language characteristics, language function.

Heterogeneous language material referred to the register of publicism is characterized by the evident variable stylistic features. At the same time the notion of "style" itself implies some generalization, the unification of all texts varieties in the form of the common "denominat

or" which makes possible the differentiation of this functional register from the other functional styles and at once the revelation of common features characterizing its unity. In our opinion, this "denominator" primarily lies in the field of conceptual properties of functional style – in the field of some abstract notions characterizing the typological features of the style of publicism common for all texts of this register. The revelation of conceptual properties affects the differentiation of the invariable style basis, the type of publicistic text where all suggested properties have their full manifestation. Correspondingly, linguistic properties of this text could be treated as invariable morphological, syntactical, lexical, and grammatical peculiar features of the style of publicism as a whole stylistic unity.

The comparative analysis of two texts belonging to the style of publicism selected from some original sources lays the methodological foundation for the corresponding linguistic research.

The first text (I) is selected from the Canadian daily edition "METRO" issued in January 30, 2004 [9]. This short informative report is placed on the first page of a 28-paged edition among another informative materials of the same kind presenting in brief form the essence of the most important events which happened in the last day. It is published under the title:

(I.) Bush may veto changes to post-9/11 security laws

U.S. Attorney General John Ashcroft said yesterday President George W. Bush would veto legislation that curbs broad powers given to law enforcement agencies after Sept. 11, 2001. Ashcroft sent a letter to lawmakers this week objecting to legislation proposed by a bipartisan group of U.S. senators trying to limit parts of the 2001 USA PATRIOT Act, including those that allow searches of private property without prior notification. – Reuters

The second text (II) is selected from an American literature reader «LITERATURE AND THE LANGUAGE ARTS. The American Tradition» [8]. This is a passage from R.W. Emerson's essay «Self-Reliance», which was first published in 1841 as part of the book "Essays":

(II.) There is a time in every man's education when he arrives at the conviction that envy is ignorance; that imitation is suicide; that he must take himself for better, for worse, at his portion; that though the wide universe is full of good, no kernel of nourishing corn can come to him but through his toil bestowed on that plot of ground which is given to him to till.

Trust thyself: every heart vibrates to that iron string. Accept the place the divine Providence has found for you; the society of your contemporaries, the connexion of events. Great men have always done so and confined themselves childlike to the genius of their age, betraying their perception that the Eternal was stirring at their heart, working through their hands, predominating in all their being.

Society everywhere is in conspiracy against the manhood of every one of its members. Society is a joint-stock company in which the members agree for the better securing of his bread to each shareholder, to surrender the liberty and culture of the eater. The virtue in most requests is conformity. Self-reliance is its aversion. It loves not realities and creators, but names and customs.

This text selection is not occasional: first of all, they represent the "extreme" varieties of the publisistic texts: journalism and essayistic writing, on the other hand, they are placed in a succession which demonstrates gradual progress from communicative

language functions to the expressive functions. This transition characterizes the style of publicism as the whole unity according to V.V. Vinogradov's language function conception.

The analysis of two selected texts shows that both of them describe real events, or events treated as absolutely existent by the author. This fact allows us to make a conclusion that the peculiar conceptual property of the style of publicism is in the parameter which is called in this article REALNESS. This notion corresponds to the abstract generalization which helps to separate the style of publicism from the style of belles-lettres which also foregrounds the same set of language functions (communicative and expressive). However, the author of belles-lettres texts as a rule describes fictitious facts.

Realness is related to another typological parameter of the style of publicism – to its SUFFICIENCY which is treated as the peculiar property of this register to represent the fact in all its fullness within the limits of the given text.

On the level of linguistic presentation the sufficiency of publicism is directly connected with another parameter – ARGUMENTATIVENESS. This property also separates the publicism from the similar, according to the foregrounding of language functions, colloquial style and style of belles-lettres which own this parameter in a less degree.

The opposition of STANDARTIZATION and EXPRESSIVENESS could be easily found in all texts belonging to the style of publicism.

Standardization, in the broad sense of the word, implies any reproduction of similar entities. This parameter could be recognized as the constant pragmatic property of the style of publicism provided by various linguistic and extra-linguistic tools. Linguistic standardization is recognized as the regular reproduction of the ready-made language units and syntactical medium. Mass media and radio journalism language is characterized by the aspiration for the establishment of the specific standardization means foundation.

The analysis of text (**I**) enables us to distinguish various thematic nomenclative nominations: post-9/11 security laws, U.S. Attorney General, law enforcement agencies, bipartisan group, U.S. senators, 2001 USA PATRIOT Act, private property, prior notification, etc.

These nominations standardizing the style of publicism as a rule are not found in the texts distant from any attempts to regulate the linguistic methods of text representation. They could not be found in the text of essay **(II)** as well. This fact is another evidence of the heterogeneity of the style of publicism and as a consequence of the non-systematic manifestation of different properties in its contents.

Another language manifestation of publicistic standardization is, in our opinion, in the wide employment of precision information of all kind belonging to the semantic groupings of words denoting dates, geographic notions, various numerical data, proper names, etc. This information is the basis and the essence of many texts of publicism. Being easily recognizable and customary, it is designed for the definite associations of text recipient and, s a rule, does not contain any connotations creating text expressiveness. Most of these language units could be found in text (**I):** Bush, John Ashcroft, George W. Bush, Sept. 11, 2001, Ashcroft, 2001, Reuters, etc.

Various abbreviations in the language of newspaper and radio journalism could be, evidently, referred to the notion of the same kind: (**I)** U.S., Sept. 11, 2001, USA PATRIOT Act (Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act); (**II):** this type of units is not found.

The antinomy standardization-expressiveness is evidently solved in favor of standardization in the text of short informative report and in favor of expressiveness in R.W. Emerson's essay.

Expressiveness is traditionally treated as the ability of some language unit to make the particular pragmatic effect upon the recipient of speech [1]. In order to do that modern publicism involves various language means. Expressive meaning of some form is usually occasional for it. A.V. Filippov remarks: "It is reasonable to recognize that expressiveness is necessarily conjugated with some irregularity or novelty of the form, its "successful" deviation from the norm" [5].

Regarding the expressiveness of publicistic text, we are to distinguish lexico-stylistic and syntactic means of expressiveness creation. Text **(II)** is more demonstrative in this matter. In order to make his essay more impressive and consequently to enforce the foregrounding of expressive function R.W. Emerson involves the following lexico-stylistic means:

1. Specific selection of language units, most of them are archaic, poetic, and bookish: bestowed, till, thyself, divine, contemporaries, confined, genius, betraying, perception, manhood, to surrender, etc. They relocate the reader of the essay into an elevated "solemn" mood;

2. Estimative language units directly or obliquely expressing emotional or intellectual assessment of the presented fact. M.S. Retunskaya distinguishes some groups of lexical units on the basis of the as-

sessment parameter found in their semantic structure [4]: 1) words which semantics originally oriented into estimation. This estimation is currently accepted and relatively stable. It is not affected by noticeable transformations and related to the nominative properties of the words. In the text of R.W. Emerson essay this group evidently contains the words: envy, ignorance, better, worse, good, divine, great, childlike, genius, manhood, goodness, etc., 2) words which semantics are associated in the public conscience with some estimation, i.e. words with invested assessment. M.S. Retunskaya notices, "...any society has got its own way of world recognition which is reflected in the semantics and estimation parameter of words" [4]. This process runs in the following way: the substantive semes are weakened, further they are transposed (their referential correlation is superseded), after it the estimative semes and associations are induced. These transformations are typical for the cases of second nomination. In the text of the essay the metaphorical transposition of the meaning creating positive or negative assessment could be found in the following units: suicide, wide, nourishing, immortal, etc. and finally 3) estimation-lacking words mostly belonging to the groups of terminology traditionally creating the conditions for text standardization.

3. Stylistic aids. For instance, the first paragraph of the essay contains the bright metaphor. Its meaning is as follows: anybody who wants to reach the goal is to apply a lot of forces for it; consequently, envy is senseless: evidently the successful person deposits more own force, mind, trouble, and headpiece in the business he deals with. The philosophical conception is given by R.W. Emerson through the metaphorical rethinking of land ploughman heavy work: that though the wide universe is full of good, no kernel of nourishing corn can come to him but through his toil bestowed on that plot of ground which is given to him to till.

In the second paragraph one could see the rethinking of the idea of "any person" by means of metonymy «every heart» combined in the form of the common syntactic structure with the metaphor «that iron string» in order to express the idea that faith makes a person to act, gives him the forces for life: "Trust thyself: every heart vibrates to that iron string".

In the beginning of the second paragraph of the essay one could find the case of personification "the divine Providence": "Accept the place the **divine Providence** has found for you" and the following development of the metaphor "has found for you". The final sentence of the paragraph includes one more extended metaphor "Great men have always done so and confined themselves childlike to the genius of their age, betraying their perception that the Eternal was stirring at their heart, working through their hands, predominating in all their being". Here the idea of the demonstrativeness of famous people actions is given through the personification of the abstract notion «Eternal" and further development of the metaphorical chain of images «was stirring at their heart, working through their hands, predominating in all their being ».

Further we shall pass to the syntactical means oriented upon the creation of text expressiveness. Here belong:

1. Numerous cases of repetitions and syntactic parallelism. E.g.: There is a time in every man's education when he arrives at the conviction **that** envy is ignorance; **that** imitation is suicide; **that** he must take himself for better, for worse, at his portion; **that** though the wide universe is full of good, no kernel of nourishing corn can come to him but through his toil bestowed on that plot of ground which is given to him to till.

2. Sentences in the imperative mood producing the effect of the direct appeal of the author to the reader. E.g.: Trust thyself; Accept the place the divine Providence has found for you…

3. Sentences with inversion which make the text of the essay closer to the texts of colloquial style. E.g.: Society everywhere is in conspiracy against the manhood of every one of its members.

4. Elliptical sentences: It loves not realities and creators, but names and customs, whoso would be a man must be a non-conformist.

5. Antithesis formed by the contradictory relations (opposition) between some entities: that though the wide universe is full of good, no kernel of nourishing corn can come to him but through his toil bestowed on that plot of ground which is given to him to till.

It ought to be noted that all distinguished tools of expressive syntax have got logical correlation with the above-mentioned lexico-stylistic means of expressiveness creation. Together they form the vast aggregation of various linguistic tools for the creation of text expressiveness. Finally it stipulates the foregrounding of expressive language function in this kind of publicistic text.

In such a manner, one of the important conceptual properties of the style of publicism is its isochronal orientation on STANDARDIZATION and EXPRESSIVENESS. This opposition is tightly connected with the basic principle of foregrounding in the style of publicism of two language functions: communicative and expressive. The implementation of the expressive language function is directly re-

lated to the conceptual parameter of expressiveness and conversely the implementation of the communicative language function is related to the typological feature of publicistic text standardization. The more traditional, customary, image-lacking linguistic and syntactic elements are reproduced in text, the closer this text is located to the "right edge" of the functional register of publicism which is characterized by the reorientation of expressive language function into communicative one.

The more picturesque, image-bearing, unusual linguistic and syntactic expressive means can be found in it, the close this text is to the "left edge" of the functional register of publicism which is characterized by the reorientation of communicative language function into expressive one.

The texts positioned on the edges of the functional register show the common features with the texts belonging to the styles of official documentation and belles-lettres correspondingly and could be recognized "transitional" from one register into another.

REFFERENCES

1. *Артёмова, А.Ф.* Значение фразеологических единиц и их прагматический потенциал: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.Ф. Артёмова. – СПб., 1991. – 34 с.

2. *Дмитровский, А.Л.* Эссе как жанр публицистики: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Л. Дмитровский. – СПб., 2002. – 16 с.

3. *Комиссаров, В.Н.* Пособие по переводу с английского языка на русский: учеб. пособие / В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, В.И. Тархов. – М.: Высш. шк., 1965. – 287 с.

4. *Ретунская, М.С.* Английская аксиологическая лексика / М.С. Ретунская. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 1996. – 272 с.

5. *Филиппов, А.В.* К проблеме лексической коннотации / А.В. Филиппов // Вопросы языкознания. – 1978. – № 1. – С. 57–63.

6. *Швейцер, А.Д.* Перевод и лингвистика / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 250 с.

7. *Crystal, D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge: University Press, 1955. – 489 p.

8. Literature and the Language Arts. – Saint Paul: EMC/Paradigm Publishing, Minnessota, 1996. – 1086 p.

9. METRO. – Daily edition, Toronto, January 29, 2004.

10. The New York Times. – Daily edition, N.-Y., February 8, 2005.

DIALOGUE BETWEEN TWO CULTURES: EMILY DICKINSON'S POETRY ON THE RUSSIAN SEGMENT OF THE INTERNET

T.Y. Anikeeva

Anikeeva, Tatiana Yurievna – Senior Instructor, Institute of Foreign Languages, Far Eastern National University.

The aim of this paper is to analyze the popularity of Emily Dickinson's poetry on the Russian segment of the Internet. While investigating this phenomenon, the author focuses on two issues: the time when the interest in the American poet arose and the reasons for that.

Key words: Emily Dickinson, poetry, translation, Internet.

Emily Dickinson was declared a classic writer in Russia in the 1980. Nevertheless, the wide popularity she has gathered today, on the Russian literary Internet are presented by different electronic literary journals, almanacs and literary pages. There are special poetry contests, blogs and forums on the Russian Internet where translations of Dickinson's poetry are widely discussed [1; 2; 9; 11, 19; 20].

The history of the reception of Emily Dickinson's poetry on the Russian Internet

The research of Russian Internet sites showed that Emily Dickinson's poems started drawing Russian Internet readers' attention in the second half of the 1990, when the first poetry contest "Teneta – Rinet" was held. Later that contest became a traditional one. The translations of Emily Dickinson's poetry were presented there till 2003, the last year of its existence. From that first time until 2003 in the "Translation of poetry" section of the contest, there were always translations of Emily Dickinson's poems. Dmitriy Gusev's poetic verses who was the winner of the first poetry contest "Teneta – Rinet", are supposed to have drawn the interest to a great American poet, but not widely known in Russia.

In 2002 in the next Internet Literary Contest there were translations of J. Updike, R. Graves, E. Poe, W. Auden, R. Rilke and others. Four of the 24 nominees introduced their translations of Emily Dickinson's poems. The third place prize was given to Svetlana Chulkova. In the same year, in another contest named "Russian America," Andrey Zyryanov won first prize for his translations [11].

It is significant, that in the course of time not only new renditions of E. Dickinson's poems have been appearing on the Russian Internet, but information about the poet has also been changing. For example, today one can start the encounter with Emily Dickinson's works with the web-encyclopedia "Krugosvet". In 2004 Natalia Laidinen created a new site, devoted to women's poetry and Emily Dickinson's in particular [7]. On this site one can not only read the biography of Dickinson and articles about her work, but also find references to electronic resourses and read translations, both well known ones and those which exist only on the Internet.

Today lines from Emily Dickinson's poems are widely quoted on the Russian Internet. The line "*If I can stop one heart from breaking / I shall not live in vain*" (J 919/Fr982) is the most quoted one. It can be seen on the site http://apgolub.boom.ru/APHOR/ya.htm. Besides it, on another site, «Aphorism» [3], where the lines from Emily Dickinson's works appeared in 2000, there are also some sayings: "*Publication – is the Auction / Of the Mind of Man –*" (J 709/Fr 788); " *«Hope» is the thing with feathers – / That perished in the soul –* " (J 254/Fr 314); "*To live is so startling, it leaves but little room for other occupations*" (L 381); etc. The same quotations are introduced on another Internet site "Shestoe Chuvstvo Nastoyashchey Zhenshchiny" ("The Real Woman's Sixth Sense") [21]. All these quotations, torn out from the originals, translated into Russian, and adjusted to Russian readers' expectations can give only a vague idea of the depth of Dickinson's poetry. Nevertheless, they can show the influence of the social and cultural contest of the modern epoch on the original text. Hence on the "crossroad" of the two life experiences, the author's and her reader's; a new being of a new modified text has been born – an aphorism, attracting not only elite, but also mass readers.

As the result of my research has shown, 184 of Emily Dickinson's poems have been translated on the Russian Internet; 36 of them have never been published before. Some of these 184 poems have more than one translation. Therefore, on the different sites of the Russian Internet there are at least 303 translations (I have not included the verses from "Livejournal"). The most popular of Dickinson's poems are:

1. Heart! We will forget him! (J 47/Fr 64) – 7 translations..

2. The soul selects her own society (J 303/Fr 409) – 6 translations.

3. This is my letter to the world (J 441/Fr 519) – 6 translations.

4. As from the earth the light balloon (J 1630/Fr 1651) – 6 translations.

5. I'm nobody! Who are you? (J 288/Fr 260) – 5 translations.

6. Because I could not stop for death (J 712/Fr 479) – 5 translations.

7. A word is dead (J 1212/Fr 278) – 5 translations.

8. There is no frigate like a book (J 1263/F 1286) – 5 translations.

9. My life closed twice before its close (J 1732/Fr 1773) – 5 translations.

10. To make a prairie it takes a clover and one bee (J 1755/Fr 895) – 5 translations.

The poems, mentioned above, are some of her best, they are Dickinson's canon. To find out the answer to the question about the reasons for Emily Dickinson's popularity on the Russian Internet, I used the unique opportunity to ask 10 Internet translators through the Internet to answer my questionnaire.*

Besides the interview answers given, I analyzed the materials of Weblogs, Websites, and chats devoted to Emily Dickinson's poetry.

The reasons for Emily Dickinson's popularity on the Russian Internet.

Having analyzed the translators' answers and the discussions of her poetry on different Web-logs and Web-sites it is easy to come to the conclusion that Dickinson's popularity can not be explained by one reason, and there is no unambiguous answer. Her popularity is stipulated by raw factors. They can be classified as objective (technological, politico-social) and subjective (psychological and aesthetic) ones. Besides that, her fame was provoked by the biographical myth, surrounding the poet's name.

a) technologic reasons

The first and really important factor of Dickinson's rising popularity is the linking of our computers to the Internet. With the World Wide Web came the possibility of mastering Emily Dickinson's work more completely even in the most remote parts of our country where you could read only very short references to her even in the libraries.

There is one more fact which can link the rising interest in Dickinson's poems with the wave of computerization in Russia. The site "Speaking in Tongues" [14], created by the alumnus of Far Eastern National University (Vladivostok), a professional translator Maxim Nemtsov, has a number of Emily Dickinson's translations. All of those translations were made at about the same period of time.

As we can see through our research, six of ten translators had known the poetry of Emily Dickinson long before 1990, the time when the interest in her poetry on the Russian Internet started arising. Since the 1990 this interest has been intensifying, taking over more and more people, trying their hands at translating Dickinson's poetry. Thanks to the Internet these local spheres of the interest in Dickinson's poetry have joined together in the World Wide Web today.

b) politico-social reasons

Politico-social reasons turned out to be very important factors which caused interest in Dickinson's poetry. The 20th century became the age of political changes in our society – the former USSR collapsed. And with many other processes, taking place in our society, ideological barriers started disappearing; some social institutes, carrying out the canonizing and censorship functions outlived their usefulness.

According to Pierre Bourdieu [4], the literature field takes a politically and economically subordinate position in the field of power. Any changes in the latter cause changes in the literature field, steeped in striving to get benefits, either economic or political. Despite the fact that poetry in Russia has always been elite literature hence unprofitable from the economic perspective, in the Soviet era it would bring other benefits – political and ideological ones. But at the period of collapsed ideology, poetry stopped being interesting from that point of view. The leading interest for publishing houses became commercial only. It made Emily Dickinson's pathway to Russian readers not less difficult than censorship. So, taking place in the field of power, the change triggered changes in the literary field, provoking translators to take their niche on the Russian literature Internet.

This can be illustrated by the fact that Russian translators started to publish their renditions not in Russia but abroad. In 1997 a book about *Emily Dick-*

* 1. How did you become acquainted with Emily Dickinson's poems? 2. Who was the translator of these poems? 3. Why did you start translating her poetry? 4. What do you get from her poems? 5. Does age matter for a translator of her poetry? 6. What problems did you have while translating her poetry? 7. What is the translator of Emily Dickinson's poems? 8. The question for men-translators: what problems did you face while translating the poetry of Dickinson - a woman? 9. Your reading preferences. 10. Your age, publications, knowledge of English language.

inson. Selected rendition was published in Jordan, where B. Lvov presented 36 of his translations. You can find this book on the Internet [16].

Besides the above factor, the period of growing interest in the American poet is contemporary with the period of post-perestroyka in our country – the time when cultures of the two antagonistic systems, Russian and American, began to drift towards each other. As a result, the interest in English language started to become real. Hence the wave of interest in English triggered interest in many English-speaking poets and Emily Dickinson in particular.

It is necessary to focus on one more reason. These days the attitude to the concept "translation" in Russia has changed. Time gives us its law - the school of professional translators is being edged out by amateur ones. The translation-process stopped being an art in the highest degree with the professional translators involved, it has been turning into a kind of a hobby – an element of mass culture. In this sense the Internet, gathering people of different professions through the love of literature, gives everybody the opportunity to try his/her hand in translating poetry. Thus, among 10 interviewed translators there are engineers, teachers, sociologists and musicologists.

c) aesthetic reasons

From the interview it has become clear that a very important group of reasons for Dickinson's popularity are aesthetic. Any translation debut can be partly explained by disappointment and disagreement with the quality of current versions. And making a new translation is a natural desire to give a better version. There has always been a temptation to give a more adequate version with minimized losses. This factor is very important in the explanation of the variety of versions of various poems.

There are some more aesthetic reasons for the rising interest in Emily Dickinson's work. It is essential, that her poetry has some features of modern poetry: eclecticism, coding, and the absence of didactic function [10]. All these traits make Dickinson's poems attractive for Russian readers because they are given the opportunity to speculate and develop different understanding.

As the translators note, Emily Dickinson distances herself, making the process of complete understanding impossible. But on the other hand, they say, there is always a moment of intimacy in reading Dickinson: she involves a reader in her own world, woven from the momentary experience of a human being or from an ordinary detail of the surroundings. She invites her reader to cognize both – her own world and the world around, thus, her texts "turn into reader's life experience" [12]. Such experience, impossible in real life, is expressed in Dickinson's death poems. On my top-list there are two of them: «*Because I could not stop for Death* (J 712/Fr 479) and «*My life closed twice before its close* (J 1732/Fr 1773)».

Besides that, for Russians, brought up outside Christian traditions, it is rather difficult to accept death with tranquility because the permanent companion of the concept "death" was fear. Dickinson is not afraid of death. Reconciling us with life, whatever it is, she habituates us to accept both life as it is and death as a part of existence.

Russian readers find spiritual support in Dickinson's poetry, "All the feelings, expressed in Dickinson's poetry are not just emotions. It is spiritual experience, which raises you above the daily routine and makes you look around from a different angle, to be precise, from Eternity. And one more thing - she speaks about death with calmness and great dignity", writes L. Podistova [18].

The Internet readers love the poet for her frankness, "I'd like to find a poet today, who would be as open and sincere, as Dickinson was. Her frankness is not frightening but charming" [20]. On the forum "Teneta Rinet' 2002" one of the readers notes: «I adore Dickinson because she is frank. Even her lines "*Had I a mighty gun / I think I'd shoot the human race / And then to glory run!*", are very sincere. Nobody is sinless… But we always play the hypocrite» [19].

Russian readers also love Dickinson for her laconism and imagery, "She teaches me that it is possible to talk simply and laconically about very important things", writes L. Podistova [18]. But at the same time all the readers note that her poems are deep in thoughts, in spite of their laconism. Sometimes not having found the answer to the question "Why do I love Dickinson?" a Russian reader has to acknowledge, "I don't know why, I just love her poems" [20].

d) psychological reasons

Many Russian translators say that Dickinson's thought about poetry as of value itself is very understandable and close to them. Being inspired by the example of the poet, who screened herself from society and did not want to be published, they are not striving to be published either, «I write poems, but they are published on the Internet only. By the way, the Dickinson's example teaches us not to

chase widespread popularity. Poetry is not for that", writes L. Kirillina [13].

Emily Dickinson with her "letters to the World" has become the symbol of wholesome poetic solitude for Russian readers. So, it is no coincidence that the poem "*This is my letter to the world*' (J 441/Fr 519) - is one of the most popular with the translators on the Russian Internet. The translator Anna Dubinskaya says, "Emily Dickinson's work is a lesson to us. She was deadly honest and had the guts to be a poet ahead her time" [6]. For many translators of her poetry publications are not of value. The greatest benefit for them is freedom on one hand, and the opportunity to have a direct dialogue with a reader on the other.

If we analyze the Internet as a part of sociocultural space where lonely people socialize, we can see that Dickinson's poetry has gathered such recipients around. The motive of solitude, distinguishing the poetry of Dickinson, turned out to be very close to Russian readers of the end of the XX th and the beginning of the XXI st centuries. It can be proved by two answers. The readers see Emily Dickinson as an ideal communicator, chosen by the soul, «*The Soul Selects Her Own Society*». On our top-list this poem takes the second position. L. Kirillina says, "reading Dickinson gives you the feeling of intercommunication with an extraordinary person – incredibly smart, deep, sophisticated, tender, ironic, well-educated but free of snobbishness [13].

Describing psychological reasons, it is impossible not to say that at the end of the last century in our country the problems of loneliness rose to the surface. The changing of the forms was not just a political action – it was the changing of ideology, the habitual style of living and a changing of the value system. So, that period of time brought changes in the social psychology of Russians. Anxiety, the feeling of dissatisfaction, caused by the changes in our society, as we can see from the interviews, became one more factor in the rising interest in Dickinson's poetry on the Russian Internet. As L. Podistova writes, "The poems of Dickinson are incredibly sincere, there is intelligibility and warmth in them. There is assurance that it is worth living, that a person is not just a grain or a left toy, he/she is loved by God. People need such feeling today" [18].

e) biographical myth

The Internet readers like the image of the American poet. As they say, "her strange destiny doesn't leave people indifferent" [5]. It is not coincidence that Internet translators were enthusiastic about translating the poem "*Heart! We will forget him!*" (J 47/Fr 64).

The Internet readers are interested in the psychological type of the poet, whose silent protest ended up in reclusion in her father's house. Dickinson transformed spiritual energy into poetry, and Russian recipients see supporting thoughts in her poetry, "I am either nobody, Emily", in such a way Anna Dubinskaya introduces her "Livejournal" [8].

Internet readers, creating a myth about Dickinson, sometimes apply for her poetry as for salvation. Thus, in the newspaper for disabled people "Vmeste" ("Together") in № 9, 2005, there was an article *The Lady in White – is a Great American Poetess Emily Dickinson* [17], published for a 165th anniversary of Dickinson. G. Podeyko, the author of the article, focused his attention on the isolation of the poet, "in course of time her style of living became more and more recluse, she appeared in public more and more rarely. She started wearing only a white dress, some citizens called her "the lady in white", other said that she was physically challenged". Then, he continued, "exactly that time Emily Dickinson wrote the lines «*If I can stop one heart from breaking*» and devoted them to the disabled" [17]. These lines, quoted rather often on the Russian Internet, can be devoted to anyone. In this very case the poem is interpreted and handed to those, who need it most. The poem is opened for a new sense and new understanding.

So, as we have seen, the interest in Emily Dickinson's poetry came from not only the so-called "bookish" stage of acquaintance with her poetry, it was also brought into Russia by the new computer generation with the first poetic contest on the Internet. Having become fundamental, technological (computerizing) and politico-social reasons (changing of formation and opening Russia to the other world) initiated the interest in Emily Dickinson's poetry on the Russian Internet. Within the last decades this interest has been supported by Russian readers. Having become some "institutes", the readers of her poetry prolong the life of Emily Dickinson's poems in the Russian culture.

REFERENCES

1. Анти-Тенёта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.anti.teneta.ru/2002/transl_stihi/gb1021426088477515.html.

2. Анти-Тенёта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.anti.teneta.ru/2002/transl_stihi/gb1021190672240306.html

3. Афоризмы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aphorism.ru/author/a2249.html

4. *Бурдье, П.* Поле литературы : пер.с франц. М. Гронаса / П. Бурдье. // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 45. – С. 22–87.

5. *Данилова, Д.* Интервью, данное автору статьи. Личная переписка (март 2007.). *tanikeeva@gmail.com*

6. *Дубинская, А.* Интервью, данное автору статьи. Личная переписка (март 2007.). *tanikeeva@gmail.com*

7. Женская поэзия // Наталья Лайдинен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.laidinen.ru/women.php?code=36

8. Живой журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://duns37's Journal/.

9. Живой журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.navuxo.livejournal.com/211528.html

10. *Зубова, Л.В.* Современная русская поэзия в контексте истории языка/ Л.В. Зубова. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 432 с.

11. *Зырянов, А.* Emily Dickinson. Selected poems / А. Зырянов // Анти-Тенёта. – Режим доступа: http://www.anti.teneta.ru/2002/america/transl_stihi/gb10278295 82566971.html

12. *Изер, В.* Процесс чтения: феноменологический подход / В. Изер // Современная литературная теория. Антология ; Сост. И.В. Кабанова. – М. : Флинта: Наука, 2004. – С. 201–224.

13. *Кириллина, Л.* Интервью, данное автору статьи. Личная переписка (март 2007) / Л..Кириллина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: *tanikeeva@gmail.com*

14. Лавка языков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.spintongues.msk. ru/emily_dickinson.html

15. Литсовет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.litsovet.ru/index.php/

16. *Львов, Б.* Избранные переводы / Б. Львов// Библиотека классической литературы [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.classic-book.ru/lib/al/book/365

17. *Подейко, Г.* Девушка в белом – великая американская поэтесса Эмили Дикинсон / Г. Подейко // Вместе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vmeste.narod.ru/vmeste5_9/str6/index9_6.htm

18. *Подистова, Л.* Интервью, данное автору статьи. Личная переписка (март 2007) / Л. Подистова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: *tanikeeva@gmail.com*

19. Тенёта-Ринет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.teneta.rinet.ru

20. Топос. – Режим доступа: http://www.topos.ru /forums/messages/11/349.html?1043604363

21. Шестое чувство настоящей женщины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www. sixsens.info/modules.php?name

AXIOLOGICAL ASPECT OF STUDYING THE JAPANESE PHRASEOLOGICAL CORPUS WITH ANIMATE NATURE NAMES

V.G. Voloshchenko

Voloshchenko, Valeriya Gennadyevna – Postgraduate Student of the Japanese Philology Department, Institute of Oriental Studies, Far Eastern National University, Associate Professor of Translation and Interpretation Department.

The article is devoted to research of the category of estimation, distinguishing the relative and absolute, trivial and elevated, instrumental and autonomous good based on the material of Japanese set expressions with names of flora.

Key words: axiological scales, estimated and descriptive meanings, estimation strategies, four-component composites of yojijukugo.

The development of anthropocentrism in linguistics led to the formation of a new research branch – linguistic axiology aimed at the study of the system of ethnic values and peculiarities of their manifestation in language and culture.

Studying the surrounding conditions, an individual forms his attitude to the world by appreciating phenomena, facts and events. And these issues are interesting for researchers in the sphere of linguistics, psychology, logic and philosophy. Aspects of the category of estimation are highlighted in the works of such linguists as J.D. Apresyan, N.D. Arutyunova, E.M. Wolf, N.A. Lukyanova, V.N. Teliya, V.I. Shakhovsky, T.V. Pisanova, etc.

According to L.N. Gumilev an ethnic dominant or peculiarity and stability of a nation's mentality is based on a certain set of ethnic values, which guide the choices of individuals.

In the broad sense the term "estimation" is understood as a designation means of the established connection between a speaker and an object of speech by linguistic means and value is regarded as everything that comprises the objects of desire, needs, aspirations and interests of a person.

Values reflected in language can be formally subdivided into two types: the first type comprises representations revealing and designating linguistically the essential characteristics of objects of the cognizable world from a position of norm, historically developed in a certain society according to universal canons, ethnic cultural stereotypes and public priorities. The second type comprises representations of human wishes and feelings which are categorized by dual oppositions such as «good / bad», «kind / evil», «correct / incorrect», «admissible / inadmissible» and by numerous contrasts such as «pleasant – indifferent – unpleasant», «interesting – indifferent – uninteresting – boring», «very beautiful – indifferent – not beautiful – ugly – deformed – disgusting» («очень красиво- безразлично-некрасиво-уродливо-безобразно-отвратительно) etc. According to N.D. Arutyunova and other researchers words with a negative connotation prevail in the majority of modern European cultures [1]. Our analysis reveals that this is also characteristic of the Japanese culture.

When studying the functioning of estimation categories we used axiological scales by a certain property to be estimated. The existence of opposing estimating processes assumes the presence of a certain norm. This norm provides the comparison of object properties and their shift to this or that part along the scale axis.

An early stage of axiology distinguished two categories of values: the good as a tool and the good as a purpose. The relative and absolute, trivial and elevated, instrumental (utilitarian) and autonomous (independent) good was differentiated. Philosophical, logical and linguistic estimations are related, first of all, to the predicates *good* and *bad* which have been studied in full.

We believe that it is important to distinguish between estimate qualifications (good, bad, excellent, magnificent and so on) and descriptions (red, wooden, etc.). E.M. Wolf considers the meanings of adjectives to be descriptive (if we speak about object features which are inherent properties of these objects) or estimating (in case it is not the properties of objects but their attributed characteristics that are verbalized). At the same time, adjectives which combine estimating meaning with descriptive one can be referred to particular estimation (clever, silly, skilled, hardy). They make a continuum, with estimating and descriptive senses combined in different proportions.

Particular estimation depends on a feature designated by an estimating word. However, according to T.V. Pisanova, the replacement of the general estima-

tion by a particular one is not only possible, but is also logically justified if there is a need to have a full picture of all value properties of an object that has different axiological characteristics. This is explained by the fact that each object has a certain set of properties objectively corresponding to combinations of particular estimations. They are taken into consideration in making the general estimation that refers the object to one of the two axiological categories [6].

The theory of particular estimations was developed by E. M. Wolf (1985), N.D. Arutyunova (1988), and V.I. Karasik (1989). According to T.V. Pisanova, the system of particular estimations is a complex of interconnected relationships to the world. It is human experience, which is defined as sensual-empirical knowledge of the objective reality, accumulated through emotional and sensual perception based on practice. It exists in the form of knowledge about the pleasant and unpleasant, the tasty and tasteless, and also the joyful, cheerful, desired, sorrowful, and sad. Besides, experience is tinged with rationalism, as human life is connected with practical affairs aimed to satisfy vital needs [6].

Apart from the ethical, aesthetic, rational, and emotional estimations, B.M. Savitsky and O.A. Dmitrieva distinguish functional, piety, and comparative estimations. The research material reveals that these types of estimations can be found in phraseological units in the form of combinations rather than singularly. In our opinion, the expansion of the taxonomy of estimations by adding these types of estimating qualifications (in our case comparative) will facilitate detailed investigation of axiological parameters of phraseological units of this type.

The analysis of explicit strategies of estimation peculiar to Russian proverbs was done by A.N. Baranov. He suggested the axiological procedure for axiological analysis of the situation described by Russian proverbs. The procedure consists of taking into consideration all levels of estimation: quantitative → prototypical → homeostatic → general estimation. In this hierarchy, descriptiveness of estimations decreases from left to right and the estimating properties are amplified [2].

The axiological procedure for estimation can be formulated as follows: if an estimate is initial in estimation strategy, it is combined with itself or with those types of estimations which are to the right of it in the following sequence «Quantitative => Prototypical => Homeostatic => General», reflecting the full axiological procedure [2]. In A.V. Egorova's dissertation, the technique offered by the scholar was applied to English proverbs with animate and inanimate nature names [3].

All types of estimations are presented in our practical material. They form binary unities in which the estimation strategy is reflected through comparison of two estimations. i.e. we can see how the estimate of the object under estimation is obtained and by what features it is made up:

I. Strategy of estimation with initial quantitative estimate:

1) quantitative => prototypical: 千金の子は市に死せず money solves everything (a child with big money will not die in a city);

2) quantitative => homeostatic: 千金の裘は一狐の腋に非ず the skin of one fox is not enough to sew an expensive garment;

3) quantitative => general: 一見旧の如 as if we had known each other for ages (one sight is similar to the old one);

4) quantitative => quantitative: 一石二鳥 (to kill two birds with one stone).

Prototypical and homeostatic estimates are insufficient and will be followed by further axiological interpretation.

***II. Strategy of estimation with an initial prototypical estimate*:**

1) prototypical => homeostatic: 逃した魚は大きい (the lost fish was big);

2) prototypical => general: 老牛舐犢 (an old cow licks the calf);

3) prototypical => prototypical: 命長ければ辱多し (the longer the life, the more the shame).

III. Strategy of estimation with initial homeostatic estimate:

1) homeostatic => homeostatic: 朝雨馬に鞍置け (if it has been raining since morning, prepare a saddle);

2) homeostatic => general: 虻蜂取らず (a bee and a bumblebee cannot be caught).

***IV. Strategy of estimation with an initial general estimate*:**

1) The general => the general: 老いたる馬は道を忘れず (an old horse will not spoil the furrow).

The last type of estimation does not suppose any additional axiological procedures – the general estimate is the terminal point of an axiological analysis.

The purpose of the next investigative phase is to analyze the Japanese phraseological corpus by

revealing the most objective axiological characteristics of a person by means of zoomorphic metaphors. The research is based on the linguacognitive theory of particular estimations integrated into ethnocultural specificity and universal phenomena of the Japanese society.

The material for our research comprises about 300 phraseological units (including 83 four-component composites yojijukugo) with animate names.

The purpose of phraseological combinations is to estimate the quality of a person by comparing him/her with an object that has negative / positive properties. Various objects of an animate and inanimate nature can be the object of comparison. Designating a person through comparison with an animal / a bird / a fish creates a figurative name with a positive or negative connotation. In people's mind, folk fairy tales, proverbs, and sayings make a reference to animate objects of nature by comparing them with people. Thus, the imaginative meaning «an animal (a fish, a bird) > a person» appears to be an integral element of an ethnic worldview, generated through the centuries (According to Ter-Minasova, it is better to use the term "mosaic," for it implies not only elements of the mosaic but their size and colours that can be differentiated) [7].

With the emerging of creative fiction thinking, the image of the world, for which metaphor, or an abstract and generalized transferred new meaning, is being constructed.

Zoomorphisms, metaphorical derivatives of the names of animals used for estimated qualification of a person, are among the semantic units formed on the basis of metaphorical or metonymical transference. Biomorphic metaphors, related to cultural and emotional sensual experience of native speakers, serve as a means of judgment about the national mentality. Zoomorphic and botanical metaphors are singled out among biomorphic metaphors [6]. In our work, the phraseological units containing zoomorphic metaphors are investigated.

Names of animals participating in a figurative transfer can be found in the Japanese language picture (or a mosaic) of the world

1. Mammals: 1) pets: a horse, a cow/bull, a pig, a dog, a cat, a mouse; 2) wild animals: a fox, a bear, a wolf, monkeys (including a baboon, an orangutan), a bat, a raccoon, a badger, a beaver, an otter, a wolf, a mountain wolf, a tiger, a lion, a rhinoceros, an elephant, a wild boar, a deer.

2. Birds: 1) domestic: hens – a cock, a hen, a parrot, a duck; 2) wild: a raven, a big cormorant, a pigeon, a snipe, a mandarin-duck, a crane, a wild duck, a phoenix, a kite, a swan, a magpie, Japanese bul-bul, crossbill.

3. Reptiles: a snake, a lizard.

4. Fish, arthropods, molluscs: a crucian carp, an anchovy, a whale, a mollusc, an abalone.

5. Insects: a bee, a bumblebee, a butterfly, a dragonfly, a fly.

6. Mythical beings: a dragon, water goblin Kappa, wood goblin Tengu, devils.

Wild animals and wild birds are of diverse species distributions; however, according to the rate of use in proverbs the group of mammals takes the leading position. It is possible to present the system of animalistic images in the form of three various oppositions:

1) "ADULT" – "YOUNG" → "EXPERIENCED" – " INEXPERIENCED " (age principle): 牛 - 犢.

2) «FEMININE» – «MASCULINE» (gender principle): 烏の雌雄, 雄鳥 - 雌鳥.

3) "GENERALIZED" – "DIFFERENTIATED": 鳥 - 烏、鴨、鷺、鸚鵡、鶯、獣 - 狼、狐、熊、狸、猿、魚 - 鯨、鮒、鱸、鰹.

There are variations, when a zoonym is represented by means of several lexemes. This phenomenon can be attributed to the ethnic feature of the Japanese: monkey - 猿、猴、pig - 豕、 豚.

The semantics of language units containing zoonyms can be specified, in particular, by naming just certain symbolic features of a person (silly, talkative; skilled, hardworking, etc.). The most frequent qualities which are condemned or blamed, and the qualities which are recognized with approval and simulated are reflected in Table.

The same animal can be found in examples with positive and negative estimation. The Japanese language has many phraseological units with names of animals, related to ownership and attitudes to material assets. A negative ethical and emotional estime is obtained by axiological components "MERCENARY", "STINGY", "INSATIABLE". These defects are exposed in the Japanese phraseology by means of such animals as 豺 (a wild dog), 狼 (wolf), 竜 (dragon), 虎 (tiger), 魚 (fish): 1. 豺狼当路 [Sairo: to:ro] – to stand in a wild dog's and wolf's way (malicious and greedy); 2. 虎狼之国 [Koro: no kuni] – a country where the greed and ruthless rule, such as the wolf and tiger; 3. 虎穴を逃

れて、竜窟に入る[Ko:ketsu o nogarete, ryu:kutsu ni hairu] – out of the frying-pan into the fire (from a tiger den to the dragon paws); 4. 呑舟之魚は支流に泳がず [Donsyu: no uo wa siryu: ni oyogazu – Great ships require deep waters – the big swimming (fish which swallow ships do not swim in the shallows). (The folklore image of a wolf in Russian culture embodies greed and insatiability).

Table

«-»		«+»	
LAZY	- cow/bull	INDUST-RIOUS	- horse, dog, beaver
CUNNING	- fox, monkey, raccoon	EXPE-RIENCED, WISE	- snake, dragon, horse, rhinoceros, bird, crane
STUPID	- deer, cow	SPIRITUAL	- elephant, crow, snipe, pigeon
COWARD	- crow	QUALITIES	- dog, horse
LONG-TONGUED	- frog	DEVOTED, LOYAL	- lion, wild boar, wood goblin
GREEDY	- wolf, wild dog	BRAVE	- raccoon, dog, bird, crossbill, achrocephalus (Lat.), white heron
MODEST	- deer, horse, dog, raccoon, wolf, hen	VALUABLE	
CRUEL	- wolf, tiger, wood goblin		
TREA-CHEROUS	- fox, raccoon, wolf		
UNPER-CEPTIVE	- monkey, cock		
BOAST-FUL	- wood goblin		

Characteristics mentioned above are semantic variants of the central meaning. Being independent components, they can supplement each other: if X is mercenary, the feature of stinginess can be found in this characteristic. The descriptive component "PRUDENT" is close to the description "MERCENARY" (it is a rationalistic estimation with a positive feature in example 4). The positive symbol of the rationalistic estime stands to reason as the semantic feature "PRUDENT" is rather subjective and does not always have a negative character. It can vary from positive to negative in various situations. This depends on many factors – social, moral ethic and subjective. Various attitudes towards material as well as cultural values are determined by national stereotypes. Thus, in a society focused on capitalist relationships (the Japanese society belongs to this type) the concept "PRUDENT" is considered from a position of advantage and expressed by a positive rationalistic estimate, for example: 5. 網呑舟之魚を漏らす – [Ami donsyu: no uo o morasu] – a big fish cannot be held by the net. Thus, multidimensional semantics forms the base for complicated category differentiations of particular estimate meanings, where the basic negative ethical estimates coexist with negative psychological (emotional) and positive rationalistic estimates.

Based on the classification of human features offered by T.N. Pisanova, our work provides classification of the most frequent positive human qualities and their particular estimates. Thus, a complicated model of particular estimates corresponds to the characteristic «POSSESSING SPIRITUAL QUALITIES»: 6. 象牙の塔 [zo:ge no to]: 1) the name of Mary –Jesus' mother, 2) space of art or science where people of art and science live, escaping from worldliness, vanity (An ivory tower)); 7. 烏に反哺の考あり [Karasu ni hampo no ko: ari] – A crow transfers fodder in its beak – It is about the thankfulness of grown-up children; 8. 鴫の看経 (かんきん) [Sigi no kankin] A snipe idly walks in fields and bogs without training (silent reading of sutras); 9. 鳩に三枝の礼あり [Hato ni sansi no rei ari] – the lower you put a thing, the upper you will obtain it (a pigeon sits down on the third branch below the parent); 10. 獺祭 [Dassai] – Otter Holiday (before eating, the otter distributes fish abreast. This refers to a person sacrificing food to Lord Supreme; and to a scientist working among dictionaries and directories).

The opposition «SMALL – BIG» is regarded in the 6th example. According to the law of natural selection, only the strongest species survives in nature community. As a rule, the largest individuals are at the head of a group, therefore concepts "BIG", "TALL", "LARGE" are identical to the descriptions "STRONG", "HARDY", "HEALTHY", "SUCCESSFUL". This correlation is fixed as a norm and a deviation to this or that side is considered as "ABNORMAL", "UNHEALTHY".

The analysis of category differentiations of particular estimations with zoonyms has revealed typical combinations of individual meanings determining ethnic cultural features of ethical estimation. These are ethical, emotional and utilitarian estimations. The top second are combinations of ethical, emotional and intellectual estimations. Combinations of ethical and aesthetic estimates, as well as ethical and teleological estimations are less frequent.

REFERENCES

1. *Арутюнова, Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. / Н.Д. Арутюнова. – М., 1988. – 211 с.

2. *Баранов, А.Н.* Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.

3. *Егорова, А.В.* Имена живой и неживой природы в аксиологическом и концептологическом аспектах (на материале пословично-поговорочного фонда английского языка) : автореф. дис. … канд. фил. наук. [Электронный ресурс] / А.В. Егорова. – Иваново, 2006.

4. *Карасик, В.И.* Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики / В.И. Карасик. – Волгоград, 1999. – 216 с.

5. *Киэда, М.* Грамматика японского языка; пер. с яп. / М. Киэда; общ. ред., предисл., коммент. и прил. Н.И. Фельдман. – 3-е изд. стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – Т. 1. – С. 655, С. 75–109.

6. *Писанова, Т.В.* Национально-культурные аспекты оценочной семантики. Эстетические и этические оценки / Т.В. Писанова. – М. : ИКАР, 1997. – 320 с.

7. *Тер-Минасова, С.Г.* Из выступления на Международном лингвокультурологическом форуме «Язык и культура: Мосты между Европой и Азией». – Хабаровск, сентябрь 2009.

8. *Шнырко, А.А.* Этюды по грамматике японского языка. Вопросы грамматической семантики / А.А. Шнырко. – Владивосток : Дальнаука, 2008. – 234 с.

9. Японско-русский словарь «Кодансya». – Токио, 1992. – 616 с.

10. Иероглифический словарь «Кандзигэн» [Электронный ресурс]. Изд-во Гаккэн, 2003, Casio XD-FP6800.

11. Martin, Samuel E. A Reference Grammar of Japanese [Text] / S.E. Martin. New Haven; London: Yale University Press, 1975. – 1198 p.

12. 日本文法研究。久野すすむ。東京 : 大修館書店。2000 年。 Нихон бумпо: кэнкю:. = Исследования по грамматике японского языка / под ред. С. Куно. – Т. : Изд-во Тайсю: кан. 2000. – 648с.

13. Casio XD-FP6800, 岩波書店、2004 年。

14. Энциклопедия 広辞苑 Кодзиэн. – 2-е изд., изд-во Иванами сётэн, 1974. – 2448 с.

15. Энциклопедия 広辞苑 Кодзиэн. – 5-е изд., изд-во Иванами сётэн, 2004, Casio XD-FP6800.

16. Ямада Ёсио. Нихон бумпо: гаку гайрон / Ё.Ямада. – Т., 1937. – 832 с.

POLYNESIAN MYTHOLOGICAL IMAGES IN THE NEW ZEALAND WORLDVIEW

O.V. Nikolaeva

Nikolaeva, Olga Vasilievna – Candidate of Philology, Associate Professor of the English Language History Department, Institute of Foreign Languages, Far Eastern National University.

The paper reveals the historical sources of Polynesian mythological images in the New Zealand worldview. The analysis is done on the basis of traditional Maori folklore and contemporary New Zealand periodicals.

Key words: Polynesian languages, mythological image, worldview, Maori, folklore.

Contemporary New Zealand periodicals abound in frequent allusions to Polynesian mythological scenes, which are obviously quite familiar to a New Zealand reader. As a rule, references to Polynesian mythology in New Zealand newspaper articles are confined to merely a word or a phrase, rather than a detailed description of a myth. This brevity provides quite sufficient evidence of the fact that widely employed mythological images of Polynesia are now a part of the present day New Zealand worldview.

According to Ushakov's Dictionary of the Russian Language, a mythologeme (the term equal to that of *a mythological image* in this research) is a structural element of a mythological scenario [1]. In the present paper though by the *mythological image* I assume a certain mode of thinking based on the transposition of a mythological scene into a contemporary conceptual environment.

The causes of incorporation of Polynesian mythological images into today's New Zealand worldview are to be found in the currently changing attitude to the native culture of Maori, East-Polynesian by its origin. During the recent decades there has been an obvious revival of the Maori language and culture, reanimation of Polynesian mythological tales being a natural consequence of this process. Employing the images of the native ethnic mythology manifests the latest tendencies in the New Zealand traditionally Eurocentric world vision, and serves as another proof of the society's mental advance to national integrity based on the appreciation of both cultures (Maori and Pakeha). On the other hand, Polynesian mythological images in the New Zealand worldview demonstrate the tendency of closer contacts with the other oceanic cultures of the South Pacific region.

Let us analyze those fragments of Polynesian mythology which were subjected to further evolution in the New Zealand worldview. Polynesian folklore contains the great series of legends of the demi-god, or deified man Maui. In some parts of Polynesia he is depicted as a god, in others he is just a man. It is believed that Maui was a leader of the Polynesians in their early exploration of the Pacific. In other opinions, tales of Maui are much older and have continental origin. Comparing the image of Maui with the characters of classical mythology one can see the obviously common traits of Hercules and Prometheus, but the details and particulars of his adventures make his mythological figure unique [10: p. 233].

In the traditional Maori culture Maui had a miraculous birth. According to the legends, he was delivered prematurely, and his mother, having cut her tresses, wrapped the infant in her hair and threw it into the sea. The baby was saved by the water-spirits and then nourished by one of his divine ancestors. Maui returned to the people, found his brothers, and having performed several magical feats won their acknowledgment [10: p. 233]. Maui is known in the Maori culture as a whimsical trickster, who made the sun go more slowly, pulled the land up from the bottom of the ocean and tamed fire [8: p. 114].

For example, a Maori legend has it, that Maui was a very curious person and one day he wondered, where fire came from. He set out to the end of the earth to his great ancestress, the goddess of fire, Mahuika. The goddess was in a good mood and kindly gave him her fingernail of fire. But Maui was anxious to know where she would get her fire, if she had no fingernails left. He threw her fingernail into a stream and headed back to Mahuika with an excuse. Maui returned to her many times till she had used all her nails. She got very furious and set on fire both land and sea, so Maui barely escaped. Some trees (Mahoe, Totara, Patete) though cherished the fire and considered it a great gift. Maui didn't bring fire to people, but he brought dry wood and showed people how to start a fire by rubbing dry sticks together [4].

In Maori legends Maui is depicted as a very daring and even an impudent hero. One evening he was annoyed with the shortness of the day and the early sunset. His brothers and he had to eat in the dark. Maui decided to catch the sun and teach it to travel slowly across the sky. His brothers tried to dissuade him, saying that the sun would burn him to

death, but Maui stood firm. Chanting his pray, together with his brothers he made a snare of flax-ropes, waiting for the sun to awake and rise from its red-hot pit, dug deep into the ground. The sun woke up and started rising not aware of the snare. But seeing Maui the sun was furious. Maui though used the magic jawbone of his ancestors and snared the sun. Maui required that the sun travel slowly across the sky and the day be longer. That's how Maui slowed the sun [5].

Another myth has it that one day Maui together with his brothers hooked up a giant fish. The fish was so huge that it could easily sink their canoe. The brothers were scared to death and pleaded with Maui to cut the line and set the fish free. But Maui refused and pulled the fish up from the bottom of the ocean. The giant fish almost totally covered their small canoe, still Maui managed to return safely to the shore. Maui warned his brothers to guard the fish against cutting it till he had made offerings to the gods. But when he left his brothers greedily cut out the slices of flesh and ate them. Birds, plants, animals and people inhabited the giant fish of Maui, cuts in its flesh created the unique unevenness of the relief. According to the myth, the fish became known as the North Island, or Te Ika a Maui – The Fish of Maui. Maui's broken canoe is known as the South Island, or Te Waka a Maui (Maui's canoe) [6].

There are certain variations in the image of Maui and his heroic adventures in different Polynesian cultures. In Tahiti, for instance, Maui was a wise man, a prophet, a priest, afterwards deified. According to Tahitian tales, one day Maui hadn't finished his work at the marae (sacred place) by the sunset and took hold of the sun-rays to stop the course of the sun for some time [10: p. 235].

In the Polynesian culture of Samoa Maui went down to the earthquake deity, who dwelt deep in the ground and receiving some fire from him, took it back to the world, and began to cook. It aroused the wrath of the deity, who broke up the oven. But Maui was victorious in a fight and the earthquake deity revealed the secret of fire [10: p. 235].

In Tonga Maui is also believed to have discovered the secret of fire, and taught people to cook food with fire. He made fire dwell in certain kinds of wood. Legends have it, that Maui bears the earth on his shoulders, and when he nods in sleep it causes earthquakes: to waken him people have to stamp on the ground [10: p. 235]. Tongans are quite familiar with the legend of the giant fish of Maui. He pulled up the Tongan Islands from the ocean: first Ata emerged, then Tonga, then Lofaga, and the other islands. In Tonga there is a spot named Houga which Maui fish hooked, and the hook itself was in the possession of the King of Tonga until about 1770 [10: p. 236]. In Mangaian myths the island itself was dragged up from the ocean and its central hill is the centre of the Universe [10: p. 235].

Different interpretations of the Maui image in Polynesian cultures are united by the general idea that he embodies a great hero of Polynesia, who taught people many useful skills, a clever, daring person, gifted with supernatural power, surpassing that of a human [8: p. 114].

The mythological image of Maui was created in Polynesian cultures, and became incorporated into the traditional Polynesian worldview. The legend of Maui's giant fish generated a lot of place-names with the *Maui* component. One of the largest Hawaiian islands is named Maui. Place-names of Maori origin include several names of the North Island of New Zealand: Te Ika a Maui (the fish of Maui), He Ahi No Maui (the fire of Maui), He Hi No Maui (the thing of Maui). The South Island bore the name Te Waka a Maui (Maui's canoe), the place, where the New Zealand capital Wellington is situated now was called Te Upoko o te Ika a Maui (The Head of the fish of Maui). Kaikoura peninsula on the South Island was known as Te taumanu o te waka a Maui (the seat of Maui's canoe).

The research of Maori proverbs and sayings proves that the Maui mythological image was widely employed in traditional Maori culture. Transposition of mythological scenarios related to the heroic figure of Maui was regularly performed to describe various situations of everyday life.

So, the saying "He aha koa. Hai te tokorima a *Maui*" [2], which can be translated as "it doesn't matter, I have the five of Maui" was used under the circumstances of a lack of cutlery, to eat from. In this case people used to say that they had the five fingers of Maui, which they could use. The mythological image accentuates Maui's resourcefulness, his ability to find a way out of any predicament.

Another aspect of Maui's inventiveness is highlighted in the saying "Ko *Maui* whare kino" [2] (Maui of the evil house), which figuratively describes the situation of designing plots and preparing strategies and plans. In this saying Maui is a legendary deviser of clever and daring schemes and feats. This trait is closely connected with Maui's cunning shown in the saying "Ko *Maui* tinihanga koe" [2] (like Maui you are a deceiver). The saying alludes to the myth of obtaining the secret of fire, when Maui deceived the goddess Mahuika, inventing various excuses to make her give him all her fingernails of fire, whereupon he threw them into the stream.

Maui's supernatural power and his ability of transforming into different creatures is found in the

Maori proverb "Mehemea ko Rupe" [2] (if only I were Rupe!). Rupe was the name of a pigeon into which Maui changed himself. As a pigeon he flew to the uppermost heaven and managed to escape. One more saying with the Rupe image "Ko whatiwhati koa nga parirau o Rupe" [2] (the wings of Rupe are quite broken) was used to state that the men of the tribe were all dead or had departed.

Maori proverbs show him as a skillful master of spearing, who defeated the bird-taniwha (monster). The bird's body contained so many weapons of Maui that it was figuratively named "Te whare huata a *Maui*" [2] (Maui's house of spears). The proverb arose from this incident.

Maui the hero, never letting his prey go, is represented in the saying "Ka mau ta *Maui* ki tona ringaringa e kore e tae ate ruru" [2] (what Maui has got in his hand he cannot throw). Here there is an allusion to the myth of Maui's great fish, which he pulled up from the ocean and never let it go, though his brothers pleaded with him to do it.

Maori folklore features the contest between Maui and the goddess of death, who was also the guardian of souls Hine-nui-te-po (great daughter of the darkness). Maui's plan was to crawl into the mystical creature when she was asleep and to pass safely through. This would have caused her to die [10: p. 234]. But the goddess awakened and in the contest Maui was defeated, though by chanting incantations he restored himself to life [2: p. 75]. His will for life was accentuated in the saying " Mana ano e whaka*maui* ake" [2] (he may rally again like Maui), which is used of a dying person with the hope that he may recover from a severe illness. Maui though could not defeat the goddess of death; according to the Maori folklore, he is mortal like all people. The saying "Mehemea i puta a *Maui* i tua, kua kore te tangata e mate" [2] (if only Maui had passed through then man would never have died) arose after that very contest. There is a great sympathy with the brave hero in this proverb, which is used to express bitterness and sorrow at somebody's death.

So, the Polynesian mythological image of Maui in the traditional Maori worldview functioned as a means of expressing ideas of skillfulness, inventiveness, resourcefulness, cunning, will of life and victory, supernatural power and mortality all essential for Maori-warriors. Mythological images have always been the linking element between the Maori worldview and the common Polynesian concept of the world, manifesting their shared cultural heritage, and their common origin. Besides, the transposition of Polynesian mythological scenarios into the the Maori conceptual environment served as a means of supporting the Polynesian ethnic identity of Maori.

The contemporary New Zealand worldview is based on the interaction of the native population concept of the world and the European settlers (pakeha) mode of thinking. The research showed that the New Zealand worldview features Polynesian mythological images as well. The comparison of their functioning in Maori an Pakeha worldviews appears to be a challenging task.

Firstly, quite a lot of contextual realizations of the Maui name in New Zealand English reveal the allusions to the myth of Maui's great fish, which became the North Island of New Zealand. The mythological image of Maui in the New Zealand worldview (just like that of the Maori traditional worldview) is a means of figurative perception of various geographical objects: towns, capes, narrow parts of roads, the whole North Island and so on. In such examples various parts of the giant fish are displayed (head, tail, fins, and even flesh), as well as Maui's fish hook. In the sentence "Wellington is a very small town on the end of *the great fish of Maui*" [7: June 17, 2008] it is stressed, where exactly on the body of the fish the capital of New Zealand is situated. The mythological image is represented as a phrase *the great fish of Maui* without further explanation, which proves its being well-known in the New Zealand worldview.

The other example reveals the early Maori name of Wellington: "The earliest name for Wellington, from legend, is *Te Upoko o te Ika a Maui – The Head of Maui's Fish*" [3: Dec. 5, 2008]. The article informs the reader about the project of the 14-metre fish hook statue at the gate of Wellington, the hook with which Maui pulled up the North Island from the ocean: "A giant $1. 32 million illuminated *fish hook* celebrating the legend of *Maui* is planned for Wellington's northern entrance" [3: Dec. 5, 2008]. One more example asserts that a *cape* is depicted as a *fish hook of Maui*: "The *fish hook,* according to legend, became the *cape* which now forms the southernmost tip of Hawke's Bay" [3: Dec. 5, 2008]. In the other article the narrow part of the road on Aupori Peninsula, leading to a cape is named "*the tail* of *Maui's fish*", which does not have much *flesh* on it: " … drive the length of the Aupori Peninsula to Cape Reinga, where the spirits depart for *Hawaiiki*. … this is *the tail of Maui's fish* and there is not a lot of flesh on it. But there are more than enough highlights to keep you interested" [7: Dec. 24, 2007]. In another mythological image *Hawaiiki* is used in the text to symbolize the Maori native land, from which they arrived in New Zealand.

One more article describes the landscape as a *fin* of the fish of Maui: "Smiling as I walked I would think, 'Here I am on the edge of the barnacled *fin of the*

*great fish that **Maui*** caught"' [9: Apr. 4, 2009]. The combination of allusions to the incredible Maui's catch and a well-known geographical object can be found in the other example: " …driving the length of ***Maui's*** *great catch*…" [9: Jan. 5, 2010].

Special attention should be drawn to the fact that the outline of the North Island on the map is strikingly similar to the shape of a huge fish. The first maps of the country are known to have been made by the first European explorers (Abel Tasman and James Cook). So, there is a great deal of doubt, how the native population Maori, unaware of the topographic outline of the island, could register in their traditional folklore such an amazing likeness of the North Island to a fish. The myth of the giant fish of Maui is known throughout Polynesia, so it excludes the idea of later European influence.

In the contemporary New Zealand worldview the shape of the North Island is closely connected with its topographical form, arousing associations with the image of a fish. On the map one can clearly see all the part of the fish: its head, tail, and fins. It is, probably, due to this fact that the mythological image underwent evolution, acquiring some extra details of Maui's fish body, which the traditional Maori image lacks.

There is an interesting discussion on the pages of New Zealand periodicals today about changing the name of the North Island into the early Maori "Te Ika a Maui" (Maui's fish): "The New Zealand Geographic Board … has decided that alternative Maori names should be made official … Te Ika a Maui (The Great Fish of Maui) … the most commonly heard" [7: Apr 26, 2009]. "The board has also suggested the North Island be changed to Te Ika a Maui" [7: Apr. 23, 2009].

So, the mythological image of Maui in the New Zealand worldview inherited its function of being a figurative means of representing the unique landscape of the country and even obtained some new quality.

It is an interesting fact that the mythological image of Maui is employed even for expressing some scientific data, such as, for example, the tectonic shift of Pacific and Australian plates, which pushed New Zealand islands up to the surface of the ocean: "What rescued New Zealand from beneath the ocean was the vigorous pushing activity at the boundary of the Pacific and Australian tectonic plates. The colliding plates forced New Zealand up from the depth, not unlike the *demigod Maui* of Maori myth who *pulled up a huge fish from the sea that became the North Island of Aotearoa*" [7: Sep. 29, 2007]. The author of the article uses the familiar Maui image to explain to a wider audience some complex geological processes, which formed the New Zealand islands. The author also aims at affecting the reader's perception of these scientific facts with the help of scenarios, reflecting the unique history and culture of the country.

In the contemporary New Zealand worldview the mythological image of Maui also functions as a means of achieving consolidation and integrity within a group of people or the whole society. In newspaper articles one can find the other scene from the myth of the Maui's fish, where his brothers greedily cut out his fish. In this case the mythological image helps describe historic clashes between Maori and Pakeha, which are metaphorically depicted as scars on the fish of Maui (scars in the history of the nation): "This nation has scars - just as *Maui's brothers, in greed, tore up this land*, greed has left invisible marks across out nations" These things are part of our story" [7: Feb. 12, 2008].

The idea of consolidation is also expressed with the help of images of Maui's brothers, sisters and other relatives. The common ancestry of the society members is implied in such cases: "… George Hawkins … yesterday suggested a range of names for the planned council, including the *Sons* and *Daughters* of *Maui*, the *Sisters* and *Brothers* of *Maui* and the *Cousins* and *Aunts* and *Uncles* of *Maui* [7: May 16, 2009]. In another paper an article, devoted to the same topic is titled "*Sons of Maui"* hold up super-city: " … MP George Hawkins would rather refer to his fellow Aucklanders as the *Sons and Daughters of Maui*" [3: May 16, 2009]

The mythological image of Maui highlights the intended consolidation not only within the country, but also, in a wider sense, in the whole region of Oceania. The tendency of New Zealand integration into the broader Pacific cultural community is expressed the following way: "We are all *children of Maui*, we are all *sons and daughters of the Pacific*" [7: May 6, 2009]. In the above-mentioned example the mythological image of Maui is perceived as a symbol of Oceania.

So, the Maui image in the New Zealand worldview shows its evolution and reveals a new function of figurative description of present day social ideas: integrity and consolidation in the country as well as in the whole Pacific region.

The research showed that the Maui image is used to describe a lot of various extraordinary situations reminding people of the incredible deeds of this hero of Polynesia. For example, a man who happened to be all by himself in the ocean confronting a huge shark, and who managed to survive compared himself to Maui: "**...** Aidan Swale, of Invercargill, likened himself to ***Maui*** *pulling up New Zealand* when he recounted his battle with a 2m shark..." [9: Feb. 6, 2010].

Another function of the mythological image of Maui in the New Zealand worldview is a figurative

description of people's traits, such as cunning and playing tricks. So, private equity fund named after Maui (Maui Capital Indigo Fund), was dishonest to its investors, the situation became the object of the pun in the following example: "The new legend of Maui was described in the prospectus of the Maui Capital Indigo Fund, a local private equity fund … reality has turned out a bit differently for Maui Capital Indigo Fund investors. The share price of this fund, after 18 months, is unchanged from cost …" [7: Aug 29, 2009].

The example above also reveals that Maui's image is widely used for onomastic purposes, which shows that in the New Zealand worldview it plays the role of a symbol of the country or the whole Pacific region. Maui's name is given not only to funds, but also tourist companies *(Maui* camper van), a gas field in Taranaki (- "...diminishing supplies from the *Maui* field off Taranaki [7: Oct. 20, 2009]), schools (the university's Te Kawa a *Maui* school [7: Jan. 2, 2010]), a species of dolphin ("… critically endangered species like the kakapo and *Maui's* dolphin" [7: Feb. 11, 2010]), magazines ("a new … magazine called *FishHead* – as in *the head of the fish (of)* ***Maui"*** **[**9: Dec. 2, 2009]) and other objects. New Zealand periodicals abound in such names.

New Zealand is quite familiar with the myth of Maui's snaring the sun: "Yes, it's time to follow ***Maui's*** example and *capture the sun* - or at least its energy". [9: Dec. 30, 2009]. This example describes the idea of making use of solar energy. The other article is about the origin of the Maori dance haka, which is linked, according to one of the versions, to Maui's actions, when he tried to capture the sun: "Another view is that it originally stems from an older haka about the demigod Maui creating the cycle of life and death by snaring the sun" [9: Jan. 1, 2009]. The situation of fire-fighting is described in the following example with the help of the image of Maui's ropes, with which he tried to catch the sun: "*Ropes of Maui*: … Smoke in the atmosphere from the Titahi Bay fire" [3: Feb. 23, 2010].

So, the analysis of the Maui mythological image in the contemporary New Zealand worldview and in the traditional Maori worldview yielded the following ideas.

In the traditional Maori worldview the structure of the Maui mythological image is dominated by the personality of the hero, his individual traits: agility and cunning, resourcefulness and inventiveness, being a daring even an impudent trickster, will for life and victory and his mortality. For the Maori he seems to be a person with real qualities, his character is shown in detail. Therefore, the most important function of this mythological image was figurative description of everyday life (disease, death, playing tricks, designing plots, war, victory), human qualities, relationships between people, and relationships between people and gods.

In the present day New Zealand worldview the Maui mythological image does not possess these features, the personality of the hero is seen as if from a distance; he is a symbolic figure rather than a real character. This is widely reflected in the New Zealand onomastics. But still some emergencies (fire, fight with a shark) are described with the help of the Maui image, which is connected, probably, with his heroic deeds (catching an incredible fish and snaring the sun).

Both worldviews feature the figurative description of the country landscape by this mythological image. The difference is in topographical associations added to the Maui image in the New Zealand worldview, which result in extra features of the hero image. Besides, native Maori place-names are genuinely metaphorical, whereas employing the Maui image in the New Zealand worldview as a means of landscape description is determined by the situation.

The Maui mythological image in the New Zealand worldview is also used to express some new tendencies in the country and in the whole region: consolidation of the society and closer contacts with the other Polynesian cultures.

REFERENCES

1. *Ушаков, Д.Н.* Толковый словарь русского языка. В 4 т / Д.Н. Ушаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dict.t-mm.ru/ushakov/

2. *Brougham, A.E.* Book of Maori Proverbs / A.E. Brougham, A.W. Reed. – Auckland: Reed Publishing (NZ) Ltd., 2007. – 188 p.

3. Dominion Post (The): New Zealand daily newspaper [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.dompost.co.nz/

4. How Maui Brought Fire to the World: Maori Myths, Legends and Contemporary Stories [Электронный ресурс] / New Zealand Ministry of Education website. – Режим доступа: http://www.tki.org.nz/r/maori/nga_pakiwaitara/index_e.php/

5. How Maui Slowed the Sun: Maori Myths, Legends and Contemporary Stories [Электронный ресурс] / New Zealand Ministry of Education website. – Режим доступа: http://www.tki.org.nz/r/maori/nga_pakiwaitara/index_e.php/

6. Maui and the Giant Fish: Maori Myths, Legends and Contemporary Stories [Электронный ресурс] / New Zealand Ministry of Education website. – Режим доступа: http://www.tki.org.nz/r/maori/nga_pakiwaitara/index_e.php/

7. New Zealand Herald (The): New Zealand daily newspaper [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nzherald.co.nz/

8. *Reed, A.W.* Taonga Tuku Ih: Illustrated Encyclopedia of Traditional Maori Life / A.W. Reed. – Auckland: New Holland Publishers, 2002. – 208 p.

9. Stuff: New Zealand news and information website [Электронный ресурс] / Fairfax Digital. – Режим доступа: www.stuff.co.nz/

10. Tregear, Ed. Maori-Polynesian Comparative Dictionary / Ed. Tregear. – Wellington, New Zealand: Lyon and Blair Printers, 1891. – 675 p.

TRANSITION FROM ETHNIC STEREOTYPES TO SHARED IDENTITY IN A MULTICULTURAL CONTEXT

M.G. Lebedko

Lebedko, Maria Grigorevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the English Language History Department, Institute of Foreign Languages, Far Eastern National University.

The article addresses ethnic stereotypes in a multicultural context and looks for more effective ways of managing them in the light of cognitive theories. The analysis suggests that to considerably reduce ethnic stereotypes one has to build shared identity. It was found that de-stereotyping is possible due to a cognitive mechanism that makes deductions based on relevant facts about an individual with whom someone shares identity.

Key words: multiculturalism, multicultural context, intercultural communication, stereotyping, ethnic stereotypes, shared identity, cognitive theory, cognitive mechanisms, categorization.

Introduction

Stereotyping is a highly controversial and complex phenomenon. On the one hand, stereotyping is natural, being a natural cognitive process of categorization. On the other hand, stereotyping is unnatural because stereotypes as products of this process are built on overgeneralization and simplification. Some stereotypical categories (such as race, ethnicity, gender, etc.) are harmful because they may be used for discrimination [17]. Stereotypes are very often true to life and at the same time they are abusive because in real life each individual is different and nobody wants to look like a stereotype. Most authors tend to regard stereotypes as negative leading to conflicts or clashes [10; 7; 13; 6; 20; 22] or culture bumps – well-meaning clashes [4; 24; 6; 13] in an intercultural communication context. According to the opposite opinion, stereotypes are positive, serving as the first step to contact between two cultures, i.e., they prepare interlocutors for potential clashes with other cultures, weakening the blow, and lessening the culture shock. The tendency to economize cognitive efforts that raises a defense mechanism in an intercultural context explicates these positive factors. But ironically, interlocutors economize only their own efforts and ascribe misunderstandings to the "other" (interlocutors from a contacting culture). One can presume that the cognitive effort economy principle facilitates perception of "other" cultures and explicates such complicated cognitive structures as stereotypes [6; 2].

Taking into consideration various effects of stereotypes on the outcome of culture contacts, the author of the present study assumes that stereotypes are one of the major causes of communicative failures and are barriers to effective intercultural communication either between interlocutors belonging to different countries or between interacting communicators of different ethnic identities within a multicultural environment. This specifically refers to ethnic stereotypes that are understood as dominant mostly negative assumptions about ethnic minorities as a whole and about individuals. Stereotypical assumptions are known to all the members of the given society or to the majority of its members. The question emerges whether multicultural contexts reduce or strengthen stereotypes, particularly ethnic stereotypes.

Multiculturalism and Ethnic Stereotypes

First introduced in the 1970s in Canada, the term "multiculturalism" gradually spread over other ethnically diverse Anglo cultures. Initially, the notion emerged as a progressive social doctrine to support immigrants from various cultural backgrounds, to assist immigrants to keep their identities and to enhance the management skills of ethnic pluralism. But the notion of multiculturalism has recently become a significantly controversial issue in these cultures. The issue is presently associated with both peril and opportunity. Proponents ascribe to multiculturalism the values of equality and tolerance toward immigrants and the goal of preserving the unique cultural heritage of minorities; they regard it as a progressive source of ethnic identity, a major source of pride and a positive alternative to assimilation [11]. Opponents accuse the policy of multiculturalism of leading to division and disconnection of ethnic groups from the wider community by encouraging separatism. This approach views multiculturalism as being detrimental to cultural identity and way of life and a threat to national unity [16; 21].

The author of the present study will focus on the interplay of ethnic stereotypes in multicultural context to find out how, when, and why people stereotype others in the USA, a "nation of immigrants." Diversity of cultures (which is presently called "multicultu-

ralism") is a historical process in American society. Already in the 18th century Hector St. John de Crevecoeur, the founder of American literature, drew attention to the amazing diversity of Americans describing, "…that strange mixture of blood you will find in no other country" [8, c. 70]. One of the first authors to research and distinguish challenges of multiculturalism and possible division of American society into fixed ethnicities, "a nation of minorities" was Arthur M. Schlesinger [20, c. 63–64].

It is essential to research multicultural American society because there has always been a great interest in finding a good umbrella term to cover diversity and unity, which is reflected in the change of metaphorical names applied to this multicultural society. These metaphors form a kind of evolutionary line of approaches to multilingual and multicultural American society.

Melting Pot > Mosaic > Salad Bowl > Pizza > American Quilt > ?

The first metaphor (the oldest) underlined the unified character of new Americans, their ethnic heritage notwithstanding. The so called Melting Pot model of multiculturalism of Crevecoeur has existed for two centuries. Later the idea changed because each member of a society wants to be unique, so the metaphor "Mosaic" came to express the cultural diversity in the USA but it did not underscore unity. New metaphor "Salad Bowl" added a "thin layer of dressing" to show the diversity and unity, but the ties were not so tight. The "Salad Bowl" metaphor was substituted by the "Pizza" metaphor implying diversity (*ingredients*) and unity (*melted cheese*) but it did not reflect territorial differences. The latest metaphor is "American Quilt" that was first used to denote a geographical map of the USA where all the states are differently colored. In one more step of the metaphorical process, it came to display diversity (*patches of cloth*), both ethnic and territorial, and unity (*threads*) to keep all Americans as one nation. All of these metaphors (with the exception of *Melting Pot*) were introduced to underscore the notion of multiculturalism within one nation. Is the last metaphor ideal? Nobody would insist on that. As for the influence of multiculturalism on stereotypes, it may contribute both to the reduction of stereotypes and their growth depending on de-stereotyping factors, shared identity being one of them. The search for de-stereotyping mechanisms is urgent though it is highly challenging.

There are a number of ways to manage stereotypes that can be traced to the examples analyzed below through linguistic representations expressing assumptions of stereotyping people who try to de-stereotype. Most participants of intercultural communication are aware of the negative influence of stereotypes on intercultural communication and do their best to tackle stereotypes. Many people try to eliminate stereotypes going from stereotyping stages to non-stereotyping ones, reflecting on what stereotypes. This kind of attitude may be called a conscious or reflexive approach. People go through several consecutive stages: unconscious stereotyping, conscious stereotyping, conscious de-stereotyping, and unconscious de-stereotyping. These stages are based on a conscious reflexive approach, when a person thinks critically [15]. The context from fiction below illustrates the character's reasoning on stereotypes:

Sandy looks like a stereotype but he's not. ***Maybe nobody's a stereotype once you really get to know them****, but this gets harder and harder the older we get, it seems to me. Too much ground to cover, too much to learn. I am probably a stereotype myself, come to think of it, one of those women you see on every college campus these days, those fiftyish women with half-frame reading glasses and denim skirts and Aerosole shoes, streaked hair pulled back in a ponytail, kicking along through the leaves, on fire with Woolf or whoever. That's me.* ***I'm a stereotype too****. But at least I'm not a fat stereotype any longer, having magically dropped those 20 pounds of "divorce weight," as Marybeth calls it.* (Smith, Lee. *The Christmas letters*).

Following the character's thoughts, her hesitations and, finally, her determination not to stereotype, one could see how she gradually goes through all the stages of a conscious reflexive approach and comes to understand what stereotypes are. It is essential that she receives the information about the person she stereotypes from firsthand experience, which reduces stereotypes. But it required conscious reflection that led on to unconscious stereotype avoidance (***Maybe nobody's a stereotype once you really get to know them***). Critical thinking (thinking about thinking) compelled her to scrutinize herself and her regard for herself as a stereotype (***I'm a stereotype too***). A conscious approach is really helpful if it is applied by those who are eager and ready to stop stereotyping.

Other interlocutors in a multicultural context try to adorn their speech with "nice" words believing

that they are free of stereotypes. The example from fiction below is particularly indicative of this pattern: Sally, a white New Englander, and a Mexican pastor, Mr. Hernandez are speaking about various minority groups living in the USA.

"*They're **wonderfully colorful**, the minorities. What would **we** do without our **Italians and Jews, or the coloreds with their beautiful, queer speech**?"* (Gardner John. *October light*).

In this context, Sally (the character) used some epithets *wonderfully colorful, beautiful* to consciously underscore her non-stereotyping attitude to the minorities, but her juxtaposition of "ourselves" (*we*) and "others" (*the minorities*) betray her unconscious stereotyping. The adjective *queer* meaning *"strange or odd from a conventional viewpoint; unusually different"* [18], also vividly speaks of her bias. The Mexican with whom Sally converses feels it and puts her in his place using a stereotype of New Englanders:

*"Exactly," Mr. Hernandez said happily, "or these wonderful **tight-mouthed New Englanders**." … "But it all has to go in the end, you are right. **Lazy, fat Mexicans**, **coloreds with their rhythm and beautiful, queer speech**, **Jews with their skullcaps and keen intelligence, tight-mouthed, tight-fisted New England farmers**"… As more and more blacks and new Englanders marry and have children, we are sure to see an increase in **stubbornness among blacks** and to see **a marked relaxation of morals in New Englander**"* (Gardner John. *October light*).

Albeit the Mexican, Mr. Hernandez, also used the epithet (*wonderful*) and his nonverbal behavioral pattern expressed happiness, Sally was stunned. In his humorous response, Mr. Hernandez ascribed reverse stereotypical traits to the ethnic groups: ***stubbornness***, a stereotypical assumption about New Englanders, was ascribed to ***blacks*** and vice versa, ***relaxation of morals***, "typical" of blacks was applied to Sally, a New Englander. Sally understood that other people might stereotype her. That was a lesson taught by Mr. Hernandez, the Mexican. This context shows when people stereotype: in a multicultural context when there is a lack of firsthand personal experience. In cognitive terms, Sally's mentally fuzzy associations naturally recurred to a stereotype when she encountered the Mexican for the first time.

A cognitive interpretation reveals why stereotyping occurs. In cognitive theory of the formation of category terms, this communicative act can be explicated by two basic principles that participate in the process of categorization. These are economy of cognitive effort and perception of the world with structured information and not by arbitrary unpredictable attributes [17, 201]. Sally did not realize that she was still stereotyping; in her view, she used "nice" words. The cognitive analysis further highlights the two major theoretical postulates in the category formation [19]: one of the mental processes identifies "clumps of entries in the mental spreadsheet" with fuzzy boundaries, the other finds "crisp rules and definitions and enters them into chains of reasoning" [17, 201].This happens because, while categorizing, people (as Sally did) cannot perceive (small) details, but perceives a person as a whole. As Pinker theorizes, "We perceive some traits of a new object, place it in a mental category, and infer that it is likely to have the other traits typical of that category…" [17, 203]. This theory validates the natural categorization of people and their classification of people into different groups, classes and stereotypes. The cognitive process of perception contributes to stereotyping: very often people of different ethnic identities or cultural groups possess unique perceptual experiences that create stereotypes [ibid.] in very divergent multicultural contexts. Cognitive postulates are of great assistance in understanding the nature of stereotypes, an issue which has generated much contemporary research.

Scholars have made great efforts to break up stereotypes. Some approaches emphasized the urgent need to get rid of stereotypes through the elimination of all slurs, pejoratives and other expressions of ethnic stereotypes from dictionaries, i.e., to pretend that stereotypes do not exist. This theory failed because dictionaries are not the only stores of abusive expressions. Stereotypes exist in proverbs, idioms, folklore, oral speech, in our minds, i.e. in a collective unconsciousness that is also a store of stereotypical assumptions [1, c. 216]. Other approaches viewed different ways of stereotype management through introducing Political Correctness (PC) presuming PC is more effective than other tools. While PC works in general it also has some drawbacks. Stereotypes are not fixed in time and space: politically correct words realizing stereotypes also tend to change (reflecting the dynamic character of language); the new PC words gradually acquire pejorative meanings and have to be substituted by new PC words [9, c. 177; 17]. The reason for this is that one can not do anything until a phenomenon exists in a culture, in the collective unconsciousness.

The reaction of ordinary people to the introduction of politically correct words is clearly seen in the two examples below:

(1) *Lord God! You could not say **nigger** or **Polack** anymore, but you could still say **WASP**.* (Gardner John. *October light*).

(2) *People didn't call blacks names any more, at least **not to their faces**. Italians weren't **wops** or **dagos**, and there were no more **kikes**, **Japs**, **chinks**, or **spics** in polite conversation. Everybody had a group to protest and stick up for them. But **women were still being called names** by men* (Flagg, Fannie. *Fried green tomatoes at the whistle stop café*).

One can state that trying to underscore that people agree with PC rules, they try to avoid using stereotypes openly (***not to their faces***), but they keep on stereotyping and complain of the exposure to ethnic (***WASP***) and gender (***women were still being called names by men***) stereotypes of themselves from other people. This means that stereotypes are mental constructs stored in the minds even though they are erased from dictionaries or usage is forbidden.

From ethnic stereotypes to shared identity

The author of this research suggests that we should take a new perspective on stereotypical issues: one of the possible ways is to connect ethnic stereotypes with shared identity on the basis of cognitive theory, which we referred to earlier in this article. Of special importance is the answer to the question "How do people stereotype and how can stereotypes be managed?" Addressing cognitive theory, one can follow the process of stereotyping and de-stereotyping. Central to this perspective is the assumption that we have a cognitive mechanism (our categorizer) that blocks out stereotypes. The cognitive theory postulates that "…a categorizer can block out stereotypical associations and make deductions based on relevant facts about that individual" [17, c. 203]. This last statement is highly important for the suggestion of management of stereotypes. This explains how the cognitive mechanism works. We could use this property of our mental categorizer and apply it to the intercultural communication context with the purpose of constructing shared identities. In this case, we could go from ethnic stereotypes to shared identity, which is one of the ways of de-stereotyping. The new approach to eliminate stereotypes might lead to successful communication.

Identity is the sum total of idiosyncratic traits or things that make a person unique. The definition of shared identity is self-evident: a set of shared traits (or wider – things) that are common for two or more persons, a group, a society or a culture. What can be shared? There is an infinite variety of things that can be shared and developed into a firm foundation to unite people:

- the beliefs and practices through which people understand themselves and organize their lives (comprising shared action, shared values and shared identity; [23].
- cultural roles, behavior patterns, norms and values etc. conceptualizing the identity, which provides people with the feeling of security and shared identity information;
- music, media, the visual arts, and drama (culture in the narrower sense of the word) as a source of shared identity;
- the shared past understood not as ruins or artifacts, but as people today connecting with those who previously lived, worked and played here… This is our heritage ... this is our shared identity [5];
- shared symbols to impact a traditional neighbor-to-neighbor community and to bolster the proximity connections[23];
- similar interests connecting people and providing a sense of identity and common bond, etc. Shared things may be endless...

Are there any experiential procedures that can help train and develop skills for building shared identity and avoiding stereotypes? One thing is definitely clear: shared identity lessens or eliminates stereotyping of people who constructed a shared identity, which makes deductions based on new facts about the interlocutors possible. What are the implications of such an approach? As we know, this is possible due to the mental categorizer, the function of which is to block out stereotypes. That is why professionals who have common professional interests can develop shared identity and skills of stereotype management. To illustrate these observations, an example is analyzed below to see how Jones, an American officer, gradually changed his stereotypical perception of a Russian officer to the opposite after seeing the way the latter worked.

*At first he'd been a little **standoffish*** [a Russian officer Bugayev] ***– as if he were a lord and I was a serf**, Jones thought – until he'd seen how the skipper treated him. This surprised Jones. From what little he knew of Communism, he had expected everyone to be fairly equal…*[a little bit later] *Maybe Bugayev wasn't so **dumb** after all, Jones thought…* [later]: *"Maybe he **really** was the on-board **genius** that the Russians said he was* (Clancy, Tom. The Hunt for Red October).

It is essential to follow the changes of the American officer's attitude and see the major transformations in evaluating not only the professional

skills but also the character of the Russian officer. It can be concluded that the interlocutors (the Russian and the American) started gradually developing a shared identity. In cognitive theory terms, the mental categorizer deducted stereotypical assumptions when the American observed the real facts (the professionalism of the Russian officer). Due to the property of the mental categorizer, the transition from ethnic stereotypes to shared identity is possible resulting in reduction or elimination of stereotypes.

The analysis of other contexts suggests that the construction of shared identity fails if there is lack of common ground, which can be seen in the context below where communicative failure occurred:

American and Recent Russian immigrants to the US were neighbors. The American couple politely greeted the Russian couple each morning, talking to them and exchanging pleasantries. Sometimes, in the evenings both their families picnicked together. Everything went well. But soon the police came to the Russian couple's house to warn them to lower the volume of their loud music! The American couple called the police, as the Russian couple learned. They were shocked, but to their surprise the American neighbors kept on politely greeting the Russian couple each morning, talking with them … (*опыт Т. Полины*).

This communicative failure is based on an axiological category of values that are not shared by the interlocutors. Reporting an incident to the police is a value for Americans and an anti-value for Russians. An American cultural presupposition is that one goes to the police if the neighbors disturb them. Contrary to the American cultural scenario, the Russians would rather go to the neighbor to solve the problem than call the police, who are the last people the Russians would turn to. In Russian culture, reporting is regarded as a betrayal. Those who report are treated negatively. The shock of the Russian couple is quite understandable in the context of Russian culture. The lack of knowledge of the Russian couple about behavioral patterns of their new culture strengthened their stereotype reaction. One more dimension contributed to the communicative failure: the non-verbal sign, a smile that has different functions in contacting cultures. Contrary to the American culture where it expresses friendliness, in Russian culture a smile expresses sincere affection. The Russian couple thought that their neighbors were sincerely glad to see them, they were becoming friends. "The reality" that the two couples found out about each other could not support the construction of shared identity. In order to develop a shared identity, participants of intercultural communication should analyze such issues in the context of the respective cultures. People in multicultural society have to be especially sensitive to different cultures.

Conclusion

The present research has shown that multiculturalism is a highly disputable and controversial issue that can play both positive and negative roles in intercultural interaction. It was found that multicultural contexts may create cultural biases that can be detected at the level of language expression and give access to interlocutors' mind. Specifically, this refers to ethnic stereotypes. People revert to a stereotype in multicultural contexts when they don not have firsthand experience. The cognitive process of category formation, a variety of which is stereotype formation is one of the reasons why people stereotype. Two more cognitive processes contribute to stereotyping: the principle of economy of cognitive efforts and perception of the world by structured information. Due to the cognitive mechanism of the mental categorizer that blocks out stereotypes, people deduct stereotypical information and can manage stereotypes. Although sometimes shared identity is difficult to construct in a multicultural society, efforts to do this are awarded with gradual transition from ethnic stereotypes to shared identity, which raises the awareness of stereotyping in intercultural and multicultural contexts.

REFERENCES

1. *Мечковская, Н.Б.* Национальные и культурные оппозиции в ментальности белорусов (на материале белорусских паремий и фразеологизмов с этнолингвонимами и топонимами) / Н.Б. Мечковская // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте): сб. науч. тр. – М. : Наука, 2002. – С. 215–231.

2. *Тер-Минасова, С.Г.* Война и мир языков и культур: учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово / Slovo, 2008. – 344 с.

3. *Adler, S.* Multicultural communication skills in the classroom / S. Adler. – Boston: Allyn and Bacon, 1993. – P. 36–37.

4. *Adler, S.* Multicultural communication skills in the classroom / S. Adler. – Boston: Allyn and Bacon, 1993. – P. 36–37.

5. *Archer, C.M.* Living strangers in the USA: Communicating beyond culture. / Archer, C.M. Archer. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall Regents, 1991. – P. ix.

6. *Baker, L.* [Электронный ресурс] / L. Baker. – Режим доступа: http://www.cdarc.org/pages/articles.php?req=category&cat_id=30

7. *Brislin, R.* Understanding culture's influence on behavior. / R. Brislin. – Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers, 1993. – 417 p.

8. *Carroll, R.* Money and Seduction / R. Carroll // Ourselves among others: Cross-cultural readings for writers. – Bos-

ton: St. Martin's Press, 1991.

9. *Crеvecoeur, J. H.* Letters from an American Farmer and sketches of Eighteen-Century America / J.H. Crеvecoeur.– Penguin Books, 1986.

10. *Crystal, D.* Cambridge encyclopedia of the English language. / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 489 p.

11. *Gudykunst, W.B., Kim Y.Y.* Communicating with Strangers: An Approach to Intercultural Communication / W.B. Gudykunst, Y.Y. Kim // John Stewart (Ed.). Bridges not walls. – New York: McGraw Hill, 1995. – 430 p.

12. *Harney, N.* Cultural Anthropology: The State of the Field. / N. Harney // Forum for Anthropology and Culture. – № 1.

13. *Heywood, L.* (2006, November 28). National identity in spotlight / L. Heywood // Courier Mail [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.identityblog.com/

14. *Kohls, L.R.* Survival kit for overseas living. Second edition / L.R. Kohls. – Yarmouth, ME: Intercultural Press, 1984. – 98 p.

15. *Lebedko, M.* Culture bumps: Overcoming misunderstandings in cross-cultural communication / M. Lebedko. – Vladivostok : FENU-Press, 1999. – 196 p.

16. *Lebedko, M.* Stereotypes as Stumbling Stones of Cross-Cultural Communication / M. Lebedko // Sharing Challenges, Sharing Solutions: Teaching Languages in Diverse Contexts. – Vladivostok : FENU Press, 2005. – P. 19–24.

17. *McKenzie, C.* The Menace of Multiculturalism [Электронный ресурс] / C. McKenzie. – Режим доступа: http://www.gwb.com.au/gwb/news/pc/multi3.htm#ref1#ref1

18. *Pinker, S.* Blank slate: The modern denial of human nature / S. Pinker. – New York: Penguin Books. – 2003. – 510 p.

19. *Random House College Dictionary.* Random House, Inc., 1988.

20. *Rosch, E.* Principles of Categorization / E. Rosch // E. Rosch, Lloyd, B. Hillsdale (Eds.). Cognition and categorization. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1978. – P. 27–48.

21. *Schlesinger, A.M.* The Disuniting of America. Reflections on a Multicultural Society / A.M. Schlesinger. – Whittle Direct Books, 1991. – 98 p.

22. *Singham M.* Multiculturalism in New Zealand – the need for a new paradigm. [Электронный ресурс] / M. Singham // Aoteroa Ethnic Network Journal. – V.1, Issue 1, June 2006. P. 33–37. Режим доступа: tomlowenhaupt http://www.openplans.org/people/.

23. *Stewart, E.* American cultural patterns. A cross-cultural perspective. / E. Stewart, M . Bennett. – Yarmouth, Maine: Intercultural Press, 1991. – 192 p.

24. *Stutzman, F.* An Evaluation of Identity-Sharing Behavior in Social Network Communities / F. Stutzman [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.units.muohio.edu/codeconference/papers/papers/stutzman

25. *Valdes, J.M.* Culture bound / J.M. Valdes. – Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1993. – 222 p.

LANGUAGE AND CULTURE FROM TRANSLATION THEORY PERSPECTIVE

E.V. Kharitonova

Kharitonova, Elena Vyacheslavovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of English language, North-Eastern State University (Magadan).

The article is devoted to the problems of language and cultural interaction from translation theory perspective. In the process of intercultural communication the target language accumulates knowledge about the culture of the source language. Allomorphism of the source and target languages makes the process of translation more complicated and the degree of the divergence between the languages influences the degree of adequacy of texts.

Key words: language, culture, translation, allomorphism of language systems, national specificity.

Theory of translation belongs to numerous interdisciplinary subjects studying the interconnection and interdependence of language and culture. S.G. Terminasova metaphorically referred to a foreign word as "a crossroad of cultures" [20: p. 64]. Translation bears the same function of "a crossroad of cultures" as it helps to carry on dialogue not only between different languages but also between different cultures. The specificity of language and culture from the perspective of translation theory can show itself in two ways: as "a culture inside of a language" (i.e. a peculiar verbal picture of the world) and as "a culture expressed by a language" (i.e. artifacts of culture found in the written texts) [23: p. 33–34]. These two aspects are of vital importance for translation theory and practice as the process of translation can be viewed as a specific transition from language to language and from culture to culture. Before analyzing language and culture from the perspective of translation theory let us define the key notions which we are using in our work: "language" and "culture".

A lot has been said about the concepts of language and culture, which undoubtedly belong to the central and most widely-discussed notions of Philosophy, Cultural Studies, Linguistics and other Humanitarian subjects. In our research we stick to the definition of language, which was given by V.V. Oschepkova. Oschepkova defines a language as a basic system of signs which enables the existence of a culture both in synchrony (communicative function) and in diachrony (cumulative function) [13: p. 8].

As for the notion of culture it is hardly possible to enumerate even half of the existing definitions of this concept. V.A. Maslova suggested singling out separate approaches to the definition of culture, among which there are: descriptive (S. Freud), axiological (M. Haidegger, M. Weber, G. Frantsev), pragmatic (E. Markaryan, U.A. Sorokin, E.F. Tarasov), functional, hermeneutic (U.M. Lotman), normative (V.N. Sagatovski, B. A. Uspenski), spiritual (L. Kertman), dialogic (V. Bibler, S.S. Averintsev, B.A. Uspenski), informational, symbolic (U.M. Lotman) and typological (M. Mamardashvili, S.S. Averintsev) [12: p. 13–15].

G. V. Yelizarova suggested treating language as a basis for classification of approaches to definition of culture. From this point of view the researcher pointed out three different approaches: social, cognitive and semiotic. Within the frames of social approach culture is presented as a phenomenon developed in the process of communication, on the basis of social activity. From the point of a cognitive approach, culture is viewed as a mental phenomenon beyond social intercourse, bearing personal and individual features. A semiotic approach is based on the understanding of culture as a system of signs, which firstly represents the world and then can be used as a means of communication [6: p. 12-20]. We would like to underline the fact that in all these approaches Yelizarova treats the language as an integral part of culture.

Continuing this thesis we suggest defining the notion of culture by analogy with the theory of three worlds by K. Popper. In his work *Objective Knowledge. An Evolutionary Approach* Popper states that there exists three worlds: the physical world or the world of physical states, the mental world or the world of mental states and the world of intelligibles, or of ideas in the objective sense, which is the world of possible objects of thought: the world of theories in themselves, and their logical relations; of arguments in themselves; and of problem situations in themselves. The third world comes into being as the result of interaction between the physical world and the mental world. Language becomes a necessary condition of its appearance, as only in language does knowledge turn into "objective Mind" and acquire its objective character [25: p. 153–168].

In a similar way the concept of culture can be represented as a unity of three constituent parts. The first component is embodied in the results of human activity, in the form of the world of physical objects and physical states, opposite to nature. We find this understanding of culture in G. Rikkert's work where he described culture in its opposition to nature [15: p. 55]. The second component finds its expression in the mental world. E. Tailor wrote in his book *Primitive Culture* that culture or civilization, in its wider sense, consists of knowledge, beliefs, art, morality, laws, customs, traditions and some other abilities, which man acquires in society [19: p. 18]. The third component may be interpreted as the result of interaction between the physical and mental worlds. This aspect of culture is realized in the national language which exists at the intersection of two spheres: the material and the ideal [21: p. 7]. In this connection it would be appropriate to quote W. von Humboldt who wrote that language should be understood as a world between the outside world and the one inside of a human being [5: p. 304]. This manifestation of culture includes the following characteristics: cumulative nature (culture is "a form of collective memory" [11: p. 397]), symbolism [1: p. 31], communicative character (culture is "a language" in semiotic meaning of this term [11: p. 396]), and others.

Analyzing language and culture from the perspective of theory of translation we inevitably start a discussion about the nature of the interconnection between language and culture in general. Let us present some ways of looking at this point, which reflect different views of the researchers on the problem of the correlation language-culture.

In the context of one of the approaches the idea of language which is superior to culture and which predetermines its development is postulated. The theory of linguistic relativity popularized the principle according to which language structure of a given nation strongly affects human thoughts and actions. Possessing "creative force" language predetermines the way of cognition of the surrounding world: "kaleidoscopic stream" of impressions of the surrounding world is organized by our consciousness, and first of all by the language structure inside our consciousness [22: p. 174]. According to this theory our reality is regulated by our language. We become aware of objects or states after designating them. In other words language becomes an all-power means [7: p. 117-118]. Thus, language is treated not as a "spokesman" of culture but as a determinative factor of its development.

Some of the Russian linguists hold the same opinion. A.F. Potebnya wrote that language is not the reflection of reality but its constituent activity: language is a means or even a system of means of creating and changing our thoughts. If it were the expression of an already existing thought then it would be meaningful only for its creator and cognition would mean only exchanging thoughts not the generation of thoughts [14: p. 226].

Advocates of a different approach consider culture as an integral part of objective reality and language as its reflection ([24: p. 379]).

E. Sapir defined the problem of culture-language correlation from quite an unexpected angle. According to him there is no real dependence between language and culture. If it were possible to prove that culture, irrespective of its content, possesses its own inherent form or some definite contours, we would have something that could serve as a basis for its comparison with language and a means of connection with it. Until we find such formal features it would be better to acknowledge the development of language and the development of culture as two disparate, mutually independent processes [17: p. 193].

This kind of attitude to culture-language relations was also common among some of the Russia linguists. T. Vinokur considered that the development of language and the development of society cannot be treated as isomorphic, parallel or symmetrical processes. The language changes according to the internal regularities of the development of its system and according to the external regularities of the development of the society in which this language is used [4: p. 325].

A new approach to evaluation of culture-language relations is represented in the works of contemporary linguists. Language and culture are analyzed in their inseparable connection and interaction. S. Ter-Minasova metaphorically defined language as a mirror of culture which reflects not only the real world but also mentality and national identity. Language is a treasury, transmitter, bearer and a tool of culture [20: p. 17]. Contrary to the opinion of those researchers who treat the notions of language and culture as a part and a whole[1], Ter-Minasova puts forward the idea of their inseparability. Rather

[1] L. Latyshev, for instance, writes: «dichotomy «language and culture» is not quite correct, as in this pair one of the concepts is included in the other. It would be more correct to oppose *language* and *the rest* (*extralinguistic*) *culture*… language is a part of culture and can be opposed not to all culture but only to "the rest" of culture – to its extralinguistic part [10: p. 196].

than trying to define language and culture as "a part" and "a whole" it is more appropriate to speak about their interpenetration, interconnection and interaction [20: p. 54]. We think that Ter-Minasova's theory about the interpenetration and interaction of language and culture is one of the most adequate forms reflecting the connection between the analyzed notions, as language "reflects" culture, but at the same time "culture lives inside of a language" [3: p. 17]. Language and culture predetermine each other, and any changes in one of the systems cause corresponding changes in the other.

The problem of language-culture interrelation has been studied in the works of many authors. A. Sadokhin, for instance, understands language and culture as an organic whole. According to him language is not just a mirror which automatically reflects everything that surrounds it. It is a prism through which people look at the world around them and which is unique for each individual culture [16: p. 64]. Between a language and reality there is always a man, who speaks this language and thus becomes the bearer of his culture. A word in itself does not reflect a thing. What it does reflect is the way a man perceives this thing in the context of his own culture.

One of the most fundamental researches devoted to the problem of language-culture interrelation is the monograph by E. Vereschagin and V. Kostomarov *Yazyk i kultura. Tri Linvostranovedcheskiye kozepzii: leksicheskogo phona, rechepovedencheskikh taktik i sapientemy*. In their work the authors combined all representations of language-culture interrelation in one super-concept "linguosapientheme" which includes appositional concepts of lexical background and speech-behavioral tactics. The concept of lexical background can serve, in the authors' opinion, as the central mechanism of language-culture connection. Vereschagin and Kostomarov proved the existence of background knowledge through the concept of lexical background. Having worked out the concept of lexical background (of the so-called 'supraconceptual' meaning) the authors tried to make the component analysis of national culture studying speech-behavioral tactics responsible for the elusive phenomena metaphorically described as "the Russian soul", "national psychology", "people's soul", etc. [3: p. 530]. Lexical background and speech-behavioral tactics meet to a great extent. Together they reflect the same knowledge and the same ethical orientations. The only source of formation and storing of both semantics and the outer form of lexical and speech-behavioral backgrounds is, according to the authors, linguosapientheme. Linguosapientheme is defined as a spiritual phenomenon, combining intellectual perception and ethical evaluation of this perception [3: p. 26].

To sum everything up we may conclude that language-culture relations may be viewed as the relations between a part and the whole, as two independent self-contained systems, and finally as two interconnected and interdependent concepts. The final approach seems to us the most balanced one. It represents language and culture as an organic whole: any changes in one of the systems cause corresponding changes in the other one.

Having analyzed the problem of language-culture interrelation in general let us ponder on the problem of interrelation of languages and cultures of different peoples which we observe in the process of translation from one language to another. In the translation process the number of interacting components increases: besides the language and culture of one ethnical group we face the language and culture of the recipient of the translation. In simplified form we can show this in the following way:

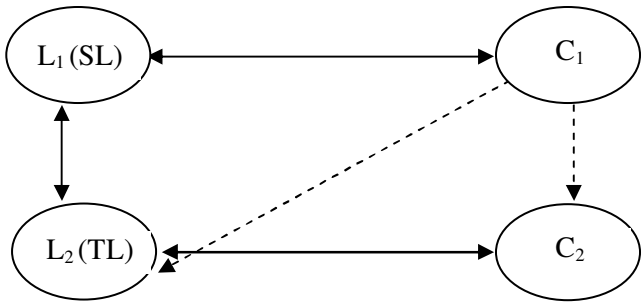

Fig. Interaction of Language and Culture in Theory of Translation Perspective[2]

The connection between the components of the system proves that it is more reasonable to define translation not as 'interlanguage communication' but as intercultural communication. Interaction of the components ($L_1 \leftrightarrow C_1$; $L_2 \leftrightarrow C_2$; $L_1 \leftrightarrow L_2$; $C_1 \rightarrow C_2$) leads to the formation of the secondary cultural worldview of the recipients of the translated text.

Every culture and language include at the same time universal and national components. The basis of the language structure is composed of a universal logical and conceptual system which serves as the main component of thinking and does not depend on

[2] By full lines we designate direct contacts of language and culture and by dotted lines – indirect ones. L_1 (SL) – source language; L_2 (TL) – target language; C_1, C_2 – culture of the source and target language, respectively.

the national and cultural identity of the speaker. But in every single language this universal component is revealed together with its ethnical and cultural peculiarities.

Thorough examination of the research devoted to different aspects of language and culture shows that there is no shared vision about the proportion of universal and culturally specific elements in different languages. According to one of the opinions at the heart of each language there is a special worldview which includes elements of the surrounding reality perceived by national consciousness on the basis of its people's experience [23: p. 34]. This 'special worldview' is known under the name of a 'cultural' or 'conceptual' worldview [20: p. 47]. Cultural worldview, in its turn, finds its expression in the linguistic view of the world, which reflects reality through verbal forms. In other words, we mean the 'national cultural semantics' of the language [2: p. 7]. Moreover the cultural world image is determined by the linguistic view of the world: each particular language articulates the surrounding world in its own way, i.e. has its own way of the world conceptualization. Ter-Minasova suggests comparing the language with the brush of a painter who draws from nature but squeezes the world which he depicts through his own perception and thus creates a unique worldview [20: p. 86]. That is why our acquaintance with any culture can be rather superficial if we omit its most important component: 'national consciousness' [9: p. 76].

As has already been mentioned, the theoretical foundation for this concept were given in the works of W. von Humboldt, L. Weisgerber, E. Sapir, B. Whorf and other scholars who supported the theory that different peoples see the world differently, through the prism of their own language: each language makes a circle around the people who are its creators and users. Leaving this circle one immediately gets into another circle of a foreign language [5: p. 80]. Consequently, people speaking different languages perceive the world around them differently.

According to another approach one and the same thought can be expressed in all languages. There is no reason to think that people speaking different languages perceive the world around them differently [18: p. 220]. One and the same language lets us perceive the world in many ways, and divergences in the meanings of words are explained by peculiarities of way of life, not by the specificity of the nation's worldview predetermined by the native language [8: p. 126].

We consider the first approach as the right one. Every time we turn to a foreign language and to a foreign culture in our consciousness a secondary cultural worldview is formed. The less acceptable the means of our language for its rendering a secondary worldviews, the more complicated it becomes for our perception. The same notions in source and target languages may have verbal forms with different semantic capacity. Sometimes it is not possible to find a proper equivalent for a notion as certain objects of one of the cultures may have not been verbalized in another culture. Of course it will not be right to exaggerate the role of divergences in the verbal worldviews. Translation practice shows that it is always possible to find a proper solution. But at the same time we should always remember that any translation is just an approach to the original, as in every culture we can find artifacts which will be alien for other cultures. What is more, a cultural worldview finds it own expression in the language which is clearly seen at its lexical level.

REFERENCES

1. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – 360 с.

2. *Бочегова, Н.Н.* Этнос. Культура. Язык / Н.Н. Бочегова. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. – 160 с.

3. *Верещагин, Е.М.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Индрик, 2005. – 1040 с.

4. *Винокур, Т.Г.* Фрагменты радиопередачи «Беседы о русском языке» / Т.Г. Винокур // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1996. – С. 325–330.

5. *Гумбольдт, В. фон.* Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.

6. *Елизарова, Г.В.* Культурологическая лингвистика (Опыт исследования понятия в методических целях) / Г.В. Елизарова. – СПб. : Бельведер, 2000. – 140 с.

7. *Звегинцев, В.А.* Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира–Уорфа / В.А. Звегинцев // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – С. 111–134.

8. *Комлев, Н.Г.* Компоненты содержательной структуры слова / Н.Г. Комлев. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 192 с.

9. *Корнилов, О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1999. – 341 с.

10. *Латышев, Л.К.* К проблеме определения лингвокультурного аспекта перевода / Л.К. Латышев // Межкультурная коммуникация и перевод: Материалы межвузовской науч. конф. Москва 29 января 2004 г. – М. : МОСУ, 2004. – С. 195–199.

11. *Лотман, Ю.М.* Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968–1998) / Ю.М. Лотман. – СПб. : «Искусство-СПб», 2004. – 704 с.

12. *Маслова, В.А.* Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.

13. *Ощепкова, В.В.* Культурологические, этнографические и типологические аспекты лингвострановедения: дис. … д-ра филол. наук / В.В. Ощепкова. – Москва, 1995. – 345 с.

14. *Потебня, А.А.* Мысль и язык / А.А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 268 с.

15. *Риккерт, Г.* Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М. : Республика, 1998. – 413 с.

16. *Садохин, А.П.* Теория и практика межкультурной коммуникации / А.П. Садохин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 271 с.

17. *Сепир, Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Издат. группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.

18. *Спиркин, А.Г.* Сознание и самосознание / А.Г. Спиркин. – М. : Политиздат, 1972. – 303 с.

19. *Тайлор, Э.Б.* Первобытная культура / Э.Б. Тайлор. – М. : Политиздат, 1989. – 573 с.

20. *Тер-Минасова, С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.

21. *Топоров, В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В.Н. Топоров. – М. : Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.

22. *Уорф, Б.Л.* Наука языкознания (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – С. 169–182.

23. *Хайруллин, В.И.* Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода : дис. … д-ра филол. наук / В.И. Хайруллин. – М., 1995. – 355 с.

24. *Якобсон, Р.* Лингвистика в ее отношении к другим наукам / Р. Якобсон // Избранные работы. – М. : Прогресс, 1985. – С. 369–420.

25. *Popper, K.R.* Objective Knowledge. An Evolutionary Approach / K.R. Popper. – Oxford : Clarendon Press, 1979. – 395 p.

CONTENT ORGANIZATION OF THE ETHNICALLY ORIENTED PRACTICAL COURSE OF RUSSIAN PHONETICS (FOR PERSIAN-SPEAKING STUDENTS)

T.G. Tkach

Tkach, Tatyana Grigorievna – Teacher of Russian Language and Literature, Ferdowsi University of Mashhad (FUM), Iran; works for PhD degree of Pedagogical sciences.

This article deals with the problem of the content organization of the ethnically oriented practical course of Russian phonetics for Persian-speaking university students. The author provides analysis of various approaches to the content organization of teaching pronunciation for Persian students majoring in Russian.

Key words: Russian as a foreign language, practical phonetics, ethnic contingent.

CULTURAL LINGUISTIC CONTACTS IN THE EXPERIENCE OF INTERNATIONAL UPBRINGING OF CHILDREN IN THE SOVIET PEDAGOGICS OF THE 1960-1980S

L.G. Kuts

Kuts, Liliya Gennadyevna – Master of Pedagogics, Teacher of the Foreign Languages, Gymnasium № 6, Post-graduate student, Pedagogical Department, Far Eastern State University of Humanities (Khabarovsk, Russia).

This article deals with the experience of international upbringing in the Soviet Pedagogics of the 1960-1980s and role of the cultural linguistic contacts in upbringing of personality capable of living in peace and harmony with representatives of different cultures and ready to effective intercultural communication and interaction. The article also contains information about experience in international upbringing at schools and children associations in the Khabarovsk territory.

Key words: international upbringing, culture of international communication, international friendship club.

THE ROLE OF MASS MEDIA IN THE DEVELOPMENT OF RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KOREA

KOREAN JOURNALISM EDUCATION IN MULTI-MEDIA AGE: ANALYSIS OF PROGRAMS AND EDUCATORS

W.S. Lee

Lee, Wan Soo – Doctor of Journalism, Assistant Professor, School of Visual and Mass Communication, Dongseo University (Busan, Korea).

There are no agreed rules or directions about how to teach journalism. The methods and goals of journalism education are different from the socio-cultural features of the country, the perceptions of the people in the country and the environment and features of media. This study aimo to find out how the journalism programs of universities in Korea are constructed of ,who teaches them and for what purposes they are towards. In particular, this study discusses whether the journalism education in Korea is heading in a right direction matching conditions of the multi-media age. Based on this discussion, this study proposes that journalism education of universities in Korea should develop appropriate curriculums for media convergence, should aim at 'a synthetic knowledge model' rather a 'the theoretical model' or 'practice model', should cultivate journalists with multiple abilities for adapting to changes of media environments, and needs to secure practical teams of professors who can provide a functional education in media. This study has proposes to discuss the structural limitations of journalism education of universities in Korea which can weaken the functions which integrate societies, develop democracy and provide public discussion cultures.

Key words: journalism education, changed media environment, multimedia, media-convergence, contextual knowledge, journalism educator, journalism function.

1. Introduction

Journalism is a special education area in which 'the theoretical platform' and 'practical field' collide. It is true that there is an invisible and deep-rooted hostility between journalism scholars and journalists [18]. Journalism professors state that the journalists' understandings about society are insufficient, and journalists contradict that journalism professors are far from reality because they keep to an ivory tower. Administrators and professors in universities pursue an educational method which puts theoretical programs in the centre and add practical programs, but media practitioners demand field practitioners who have an excellent practical ability to accomplish the work of journalism. The academic attribute and work professionalism of journalists have gaps which cannot be narrowed such as the conceptual differences between 'thinking and 'doing', 'reflection' and 'action', and 'theory' and 'practice'. Due to these realities, journalism educators and scholars have an attitude towards maintaining the curriculums, methods and theories which they have made rather than the standards which the media field needs. Furthermore, they state that "universities are not places to teach how to get jobs in the media field, and journalism education does not have any obligation to accomplish the social functions and roles of the news media".

The difference of this perception about journalism education between universities and media fields is not exceptional in Korea [12]. It is no exaggeration that universities in Korea are in chaos about the paradigms, directions, identities and methods which journalism education needs take to make progress. It is more than 50 years since education was started after western journalism was introduced to Korea. However, there have been few proposals about self-diagnoses concerting journalism education and proposals for directions of journalism education until now [11, 1]. The average numbers of journalism graduates who produced by universities in Korea per year are in the thousands, but the percentage of those who become journalists is not high [3].There are huge complaints in the media fields about the work performance of trainee-journalists produced by the universities [8][1)]. The major focus of education in universities is closely related to jobs in society, and concerns the preparation of future talented people who can solve social problems and make decisions. With in this context, the professional goals of journalism education are not being successfully achieved. Korea has very weak educational structures for journalism as university members voluntarily admit concerning the crisis in journalism educational. Despite of these phenomena, there are no well-structured empirical researches and objective data about how universities in Korea educate for journalism and the problems and alternatives. The crisis of university journalism education is not a problem limited to the

success or failure of producing journalists. Rather, the industrial and social problems of the journalism crisis resulted from lack of the education in media ethics, the damage to public properties, and the burden of financial expenses for re-education, which interrupt the improvement of sensible democratic citizens. Due to this, the journalism educational goal is faltering, and it has even been proposed to abolish the journalism major. Journalism education is different from other educations because it educates professionals who integrate societies, cultivate democracy, and provide the public with discussion cultures [24]. There are the critical opinions that journalism education in Korea has had many problems for a long time[2)], and the proposals about the nature of the problems and where they are from, do not go far enough and provide objective reasons. Particularly, recent changes in media environments imply that journalism education should be different from previously. This means that fundamental changes of journalism education are required due to the convergence of media technologies, commercialization, multi-centralist and the globalization of the media.

This study was conducted to examine how journalism programs at universities in Korea are composed, and who teaches them and for what purposes they are taught, this study especially discusses whether journalism education in Korea is heading in the right direction appropriate to the conditions of a multi-media age. However, this study is not designed to raise general problems of 'mass media education' and not for their discussion . Instead, we want to develop discussion by narrowing the range from 'media education' to 'journalism education'[3)]. The reason is that a comprehensive check on overall mass media education is useful to realize the whole features or topography, but is not useful to give understanding of the structural problems in detail that journalism education experiences.

It is not true that there have not been academic and realistic discussions about media education so far. However, there are few studies for which examining focus specifically on journalism education and educators in a which are detailed manner area in a microscopic . Hence, this study seeks to analyze four aspects: firstly, do universities in Korea provide appropriate journalism education programs in a multimedia age, secondly,is there a demand and supply systems of educators which can produce journalists, thirdly, what is good of journalism education , and fourthly, what is the career pathway of journalism education is. Consequently, this study seeks to find new directions for journalism education in Korea and pursue alternatives by suggesting the realities of journalism education and of training journalists at universities in Korea through objective data and indices.

2. Literature review

2.1. The function of Journalism Education

Journalism is a realistic study area to transfer information which is necessary and important for readers (or viewers) by observing the accidents and phenomena which happen in the world, explaining their backgrounds, and playing a role in reflecting various opinions [3, 10]. By this point of view, journalism is the major area of communication with citizens giving comprehensive understanding about social reality, and discussing social matters. As a result, journalism education focuses on recommending practical knowledge which is vital in the fields producing news, and the usefulness and agreement about reality [10]. The work norm which is required of journalists who work in the field is obviously field- and reality-oriented. Young Wook Kim indicates that the abilities which are required for professional journalists are; (1) the instrumental skills to interview and report articles, (2) professional skills including systematic knowledge and experience of mass communication, (3) work ethics as a journalist and understanding about the fundamental principles of journalism (4) professional knowledge in the areas which they report such as the professional insight and views in those areas, and (5) comprehensive knowledge about the structures and operation of the whole society [3] [4)]. Thus, journalism education is not an issue to complete by studying one or two subjects related to journalism.Quite the is opposite. Journalists accomplish the roles of understanding complicated social issues in a comprehensive and systematic way. Journalists are required to have comprehensive and systematic knowledge because they have roles of interviewing and reporting diverse news genres such as news, opinions, criticisms and entertainments, and dealing with complicated social issues such as politics, economy, finance, social matters and the environment. Therefore, it is desirable to provide curriculums matching the levels step by step. For example, in the case of writing articles, detailed curriculums by level such as basic, intermediate and advanced are essential. The education of instrumental skills such as simply interviewing or reporting is not enough, because even the news handles various areas such as economics, international issues and cultures.

Journalism has a close relationship with the society. Journalism is the act of intermediating between the main communication agents in society, so

journalism education should also provide cultural and independent programs [22, 18]. This means that programs of journalism education should be composed in diverse ways and areas to match the changes of social environments. Educational programs about multi-cultural societies in a global age, reporting using computers and producing multimedia news due to the digitalization of media, and the development of educational programs about the production of multimedia-type news could be good examples. Weischenberg mentions that the ideal curriculums of journalism education are for (1) instrumental skills such are writing and reporting articles, (2) comprehensive knowledge about economy, law, history and society, (3) expressive techniques to transfer information and news, and (4) social-scientific methods of study to analyze the social phenomena in a scientific way [27]. The recent rapid changes in the media eco-system such as the integration between technology and culture, globalization, localization and social divisions demand another paradigm of journalism education. Journalism schools in the US have opened new subjects lately, secured practical equipment, and developed specified programs related to these environmental changes [1]. The views and methods of journalism education have changed in line with trends and times. However, the premises and beliefs which have never changed are that journalism is the area of career journalists, and it accomplishes an important public function separated from other social communication methods [10].

2.2. Two Dimensions of Journalism Education

The University of Missouri in the US started to produce pre-journalists for the first time in 1908 [5]. Over 100 years since, the majority opinion is that journalism education should be practice-oriented to produce journalists. Journalism programs in universities based US models therefore have focused on the instrumental skills such as writing news and articles, the ethics of journalism and broadcast journalism. With this historical background, many research references, seminars and symposiums have focused on their interest in the 'instrumental skills' such as writing articles, interviews and editing. However, there are self-reflections raised about the education based on instrumental skills have been raised within journalism education according to the changes of media environments. Recently, there have been active discussions about 'the intellectual skills' such as reasoning, argumentation, rhetoric, contextualization, historical thinking, interpretation and evaluation rather than functional work-oriented education [19]. However, there are different opinions and views about where the programs of journalism education should focus, either on theory or on practice [5)]. Glasser [20], Reese and Cohen [25], and Deuze [18] support practice-oriented curriculums which integrate theory and practice, and which then enable comprehensive considerations; in contrast, Herbert [21] and Medsger [23] suggest the opposite opinion that journalism curriculums should be focused on producing the professionals who are preferred in the media industry. This means that the view of Glasser and etc is much close to the philosophical standard which emphasizes the importance of an individual's freedom and responsibility rather than meeting the requests of the media industry. The view of Herbert et al is close to the realistic standard which veers towards the role of journalism education in producing agents who handle social issues.

Journalism education should be developed so that learners to have problem-solving abilities to integrate knowledge, techniques and actions [16]. This indicates that journalism education should stress realistic usefulness such as "why students need to study this information?", and "what are the meanings of the contents which they learned at school in reality?" [15].The programs of journalism education have been evolved by developing new courses and adding curriculums and majors in an innovative and progressive way [18]. The researchers have supported their position that they must provide contextual knowledge for understanding social issues in a comprehensive and systematic way rather than simply supply work trainings. The majority of universities that provide journalism education in the world have various major programs such as humanities, social science, information and literature, and computer science regardless of majors or courses. This means that the journalism education should provide not 'doing skills' but 'thinking skills'. With this, Burns emphasizes thinking and learning in complicated social, philosophical and economic ways [16].

The issue of educators has the same importance as the programs for journalism education. In fact, the contents of journalism education are dependant on the university professors who teach the program. This indicates that the professor's philosophical viewpoint on issues such as the professor' personal career and the desirable way to carry out journalism education is vital. Journalism is included in the educational area which the production of career professionals fundamentally and developing as the cultured people theoretically are conflicted. The direction of journalism education can be differently formed according to whether the professorial group is comprised of educators who teach journalism

practice or who conduct cultural education and research that plays a general role. Secondly, it is the problem of dividing majors about journalism. The characters of educators as well as the contents of journalism education can be different depending on whether journalism is regarded as an independent major area or as one part of mass communication. If journalism is considered as career education to produce journalists who are needed in the mass communication field, educators who are familiar with working in the field are required; however, if journalism is regarded as one part of mass communication, professionals, who can deal with general theories such as journalism theory, the consumer effects of media and communication, are more important.

However, the university members were not interested in how they divide or integrate the career or academic aspects of journalism education [13]. Adam stipulates the role of journalism educators in a multi-dimensional way by considering these realistic phenomena [14]. He proposes microscopic view which celebrates journalism as journalists, and a macroscopic way which seeks to make better journalism as education.

2.3. Pursuit of Journalism Education

Deuze considered the motives of journalism education in two aspects; the production professionals for journalist and the contribution to social functions and stability [18]. This means that one axis of journalism education is the personal view of producing future journalists, and the other is the public view of producing cultured citizens. Of course, these two are not contradictory but mutually supplementary. Despite this, the critical view of the news media (industry) points out that journalism education is overbalanced towards on information-oriented citizens, and functional practical education which is essential in field. This journalism education over emphasizes its functions and roles in the direction which the news media market requires. Setting the coordinates of journalism is as difficult as answering the question "who is first, the chicken or the egg?" Some researchers divide the coordinates of journalism education into 'the follower method', which provides practical training needed for working and 'the innovator method', which focuses on providing future-oriented talents [18]. The follower method is the traditional model which stresses practical functions, such as writing articles, news coverage and reporting, required for journalists, and the innovator method is the evolved model to develop cultured people who have comprehensive understanding and are critical about society. Recently, there are a few reviews about journalism education which approaches too functionally as the media eco-system such as technology, economy and society has changed. Therefore, education is desirable to train journalists who can understand and evaluate community issues using digitalization and integration of technology, commercialization and professionalization of the economy, and multi-cult realism and the globalization of society [18]. Even though the media environments changes, the essential functions of journalism do not change. However, as the work environments change in a complex way, it is crucial that educational programs for professionals who can accomplish it successfully should be developed. According to Deuze, the educational methods for journalists should be improved from the existing functionality, and curriculums should be reorganized to understand the issues synthetically and critically.

With in this context, western universities such as in the US introduced sequential ways to educate students whose major is journalism long ago. Firstly, the curriculums are divided by medium such as newspaper, TV, magazine, radio, photography, Internet, and even mobile phones. The sub-programs are divided from writing (e.g. basic articles, advanced articles and exploration reports on economy, international events, medicine, information, decision, making entertainment and sports by journalism genre and area in detail. The direction of journalism education should be understood in line with the changes of today's job market. The economist Charles Handy (2005) suggests that education and training should be prepared in the way of 'the portfolio worklife'. Today is not a time to manage people's careers if they have only worked for an organization or they are good at doing only one job. They are required to have various abilities because they move from one company another, and one area to another area. To this point, we have thought that good journalists were 'generalists'. However, these days we require that journalists should be 'specialists', who have professions in their own special areas as well as understanding the themes of news (e.g. diplomacy, economy, entertainment and culture), the media (e.g. newspapers, broadcasts and new media) and the genres of news (e.g. information, information entertainment and entertainment). If journalism education is conducted based on media, people can be excellent pressmen or TV reporters [18], but the integrated nature of media is not satisfied by understanding of only a special medium. In order to survive in integrated media, journalists need to have technical, intellectual and overall skills abilities simultaneously. As news organizations cannot be

maintained apart from societies, journalism education of universities should be provided in cultural and theme-based contexts.

Deuze points out that the competitive elements which are requested for journalists are instrumental skills such as interviewing and reporting, editing functions which transfer effectively in the composition of information and news, understanding of special areas such as politics, sociology, economy and management, and abilities in analyzing social issues in social and scientific ways [18]. Journalism education is not a matter which can be completed by simply covering and reporting news. This means that the wok of journalists simultaneously requires contextual knowledge to understand social phenomena widely and deeply, and methodological techniques to analyze and transfer social phenomena in a scientific way as well as basic assignments of covering and reporting news. Journalism is an area needing active learning and critical and creative thinking [16]. As a result, journalists should develop multiple abilities such as self-reliance, confidence, problem-solving, cooperation and adaptability through their thinking system. We conclude that it is not sufficient for journalists to conduct their work through some pieces of information or knowledge; they should improve their skills to synthetically perceive phenomena in the big spatial context [16].

3. Research questions

We have discussed the general functions of journalism education, the two aspects of journalism education; theory and practice, and the educational goals which journalism should eventually pursue. Based on the above discussion, we will set the following four research issues, and analyze them objectively .

Research Question 1: What are the features of the programs of journalism education at universities in Korea?

Research Question 2: Who teaches journalism at universities in Korea?

Research Question 3: What are the goals of journalism education at universities in Korea?

Research Issue 4: What are the career goals of journalism education at universities in Korea?

4. Method

4.1. Target to Analyze and Material Collection

In order to carry on this study, we analyzed 12 items; 1) the numbers of available subjects related to the major, 2) total numbers of journalism subjects, 3) the numbers of the practical subjects of journalism, 4) the numbers of practical subjects of journalism taught by full-time professors without experience 5)The total numbers of full-time professors, 6) the numbers of full-time professors in charge of journalism 7) the numbers of full-time professors in charge of journalism practice, 8) the numbers of external professors in charge of journalism practice, 9) the numbers of full-time professors with experience as journalists, 10) the numbers of external professors with a Ph. D in journalism practice, 11) the educational goals of journalism, and 12) the career pathways of journalism education, for the main 10 universities located in Seoul; Seoul National University, Korea University, Yonsei University, Ewha Women's University, Sokang University, Sungkyunkwan University, Kyung Hee University, Chung-Ang University, Hankuk University of Foreign Studies and Sookmyung Women's University, which have a relatively large portion of the mass communication. We systematically collected the total subjects and figures of the professors and data about the educational goals in relation to the mass communication courses that these universities have opened and operated over the last 3 years (2008–2010). The reason we have a relatively wide period to analyze is that we thought that available curriculums in some universities are slightly different every year. We collected data related to curriculums and educators in two ways; one is that we collected current materials about curriculums and full-time professors through the course's overview section in each university's homepage, and the other is that we received the correct data about the subject by professor and teaching contents of external professors by email after directly contacting the faculties of the universities. If the teaching contents were duplicated or the internal and external professors were not clearly classified, we rang the university's faculty to check the facts. The data about the educational goals of journalism and the career pathways of journalism education were collected through school overview sections written in the course's homepage at each university.

4.2. Items to Analyze and Definition

The items to analyze consist of the names of courses, curriculums, educators and educational goals. The names of course are based on the official names of the courses at each university both infernally and externally. In the case of curriculums is divided into 1) the numbers of total available subjects, 2) total numbers of journalism subjects (including theory), 3) the numbers of practiced subjects of journalism, and 4) the numbers of practiced subjects of journalism taught by full-time professors without experience. The total numbers of journalism subjects included only the subjects related to pure

journalism. The standards of journalism subjects were reclassified by referring the criteria for classification of the mass communication major of Sung Hae Kim [1], Jae Il Nam and Min Jae Choi [4] and Jae Young Park [5]. The practiced subjects of journalism included only the subjects (e.g. writing articles, practice of theories about covering and reporting, media writing, reporting with photos, practice with journalistic words and sentences, and exploration journalism) needed for real communication fields rather than theories among the journalism subjects.

The total numbers of journalism subjects and the journalism practices were subdivided into newspapers (including magazines), broadcasts (including radios), new media (the Internet, mobile phones etc) and contextual knowledge by medium and by major. The reason the journalism course was subdivided was that we considered the distinct characteristics of the journalism course at universities in Korea which educates them by dividing into each medium. In particular, the contextual knowledge is targeted at the subjects related to communication such as media criticism, laws about communication ethics, history of media development, understanding of public media, and communication and ideas which are useful to understand and evaluate social phenomena synthetically, and the humanity and social subjects such as politics, economics, sociology, law and philosophy which are different subjects from the communication subjects. The items of educators divided into 1) total numbers of full-time professors, 2) the numbers of full-time professors in charge (including theoretical), 3) the numbers of full-time professors in charge of journalism practice, 4) the numbers of external professors (including visiting and adjunct professors) in charge of journalism practice, 5) the numbers of full-time professors with experience as journalists and 6) the numbers of external professors with Ph D. in journalism practice.

Counting the total numbers of full-time professors was based on the full-time professors belonged to each university, and the numbers of full-time professors in charge of journalism was based on the full-time professors who teach journalism subjects. Furthermore, the full-time professors in charge of journalism practice were counted by including the external part-time, visiting and adjunct professors as well as the internal full-time professors. The numbers of full-time professors with experience as journalists were based on professors who had worked as journalists in the past.

5. Results

Research Question 1: Features of Education Programs

There are no universities that used <Journalism> as the name of the course amongst the universities which opened journalism courses <see the appendix> [6]. Unlike western universities such as in the US and in Europe, the majority of universities in Korea used names of courses such as mass communication, information, media, communication, newspaper and broadcasts and public relations video. When they are translated to and written in English, they seem to be a part of journalism, but at least they did not use journalism as on independent course name. Korea University used the comprehensive course name, <School of Journalism and Mass Communication>; in contrast, Sungkyunkwan University and Chung-Ang University used the traditional course name, <Newspapers and Broadcasting>, which had been used for a long time [7]. - Yonsei University and Ewha Women's University named the course <Media Studies> by integrating the communication, public relations and video countes, and Sokwang University used <Communication> which had priority of communication over journalism.

The subjects related to mass communication which universities in Korea have opened and tough were on average 51 <see the addition>. By university, Ewha Women's university has the largest numbers, , of subjects73, tother universities with relatively large numbers of available subjects were Sokwang University (68), Kyung Hee University (65), and Chung-Ang University (64). In contrast, Seoul National University (31), Sookmyung Women's University (36), Sungkyunkwan University (40) and Hankuk University of Foreign Studies (43) had few available subjects. However, it is difficult to compare using the numbers of available subjects in the same standard, the numbers of available subjects, because the numbers of available subjects have differencesfccording to ways the the universities operate. For example, Chung-Ang University and Sookmyung Women's University have a Public Relations & Advertising course separately, so the numbers of curriculums do not seem huge.

The ratio of journalism subjects (including theoretical) over the total available subjects was not very high on average 25.0% (average 12.8) <Refer to the addition>. By university, the Sookmyung Women's University has the highest ratio, of journalism subjects52.8% (19), and the ratios of Hankuk University of Foreign Studies, 35.0% (15), and Ewha Women's university, 31.5% (23) were relatively high. However, Seoul National University, 25.8% (8), Korea University, 14.9% (7) and Yonsei University, 11,1% (5) had the lowest ratios of journalism subjects over the total available subjects. Next, we analyzed by subdividing from whole journalism

subjects to detailed areas. Newspapers (including magazines), 45.3% (average 5.8) was the highest, followed by contextual knowledge, 27.3%, broadcasting (including radios), 18.8%, and new media (8.6%) in that order. This shows that journalism curriculums at universities in Korea focus on newspapers, and the traditional media, as in the past . There are few journalism curriculums which include courses such as the Internet or mobile phone which have emerged as the new media recently. When we divided these by university and looked at the ratios of the numbers of detailed subjects, Korea University has the highest ratio in newspapers, 86.0%, Yonsei University was 60.0%, Ewha Women's Univerity was 56.5%, and Sungkyunkwan University was 50.0% in the order. In the case of broadcasting, Sookmyung Women's University had the highest figure of the available subjects, 36.8%, Sokang University was 35.3%, Ewha Women's University was 21.7%, and Seoul National University was 12.5% in that order. In the new media area, Chung-Ang University and Hankuk University of Foreign Studies possessed the highest portions, each 13.3%, Seoul National University was 12.5%, Sookmyung Women's University was 10.5%, and Kyung Hee University was 9.1%. In the contextual knowledge area for which synthetic education is provided, Seoul National University and Sungkyunkwan University were highest, 50.5%. The following universities were Yonsei University, 40.0%, Kyung Hee University, 36.4%, and Chung-Ang University, 33.3%.

The numbers of practical subjects of journalism were examined by averages 14.8% (average 7.6). By university, Sookmyung Women's University was highest, 38.9%, and Ewha Women's University, 26.0%, and Hankuk University of Foreign Studies, 23.2%, were relatively high. However, Seoul National University, Yonsei University, and Korea University were 6.5%, 6.7%, and 8.5% respectively. This showed that the main universities in Korea do not pay attention to practice subjects. The detailed area of the practical subjects also focused on newspapers, 61.8% (average 4.7), and broadcasting, new media, and contextual knowledge were 21.1% (1.6), 9.2% (0.7), and 7.9 (0.6) respectively. In the detailed area by university, in the case of newspapers, Korea University, Yonsei University and Chung-Ang University were 100% each, and they had the highest position, the following orders were Kyung Hee University of 71.4%, Sungkyunkwan University of 66.7%, and Ewha Women's University of 63.2%. In the broadcasting area, Sokang University was 36.4%, the highest, Sookmyung Women's University was 35.7%, Ewha Women's University was 21.1% and Kyung Hee University was 14.3%. In the new media area, Sookmyung Women's University and Kyung Hee University occupied the highest position with 14.3%, following were Ewha Women's University of 10.5%, Hankuk University of Foreign Studies of 10.0%, and Sokang University of 9.1%. In contextual knowledge, Seoul National University was the highest, 50.0%, Songkyunkwan University was 33.3%, Hankuk University of Foreign Studies was 10.0%, and Sokang University was 9.1%. This proves that Seoul National University and Sungkyunkwan University paid attention to theoretical education rather than practical.

Next, we analyzed the numbers of full-time professionals who taught journalism and had no experience of working as journalists. The result showed , the full-time professors without experience as journalists in the past who taught the overall available subjects were 20.3% (average 2.6). By university, Sungkyunkwan University had the largest numbers of full-time professors without experience, 87.5%, Sokang University was 41.2%, Korea University was 28.6% and Chung-Ang University was 26.7% in order. This figure showed that the more the universities focused on theory, the more full-time professors without experience taught journalism subjects.

Research Question 2: Features of Educators

The numbers of full-time professors in the mass communication area of the major universities in Korea were on average 123. By university, Yonsei University had the largest number, 18, Korea University had 17, Ewha Women's University had 16, Sokang University had 13 and Kyung Hee University had 13. This item also had differences of the numbers of educators because Chung-Ang University and Sookmyung University had a Public Relations & Advertising course separated from journalism-related courses. The ratio of full-time professors in charge of journalism (including theory) was just 13.3% (1.6) on average. By University, Sookmyung Women's University was highest, 30.0%. Ewha Women's University of 25.0%, Kyung Hee University of 16.7%, Sokang University of 15.4%, and Chung-Ang Univeristy of 14.3% were the following in order. In contrast, Hankuk University of Foreign Studies did not have any professors in charge of journalism, Korea University (5.9%) and Yonsei University (5.6%) showed very low figures about the professors in charge of journalism by comparison to total numbers of professors. Next, we had a look at the numbers of full-time professors in charge of journalism practice. As a consequence, the average 7.3% (0.9) was the professors in charge of practice compared to the total numbers of professors.

By university, Ewha Women's University (25.0%) was highest, and the following orders were Sookmyung Women's University with 20.0%, Kyung Hee University with 8.3%, Sokang University with 7.7%, and Korea University with 5.9%. By the compansion , Seoul National University, Yonsei University, Sungkyunkwan University, Chuang-Ang University and Hankuk University of Foreign Studies did not have any full-time professors in charge of journalism practice.

The ratio of external professors (including visiting and adjunct professors) in charge of journalism practice by total numbers of full-time professors was 60.9% (average 7.5). By university, Sookmyung Women's University was 200%, Hankuk University of .

Foreign Studies was 110%, Chung-Ang University was 100% and Kyung Hee University was 75%. However, the ratio of external professors in charge of practical education was the lowest, 10%, Yonsei University, Ewha Women's University and Korea University had lower figures of 11.1%, 25.0%, and 41.2% respectively. This result indicated that universities in Korea paid no attention to teaching journalism practice courses, and they relied on external professors if they wanted to teach journalism practice courses. Generally speaking, the more the universities focused on journalism practice, the more external professors they hired; in contrast, the more the universities focused on theoretical education, the fewer external professors the universities hired. In the analysis of full-time professors who had previous working experience as journalists, the ratio was just 8.9%, and the numbers of the professors were average 1.1. By university, Ewha Women's University had the largest portion as 25.0% (4), and Sookmyung Women's University of 20.0% (2), Kyung Hee University of 16.7% (2), and Sungkyunkwan University of 100% were the following order. In contrast, Seoul National University, Yonsei University and Hankuk University of Foreign Studies had no full-time professors who had worked as journalists in the past.

Finally, the result of the examination about the ratio (numbers) of external professors in charge of journalism practice with a Ph. D was average 21.3% (1.6). By university, Sungkyunkwan University had the largest figure, 100% (1). The following universities of Seoul National University of 40% (2), Yonsei University of 50% (1), Sokang University of 33.3% (3) in order had high ratios of the external professors with Ph. D. However, 5% of the external professors in Sookmyung Women's University had a Ph. D, and he figures in Kyung Hee University, in Ewha Women's University and in Hankuk University of Foreign Studies were 11.1% (1), 25.0% (1) and 27.3% (3). However, the interpretation of this result needs to be careful because the ratio of external professors between universities should be considered.

Research Question 3: Educational Goal

The result of educational and career goals of journalism by university, showed that the majority of universities regarded the mixture of theory and practice as their goals. However, these educational goals were opposite to their curriculums which focused on too much theory. This emphasized that even though they operated curriculums focused on theory, their educational goals were for whole-person education through well-distributed theory and practice. However, interestingly only Seoul National University and Sokang University stressed theoretical education as their goals. In addition, all universities set their focus on producing professionals in the career pathways of journalism education, but no universities paid particular attention to producing journalists the realistic goal of journalism education. This shows that universities in Korea do not have their educational goals of journalism as producing purely professional journalists, but outweigh producing intellectual or cultured people who can adapt to an information society.

6. Discussion

There are no agreed rules or directions about how journalism education should be conducted. The educational methods and goals are different depending on the features of the social culture of the country, the people's perceptions about communication, and the environments and features of media. In spite of that, journalism education at universities in Korea seems to be in overall crisis due to the collision between academism and professionalism, poor educational programs, lack of professors, crisis in the media industry, the higher unemployment of journalism graduates, the identity problems of journalisms and the rapid changes omedia environments. This study was carried out to reveal objectively how critical in the journalism educational situation in Korea has. This study shows the following facts. Firstly, the allocations or distributions of journalism subjects are not independent and, and the educational contents are no field-centered or -oriented. There are not schools or universities which have journalism as an independent course or subject, and the majority of universities stipulate journalism as a comprehensive major,such as the communication and information course, media course, communication, public relations and video course. They use ambiguous and complex naming, or names which the markets such as public relations or video areas require, so there is no identity of pure

journalism. Furthermore, journalism is not composed as a form of major in the schools, but operated just as partial subjects of curriculums generally. The fact that no universities has <journalism> as a major name shows the reality of journalism education very well. Secondly, the mass communication subject is opened in a very limited way. This fact is related to its ambiguous identity. The ratio of opening journalism courses which was traditionally the essence of the mass communication course is only an average 25%, and it presents the serious indifference of universities in Korea to journalism. Even though the women's universities such as Ewha Women's University and Sookmyung Women's University have recently become interested in journalism education , the major universities such as Seoul National University, Yonsei University and Korea University ignore it. Thirdly, there are still plenty of curriculums related to newspaper journalism amongst the sub-major areas of journalism . Universities still focus on newspaper journalism education contrary to the market trends that media environments such as the internet, mobile phones , IPTV and media convergence have been changing rapidly . There is little education about the internet or mobile journalism which has emerged as the strong and new media. However, these trends are slightly different depending on the universities. Korea University, Yonsei University and Ewha Women's University place more stress on newspapers, Sookmyung Women's University and Sokang University emphasize broadcasting, and Chung-Ang University and Hankuk University of Foreign Studies stress on new media. Interestingly, Seoul National University and Sungkyunkwan University significantly outweigh other universities in contextual knowledge. This seems to have a relationship with the educational ideologies and goals, and the compositions of professors of each university.

Fourthly, education is too media-oriented and functional. Journalism operated in communities, so knowledge of synthesizing, understanding and criticizing society is essential. However, it is hard to say that universities in Korea provide sufficient education about contextual skills, comprehensive knowledge and global trends. These limited compositions of curriculums can be obstacles to producing journalists as well as professionals who can adapt in the new media environments. Most of all , in times of multi-media and media integration, only one skill or profession cannot accomplish journalistic works. Journalism should be understood in technical, political, economical and social contexts; therefore, the qualitative level of journalism education is seriously low. Fifthly, the ratio of practical courses of journalism is too low. This means that journalism education at universities in Korea relies too much on theoretical rather than practical knowledge. Journalism has a fundamental goal of producing talented people in the fields or practice; however, the reality of education leans too much to theoretical classes. The journalism education at universities in Korea prefers 'thinking' to 'doing' and 'reflection' to 'action'. This trend is also slight different in each university. The women's universities such as Ewha Women's University and Sookmyung University show their interest in practice education rather than theory education; on the contrary, Seoul National University, Korea University and Yonsei University concentrate on theory education. Sixthly, the compositions of professors who carry on the journalism educations are problematic. The majority of full-time professors who have an actual responsibility for journalism education are theoretical professors who do not have any working experience as journalists in the field. This structural problem of professorial teams causes the absolute ratio of education to be theory-oriented education. It is not a desirable phenomenon that the full time professor shift the practiced education onto external professors. Even have this focuses on traditional media such as newspapers or broadcasting, and there are few professors (or lecturers) who can teach new areas such as the Internet, mobile phone or communication integration. Seventhly, the educational goals of journalism do not have clear directions. The majority of them have ideal goals of education such as "the goal is to improve academic and practical abilities" or "the goal is to completing the whole-person or professional education through future-oriented and creative education". However, any universities do not have ' whole-person education programs and educators'. Also, there are few universities which have one educational goal either theoretical or practical. This shows the directions of journalism education at universities in Korea and what the identities are.

Naturally, journalism is not a study pursing pure theory. Journalism has been regarded as an area where practical abilities are more important than theoretical because it is the profession of producing journalists who can produce and distribute news. This view is still valid. However, the mass communication education in Korea has concentrated on communication rather than journalism from the beginning. Due to this limitation, this is a the deformed structure in which theory-focused education programs significantly outweigh practical education in the field. In addition, journalism curriculums do not have a structure to provide contextual knowledge or

function which can understand social phenomena in a synthetic and critical way. The majority of educators of mass communication courses at universities are professors who have acquired university degrees in foreign countries without any working experiences as journalists in the field [8]. Keeping the curriculums dependent on the educators also has a relationship with this realistic structure of educator composition. The problem is that this composition of educators has rarely changed over the poor 50 years. There is an implicit custom that journalism is taught not by professors with Ph. D's but external professors who were journalists or reporters in the field without Ph. D's. Surely, journalism education has a solid goal of training journalists, so journalism itself does not require the academic degrees of the major. In addition, like other manufacturers who increase the competitiveness of their management through outsourcing, it is hard to say a education by external professionals is inappropriate. However, education is fundamentally the service for students who are a service consumers. If universities want to provide high-quality services, they should not shift the majority of journalism education onto external lecturers. Apart from the fact that of questionable quality of external lecturers' teaching , the question is whether the provision of education through external lecturers is really the optimum way . In western countries such as the US, in which journalism education is systematized, it is a general custom that they employ professors form among the journalists or reporters who have worked in the relevant fields and have academic degrees or pre-scholars who have worked in the relevant fields and have academic degrees. As a consequence, this structural limitation of journalism education at universities in Korea can weaken the functions of journalism which integrates societies, develops democracy and provides public discussion culture.

As a result, there are urgent issues for journalism education at universities in Korea to develop proper curriculums for media integration, we prefer 'the synthetic knowledge model' to 'the theoretical model' or 'practical model', to foster journalists who have multi-skills be able to adapt in the changes of media environments, to secure practical professors who can conduct the functional education of media and to establish the identity of educational goals. So far, we have analyzed the structural problems of journalism education at universities in Korea in a microscopic way, and discussed the foundations. However, we do not think that this discussion was complete because we tried to explain journalism education which is a very big issue with the limited ranges of data such as curriculums, professor composition, and educational goals. We agree that there might be errors in which we saw the woods, but we could never see the forests in the progress of this study. Therefore, we, researchers, propose the extension of methodology about journalism education. Various research methods ways such as surveys, case studies, and interviews with professionals as well as analyses about the concrete contents of curriculums should be attempted in the following studies.

1) The results of the survey of consumers' perception accomplished by Seung Chan Yang and Kang Hyung Lee (2009) showed that the response what major curriculums were not helpful for work 21.5%, which was a significant portion of the survey's result. In addition, the course subjects that were directly related to work averaged 2.5 subjects, so it appears that the subjects were insufficient to fulfill the demands of wide-range journalism fields. The evaluation conducted by Seung Chan Yang and other surveyors showed that the 'practice' subjects were much more helpful to work in the field than 'theoretical' subjects among the overall major subjects, and they proposed the strengthening practical subjects are essential to improving work performances in fields.

2) The following discussions are the organizations of the discussions about the educational problems of the journalism so far. There are the analysis of the loss of directions of Korean style media education (Woo Cheon Song, 2001), the analysis which educational curriculums should be changed from theory-oriented to work-oriented (Jae Kyung Lee, 2005), the analysis of the necessities and directions of Korea journalism school (Jae Il Nam and Min Jae Choi, 2005), the newspaper journalism education of universities (Young Wook Kim, 2005), the introduction to economy journalism school for professionalization of journalists (Sung Hae Kim, 2007), the analysis about educating and selecting talents for the media industry.

3) Journalism is one major of the mass media education, but does not mean the mass media education itself. The definition of journalism in <Mass Communication Dictionary> published by Korea Journalism Institute is "the professional work area for requesting and editing news and other media about problems related current affairs, and for conducting reports, comments and commentaries through newspapers, magazines and broadcasts" (Bae Keun Cha, Woo Ryong Kim and Ki Hong Lee, 1993, p. 1197). Yong Ho Lim (2009) pointed out that journalism has a close relationship with the industry in the progress of researching, education and policy making, and it is hard to be free in real demands and

policies and practical implications.

4) Professionals mention that journalists need to have knowledge about the social science subjects such as economics, politics and sociology and the humanities such as philosophy, linguistics and history as well as journalism (Young Wook Kim, 2005).

5) Jae Il Nam and Min Jae Choi (2005) reported that journalism possess the highest portion, 38%, among the mass communication courses of the 19 universities located in Seoul, but it has deformed structure which theory, 70%, is much higher than practice, 30% as the results of their analysis.

6) In Korea, only Semyung University has operated the <Journalism School> in the graduate-school way.

7) Hyun Cheol Choi (2010) pointed out that many universities still insisted on using the name of <Newspapers and Broadcasting>, even though there were many criticism that the name were not proper to indicate the media-related courses.

8) In the US, a significantly large portion of journalism educators is professionals who have long working experience in mass communication or journalism fields. Among them, many educators have Ph. D's in communication, but the educators also worked and built experiences in filed for a long time (Sung Hae Kim, 2009).

REFERENCES

1. Sung Hae Kim (2009). The Greatest Happiness of the Greatest Number: Seeking the Change of Korea's Education 『Ask the Way of the Education of the Mass Communication Study』 (259-283). Seoul: Communication Books.

2. Sung Hae Kim (2007/Spring). Media and Education. Korea Communication and Information Bulletin, Book 37, 7-42.

3. Young Wook Kim (2005). Newspaper Journalism Education at University. Honam Association for Communication <Seeking the Feasibility to Link the Practice Education of Communication Course and the Schools and Industry>, Seminar.

4. Jae Il Nam & Min Jae Choi (2005). Journalism Education and Journalism School in Korea, Korea Journalism Institute.

5. Jae Young Park (2005). The Journalism School in US: Based on the Journalism School at University of Missouri and the Journalism School at Columbia University.

6. Jae Il Nam and Min Jae Choi (Writing), Journalism Education and Journalism School in Korea (105-149). Korea Journalism Institute.

7. Woo Cheon Song (2001). Theory and Practice in the Mass Communication Education. Korea Communication and Information Bulletin, Issue 17, 61-84.

8. Soo Young Lee & Yong Sok Hwang (2009). The Door is Open: Talents Who the Media Industry Wants. Ask the Way of the Education of the Mass Communication Study (10-39). Seoul: Communication Books.

9. Jae Kyung Lee (2005). Journalism Education in Korea: How It Should Be Changed. Korea Communication and Information Bulletin, Book 49, Issue 3, 5-29.

10. Young Ho Lim (2009). Journalism Research: Thorough Observation Over 50 Years. The 50 Year History of Korea Association for Communication Studies. Seoul: Korea Association for Communication Studies.

11. Seung Chan Yang & Kang Hyung Lee (2009). Step in Wilderness with Hope: Self-Diagnosis of Graduates. Ask the Way of the Education of the Mass Communication Study (40-77). Seoul: Communication Books.

12. Hyun Chul Choi (2010). Consideration about the Development and Selecting Process of Talents in the Media Industry. Korea Association for Communication Studies <Development and Selection of Media Talents> Seminar.

13. Adam, G. S. (1988). Journalism knowledge and practice: The problems of curriculum and research in university schools of journalism. *Canadian Journal of Communication, 14*(2), 70-80.

14. Adam, G. S. (1993), *Notes towards as a new definition of journlism: Understanding and old craft as an art form*, St Pettersburg, FL: The Poynter Institute for Media Studies.

15. Anderson, R.C., & Biddle, W. B. (1975). On asking people questions about what they are reading, in G. Bower (Ed.), *The Psychology of Learning and Motivation, 9*, New York: Academic Press, 96–132.

16. Burns, L. S., (2004). A reflective approach to teaching journalism. *Art Design & Communication in Higher Education, 3*(1), 5–16.

17. Charles, H. (1995). *The age of paradox*, Havard, MA: Harvard Business School Press

18. Deuze, M. (2006). Global journalism education: A conceptual approach. *Journalism Studies, 7*(1), 19–34.

19. Fourie, P. J. (2005). Research section: journalism teaching and training. *Ecquid Novi, 26*(2), 142–58.

20. Glasser, T. (1992). Professionalism and the derision of diversity: The case of the education of journalists, *Journal of Communication, 42*(2), 131–40.

21. Herbert, J. (2000). The changing face of journalism education in the UK, *Asia Pacific Media Educator, 8*, 113–23.

22. Kovach, B., & Rosenstiel, T. (2001). *The elements of journalism*, New York: Crown Publishers.

23. Medsger, B. (1996). Winds of change: Challenges confronting journalism education, The Freedom Forum Report, http://www.freedom.org/freedomforum/resources/journalism/journalsm_edu/winds_of change/accessed, 14 July, 1999.

24. Megwa, E. R. (2001). Debate journalism education, *Journalism Studies, 2*(2), 281–99.

25. Reese, S., & Cohen, J. (2000). Educating for journalism: The professionalism of scholarship, *Journalism Studies, 1*(2), 213–27.

26. Sheridan Burns, L. (1997). Problem-based learing: It is new jargon for something familiar? *Australian Journalism Review, 19*(1), Brisbane: Journalism Education Association

27. Weischenberg, S. (2001). Das ende einer ara? Aktuelle Beobachtungen zum studium des kunftigen journalismus, in: H. Kleinsteuber (Ed.), *Aktuelle Meientrends in den USA*, Opladen: Westdeutscher Verlag, 61–82.

Appendix

The Current Affair of Education Contents and Educators of Journalism in Major Universities in Korea

Classification \ Name of University		Seoul National University	Korea Univer-sity	Yonsei University	Ewha Women's University	Sokang University	Sung-kyunkwan Univer-sity	Kyung Hee University	Chung-Ang University	Hankuk University of Foreign Studies	Sook-myung Women's University	Average
Name of Major		Department of Commu-nication	School of Media & Commu-nication	School of Media, Public Relations & Video	School of Media, Public Relations & Video	School of commu-nication	The De-partment of Mass Commu-nication and Jour-nalism	Journalism and Com-mu-nication	School of Mass Commu-nication	Journa-lism and Mass Commu-nication	Journa-lism and Mass Commu-nication	
Curriculum												
Total Numbers of Available Subjects		31	47	45	73	68	40	65	64	43	36	51.2
Total Numbers of Journ-alism Subjects (Includ-ing Theory)	Newspaper (Including Magazine)	2 (25.0%)	6 (86.0%)	3 (60.0%)	13 (56.5%)	6 (35.3%)	4 (50.0%)	5 (45.5%)	7 (46.7%)	6 (40.0%)	6 (31.6%)	5.8 (45.3%)
	Broadcast (Including Radio)	1 (12.5%)	0 (0%)	0 (0%)	5 (21.7%)	6 (35.3%)	0 (0%)	1 (9.1%)	1 (6.7%)	3 (20.0%)	7 (36.8%)	2.4 (18.8%)
	New Media (In-ternet, Mo-bile and etc)	1 (12.5%)	0 (0%)	0 (0%)	2 (8.7%)	1 (5.9%)	0 (0%)	1 (9.1%)	2 (13.3%)	2 (13.3%)	2 (10.5%)	1.1 (8.6%)
	Backg-round of Knowledge	4 (50.0%)	1 (14.3%)	2 (40.0%)	3 (13.0%)	4 (23.5%)	4 (50.0%)	4 (36.4%)	5 (33.3%)	4 (26.7%)	4 (21.1%)	3.5 (27.3%)
	Total	8 (25.8%)	7 (14.9%)	5 (11.1%)	23 (31.5%)	17 (25.0%)	8 (20.0%)	11 (17.0%)	15 (23.4%)	15 (35.0%)	19 (52.8%)	12.8 (25.0%)
Numbers of the Practice Subjects of Jour-nalism	Broadcast (Including Radio)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	4 (21.1%)	4 (36.4%)	0 (0%)	1 (14.3%)	0 (0%)	2 (20.0%)	5 (35.7%)	1.6 (21.1%)

* In the case of the total available subjects, the subjects which are duplicated every semester was counted 1 subject.

* The ratio which the numbers of total subjects of journalism (including theory) and the numbers of the practice subjects of journalism are expressed in the numbers of total numbers of the available subjects.

* The ratio which the numbers of journalism taught by the full-time professors without experience are expressed in the numbers of total subjects of journalism.

* The ratio which the numbers of external professors with Ph. D in journalism practice are expressed in the numbers of the external professors who teach the practice subjects of journalism.

* The percentage in ( ) is round off the numbers to two decimal places.

HISTORY OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND KOREA

S.N. Khamzin

Khamzin, Sergey Nikolaevich – Senior Teacher, Faculty "Russian as a Foreign Language", the Pacific State University (Khabarovsk).

The article deals with the historical fact of establishment of diplomatic relations between Russia and Korea. The author also provides the analysis of the events and historic reasons which made it impossible to maintain these relations for a long time.

Key words: diplomacy, Russia, the Republic of Korea, Japan, the Russo-Japanese war, annexation, negotiations, reforms, the Soviet Union.

The Russo-Japanese war, annexation, negotiations, reforms, the Soviet Union.

The first information about the establishment of official relations between Russia and Korea dates back to the second half of the 19th century. In the middle of the 19th century the border between Russia and Korea along the Tuman-gang River was established. The border was marked in 1861. The first contacts between these countries lead to intensive voluntary Korean immigration to Russia. Due to that fact representatives of one more nationality appeared there – Koreans. In the end of the 20th century the Korean population settled in Russia reached nearly 450 000 people, and 100 000 of them lived in the Russian Far East. In addition to the immigration of Koreans to Russia, the frontier trade was the other significant constituent of the Russian – Korean contacts during the period before the establishment of diplomatic relations [1: p. 27–28].

The appearance of the border between Russia and Korea did not mean that the two countries had their official diplomatic relations established. It was only in the 1880s that the objective necessity for legislative arrangement of the relations between the countries arose. By this time Korea was ready to carry on a dialogue with Russia. The beginning of social and economic reforms held partly under the influence of Japan became an important factor of readiness of Korea at the establishment of diplomatic relations with Russia was [10: p. 128–135].

As a result of long preparatory work of the Russian diplomacy on 7 July 1884 Karl Ivanovich Weber, Charge d'Affaires of Russia, and Kim Byonsi, the Minister of Foreign Affairs of Korea, signed the agreement between Russia and Korea which was ratified on 14 October 1885. The Russian diplomatic mission was opened in Seoul in 1886. [2: p. 3-4].

Nevertheless after 10 years the relations between Russia and Korea underwent considerable changes.

On 15 February 1894, a peasant revolt took place in the province of Cholla. This revolt had its own ideology, the religious doctrine "*Donghak*" (Eastern Learning) which was for the first time in the history of Korea. Under the pretext of protection of its citizens Japan sent its military forces to Korea. On 25 July 1894, Japan began military operations against the Chinese armies in the Korean territory. And on 1 August Japan declared war on China. The only large Japanese-Chinese battle in the territory of Korea occurred near Pyongyang and ended with the defeat of Chinese armies. On 17 April 1895, the Peace Treaty of Shimonoseki was signed. According to this Treaty China renounced its traditional patronage over Korea [3: p. 5–12].

Japan actually started to take Korea under its control even before the end of war. Under the pressure of Japan reforms in the sphere of economy and sociopolitical organization started to be carried out in Korea from the middle of 1894. They were directed to the best adaptation of Korea to the further colonial expansion.

On 2 February 1896, Karl Ivanovich Weber, Russian Charge d'Affaires, was given a note from the governor of Korea, King Kojong. It contained a request to allow the King to move to Russian diplomatic mission. Having obtained the permission, the King with the successor to the throne moved to the Russian Embassy on 22 February 1896. They stayed at the Russian Embassy for a year. The King's moving to the Russian diplomatic mission, naturally, meant strengthening of the Russian influence with simultaneous weakening of the positions of Japan in Korea [5: p. 5].

Why did the King choose Russia to be the country on whose help he counted? By the end of the 19th century Korea appeared to be so weak that it could not protect itself. Armies of the neighboring countries, Japan and China, could land in Korea unimpeded. The King did not have any other way to

protect the throne and the power but to address some foreign state. No other country could be as interested in the protection of Korea as Russia because Russia bordered on Korea and strengthening of Japan on the Russian eastern boundaries was not to the advantage of the Russian Empire.

In the spring of 1896 Korea had a possibility to carry on direct negotiations with the Russian government when King Kojong received an official invitation to send a delegation to Moscow for participation in the ceremony of crowning of the Russian Emperor Nikolay II. The invitation was accepted. Five issues were the basic points at the negotiations: about the appointment of Russian military instructors to be sent to Korea; about the appointment of Russian advisers to be sent to Korea; about the organization of security guards of the King; about connection of the Siberian telegraph line to the northern Korean line and rendering assistance in construction of telegraph lines; and about the allocation of 3 000 000 Yens of a loan to Korea to repay the debt to Japan [6: p. 13–14].

The results of the negotiations were productive enough in spite of the fact that the Russian government refused immediate granting of the loan, and promised to study the economic situation in Korea in details and to consider the possibility of allocating the money required. In December 1897 the Russian-Korean Bank was founded. The Bank existed till 1901. According to the plan of founders it should have become the core of the financial policy of the Korean government.

The year 1897 was also a significant year for the cultural relations between Russia and Korea. From the autumn of 1897 the Faculty of Oriental Languages at the Saint Petersburg Imperial University introduced the Korean language into its curricular for the first time in Russia. The teaching of Korean language lasted till 1917.

But 1898 showed that not all Koreans supported the Russian-Korean rapprochement, not to mention the foreign states that had pretensions for a certain influence in Korea (Japan and England). In February 1898, “The Independence Society” assisted by the employees of English and American diplomatic missions organized a meeting. The organizers of that meeting handed over a petition to King Kojong. The petition condemned "foreign", which meant, Russian "intervention" into the affairs of Korea. At that time Russia had no purpose to achieve dominant influence in Korea. On 23 March 1898, the Russian military instructors left Seoul [7: p. 111–115].

On 25 April 1898, Russia and Japan signed the agreement which recognized the independence of Korea and obliged both states to abstain from intervention into the internal affairs of Korea. Nevertheless the economic and political influence of Japan began to grow steadily at the reduction of Russian influence.

In 1903 the opposition of Russia and Japan in the Far East had reached peak of tension which caused the beginning of the Russian-Japanese negotiations on the diplomatic level. Delimitation of the interests of Russia and Japan in Korea was the major and acute issue of these negotiations. Due to irreconcilability of the positions of these two powers, by the beginning of 1904 the negotiations reached a deadlock. On 6 February 1904, Kurino Shinichiro, the Japanese Envoy to Russia, officially announced the severance of diplomatic relations in Saint Petersburg. And on 8 February1904, the Russo-Japanese war began on the Korean coast near the Incheon port.

The Russo-Japanese war ended on 5 September 1905. The Portsmouth Peace Treaty was signed in the USA to put an end to it. The defeat of Russia in the war was legally fixed, which defined an absolutely different alignment of forces in East Asia [11: c. 41–45].

Russia eventually lost its influence in the Far East. Korea was beyond the sphere of Russian political interests. Moreover Korea began to lose its independence during the first year of the Russo-Japanese war. It was being put under the command of Japan and was gradually becoming Japanese colonial possession. The Russian-Japanese political agreement of 4 July 1910 actually recognized the right of Japan to annex Korea.

Thus, from August 1910 Korea had disappeared from the world maps as an independent state and actually became a part of Japan. Since then it is possible to speak about the de jure termination Russian-Korean relations. The latter became the Russian-Japanese relations, and the relations with Korea realized only through these Russian-Japanese relations. Nevertheless the institute of Consulate General of Russia in Seoul existed till 1925. The Japan’s annexation of Korea lasted until 1945. It is impossible to talk about any diplomatic relations between the USSR and Korea during that period. After the capitulation of Japan the cold war between the Soviet Union and the United States led to the division of Korea into Northern and Southern. The Soviet Union had traditionally friendly relations with North Korea. But the USSR and South Korea had different ideologies and the two countries maintained only the minimum relations until the disintegration of the Soviet Union. [12: p. 31-38].

It is necessary to mention that South Korea had been trying to establish trade relations with the Soviet Union even before Michael Gorbachev's coming to power. In May 1979 South Korea signed the agreement with Finland which undertook an obligation to assist in delivery of goods to the Soviet Union and the Eastern Europe. Gorbachev supported foreign capital and high technologies. He also expected that Seoul could help the USSR to overcome an economic crisis with direct capital investments, joint projects and trade relations.

In the late 1980s, the policy of "Nordpolitics" by the President of the Republic of Korea Roh Tae Woo and the policy of "New Thinking" by Michael Gorbachev lead to a gradual rapprochement between the Republic of Korea and the Soviet Union. The Far East of the USSR had plenty of natural resources which Korea needed so desperately. Trade with the Soviet Union, the Eastern Europe and China also reduced South Korea dependence on the USA because of the formation of new commodity markets of the goods [12: p. 41–43].

Development of the relations between Moscow and Seoul was planned in three directions: sports, trade and politics. The Seoul Olympic Games of 1988 turned out to be a big accelerator of this process. More than 6 000 Soviet sportsmen came from Russia to South Korea then.

With the increase in trade turnover, Seoul and Moscow established direct trade relations using trading ports of Vladivostok and Pusan. In 1988 the Korea Trade Promotion Corporation (KOTRA) and the Ministry of Trade and Industries of the USSR concluded the trading memorandum on cooperation in trade. In 1989 another memorandum was concluded on the basis of the trade missions. In July 1989 the Korean trade mission was opened in Moscow; the Soviet office in Seoul had been opened a bit earlier, in April 1989.

The diplomatic relations between the Soviet Union and the Republic of Korea were officially established on 30 September 1990. And two years later the contract on the foundations of the relations between the Republic of Korea and the Russian Federation was signed.

For the past 20 years the Russian-Korean communications have had their prompt development and covered almost all significant spheres. Summits of the leaders of the both countries played a big role in this process. From the date of the establishment of diplomatic relations, the presidents of the two countries have met more than 20 times. Relations with the Republic of Korea are one of the priorities of the Russian foreign policy in the Asian-Pacific region [12: p. 11-14].

The year 2010 is declared the 20th anniversary of the establishment of diplomatic relations between the two countries.

REFERENCES

1. Пак, Б.Д. Россия и Корея / Б.Д. Пак. – М. : Наука, 1979. – 140 с.

2. Пак, Б.Д. Корейцы в Российской Империи (Дальневосточный период) / Б.Д. Пак. М. : Издательский центр «Академия», 1993. – 220 с.

3. Булычев, Г. Корейская политика России: попытка схематизации / Г. Булычев // Проблемы Дальнего Востока, 2000. – № 2. – С. 5–12.

4. Булычев, Г. Россия и Южная Корея: некоторые размышления о первом десятилетии отношений / Г. Булычев, Д. Кулькин // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 5. – С. 33–38.

5. Зона сотрудничества или потенциального конфликта? Дальневосточная граница в прошлом, настоящем и будущем // Независимая газета, 03.06.1994. – С. 5.

6. Курбанов, С.О. Россия и Корея: Ключевые моменты в истории российско-корейских отношений середины XIX – начала XX столетий / С.О. Курбанов. – М. : Ориент, 2000. – 240 с.

7. Маигов, С. Роль государства в формировании инвестиционного климата в Республике Корея / С. Маигов // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 6. – С. 111–115.

8. Международные отношения в Центральной Азии. Т. 1-2. – М. : Наука, 1989-90. – 374 с.

9. Отношения в новом мире. Категория «национальные интересы» и отношения в треугольнике Россия-США-Китай // Независимая газета. – 25 янв. 1993.

10. Селищев, А. Контакты русских и корейцев (1860-е годы) / А. Селищев // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 4. – С. 128–135.

11. Хрестоматия по истории Дальнего Востока XVI–XIX вв. – Владивосток : Дальневосточное кн. изд., 1997. – 419 с.

12. Экономическое развитие и международное сотрудничество в Северо-Восточной Азии. – Владивосток : Дальнаука, 2001. – 147 с.

DEMOCRATIC TRANSITION AND ISSUES IN JOURNALISM: THE SOUTH KOREAN CASE

Y. Yoon

Yoon, Youngchul – Doctor of Mass Communication, Professor, Dean of the Graduate School of Journalism and Mass Communication, Yonsei University, Seoul, Korea.

This study attempts to examine the relationship between the mass media and the recent political transition from authoritarian rule to political democracy in South Korea. The primary concern of this study is the interplay between the changing power structure and the mass media. This study focuses on two questions. First, this study will analyze how the democratization process in South Korea influenced the pattern and the mechanism of media control. Given that even democratic regimes did not completely stop their effort to exert influence over news making, different strategies of media control across different regimes will be comparatively examined. Second, it will bring up some major issues associated with the confrontation between the right-wing news media and the left-wing ones, and will attempt to explain how the press-party parallelism works, especially when it comes to the news coverage of politically and ideologically controversial issues.

Key words: democratization, state-media relationship, press liberalization, media control, repression, incorporation, cooptation, power shift, press-party parallelism.

Democratic transition and mass media

Democratic transition from authoritarian rule toward democracy not only affected the way in which mass media operated in South Korean but also was affected by journalistic activities. A new political landscape emerged ever since the democratization movement began in the late 1980. The South Korean mass media underwent structural changes when authoritarian rule gave way to a more democratic regime.

Although the collapse of the military dictatorship did not mean the completion of democracy, it created a social condition in which the transition to political democracy could take place. Facing violent street protests and public support given to massive protests, the ruling government made a dramatic announcement on democratic reforms in June 29, 1987.

Since then, the strengthened civil society has played a crucial role in holding in check the power of the state and advancing democratization of various social organizations including the mass media. State power began to decline as the opposition exercised greater influence on important political issues, and political competition between power groups became more complex.

On the basis of the revised constitution, a presidential election was held on 15 December, 1987. The divided opposition particularly between two major opposition leaders, Kim Young-Sam and Kim Dae-Jung, allowed Roh Tae-Woo to win a narrow election victory with only 36% of the votes. The outcome of the parliamentary election on 26 April, 1988 was not much different. For the first time, the ruling party (Democratic Justice Party) was denied the majority seats in the National Assembly.

As a result, a more diverse power structure came into being. The power structure was diverse in the sense that the democratization created stable political bases for diverse elites in political parties, unions and organizations which represent social formation. The authoritarian centralized political system which was easily manipulated gave way to a more pluralistic, broad and representative system.

This study attempts to examine the relationship between the mass media and the recent political transition from authoritarian rule to political democracy in South Korea. The primary concern of this study is the interplay between the changing power structure and the mass media.

I will focus on two questions. Firstly, this study will analyze how the democratization process in South Korea influenced the pattern and the mechanism of media control. Secondly, it will bring up some major issues in South Korean journalism, which are mostly outcome of the shift in the journalistic environment amid the process of democratization.

Typology of the state-mass media relationship

The state has been the major and dominant actor in the South Korean power structure. It is thus crucial to examine the shifting state-media relationship in the process of democratization in order to understand the nature of state control of the mass media.

To analyze the state-press relationship in a systematic way, a fourfold typology was developed on the basis of the two modes of power exercise, inducement and constraint. In Gamson's terms,

constraint is seen as producing compliance by the application or threat of negative sanction [3]. Inducement, by contrast, is cooptation based on the application of advantages or benefits. In a similar manner, Galbraith also differentiated condign power which wins submission by inflicting or threatening appropriately adverse consequences (punishment) from compensatory power by the offer of affirmative reward [2]. These two modes of power exercise refer to the basic pattern of media control that contains both "carrot and stick". Based on the distinction between inducements and constraints, it is possible to identify four different types of media control.

Table

Patterns of the State-Media Relationship

		Inducements	
		High	Low
Constraints	High	Incorporation	Repression
	Low	Cooptation	Libertarian

Firstly, a lower level of inducements and a higher level of constraints tend to appear in contexts in which state-press linkage is conceived as state-directed, coercive institutional arrangement. Rather than relying on cooptation, media control is based primarily on repression. This pattern of media control is observed when an authoritarian state with a high level of coercive power imposes outright control over the media in order to suppress or exclude the popular sector.

Secondly, a higher level of inducements combined with a lower level of constraints occurs when the government seeks to gain the political support of media that are relatively autonomous. In this situation, the state tends to rely primarily on cooptation rather than repression in order to control a media that has a greater capacity to resist the imposition of repressive control. The state is likely to take this pattern of media control when power is distributed among multiple powers [4].

Thirdly, a higher level of both inducements and constraints occurs when the government attempts to control the media through the interplay of repression and cooptation. In such a situation, media lacking autonomy is weak, auxiliary and a dependent organ of the state. This type of media control relies on state incorporation by which the media is formally independent but in practice, fully dependent and manipulated by the state.

Fourthly, lower levels of inducements and constraints involve situations in which the government does not attempt to exercise control over the press. This hypothetical pattern of little control may correspond to the libertarian model of the press in which the press is assumed to be free from any type of control. But this pattern is rare.

This fourfold typology demonstrates how inducements and constraints operate in distinctive patterns in different political contexts. Different combinations of inducements and constraints are found not only between countries but also within countries over time. These four different patterns of media control may also be applied to the media's relationship with the opposition, both established and non-established.

When the South Korean political system began to shift to a more pluralistic one in the late 1980s, the state put greater emphasis on inducements and lesser on constraints to control the media. This changing pattern of media control signifies a shift from incorporation to cooptation. The opposition with more newsmaking power gained more control over the media through their cooptation efforts. The media policy under the Kim Young-Sam government was formally based on liberalism that claims to stand for press freedom. But this did not necessarily mean that the media completely freed themselves from state control. The government's cooptive strategies to control media in this era were more skillful and secret than before. In the following, I will explain in more detail the changing pattern of media control under each regime.

Press liberalization and cooperation of the media

As the authoritarian political structure collapsed through democratic reforms launched in 1987, the state-press relationship began to take a different pattern. In the middle of 1987, Roh Tae-Woo made what has become known as the June 29 Declaration which included the proposal on press reform. Roh's reform proposal stated: "the government should not and can not control the press nor should it attempt to do so".

As a result, the press took a more autonomous role in the transitional period. The effectiveness of the incorporative press control based on both high levels of constraints and inducements was questioned. Thus the Roh government liberalized the press sector by reducing the level of coercive constraints and selectively maintaining various inducements offered to the press. The state-press relation-

ship shifted from incorporation to cooptation. The cooptation was however discriminatory. Despite the government's declaration that the media would freely compete with each other, it discriminated in favor of cartel newspapers by maintaining a symbiotic relationship with cartel papers and distancing itself from some non-cartel papers.

The press liberalization in 1987 that allowed the market entry of new competitors created a dual press structure in the transitional period: cartel papers which joined the Newspaper Association and non-cartel papers which were not allowed to do so. *Hangyoreh Shimun* was a typical non-cartel newspaper. The appearance of non-cartel newspapers made the state-press owner relationship more complex. While imposing constraints on non-cartel papers, the Roh government continued to provide cartel newspapers with various inducements. The Roh government delayed issuing the registration number of *Hangyoreh Shinmun* for three months until the 1988 election was over, and prohibited *Hangyoreh Shinmun* from running television advertising to publicize its foundation.

The intensified competition among cartel papers also made the cartel itself no longer effective. The oligopoly of the newspaper market before the transition which was an outcome of political considerations began to disintegrate as the number of newspapers has grown rapidly. Newspapers free to charge what they wish and to publish as many pages as they wish began to compete with each other. The newspaper cartel which set the price, advertising rates and the number of pages has been broken.

While the operation of the newspaper market became more autonomous from the state, greater pressure was exerted on newspapers to accommodate market demand. The need to appeal to advertisers made circulation a more important consideration for commercial viability. In this context, the influence of advertisers on news making increased. Press owners felt the necessity to strengthen organizational control in order to survive in a very competitive market and to flourish by securely gaining profits. This led commercial papers to reflect the majority views at the expense of minority views, and to emphasize entertainment news rather than ideological matters.

The new press law abolished the licensing and press card system. This also made cancellation of newspaper registration much more difficult. Realizing the growth of pluralistic forces after the transition, journalists began to write more freely and critically beyond formerly permissible boundaries. For instance, press criticism of Chun was welcomed by the opposition and at the same time tacitly approved by the new regime to the extent that it did not harm the core faction of the Roh government. This contributed to broadening the domain of newsgathering and the ideological boundaries of news interpretation.

After the transition news sources were diversified. Reporters were allowed to have access to a variety of non-governmental sources including opposition politicians and movement leaders. And the appearance of competing news sources pressured the Roh government to adopt a more aggressive and open information policy. Unlike the former (Chun) government, the Roh government encouraged public officials to be more aggressive to contribute favorably to public opinion.

The most visible change occurred in the Ministry of Defense where reporters' access to information was extremely restricted under the Chun regime. Before the transition, beat reporters in the Ministry of Defense had to depend completely upon press releases censored by the authorities. They were not even allowed to move around the Defense building under the provision of the Military Secrets Preservation Law. But after the transition, the Ministry began to relax its constraints on reporters and to establish more channels of news dissemination. The Ministry introduced a news briefing system to meet the reporters' demands to broaden information access and to confront heavy public criticism against the military's involvement in political repression and financial scandal. In an effort to recover the damaged military image, the Ministry launched an aggressive public relation policy by giving reporters easier access to information.

The relaxed press control was however discriminatory against the reporters who did not join the reporters' clubs. While the Roh government continued to coopt the reporters of established papers with various inducements mentioned earlier, it still imposed constraints on the reporters of anti-government papers such as *Hangyoreh Shinmun.* The reporters of *Hangyoreh Shinmun* were denied entry into the Defense Ministry Building and The Blue House (Presidential Office) for security reasons. This discriminatory control strategy has made them less dependent on the government for information gathering and encouraged them to rely on non-routine, non-governmental sources.

The Reporters' clubs became a less effective vehicle of information control for at least two reasons. Firstly, the increasingly competitive news gathering environment due to the increase of the number of newspapers has generated a tension among beat reporters. Non-member reporters who did not mind

writing stories unfavorable to the government pressured member reporters to take a more critical news perspective and made an unanimity of news perspectives more difficult. Secondly, the reporters' clubs could not agree upon whether they would accept reporters from newly created newspapers as new members or not. Some reporters' clubs made their services available to non-member reporters, but others prohibited them from the reporters' office. Reporters from newly created papers argued that the reporters' clubs should be open to all reporters.

Reducing the level of constraints imposed on journalists, the Roh government introduced a subtle way of coopting journalists. Senior reporters and editors were informally contacted by officials of the Ministry of Culture and Information. Instead of relying on daily telephone ordered news guidelines, the officials invited senior journalists to lunches or banquets and requested them to cooperate with the government. The government's effort to coopt senior journalists was documented in the "Reports on Individual Contact with Journalists" which was disclosed by the 1988 parliamentary inspection of the Ministry of Culture and Public Information. It might be easier for the government to make cordial relations with senior journalists whose political views tend to be more conservative than with unionized junior journalists.

The regime change made the opposition parties adjust their media policies to a more pluralistic, competitive political environment. Since key opposition party leaders had been either exiled or subjected to house detention under Chun, opposition parties could not exert much influence on the press which was closely linked to the ruling government. It was not until 1988 that a larger opposition presence in the National Assembly enabled the parliamentary opposition to regain its strength and augment its influence over the press.

Opposition parties depended primarily on cooptative strategies to gain greater and more favorable press publicity. But the parliamentary opposition's cooptation was much less effective than that of the government which was fortified by the threat of repression. Opposition leaders aggressively sought to publicize their political messages by centralizing the information distribution around themselves. Thus the beat reporters followed the party president.[1]

Reporters willingly accepted the invitations to banquets held by party leaders because that is often regarded as an extension of the legitimate news gathering business. It was believed that when the mood was relaxed, the most valuable hints about the inner movement of the political world could be obtained. Besides, the *chonj i*(money) was usually distributed after these banquets. Like the reporters' clubs attached to government agencies, the reporters' clubs based on political parties received various benefits that induced reporters to favor party policies and political goals. The reporters became dependent on party sources and reluctant to offend them in the stories they wrote.

Under Chun, they were systematically discriminated against and excluded by the press strictly controlled by the regime. Movement groups which lacked resources could neither influence nor coopt mainstream reporters. No routine channels developed between reporters and movement groups. Their primary concern, under Chun, was simply to publicize their existence and activities by creating non-routine events to attract media attention. For news about movement groups, reporters relied primarily on government sources, and for this reason they were distrusted and criticized by movement leaders. Movement leaders even launched a public campaign denouncing the press's subordination to the regime.

But things changed after 1987. Movement groups emerged as political forces competing with established parties. More press coverage was thus given to movement groups whose importance as newsmakers increased. This situation has made movement groups redefine their media strategies and tactics. They introduced a spokesperson system in an effort to convey their views and activities more effectively to their political supporters. Spokespersons of movement groups often held news briefings and distributed background information to reporters, in order to help them directly cover movements.

The establishment of routine news channels in movement organizations had an important implication for the movement-press relations. Increasing dependence of reporters on movement sources enabled movement groups to exert some influence on the press. Movement groups attempted to coopt anti-government papers by rewarding big stories, while controlling pro-government papers by with-

[1] They begin their workday in the party president's house where breakfast is often served. Sometimes, they wait for the party president in his house until late at night to get more background information. Close and warm interpersonal relationships were developed between reporters and party presidents. Many of the party beat reporters had connections with party presidents: they graduated from the same schools and came from the same province. These connections made reporters easily coopted by party leaders. But on the other hand, without this intimate relationship, party leaders would not have revealed their true feeling or intentions on anything that might be newsworthy.

holding important information. The media strategy of movement groups after the transition can be characterized by the cooptation of certain 'trusted' media and the negative sanction of certain 'distrusted' media. When asked about media policy, a student movement leader told me that they usually made a secret contact with *Hangyoreh* reporters to inform them of the protest schedule in advance. This may be a reward for *Hangyoreh*'s favorable coverage of movement groups. Sharing political views, movement activists and *Hangyoreh* reporters maintained a close relationship.

Subtle and discriminatory media control

Liberal democracy requires the state to guarantee the freedom and the independence of the press. The Kim Young-Sam government claiming to stand for liberal democracy as the first civilian government since 1960 announced that it would not interfere in the operation of newspaper organizations. President Kim Young-Sam clarified his media policy in a speech made in April 1993 that his government would no longer rely on the 'carrots' and 'sticks' often employed under the authoritarian rule, and that it would neither take a high-handed policy to manipulate the media nor try to win the media's favor by offering advantages. The media could enjoy a great deal of autonomy and freedom. According to a survey done in 1993 on the basis of 727 journalists, it was acknowledged by respondents that the freedom of press has expanded significantly since 1987.[2] This suggests that The Kim government restrained itself from exercising control over the press by reducing the level of both constraints and inducements. As well as this, the strengthened autonomy of civil society and the increased number of news organizations made state control over the press more difficult.

But President Kim's announcement to adopt a libertarian policy does not necessarily mean that the government has given up all types of efforts to exercise control over the media. Pledging not to use illegitimate coercion and cooptation to control the media, the Kim government had to adopt more subtle and covert means of media control. They were subtle in the sense that the government manufactured the media's consent and established their conformity to its policy goal without making them feel they were being controlled. While practicing subtle control over media people, the government attempted to reinforce the belief that press freedom prevails. They were also covert in the sense that the government confidentially coopted journalists who were assured to be easily coopted by it.

Three major strategies to control the media were employed by the Kim Young-Sam regime. First, the public relations policy aiming at the media became more aggressive than before. The Blue House (Presidential Office) carried out reorganizations of its office to strengthen the function of public relations. The Ministry of Public Information also established an office specializing press monitoring. The Kim government which launched a large-scale campaign of democratic reforms understood very well the significance of the media's cooperation in making the campaign effective and successful. The most important strategy was to secure consent from the media, so that they voluntarily wrote stories in favor of the government's campaign.

It was therefore essential for the government to persuade press owners and senior journalists to believe that public consensus was already formed. On several occasions meeting with press owners, President Kim made use of opportunities to emphasize the importance of the media's role in completing social reforms. As a result, most newspapers got on the band-wagon led by government and carried articles in favor of the government policies regarding the reforms. This suggests that the Kim government still maintained the power not only to set the agenda but also to secure consent from the news media.

Secondly, the Kim government relied on various legitimate means of press control based on the concept of the social responsibility of the press. The press was no longer recognized as an institution outside the observation of the law. The government's intention to apply the law strictly to the media was revealed in its policy of punishing journalists and media mangers involved in illegal activities.

The importance of the media ethic and professionalism was stressed by the government. The government often sued newspapers for libel which published articles with harsh criticism against high-ranking government officials. This kind of legal response can contribute to lowering the credibility of newspapers and limiting the freedom of journalists who might have been more adversarial against the government.

Finally, a more intensified market competition caused by the increasing number of news organizations pressured the press to accommodate market forces more sensitively. Commercial newspapers competing for the largest share of readers sought to

[2] Respondents who were asked to evaluate the press freedom on a 10-point scale, answered that it increased from 6.2 in 1989 to 7.0 in 1993 which is the first year Kim Young-Sam took presidential office.

minimize the cost of news production while maximizing the market value of their news products. It can be said that market pressure, both from advertisers and from readers, emerged as a crucial factor in determining the news policy of each news organization. Due mainly to unrestrained market competition, each newspaper is pressured to bring sensationalism in the news production and to tailor the interest of wealthy readers whom most advertisers want to reach.[3]

Power shift and press-party parallelism

As Kim Dae Jung won the 1997 presidential election, a significant change in the power structure followed. The political power enjoyed by the conservative power bloc for many decades was transferred into a rather progressive political group which gained its political support mostly from the lower and lower middle classes. The democratic election in 1997 realized the most meaningful power shift in South Korean political history from the resource-rich ruling party to the resource-poor opposition party.

The power shift signified that the power structure had transformed to a more decentralized one in which the ruling government had to face formidable political challenge from the conservative opposition, occupying the majority of the National Assembly seats and gaining moral and ideological support from big business. The emergence of a weak government and a more decentralized power structure created a situation where the press could operate more freely. Newspapers reinforced their ideological stances by reporting politically controversial issues in a clearer and bolder fashion. As a consequence, newspapers with diverse ideological positions collided with each other by demonstrating conflicting news perspectives on an issue.

On the one hand, conservative newspapers dominating the newspaper market became bold enough to support the conservative opposition outspokenly in reporting on ideologically sensitive issues such as unification and labor disputes. They often went against the government and the ruling party on the issues related to North Korea. The government's control over the conservative papers has not only been weakened but also less made effective. The Kim Dae-Jung government standing for "democracy and market freedom" could neither intervene in the process of newsmaking nor mobilize its resources to coopt the conservative media. Conservative commercial papers such as *Chosun* and *Donga* had little reason to support the progressive new government because they could still be dominant in the marketplace filled with conservative politicians, readers and advertisers.

On the other hand, progressive newspapers such as *Hangyoreh* fully endorsed the ideological position of the Kim Dae-Jung government that announced that it would give the confrontational policy against North Korea based on anti-communism, and launch a more reconciliatory policy toward North Korea known as the "sunshine policy". The government-owned newspaper, *Daehanmail*, swiftly reacted to the power shift by discarding anti-communism rhetoric and backing the new government's reconciliatory policy toward North Korea. And newspapers in which progressive unions had bargaining power in determining news policies were sympathetic to the government's progressive policy.

The fact that after the 1997 power shift newspapers began to raise their ideological voices more clearly suggests that they gained more autonomy in determining news policy on the North Korea related issue. But it is important to mention that this phenomenon of increasing ideological discrepancies among newspapers accompanies the strengthening tie between newspapers and political parties or movement groups.

A kind of partnership between a particular newspaper and political party was formed as each newspaper began to show its ideological color more clearly after the power shift in 1997. This was particularly so concerning to the news coverage of North Korea. Conservative commercial newspapers' support of the opposition party (*Hanarah* party) became pretty much predictable, while progressive newspapers went in line with the ruling party and the government. Each newspaper formed parallel relationships with a specific political party or movement group which shares ideological orientation with the newspaper by expressing opinions in support of the party's claim and by criticizing the competing party whose ideological stance goes against the news policy of the newspaper. In short, the press-party parallelism has become more evident since the regime change in 1997.

Newspapers which maintain ideologically close tie with the opposition party (*Hanarah*) are the so called 'Big 3' newspapers - *Chosun*, *Chungang*, and

[3] Intensification of market competition in industrialized nations is therefore regarded as the main cause of the homogenization of news. In such a case, market failure, -the failure to maintain diverse political viewpoints through the self-correcting mechanism of the market may occur. In the highly competitive market, it is increasingly difficult for news organization to turn away from market demand.

Donga, occupying more than 60% of the market. These privately owned commercial newspapers did not give up the principle of anti-communism or anti-North Korea, although they recognize the importance of improving and extending relations with North Korea. Because the ownership of these commercial newspapers was highly concentrated, it can be said that the owner's conservative ideological orientation was reflected in their news contents. Newspapers which can be located on the other side of the ideological spectrum are *Hangyoreh*, *Daehanmail*, and *Kyunghyang*, all of which fully advocate the government's progressive policy toward North Korea.

The press-party parallelism has been strengthened as the progressive party continued to take political power, by winning the 2002 presidential election. On the one hand, the big 3 papers took a critical stance against the progressive Rho regime, while being sympathetic toward the conservative opposition party. On the other hand, progressive papers such as Hangyoreh and Kyunghyang, along with public TV broadcasters, were supportive of the Roh regime, especially when it comes to sensitive ideological issues like North-South relation.

It should be noted, however, that since the conservative party took power winning the 2007 election the parallelism has taken a rather different pattern. Both progressive and conservative news media began to change their editorial policies. The former strengthened criticism against the conservative ruling power, and the latter became supporters of the new Lee Myung-Bak regime. As a result, opposing news frames were found when they reported on ideologically sensitive issues.

News perspectives reflecting each news medium's relations with political power blocks whether they are ruling and oppositional powers raised the issue regarding what are the criterion for fair and impartial news reporting. For example, when the President Rho Mu-Hyun was impeached at the national assembly in 2004, it was really controversial whether or not the public broadcasters' news coverage of this issue was impartial.

Media union as a countervailing power

Media workers have advanced their power by the creation of media unions which challenged both internal controllers (owners and management) and the external controller (the state). As they founded unions in the process of democratization of the media sector, unionized journalists were able to demand greater control over their editor's activities, both in relation to the content and the management of the media. The movement toward newsroom democracy was born in 1987 when media unions claimed a greater degree of worker's control over the press. Two major issues raised by the union in 1987-88 were wage increases and questions regarding editorial rights. Given that the income level of journalists was one of the highest among salary earners, the union's attempt to increase wages was often criticized by the public. But the economic struggle functioned as an effective means to attract non-professional workers' support for the union and increase journalists' bargaining power in negotiating with management for participation in editorial activities.

The media union's political struggle centered on the transformation of the newsroom's authoritarian structure into a more democratic one. The primary goal was to attain relative autonomy of the newsroom from the state-media owners alliance. As the unionized reporters demanded taking part in the decision making process of their news work, the question of who was to determine editorial policies has emerged as a central issue. Management claimed the ultimate control over editorial policies, and the union advocated that editorial rights be collectively shared by all staff.

In the late 1980s and the early 1990s, several conditions contributed to the rise of the union's bargaining power vis-a-vis press owners. Firstly, the principle of "one company, one union" has united journalists and blue-color workers. This put the union in a more advantageous position in negotiating with the management who realized the difficult of breaking up the union's solidarity. Secondly, the press union movement in 1988 was successful partly because the Roh Tae-Woo government did not intervene in the labor dispute in the media sector. Without fear of negative sanctions, unionized workers could actively strive to democratize the newsroom. Thirdly, the owner's threat to dismiss unionized workers was much less effective than before. The reason is that news created media since the media liberalization in 1988 began to scout journalists, specially experienced ones. Since journalists were highly valued in the job market, unionized workers had little problem in finding jobs in other news media even if they were fired.

Conclusion

The demise of the military dictatorship and the corresponding rise of a broader and more pluralistic system of political participation in 1987 gave rise to

significant changes in external and internal conditions of newsmaking.

The government attempted to coopt rather than repress the media under pressure to democratize the society. Opposition parties gained greater newsmaking power and control over the media through their cooptation efforts. Movement groups set up their own spokespersons who routinely interacted with the media, and began to practice press cooptation with a view to countering the government's anti-movement propaganda. As these contending political institutions made more cooptative efforts to improve their political image with favorable press coverage, the media relied on more diverse types of news sources and as a consequence, reported more diverse ideological viewpoints.

With the rise of market democracy, market forces emerged as an important factor in shaping the news products. The newspaper market that was once directed by the state's intervention is now based on free competition. The more intense market competition after the transition pressured the press to seek for the largest share of readers and to tune into the ideological center by avoiding extreme viewpoints. Another important control factor is the newsgathering routine which still centers around government sources because of their monopolization of information. The symbiotic relationship between reporters and news sources enables the government to implement a more active cooptation strategy.

After the regime change in 1997, the news diversity on the North Korea issue among newspapers has been increased. The Kim Dae-Jung government's efforts to control the opposition papers was less effective not only because the government did not have effective means of controlling them but also because those resource-rich news organizations were able to easily resist the cooptative controls of outside forces. In this situation, each newspaper formed parallel relationships with a specific political party or movement group which shares an ideological orientation with the newspaper

The emergence of press-party parallelism since the late 1990s needs to be explained by political factors specific to the South Korean context. The historical analysis of European press suggests that the degree of press-party parallelism becomes weakened as the commercialized press seeks a larger share of the audience whose political inclinations are diverse [1]. In short, it can be said that the degree of commercialism is negatively correlated with the degree of press-party parallelism.

However, we witnessed an increasing degree of press-party parallelism in the late 1990s although the South Korean press has been intensively commercialized in this period. This is different from the case of western nations where a declining tendency of press-party parallelism was found as the press became more commercialized. In South Korea, a kind of bi-polarized power structure emerged since 1997 creating an environment in which the press attempts to form a parallel relationship with a political party. Looking at the ideological battle on the North Korea issue among newspapers, it seemed apparent that each newspaper played the role of agents of a specific power group.

This finding suggests that the operation of newspapers can not be fully explained by economic factors. The rearrangement of media- political parties, which emerged after the regime change of 1997, created a unique situation in which press-party parallelism is being strengthened. But this does not necessarily mean that market pressure did not exert any influence over the news contents. Neither the conservative papers nor the progressive ones do not go too far away in the ideological spectrum, refraining from publishing ideologically extreme viewpoints in their news coverage. And financially insecure commercial papers, even though their ideological positions have been known to be conservative, tend to seek the ideological middle ground in this hegemonic battle.

REFERENCES

1. Curran, J., (1978). The Press as an Agency of Social Control: an Historical Perspective. In Boyce, G. et al. (eds.). *Newspaper history: From the Seventeenth Century to the present day*. Sage,

2. Galbraith, J. K., (1983). *The anatomy of power*. Boston: Houghton Mifflin.

3. Gamson, W., (1968). *Power and discontent*. Homewood, Ill: Dorsey.

4. Lee, C.C. and Chan, J.M., (1986). "*Journalistic paradigms in flux: The press and political transition in Hong Kong.*" A paper presented at the conference on Communication, Politics and Culture in East Asia, University of Minnesota, May 8–9.

KOREA-RUSSIA COMMUNICATION AND THE RELATIONSHIPS

D.-H. Byun

Byun, Dong-Hyun – Doctor in Mass Communication, Professor, School of Media, Sogang University (Seoul, Korea).

This paper addresses the communication development process between Korea and Russia, the trend of news coverage on Russia by Korean media, and problems and direction for improvement for better communication between the two nations. The findings are as follows; First, cooperation between both Korean and Russian media is needed. Exchange of articles, education, and regular critique on counterparty's articles are cases in point. Second, attention and interest from Russia in the Korean media are needed. Russian embassy in Korea should provide news briefing and reporting items quickly and periodically. Third, efforts should be made for both nations to pay more attention to the counterparty's media coverage. Korea should also develop more interest in Russian journalists and media that cover Korea. Forth, systematic monitoring on media coverage is needed at either government level or citizen level. Messages that request correction to the media should be delivered so that corrective actions can be taken immediately. Fifth, when it comes to international issues in particular, TV should refrain from sending out provocative and sensational images and focus more on qualitative reporting (stressing ethics). Finally, we cannot recognize the world with news in fragments only. Before understanding the news, we should also understand different world cultures and life styles. From such a point of view, we should not concentrate solely on the media news, but we need to expand to cultural software like movies and videos in exchange.

Key words: international communication, media coverage, Korea-Russia relationship, media agenda, media frame, national image

1. Introduction: objective and scope of the study

International communication has contributed to the establishment of One Worldism or an Organic International Community [13]. The beginning of communication with Russia dates back to about 100 years ago during the Joseon Dynasty (old Korea). In April 1989, trade offices were opened in both Seoul and Moscow by KOTRA and the Russian chamber of commerce. This was initiated by the open reform policy (Glasnost and Perestroika) of Gorbachev in 1985, the then Russian President. As of December 8 1989, it was agreed to have consular representatives between the two nations. In March 1990, it was agreed to have diplomatic relationship between Korean and Russian foreign ministers, which made it possible to have exchanges at the ambassador level. In 1988, several events such as the Seoul Olympics and the performances of the Bolshoi Ballet and Leningrad Orchestra conducted in Korea served as catalysts to develop the bilateral relationship significantly [12].

The bilateral relationship has developed very rapidly within a short period of time. According to statistics from the then Korea Telecom Authority, the number of international calls between Korea and Russia rose by 580% in the 1st half of 1990 from the previous year. After 100 years, Korea and Russia had become close friends again. Recently, discussions on establishing natural gas pipelines for the largest natural resource of Russia have been underway. Last August, Russia gave technological assistance to despatch Naroho, the multi-purpose satellite, although it ended in failure. Likewise, Korea has made a commited diplomatic step, establishing friendly relations with Russia and moving away from the narrow-scope diplomacy focused on the United States. Ultimately, the relations between Korea and Russia have grown to encompass a variety of issues ranging from culture and art to energy, telecommunication and even security, which is regarded as a sensitive and crucial issues.

This paper will analyze the bilateral relations from the media communication point of view because media has played a critical role in the cooperation between the two nations. Koreans and Russians recognize their counterparties through media and form their attitudes and images, so the influence of the media on the development of bilateral relations is immense. This paper will address the communication development process between Korea and Russia, the trend of news coverage on Russia by Korean media, and problems and direction for improvement for better communication between the two nations.

2. The Korea-Russia communication development process and their relationships

During the Joseon Dynasty before the modernization of Korea, the two nations established a relationship at the ministerial level, and a significant part of Russian culture flowed into Korea. As Japan and Russia engaged in a tug of war to take over the Joseon Dynasty, complicated political incidents took

place. In the midst of such whirlwinds, exchanges between Korea and Russia occurred actively.

The Russian revolution that took place in 1917 had made a critical impact on the socialist movement of Korea which was under the colonial rule of Japan at that time. «The Korea Daily News» («Maeil Shinbo», which was issued under the control of the Japanese government-general, was the one and only medium in Korea at that time that delivered news of the Russian revolution. This newspaper did not conceal its astonishment at the revolution, mentioning that "it is the biggest incident in Russian history and Great Russia has collapsed."[1] This paper took the lead in covering Russia-related news until a private newspaper was issued in February 1920. From November 1917 to March 1920 for 2 years and 3 months, the paper had 104 articles about Russia. The articles that showed up on the paper during this period were categorized into three sub-categories. Firstly, articles that had something to do with Japan's economic benefit were in the paper such as the Siberian forestry and mining industry and trade in the Siberia area. Secondly were the articles that went into another sub-category about the development process of the Russian revolution, the Lenin and Bolshevik revolution, and Russian domestic politics after the revolution. Thirdly, articles in the last subcategory were about the civil wars between the Bolshevik army and anti-revolutionists, the relations between anti-revolutionist groups, and the relations between the Japanese army that engaged in skirmishes in Siberia and the Russian army [8].

Later, the landscape of the international community as well as the Korean peninsula changed dramatically. Russia fell under communist rule while Korea had put in place a US-led political system after going through independence from Japanese colonial rule and US military control. From that moment, Korea and Russia maintained hostile relations. Most international exchanges had been severed which resulted from the lack of direct communication channels between the two nations. Some brief articles provided by TASS of Russia were the only source for Korea to understand Russia.[2]

In the mid-1980s, the emergence of Gorbachev and the openness policy of Russia served as an opportunity to advance the relations between the two nations dramatically. In the media era, the most important international communication between countries is media communication. After the reform of Russia and the diplomatics relation between Korea and Russia, MBC, a Korean broadcasting corporation, made news together with Moscow national TV by having a dialogue via satellite on February 27, 1989. Later, Dong-a daily newspaper agreed to have an exclusive exchange of reporters with Izvestia, the biggest daily newspaper of Russia, on September 3, 1990, which was the beginning of full-scale media communication between Korea and Russia [10].

According to a survey conducted at that time, Korean people had a high interest in an eastern bloc. They were mostly interested in China (4.27) followed by Russia (4.15), Hungary (3.02), Yugoslavia (2.97), and Czechoslovakia (2.77). (5=highly interested / 1=not interested at all). It was said that as people developed an interest in news on an eastern block or watched related news closely, the respondents developed a positive understanding of communist countries and those countries stayed in their memory as important nations [9].

The reasons that Korea-Russia communication is crucial are as follows: Firstly, Korea (then the Joseon Dynasty) and Russia had been partner countries in terms of politics, culture and economy about 100 years ago. Secondly, as Glasnost and Perestroika of Gorbachev had been initiated since the mid-1980s and diplomatic relations between Korea and Russia has been resumed, exchange and cooperation between the two nations in a variety of fields has become all the more important. Thirdly, when it comes to the peaceful development of relations between South and North Korea, the Korea-Russia relationship is very critical.

3. The nature of international news

According to journalism theories in general, capitalist media focus on sensational issues such as violence, conflict, accidents and incidents in their news coverage while socialist media focus on propaganda and instigation of political parties [3]. In this context, Raymond Williams, a British cultural researcher, classified the media systems of the international community from the perspectives of "who controls the media," and "for whom the media is controlled." He claimed that the media is not independent regardless of a nation's structure and media systems. Whether collectively or individually, messages are distorted and mislead the general public. Many media theorists argue, "News is not a fact but a restructured reality like a fiction" [6]. In this regard, it can be assumed that the Korean media ad-

[1] «The Korea Daily News». August 27, 1918

[2] Russian broadcasting company: ITAR-TASS (government-owned), in 1992, TASS and Novosti were merged.

dresses sensational issues while Russian media traditionally deals with issues relevant to propaganda.

Meanwhile, both the media of Korea and Russia strictly cover issues for their national interest. This is a common trend across the globe. Althusser pointed out that the media has a special nature as "an ideological organization of a nation" [1]. Ultimately, how fair and free is the media is just a matter of degree.

Jung-woo Suh points out the practices of the international news as follows; firstly coverage practice as a policy tool. The media is used as a diplomatic policy implementing tool of the nation (e.g.: the US media and Vietnam and Iraq wars). Secondly is the practice of ethnocentric media coverage. In international news coverage, issues related to the nation where the media belong are covered first before any other issues. Thirdly is the practice of deifying media coverage. As has been witnessed in war-related news clips or Olympic games-related articles, only athletes who won medals or war heroes are focused on the front pages. Phillip Nightly concluded "as a result of studying special correspondents who covered wars, it was found out that the first victim of wars was the truth." Lastly is the practice of media coverage centering on the national interest [13].

In a study on "News distribution" conducted by IPI in 1953, international broadcasting is 1) strongly country-centric, 2) full of spot news and headline news, and 3) losing the balance between quality and quantity. In terms of absolute volume, international news is inadequate. The international media coverage is mostly related to issues relevant to strong countries and the content is peripheral, superficial and biased to conflicting issues [2].

Likewise, the international coverage of news is partial, biased and incomplete in terms of both quantity and quality.

4. Analysis of Russia-related recent news in the Korean media

How do Korean media deal with Russia in its news coverage? Although this question should be answered accurately based on systematically collected data and comprehensive analysis, because of the time and space constraint, this study has conducted a simplified research to approach this question. For balanced analysis, both quantitative and qualitative analyses were conducted at the same time. Research questions 1, 2, and 3 are related to the quantity and the research question 4 is related to the quality. For quality analysis, inter-subjective analysis of image codes in video clips shown on KBS-TV in Korea was conducted. The following three research questions were set for the quantity analysis.

Firstly (research question 1), how much do the Korean media cover Russia-related issues recently and what have been the nature of the content?

Secondly (research question 2), how was Russia described in news clips that were related to Satellite Naroho in 2009.

Thirdly (research question 3), how was Russia described in news clips that were related to attacks against Korean students who had lived and studied in Russia?

Fourthly (research question 4), how was Russia described in recent video clips shown by KBS-TV?

The background of derivation of the above-mentioned questions is that the focus of the media and Russia agenda of the Korean people can be figured out by observing the recent media coverage on Russia. In particular, the launch of the Satellite Naro was a historic project carried out together with Russia so it drew tremendous attention from the Korean people although it failed. Also, the attack launched against Korean students and the death of a Korean student in Moscow was a shocking incident (Agenda) that had rarely happened since the diplomatic relations were established between Korea and Russia in 1980s. In order to find answers to the research question 1, news articles for the closest month (Mar. 24, 2010 ~ Apr. 23, 2010) covered by «Yonhap News», which is a representative News agency, were analyzed. To answer the research question 3, news coverage by KBS-TV for 1 month is considered from Feb. 19, 2010 to Mar. 14 2010 right after the incident. To answer the research question 4, KBS-TV video clips on 'The plane crash of the Polish President' and the 'Russian subway bomb terror' were analyzed.

«Yonhap News» is a representative news agency that provides overseas news to the Korean media, so it was thought that it is the most appropriate source to analyze the overseas news items circulated in Korea with the news from the agency. Also, KBS-TV showed in a public survey that it is the most influential news media in Korea.[3] The results of the analyses are as follows.

1. Research question 1 (Analysis of Russia-related news items from Yonhap News) result

[3] According to a survey conducted by the Korea Press Foundation, the most trusted media were TV (60.7%) followed by the Internet (20%), Newspaper (16%), Radio (2.7%) and magazines (0.4%), 2008 Media Recipient Recognition Survey, Korea Press Foundation, 2008, 9, P. 122.

Positive news[4]: 38, neutral news[5]: 13, negative news[6]: 35. Positive and negative news are almost the same in terms of the quantity. Compared to them, neutral news items were not many. It was not statistically processed to analyze the difference but it turned out that the quantity is similar between the positive and negative news. However, the fact that negative news is as frequent as positive news can have a negative impact on forming a cognitive image about the counterparty. Notably, in the case of negative news items, similar news articles repeatedly appeared (trace coverage), which might reinforce a negative image and make a strong agenda-setting effect (McCombs and Shaw, 2004) or priming effect (Roscos and Carpentier, 2009). Such phenomena have been explained as a cultivation effect by Rosengreen. The nature of journalism such as "If a dog bites a human being, it is not news, but if a human being bites a dog, it is news" has applied to media coverage on Russia to some degree.

2. Research question 2 (Analysis of KBS news coverage on Satellite Naroho) result

Unfortunately, the Satellite Naroho launch that drew the attention of the entire people in Korea failed. This project was initiated based on technology provided by Russia; hence, if it had succeeded, the image or recognition of Russia by Korean people would have been greatly improved. The cause of failure and questions about the level of Russian technology, and the issue of accountability by Russia emerged. Although these issues have not influenced bilateral relations, the issues were sensitively addressed because of the high expectation on Naroho, which was fostered by the media.

From August 25, 2009 to October 17, 2009, there were a whopping 177 news clips that dealt with Satellite Naroho. It is a very rare situation for KBS-TV, which shows numerous programs from morning to night (Monday-Sunday), to focus on a single item as much as this. It reflects how important this issue was to the nation and how much KBS considered it. The major headlines are "Naroho, half success," "Russia, no problem with stage 1 rocket," "Stigma of Naroho, do not provoke Russia," "Core astronautical technology by our own hands," "Naroho, challenge again with hope," "Failure of Naroho, problems in fairing separation process," "National audit on Naroho failure," "Agreement on forming a joint investigation committee to find out the cause of failure," and "Accident type unclearly specified on Naroho contract." The most neutral headline is "Naroho, half success." Even though there have been various kinds of perspectives on the cause of the failure, KBS wrapped up the controversy by saying that it was a half success. This may be intended to conclude the issue smoothly, appeasing public sentiment and imbuing Koreans with hope.

It was decided to relaunch Naroho on June 9, 2010. Attention from the media and the people will be paid to the process. If it goes well, the people will cheer again and the media will dance with them. If it fails again, however, the general public opinion will change its direction depending on the direction of media coverage. Therefore, Korea as well as Russia should do their best to succeed this time (already done at the time of this conference).

3. Research question 3 (Analysis on the KBS news on the murder of a Korean Student studying in Russia) result.

It is very rare that a foreign student is attacked or even murdered without special reasons. It is quite natural that such an incident makes a bad impact on bilateral relations. It is also natural that the media focus on the incident. People will wonder why and they will have concerns over the nation where the student was murdered. Eyes will be on the effort and sincerity of the nation in investigating and resolving the case. The news coverage by KBS-TV from February 19, 2010 to March 14, 2010 was analyzed. During this period, KBS-TV dealt with 41 news items related to the incident, which is a high proportion as a single item. The incident was focused on more than any other items, and most reports were negative.

A lot of articles that provoked the general public were overflowing and some went beyond simple coverage such as "Korean student murdered," and "A ceremony held to commemorate the deceased Byoung-gil Gang." For instance, "Large-scale operation for 10 hours," "Physical attack without specific

[4] Positive news has hopeful, futuristic, culture-oriented, reality improving, friendship-focused, and cooperative values. Specifically, the news that belongs to this category is "Samsung Electronics Launching 3DTV first in the Russian market," "Russian Airport Situation got better from the European Volcanic Ashes," "Russian Young Generation Competing in the Korean Culture Performing Contest," "Korea Communications Commission Signing MOU with Russia," "Top Russian Singer Celebrating 20 years of Diplomatic Relation between Korea and Russia," and "Sochi, Busy Constructing a Ski Slope."

[5] Neutral News: news items which are neither positive nor negative. Simple facts without specific values are the major content. Specifically, "Russia Mosfilm Retrospect," and "Summit Meeting between Russia and Ukraine" are the neural ones.

[6] Negative News: Destructive, violent and unhappy news items belong to this category. These items are dark, gloomy, backwards, war-oriented, and unproductive. Specifically, items that belong here are "Russian Plane Crash in the Philippines," "Russian Subway Bombing Terror," and "Another Russian-made Plane Crash…Global Shame."

reasons," "Concerns emerging in the Korean community in Russia," "Korean students, kept silent after beating," "Korean students in Russia, exposed to terrorist attacks without protection," "Russian police, remaining passive," "Foreigners in Russia, fearing terrorist attacks," and "71 people suffered from racial terrorism last year" are the provocative headlines that made Korean people develop extremely negative opinions about Russia. According to the general media effect theory, the general public believes the reality is much more dangerous than the media coverage. Indiscriminate violence against foreign students or foreigners must serve as an occasion to facilitate negative opinions about Russia among people.

When images are combined with text, the impact is all the more shocking. The collapse of family members, moving the dead body, a person bleeding after attack, brutal terrorists, and lethargic police are images that created extremely negative impressions. Images on TV are more provoking, real and condensed than comprehensive coverage. Thus, TV has a stronger influence on forming attitudes than any other media.

4. Research question 4 (Qualitative analysis on KBS-TV video clips that dealt with the Plane Crash of the Polish President/Moscow Subway Bombing Terror) result.

The media has recently covered two important incidents in Russia. One is the plane crash of the Polish President (Analyzing news from KBS-TV ¡°News on the Globe¡» on April 12, 2010) and the other is the Moscow subway bombing terror (March 29, 2010 ~ April 11, 2010). The subway bombing was covered longer that the other because it was the second terrorist attack. These two cases were globally serious incidents so inter-subjective video clip analysis was tried. Quantity examination is important but quality analysis is also crucial for in-depth understanding of the content. Geertz (1973) once defined this method as a thick description.

1) News Coverage on the Plane Crash of the Polish President

News clips from <News on the Globe>, a news program of KBS-TV, were analyzed. The destroyed plane showed the appalling site of the accident. The stern look of Putin, the Russian prime minister, showed his effort to suppress his emotion. The two policemen appeared lethargic and untrustworthy. This impression might be the resulted of their calm attitude, neither nervous nor agitated. The voice of a reporter, saying "The pilot ignored instructions from the control tower and unreasonably attempted to land" was not persuasive, which might invite more suspicion about the accident. The pilot was dead so could not make any answer to such an accusation but the question of how a pilot could ignore orders from a control tower still remains. Suspicions ballooned as a news clip prepared by KBS-TV on April 14 titled, "A Polish policymaker blames Russia for the plane crash" showed on TV while the responsibility of Russia wasn't mentioned at all.

Although it was just a superficial view of the accident site, this coverage contributed to making the accident more grievous. After watching the images, viewers developed negative opinions such as "Pathetic and unsecure Russian air security," "Passing the buck," "Not dedicated to sorting out and investigating the accident," and "No responses from a weak nation."

2) Coverage on the Moscow Subway Bombing Terror

This incident was covered from March 29 to April 11. KBS-TV used the images of wars with Chechen as source data, implying that the background mastermind is Chechen. The frightened and anxious citizens were afraid of taking subways, but they had no other options, so the situation was literally miserable. The close up image of a woman with a mask on her face gives a clue of who the criminal was. For terrorists, it is an honorable war for their own nation, but those on TV were nothing but a group of criminals. The image of bleeding victims on the street reinforced such a perspective. Images of the broken subway and destroyed buildings augmented the anxiety of viewers. The subtitle, "Terror alert across Russia," implied that such a terrorist attack could be launched anywhere at anytime. Also, the fact that the subway terrorist attack took place twice was stressed, which would make not only Russian citizens but also foreign tourists shun Russia. This is similar to the stigma that Korea got from foreigners as a "nation in jitters" which might resulted from news coverage on skirmishes between the South and the North that are easily forgotten by Koreans but not by foreigners outside.

5. Conclusion

Many people have a keen interest in Russia-related media coverage. The media of both nations should address mutual issues more analytically and rationally, not superficially and provocatively. The focus should be not on national interest but on better understanding between the related parties. Qualitative coverage is more critical than quantitative coverage. Accuracy, depth, comprehensiveness and expertise should be emphasized. For the further development of bilateral relations, the following sug-

gestions are made as a conclusion.

Firstly, cooperation between both Korean and Russian media is needed. Exchange of articles, education, and a regular critique on each other's counterparty's articles are cases in point.

Secondly, attention and interest from Russia to the Korean media are needed. The Russian embassy in Korea should provide news briefing and reporting items quickly and periodically.

Thirdly, efforts should be made for both nations to pay more attention to the other countries media coverage. Korea should also develop more interest in Russian journalists and media that covers Korea interests.

Fourthly, systematic monitoring of media coverage is needed at either the government or the citizen level. Messages that request correction to the media should be delivered so that corrective actions can be taken immediately.

Fifthly, when it comes to international issues in particular, TV should refrain from sending out provocative and sensational images and focus more on qualitative reporting (stressing ethics).

Finally, we cannot understand the world with fragmented news only. Before understanding the news, we should also understand different world cultures and life styles. From such a point of view, we should not concentrate solely on the media news, but we need to expand cultural software such as movies and videos in exchange.

In conclusion, we should take a great effort to activate communication and media communication so that our exchange after many decades, may bear the fruit of favorable relations through mutual understanding and cooperation.

REFERENCES

1. Althusser, Louis, Lenin and Philosophy and Other Essays, New Left Books; London, 1971, PP. 136–137.

2. IPI, The Flow of the News, Zürich, 1953.

3. Jaksa, James A et. al., Responsible Communication, 1996, P. 215.

4. McCombs Maxwell and Shaw, Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion, Cambridge, UK: Polity Press, 2004.

5. Nightly, Phillip, The First Casualty, From the Creamea to Vietnam: The War Correspondent as Hero, Propagandist and Myth Maker, New York: Harcourt, Brace, Janovich, 1975.

6. Potter, W. James, Media Literacy, Sage, 1998, P. 111.

7. Roscos-Evoldsen, David R. and Carpentier, Francesca Dillman, Media Priming: An Updated Synthesis, in *Media Effects: Advances in Theory and Research*, ed. Jennings Bryant and Mary Beth Oliver (NY): Routledge, 2009.

8. 김문종(Moon-Jong Kim), "『매일신보』의 러시아에 관한 기사 내용분석: 러시아 혁명기(1917 년 11 월~1920 년 2 월)를 대상으로", 『한국언론학보』, 제 49 권 4 호, 2005, 8.

9. 김원용(Won-Yong Kim), 1989), '텔레비전 시청과 공산권 국가 인식 및 태도에 관한 연구, 신문학보 제 24 호, 한국언론학회.

10. 동아일보(Dong-a Daily) 1990. 9. 4.

11. 박종수(Jong-Soo Park), 『러시아와 한국』, 서울: 백의, 2001, P. 181.

12. 변동현(Dong-Hyun Byun), 신국제정보질서와 동구권과의 커뮤니케이션 연구, 1990. 9, 전남대학교 사회과학연구소 세미나 발표자료.

13. 서정우(Jung-Woo Suh), 『국제커뮤니케이션』 나남, 1987, P. 29.

14. 장행훈(Haeng-Hoon Jang), "글라스노스트와 소련언론", 사회주의 국가 언론, 한국언론연구원, 1989, 142-15.

IMAGE OF KOREA AND KOREANS IN RUSSIAN PRINT AND INTERNET-EDITIONS

Y.V. Agranat

L.V. Ivanova

Agranat, Yulia Vladimirovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department at the Far Eastern State Transportation University.

Ivanova, Larisa Vladimirovna – Candidate of History, Associate Professor of Foreign Languages Department at the Far Eastern State Transportation University.

This article considers the value of ethnic image in interethnic relations and the role of mass media in the formation of this image. The authors analyze the image of modern Korea in Russian printing and internet-editions.

Key words: ethnic image, Korea, mass media.

One of the basic features of modern society is rapprochement between peoples, globalization of the world. The multiethnicity of the world, of many countries and regions, the intensification of economic, political and spiritual relationships of peoples occurs in multicultural environment and strengthens relationships between people of different nationalities and religions. Any country – whether a nation state or a historico-cultural area seeks to coin its image. An image of a country is one of the main ways of its own self-identification, it is a sign model, mediating ideas about nationality and its members through some concepts and opinions.

The scientific works of S. Chugrov, S.M. Mezenin are devoted to a study of the concept "image." [19, 11]. The image is "a result of imprinting, it is something like an imprint, which assumes the presence not only of action, energy, but perceiving beginning, in which the energy is reflected, for which it influences and makes out. The image is the result of reflection of the object in consciousness. The image is subjective and objective at the same time" [18].

An image plays an important role in a person's behavior, it regulates behavior and performs the functions of activity control. It occurs also in international relations.

The ethnic image is a form of ethnos description, where the most significant and typical properties are selected and are based on sensual perception of one's own or other's ethnos by which a person motivates his or her behavior. Such an image reflects the collective notion of members of some nationality about themselves (intraimage) or about members of other peoples (extraimage). There are some peculiarities of a person's outward appearance in ethnic image, which are typical for the people given: a Russian man is often represented in a fur-hat or sheepskin coat, a Byelorussian – in a straw hat, a Ukrainian woman – in a wreath made from bright flowers. The ethnic image changes in accordance with temporal and social changes in peoples lives.

Emphasizing some specific feature of a person's extrinsic behavior, the ethnic image forms a general idea about the ethnic appearance of representatives of various ethnos.

When we use such words as German, Englishman or American we put much more into them than simple name of a representative of a nation. We mean some specific appearance connected with racial peculiarities, character traits, temperament and belonging to a certain religion. We usually associate all these qualities with the prevailing landscape characteristics of ethnos' place of living. Thus, we can easily understand that the ethnic image is a rather complex element of ethnic awareness, because territorial, sociohistorical and cultural peculiarities of life of the whole ethnos are summarized in one physical type of a person. In other words in a concrete ethnic image there is a personification of the people and the country at the same time. That is why the ethnic image is a kind of model in accordance with which a person motivates his own behavior and expects definite behaviors from real ethnic preimages.

It should be mentioned that such images exist and work in cross-cultural communication. For we are inclined to perceive a person, above all, in the context of an ethnic image and we are very much surprised, if a particular man differs from this image. Therefore orientation only to ethnic images in cross-cultural communication can lead to great mistakes. Nevertheless, when making contact with representatives of other ethnos it is advisable to know our own ethnic image in

the eyes of others, since they will meet us exactly within the frameworks of this image on first contact.

Numerous scientific studies (E.O. Khabenskaya, V.K. Malkova, T. Polikanova) emphasize the substantial role of mass media not only in reporting ethnic aspects of life but in regulating of interethnic relations as well. According to V.K. Malkova "… two striking phenomena of these days – ethnicity and mass media enlightening, entertaining and affecting people's views and behavior in particular ways, play an essential role in the life of modern society. People's views and ideas as well as interethnic relations, interethnic tranquility within a region, country and the world in general depends on how ethnic information is brought by mass media" [10].

Mass media undoubtedly influences life styles and ways of thinking of its audience. A person interprets reality more often not from his personal perception, but through its reflection in mass media, through an image of this reality formed by them. Supporting this, the whole set of such myths created by mass media impresses not only certain behavior types, but also develops definite mindsets.

The role of mass media in a modern society is rather important and growth of such significance is connected with their profound and diverse impact on everyday life. Mass media create and spread knowledge about society, about principles of its organization and function and create and reproduce normative images and models of behavior, thus participating in the process of formation of social reality [12].

Through magazines, newspapers, movies, television broadcasts and Internet usage the audience forms images which then become widespread and are reproduced by people in everyday life. Here the general reader and the gross audience have an option because orienting only to his own world outlook a person can choose an appropriate product made by mass media.

Sometimes accidental but more often purposeful development of ethnic images and stereotypes expanding or on the contrary narrowing people's ideas about ethnoses directly influence interethnic or interstate relations, creating strengthening interethnic peace and tranquility in regions or on the contrary – creating tension and potential conflict.

Image as an information model made by the mass media is an object of study in many sciences: philosophy, sociology, psychology, linguistics and political science. There is no doubt that mass media is one of the main means of influencing public awareness. Perceiving material, processing and learning information made by mass media forms a certain image (information model) in a person's mind.

Manipulation of mass consciousness with the help of images and stereotypes can be realized through tolerant or conflictive ideas, accompanying such information. A journalist or editor is usually aware of the type of article he or she is to publish – benevolent or vice versa. This is connected with definite information reasons as well as with political orders. Authors of materials know well that by giving any information it is possible to make different emphases by the help of some journalistic techniques, thus understating or repressing some aspects of a fact. That is why an image of people depending on a journalist's knowledge, professional competence and goals can be represented as positive or negative.

Ethnic stereotypes in the press are as a rule emotional and vivid which is why they stay in readers' memories and influence ideas in the sphere of interethnic relations.

In our case we are interested in the image of Korea in the Russian mass media.

First of all, international relationships are reported by central newspapers because regional newspapers are mainly concentrated on reporting local events. To reveal the image of Korea and Koreans in Russian print and internet-editions the authors used the most popular and widely read central editions such as «Аргументы и факты» («Arguments and facts»), «Известия» («Izvestia») and «Российская газета» («Rossiyskaya Gazeta») and their print clones and periodical internet newspapers *Lenta.ru* and *Dni.ru* [6–9, 13–17].

It should be noted that in the print and internet-editions mentioned above sufficient attention is given to Korea. An exception is the newspaper «Аргументы и факты» («Arguments and facts»). Thus, for the period from January 1st to May 1st 2010 there was only one article devoted to Korea and it concerned South Korea. In the print media there are fewer publications about Korea than in the electronic media. Material feed on the Republic of Korea and the PRK is approximately the same. There were 8 articles in «Российская газета» («Rossiyskaya Gazeta») on North Korea and 7 articles on South Korea for the same period. In the print clone of «Rossiyskaya Gazeta» there were about 240 articles about PRK and almost 90 articles about South Korea [14]. In the internet-newspaper Lenta.ru (www.lenta.ru) one can find about 30 articles on North Korea and just over 50 articles on South Korea [7], [8], [9].

However in spite of the quantitative equality of materials devoted to South Korea and North Korea we can see differences in their tone and character.

Take notice of the headlines of articles devoted to the Democratic People's Republic of Korea. The Internet newspaper «Дни.ру»: Северная Корея испыты-

вает терпение мира (North Korea tests the patience of the world), Северная Корея нервирует соседей (North Korea makes neighbors nervous), Северная Корея провела ракетные пуски (North Korea launched rockets), Корея грозит соседям радиоактивным дождем (Korea threatens its neighbors with radioactive rain), КНДР готовит атаку на Гавайи (PRK prepares attacks on Hawaii), КНДР готовит беспощадное оружие (PRK prepares ruthless weapons) [6]. «Лента.ру»: Северная Корея запланировала третьи ядерные испытания (North Korea has planned a third nuclear test), В Северной Корее прошли масштабные военные учения (Large-scale war drills were held in North Korea), Северокорейский суд приговорил американца к восьми годам лагерей (North Korean court sentenced Americans to 8 years imprisonment), КНДР пригрозила США последствиями за "психологическую войну" (PRK threatened the USA with consequences [9]. The print clone of «Российской газеты» («Russian newspaper»): От Северной Кореи ждут новых ракетных пусков (New rocket launches are expected from North Korea), В Северной Корее за подрыв экономики казнили бывшего главу Госплана (The former chief of the State Planning Committee was executed in North Korea), За встречу с Ким Чен Иром Пхеньян требует от Сеула "огромной экономической помощи" (Pyongyang wants Seoul to give “enormous economic aid” for meeting with Kim Jong-il) [13].

It is necessary to note that the headlines have a shocking, sensational character. Most probably this could explain the results of the research which showed that readers were more interested in articles about North Korea [1].

The articles mainly concern the leader of the country, his sensational statements and states of emergency in North Korea. Vivid linguistic means such as the use of epithets, personification and metaphors appear in the materials. The words “threat”, “weapon”, “execution” strike the readers’ eyes too often.

The authors suppose that the readers of these articles perceive the image of North Korea as a threatening state able to take extreme measures. Firstly, this is probably related to the presence of a nuclear threat from North Korea, secondly, with the desire of Russian journalists to attract the attention of the audience by sensational material.

In spite of such an aggressive image of North Korea in Russian media, public opinion research in Russia shows that it is not associated with the North Koreans themselves. Thus the survey carried out by newspaper “Комсомольская правда” (“Komsomolskaya Pravda”) showed a friendly attitude of its readers to North Koreans [6]. This seems to be connected with the legacy of Soviet-era propaganda, which promoted friendship between the USSR and the PRK. The image created in those days is much mythologized, but, nevertheless, it would be desirable to keep it friendly. The authors see that such an image may eventually be destroyed by the material feed that is observed in contemporary Russian media, which subsequently has a negative impact on the character of Russian-North Korean relations.

In contrast to materials on North Korea, articles about South Korea have a reserved and neutral tone. Many articles are related to preventive measures that the country is taking in case of military actions by North Korea, to the activities and achievements of the largest industrial corporations such as «Samsung», «Hyundai», «LG», «Daewoo» etc., as well as meetings between official representatives of our countries.

Here are some typical examples of the titles: «Корейский корабль потопила торпеда КНДР» («Korean boat was sunk by PRK») [4], «Южная Корея будет создавать совместно с США систему региональной ПРО» («South Korea will set up a joint system of regional defense with the USA») [13], «Южная Корея поймала двух шпионов-убийц» («South Korea catches two spies-assassins») [5], «Гражданина Южной Кореи задержали за шпионаж в пользу КНДР» («South Korean arrested for spying for North Korea») [7], «Южнокорейская армия получит самые мощные БМП в мире» («South Korea will get the most potent APC in the world») [8], «Лучшее в мире электронное правительство находится в Южной Корее» («World’s best e-government is in South Korea») [14], «Корейские зарядные устройства для мобильников стали всемирным стандартом» («Korean charger devices for mobile phones have become the global standard») [9], «Главный аэропорт Южной Кореи признан лучшим в мире пятый год подряд» («The main airport in South Korea has been acknowledged as the best in the world over the past 5 years») [15], «Сеул собрался на мировой рынок АЭС» («Seoul is joining the world market of nuclear power plants») [16], «Южная Корея построила самую длинную в мире дамбу» («South Korea has built the longest dam in the world») [17].

The most common words in the articles are “most” (faster, better, comfortable, modern, etc) and “protection”. As a result the reader has the image of a developed country with outstanding achievements in the field of high technology, which is in constant tension because of its northern neighbor. This image is very attractive for economic cooperation between our countries. However it does not stimulate other areas. The results of the Russian readers’ public opinion polls

given earlier demonstrated the shortage of knowledge about the inner life of South Korea and its citizens. It appears that elimination of this gap should be one of the tasks of the Russian media.

It would be preferable to see more materials on Korean culture, about ordinary people's lives, as well as serious articles about the political and entrepreneurial culture of Koreans. It would be desirable for closer cooperation between Russian and Korean media. It will be able thus to form an objective and full image of Korea and Koreans for Russian readers.

REFERENCES

1. Асмолов, К.В. Общественное мнение России о Республике Корея / К.В. Асмолов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ifesras.ru/attaches/conferences/2009_korean_conference/samolov_socium.pdf.

2. Водопьянова, Н.А. Информационная культура как фактор взаимодействия общественного и индивидуального / Н.А. Водопьянова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vod_ani.ru.

3. Демидов, А.И. Роль СМИ в жизни людей / А.И. Демидов, А.И. Акопов, Е.А. Карнилов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.style.html.ru.

4. Интернет-версия газеты «Комсомольская правда» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kp.ru/daily/23882.4/65636/.

5. Интернет-газета «Дни.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dni.ru/news/2010/4/20/ 190134.html.

6. Интернет-газета «Дни.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dni.ru/polit/2010/4/22/190263.html.

7. Интернет-издание Rambler Media Group «Лента.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lenta.ru/news/2010/04/12/spy/.

8. Интернет-издание Rambler Media Group «Лента.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lenta.ru/news/2009/11/30/k21/.

9. Интернет-издание Rambler Media Group «Лента.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lenta.ru/news/2010/03/18/korea/.

10. Малькова, В.К. Этничность и толерантность в средствах массовой информации (опыт исследования современной российской прессы) : дис. ... д-ра ист. наук / В.К. Малькова. – М., 2006. – 404 с.

11. Мезенин, С.М. Образность как лингвистическая категория / С.М. Мезенин // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – 57 с.

12. Поликанова, Т. Информационное обеспечение межнациональных отношений в России / Т. Поликанова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rau.su/observer/N4_2007/022_028.pdf.

13. Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rg.ru/2010/02/17/sistema-pro-site-anons.html.

14. Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2010/01/17/pravitelstvo-site-anons.html.

15. Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rg.ru/2010/02/23/aeroport-anons.html.

16. Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rg.ru/2010/02/18/seul-site-anons.html.

17. Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rg.ru/2010/04/27/damba-site-anons.html.

18. Хабенская, Е.О. Этнические стереотипы и ксенофобия в СМИ (по материалам мониторинга прессы столичного региона) / Е.О. Хабенская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ashpi.asu.ru/studies/2005/hbnskja.html

19. Чугров, С. Этнические стереотипы и их влияние на формирование общественного мнения / С. Чугров // Мировая экономика и мировые отношения. – 1993. – № 5. – 63 с.

PROBLEMS OF THE FAR EAST

FORMATION OF TRUST AS A CONDITION OF MODERNIZATION OF THE REGION

D.L. Galiullin

I.F.Yarulin

Galiullin, Damir Lutfullaevich – Candidate of Social Science, Associate Professor, Professor of the Department of Sociology, Politology and Regional Studies, Pacific National University (Khabarovsk)

Yarulin, Ildus Faizrakhmanovich – Doctor of Political Science, Professor, Chair of the Department of Sociology, Politology and Regional Studies, Pacific National University (Khabarovsk)

The authors consider the approaches to the definition of social and political trust and policy fields and distinguish different approaches to the reproduction of trust and distrust. They also suggest an approach to investing in regional social capital in order to use it in the strategies of political and socio-economic development of the region.

Key words: trust, distrust, social capital, political stability.

THE DEMOGRAPHIC POLICY UNDER THE CONDITIONS OF INCREASING OF ECONOMIC POTENTIAL OF THE FAR EAST REGION IN 1960-1980S

V.V. Sviderskaya

Sviderskaya, Valentina Vladimirovna – Candidate of History, Associate Professor, Department of Social Work, Komsomolsk-on-Amur State Technical University.

The author considers approaches to the formation of demographic policy aimed at retaining of the population formed under historical processes of the reproduction of population. The author also considers the process of formation of permanent population in the territory. The author defines the major directions of the socio-demographic policy in the region.

***Key words*:** demographic policy, demographic development, demographic modernization, birthrate and death rate; migrations, attracting labor resources, formation of permanent population, development of the complex of living conditions.

PROJECT "TUMANGAN" AND THE GEOPOLITICS OF EURASIA

V.A. Gaikin

Gaikin, Viktor Alekseevich – Candidate of History, Senior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Russian Academy of Science Far East Branch).

The author analyses the modern condition and the geopolitical implications of the project "Tumangan" which can be a catalyst for the formation of two antagonistic racial coalitions and racial war as a result of their confrontation (fighting for resources and territory) on the Eurasian space.

Key words: project "Tumangan", trans-border economic region, Transsib, trans-Korean railroad, Eurasian transport corridor, racial war.

FEATURES OF DETECTION AND INVESTIGATION OF SCIENTIFIC VALUES STEALAGE IN THE FAR EAST

D.V. Alyokhin

Alyokhin, Dmitry Vladimirovich – Candidate of Juridical Science, Associate Professor, Department of «Criminal law disciplines», Far Eastern State Transport University.

The paper deals with the problems of organization and activity of law machinery against scientific values stealage in the Far East. The author also presents Recommendations on enhancement of investigation practice.

Key words: initiation of criminal case, scientific values, investigation, property, expertise, criminal responsibility, stealage.

PERSONAL AUTHORITY OF A TEACHER OF RUSSIAN LANGUAGE AS A FACTOR OF PROFESSIONALIZATION OF FOREIGN STUDENTS IN HIGHER SCHOOLS OF THE RUSSIAN FAR EAST

A.A.Tsybulnic

Tsybulnic, Anna Alexandrovna – Senior Instructor, Department of Russian Language, Far Eastern State Transport University.

The article deals with specific features of intercultural educational process involving some difficulties in the process of formation of personal authority of a teacher of Russian language who teaches foreign students (Chinese and Koreans).

Key words: authority of a teacher, multi-cultural educational process, international educational cooperation, authority of a role, psychological reactions to foreign culture, communicative behavior, non-verbal communication, specific features of socialization, authoritative personality.

MEANS OF REALITY COGNITION AT THE LESSONS OF LITERATURE AT THE TECHNICAL LYCEUM OF THE FAR EASTERN UNIVERSITY

E.V. Tolmachyova

Tolmachyova, Elena Vladimirovna – Post-graduate student, Teacher of Technical Lyceum, Far Eastern State Transport University.

The modern education process has undergone considerable changes. Firstly, psychological reality has changed. The traditional educational paradigm “Knowledge-Skills-Practice” is aimed only at psychological reality – “to learn and to apply”. But there is another reality “Inclinations – Ability-Talent” that is not taken into consideration by the traditional paradigm. The author describes an attempt of theoretical and practical comprehension of the possibilities of artistic cognition of reality by the pupils of the lyceum at the technical university in the Far East.

Key words: artistic cognition of reality, cognitive activity, activities, subjective experience, quality of a person.

THE REFORMATION OF THE HIGHER SCHOOL IN RUSSIA: ON THE BASIS OF THE PUBLIC OPINION POLL RESULTS HELD IN SAINT-PETERSBURG AND IN THE RUSSIAN FAR EAST

Y.A. Tyurina

Tyurina, Yulia Alexandrovna – Associate Professor, Department «Sociology and Social Work», Far Eastern State Transport University.

The article deals with the problems of the reformation of the Higher School in Russia on the basis of the public opinion poll results held in Saint-Petersburg and in the Russian Far East.

Key words: Russian education, educational system, reformation of the Higher School

AUTHORS GUIDELINES

1. The journal publishes materials which have not been published before.

2. The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

3. Manuscripts of articles and other materials are to be recommended by the faculties of higher schools, laboratories and other structural divisions of scientific research institutions, research-methodological or academic conferences and seminars. Works by post-graduate students are accepted for publishing with references from their academic adviser.

4. The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.

5. The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board.

5.1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format (diskettes 3.5» and two copies of the original text (files)). If there are two or more diskettes, their numbers and files should be labeled on the diskettes. The names of files must be specified in the printed copy. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.

5.2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters. No other data is to be specified.

5.3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.1-2003. Font and line spacing, is the same as in the article.

5.4. Margins: top – 2 cm; bottom – 2 cm; left – 3 cm; right – 1 cm; the size of a paper – A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 14; line spacing – 1.5.

5.5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively.

6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered. Manuscripts will not be returned.

7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, scientific degree, academic status, place of work, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

8. An abstract of the article of 6-10 lines in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.

9. Please address the materials to the following address: 47, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021, Far Eastern State Transportation University (FESTU) Editorial board of the journal «The Humanities and Social Studies in the Far East».

E-mail: journal@festu.khv.ru

<mailto:journal@festu.khv.ru>.

Научное издание

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Научно-теоретический журнал № 2 (26) 2010

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *А.А. Иванова*
Технический редактор *О.В. Сенчихина*

Подписано в печать 21.07.2010 г. Поз. 11.2. Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 32,8. Усл. изд. л. 35,2. Зак. 211. Тираж 500 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.

В СЛЕДУЩЕМ НОМЕРЕ:

Выпускники и преподаватели философского факультета СПбГУ на Дальнем Востоке

ФИЛОСОФСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Марков Б.В. Проблема души и тела в философской антропологии

Пишун С.В. Религиозно-философское учение о душе архиепископа Иннокентия Борисова

Сердюков Ю.М. Проблема времени в околосмертном опыте

Филонов С.В. «Книга желтого дворика» и даосское учение о бессмертии

Савчук В.В. Опыт топологической рефлексии

Липский Б.И. Истина как средство коммуникации

Лившиц Р.Л. Ответственность человека перед историей: против эскапизма

Литвинский В.М. В поисках утраченной реальности: как читать Фрейда?

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Шкуркин А.М. Регионализация институциональной среды рынка труда российского Дальнего Востока

Аниховский С.Э., Ли Синь Становление и развитие ислама в Китае в XIII – XVII вв.

Пестушко Ю.С. Проблема неэквивалентной торговли японскими товарами в Приамурском крае и попытки ее решения правительством России (1905 – 1914 гг.)

Барыш А.Ю., Ахмыловская Л.А. Аналитический этап проекта инсценизации романа Тамао Ариёси «Мигавари» в литературном театре *Бук Ит*